

ВОЙНА И ОРУЖИЕ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

**Труды Десятой Международной
научно-практической конференции**
12–14 мая 2021 года

Часть III

Департамент культуры Минобороны РФ
Российская Академия ракетных
и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие

Новые исследования и материалы

**Труды Десятой Международной
научно-практической конференции**

12–14 мая 2021 года

Часть III

**Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС**

2021

УДК 351.852.1 + 355.48

ББК 79.1 + 68 + 63

В 65

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС
Научный редактор — *С. В. Ефимов*

Организационный комитет конференции

«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:

В. М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, академик РАН, заслуженный работник культуры Российской Федерации,

С. В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук,

С. В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, заслуженный работник культуры Российской Федерации,

В. И. Кобякова, начальник научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук,

Е. Г. Игнатьева, начальник научного отдела редактирования и допечатной подготовки Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие Новые исследования и материалы

Труды Десятой Международной
научно-практической конференции

В трёх частях

Часть 3

Информационная поддержка

Иллюстративный материал предоставлен авторами статей

На обложке: Атака русской конницы. Художник Е. Емельянов

ISBN

© ВИМАИВиВС, 2021

© Коллектив авторов, 2021

© СПБГУПТД, 2021

Н. А. Оводков (Санкт-Петербург)

**ВИНТОВКА ВОЛЬФА – СОЗДАННАЯ
И ЗАБЫТАЯ. К ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ
ПЕРВОЙ РУССКОЙ МАГАЗИННОЙ ВИНТОВКИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1870-х гг. И ИЗУЧЕНИЯ
АНАЛОГИЧНОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ СИСТЕМЫ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1880-х гг.**

В 1872 г. механик Сестрорецкого оружейного завода по фамилии Вольф (имя и отчество не известны. — **Н. О.**) разработал оригинальную систему питания для штатной русской винтовки обр. 1870 г. Через несколько лет неизвестные обстоятельства заставили Вольфа покинуть завод и прекратить работу над этой конструкцией. Результаты его трудов были забыты. Спустя некоторое время, в 1884 г., на рассмотрение русских специалистов поступила схожая и технически более простая конструкция, но на этот раз разработанная не русским мастером, а французским предпринимателем Эдуардом Александром. На изучение разработки Александра у специалистов Артиллерийского комитета ушло несколько лет, после чего было принято решение окончательно прекратить испытания французской конструкции.

В конце 1870—1880-х гг. армии ведущих стран мира приняли на вооружение магазинные винтовки разнообразных конструкций: Франция — Gras-Kropatschek M1874-78, Австро-Венгрия — Mannlicher M1886, Дания — Boman-Vitali M1871-78, Италия — Vetterli-Vitali M1871-87, Португалия — Kropatschek M1886 г., Турция — Mauser M1887, Япония — Murata Type 22.

Значительная часть перечисленных магазинных конструкций являлись переделочными, иными словами, были разработаны на базе уже существующей штатной однозарядной винтовки.

Русская армия пропустила этап перевооружения переделочной конструкцией, приняв на вооружение в 1891 г. 3-лин. винтовку Мосина.

В 1870-х гг. исследования и испытания магазинных винтовок в России носили хаотичный характер. Это было обусловлено тем, что совсем недавно была принята на вооружение казнозарядная винтовка обр. 1870 г.

На бумаге о первых проектах систем питания, разработанных на территории Российской империи, стало известно ещё в конце 1860-х гг. В ноябре 1868 г. г-н Лазарев заявил об изобретении им «скорострельного оружия, из коего можно производить от 40 до 56 выстрелов в минуту»¹. В 1869 г. В. Роберти (г. Полтава) обратился в Министерство внутренних дел с письмом о содействии его приезду в Санкт-Петербург для представления изобретённого им ружья, позволявшего производить стрельбу со скоростью 60 выстрелов в минуту². Конструкции Лазарева и Роберти были признаны неудовлетворительными и не подлежали изготовлению в каком-либо количестве для последующих испытаний.

В самом начале 1870-х гг. проект системы питания винтовки патронами был представлен генерал-майором В. А. Вельтищевым. На данный момент о ранней разработке Вельтищева известно лишь в качестве проекта, так как описания хода испытаний конструкции и их результатов в архивных документах автором обнаружено не было.

В 1872 г. свою разработку на рассмотрение специалистов ГАУ представил механик Сестрорецкого оружейного завода Вольф. Устройство Вольфа подразумевало установку на штатную 4,2-лин. винтовку обр. 1870 г. Процесс передачи технических работ происходил официально через руководство завода.

Полученный руководством завода ответ можно оценить как удовлетворительный: «По рассмотрению механизма, проектированного механиком Вольфом для обращения винтовок Бердана № 2 в магазинные, оказалось, что в отношении основной идеи приспособления и действия этого механизма предложение механика Вольфа заслуживает внимания и подробного изучения; что же касается самих деталей, то магазинный механизм Вольфа должен быть еще усовершенствован в виде придания ему большей прочности и удобства некоторых его частей»³. Стоит отметить, что Вольф мог допустить ряд ошибок в конструкции винтовки ещё на этапе её проектирования. Это связано с тем, что конкурс

на разработку отсутствовал, ведь совсем недавно было принята на вооружение однозарядная винтовка и ещё не возникла острая необходимость в разработке магазинной.

В 1872 г., представляя свою разработку, Вольф выступал как частное лицо вне всяких конкурсов: «г. Вольфу как частному лицу и притом невоенному не могут быть известны во всех подробностях условия, которыми должен удовлетворять военное оружие и в особенности винтовки Бердана № 2 только недавно у нас введённых...»⁴.

Военным ведомством по результатам рассмотрения конструкции в Сестрорецк был послан ряд условий, которые необходимо было выполнить для того, чтобы представить разработку на испытания в войска. Прежде всего Вольф был обязан доработать конструкцию согласно требованиям, применяемым к оружию в русской армии. Затем разработанной им системой питания следовало оснастить 50 штатных пехотных винтовок и 50 штатных карабинов и представить переделочные экземпляры в ГАУ. При этом важным условием был следующий пункт: «У половинного числа означенных карабинов и винтовок магазинный механизм должен быть отъёмным, а у остальных постоянный»⁵. И, наконец, последним условием, поставленным исключительно в отношении карабинов, была разная ёмкость устройства: сорок кавалерийских карабинов должны были быть оснащены устройствами ёмкостью на три патрона, остальные десять — на четыре патрона. Необходимое количество винтовок и карабинов для переделки завод мог получить со склада Петербургской крепостной артиллерии.

Вольф незамедлительно приступил к работе в Образцовой мастерской завода. В конце весны — начале лета 1872 г. были переделаны 29 карабинов. Из этого числа два карабина имеют яркую историю: экземпляр с заводским номером «23» был вручён Вольфом лично товарищу генерал-фельдцейхмейстера в мае 1872 г., а экземпляр с заводским номером «24» был представлен в Главное артиллерийское управление при рапорте управляющего заводом (от 10 июля 1872 г. за № 500) (ил. 1, 2). Оба карабина сохранились в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Оба карабина оснащены системой питания идентичной конструкции и отличаются, в первую очередь, ёмкостью устройства для помещения патронов (ил. 3). Система питания, разработанная

Ил. 1. Карабин обр. 1870 г. с ускорителем заряжания конструкции Вольфа ёмкостью на четыре патрона, опытная модель 1872 г., зав. № 23, общий вид. ВИМАИВиВС 100Ф 5/262

Ил. 2. Карабин обр. 1870 г. с ускорителем заряжания конструкции Вольфа ёмкостью на три патрона, опытная модель 1872 г., зав. № 23, общий вид. ВИМАИВиВС 100Ф 5/261

Вольфом, не являлась полноценным магазином, а лишь ускорителем заряжания, так как операции, связанные с перезарядкой, не могли осуществляться стрелком в положениях лёжа на боку и на спине — патрон не удерживался на линии досылания (ил. 4).

Ускоритель заряжания располагается с правой стороны винтовки, вдоль ствола и состоит из двух трубок: внешней и внутренней. Внутренняя трубка снабжена храповыми устройствами — загнутыми внутрь пластинками, позволяющими патронам

Ил. 3. Макет 4,2-лин. патрона находится на линии досылания в ствольной коробке карабина. ВИМАИВиВС 100Ф 5/262

продвигаться через корпус назад, к окну ствольной коробки. Храповое устройство не допускает движения патронов вперёд. Спереди ускоритель заряжания закрыт откидной крышкой, через которую патроны вкладываются при зарядании (ил. 5). Внешняя трубка являлась постоянной, внутренняя — подвижной. В нижней части корпуса всей конструкции имеются два прямоугольных выступа, с помощью которых ускоритель крепится к винтовке, будучи зажатым с обеих сторон ложевыми кольцами. Конструкция снабжена разобщителем взаимодействия затвора и ускорителя заряжания, представляющим собой металлический блок, опускающийся в специальный паз на гребне затвора и поднимающийся обратно (ил. 6, 7).

Ускоритель заряжания ёмкостью на четыре патрона имеет зав. № «23» и установлен на карабин с зав. № «24», а ускоритель ёмкостью на два патрона — заводской № «24» и установлен на

Ил. 4. Крупный вид на ускорители заряжания обоих карабинов

Ил. 5. Откидная крышка ускорителя заряжания. ВИМАИВиВС 100Ф 5/262

Ил. 6, 7. Разобщитель включён-выключен

карабин с зав. № «23». При попытке поменять местами ускорители и карабины было определено слабое место всей конструкции — устройства разной ёмкости не являются взаимозаменяемыми и напрямую зависят от расположения ложевого кольца и его фиксатора.

Указание установить ускоритель заряжания на винтовки пехотного типа было выполнено лишь частично — работа велась с шестью винтовками, выданными со склада Петербургской крепостной артиллерии. Две винтовки с заводскими номерами «828» и «181» и установленными на них ускорителями заряжания были представлены в ГАУ в июле 1872 г. (по рапортам от 6 июля 1872 года за № 484 и от 10 июля того же года за № 500)⁶.

Спустя некоторое время Вольф покидает Сестрорецкий оружейный завод по неустановленным до сих пор причинам⁷. На этом изучение в ГАУ его конструкции заканчивается, так и не достигнув этапа испытаний в войсках. В более поздней делопроизводственной и технической документации ГАУ автором не было обнаружено ни одного упоминания о Вольфе.

О дальнейшей судьбе карабинов и винтовок с установленными на них ускорителями заряжания известно также не много. Предпримем попытку проследить их дальнейший путь.

Двадцать девять карабинов из пятидесяти присланных на завод были снабжены ускорителями заряжания. Два карабина (с зав. № 23 и 24) из двадцати девяти были представлены на рассмотрение ГАУ и товарища генерал-фельдцейхмейстера.

Шесть винтовок из пятидесяти присланных на завод были снабжены ускорителями заряжания. Две винтовки из шести были представлены в ГАУ. Оставшиеся четыре хранились на заводе. Еще тринадцать винтовок «были разобраны в заводе в то время когда было приступлено мною к изготовлению чёрных частей для винтовок той же системы и розданы для руководства в мастерские»⁸. Оставшиеся тридцать одна винтовка со штыками к ним хранились на заводе. По рапорту в ГАУ от 24 мая 1878 г. за № 583 коммерческое управление завода предлагало принять тридцать пять винтовок (из них четыре переделочные), а разобранные тринадцать списать с учёта.

Спустя некоторое время, на рубеже конца 1870 — начала 1880-х гг. Артиллерийский комитет ГАУ начал систематически изучать и испытывать разнообразные магазинные винтовки. Чёткую структуру и регламент этот процесс получил в России

в 1883 г., с образованием Комиссии по испытанию магазинных ружей при оружейном стрельбище на Волковом поле и Комиссии при Офицерской стрелковой школе, являвшей собой некий прообраз современного научно-исследовательского института и проектного бюро.

Обеими комиссиями, действовавшими как единое целое, были намечены два пути подготовки перевооружения русской армии магазинными винтовками: переделка уже существующей штатной винтовки обр. 1870 г. в магазинную и разработка новой конструкции. Анализируя действия комиссий на протяжении 1880-х гг., можно отметить, что в 1883–1888 гг. специалисты шли и первым и вторым путями, но акцент делали на оснащении системой питания патронами штатной винтовки обр. 1870 г.

Объявленный конкурс поспособствовал небывалому росту в сфере разработки и конструирования оружия. Свои проекты по разработке магазинной винтовки для русской армии предлагали не только специалисты-оружейники, оружейные мастера заводов и мастерских, но и обыватели различных сословий, имевшие страсть к этому делу.

Одним из таких обывателей стал Эдуард (Эдуар) Александр (Edouard Alexandre, 1824–1888), французский фабрикант и владелец фабрики по производству музыкальных инструментов «Orgues Alexandre Père et Fils», офис которой (с 1872 г.) располагался в Париже по адресу 106 rue Richelion.

На первом этапе изобретательской деятельности Александр представил проект ускорителя заряжания оригинальной конструкции для установки его на штатную французскую винтовку конструкции Гра обр. 1874 г., «приспособив с левой стороны ружья, у скользящего затвора, небольшой металлический цилиндр (постоянный магазин), вмещающий в себя три патрона»⁹. Изобретатель также предполагал снабжать стрелков, вооружённых переделочной винтовкой, дополнительным ускорителем заряжания, который представлял из себя «гальванизованную металлическую коробку, вмещающую в себя 4 патрона и снабжённую на одном конце небольшой трубкой, вставляемой в головное отверстие постоянного магазина (цилиндра), прикреплённого к стволу. Для укрепления магазина к нему приделан внизу пружинный крюк»¹⁰. По расчётам Александра винтовка становилась семизарядной и допускала стрельбу со скоростью семь выстрелов в восемнадцать секунд.

Однозарядная штатная винтовка Gras M1874, оснащённая ускорителем заряжания конструкции Александра, по указанию военного министра Франции была испытана специалистами Шалонской стрелковой школы 30 января 1884 г. Результат испытаний был оценён как удовлетворительный: «несколько стрелков, взятых наудачу и совершенно незнакомых с вышеупомянутой системой ружей, даже при употреблении одного постоянного (трёхпатронного) магазина могли производить до 15 выстрелов в минуту»¹¹. Французские специалисты охарактеризовали трёхпатронный магазин как удачный и даже указали на отсутствие необходимости использовать дополнительный четырёхпатронный. Таким образом, переделочная конструкция выдержала первый этап испытаний и была возвращена автору на дальнейшую доработку.

В то время как в Шалоне проходили испытания винтовок, в Париже в это время находился русский военный агент Л. А. Фредерикс, который внимательно следил за ходом всего происходящего. Его заинтересовала разработка Александра, и он принял решение произвести установку ускорителя заряжания на штатную русскую винтовку обр. 1870 г. за свой счёт, договорившись при этом с автором конструкции не изготавливать и не применять переделочные винтовки без согласия с последним.

До сих пор не известно, произошла ли переделка одной русской винтовки обр. 1870 г. на деньги Фредерикса, но материалами, которые он отправил в отдел по оружейной части Арткома ГАУ, заинтересовались русские специалисты. От них поступило предложение, аналогичное тому, что высказывал Фредерикс, а именно: произвести переделку русской винтовки в качестве эксперимента, но не заключая при этом никаких договоров с французской стороной. По всей видимости, переделка не была осуществлена, так как во второй половине 1884 г. Александр прислал в Артком новую модель ускорителя заряжания, ёмкостью на два патрона, и патронную сумку к ней: «к левой стороне ствольной коробки была привинчена продольная, закрытая с концов трубка, служащая магазином для двух патронов, лежащих в ней продольно, один за другим. Магазиновая трубка наполняется патронами через окно, расположенное на верхней производящей трубки близ переднего конца последней, а для вывода патронов из неё в ствольную коробку имеется боковое окно против патронного хода этой коробки»¹².

Ил. 8. Винтовка пехотная обр. 1870 г. с ускорителем заряжания конструкции Александра ёмкостью на два патрона, ранняя опытная модель, зав. № 12806, 1884 г. и., С.О.З. ВИМАИВиВС 100Ф 5/266

Представленную модель ёмкостью на два патрона испытали в Офицерской стрелковой школе, а затем отправили на дальнейшие испытания в Комиссию по испытанию магазинных ружей (ил. 8, 9). Результат испытания русскими специалистами

Ил. 9. Ранний вариант ускорителя заряжания цилиндрической формы, ВИМАИВиВС 100Ф 5/266

оказался неудовлетворительным — безотказность действия винтовки во время стрельбы сильно зависела от действий стрелка и расположения патрона на линии досылания. Стрелок обязан был контролировать ход патрона на всём его пути, особенно в тот момент, когда винтовку необходимо было наклонить вправо и вперёд, чтобы патрон из ускорителя заряжания попал в патронник. Кроме того, патрон не удерживался на линии досылания никакими приспособлениями, что не давало возможность стрелку осуществлять перезарядку лёжа на боку или на спине. Такие особенности устройства позволяют отнести систему питания Александра к группе ускорителей заряжания, но никак не к полноценным магазинам.

В 1885 г. Александр продолжил работу над усовершенствованием конструкции ускорителя заряжания. Весной 1885 г. он отправил в Артком ГАУ сто экземпляров модифицированных ускорителей заряжания ёмкостью на два патрона и сто патронных сумок (патронташей) к ним. Главным отличием этой модели от предыдущей стала форма ускорителя, бывшая ранее цилиндрической, а теперь заменённая на цилиндро-коническую (ил. 10, 11). Со стороны Александра это было сделано безвозмездно, но с условием того, что русские специалисты укажут на слабые

Ил. 10. Винтовка драгунская обр. 1870 г. с ускорителем заряжания конструкции Александра ёмкостью на два патрона, поздняя опытная модель, зав. № 13138, 1882 г. и., И.Т.О.З.. ВИМАИВиВС 100Ф 5/263

места в конструкции после испытаний. Помимо этого, им была представлена информация о том, что вскоре он планирует представить на рассмотрение русским специалистам винтовку уменьшенного до 8 мм калибра, снабжённую «изолятором для руки ("garde-main isolateur")»¹³.

Ил. 11. Поздний вариант ускорителя заряжания цилиндрико-конической формы. ВИМАИВиВС 100Ф 5/263

Присланные весной 1885 г. ускорители были направлены в инструментальный отдел Петербургского завода. Там они были установлены на винтовки обр. 1870 со следующими заводскими номерами: 14160, 11867, 11398¹⁴, 8565¹⁵. Программа для их испытаний состояла из следующих этапов: а) одну из винтовок подвергнуть испытанию пропиленными патронами; б) произвести стрельбу из всех винтовок, определив лучшую по результатам, а затем сравнить с экземплярами, которые были испытаны в 1884 г. в присутствии самого Александра; в) при стрельбе обратить внимание на удобство или неудобство использования новых патронных сумок сравнительно с сумками прежнего образца; г) испытать степень сопротивления общей конструкции при падении и ударах. В итоге весной 1885 г. образцовыми для дальнейших переделочных работ были признаны винтовки с заводскими номерами 14160¹⁶ и 11867¹⁷ (ил. 12). Александр, присутствовавший лично на испытаниях, был согласен с принятым решением¹⁸. Обе винтовки, несмотря на хорошие результаты во время стрельбы, не выдержали последнего этапа испытания. На корпусах ускорителей заряжания в той или иной степени были замечены следы деформации от ударов при падении.

Ил. 12. Винтовка пехотная обр. 1870 г. с ускорителем заряжания конструкции Александра ёмкостью на два патрона, поздняя опытная модель, зав. № 11867, 1884 г. и., С.О.З. ВИМАИВиВС 100Ф 5/264

В результате испытаний 1885 г. Офицерской стрелковой школой было предложено изготовить семьдесят пять экземпляров винтовок обр. 1870, оснащённых ускорителями заряжания конструкции француза Александра для испытаний в войсках. Предложение было одобрено Комиссией по испытанию магазинных ружей. Принятое решение означало, что передельная винтовка будет участвовать в сравнительных испытаниях рядом с конструкциями русских оружейников (Христинича, Лутковского, Роговцева) в следующих частях: 1-м стрелковом е. и. в. батальоне, Офицерской стрелковой школе, Офицерской кавалерийской школе и Комиссии по испытанию многозарядных ружей. Помимо запланированных 75 передельных пехотных винтовок, на Сестрорецком оружейном заводе собирались изготовить еще и 25 драгунских передельных винтовок, используя для этого ускорители заряжания ёмкостью на три патрона, хранящиеся в размере двух сотен экземпляров. К январю 1886 г. винтовки были переделаны, осмотрены и готовы к отправке в войска.

Винтовки с ускорителями заряжания не прошли войсковых испытаний 1886 г. — стрелкам было неудобно использовать ускоритель заряжания, так как «перемещение патрона из магазинной трубки в коробку ствола должно происходить в системе Александра только вследствие собственной тяжести патрона»¹⁹. Этот недостаток еще более усугублялся двумя выявленными отрицательными характеристиками конструкции: а) склонность к деформации корпусов ускорителей заряжания при падении на твёрдые предметы, что вело к тотальному сбою в работе механизма; б) стрелок не мог позволить себе перезарядить винтовку в любом положении, например, лёжа на спине или на боку — патрон, находящийся на линии досылания, выпадал, стоило немного перевернуть оружие на бок — это в значительной степени стесняло стрелка в его движениях.

В 1886 г. оружейный отдел Арткома ГАУ и Особая комиссия подтвердили непригодность установки ускорителей заряжания конструкции Александра на штатную русскую винтовку обр. 1870 г.

В том же году, как и обещал ранее, Александр предложил на рассмотрение Арткома три русские винтовки обр. 1870 г., снабжённые ускорителями заряжания и уменьшенные в калибре: «калибр винтовок уменьшен Александром до 8,4 мм / 3,34 лин / нарезы числом 10 делают один оборот на 27 сант. / 10,5 д. / т. е. на один около 32 калибров»²⁰.

Из трёх винтовок, представленных Александром, одна была оснащена ускорителем ёмкостью на два патрона. Конструкция винтовок также была изменена, в сравнении с предыдущими. На ускоритель заряжания была установлена продольная качающаяся пластинка «с целью препятствовать патронам выходить из трубки по два сразу»²¹. Изобретатель также несколько изменил устройство патронной сумки «против прежней, в которой патроны лежали свободно пулями к левой стороне. В новой же сумке они расположены отдельными этажами, по три в каждом этаже, а передняя стенка сумки открыта. Имеются сумки как в два, так и в три этажа»²².

Из трёх винтовок, присланных на рассмотрении в 1886 г., к испытаниям были допущены лишь две, с заводскими номерами 55475²³ и 50104²⁴ (на затворе номер 15433). Калибр стволов винтовок был уменьшен путём лейнирования, иными словами, в рассверлённый штатный 4,2-лин. ствол была вставлена стальная трубка, которая по заявлению французского изобретателя «изготавливается посредством волотильного станка и затем уже не обтачивается»²⁵. Винтовки были испытаны стрельбой в декабре 1886 г. После совершения пятидесяти выстрелов было установлено, что процессы запираания затвора и экстракции гильз были затруднены, а ложа ослаблена несколькими лишними деталями. На внутренней части лейнера (стальной трубки) была обнаружена ржавчина. По окончании испытаний Александр забрал две винтовки для дальнейшей их доработки во Францию.

В собрании ВИМАИВиВС сохранились две винтовки обр. 1870 г. уменьшенного калибра и оснащённые ускорителями заряжания конструкции Александра. Первая, с заводским номером 15533, оснащена ускорителем заряжания ёмкостью на один

Ил. 13. Винтовка пехотная обр. 1870 г. уменьшенного калибра с ускорителем заряжания конструкции Александра ёмкостью на один патрон, зав. № 15533, 1884 г. и., С.О.З. ВИМАИВиВС 100Ф 5/265

Ил. 14. Ускоритель заряжания ёмкостью на один патрон. ВИМАИВиВС 100Ф 5/265

Ил. 15. Крупный вид на дульный срез ствола; стрелкой указана граница лейнера, ВИМАИВиВС 100Ф 5/265

патрон (ил. 13–15). Вторая, с заводским номером 36334, оснащена ускорителем заряжания ёмкостью на четыре патрона (ил. 16, 17).

Летом 1887 г. дальнейшее изучение штатных винтовок обр. 1870 г. с ускорителями заряжания Александра и лейнированным стволом было прекращено. Это было обусловлено тем, что на тот момент С. И. Мосин был готов продолжить работу над его собственной оригинальной системой, снабдив её стволом уменьшенного калибра без использования лейнера.

История изучения специалистами Артиллерийского комитета сначала конструкции Вольфа в первой половине 1870-х гг., а затем конструкции Александра в 1884–1887 гг. подтверждает важность одного из условий в деле конструирования ручного огнестрельного оружия для армии. Этим условием является своевременность разработки. В ином случае, даже прекрасно воплощённая военно-техническая мысль и дальновидность разработчика, как это было в случае с мастером Вольфом, не дали длительного положительного результата.

Ил. 16. Винтовка обр. 1870 г. уменьшенного калибра с ускорителем заряжания конструкции Александра ёмкостью на четыре патрона, зав. № 36334, 1881 г. и., С.О.З. ВИМАИВиВС 100Ф 5/338.

Ил. 17. Ускоритель заряжания ёмкостью на четыре патрона. ВИМАИВиВС 100Ф 5/338

Вольф разработал ускоритель заряжания через два года после принятия на вооружение однозарядной винтовки обр. 1870 г. Очевидно, что в первой половине 1870-х гг. армия нуждалась в налаживании процесса перевооружения только что принятой однозарядной винтовкой. Тем не менее, было бы не корректно отрицать важность разработки магазинного оружия уже в середине 1870-х гг., и особенно, в преддверии Русско-турецкой войны 1876—1877 гг. Локальное использование подобного кавалерийского карабина с установленным на него ускорителем заряжания Вольфа могло бы оказаться весьма полезным в период боевых действий.

Вполне вероятно, что дальнейшая судьба конкурентоспособной конструкции Вольфа решилась волею случая. Мастер мог заболеть и уйти из жизни либо прекратить работу на заводе по причине проблем со здоровьем, а передать доработку ускорителя заряжания ему было некому.

¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 46. Д. 472. Л. 5 об.

² Там же. Оп. 44/1. Д. 104. Л. 2.

³ Там же. Ф. 6. Оп. 5/2. Д. 736. Л. 2.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 20.

⁷ Причины его ухода могут быть разнообразны: семейные обстоятельства, болезнь, смерть.

⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 5/2. Д. 736. Л. 24.

⁹ Там же. Ф. 4. Оп. 39/6. Д. 116. Л. 269 об.

¹⁰ Там же. Л. 262

¹¹ Там же. Л. 262 об.

¹² Там же. Л. 362 об.

¹³ Там же. Л. 427.

¹⁴ Винтовка с заводским номером 11398 не выдержала испытания стрельбой пропелленными патронами из-за деформации корпуса ускорителя заряжания при выстреле. Дальнейшая судьба винтовки не известна.

¹⁵ Винтовка с заводским номером 8565 не прошла испытаний, так как отверстие в ускорителе заряжания было сделано слишком узким для патрона. Дальнейшая судьба винтовки не известна.

¹⁶ О дальнейшей судьбе винтовки с заводским номером 14160 не известно.

¹⁷ Винтовка с заводским номером 11867 позднее была передана из Комиссии для выработки образца малокалиберной винтовки (обр. в 1889 г.) на Петербургский окружной артиллерийский склад. В 1894 г. со склада она поступила на хранение в Артиллерийский исторический музей // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. Кн. 8. Ч. V.

¹⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/6. Д. 116. Л. 445 об.

¹⁹ Там же. Л. 535 об.

²⁰ Там же. Д. 130. Л. 80 об. — 81.

²¹ Там же. Л. 80 — 80 об.

²² Там же.

²³ Дальнейшая судьба винтовки не известна.

²⁴ Дальнейшая судьба винтовки не известна.

²⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/6. Д. 130. Л. 81 об.

В. В. Оточкин (Санкт-Петербург)

ВОЕННЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ НАЗНАЧЕНИЯ П. И. ШУВАЛОВА НА ПОСТ ГЕНЕРАЛ- ФЕЛЬДЦЕЙХМЕЙСТЕРА РУССКОЙ АРМИИ

В НАИБОЛЕЕ АКТИВНЫЕ годы своей военной деятельности Пётр Иванович Шувалов (1711—1762) внёс большой вклад в развитие артиллерии и инженерных войск во время Семилетней войны (1756—1763 гг.). Но что он совершил прежде его назначения на должность генерал-фельдцейхмейстера, с начала 20-х до середины 50-х гг. XVIII в., кроме участия в создании «секретной гаубицы» и единорога?

Генерал-фельдцейхмейстер П. И. Шувалов и его брат А. И. Шувалов не находились «ни в одном сражении», как отмечал Д. Н. Бантыш-Каменский¹. Но во главе артиллерии и инженерных войск на всех этапах Семилетней войны П. И. Шувалов, наряду с реорганизацией управления и подготовки офицерских кадров, занимался всесторонним обеспечением и обучением подчинённых родов войск, провёл мероприятия в артиллерии, названные «шуваловскими реформами».

Братья Александр и Пётр Шуваловы началу своей военно-придворной карьеры были обязаны отцу — обер-коменданту Выборга бригадиру Ивану Максимовичу Шувалову. В 1723 г. братья Шуваловы были определены пажами к будущей императрице Екатерине.

Пример военной службы отца и возможность определить сыновей пажами ко двору сыграли большую роль в карьере Петра Шувалова как будущего военного деятеля, в понимании им вопросов придворной службы. Историки Пажеского корпуса определяли пажескую службу как военно-придворную от учреждения в 1711 г. корпуса пажей, назначавшихся для службы на половине двора Екатерины. В описании церемонии коронации

императрицы Екатерины в 1724 г. Ф. Берхгольцем отмечено участие в ритуале церемониймейстера И. М. Шувалова во главе представителей провинций и генералитета. Здесь же «12 пажей императрицы, все в зелёных бархатных кафтанах, парчовых камзолах... в белокурых париках и с белыми перьями на шляпах», среди которых братья Александр и Пётр Шуваловы. Для «типичных пажей» Шуваловых пажеская служба была не только привилегией, но и ответственностью. Когда корпус пажей двора стал военно-учебным заведением, то подготовка его выпускников оценивалась высоко, а служба пажей приравнивалась к военно-придворной².

Зачастую начало военной карьеры П. И. Шувалова относят к службе в Лейб-компании, преобразованной из гренадерской роты Преображенского полка за поддержание восхождения Елизаветы на российский императорский престол. Продолжая службу при дворе в чине камергера, он получает звание подпоручика Лейб-компании, приравненное к званию генерал-майора. В Указе 31 декабря 1741 г. о создании Лейб-компании, воздавая дань гвардейцам за оказанную поддержку при восхождении на престол, императрица Елизавета Петровна в виде пожалования унтер-офицеров и рядовых той роты дворянами с потомством, особых гербов, поместий, денежных окладов, определила и соотношение званий Лейб-компании с армейскими³.

Ранги против армейских	Чины	Число
Генерала полного	Капитана-поручика	1
Генерал-лейтенанта	Поручиков	2
Генерал-майора	Подпоручиков	2

Но выписка из Указа не давала оснований для утверждения, что П. И. Шувалов получил одновременно звание подпоручика Лейб-компании и генерал-майора. Существовавшая в русской армии система соотнесения офицерских и генеральских званий гвардейских и армейских частей учитывалась при переводе из частей гвардии в армию с соответствующим чином. Соответствие ряда придворных, гвардейских и армейских званий дало основание для упоминания о том, что первыми званиями П. И. Шувалова были звания подпоручика и генерал-майора. В своей военной карьере Шуваловы миновали многие ступени обер- и штаб-офицерских званий. Но получая звание генерал-поручика по армейскому рангу, П. Шувалов оставался в течение последующего времени

подпоручиком Лейб-компания, что присутствовало в перечислении его званий и чинов в официальных документах.

В 1742 г. во время коронации Елизаветы Петровны в Москве мы видим примеры непосредственного выполнения Лейб-компания подпоручиком П. И. Шуваловым обязанностей по командованию взводом гренадеров. В плане церемониала коронования записано: «где спешая с коней маршируют на площадку, что у Золотой решётки, оставя тут при подпоручике господине Шувалове с надлежащим числом унтер-офицеров и рядовых половину, другую половину ведёт к покоям Ея Императорского Величества на потешный двор... к сопровождению императорских регалий в аудиенц-камеру капрал 1, рядовых 12 человек»⁴. Участие подпоручиков Лейб-компания Шуваловых в церемонии коронования отмечалось в Камер-фурьерском журнале. За императорской каретой «следовала опять команда Лейб-компания в 40 человек с их унтер-офицерами под командою той Лейб-компания господина подпоручика... Петра Шувалова». При следовании к церкви Успения Пресвятой Богородицы П. И. Шувалов вёл своих гренадеров, которые шли «по три рядом и, дошед до церкви, не входя в оную, остановились по обе стороны пути», образовав коридор для прохождения императрицы Елизаветы⁵.

Хотя в дальнейшем значение Лейб-компания снижалось и ее роль сводилась лишь к участию в парадах и караульной службе во дворцах, в других церемониалах двора, но для подпоручика Петра Шувалова это — страница его военной биографии.

К первому знакомству с военно-стратегическими вопросами П. И. Шувалов обратился с назначением 27 июля 1744 г. к присутствию в Правительствующем Сенате, в ведении которого находилось обеспечение регулярной армии.

Протоколы заседаний Сената показывают, что немаловажное место в его деятельности занимали вопросы комплектования армии, контроля за проведением рекрутских наборов, подготовки и расстановки военных кадров, создания новых образцов вооружения, дислокации войск, охраны границ, заготовки провианта, фуража, обмундирования. П. И. Шувалов не формально, а реально участвовал в заседаниях Сената. Проекты, поданные им в 1740—1750-е гг., принесли ему известность как «прожектёру», — остались в истории, отмечены как современниками, так и историками⁶.

В 1744 г. очередной ступенью военной карьеры стало получение звания генерал-поручика (генерал-лейтенанта — в некоторых документах. — В. О.). Уже в 1746 г. П. И. Шувалов участвовал при рассмотрении военных вопросов в собрании генералитета, обсуждавшего «доклады и мнения о мерах против Прусского короля Фридриха II». В 1747—1748 гг. он представлял проекты указов о рекрутском наборе и увеличении численности армии в связи с подготовкой похода корпуса генерал-фельдцейхмейстера В. А. Репнина в Австрию⁷.

5 сентября 1751 г. П. И. Шувалов был назначен генерал-адъютантом императрицы Елизаветы Петровны. Эта должность сыграла не последнюю роль в его становлении как военного деятеля, в расширении военного кругозора, в решении задач по управлению частями гарнизона столицы и пригородов в различных ситуациях.

Дежурство по дворцу было одним из многих направлений деятельности генерал-адъютантов, сходных с исполнением обязанностей коменданта гарнизона более позднего времени. Выполнение П. И. Шуваловым обязанностей дежурного генерал-адъютанта можно проследить по делам фонда 439 Российского Государственного исторического архива «Журналы дежурных генерал-адъютантов и высочайшие приказы, отдаваемые при пароле» и по их частичной публикации Л. В. Евдокимовым. Записи за 1748—1751 гг. дали возможность раскрыть особенности организации службы в гарнизоне, изучить страницы военной жизни того времени, деятельность дежурных генерал-адъютантов и самого П. И. Шувалова в период дежурств⁸.

П. И. Шувалов назначен генерал-адъютантом, когда дежурства были приведены в систему. Первоначально они продолжались по 2—4 дня, а с сентября 1748 г. — по неделе с записью: «Дежурство генерал-адъютанта и кавалера графа П. И. Шувалова». Сдача дежурства определялась личной подписью: «генерал-адъютант граф П. И. Шувалов» или «П. Шувалов». Первое его дежурство продолжалось с 25 сентября по 9 октября 1748 г. и осталось без подписи.

Обязанности дежурного генерал-адъютанта включали: контроль над дворцовыми церемониями, перемещением двора и войск в Петербурге и пригородах; организацию караульной службы, инструктажи караулов; контроль несения службы и смены караулов; поддержание порядка среди военнослужащих, а при необходимости и решение вопросов, связанных с экстремальными

ситуациями, требующими участия войск. Особо контролировались выезды императрицы в течение дня, а в периоды выезда двора на длительное время записи о дежурствах велись в походных журналах. В журналах находим примеры указаний дежурных генерал-адъютантов по обеспечению поездки императрицы: «командировать для караула Ея Императорского Величества в Дальние Дубки при Сестрорецких заводах сержанта одного, капралов 2, барабанщика 1, рядовых 30» или «прежде отсутствия Ея Императорского Величества при одном унтер-офицере командировать команду, состоящую в 20 человек». Дежурные генерал-адъютанты сами сносились с губернскими и уездными канцеляриями по подготовке выездов двора: «дорогу к Воскресенскому монастырю поправить и где косогоры — сравнять, а мосты худые вновь сделать или починить, чтоб 2 сентября совершенная готовность была».

В числе обязанностей дежурных генерал-адъютантов были организация и обеспечение гарнизонных мероприятий: парады, похороны высших военных чинов, маскарады, свадьбы, спектакли с участием императрицы и двора. В полки отправлялись распоряжения: «армейских полков обер-офицеров пропускать в галерею, токмо накрепко того смотреть, дабы оные были во всякой приличествующей по их офицерской чести чистоте и убранстве, а ежели кто не убран, в разодранном платье или не в состоянии (нетрезвым. — В. О.) придёт, таковых не пропускать без поблажек». 23 октября 1750 г. в дежурном журнале к записи о маскараде П. И. Шувалов сделал приписку: «без масок женщины — в мужском ординарном платье, мужчины — в женском»⁹.

П. И. Шувалов отдавал приказания и по артиллерийским вопросам: «от полков гвардии 20 пушек с довольным числом картузов пороху поставить на Смольном Ея Императорского Величества дворе... для принятия приказов явиться у дежурного Ея Императорского Величества генерал-адъютанта». По окончании военных парадов делалась роспись участия войск: «гвардии 5800, полевых полков 11 267 человек, да Санкт-Петербургского гарнизона 1215. Всего 18 282. ...салют в 31 выстрел с Санкт-Петербургской крепости и Адмиралтейства и из ружей беглым огнём».

Наиболее ответственной частью дежурства была организация в гарнизоне караульной службы полками гвардии и Лейб-компанией. Численность личного состава караулов для того времени была значительной. По реестру караулов несли

службу в Зимнем дворце 292, в старом и новом летних дворцах 150, в Правительствующем Сенате 21, в Цалмейстерской (контуре, ведавшей хозяйственными вопросами и жалованием служителям двора. — *В. О.*), у корон, у соборей, у пожарных труб — 40 человек. Всего в составе караулов находились более 500 человек, и в задачи дежурного генерал-адъютанта входил контроль над их службой и сменой.

В период нахождения двора в Москве с сентября 1748 по декабрь 1750 г. начальникам караулов была подготовлена инструкция за подписью генерал-адъютанта. Она содержала определение отношений подчинённости начальников караулов дежурным генерал-адъютантам. Дежурный генерал-адъютант давал команду на «сбор» (общее построение. — *В. О.*) всех частей, определял время и порядок смены караула со знаменем, принимал рапорты в случае пожара, наводнения или иной экстренной ситуации, лично разрешал начальнику караула вынос вещей из дворца, присутствовал на разводах караулов, принимал доклады о смене караулов. В случае недостатков при несении службы караулов, отмеченных императрицей, дежурным генерал-адъютантом делалась запись о распоряжениях по их устранению. Так, на замечание об уходе с постов обер- и унтер-офицеров сделано распоряжение дежурного генерал-адъютанта: «1е) стоящих на караулах солдат содержать в чистоте и опрятности, и чтоб оные были во всякой трезвости; 2е) ружья иметь заряжённые; 3е) часовых разводить капралам и самим собою не сменяться; 11е) наиприлежнейше смотреть, чтоб не могли быть допущены паче чаяния до Ея Императорского Величества челобитчики»¹⁰.

Генерал-адъютанты служили императрице не только для управления частями гарнизона и контроля над несением караульной службы. Они были лицами, которые доводили повеления Елизаветы Петровны до Правительствующего Сената, Военной и других коллегий, до должностных лиц. В Сенате в 40—50-х гг. XVIII в. эти поручения выполнялись в первую очередь П. И. Шуваловым, который имел возможность подавать и разъяснять и свои проекты императрице с последующим доведением их Сенату для практической реализации. С первого объявления 7 ноября 1748 г. по 18 августа 1761 г. он выступал в Сенате 145 раз¹¹.

Значимость командования дивизией как военного аспекта деятельности П. И. Шувалова ввиду небольшого числа источников неоправданно принижалась.

При отсутствии в середине XVIII в. военно-административного деления территории России, на которой дислоцировались войска, как отмечал Д. Ф. Масловский, разделялась на пять «дивизионных районов»¹². Крупные воинские формирования, какими являлись дивизии, именовались по местам их дислокации или по фамилиям командиров. Непосредственно в боевой обстановке дивизии именовались по номерам: первая, вторая и т. д. В историографии встречаются тождественные наименования должности: командир, начальник, командующий, аншеф-командующий. Командиры дивизий руководством полками своих соединений, вопросами их строевой выучки, обеспечением повседневной деятельности, подготовки к боевым действиям в основном не занимались. Эти задачи возлагались на командиров полков, имевших в подчинении реальных людей. Как правило, ответственностью за исполнение должности, в современном понимании, большинство командиров дивизий того времени себя не связывали, хотя следует отметить, что и значительными правами в решении каких-либо вопросов они не обладали.

Наиболее часто решались, как отмечал Д. Ф. Масловский, лишь «производство в офицерских чинах до штаб-офицерского чина, распределение назначенных в их распоряжение генералов в должности полковых и бригадных командиров». В основном командир дивизии выступал как передаточное звено между Правительственным Сенатом, Военной коллегией, Конференцией при Высочайшем дворе (с 1756 г. — *В. О.*) и полками через свою военно-походную канцелярию. Не будучи обременёнными организационными и контролирующими функциями, командиры дивизий не несли в должной мере ответственности за положение дел в частях, за их боевую подготовку, строевую выучку, быт и обеспечение. Д. Ф. Масловский опубликовал перечень дивизий периода начала Семилетней войны с местами их расположения, считая, что при формальном значении должности командира дивизии в мирное время «только выдающиеся из начальников дивизий, бригадных и полковых командиров могли иметь полезное влияние на успех строевого образования войск», и отмечал среди первых Петра Ивановича Шувалова¹³.

В сентябре 1751 г. императрицей Елизаветой Петровной был подписан Указ «О назначении жалованным в полные генералы графам Александру и Петру Ивановичам Шуваловым жалования по чину согласно воинского штату и об определении их

к дивизиям в армию аншеф-командующими с надлежащими по их чинам штатами». Это определило новый этап в военной деятельности П. И. Шувалова. В большинстве биографических материалов этот аспект его деятельности отмечался как второстепенный и не более чем одно из проявлений внимания и милости императрицы Елизаветы Петровны. Это давало повод считать, что дивизия, которой он командовал, была «придворной», полученной как очередное пожалование, с упоминанием о её расположении в Санкт-Петербурге и в пригородах столицы.

Изучение архивных и опубликованных источников помогает уточнить место дислокации полков дивизии П. И. Шувалова, увидеть реальность его службы, выполнение им обязанностей командира дивизии. Исследуя этот этап военной карьеры П. И. Шувалова, можно определить состав дивизии и значение этой должности в его становлении как военного деятеля, а также связь с назначением на должность генерал-фельдцейхмейстера.

Обратимся к тексту составленного П. И. Шуваловым «Объяснения о своих заслугах по гражданской и военной части», хранящегося в Российском государственном архиве древних актов (Москва) и опубликованного С. М. Соловьёвым¹⁴. П. И. Шувалов приводил пример своей военной деятельности по внедрению в войсковую практику новых уставов: «дозволено мне в команде моей находящийся *Санкт-Петербургский полк взять в Петербург*» (курсив наш. — В. О.), что позволяет рассмотреть и сведения о расположении частей его дивизии.

Протоколы заседаний Военной коллегии от 12 августа 1753 г. Российского государственного военно-исторического архива содержат список «Как генералы полные по старшинству состоят» и сведения периода начала Семилетней войны о составе генералитета на 18 марта 1756 г., т. е. на начало Семилетней войны¹⁵.

Александр Бутурлин	генерал-адъютант гвардии подполковник	имеет команду над обретающими в Москве полками
Степан Апраксин	гвардии подполковник присутствует в Военной коллегии	присутствует в Военной коллегии
граф Александр Шувалов	генерал-адъютант действительный камергер присутствует в Сенате Лейб-Компании поручик	имеет команду над обретающими в Санкт- Петербурге и около оного войсками

граф Пётр Шувалов	генерал-адъютант действительный камергер присутствует в Сенате Лейб-Компании подпоручик	имеет команду над обретающими в Лифляндии, Курляндии и Эстляндии полками
-------------------	---	--

В докладе Шувалова о состоянии своей дивизии в первые месяцы командования видим реальное знание проблем комплектования и обучения, снабжения вооружением и обмундированием. «Когда я получил в команду дивизию, то заметил людей не токо весьма худо экзерцированных (обученных. — В. О.), но и так великую разницу, что один полк с другими ниже в приёмах согласо делал, а офицеры весьма слабо должности свои исполняли и об нужнейшей вещи, касающейся до марширования и обращения корпусами, худое понятие имели», — писал П. И. Шувалов, понимая, что в первую очередь предстоит поставить на должное место вопросы проведения экзерциций (занятий, учений. — В. О.). Он принимает решение о проведении показательных сборов по обучению представителей от всех полков дивизии: «от всех моих команды полков, хотя и не здесь находились, со всякой роты рядовых и от полку офицера и барабанщика к себе взял, экзерцируя их и приведя в соглашение, в полки отправил, а оные потому и поправились»¹⁶.

Решение кадровых вопросов было одним из важных направлений деятельности Шувалова с первых месяцев вступления в должность командира дивизии. 31 мая 1753 г. он писал в Военную коллегию о необходимости принятия решения по находящимся с 1751 г. на рассмотрении 102 дел, прилагая реестр посланных донесений и рапортов, на которые «резолуции не положено». В октябре 1753 г. сделал повторный запрос в Военную коллегию: «На учинённые от меня в оную коллегию от 1751 г. представления той коллегией резолуции мне не дано».

На его настойчивость Военная коллегия подготовила решение от 3 ноября 1753 г.: «Шувалову послать Указ, в котором написать, что и как ныне поправлено в Военной коллегии оказалось и на какие по реестру есть резолуции».

В ответ П. И. Шувалов, тем не менее, писал: «Из Государственной Военной коллегии получил я указы ноне во всём полные противу моих представлений, а чего ради о том знать мне во оных не додано». Далее следует перечисление рапортов о патентах обер-офицерам Троицкого, Санкт-Петербургского, Рязанского

и Низовского пехотных полков. Шувалов отмечает, что нет решений по спискам Выборгского пехотного полка солдат, аттестованных в болезнях, по отпускам офицеров Белингаузена, Врангеля, генерала В. Лопухина¹⁷.

П. И. Шувалов в своём «Объяснении о своих заслугах по гражданской и военной части» представлял свой доклад «О призвании на убылые места в армию, артиллерию и инженерный корпус...» как «реформу генералитета и штаб-офицеров», которая, «по моему сочинению сделана, чрез что не токмо негодные, но и неспособные выключены, а способнейшие, от которых более успеху ожидать было можно, поступили на их места; сии последние пользу сего с успехом и доказали».

Каково было положение с кадрами офицерского состава и генералитета, можно понять из того, что к увольнению в 1751 г. были представлены по возрасту и болезням 9 генералов, 2 бригадира, 19 полковников и 18 подполковников. Среди них — генерал-лейтенант А. Тараканов — в службе 50 лет; комендант Кронштадта бригадир М. Молчанов — возраст 77 лет, комендант Риги полковник А. Ремезов — возраст 74 года. Формулировки аттестования к отставке: «пришёл в старость и слабость», «стар, дряхл и болен», «за болезнями». В условиях, когда Пруссия неоднократно заявляла о своих претензиях на господство в Европе, опираясь на подготовленную армию, положение дел с составом офицерского корпуса и генералитета русской армии действительно давало основания для беспокойства, но лишь Пётр Иванович Шувалов поднял этот вопрос как командир дивизии.

Необходимые кадровые перестановки в командном составе на генеральских и штаб-офицерских должностях в дивизии Шувалова были произведены. Таким образом, повышение боеспособности армии обеспечивалось не только «исключением неспособных и безнадёжных как генералитет, так и штаб-офицеров», но и выдвижением подготовленных офицеров и генералов, что в определённой степени заслуга Шувалова и одна из причин успехов русской армии в Семилетней войне.

Участие Петра Ивановича в организации обучения артиллеристов дивизии — одно из направлений его деятельности в должности командира дивизии. Он получил в июле 1752 г. разрешение на зачисление «на случившиеся в полках артиллерийских служителей порожние (высвобождавшиеся. — В. О.) места их обучающихся канонирской (артиллерийской. — В. О.) должности

солдат в годы по единожды»¹⁸. В 1753 г. П. И. Шуваловым на базе полков его дивизии были проведены показательные занятия с участием личного состава для Военной коллегии и генералитета. Привлекалось 420 военнослужащих.

Анализ ситуации на прусско-российской границе весной 1753 г. помогает изучить вопросы повышения боеготовности войск, которые решал Шувалов как командир дивизии. Рапортом 19 апреля 1753 г. он докладывал Военной коллегии, что по информации генерал-лейтенанта В. Лопухина «недалеко от Кенигсберга войскам прусским, состоящим в 62 000 назначен компанент (лагерь. — В. О.)». Сообщая об ожидавшемся прибытии короля Фридриха в Кенигсберг для проведения смотра полков, Шувалов просил указаний по порядку действий. Рапортом 23 апреля 1753 г. он подтверждал сведения о назначении лагеря прусским войскам, которым приказано выступить в таком состоянии и в исправности «как бы то военное время требовало», уточняет, что прибытие прусского короля последует в мае. Военная коллегия требует от Шувалова уточнения известий о намерениях прусского командования: с какой целью «в нынешнее лето в Пруссии немалой корпус собирается, магазины (склады. — В. О.) умножаются, для чего запрещён вывоз хлеба, у всех мещан лошади пересчитаны, вербование людей непрерывно продолжается».

Шувалов запрашивает от Военной коллегии приказа: «не изволят ли на первый случай до получения прусского намерения вывести (свои войска. — В. О.) в компаненты, и расположить лагерь, и быть в готовности к движению» и предлагает приблизить полки к границам. В Лифляндию прибавить пехотных полков 3, в Эстляндию 7, чтобы с учётом полков в Курляндии общее количество возросло до 17¹⁹.

Военная коллегия одобряет предложения: «Неизлишне было при российских границах в запасе для всякого нечаянного случая не токмо в осторожности себя содержать, но и достаточной обороны противу какого нападения с той стороны потребные меры взять». В мае следует указание о выводе в лагеря пехотных, кирасирских, драгунских полков и расположении их в готовности к походу. Как командующему дивизией Шувалову были поставлены задачи по ведению разведки, организации несения караулов, выполнению фортификационных работ. В архивных делах — рапорта Шувалова с данными разведки полков, сведения о находящихся в отпусках, о назначениях и перемещениях генералов

и офицеров, переписка о доукомплектовании полков личным составом, подъёмными лошадьми, вооружением. Там же — сведения о выводе в июле 1753 г. в лагерь кавалерийских полков и артиллерии дивизии, об укомплектовании лошадьми и получении провианта, доклады о доукомплектовании полевой артиллерии в Риге, о результатах артиллерийских стрельб²⁰.

В протоколах Военной коллегии за 1755 г. — переписка по рапортам командира «третьей» дивизии генерала П. И. Шувалова о поставках фуража, ремонте крепостей, форпостах драгунских полков, об укомплектовании мундирными и аммуничными вещами, ружьями, шпагами, гранатными и патронными ящиками, лазаретными телегами сформированных гренадерских рот пехотных полков и их подготовке, о подъёмных лошадях, о выходе полков в лагерь, о размещении полков дивизии на зимние квартиры²¹.

С принятием в 1755 г. новых Уставов для пехоты и кавалерии Шувалов участвует в отработке на практике их положений «для установления и обучения новой экзерциции, марширования и эволюции (перемещения. — *В. О.*)». Из состава дивизии им были взяты и обучены подразделения Санкт-Петербургского пехотного (полковника З. Чернышёва) и Лейб-гвардии кирасирского (полковника М. Толстого) полков. На строевых занятиях их выучка была показана Военной коллегии, высшему командному составу армии, находившимся тогда в Москве. В ходе обучения «не токмо способнейшая экзерциция в состояние приведена, — писал П. И. Шувалов, — но эволюции и марши до такого состояния доведены, что по свидетельству Военной коллегии, всего генералитета и высочайшей апробации всемилостивейшей государыни всей армии по тому исполнять повелено и печатные с планами книги (инструкции. — *В. О.*) для того выданы»²².

Одним из направлений внимания командиров дивизий к состоянию дисциплины в подчинённых частях являлась судебная практика. Мы находим примеры деятельности Шувалова в этом вопросе. В 1752 г. он направляет наставление в военные суды подчинённых частей, в котором предлагалось, «чтоб над случившимися в полках преступлениями военные суды отправлялись по содержанию узаконенных прав, со всякой исправностью и самоскорейшим успехом и в определённый по воинскому уставу срок». Командиры полков должны были, разобрав суть дела, прислать материалы на решение командиру дивизии. В приложении

к наставлению были собраны и направлены в части указы, постановления, касающиеся принятия решений по тем или иным правовым вопросам²³.

С началом подготовки к заграничному походу внимание П. И. Шувалова к вопросам подготовки своей дивизии усиливается. Это связано с решением о том, что первоначально основную часть действующей армии в предстоящей кампании составят части дивизии генерал-аншефа П. И. Шувалова. Весной 1756 г. Конференция и Военная коллегия приняли решение о повышении боеспособности армии в целом, чтобы войска «в потребном случае немедленно в поход выступить могли», и приказали: «Полевые пехотные полки, ныне состоящие в дивизии генерал-аншефа и кавалера графа П. И. Шувалова, по наступлению благополучного времени и не позднее половины мая... из нынешних винтер-квартир вывести и расположить в компаненте в способных местах, а именно: в Курляндии — Невский, Ингерманландский, Воронежский, Новотроицкий, Сибирский, Казанский, Нарвский, Белозерский, Ладожский, Черниговский, Углицкий; в Лифляндии и около Риги — Вятский, Архангельский, Суздальский, Санкт-Петербургский, Кексгольмский, Азовский, Вологодский».

19 апреля 1756 г. состоялось назначение П. И. Шувалова главнокомандующим над этими войсками. «Все сии корпусы, как в экстракте Конференции объявлено ныне, в разные места по границе располагаемые, ныне ко единому главному принадлежащие до особого указа поручить в команду генерал-аншефу и кавалеру графу Петру Ивановичу Шувалову, и как они должны быть, так во всем снабдены и удовлетворены, по первому указу не токмо в поход вступить, но и военные операции предпринять могли»²⁴.

Из дивизии П. И. Шувалова большая часть пехотных полков была передислоцирована и впоследствии направлена в заграничный поход.

В 1-й корпус генерала В. Лопухина вошли полки: Киевский, Нижегородский, Воронежский (Курляндия около Митавы), Новгородский, Сибирский, Казанский, Нарвский, Белозерский, Муромский, Невский, Ладожский (Лифляндия, близ Дерпта), Архангелогородский (Эстляндия, Рогервик), Суздальский (Ревель), Смоленский (Нарва), С.-Петербургский (Старая Русса). Кексгольмский (Псков), Вологодский (Великие Луки), Азовский

(Торопец) — на форпосты в Псковской провинции. Черниговский, Углицкий, Вятский (Ревель).

Во 2-й корпус генерала В. Долгорукого — кирасирские полки: Его императорского Высочества (Эстляндия), 3-й кирасирский (Курияндия, Митава), гусарский Сербский (Сольцы и Мшага).

В 3-й корпус генерала М. Ливена — конно-гренадерские — Каргопольский и Рижский (на форпосты от Смоленска до Чернигова), драгунские — Архангелогородский, Тобольский, Нижегородский (на форпосты в Смоленской и Псковской провинции).

В 4-й корпус генерала Ю. Броуна — Бутырский (Петергоф и Красное Село), Ростовский (Стрельнинская мыза), Пермский (Санкт-Петербург).

В 6-й корпус генерала Г. Мещерского — Рославский шквадрон (эскадрон. — *В. О.*), Смоленское шляхетство и два Смоленских гарнизонных полка, Великолуцкий батальон (в Смоленской провинции).

Всего в составе действующей армии было 32 пехотных, 5 кирасирских, 5 конно-гренадерских, 4 драгунских, 4 гусарских полка. Внутри России частей дивизии Шувалова практически не осталось — такой вывод сделала Военная коллегия, получив от него сведения для Конференции.

Само решение о назначении главнокомандующего войсками в заграничном походе министры Конференции предлагали принять императрице: «по своему просвещённому проницанию и премудрости Сами усмотреть изволите, что столь великий корпус, каков для атакования короля Прусского назначен, и особливо сие самое предприятие неминуемо одного фельдмаршала главным командиром и трёх главных генералов требует»²⁵. В списках старшинства и сведениях Военной коллегии о генералитете на начало войны С. Ф. Апраксин следует после А. Б. Бутурлина. Но именно он назначается главнокомандующим русскими войсками в войне с Пруссией. П. И. Шувалов формально, по принципу старшинства не мог претендовать эту должность, хотя по составу отправлявшихся войск имел на это право.

Решения 37-го заседания № 80 Конференции от 9 сентября 1756 г. помогают отметить и окончание периода командования П. И. Шуваловым всеми войсками, «предназначенными к походу, до назначения С. Ф. Апраксина главнокомандующим действующей армией считавшимися под начальством П. И. Шувалова».

С 13 сентября 1756 г. мы встречаем первые распоряжения нового главнокомандующего генерал-фельдмаршала С. Ф. Апраксина, принявшего «дела секретныя, касающиеся до похода, от графа П. И. Шувалова». В конце сентября 1756 г. генерал М. Ливен произвёл первые смотры полкам своего конного корпуса и, не зная о назначении нового главнокомандующего, ещё докладывал прежнему «главному командиру» П. И. Шувалову о недостатках в обеспечении конно-гренадерских и драгунских полков. На это донесение 25-го сентября М. Ливену отвечал уже С. Ф. Апраксин²⁶.

Д. Ф. Масловский, рассматривая деятельность П. И. Шувалова, отдавая дань его вкладу в развитие артиллерии в период Семилетней войны, критикуя за стремление решить множество проблем самого различного характера, тем не менее отмечал его в числе «выдающихся из начальников дивизий», «серьёзно и плодотворно заботившихся о строевом образовании временно подчинённых им войск в мирное время»²⁷.

Если отметить, что первой ступенью военной карьеры Петра Ивановича Шувалова можно считать военно-придворную службу в пажах, дававшую основы военных знаний, учившую дисциплинированности, исполнительности, то служба в Лейб-компании была связана с исполнением конкретных обязанностей командира взвода. Должность генерал-адыютанта по выполнению обязанностей дежурства представляется этапом его становления как военного деятеля с расширением военного кругозора и развития организаторских способностей.

Деятельность в должности командира дивизии стала для П. И. Шувалова одним из важных слагаемых опыта его организаторской деятельности в практике руководства комплектованием и обучением, обеспечением войск. Она подготовила успешное выполнение задач в должности генерал-фельдцейхмейстера в годы Семилетней войны.

¹ Бантыш-Каменский Д. Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Репринтное воспроизведение издания 1840 г. М.: Культура, 1991. Ч. 1–2. С. IV, 305.

² Левшин Д. 100 лет Пажескому корпусу. 1802–1902. СПб., 1902. С. 24–32; Берхгольц Ф. Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России. М., 1903. Т. IV. 1724–1725. С. 37; Фрейман О. Ф. Пажи за 185 лет. 1711–1896. Фридригсгам, 1898. С. 5.

- ³ Полное собрание Законов Российской империи с 1649 года (далее — ПСЗ РИ). СПб., 1830. Т. XI. 1740—1743 гг. № 8491.
- ⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 475. Л. 4.
- ⁵ Журнал камер-фурьерский. 25 апреля 1742. СПб., 1742. С. 10, 15, 52; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 516. Оп. 1. Д. 7.
- ⁶ Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М.: Мысль, 1986. С. 49—64; Андрияинен С. В. Империя проектов: государственная деятельность П. И. Шувалова. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. С. 33; История Правительствующего Сената за 200 лет. 1711—1911 гг. СПб., 1911. Т. 2. 806 с.; Яковлев С. Е. Частно-предпринимательская деятельность П. И. Шувалова и отмена внутренних таможен // Мир источниковедения. М.: Пенза, 1994. С. 88—93.
- ⁷ Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 15. Оп. 1. Д. 82. Л. 94; История Правительствующего Сената за 200 лет. С. 12.
- ⁸ РГИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 2.; Евдокимов Л. В. Журналы дежурных генерал-адъютантов царствования императрицы Елизаветы Петровны. Повседневные записки генерального Ея Императорского Величества дежурства. Вып. 1. 1745, 1748—1751 гг. СПб., 1897. С. 130.
- ⁹ РГИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 2.; Евдокимов Л. В. Журналы дежурных генерал-адъютантов царствования императрицы Елизаветы Петровны. С. 94, 161, 172.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 11. Л. 98—99; Евдокимов Л. В. Журналы дежурных генерал-адъютантов царствования императрицы Елизаветы Петровны. С. 112, 218—219.
- ¹¹ История Правительствующего Сената за 200 лет. С. 42.
- ¹² Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. М., 1886. Вып. 1. С. 74.
- ¹³ Там же. С. 75.
- ¹⁴ Российский Государственный архив древних актов (РГАДА, Москва). Ф. 11. Оп. 1. Д. 316. Л. 3.; Шувалов П. И. Объяснение о своих заслугах по военной и гражданской части // Соловьёв С. М. Россия с древнейших времён. М., 1960. Т. XXII. Прил. 2. С. 586.
- ¹⁵ РГВИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 54. Л. 356.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 316. Л. 3.
- ¹⁷ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 1156. Л. 1, 55—59.
- ¹⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. АРС. Д. 551. Л. 1—3.
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 54. Л. 82, 88—89 об.
- ²⁰ Там же. Л. 113—116 об., 130—149, 252.
- ²¹ Там же. Д. 56. Л. 1—581.
- ²² РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 316.
- ²³ Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 601. № 2035. Л. 1—135.
- ²⁴ РГВИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 57. Л. 183, 185.
- ²⁵ Архив князя Воронцова. Из бумаг Елизаветинской конференции. 1756-й год. М., 1871. Кн. 3. С. 405.
- ²⁶ Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. С. 35, 160. Прил. 9. С. 1—4.
- ²⁷ Там же. С. 75, 105.

С. М. Пасхин, Ю. Я. Перевозник (Санкт-Петербург)

ОРГАНИЗАЦИЯ СВЯЗИ 50-го СТРЕЛКОВОГО КОРПУСА В ПЕРИОД С 20 АВГУСТА ПО 27 СЕНТЯБРЯ 1944 ГОДА В ЯССКО-КИШИНЕВСКОЙ ОПЕРАЦИИ

ПРИ ИЗУЧЕНИИ МАТЕРИАЛОВ по истории организации связи в период Великой Отечественной войны мы обнаружили в документах записи, сделанные начальником связи 50-го стрелкового корпуса 40-й армии инженер-подполковником Яковом Борисовичем Столштейном в период с 20 августа по 27 сентября 1944 г. при проведении Яско-Кишинёвской операции (ил. 1).

Яско-Кишиневская операция проводилась войсками 2-го Украинского фронта (в составе 4, 7-й гвардейских, 27, 40, 52, 53-й армий, 6-й танковой, 5-й воздушной армии, 27, 57-го стрелковых, 18-го танкового корпусов и конно-механизированной группы) и 3-го Украинского фронта (5-я ударная, 37, 46, 57-я общевойсковые, 17-я воздушная армии, 4, 7, 10-й гвардейские механизированные корпуса). Целью операции являлось нанесение двух охватывающих ударов в общем направлении на Хуши, окружения и ликвидации на территории Бессарабии главной группировки противника с последующим выводом из войны союзника фашистской Германии — королевской Румынии¹.

50-й стрелковый корпус (в составе 74, 240-й стрелковых дивизий (сд), 54-го укрепрайона (УР)) входил в состав 40-й армии 2-го Украинского фронта (начальник связи генерал-лейтенант войск связи А. И. Леонов). Начальником связи 50-го стрелкового корпуса (ск) был инженер-подполковник Яков Борисович Столштейн. 40-я армия обеспечивала наступление главной

группировки фронта со стороны Карпат. 50-й корпус участвовал в этой операции и наступал в Карпатских горах.

Систему обороны в Карпатских горах гитлеровцы считали неприступной, построенной по принципу глубоко эшелонированных укрепленных районов глубиной до 60 км. На основных направлениях горных дорог были построены сооружения долговременного типа, чтобы закрыть доступ нашим войскам через Карпаты.

После мощной артподготовки 19 августа 1944 г. 40-я армия прорвала оборону против-

ника и с упорными боями стала продвигаться вперед. Обходными манёврами с севера и с юга 50-й ск занял город Кымпулунг и важный узел горных дорог, чем был открыт путь нашим войскам вглубь Карпат. Противник медленно отступал в юго-западном направлении, оказывая упорное сопротивление сильными отрядами прикрытия, и на путях отхода делал завалы, минировал дороги и тропы, подрывал мосты и разрушал линии связи. Применяя глубокие обходы и манёвры вне дорог, части корпуса прошли более 300 км в очень трудных условиях Карпат, прорвав 39 укрепленных оборонительных полос, состоящих из железобетонных сооружений, рвов, завалов и минных полей².

За переход Карпат и освобождение Трансильвании 50-му корпусу приказом Верховного Главного Командования от 14 ноября 1944 г. присвоено наименование «Трансильванский».

В мае 1944 г. противник отошёл в Карпатские горы и, используя старые фортификационные сооружения и усилив их новыми,

Ил. 1. Инженер-подполковник Я. Б. Столштейн. Действующая армия, Венгрия. 27.12.1944 г.

перешёл к обороне в районе Гура-Чумора, Клостер-Чумора, Плеш, что западнее города Рэдэуци в Румынии.

После успешного наступления в Бессарабии и Румынии 50-й ск, выйдя к Карпатским горам, перешёл к обороне с целью пополнения своих частей и подготовки прорыва сильно укреплённой полосы противника в Карпатских горах.

В период весеннего наступления корпуса при дождливой погоде, большой распутице большая часть автотранспорта, зарядная база, телеграфное и шестовое имущество, радиостанции на автомобилях, за исключением одной радиостанции «РСБ» на автомашине «Додж», отстали от штаба корпуса на 150–200 км³. При переходе корпуса к обороне отставший транспорт с имуществом связи был доставлен по обходным шоссейным дорогам в район Рэдэуци во второй половине мая 1944 г.

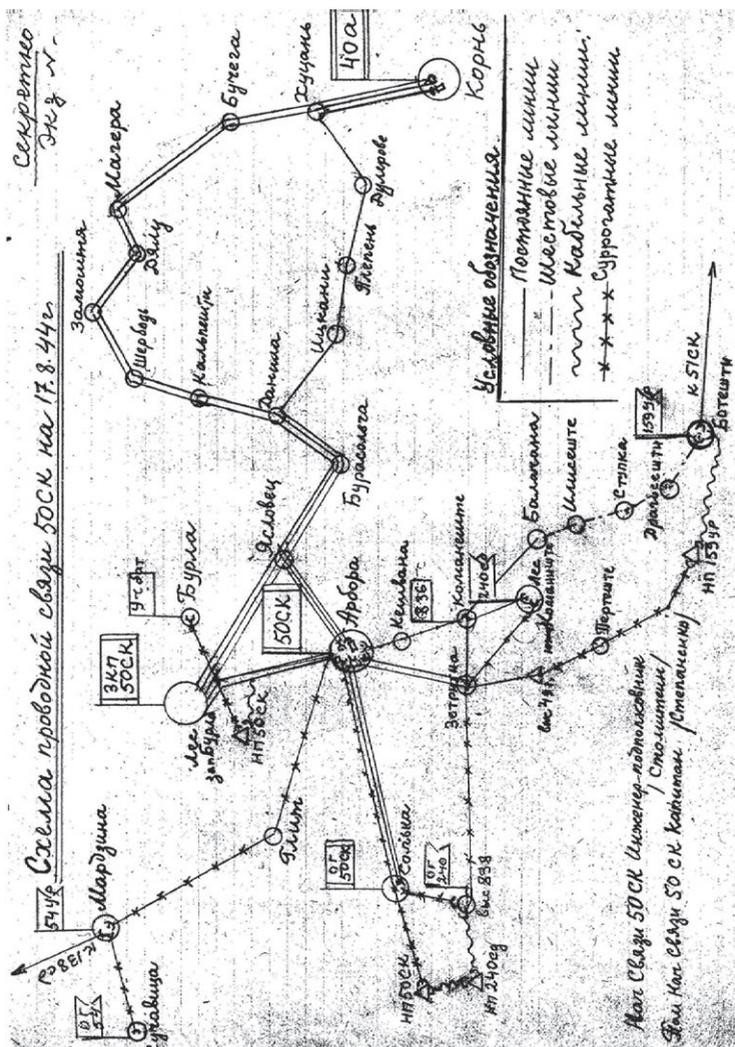
В целях маскировки КП штаба корпуса с узлом связи меняли свое место каждые 10–15 дней. Элементы узла связи размещались рассредоточенно в надёжных блиндажах. Аппаратная «Морзе» и экспедиция в одном блиндаже, аппаратная СТ-35 — в другом, центральная телефонная станция — в третьем, кросс и аккумуляторная в четвёртом блиндаже, имевшем перегородку и отдельные входы.

Большое внимание уделялось соблюдению правил скрытого управления войсками. Так, переговоры по телефонам были ограничены и велись главным образом по телеграфу. Для этого в блиндажах командира корпуса, начальника штаба, командиров дивизий и укрепрайонов были установлены аппараты «Морзе».

Согласно приказанию начальника связи 40-й армии была проведена тщательная разведка линий связи всей полосы обороны 50-го корпуса. После этого были отремонтированы эти линии связи и широко использованы для связи корпуса, что дало возможность высвободить большую часть кабельно-шестовых средств для их использования в период наступления. Использование постоянных и суррогатных линий проводной связи показано на схеме организации проводной связи 50-го ск 17.08.1944 г. (ил. 2).

В период обороны и подготовки к наступлению в интересах управления и связи были проведены следующие мероприятия:

1. Командующий 40-й армией провёл со штабами корпусов и дивизий двухдневное учение на тему: «Развитие наступления в тактической и оперативной глубине противника» с применением всех средств связи.

Ил. 2. Схема организации проводной связи 50-го ск. 17.08.1944 г.

2. Для повышения квалификации радистов, особенно нового пополнения, были организованы корпусные практические занятия во всех радиосетях в районе Магера (60 км от переднего края).

3. Командир корпуса провёл двухдневное учение со штабом корпуса, штабами дивизий и полков на тему: «Управление боем в глубине обороны противника с применением проводных и подвижных средств связи» (радиосвязь не применялась ввиду близости переднего края и учебы радистов в районе Магера).

4. С личным составом подразделений связи корпуса была организована боевая и политическая подготовка по утверждённому плану, где особое внимание уделялось тренировке связистов с имуществом связи на выюках с лошадьми и без лошадей в горно-лесистой местности.

5. Начальником связи корпуса был проведён трехдневный сбор начальников связи дивизий, полков и командиров подразделений связи по вопросам организации связи, подготовки имущества связи и подготовки выюков к наступлению в горах.

Кроме того, к началу наступления все имущество связи корпуса было отремонтировано, заготовлено достаточное количество выюков для перевозки имущества связи в горах.

Интересен следующий факт. Ввиду большого недостатка батарей для анодного питания радиостанций начальником связи корпуса было организовано изготовление этих батарей на фабрике «Wega» в городе Рэдэуци, на которой раньше изготавливались карманные фонарики и батареи к ним. Эта работа проводилась группой радистов корпуса и частью румынских рабочих (страны, которая воевала против СССР), согласившихся поработать для нужд Красной армии. Всего было изготовлено 600 анодных батарей.

К началу наступления КП 50-го ск был развёрнут в Арбаре, ЗКП — юго-западнее Бурла. НП — один южнее ЗКП, второй юго-западнее Солька, недалеко от НП 240-й сд. К началу артподготовки в район высоты 838 перешла оперативная группа 240-й сд. Радиосвязь была обеспечена и организована согласно схеме организации радиосвязи 50-го ск 17.08.1944 г. (ил. 3).

К началу наступления в состав корпуса входили: 54 и 159-й УР, 240-я сд. Корпус был усилен двумя полками артиллерии РКК, а 26 августа 1944 г. в состав корпуса вошла 133-я сд.

В ходе наступления проводная связь обеспечивалась и организовывалась по оси и проводным направлениям. При этом широко

использовались постоянные линии связи вдоль долин и железных дорог, которые восстанавливались после разрушения отступающим противником. На сильно разрушенных участках выделялись временные кабельные и шестовые вставки, которые после восстановления этих участков снимались для дальнейшего использования. Для ускорения развёртывания оси связи выделялось не менее двух взводов, которые начинали работу одновременно с двух мест. Ввиду плохой проходимости автотранспорта во всех взводах кабельно-шестовых рот (КШР) и телеграфно-кабельных рот (ТКР) имелись повозки и лошади с бьюками для перевозки имущества связи, а в отдельных местах имущество связи переносилось бойцами на руках.

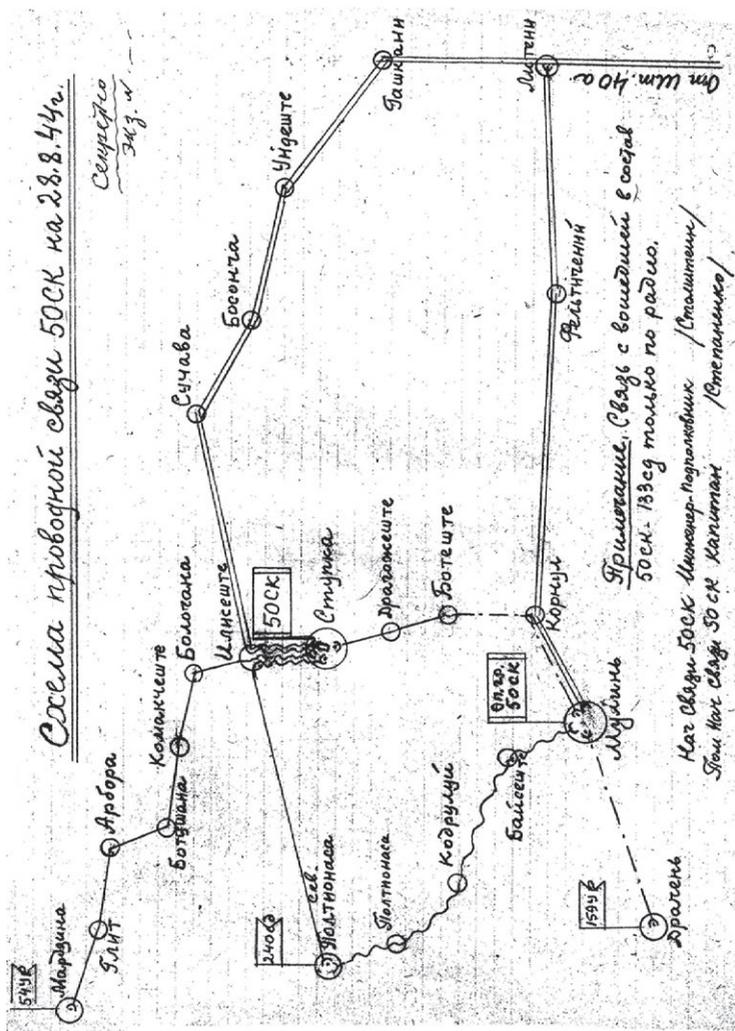
Управление войсками корпуса в период наступления организовывалось с КП и ЗКП или оперативными группами. Организация проводной связи на 28.08.1944 г. (ил. 4) и на 18.09.1944 г. (ил. 5) показаны на схемах.

Ввиду большого удаления штаба корпуса от штаба армии и штабов частей корпуса линии проводной связи прокладывались в обход больших высот и хребтов, отчего протяжённость линий связи увеличивалась в полтора-два раза. Протяжённость линий связи между штабом корпуса и армии составляла от 30 до 80 км, между штабом корпуса и его частей — от 8 до 40 км. Со штабом 133-й сд с 26 по 30 августа 1944 г. проводной связи не было ввиду наличия между штабом корпуса и штабом дивизии высоких хребтов.

В связи с плохой проходимостью автотранспорта и различного вида преград связистам приходилось работать с большим напряжением, несмотря на небольшой среднесуточный темп продвижения наших войск.

При восстановлении постоянных линий связи и наводке кабельно-шестовых линий связисты понесли потери от минных полей. Поэтому возникла необходимость подготовки связистов к разминированию минных полей и других объектов. В период наступления в горах элементы узла связи и подразделения связи размещались в домах без должной проверки.

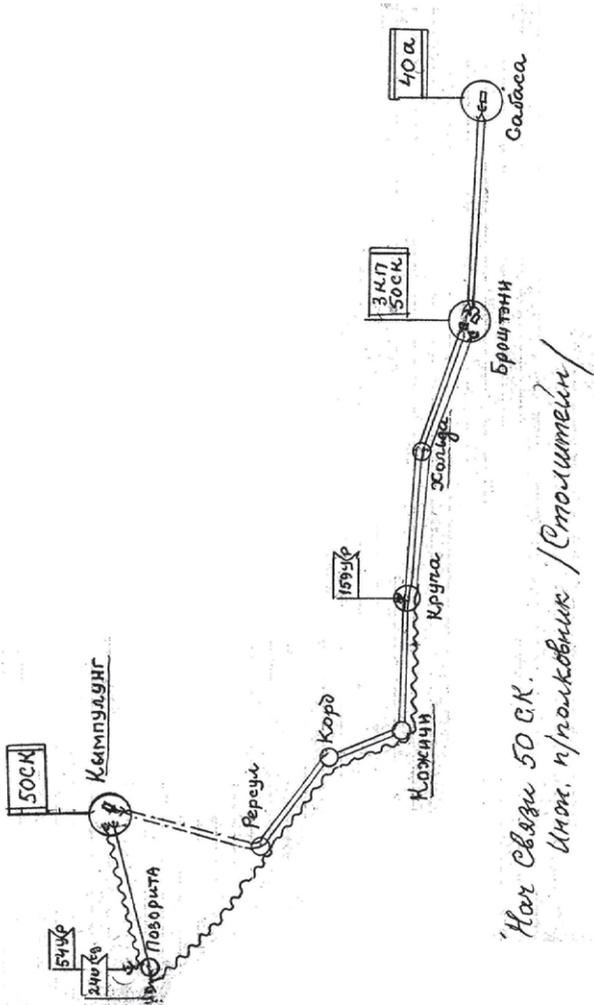
Так, например, 26 сентября 1944 г. штаб корпусного батальона связи и резерв связистов разместились после освобождения населённого пункта Якобени в здании школы, которое оказалось заминированным, о чём узнали из опроса пленных. Поэтому здание было срочно освобождено и разминировано

Ил. 4. Схема организация проводной связи 50-го ск на 28.08. 1944 г.

Секретно
Экз. №...

Схема проводной связи 50СК на 18.9.44г.

Ил. 5. Схема организация проводной связи 50-го ск на 18.09.1944 г.

нашими сапёрами. Благодаря счастливой случайности связи-сты не понесли потерь⁴.

После преодоления частями корпуса Карпатских гор, когда темп продвижения наших войск в некоторые дни превышал 25 км в сутки, связь с подчинёнными организовывалась главным образом по радио.

Если в период обороны радиосвязь работала только на проверку короткими сигналами по расписанию, то в начале наступления она стала работать и на приём, и на передачу в артиллерийских радиосетях с началом артподготовки, а в общевойсковых радиосетях — с началом атаки. В ходе операции менялся лишь состав корреспондентов корпусных радиосетей.

Маломощные радиостанции перевозились на повозках или бьюках. Они от штаба корпуса и штабов соединений не отставали. Более мощные радиостанции, смонтированные на автомашинах, отправлялись по обходным дорогам и часто прибывали на новое место с опозданием из-за разрушения мостов и порчи дорог отступавшим противником.

В связи с тем, что связь обеспечивалась и организовывалась в горно-лесистой местности, дальность связи за счёт плохого прохождения радиоволн существенно уменьшалась.

Для связи с наиболее удалёнными соединениями корпуса высылались промежуточные радиостанции на бьюках, которые развёртывались на господствующих высотах и имели телефонную связь со штабом корпуса через соединительные линии с осью проводной связи. С частями и отрядами, которые совершали обходные маневры, использовались антенны направленного действия, с ними радиосвязь была основным родом связи. Большую роль в организации радиосвязи сыграли личные радиостанции «РБ» командира корпуса и командиров соединений.

При организации радиосвязи командование корпуса столкнулось с рядом существенных недостатков. К ним можно отнести некомплектованность радиостанциями соединений корпуса, особенно УР-ов; нехватку анодного питания и радиолампы; слабую квалификацию радистов дивизионных сетей; большую убыль радистов, следовавших с отрядами вне дорог и попадавших под огонь противника⁵.

240-я сд 50-го ак действовала на главном направлении наступления корпуса, и вопросы организации связи в ней выражены более наглядно. В период подготовки к наступлению КП дивизии

находился в 8 км от переднего края. НП дивизии располагались на флангах на удалении 1—3 км от переднего края. На каждом НП имелось по 4 землянки, перекрытых четырьмя накатами, и колодец для наблюдения. Штабы стрелковых полков располагались в блиндажах в 4 км от переднего края, а их НП — в 1—2 км от переднего края⁶.

15 августа 1944 г. дивизии была поставлена задача — 19 августа 1944 г. прорвать оборону противника на участке гора Корманикул — гора Бобейка и обходным маневром с запада овладеть населённым пунктом Гура-Гумора. В дальнейшем совместно с 54 и 159-м УР-ами овладеть городом Кымпулунг на глубине 30 км⁷.

18 августа КП дивизии был развёрнут в трёх блиндажах и трёх наспах построенных из досок домиках, в 3 км от переднего края. НП дивизии был оборудован в 800 м от переднего края.

19 августа 1944 г. после мощной артподготовки дивизия двумя полками (842 и 931-м сп) прорвала оборону противника и к исходу дня овладела рядом высот и городом Ратунда. В следующие дни дивизия овладела еще несколькими высотами и городом Драгоша⁸.

22 августа противник, подтянув резервы, контратаковал части дивизии и перехватил тропы, соединявшие штабы полков с их частями. Вследствие этого один батальон 842-го сп и два батальона 931-го сп оказались в окружении без проводной связи, и в ночь на 23 августа им удалось выйти из окружения, имея только радиосвязь со штабами полков.

По плану боя предусматривалось продвижение частей 10 км в сутки. Однако необходимость маневрирования и обходов отдельными отрядами вне дорог значительно снизили темп продвижения войск, и город Кымпулунг был взят обходными манёврами лишь 12 сентября 1944 г. Этим самым был открыт путь вглубь Карпат.

При организации проводной связи в исходном положении остро ощущалась нехватка телефонного кабеля. Однако благодаря широкому использованию местных постоянных линий и суррогатных линий связи была создана широкая сеть проводной связи по линии КП и НП, что дало возможность высвободить кабельные средства для наступления в горах.

Перед началом наступления проводные линии связи (они были развёрнуты по тропам) часто рвались нашими артиллеристами

при расчистке секторов обстрела. Но иного пути прокладки проводных линий связи не было, так как с обеих сторон этих троп были крутые обрывы. Метод подвески кабельных линий связи по деревьям себя не оправдал, ибо линии рвались от качки деревьев и взрывных волн. Кроме того, куски кабеля вырезались бойцами, подвизавшимися боеприпасы и продовольствие.

Начальники направлений связи (ННС) дивизии к полкам придавали начальникам связи полков по одному отделению для прокладки линий вперёд, а себе оставляли по 2 отделения для обслуживания действующей связи, снятия ненужных линий и подноски кабеля к месту работы.

Выход мелких групп противника на коммуникации дивизии (лесные дороги и тропы) и разрушение линий связи потребовали организации охраны этих коммуникаций и установки контрольных станций из 4—6 человек. Маневрировать средствами связи было очень трудно, ввиду непроходимости транспорта при действиях частей вне дорог, где имущество связи переносилось на руках. Начальники направлений связи для того чтобы доставить имущество связи на линию высылали группу связистов в штаб дивизии, а им навстречу выходила другая группа с имуществом связи, которая при встрече с первой группой передавала ей имущество связи и возвращалась в штаб дивизии. Пустые катушки оставались на линии, и снятие линий проводилось с двух концов. Расход кабеля по обходным путям увеличивался в 1,5—2 раза, и скорость наводки линий в горах сильно уменьшалась (например, для наводки кабельной линии 1,5 км на «высоту 1209» ушло более часа)⁹.

Противник устраивал засады против связистов, подносивших имущество связи и исправлявших линии связи. Потери связистов в стрелковых полках составляли 10—15 %, а в батальонах до 40 %¹⁰.

Кабельные линии связи, как правило, были однопроводными, и получить хорошее заземление в скалистой местности было трудно. Протяжённость линий проводной связи от штаба корпуса до штаба дивизии доходила до 40 км. Несмотря на это, линии связи обеспечивались бесперебойно двумя взводами связи, которые работали перекатами, используя постоянные линии связи и свои кабельно-шестовые средства связи.

Радиосвязь в период наступления обеспечивалась и организовывалась по прилагаемой схеме на 23.08.1944 г. (ил. 6). При

перемещении КП дивизии на старом месте оставались радиостанции РСБ (для связи со штабом корпуса) и РБМ (для связи в радиосети дивизии). Остальные радиостанции перемещались на новое место, где принимали всю радиосвязь дивизии на себя. При действии отдельных отрядов дивизии в обход противника вне дорог единственным средством управления являлись маломощные радиостанции.

Ведение боевых действий вне дорог потребовало увеличения количества радистов, так как два радиста (экипаж радиостанций СЦР-284 и РБ) не в состоянии были переносить аппаратуру, запас электропитания, продукты и т. д.

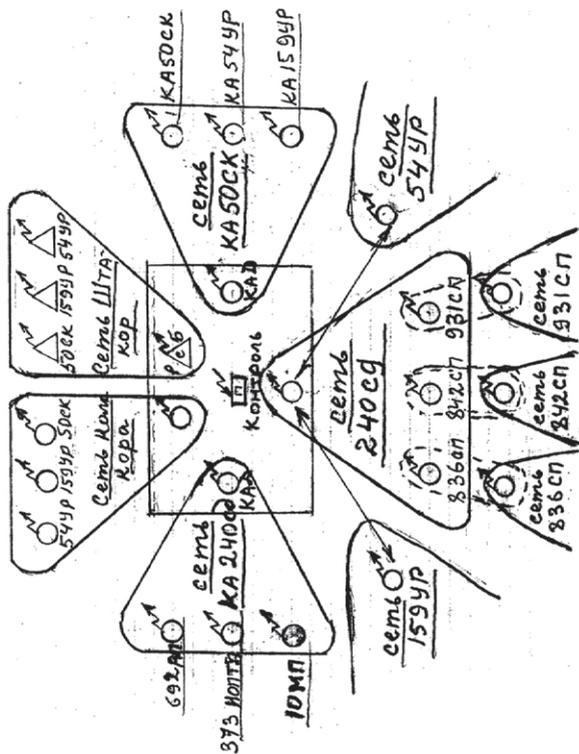
22 августа во время окружения противником некоторых частей дивизии (одного батальона 842-го сп и двух батальонов 931-го сп), заняв круговую оборону при отражении контратак противника, радисты этих батальонов передавали по радио заявки на арт-огонь, корректировали его, давали информацию об обстановке, что сыграло решающую роль в этом бою.

Для разведки обороны противника и его намерений в тыл противника неоднократно высылалась разведывательная группа в составе шести разведчиков и двух радистов с радиостанциями. Перед их отправкой в тыл врага радисты заучивали радиоданные наизусть. Для связи с разведгруппой устанавливалось круглосуточное дежурство (радиостанция РБ в штабе батальона и приемник «Торн» в штабе дивизии). Доклад группы об её месте нахождения проводился по специально кодированной карте, а сведения о противнике передавались открыто.

Связь подвижными средствами в дивизии была организована конными связными. При пункте сбора донесений дивизии имелось 12 конников, и от спецподразделений на этот пункт было прикомандировано по одному конному посыльному. Кроме того, от каждого стрелкового полка был прикомандирован офицер связи с тремя конными посыльными. На каждое направление назначалось по шесть конных посыльных, которые работали в две смены по три человека. Пакеты с содержанием секретной информации доставлялись офицерами связи.

Огромную помощь в работе пункта сбора оказывал сформированный в дивизии кавалерийский эскадрон в количестве 75 человек. Так, например, для обеспечения связи со штабом соседней дивизии, находящимся на удалении 80 км, под городом Сигет, командир дивизии посылал взвод кавалерийского эскадрона

Схема радиосвязи ^{500к} 240сд. ка 23.8.1944 года

Начальник связи 240сд Майор / Лисицын /

Ил. 6. Схема организации радиосвязи 50-го ск на 23.08.1944 г.

в составе 24 человек. Этот взвод дважды пробивался к штабу соседней дивизии для обеспечения обменом информации о положении своих войск и войск противника¹¹.

При командире дивизии из состава этого эскадрона находилась всегда группа конников в составе 18—20 человек, которые несли службу по охране комдива, посылались в части с пакетами и другими заданиями комдива.

В полках и батальонах нашли широкое применение сигнальные средства связи в виде ракет. Командиры полков и батальонов требовали от подчинённых командиров указывать ракетами места нахождения их подразделений.

Например, под городом Кымпулунг второй батальон 82-го сп в ночное время совершал обходный манёвр вне дорог в тыл противника, чтобы овладеть опорным пунктом. Но комбат потерял ориентировку и заблудился. Имея радиосвязь с командиром полка, он попросил указать ему ракетами направление выхода своих подразделений, что помогло батальону выполнить поставленную задачу¹².

Своевременная, достоверная и безопасная связь, несмотря на некоторые недостатки при её организации в дивизии, и самоотверженная работа связистов обеспечили командованию дивизии управление своими частями и подразделениями в Карпатских горах.

¹ История военной связи Российской армии. СПб.: ВОЛКУС, 1999. Т. 5. С. 197.

² Столштейн Я. Б. Записки об организации связи 50 ск при проведении Яско-Кишиневской операции в период с 20 августа по 27 сентября 1944 года.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Дневник боевых действий начальника связи 50-го ск с 25.2.1944 г. по 30.9.1944 г.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

Ф. А. Петров, М. В. Фалалеева (Москва)

**«ЧЕСТЬ БЫТЬ РОССИЯНИНОМ».
АВТОГРАФЫ ЕКАТЕРИНЫ II, КНЯЗЯ
ПОТЁМКИНА-ТАВРИЧЕСКОГО, ПАВЛА I,
АЛЕКСАНДРА I: ПРИСОЕДИНЕНИЕ
И ОСВОЕНИЕ КРЫМА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА.
СОЗДАНИЕ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА
(ИЗ СОБРАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ).
К ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ**

В 2022 г. исполняется 150 лет Историческому музею — великому памятнику национальной русской истории на Красной площади. Идея создания этого музея родилась в 1872 г., когда на Политехнической выставке в Москве был создан отдел Обороны Севастополя 1854—1855 гг.

В нашей книге рассказывается о присоединении и хозяйственном освоении Россией Крыма и Северного Кавказа, основании Черноморского флота и других важных вопросах жизни нашей страны конца XVIII — начала XIX в. Авторам-составителям удалось прочесть черновые карандашные записки Григория Потёмкина, который по праву получил титул светлейшего князя Таврического; расшифровать почерк несчастного Павла I, контраст которому представляет неповторимая подпись Александра I («Русского Сфинкса»).

Заканчивается книга письмом, написанным в страшный и героический 1812 год великой княгиней Екатериной Павловной. Русской крови в ней была лишь 1/16. И замуж её дважды выдавали за немецких принцев. Но всю свою короткую (31 год) жизнь она оставалась истинно русской патриоткой. Слова из её письма и дали название книге.

Немного об истории работы. В результате научного описания огромной коллекции под названием «Рукописные

книги и сборники из собрания П. И. Щукина» (фонд № 420) мы выявили и атрибутировали подлинные письма императрицы Екатерины II, императора Павла I и его семьи. Но главное открытие таилось в личном фонде светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического (фонд № 197) — давно известном, но далеко не полностью прочитанном.

Казалось бы, что можно нового найти в этих документах, поскольку переписка Екатерины II с Потёмкиным хорошо известна по изданиям Н. Ф. Дубровина, В. С. Лопатина и многих других¹. Однако сопоставление хранящихся в ОПИ документов с ранее известными материалами выявило ряд существенных расхождений. Важные мысли, содержащиеся в черновиках, не вошли в официальные рапорты.

Книгу открывает собственноручное письмо Екатерины II Г. А. Потёмкину от 13 июля 1778 г. Этот документ был обнаружен М. В. Фалалеевой и экспонировался в Государственной Думе Российской Федерации в марте 2014 г., в связи с возвращением Крыма в состав России². Как Екатерину, так и Потёмкина особенно волновали вопросы, связанные с укреплением южных границ Российской империи и превращением её в Черноморскую державу. К этому времени Россия уже имела Керчь, Еникале, Кинбурн, права торгового мореплавания по Чёрному морю и строительства портов на Черноморском побережье. Было ясно, что Турция, едва оправившись от последствий войны 1768—1774 гг., попытается вернуть утраченные позиции.

Но особое место занимал Крым, который в любой момент мог стать форпостом агрессии против России. И здесь позиции государыни и её любимца разошлись в сроках. Григорий Александрович стремился как можно быстрее присоединить Крым к Российской империи. Екатерина же писала о необходимости тщательной подготовки присоединения Крыма к России. Она понимала, что расстановка фигур на шахматной доске европейской политики ещё не позволяет России осуществить подобную акцию. Это стало возможным немного позже, когда занятые в это время своими военными делами Австрийская империя, Франция и Англия реально помешать России не могли, а крымским ханом с 1777 г. был ставленник России Шахин-Гирей.

Помимо этого публикуются ещё три письма и рескрипт Екатерины Потёмкину, а также 40 с лишним черновики писем и рапортов самого Потёмкина за 1783—1790 гг.

В центре внимания, безусловно, был Крым. В конце 1782 г. Потёмкин прямо писал императрице, что «с Крымом достанется и господство в Чёрном море». И вскоре его идея получила реальное воплощение. В фонде Г. А. Потёмкина обнаружен весьма ценный документ, представляющий краткое изложение его секретных реляций императрице о Крыме за весь 1783 г. Так, 5 января князь сообщал, «что бунтовавшие в Крыму татары, устроясь силы российского оружия, покорились» и были прощены ханом Шагин-Гиреем³. Однако вскоре, подстрекаемый Портой Оттоманской, Шагин-Гирей стал интриговать против России, и 16 мая Потёмкин в своем рапорте прямо указал на необходимость удалить его из Крыма.

В тот же день Потёмкин испросил «Высочайшего повеления об отправлении из С.-Петербурга 37 полу- и картаульных единокоргов в Ахтиярскую гавань и прочие побережные места для отражения неприятельских покушений и даже зажигания их кораблей». 19 мая он пишет о «неудобности выводить из Херсонского порта корабли за не изысканием фарватера и повелении построить на Дону две пинки (двух- или трёхмачтовые парусные суда) для транспортирования снастей в Ахтияр, где вскоре изготовятся доки для построения кораблей». 27 мая — о необходимости в укреплении старых крепостей и строительстве новых в Крыму и на Тамани. 1 июня — о поставленном в Керчи и Еникале полку из двух гарнизонных батальонов и «позволении наименовать его Таврическим»⁴.

19 и 27 мая 1783 г. Потёмкин писал о чуме (или, как тогда говорили, «моровой язве»), появившейся в Тамани и перешедшей оттуда «в границы Новороссийской губернии», а затем и в Крым. Однако быстро победить эпидемию не удалось, поскольку не соблюдались даже самые элементарные меры предосторожности. Екатерина II была обеспокоена эпидемией. Потёмкин вынужден был признать, что первоначально принятые им карантинные меры «были слабы и без лекарей», и сообщал о новых предпринятых им срочных распоряжениях: «Сею язвою я был наиболее встревожен по рапортам из Крыма... Я немедленно кинулся туда, сделал распоряжения отделением больных и незаражённых, окуря и перемыв их одежду... принуждаю к чистоте. Хожу по лазаретам чумным и тем подаю пример». В сохранившейся в ОПИ специальной записке Потёмкина того же времени говорилось, что в Херсоне солдаты располагались

в землянках, где подвержены эпидемии; не было колодцев, недоставало бань, отсутствовали госпитали. Он успокаивал императрицу: «Всё будет заведено, устроено, тогда ж и болезнь не распространится». 29 июля Потёмкин с гордостью пишет: «Помощию Божию язва не распространяется ни в войсках, ни в губернии Вашей»⁵.

Именно эпидемия чумы вынуждала Потёмкина затягивать с обнародованием манифеста о присоединении Крыма к России, который был подписан Екатериной II ещё 8 апреля 1783 г.

Письма Потёмкина свидетельствуют о трудностях, которые пришлось преодолеть ему, чтобы сломить сопротивление хана Шагин-Гирея, которого подстрекали турки и местное духовенство не подчиняться требованиям покинуть Крым. При этом он противопоставлял враждебных России беев и муфтиев простому народу, обращая внимание на его «дружелюбное обращение... с нашими»⁶.

Наконец, 10 июля 1783 г. Потёмкин рапортовал императрице «о učinённой торжественной присяге собравшимися членами правительства Крымской области, беями, мурзами, духовенством и чернию с согласия всего татарского народа в 10-й день июля по закону их при полной тишине и учреждённом Магометанском суде для наблюдения правосудия и порядка». В рапорте от 30 июля Григорий Александрович «изъявляет свою заботу о лучшей прочности приобретения Крыма и Кубани и о полной безопасности границ Российских». 22 октября фельдмаршал писал императрице «о желании татарских чиновников и мурз быть в российской службе» и просил разрешения награждать их чинами⁷.

При этом главным российским морским портом на Чёрном море продолжал основаться Херсон, основанный еще в 1778 г. как судостроительная верфь. 1 июня Потёмкин просил «об отпуске достаточной суммы денег для флотских в Херсоне работ». В других рапортах 1783 г. он писал о повелении Херсонскому адмиралтейству начать строительство фрегатов «о 50 пушках», а 22 сентября торжественно рапортовал «о спущенном благополучно 66-пушечном корабле, именуемом “Слава Екатерины”»⁸. Это был *первенец* Черноморского флота.

Ещё в 1778 г. Суворов при объезде крымских берегов обратил внимание на удобную бухту Ахтияр (белый утёс), который рассматривался как база для русских кораблей. В 1782 г. Потёмкин писал императрице, что Ахтияр лучшая гавань на свете.

В итоге указом Екатерины II 10 февраля 1784 г. предписывалось «устроить крепость большую Севастополь — там, где ныне Ахтияр». Потёмкин проделал огромную работу по подготовке этого порта, о чём свидетельствует его «Всепоподаннейший доклад» от 10 августа 1785 г. о крепостях в Тавриде: «Главная, и одна только крепость должна быть — Севастополь, при гавани того же имени». Также предлагалось укрепить крепости — Евпаторию; Сербулат; в Феодосии «возобновить строение городское и приморскую сторону оградить батареями»; у пролива Еникальского, ради «удержания десантов и верности сообщения с Таманом сделать у Павловской батареи небольшое, но прочное укрепление»⁹.

Отметим рапорты сподвижника и продолжателя дела Потёмкина Н. С. Мордвинова, адмирала, командовавшего флотилиями на Чёрном море.

В его рапорте от 24 мая 1792 г. указывалось, что в Севастопольском порту «число благонадёжных к служению на море судов состоит из 7-ми линейных кораблей, 4-х пятидесятипушечных фрегатов, 7-ми сорокапушечных фрегатов, 1-го тридцатипушечного, 2-х двадцатипушечных акатов (акат — парусный и гребной двух- или трёхмачтовый корабль крейсерского типа. — *Ф. П., М. Ф.*), 20 крейсеров и 6 транспортных судов, в состоянии хорошем... Мачты на всех оных судах в состоянии хорошем; артиллерия удобна; стоящий такелаж на многих должен быть частью переменен, по причине перебития во время сражения». Планировалось также устроить удобные пристани, доки, краны, мастерские, магазины для провианта, склады для артиллерийских снарядов, пороховые погреба и церковь. Вблизи кораблей, по кряжам бухт, были поселены военные моряки, купцы и магистрат. В целях обеспечения безопасности корабельной гавани предлагалось отдельно на Северном берегу Севастополя основать купеческий город, что позволило бы отделить «купеческие суда от военных» и товары выгружать прямо на берег, а не через рейд. Ввиду каменистой и горной местности и отдалённости лесов предполагалось пригласить из Екатеринославской губернии бахмутских и донецких помещиков, которые должны были «искапывать из своих земель уголья», находящиеся у них «в великом количестве», и доставлять на транспортных судах через Таганрог в Севастопольский порт¹⁰.

В том же месяце Мордвинов подал Екатерине II отчёт о состоянии двух других военно-морских портов — Херсона и Николаева.

В Херсоне находилось Черноморское Адмиралтейское правление, председателем которого после смерти Потёмкина в 1792 г. был назначен Мордвинов. Из рапорта мы узнаём, что при Адмиралтействе производилось строительство военных фрегатов — одного двадцатипушечного, другого тридцати-четырёхпушечного, а также и других судов, на что правительство ассигновало большую денежную сумму — почти 4 млн р. В Херсоне также был построен литейный завод, который выпускал в месяц от 20 до 25 осадных пушек.

Город Николаев, основанный в 1789 г., строился как корабельная верфь и в будущем стал центром кораблестроения и центром управления Черноморским флотом. Устье реки Ингул, где был основан город, было более удобным для строительства кораблей, нежели Херсон. Как писал Мордвинов, в 1792 г. основное положение в городе занимало Адмиралтейство, располагавшееся при устье Ингула. Активно строились 90-пушечный корабль и военные фрегаты (26- и 42-пушечные). В 12 верстах от Николаева в селе Богоявленском (ныне Корабельная часть города) на реке Буг были построены пристань, паром, каменный дворец, дома для офицеров, госпиталь и Земледельческое училище. Потёмкин планировал создать здесь и «училище для мореплавания»¹¹.

По инициативе Потёмкина в 1784 г. в Крыму была создана Таврическая область (губерния), а сам Григорий Александрович получил к княжескому титулу почетную приставку «светлейший князь Потёмкин-Таврический». Екатерина II повелела центром этой области сделать город Симферополь (в переводе с греческого языка — «город пользы»). В ОПИ ГИМ сохранился рапорт Потёмкина императрице от 10 августа 1784 г., в котором он писал: «Симферополь для города губернского наилучшее место у Ак-Мечети, потому что город сей почти в середине земли, довольно имеет воды и лесов, и съезд из деревень, куда путь удобнее по причине ровного положения»¹². Так рядом *со старой* Ак-Мечетью возник *новый* русский город Симферополь.

В черновике всеподданнейшего доклада Потёмкина от 10 августа 1785 г. говорится, что восточная граница Таврической области должна идти «по реке Берде», «присовокупя и донские селения». Но в самом рапорте Екатерине Великой области определялись восточнее, до реки Кальмиуса, т. е. включая земли современной самопровозглашённой Донецкой народной республики. Присоединение новых земель шло параллельно с их

хозяйственным и культурным освоением. Большую заботу светлейший князь придавал хозяйственному освоению Крыма, указывая на необходимость заведения на полуострове суконных фабрик, производства «продуктов крымских, пшеницы и соли»¹³.

Написанные Потёмкиным «Наставления профессорам экономии» требовали от них «объехать все казённые селения», обращая внимание, в каком они состоянии, и «как разделена земля и достаточно ли для каждого». Всё домоводство устроить, сообразуя качеству земли здешней, со всеми изобретениями, в Англии введёнными, в образе пахания земли, в обороте посевов, в размножении полезных трав, и лучших орудий земледельческих, также гумны и овины. Завести мельницы же, где нет водяных, сделать ветряные»¹⁴.

Потёмкин сожалел о том, что, несмотря на «доброту земель Екатеринославской губернии и Таврической области», они из-за незаселённости не приносят никакой пользы, и «сия про странная и изобильнейшая земля в России не имеет еще ни десятой доли жителей по её пропорции». В связи с этим он просил Высочайшего повеления «от Сената спросить по губерниям желающих добровольно переселиться... много охотников будет, а паче однодворцев, которые крайне обрезаны землями, как то в Курской губернии. Плодородие здешних земель доставит впредь продовольствие другим местам России»¹⁵.

Потёмкин заботился об освоении новых земель старообрядцами. 10 августа 1785 г. он, в частности, предлагал дозволить всем старообрядцам переселяться на места, лежащие между Днепром и Перекопом¹⁶.

Особое внимание Потёмкин уделял городу Екатеринославу (Днепропетровск). «Где же инде, как в стране, посвящённой славе Вашей, быть городу из великолепных зданий», — писал он императрице. Григорий Александрович старался устроить новый город по образцу городов Древней Греции и Древнего Рима, в чём сказался его интерес к античности. Потёмкин подчёркивал, что старания местных зодчих недостаточно — необходимо «изящество возобновления Афин». Он писал даже, что знает «строение и науку архитектурскую лучше всех архитекторов»¹⁷. Тем не менее, для строительства города Потёмкин пригласил знаменитого петербургского зодчего И. Е. Старова, и его замысел и лёг в основу существующего города, построенного в 1790—1792 гг. Потёмкин, воспитанник Московского университета, не мог не озаботиться

созданием университета в Екатеринославе. Однако университет был основан лишь в 1918 г.

Значительную часть переписки занимают материалы о войнах России с Турцией (1787—1791 гг.). Главная задача решалась на Чёрном море.

Прежде всего, об осаде и взятии крепости Очаков. Известно, что приказ о штурме («Расположение генеральной атаки Очакова») Потёмкин составил 1 декабря 1788 г., а 4 декабря сделал дополнение к нему. Нам представляется, что публикуемый документ из фондов ОПИ представляет самостоятельную ценность. «Главное, — считал фельдмаршал, — завладеть ретраншементами и землянками, атакуя турок со всех сторон. А если они побегут в крепость, то преследовать их сомкнутым строем. Всем колоннам предписывалось выступать попеременно непременно до восхода солнца, ибо “перед светом турки спят крепко”. Когда в какой-либо колонне раздастся крик “Ура”, всем другим дружно выступать. Внезапное нападение во всех местах лишит неприятеля возможности спрятаться в землянках и домах, где и истреблять всех скоростижно»¹⁸. 6 декабря 1788 г., в день Святителя Николая, Очаков был взят штурмом русскими войсками.

Особый интерес представляют рапорты Потёмкина о взятии Бендер от 4 и 9 ноября 1789 г. В первом, в частности, говорилось: «Всевышний даровал мне новую славу оружию Вашего Императорского Величества. Бендеры, будучи стеснены и уstraшены войсками, пали к освящённым стопам»¹⁹.

Но особенно примечателен второй рапорт. Приведём только несколько цитат. «Имея лишь 8 осадных орудий, Потёмкин подводил к крепости войска по частям», потом ещё «50 судов с Черноморскими казаками» и отряд русских войск, последний «стал лагерем напротив больших их пушек». Когда присланный для переговоров турецкий парламентёр заявил, что туркам «потребно 20 дней для выхода из крепости», то Потёмкин ответил, «что не привык я с ними торговаться, а что открою огонь, если не будет от них решительного отзыва» и приказал «изо всех пушек произвести выстрелы. И от сего пришли в крайнюю робость и прислали **посольство** с донесением, что паша и город отдаются неограниченно в мою волю». Ровно в час дня «неприступная» крепость Бендеры пала! «Всевышний даровал Вашему Императорскому Величеству блистательную кампанию, которая Его помощью свершилась в два месяца. К сему присовокупляются

поздравления от Генералитета, офицеров и всех неутомимых и храбрых солдат Ваших. Христос наша сила, и мы в воскресение воспоём благодарственное в храме Святого Георгия, обращённом из главной мечети»²⁰.

Одновременно с Турцией Россия оказалась вовлечённой в войну со Швецией, начатой летом 1788 г. королем Густавом III, который отдал приказ своему брату напасть на русский флот у Кронштадта. Навстречу из Кронштадта вышла эскадра адмирала С. К. Грейга. В собственноручно подписанном Екатериной II рескрипте говорилось, что «6-го числа июля НАШ флот имел со флотом Шведским сильное и упорное сражение с обеих сторон, продолжавшееся от 5-ти часов вечера до 10-ти часов беспрерывно. Мы взяли корабль семидесятипушечный, “Принц Густав” именуемый, на котором находился граф Вахтмейстер, командовавший авангардиею флота неприятельского под флагом вице-адмирала; он отдался, спустя свой флаг пред кораблем “Ростиславом”, на котором был флаг НАШЕГО адмирала Грейга. Сражение кончилось при темноте ночной... Неприятель отступил и, отдаляясь, оставил нас Господствующими на месте победы... Он имел пятнадцать линейных кораблей семидесяти и шестидесяти пушечных и восемь больших фрегатов, которые вошли в их линию баталии»²¹.

Несомненный интерес представляет записка Потёмкина Екатерине II от 28 февраля 1789 г.: «Сверх общих правил боевого строя каждая нация имеет нечто ей свойственное, наипаче во флотах сие бывает по конструкции и часто по крепости или по ветхости судов, а паче калибра пушек. Для положений генеральных нужны мне сведения, в каком числе состоял флот шведский и каких рангов их суда: вместе ли он весь был или разделён, были ли лёгкие эскадры для крейсерств; какого рода мелкие их суда и с какой артиллериею. По взятому кораблю можно знать о числе экипажа, а по тому судить, предполагают ли они абордаж. Манёвр их был ли стремителен или больше состоял в укреплении линии, из чего бы можно увидеть, к чему они больше наклонны — наступать или обороняться. Сие мне крайне нужно, ибо тогда я узнаю, как свои устроить части и как действовать, тем паче, что в морском деле моя система состоит в калибре пушек, с чего меня не собьют все адмиралы в свете»²². Потёмкин исходил из того, что победы гребной флотилии над корабельным флотом турок во многом были обеспечены большим калибром пушек, установленных,

по его предложению, на русских судах. Как видим, одним глазом «светлейший» успевал следить и за происходящим в войне со Швецией.

Теперь о победах Черноморского флота под командованием Ф. Ф. Ушакова в Керченском морском сражении 8 июля и при мысе Тендра 28 и 29 августа 1790 г. «Мои инструкции, — писал Потёмкин 7 сентября 1790 г. главному докладчику императрицы А. А. Безбородко, — или мир, или война... Бездельник их капитан-паша, будучи разбит близ Тамана с повреждёнными кораблями, как курва, и теперь. Ещё пять судов починаются, а наскзал, что у нас потопил несколько судов. Сия ложь и у визиря была опубликована... Теперь было ещё у флота сражение, где они потеряли Капитанию и еще большой корабль. Адмирал Капитания Саид-бей у нас в полону. Капитания сожжена: тут потонуло 800 человек да живьём взяли с других кораблей и лёгкими судами 700 человек с лишком. У них разбитых судов много потонуло и все разбиты в прах. Бог нам, видимо, помогает, а они идут против Его власти». В другом письме Потёмкин писал генерал-майору В. С. Попову из Бендер: «Слава Богу, Ушаков начисто флот Турецкий разбил»²³.

«Фаворит», «Баловень Судьбы» — какими только эпитетами не награждали Потёмкина завистливые и куда менее талантливые современники. Сам Григорий Александрович ответил на это в коротком письме к Безбородко, также хранящемся в ОПИ. Письмо написано в период последнего пребывания Потёмкина в Санкт-Петербурге (февраль—июль 1791 г.): «Есть ли есть кто, имеющий право не терпеть от зависти, то это я, ибо в жизни никому не позавидовал»²⁴.

46 рескриптов Екатерины II, Павла I и представителей императорского дома адресованы генералу Ивану Васильевичу Гудовичу (1741—1820). Эти документы большей частью также посвящены теме утверждения и освоения Крыма и Северного Кавказа. Личность этого военачальника гораздо менее известна, но он тоже сыграл немаловажную роль в укреплении южных границ России и в определённой степени стал продолжателем дела безвременно умершего Потёмкина.

Командуя отдельным корпусом в очередной русско-турецкой войне, Гудович овладел турецкими крепостями Хаджибеем (с 1795 г. Одесса) и Килией (ныне город в Одесской области на берегу Дуная). За эти подвиги 12 ноября 1790 г. он был

произведён в генерал-аншефы и отправлен на Кавказскую укрепленную линию в качестве командующего Кубанским корпусом и начальника Кавказской линии.

Гудович занялся обеспечением Азовско-Моздокской линии от набегов горцев и получил высочайшее позволение построить несколько крепостей на Кубани и Тереке. В кратчайшие сроки в 1780-е гг. эта линия была построена. В своих посланиях императрице Потёмкин подчеркивал важное стратегическое значение этой линии, которая должна была не только удержать стремление турок и кавказских племен от нападений на Россию, но и «подкрепить» действия войск наших в Крыму. Екатерина II действовала опять-таки гораздо тоньше, и в этом отношении крайне интересен ее обстоятельный рескрипт Гудовичу, данный 9 мая 1792 г. из Царского Села и полученный им на горе Бештау. Императрица, одобряя распоряжение Гудовича о строительстве «крепостей и станиц на линии Кубанской для закрытия от горских народов владений наших», в то же время считала необходимым отделить преданных России кабардинцев от тех горцев, которые постоянно совершали набеги, используя при этом мусульманское духовенство: «Употреблять кстати и блеск, и страх оружия с тем, однако ж, чтобы не прежде приступить к таковой необходимой крайности»²⁵.

С восшествием на престол Павла I Гудович поначалу оказался в фаворе и получил чин генерал-фельдмаршала. Новый император продолжил политику Екатерины II по укреплению старых и строительству новых крепостей, а также расширению территорий на Северном Кавказе, о чём свидетельствует его письмо Гудовичу от 20 февраля 1797 г. В этом письме перечисляются крепости, города и укрепленные станицы, как находящиеся на Азовско-Моздокской линии, так и южнее её: Аварская, Константиногорская, Екатериноградская, Моздок, Шелководская, Григориополис, Кизляр, Кавказская, Атен, Кумское, Темнолесская, Ставрополь, Московская, Георгиевск²⁶.

В день коронации Павла I 5 апреля 1797 г., в день Пасхи, Иван Васильевич был возведён в графское достоинство. В 1798 г. Гудович был отозван с Кавказа и назначен сначала Киевским (март—июнь 1798 г.), а затем генерал-губернатором Волынским, Подольским и Херсонским.

В письмах Павла I содержатся ценные сведения о переломном периоде в истории русско-французских отношений. Основной

причиной были агрессивные действия Франции, стремившейся к созданию колониальной империи на Ближнем Востоке и захвату Средиземного моря. Запугивая Турцию «русской угрозой», французские дипломаты старались вовлечь Османскую империю в союз против России. При этом они сулили султану Крым и часть Грузии. Министр иностранных дел Французской республики в 1798 г. Шарль Морис Талейран прямо указывал на желательность разрушения Херсона и Севастополя. Еще 20 июня 1798 г. Павел писал из Павловска: «Нужно будет, Граф Иван Васильевич, по обстоятельствам вам быть готовым, взяв к себе как артиллерию, так и подвозной магазейн, для сбора войск». 6 августа 1798 г. император писал Гудовичу о важности Ионических островов: «Получа известие, что французы в Архипелаге, и посему могут и на Царьград покуситься, то моё мнение, чтоб тогда вы заняли вместе и соединено с Дашковым Молдавию, и так держать себя и его готово, прикрывая берега и Херсон, и пути, дабы помешать врагу»²⁷. К счастью, франко-турецкая коалиция сорвалась, прежде всего благодаря героизму русских моряков под командованием адмирала Ф. Ф. Ушакова.

Однако в июне 1800 г. за критику прусских порядков, которые император Павел пытался ввести в русской армии, Гудович был безосновательно отправлен в отставку.

В последние годы недолгого правления Павла I было обращено особое внимание на поиски и охрану кавказских минеральных вод, а также на добычу руд на Северном Кавказе, в том числе золота и серебра. Об этом свидетельствуют копии императорских рескриптов и рапорты ряда высокопоставленных чиновников²⁸.

Внутренняя политика последних лет царствования Павла I нашла продолжение в начале царствования его сына. Речь о рапортах Александру I, взшедшему на престол 12 марта 1801 г., от министра внутренних дел графа В. П. Кочубея по трём конкретным сюжетам, связанным с хозяйственным освоением Екатеринославской и Новороссийской губерний, Крыма, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Во-первых, это основание виноделия; во-вторых, развитие шелководства (т. е. тому, чему уделял внимание Потёмкин в своих рапортах и записках). Новым было обращение внимания на упорядочение рыбных промыслов на Каспии — как бы мы теперь сказали, на вопросы рыбнадзора и экологии. Все эти рапорты были одобрены

императором, о чём свидетельствует его собственноручная «ви-за» в правом верхнем углу²⁹.

¹ Екатерина II и Г. А. Потёмкин. Личная переписка 1769—1791 г. / Издание подготовил В. С. Лопатин. М., 1997; Бумаги князя Потёмкина-Таврического: Сб. военно-исторических материалов. Вып. 6—8. СПб., 1893—1896; Г. А. Потёмкин: от вахмистра до фельдмаршала: Воспоминания, дневники, письма. СПб., 2002.

² ОПИ ГИМ. Ф. 1. Ед. хр. 104. Л. 2—2 об.

³ Там же. Ф. 197. Ед. хр. 1. Л. 82.

⁴ Там же. Л. 88.

⁵ Там же. Ед. хр. 2. Л. 75—77.

⁶ Там же. Л. 90.

⁷ Там же. Л. 92 об.

⁸ Там же. Л. 89.

⁹ Там же. Л. 38.

¹⁰ Там же. Ед. хр. 1. Л. 140—141.

¹¹ Там же. Л. 138—139.

¹² Там же. Л. 9.

¹³ Там же. Ед. хр. 2. Л. 51—52.

¹⁴ Там же. Л. 85—87.

¹⁵ Там же. Л. 41—42.

¹⁶ Там же. Л. 53.

¹⁷ Там же. Ед. хр. 1. Л. 37.

¹⁸ Там же. Л. 108—109.

¹⁹ Там же. Ед. хр. 2. Л. 4—5.

²⁰ Там же. Л. 8—9 об., 14—16 об.

²¹ Там же. Ф. 420. Ед. хр. 116. Л. 17, 22 об.

²² Там же. Ф. 197. Ед. хр. 2. Л. 2.

²³ Там же. Л. 6—7, 12—13.

²⁴ Там же. Ед. хр. 1. Л. 7.

²⁵ Там же. Ф. 420. Ед. хр. 116. Л. 24—28.

²⁶ Там же. Ф. 120. Л. 4—5 об.

²⁷ Там же. Л. 20—23 об.

²⁸ Там же. Ф. 420. Ед. хр. 159.

²⁹ Там же. Ед. хр. 126.

Е. П. Петрова (Владимир)

«ВОЙНА НАЧАЛАСЬ...»

(ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА ВЛАДИМИРЦЕВ 1941 г.)

О СОБОЕ МЕСТО среди документов периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. занимают письма. В собрании Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника хранится около 300 писем военного времени¹. В основном это письма с фронта, из тыловых частей, три письма из военной Москвы, четыре — из блокадного Ленинграда², одна новогодняя открытка, отправленная на фронт. Несколько писем от командования, сослуживцев по случаю награждения героя-однопольчанина его родным, два письма с фронта конструкторам оружия П. М. Горюнову и С. В. Владимирову, письмо-обращение В. А. Дегтярёва к бойцам.

Сохранившиеся письма военных лет, порой единственные весточки от родных, сегодня уже история, история войны глазами её участников. О первых днях и месяцах войны рассказали владимирцы своим близким в письмах, отправленных с мест службы и боёв из Западной Украины, Петрозаводска, Мурманска, Ленинграда, Москвы. Двенадцать писем 1941 года написаны карандашом и чернилами, на листках из школьной тетради и из блокнота, сложенные треугольником и в почтовых конвертах, три — с отметками военно-полевой почты.

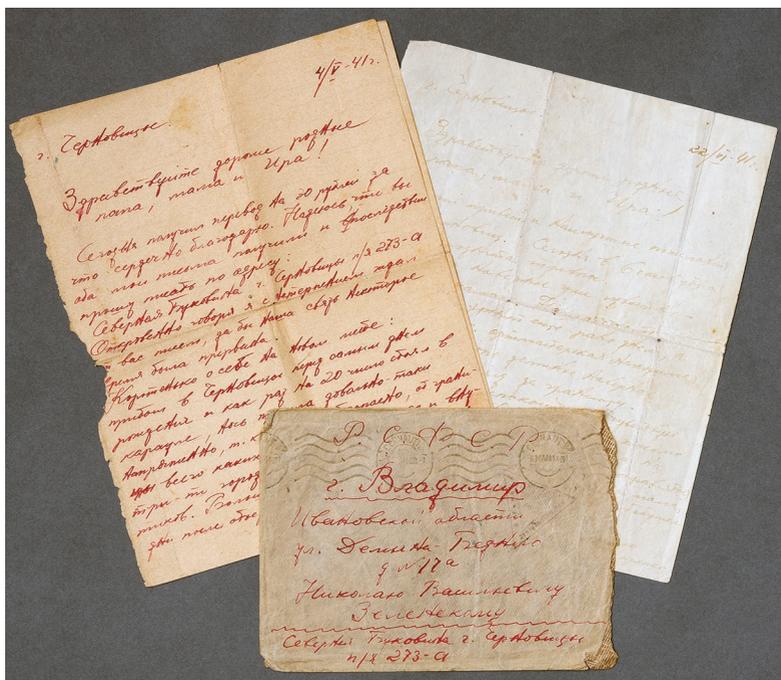
Письма, написанные в первые дни начавшейся войны, передают ситуацию неопределённости и эмоционального напряжения, в котором находились их авторы. В этих письмах ещё очень короткие сообщения о боевых действиях, о суровых фронтовых буднях. Они разные по содержанию, но похожие во многом по настроению. В строчках писем политрука, бывшего красногвардейца, колхозника, моряка-поэта, студента академии,

фотокорреспондента газеты звучат уверенность в быстротечности войны, в скорой победе, готовность умереть за неё, забота о родственниках, оставшихся в тылу.

Все письма начинаются с тёплых обращений к родственникам: «Добрый день, мои родные папа, мама, братья», «Дорогая и милая моя мама», «Дорогая любимая Марейка!», «Здравствуйте, милые папа, мама и Тамуся!!!», «Многоуважаемая моя супруга». Заканчиваются словами поддержки своим близким. У кого-то из бойцов впереди ещё трудные годы войны, а чьё-то письмо так и осталось единственным.

Наиболее редки и интересны письма, отправленные из приграничных частей накануне, в первые дни войны. В музее хранятся два письма Н. Н. Григорьева-Зеленского³ родителям во Владимир из г. Черновцы, в 1939 г. присоединённого к СССР. В апреле 1941 г. Николай был отправлен на формирование нового полка на Западную Украину, недалеко от границы.

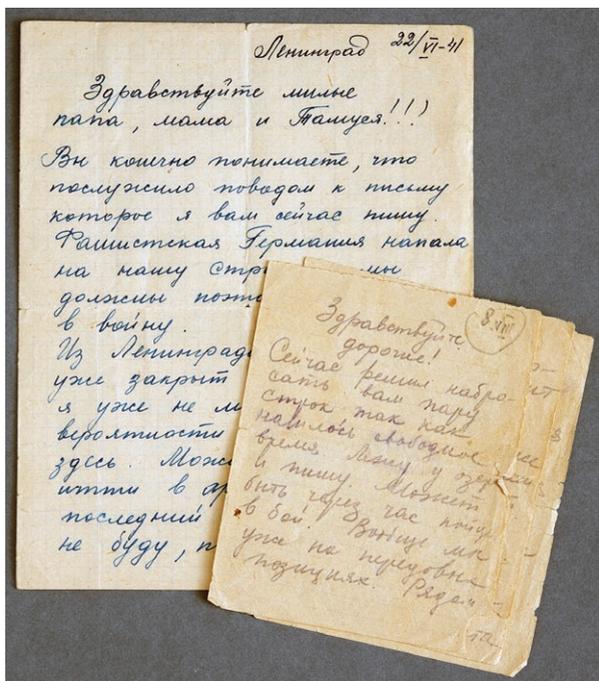
Первое письмо написано 4 мая 1941 г. (ил. 1). На конверте, наряду с почтовыми, проставлен треугольный штемпель военно-полевой почты. В письме всего несколько строк о начале службе и положении в городе: «Коротенько о себе на новом месте: прибыл в Черновцы перед самым днём рождения и как раз на 20 число стоял в карауле, ночь прошла довольно-таки напряжённо, т. к. здесь не безопасно, от границы всего 20–25 км, да и внутри-то города много опасных элементов»⁴. Далее двадцатидвухлетний красноармеец подробно описывает свои «приключения» по дороге, первое знакомство с городом. Николай восторженно рассказывает как «весело и разнообразно» провёл праздник: «все дни гулял в городе, побывал два раза в цирке, во дворце митрополита — это что-то сказочное, в нём жил митрополит Буковины»⁵. Интересные факты о дворце он поведал своим родственникам: «Весь дворец строили 18 лет, и стоит он 160 млн рублей. Говорят, что когда он удирал, так вагоны золота увёз с собой. Какие ценные залы, комнаты, портреты королей! Он частенько принимал к себе иностранных королей и министров и готовил специальную литературу в случае переворота в СССР. В общем, всего не опишешь, впечатление оставило неизгладимое»⁶. Ему очень понравились чистые улицы, трамваи, троллейбусы, разнообразие и низкие цены товаров в магазинах: «Ну, а насчёт продуктов и нечего говорить — завал, чего только хочешь... Одним словом, я доволен, что попал

Ил. 1. Письмо Н. Н. Григорьева-Зеленского. 4 мая 1941 г.

в Черновцы, хоть посмотришь всего, здесь замечательный театр, так думаю сходить, а к митрополиту ещё схожу — замечательно — я восторге от его сказочности, красоты и ценности убранств... Сегодня начались нормальные будничные дни. Насчет отпуска пока ещё ничего не слышно»⁷. Николай строил планы на будущее, мечтал осенью съездить домой, купить и привезти всем подарки.

Второе письмо, совсем выцветшее от времени, написано в первый день войны, 22 июня 1941 г. Оно короткое, с сообщением о главном: «Горячий привет и наилучшие пожелания из г. Черновиц. Сегодня в 6 часов утра была поднята тревога. Как вам наверное уже известно — война началась. Наша часть ушла на фронт ещё рано днем, а мы ещё, т. е. артмастерская, находимся в городе. Скоро должны наверное выехать, вперёд за границу. Обо мне не беспокойтесь, чувствую себя хорошо»⁸. Впереди у Николая был лагерь для военнопленных, побег и долгожданная победа.

Ил. 2. Письмо Е. Н. Семёновского 22 июня 1941 г.

Студент второго курса Ленинградской лесной академии Евгений Семёновский⁹ 22 июня 1941 г. писал родителям и сестре в д. Зелени Суздальского района (ил. 2): «Вы конечно понимаете, что послужило поводом к письму, которое я вам сейчас пишу. Фашистская Германия напала на нашу страну, и мы должны поэтому вступить в войну. Из Ленинграда выезд кажется уже закрыт, и поэтому выехать я уже не могу. По всей вероятности придется сидеть здесь. Может быть, попросят идти в армию. Оставшийся последний экзамен сдавать не буду, потому что нет никакого смысла. Курс учёбы по всей вероятности закрыт, и придётся послужить в армии. Очень жаль, что мне не придётся повидать вас, но уехать отсюда невозможно. С покупками пока повременю, потому что отправить их вам невозможно»¹⁰. Евгений в письме прощается с родными, но надеется на встречу.

Последние события своей жизни Е. Семёновский описал в письме родным 8 августа 1941 г. с передовой позиции в перерыве между сражениями, за несколько часов до своего последнего

боя: «Здравствуйте, дорогие! Сейчас решил набросать вам пару строк, так как нашлось свободное время. Лежу у озера и пишу. Может быть, через час пойдём в бой. Вообще мы уже на передовых позициях. Рядом с нами всё время бухают наши орудия, идёт артиллерийская дуэль. Снаряды со свистом летят и рвутся впереди нас. Сейчас стало тихо — должно быть, артиллеристы обеих сторон обедают. Вообще я чувствую себя прекрасно, и вы за меня не беспокойтесь. Да стоит ли в каждом письме писать всё одно и то же и уверять, что ваш сын не струсит, не убежит и т. д. Конечно, не стоит»¹¹. После боя 8 августа 1941 г. Евгений Семёновский пропал без вести.

Всего одно письмо, отправленное из Петрозаводска 1 июля 1941 г., получили родители от Николая Лялина¹² из Суздальского района. Николай служил на границе с Финляндией, в сентябре 1941 г. пропал без вести.

Письмо сложено треугольником, проставлен штемпель военно-полевой почты. В письме звучит вера в победу «пламенного чекиста»: «Папаня, вы знаете, что теперь наша советская страна воюет против гитлеровского фашистского захвата и с белофиннами, которые крепко потерпят поражение от советского штыка»¹³. Просит о нём не беспокоиться, передаёт привет всей семье, родным. Сообщает о знакомых, кто выбыл и кто находится в его части.

Из Петрозаводска получила два письма семья колхозников Хлопковых из Юрьев-Польского района от своего сына, красноармейца Александра Сергеевича Хлопкова¹⁴.

В письме от 15 июля 1941 г. Александр сообщает, что живёт хорошо, «чувствует себя отлично». Просит написать, «как и что нового в колхозе», о знакомых на границе, «где идут бои». О войне очень кратко: «здесь тоже были стычки. Но сейчас спокойно, потому что граница от нас стала дальше, чем была в Сортавала»¹⁵.

Второе письмо, датированное июлем 1941 г., передаёт патриотическое настроение людей того времени: «Благодарю вас за то что не забываете меня в дни ужасной войны, которая разгорелась неожиданно, опоясав от Чёрного моря до Балтики. Фашистская Германия забыла уроки, которые не раз показала им Красная Армия и Красный флот. Она посягнула на священную русскую землю, которая хранит в глубине своей кости многих непрошенных гостей. Русский народ непобедим. Его героическая борьба с тысячами вражеских орд покрыта славой. И сейчас героизм

рождается в душе каждого советского человека... беспредельно преданного великому делу Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина». Далее коротко о себе: «Я нахожусь в рядах Красной Армии войск НКВД. Полк наш краснознамённый... он и сейчас героически бьётся с финскими войсками... которые забыли зиму 1939-40 г... Финны нападают на нашу заставу... одно подразделение нашего полка сбило их бомбардировщик... Можно сказать больше, но нельзя... Сейчас я выполняю боевую задачу внутри страны. Но я готов всегда выступить в бой с врагом. Победить или умереть во славу родины, во славу советского народа»¹⁶. Александр погиб в Карелии в 1941 г.

Реликвией стало единственное письмо жене с Северного фронта политрука Сергея Дмитриевича Василисина¹⁷, впоследствии Героя Советского Союза, датированное 13 июля 1941 г., 3 часа дня: «Нахожусь на фронте, а где не могу писать. Моя жизнь такая: сплю на ходу, ем так же... одни только имею гранаты да несколько сот патронов, вот моё главное питание... Писать буду много, но сейчас некогда, время нет, стараюсь не опоздать отдать почтарию»¹⁸. Сергей обещал «писать много», но не успел. Сергей Дмитриевич Василисин погиб смертью героя в начале августа 1941 г. и похоронен на поле боя.

Любовью к матери и к Ленинграду проникнуто письмо известного поэта-мариниста, штурмана подводной лодки, уроженца города Суздаля Алексея Лебедева¹⁹, написанное 23 августа 1941 г. в Ленинграде. Несколько слов сообщает о службе: «По-видимому, вскоре предстоит серьёзная работа (да она и вся по сути дела такова), чаю, что всё будет в порядке, но на всякий случай целую твои руки со всей силой любви и нежности, на которую я способен...», «Галя моя ещё в окопах, под Выборгом». В конце письма пламенные строки о городе на Неве: «Город так прекрасен, что к нему чувствуешь любовь, как к живому человеку. Не отдадим Ленинграда этой сволочи, мама, не отдадим ни за что... Пусть ценою крови лучших сыновей и моей — каплей в общем потоке, но победим мы. Целую тебя, моя любовь и жизнь, дорогая моя единственная мама. Твой всегда Алексей»²⁰. Алексей Лебедев погиб на своей подводной лодке 15 ноября 1941 г. в Финском заливе.

В торжественной, степенной форме обращается к своей большой семье в единственном письме, написанном 26 сентября 1941 г, бывший колхозник села Порецкое Суздальского района

Николай Иванович Курносов²¹: «Многоуважаемая моя супруга Мария Николаевна, кланяется Ваш супруг Николай Иванович. Шлю свой чисто душевный привет и тысячу горячих поцелуев, ещё кланяюсь дорогим моим деткам Рае, Симе, Зое. Шлю всем вообще свой отцовский привет и с любовью низкий-низкий поклон и крепко всех целую. Но очень жаль что заочно, очевидно так должно быть»²². Отец большого семейства переживает за своих близких: дома у Николая Ивановича осталась беременная жена и трое детей. О себе пишет немного: «Служба моя в данный час ничего, пока жив и здоров, одно, что стало холодновато прожить ночь в лесу, но это всё ничего, лишь бы остаться живому». А в рассказе о военных буднях есть любопытный эпизод: «Бои идут каждый день. И мы уже привыкли... Наше подразделение в количестве 10 человек делает преграждение врагу. Он стал бить из миномёта как раз по тому месту, где мы идём. А снаряд слышно, как он летит и рвётся. Как раз выстрел с его стороны. Мы с товарищем легли за сосну, у него был топор на плече. Осколок мины ему как раз ударил по топору и вышиб из рук. Этот у него миномёт только делает панику, но наши бойцы не трусят и идут вперёд и вперёд»²³. Далее Николай Иванович пишет, что ему хочется знать, дочь родится у него или сын. В конце письма сообщает, что доволен своей службой, надеется, что после прибытия пополнения «начальник снабжения по батальону» возьмёт его к себе в писари. Николай Курносов погиб в ноябре 1941 г.

Совсем другого характера письмо бойца зенитно-пулемётной роты, бывшего красногвардейца, участника Гражданской войны Владимира Николаевича Румянцева²⁴, написанное 11 ноября 1941 г. своим родственникам. После поздравления с 24-й годовщиной Великой Октябрьской революции и боевого красноармейского привета следуют очень эмоциональные строки об отношении к войне, к Родине, к противнику, оценка морального духа бойцов и вера в победу: «Прежде всего, могу вас заверить в том, что вы можете спокойно продолжать вашу работу в тылу. А мы ваш тыл обеспечим. Не знала и не будет знать история о победе когда либо нашу необъятную страну СССР. Вероломно напавший гад Гитлер будет разбит и уничтожен не только на нашей земле. Но мы его будет бить и уничтожать на той земле, с которой он пришёл, затем чтобы найти себе могилу, и он её найдет наверняка. Наша непобедимая Красная Армия не знала и не будет знать поражений, и это лишь потому что каждый красноармеец горит

желанием каждую минуту быть готовым идти в бой, не жалея своей жизни за полное разгромление фашизма, за цветущую родину, за родного Сталина, вперёд к полной победе. Поручкой этому моя готовность отдать всю свою жизнь капля за каплей за счастье нашей Родины, за счастье и свободу наших жён, матерей и детей». Далее он пишет, что беспокоится, что нет писем от «сынка», который находится в «рядах армии» в Таганроге, но «Таганрог нами оставлен», просит передать «боевой красноармейский привет старым большевикам»²⁵.

Отправляли с фронтовыми письмами родным фотографии, вырезки из газет, листовок. А фотокорреспондент газеты «Правда» Михаил Калашников²⁶ прикрепил к своему письму, написанному жене 18 сентября 1941 г. из Москвы, лист осины с надписью чёрной тушью на нем: «Марийке на память! О осени 1940 года, когда вместе ходили за грибами и рвали ветки покрасневшего осинника». Это письмо не может не привлечь к себе внимание, не затронуть душу. В нём о войне только одна строчка: «Приехал с фронта в лагерь». А дальше — очень светлые воспоминания о мирной жизни и надежда на её возвращение: «Застал золотую осень. Желтеют берёзки, покраснела осина, и столько грибов, что если вспомнить прошлый год, когда мы с тобой в поисках одного гриба тратили по 15—20 минут, то за это время можно набрать корзину. Грибы здесь не нужны, не в чем жарить, да и некогда ими заниматься. Но все таки не удержался и три подосиновика сорвал, для того, чтоб почувствовать это состояние азартного грибника, подержать грибы в своих руках, вспомнить осень 1940 г., когда мы с тобой каждый выходной день ездили в лес, собирали грибы и возвращались, наломав огненно-красных осиновых веток. Хорошее было время. Будем надеяться, что оно вернётся»²⁷.

Второе письмо написано 7 декабря 1941 г. В нём забота о жене и двух маленьких детях, которые находятся в эвакуации: «Дорогая любимая Марейка! Два дня работал с большим подъёмом — собирал вам вещи, бегал по магазинам, чтоб использовать эту неожиданную оказию, направляющуюся в Омск». Подробно перечисляет отправляемые вещи: продукты питания, одежду, хозяйственные предметы, которые он тщательно упаковал, просит вынимать аккуратно. Дальше Михаил пишет о войне с надеждой на быстрый разгром врага: «Из Москвы уезжать не собираемся. Кровавые фрицы мёрзнут, коченеют под Москвой и отступают, в последние дни довольно здорово. Неплохо развиваются дела

и под Сталинградом. О Ростове ты наверное слышала. Война, правда, стала всемирной. Япония воюет с Америкой, в этом больше плюсов, чем минусов, т. к. было бы хуже, если бы они, японцы, воевали с нами, а США были в стороне. Вот краткий обзор международных событий. Дела наши не так уж плохи, и много надежд на полный разгром кровожадных фрицев и гансов»²⁸. В письме он всячески поддерживает жену, оказавшуюся в тяжёлом положении.

Михаил Калашников, снимавший парад 7 ноября 1941 г. в Москве, в своём письме жене, датированном 8 марта 1942 г., вспоминает любопытные детали истории осени 1941 г.: «7 ноября 1941 г., в самые тяжёлые дни для Москвы на Кр. площади г. Сталин спросил секретарей райкомов, спросил с улыбкой: что же вы без жён, что не веселы, и обещал, что следующую годовщину Октябрьской революции встречать все будут со своими семьями. Этому мы верим и на это ориентируемся»²⁹.

19 апреля 1944 г. Михаил был тяжело ранен под Севастополем и скончался.

Как завещание живым и сегодня можно считать слова Михаила Калашникова, написанные почти 80 лет назад: «Проживём это тяжёлое время и будем вспоминать как о кошмаре, о большой угрозе в нашем жизненном пути. Не вешать голову, смотреть трудностям в глаза и бороться с ними»³⁰.

¹ Морозов Н. А. Фронтовые письма в собрании музея-заповедника. Материалы исследований: Сборник № 2. Владимир, 1997. С. 68–73.

² Петрова Е. П. «С любовью из “города мечты” (Письма В. Дмитриевой из блокадного Ленинграда в собрании Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника)» // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Девятой Международной научно-практической конференции 15–17 мая 2019 года. СПб.: ВИМАИВиВС, 2019. С. 262–270.

³ Григорьев-Зеленский Николай Николаевич, 1919 г. р., г. Владимир. В 1940 г. с 4 курса Московского ж/д техникума во время войны с Финляндией был призван в армию. Попал в окружение, 6 августа 1941 г. — в плен. Почти год находился в Винницком лагере для военнопленных, 22 июля 1942 г. бежал, скрывался в деревне на Украине, на оккупированной территории. После прихода наших войск вновь в Красной армии, победу встретил в Судетах. После войны закончил ж/д техникум, заочно институт инженеров ж/д транспорта, работал на железной дороге в Киеве, с 1949 г. жил во Владимире.

⁴ Письмо Н. Н. Григорьева-Зеленского. 4 мая 1941 г. В-47000/3.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Письмо Н. Н. Григорьева-Зеленского. 22 июня 1941 г. В-47000/4.

⁹ Семёновский Евгений Николаевич (1920—1941) родился 20 ноября 1920 г. в селе Пустынь Мяксинского района Вологодской области. В 1939 г. поступил в Ленинградскую лесотехническую академию им. С. М. Кирова. Когда началась война, Евгений учился на 2 курсе. Не успев сдать последний экзамен, не закончив лечение по перелому ключицы, записался добровольцем в ряды Красной армии, был зачислен стрелком в 3-й стрелковый полк 3-й стрелковой дивизии Ленинградской армии народного ополчения. 4—5 сентября 1941 г. дивизия оказалась в окружении. Сражение 8 августа 1941 г. (48-й день войны) у д. Сяндеба Олоонецкого района КФ ССР оказалось для Евгения последним. С этого момента рядовой Е. Н. Семёновский числится в списке пропавших без вести.

¹⁰ Письмо Е. Н. Семёновского. 22 июня 1941 г. ВХ-1317/3.

¹¹ Письмо Е. Н. Семёновского. 8 августа 1941 г. ВХ-1317/2.

¹² Лялин Николай Николаевич, 1920 г. р., с. Семёновское-Советское Суздальского района. Призван в армию в 1940 г. Рядовой. Пропал без вести, сентябрь 1941 // Книга Памяти: в 8 т. / Сост. А. Александров и др. Владимир: Золотые ворота, 1994. Т. 1. С. 434.

¹³ Письмо Н. Н. Лялина. 1 июля 1941 г. В-15161.

¹⁴ Хлопков Александр Сергеевич, 1920 г. р., с. Андреевское Юрьев-Польского района. Призван в армию в 1941 г. Рядовой. Погиб в Карелии // Книга Памяти: в 8 т. / Сост. А. Александров и др. Владимир: Золотые ворота, 1994. Т. 3. С. 315.

¹⁵ Письмо А. С. Хлопкова. 15 июля 1941 г. В-42811/46.

¹⁶ Письмо А. С. Хлопкова. Июль 1941 г. В-42811/45.

¹⁷ Василисин Сергей Дмитриевич (1910—1941) родился в г. Владимире. В 1932 г. был призван в армию, окончил танковые курсы, был командиром танка. В 1936 г. за воинское мастерство, проявленное на учениях, был награждён орденом «Знак Почёта». С. Д. Василисин отличился в боях в первые дни Великой Отечественной войны. 325-я стрелковая дивизия, в которой политруком роты был Сергей Василисин, прикрывала подступы с суши к городу Мурманску и его порту. 22 июля 1941 г. он был ранен, но не ушёл с поля боя. 2 августа вновь был тяжело ранен, но снова поднял бойцов в атаку. Похоронен в братской могиле на 81-м километре шоссе Мурманск — Печенга, где сооружён мемориал «Долина Славы». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1942 г. Василисину С. Д. посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. В память о Герое одна из улиц г. Владимира названа его именем, на одном из домов установлена мемориальная доска.

¹⁸ Письмо С. Д. Василисина. 13 июля 1941 г. В-5013.

¹⁹ Лебедев Алексей Алексеевич — поэт-маринист, подводник. Родился 19 июля (1 августа) 1912 г. в городе Суздале. Начал писать стихи ещё в школьные годы. Первые публикации появились во флотской газете «Красный Балтийский флот». В 1939 г. была издана его первая книга «Кронштадт». В этом же году Лебедева приняли в члены Союза писателей СССР. В 1940 г. вышла вторая книга поэта — «Лирика моря». После окончания училища штурман подводного плавания Алексей Лебедев был зачислен в 14-й дивизион Учебной бригады подводных лодок Краснознамённого Балтийского флота. Служил на подводной лодке «Л-2». Погиб вместе с ней 15 ноября 1941 г. в Финском заливе. В Иванове, Суздале и Кронштадте именем поэта Алексея Лебедева названы улицы, установлены

мемориальные доски, памятники. Один из кораблей Балтийского флота носит его имя.

²⁰ Письмо А. А. Лебедева матери. 23 августа 1941 г. В-24189/1.

²¹ Курносос Николай Иванович, 1902 г. р. с. Батыево Владимирского района. Призван в армию в 1941 г. Рядовой. Погиб при форсировании р. Десны в ноябре 1941 г. // Книга Памяти: в 8 т. / Сост. А. Александров и др. Владимир: Золотые ворота, 1994. Т. 1. С. 425.

²² Письмо Н. И. Курносова. 26 сентября 1941 г. В-46932.

²³ Там же.

²⁴ В собрании музея-заповедника хранится комплекс документов Румянцева Владимира Николаевича: Удостоверение № 23 бывшего красногвардейца. 1933 г.; Удостоверение члена общества содействия органам милиции и уголовного розыска (ОСОДМИЛ). 1933 г.; Стрелковая книжка к значку «Ворошиловский стрелок». 1937 г.

²⁵ Письмо В. Н. Румянцева. 11 ноября 1941 г. В-15721/5.

²⁶ Калашников Михаил Михайлович (1906–1944) – фотокорреспондент газеты «Правда», майор. Родился в с. Ундол Собинского уезда Владимирской губернии в крестьянской семье, там же закончил школу. В 1925 г. приехал в Москву и поступил чернорабочим в редакцию газеты «Правда», в 1930 г. стал фотокорреспондентом газеты. Первая ответственная съёмка производилась им на XVI партсъезде. Там впервые он снимал И. Сталина. Активно работал во «Фронтowych иллюстрациях», «Огоньке», «Комсомольской правде». Во время Великой Отечественной войны регулярно выезжал в места военных действий. 19 апреля 1944 г. был тяжело ранен под Севастополем и скончался.

²⁷ Письмо М. М. Калашникова. 18 сентября 1941 г. В-41675/17.

²⁸ Письмо М. М. Калашникова. 7 декабря 1941 г. В-41675/18.

²⁹ Письмо М. М. Калашникова. 8 марта 1942 г. В-41675/17.

³⁰ Письмо М. М. Калашникова. 7 декабря 1941 г. В-41675/18.

С. А. Пивоварчик (Гродно, Республика Беларусь)

ОБОРУДОВАНИЕ РОССИЙСКИХ КРЕПОСТЕЙ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (БРОНЕВЫЕ НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЕ ПОСТЫ)

ФОРТИФИКАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ западного театра военных действий России в конце XIX — начале XX в. представляло собой определённую систему. В центре образовался Привислинский (Варшавский) укреплённый район с основными крепостями Новогеоргиевск, Варшава, Ивангород. Кроме этого для обеспечения переправ были построены крепости Осовец, Зегрже, Ломжа, Остроленка, Рожаны и Пултуск. К северу от Привислинского района, прикрывая его правый фланг и пути на Петербург, находилась оборонительная линия Немана. Эта линия обеспечивалась на правом фланге крепостью Ковно и временными укреплениями у Олиты (Алитуса) и Гродно, что придавало ей маневренный характер. Южный фланг Привислинского района имел укрепление в виде Ровно-Дубненского узла и крепости Брест-Литовск на Буге. В тылу располагались старые тыловые крепости-склады Двинск, Бобруйск и Киев. По мнению А. М. Заянчковского, система укреплений западной границы России, прикрывая сосредоточение армии в междуречье Вислы и Немана, могла служить хорошим плацдармом для начала активных действий в отношении Германии¹. Примерная общая стоимость постройки, оборудования (включая вооружение) и содержания гарнизонов крепостей западной границы определялась в среднем около 250 млн р., и несмотря на затраты, крепости никогда не находились на уровне современных той эпохе требований техники.

Изменённый план ведения войны на европейском театре требовал серьёзной корректировки всей фортификационной системы России. В докладе 1908 г. по новому стратегическому

развёртыванию российских войск отмечалось: «наши крепости составляют один из самых запущенных и несовершенных элементов обороны государства... ни одну из наших крепостей нельзя признать удовлетворяющей своему назначению ни в инженерном, ни в артиллерийском отношении»².

Со вступлением в 1909 г. на пост военного министра генерала В. А. Сухомлинова вопрос о реорганизации русских крепостей, в связи с общими реформами в военном деле, встал весьма остро. В записке о мероприятиях по государственной обороне, представленной военным министром в Государственную Думу в феврале 1910 г., говорилось: «Стратегическое назначение крепостей, как известно, заключается в том, чтобы облегчить своим армии и флоту свободу действий и затруднить в том же противника. К сожалению, наши крепости не удовлетворяют ни одному из данных положений. В общей совокупности они образуют недостаточно стройную систему, сложившуюся до известной степени под влиянием причин чисто случайных. Поэтому вопрос о существовании некоторых из них подлежит переоценке»³. В записке указывалось, что в связи с реорганизацией армии на основах ее усиления и упрочения является необходимым изменить дислокацию и отнести сосредоточение российских войск с объявлением войны вглубь страны, чтобы иметь возможность беспрепятственно закончить сосредоточение, а затем, перейдя в наступление совместными силами, нанести противнику решительное поражение.

В соответствии с планами 1908 и 1910 гг. об отводе линии стратегического развёртывания вглубь страны на западной границе сохранялись крепости Осовец, Новогеоргиевск, Брест-Литовск. Ликвидировались крепости Варшавского укрепленного района: Ивангород, Загрже, Ломжа, Остроленка, Рожаны, Пултуск. С введением плана 1912 г. на линии развёртывания российских войск должны были усиливаться Ковно, Брест-Литовск, Осовец, Гродно. Первые три крепости модернизировались, последняя возводилась как новая⁴. Каждая из этих крепостей была важным стратегическим местом, пунктом опоры армии, контролировала большую территорию и важные пути сообщения.

Такая коренная ломка всей инженерной подготовки пограничной территории поставила перед российскими фортификаторами вопрос о том, в каком направлении надлежит совершенствовать старые крепости (Осовец, Новогеоргиевск, Брест-Литовск, Ковно) и на каких основаниях создавать новую крепость Гродно.

Для всестороннего обсуждения вопросов, связанных с развитием российской фортификации, в Николаевской инженерной академии в начале 1910 г. (с 5 января по 5 апреля) были проведены «Прения по крепостным вопросам». Дискуссии протекали довольно горячо, и хотя не привели к каким-то соглашениям, зато дали ценные выводы, которыми воспользовались при составлении новых проектов как крепостей в целом, так и их отдельных элементов. С целью дальнейшего совершенствования крепостных элементов в 1912—1913 гг. на острове Березань и в Варшаве были проведены опыты по практическому использованию различных строительных конструкций. Результаты работ были обобщены во «Временной инструкции для устройства перекрытий и стен казематированных крепостных помещений», изданной Инженерным комитетом в марте 1913 г. «Инструкция...» и некоторые другие данные были сообщены во все крепостные инженерные управления, которые и приняли их во внимание при возведении новых фортификационных сооружений, начиная со строительного сезона 1913 г.⁵

Одним из важнейших вопросов, который необходимо было решить в ходе модернизации фортификационной системы — это использование броневых закрытий. Необходимо отметить, что русская фортификационная школа избежала всеобщего увлечения броневой фортификацией, однако появление у вероятного противника артиллерийских систем мощных калибров поставило вопрос об более широком использовании брони в российской фортификации. Первые проекты броневых закрытий, предназначенных для наблюдателей и противотанковых орудий на крепостных позициях, были разработаны и представлены полковниками Григоренко, Аренсом и Колосовским. Для практического использования Инженерный комитет еще в 1906 г. принял разработку военного инженера полковника Аренса, называемую броневой караулкой, поскольку его начертание напоминало броневую будку. Первая партия постов предназначалась для крепостей Новогеоргиевск и Ковно для размещения на фортах, наиболее подверженных угрозе внезапной атаки. Инструкция по установке в бетонном массиве была разослана во все крепостные управления, так как предполагалось, что пост Аренса найдёт повсеместное применение⁶.

Уже после завершения «Прений» было проведено специальное совещание, посвященное броневым закрытиям. В совещании

приняли участие более двадцати офицеров высокого ранга, среди которых были генерал-квартирмейстер Генерального штаба генерал-майор Данилов, начальник канцелярии генерала-инспектора инженеров генерал-майор Тимченко-Рубан, начальник Главного артиллерийского полигона генерал-майор Скоробогатов, помощник начальника Главного инженерного управления (ГИУ) генерал-лейтенант Величко, экстраординарный профессор Николаевской инженерной академии полковник Голенкин. Участники обсудили разные типы броневых постов, которые было признано необходимым использовать в сухопутных крепостях. Никто не выразил сомнений, что в случае войны они подвергнутся сильному артиллерийскому обстрелу. В случае броневых закрытий для наблюдателей и командиров батарей утверждалось, что они должны устанавливаться обязательно, и были определены места их установки. Каждый форт должен был иметь от двух до пяти таких постов — как минимум один пост на фронтальном валу и один пост на горжевой казарме. Посты для часовых и наблюдателей предполагалось также построить на позициях пехоты вне фортов, и для них допускалось уменьшение сопротивляемости до устойчивости против осколков и пуль пехотного оружия. В итоговом протоколе «Прений», который был доложен Инженерным комитетом 4 мая 1910 г., было зафиксировано положение относительно использования брони: в сухопутных крепостях и на промежутках могли быть построены батареи с орудиями в башнях, в то время как на фортах должны быть установлены противостурмовые орудия в башнях и оборудованы броневые наблюдательные пункты. Для реализации принятых решений ГИУ начало предпринимать соответствующие меры в силу своих возможностей и которые не требовали больших организационных усилий и дорогостоящих исследований. В связи с этим 16 мая 1910 г. Инженерный комитет утвердил для использования во вновь проектированных фортификационных постройках броневой наблюдательный пост, разработанный экстраординарным полковником Ф. И. Голенкиным⁷.

Броневой наблюдательный пост Голенкина представлял собой колпак в форме колокола, которой надлежало неподвижно смонтировать в бетонном массиве с колодцем, обеспечивающим связь с внутренностью поста. Колпак имел профиль усечённого конуса, внутренняя часть имела высоту 185 см; внизу диаметр колпака составлял 120 см, а вверху — 76 см. Броня была слоистой:

Ил. 1. Гродненская крепость. Форт III. Купол броневый наблюдательного поста системы ГИУ на стрелковом бруствере. Современное фото

Ил. 2. Гродненская крепость. Форт IV. Подбрустверная галерея с выходом в броневый наблюдательный пост системы ГИУ. Современное фото

наружная — литая и твёрдая оболочка, принимающая попадания снарядов; внутри неё — тонкий и мягкий вкладыш, выполняющий роль экрана, задерживающего отколы. Наружная оболочка имела крышу толщиной 203 мм, а толщина стены понижалась от этого значения до 76 мм у основания колпака. Внутренняя вкладка имела толщину стали 25 мм, а между оболочками находилась прокладка из асбеста. Колпак выступал из бетонного массива на 75—80 см. В начале июня 1910 г. ГИУ разослало по стране во все окружные инженерные управления копии чертежа с пояснением для использования при проектировании и строительстве фортов в модернизируемых крепостях⁸.

Первыми опыт установки броневых постов в крепостных сооружениях приобрели военные инженеры Осовецкой крепости, которая с 1911 г. активно усиливалась. Именно туда было направлено большинство изготовленных броневых наблюдательных постов. Одним из важнейших вопросов стала проблема заказа этих изделий в промышленности. Российские заводы боялись крупных броневых отливок и под всякими предложениями старались уклониться от принятия заказа на изготовление броневых наблюдательных постов. Знаменитый Металлический завод в Петербурге был не заинтересован в заказе, завод Рудзского в Варшаве прямо сообщил, что просто не сможет выполнить эту работу. Путиловский завод, сначала согласившись принять заказ по низкой цене, потом был вынужден увеличить цену и отказаться от транспортировки колпаков в Осовец. Обуховский завод переадресовал заказ Ижорскому заводу, единственному предприятию в тогдашней России, который имел хоть какие-то шансы изготовить литые броневые колпаки. Технологические проблемы заставили русских инженеров отказаться от литых колпаков Голенкина и перейти к изготовлению сборных броневых колпаков по проекту генерала Клокачёва.

С аналогичной проблемой столкнулись и при строительстве Гродненской крепости. Важность стратегического значения Гродно вытекала из его флангового положения относительно направления германских войск на Брест-Литовск, прикрытия Петербургско-Варшавской железной дороги и мостов через Неман. Проект Гродненской крепости был утверждён императором Николаем II 4 августа 1912 г. Гродно был объявлен крепостью 23 августа 1913 г., хотя работы на главной крепостной позиции были на начальной стадии, и настоящего гарнизона

Ил. 3. Гродненская крепость. Форт IV. Входной люк в броневой наблюдательный пост системы ГИУ. Современное фото

Ил. 4. Гродненская крепость. Форт IV. Купол броневго наблюдательного поста системы ГИУ на стрелковом бруствере. Современное фото

и вооружения крепость еще не имела. Для возведения крепости были созданы 14 строительных участков, начальниками которых (производителями работ) были военные инженеры, а на участках широко применялся труд вольнонаёмных рабочих, гражданских подрядчиков, местных крестьян. Все это способствовало довольно быстрому строительству фортификационных объектов с использованием самых современных на то время технологических приёмов, в том числе и с использованием брони⁹.

Управлением Строителя Гродненской крепости были разосланы письма-предложения об изготовлении броневых постов. Ряд заводов прислали отказы: Коломенский машиностроительный завод, Общество Путиловских заводов, Ижевский оружейный и сталелитейный завод (нет оборудования для изготовления брони необходимой толщины), Общество Николаевских заводов и верфей. А вот в письме, подписанном начальником Ижорского завода генерал-майором И. Н. Воскресенским, говорилось, что завод готов принять к изготовлению десять броневых постов согласно чертежей по 14 р. 50 к. с пуда сданного веса, но без доставки и установки на место. Первые два поста завод был готов поставить к 1 мая 1913 г., затем по два ежемесячно, весь заказ выполнить к 1 сентября 1913 г. На изготовление 50 броневых наблюдательных постов, необходимых для строящейся Гродненской крепости, начальник Ижорского завода отводил трёхлетний срок, по 16 штук ежегодно, а в последний год — 18¹⁰.

19 сентября 1912 г. Правлением Ижорского завода в лице И. Н. Воскресенского и Управлением Строителя Гродненской крепости в лице Д. П. Колосовского был заключён договор со следующими условиями: «1. Завод берёт на себя обязательства изготовить 50 броневых постов большого сопротивления в собранном виде согласно прилагаемым чертежам, утверждённым Инженерным Комитетом Главного Инженерного Управления по журналу от 10 мая 1912 г. за № 137 (с). Все бронепосты должны удовлетворять следующим условиям: купол должен быть изготовлен из крупновской нецементированной прокатанной стали состава: никеля от 3 до 4 %, хрома от 1,5 до 2 %, углерода от 0,29 до 0,4 %, кремня от 0,15 до 0,25 %, марганца от 0,30 до 0,40 %, фосфора и серы не более 0,04 %. Структура металла должна быть аморфная и определяться комиссией по пробам от каждой плиты. Купол состоит из 3 плит — крыши толщиной 8 дюймов и двух боковых стенок — одной 7 дюймов, другой 4 дюйма. Отступления

Ил. 5. Гродненская крепость. Форт V. Купол броневго наблюдательного поста системы ГИУ на стрелковом бруствере. Современное фото

Ил. 6. Брест-Литовская крепость. Форт V. Казематированный траверс с наблюдательным постом системы Аренса. Современное фото

в толщине плит могут быть 1,8 дюйма [3,18 мм]. Отступления в размерах внешних диаметров не более 25 мм, а по высоте не более 12,5 мм. На поверхности плит вследствие значительного загиба допускаются трещины глубиной не более ½ дм. Плиты соединяются между собой клиньями в виде двойного «ласточкина хвоста». Соединения крыши со стенками должны быть плотные. Размеры окон в чистой отделке могут быть более или менее на 8 мм по ширине и высоте. Асбестовая прокладка из туго набитой асбестовой ваты. Фланцы из основной мягкой мартеповской стали. Рубашка из основной мартеповской стали. Верхняя часть рубашки штампованная и соединяется со стенками артиллерийскими гужонами заподлицо с небольшой зенковкой для предохранения их от вылетания и поранения наблюдателя. Для закрытия окон должны быть устроены подъёмные на шарнирах щиты из крупновской нецементированной стали. Каждый пост должен быть снабжён телефоном системы германской службы майора Рамдоррс и медной переговорной трубкой; 2. Приём в техническом отношении броневых постов окончательно производится на заводе; 3. Все броневые посты должны быть изготовлены к 01.09.1913 г. Приёмка изготовленных постов должна быть произведена не позднее недели со дня получения Управлением Строителя уведомления о готовности постов. Сроки изготовления будут выполнены заводом только в том случае, если со стороны приёмной комиссии не будет задержек; 4. За изготовление указанных броневых постов с полной сборкой заводу уплачивается с погрузкой на платформу на заводе. Считая примерный вес поста в 840 пудов сумма 50 броневых постов определена в 609 000 рублей; 5. Уплата денег по настоящему условию производится по действительному весу постов и по выдаче надлежащего удостоверения приёмной комиссией не позже двух недель со дня предъявления заводом соответствующего счёта в государственном банке на текущий счёт правления завода; 6. Штраф заводу 6 % в год с суммы стоимости к сроку неоконченных постов»¹¹. Последние три условия договора касались непредвиденных случаев.

В феврале 1913 г. помощник Строителя Гродненской крепости военный инженер полковник В. А. Прейсфрейнд и контролёр Гродненской контрольной палаты А. Н. Гостынский выехали на Ижорский завод для приёмки броневых постов. Согласно акту от 15 февраля 1913 г. были приняты 3 поста: 1 — 843 пуда, 2-й — 850, 3-й — 852. Цена составила 15 рублей за пуд франко станция

Ил. 7. Брест-Литовская крепость. Форт V. Колпак наблюдательного поста системы Аренса на казематированном траверсе. Современное фото

Ил. 8. Брест-Литовская крепость. Форт V. Срезанный наблюдательный пост системы Аренса на казематированном траверсе. Современное фото

Гродно. Это означало, что на продавца ложится обязанность по заказу вагонов, погрузке товара, отправке вагонов на станцию назначения и уведомлению покупателя о времени и месте прибытия вагонов. Фактически цена «франко» — оптовая цена с учётом транспортных расходов по доставке товара до места приёма покупателем. За первые три броневых наблюдательных поста было перечислено 36 902 р. 50 к.¹²

Из дальнейшей переписки Управления Строителя Гродненской крепости с Правлением Ижорского завода можно проследить судьбу контракта на поставку броневых наблюдательных постов в Гродненскую крепость. В начале марта 1913 г. Строитель Гродненской крепости генерал Д. П. Колосовский просил пересмотреть сроки изготовления и цену: необходимо было изготовить в 1914 г. — 20 (к 1 апреля и 1 июля) и в 1915 г. 30 броневых постов (к 1 апреля и 1 июля), а цену уменьшить до 13 р. 50 к. за один пуд франко станция Гродно Северо-Западных железных дорог. Правление Ижорского завода согласилась на предложения Колосовского при условии, что заказ последует не позже 1 мая 1913 г. и чертежи останутся прежними¹³.

Из акта приёмки от 30 апреля 1913 г. следует, что военный инженер подполковник Л. И. Органов принял броневые посты № 4 — 849 пудов, № 5 — 856 и № 6 — 852 пуда на сумму 49 213 р.¹⁴

В июне 1914 г. на Ижорский завод поступило письмо, в котором говорилось, что броневые посты необходимо производить по типу, одобренному Главным военно-техническим управлением — с двумя перископами и элеватором. Изготовленные ранее согласно контракту шесть броневых наблюдательных постов остаются без изменений, остальные изготавливать по новому типу — с заделкой амбразур и установкой двух перископов. Однако этим работам не суждено было, по всей видимости, исполниться: «вследствие военного времени действие сего контракта прекращается», — говорится в письме начальника Ижорского завода И. Н. Воскресенского, датированном августом 1914 г.¹⁵

Полевые исследования показали, что для артиллерийских наблюдателей и часовых на массиве бруствера в гродненских фортах были установлены броневые наблюдательные посты. Они были разработаны в Главном инженерном управлении на основе поста образца 1910 г. профессора полковника Ф. И. Голенкина и сборного поста профессора генерала П. Н. Клокачёва и получили название броневые наблюдательные посты ГИУ.

Броневой наблюдательный пост представлял собой односторонний наблюдательный пункт с литым колпаком для наблюдения. Конструкция колпака и толщина металла позволяла ему выдерживать попадания снарядов даже больших калибров. Автор проекта Ф. И. Голенкин предполагал, что цельный литой броневой пост будет выдерживать попадания даже 11-дм снарядов. Проверить это не удалось — при опытных обстрелах на о. Березань попасть в броневой пост 11-дм снарядами так и не смогли. Тем не менее, комиссия заявила о прочности и надёжности броневых постов¹⁶. Наблюдатель должен был покинуть пост и переждать обстрел в казематах, так как через щели проникало большое количество ядовитых газов. Предполагалось, что посты будут снабжены панорамными перископами. Также было отмечено, что пост был очень мал по размеру. Очень маленьким был и входной люк в него (пол поста делался из стальной плиты, одна из секций которой и была входным люком). Поэтому в случае ранения или же гибели наблюдателя его очень проблематично было вытащить оттуда.

Посты системы Ф. И. Голенкина было решено переработать. Из-за экономических соображений было решено отступить от типового проекта литого металлического колпака. Броневой пост ГИУ собирался из нескольких частей, поэтому технологически он был ближе к варианту П. П. Клокачёва. Кроме того, вариант ГИУ был больше по размеру, чем варианты Ф. И. Голенкина и П. Н. Клокачёва. Изменена была и толщина брони постов ГИУ (толщина плиты крыши равнялась 203 мм, фасадной стенки — 178 мм, задней стенки — 101 мм). В результате этих изменений броневые посты теоретически могли выдержать долгий обстрел снарядами крупных калибров. Все части поста были связаны между собой металлическими шпонками типа «ласточкин хвост». Высота поста равнялась 185 см. Над уровнем бруствера пост выступал на 75—80 см, а остальная его часть скрывалась в бетоне. Внутренний нижний диаметр поста составил 120 см; внутренний верхний диаметр — 100 см. Крыша колпака была выполнена из плиты, которой с помощью прессования придавалась сферическое начертание. Плита крыши закрывала меньшее отверстие «трубы» в форме усечённого конуса, который образовывали стены. Внутри броневой оболочки была вставлена противооткольная оболочка из стали толщиной 25 мм. В промежуток между оболочками вставлялась прокладка из асбестовой ваты толщиной

около 25 мм. Внутри поста располагалось сиденье наблюдателя, вращающееся на винтовой стойке и закреплённое на кронштейне, прикреплённом болтами к стене противооткольной обложки. Благодаря этому сиденье можно легко было откинуть от стены и установить по оси колпака только на время работы наблюдателя. Пол поста выполнялся из дюймовых досок, в нем оставалось место для лаза. Попасть в пост можно было только из подбруст-верной галереи по вертикальной шахте, где крепилась железная лесенка. В броневом колпаке имелись три смотровые щели, через которые можно было вести наблюдение при помощи панорамных перископов. Щели прикрывались броневыми заслонками толщиной 25 мм, которые откидывались вниз с помощью поворачивающихся ригелей¹⁷.

Из документов следует, что для Гродненской крепости до начала войны были изготовлены шесть броневых наблюдательных постов. Три из них действительно поступили на строительные участки крепости, были установлены в фортах № III, IV и V и приняли участие в боевых действиях. Благодаря воспоминаниям военного инженера Я. Ястржембского известны события, произошедшие в форту № IV во время штурма германскими войсками в августе 1915 г.: «2 сентября (по новому стилю) немцы начали бомбардировать форт IV. В форту находились ополченцы. Как позже я узнал со слов одного из очевидцев событий, немцы просто заливали форт снарядами разного калибра, однако не более 210 мм. Снаряды попадали в бетонное убежище, не причиняя ему никакого вреда. Находившиеся в нем ополченцы даже не чувствовали ударов снарядов. В то же время на линии огня нельзя было удержаться. Только наблюдатель в *броневом колоколе* стерёг форт от внезапной атаки. Однако, через некоторое время этот наблюдатель через незакрытую щель был убит. Благодаря тому, что двери, а точнее, лаз у пола, открывались вовнутрь поста, тело убитого забаррикадировало вход, и лаз нельзя было открыть. Поэтому форт не имел уже и единственного охранения от нападения»¹⁸.

Судьба трёх других постов неизвестна. Возможно они были направлены в другие крепости. Известно, что 10 броневых постов для работ 1913 г. были утверждены ИК ГИУ для Кронштадской крепости, а один броневой наблюдательный пост системы ГИУ был установлен в форту № X Новогеоргиевской крепости. Однако, возможно, что они были доставлены в Гродненскую

крепость, но не были установлены в фортах. В Центральном архиве Министерства обороны РФ нами был выявлен документ «Доклад комиссии по обследованию укрепленных районов, крепостей Гродно и Осовец по состоянию на 16.10.1939», который был составлен специальной комиссией под руководством комбрига Розанова после завершения Красной армией польской кампании осенью 1939 г. В докладе подробно описывается состояние сооружений крепостей, формулируются предложения по их использованию с целью создания оборонительных рубежей на новой границе с Германией. В качестве приложения представлены подробная ведомость обследованных сооружений и ведомость наличия имущества в крепости Гродно. Среди прочего имущество упоминаются четыре броневые башни на территории фортов № II, IV, VIII и литера А¹⁹. К сожалению, в приложении отсутствуют характеристика или фотографии крепостного имущества, но нельзя исключить возможности наличия как раз броневых наблюдательных постов системы ГИУ, оставшихся с времён Первой мировой войны.

Таким образом, накануне Первой мировой войны развитие броневой фортификации получило свое развитие при модернизации фортификационной системы Российской империи. В этом направлении работал ряд талантливых военных инженеров, были разработаны проекты различных броневых закрытий, проведены опытные и испытательные работы. Развитие данного направления тормозилось промышленной отсталостью Российской империи, но не следует считать недостаточное использование брони в российских крепостных сооружениях чем-то очень негативным. Первая мировая война показала, что насыщенность многих европейских крепостей броневыми закрытиями для артиллерийских установок создала иллюзию их силы и не спасла от разрушения. По подсчётам польского исследователя Б. Пержыка всего в российских крепостях были установлены 22 броневых башни в Осовецкой крепости (восемь — системы Голенкина и 14 системы Клокачёва), четыре наблюдательных поста в Новогеоргиевской крепости (три — системы Аренса и один системы ГИУ), два поста системы Аренса в Ковенской крепости²⁰. Сюда необходимо добавить три броневых наблюдательных поста системы ГИУ в Гродненской крепости, упрощённые версии броневых постов Аренса в крепости Брест-Литовск (не менее трёх штук), а также броневые закрытия для дальномерных павильонов и броневые

наблюдательные посты на береговых батареях в морских крепостях Свеаборг, Кронштадт, Севастополь, Владивосток, число которых, к сожалению, неизвестно. До сегодняшнего дня сохранились броневые посты в Беларуси: три в Гродно, один — в Бресте, и Польше: два — в Модлине (бывшая крепость Новогеоргиевск) и один в Осовце.

¹ Заянчковский А. М. Подготовка России к империалистической войне: Очерки военной подготовки и первоначальных планов. М., 1926. С. 45—46.

² Яковлев В. В., Хмельков С. А. Современное состояние долговременной фортификации. Отдел первый. Долговременная фортификация к началу и во время мировой войны. М., 1926. С. 43.

³ Там же. С. 44.

⁴ История военной стратегии России / Под ред. В. А. Золотарёва. М.: Кучково поле, Полиграфресурсы, 2000. С. 104.

⁵ Яковлев В. В., Хмельков С. А. Современное состояние долговременной фортификации. С. 45—46.

⁶ Perzyk В. Pancerne kopuły obserwacyjne w rosyjskiej fortyfikacji stałej do 1914 roku // Studia i materiały do historii wojskowości. Ośrodek badańhistorii wojskowej. Muzeum Wojska w Białymstoku. Białystok, 2007. T.XLIV. Jubileuszowy. S. 135—136.

⁷ Там же. С. 137—138.

⁸ Там же. С. 138—139.

⁹ Пивоварчик С. А. Гродненская крепость в годы Первой мировой войны // Первая мировая война в исторических судьбах Европы. Минск: Изд. центр БГУ, 2014. С. 126—127.

¹⁰ О заготовке броневых постов. 1912—1913 // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13129. Оп. 1. Д. 1800. Л. 12.

¹¹ Там же. Л. 17—19.

¹² Там же. Л. 42.

¹³ Там же. Л. 54, 58.

¹⁴ Там же. Л. 61.

¹⁵ Там же. Л. 106.

¹⁶ Яковлев В. В. История крепостей. М.: ООО «Фирма «Издательство Аст»; ООО «Издательство Полигон», 2000. С. 281.

¹⁷ Лютик Д., Пивоварчик С., Семенчук А. Неизвестная крепость Российской империи. Историческая реконструкция событий. Гродно: ЮрСаПринт, 2014. С. 69—75.

¹⁸ Jastrzębski J. Z praktyki saperskiej w twierdzy Grodno w r. 1914—1915 // Przegląd Wojskowo-Techniczny. 1933. T. XIII, z. 2. S. 72.

¹⁹ Доклад комиссии по обследованию укрепленных районов, крепостей Гродно и Осовец по состоянию на 16.10.1939 // Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 68 УР. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—13.

²⁰ Perzyk В. Pancerne kopuły obserwacyjne w Rosyjskiej fortyfikacji stałej do 1914 roku. S. 153—154.

И. Б. Пинк (Тула)

ОПЫТНЫЕ ОБРАЗЦЫ РОССИЙСКИХ ШТЫКОВ В СОБРАНИИ ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ОРУЖИЯ

О СОБУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ ЦЕННОСТЬ в собрании Тульского государственного музея оружия (далее — ТГМО) представляют экспериментальные образцы стрелкового оружия, проходившие испытание в России в XVIII—XX вв. Среди них можно рассмотреть отдельно коллекцию российских опытных штыков XIX—XX вв. Часть этих музейных предметов опубликована в различных изданиях¹, но в целом данная коллекция рассматривается впервые.

Наиболее ранним в этом собрании является штык к штуцеру Коллета-Шарруа, который испытывали в России в 30-х гг. XIX в.² Штуцер из собрания ТГМО (ТГМО КП-441) изготовлен на Сесторецком оружейном заводе в 1837 г. Штык к этому оружию (ТГМО КП-1857) относится к типу штыков с трубкой, но имеет длинный клинок тесачного типа. Он прямой, плоский, шириной 3,3 см и длиной 71,5 см при общей длине 84,5 см, односторонний, боевой конец двулезвийный, с широким долом, от конца которого до острия проходит ребро. Трубка с коленчатой прорезью для штыкового упора на стволе. На нижнем конце трубки мулёк с прямоугольной прорезью, а на стволе штык фиксируется с помощью хомутика с прямоугольной прорезью. Концы хомутика соединены винтом. На пяте клинка выбито клеймо: НП (ил. 1).

Штыки данной конструкции нетипичны для штуцеров, принятых на вооружение российской армии, к которым обычно полагался штык тесачного типа³. Однако опытные образцы штыков с трубкой и клинком тесачного типа испытывались в России во второй половине 30-х гг. XIX в.⁴ Также следует отметить, что

Ил. 1. Штык к штуцеру Коллета-Шарруа. Сестрорецкий оружейный завод. 1837 г. ТГМО КП-1857

подобные модели использовались во французской армии, например, штык образца 1837г. к стрелковым карабинам и ружьям⁵. Следовательно, можно предположить, что такой тип появился в России под французским влиянием.

Однако подобные штыки не получили распространения в российской армии. Для того чтобы короткоствольный штуцер с примкнутым штыком не уступал по длине пехотному ружью со штыком, клинок штыка первого приходилось делать значительных размеров, и он оказывался достаточно тяжёлым. Поэтому примыкали его непосредственно перед штыковым боем. В отличие от штыков-тесаков, снабжённых рукоятью, штык с трубкой можно было применять только примкнутым к ружью, а в снятом положении он оказывался практически бесполезным для какой-либо работы. Поэтому предпочтение отдали штыкам-тесакам, которые можно было применять в качестве обычного клинкового холодного оружия, как, например, тесак к штуцеру стрелковых батальонов образца 1843 г., принятый на вооружение российской армии⁶.

Кроме того, ствол штуцера обычно выполняли гранёным, поэтому для крепления трубки штыка в дульной части ствол был круглым, как у штуцера Коллета-Шарруа.

Следующие опытные штыки из собрания ТГМО связаны с попытками модернизации магазинной винтовки обр. 1891 г.

Так, в 1912—1914 гг. такие опытные работы на Тульском оружейном заводе (далее — ТОЗ) проводил начальник артиллерии Одесского военного округа генерал-лейтенант Н. И. Холодовский.⁷

К винтовке Холодовского полагался штык, отличавшийся от штатного⁸. В собрании ТГМО хранится два таких опытных образца (ТГМО КП-5566, ТГМО КП-5571). Различие заключались, прежде всего, в материале самого штыка. Он изготовлен из лёгкого сплава, содержащего алюминий — дюралюминия, и таким образом, несмотря на то, что опытный образец был массивнее

Ил. 2. Штык к магазинной винтовке Холодовского. Тульский оружейный завод. 1912—1914 гг. ТГМО КП-5566

штатного и примерно на 3 см длиннее, модель Холодовского легче его примерно на 145 г⁹.

Штык Холодовского фиксировался на стволе с помощью особого шарнирного хомутика из трёх частей, подвижно соединённых друг с другом. Более крупная его часть закреплена на штыковой трубке. Две другие имели прямоугольные отверстия, в которые входит выступ на основании хомутика. Части хомутика фиксируются пружинной защёлкой (ил. 2).

На шейке одного из штыков Холодовского в собрании ТГМО с одной стороны выбито: П в круге, неотчётливое клеймо, с другой — молоток, клеймо Тульского оружейного завода (ТГМО КП-5566).

Однако винтовка Холодовского оказалась слишком сложной в производстве, требовала использования дефицитного материала и вследствие этого не принята на вооружение российской армии.

Дальнейшая модернизация магазинных винтовок обр. 1891/10 г. проходила в середине 1920-х гг., а затем и в середине 1930-х гг., несмотря на то, что в 1930 г. на вооружение принимается винтовка обр. 1891/30 гг.¹⁰

Как известно, в российской армии господствовали штыки игольчатого типа, сначала трёхгранные, а начиная с винтовки обр. 1870 г. Бердан № 2, четырёхгранные. Недостатки этой конструкции вызвали справедливую критику и приводили к многочисленным попыткам создания опытных образцов штыков ножевидного типа¹¹.

В собрании ТГМО хранится опытный образец штыка, в котором игольчатый четырёхгранный клинок, аналогичный клинку обр. 1891 г., имеет не трубку для крепления к стволу, а рукоятку штыка ножевидного типа (ТГМО КП-1884). Такую конструкцию можно увидеть, прежде всего, у штыков к французским винтовкам Лебеля¹², а также у некоторых других зарубежных моделей¹³.

Ил. 3. Штык 1927 г. к опытной магазинной винтовке на базе обр. 1891/10 гг. ТГМО КП-1884

Ил. 4. Штык к «стабильной винтовке» 1936 г. ТГМО КП-1862

Металлические части эфеса опытного образца из собрания ТГМО оксидированные, а рукоять образована двумя деревянными щёчками, соединёнными двумя винтами. С одной стороны головки рукояти Т-образный паз и подпружиненная защёлка. Крестовина прямая, односторонняя, с кольцом для ствола. На пяте клинка выбито: 2 (ил. 3).

Большинство исследователей полагают, что этот образец представляет собой экспериментальный штык 1927 г. к опытной магазинной винтовке на базе обр. 1891/10 гг.¹⁴, хотя ранее высказывалось предположение, что он принят к самозарядной винтовке Дегтярёва обр. 1930 г.¹⁵

Возможно, одновременно верны обе версии: первоначально этот образец разрабатывался для магазинной винтовки, а затем его приняли к самозарядной винтовке Дегтярёва обр. 1930 г.

Следующий опытный штык в собрании ТГМО (ТГМО КП-1862) имеет точно такой же эфес, как и предыдущий образец, но клинок ножевидного типа, прямой, однолезвийный в верхней части, далее двулезвийный, с широким долом, от конца которого до острия идёт ребро. На пяте клинка оксидирование, с обеих сторон прямоугольные углубления (ил. 4). Такой же штык «тульского изготовления» хранится в собрании ВИМАИВиВС¹⁶.

Согласно определителю А. Н. Кулинского «Русское холодное оружие» этот образец представляет собой штык к самозарядной винтовке Дегтярёва обр. 1930 г.¹⁷ В работе «Русский штык» этот предмет атрибутирован как экспериментальный штык 1936 г. к магазинной винтовке на базе обр. 1891/30 гг.¹⁸ Последнее

мнение подтверждает чертёж так называемой «стабильной винтовки» 1936 г.¹⁹

Возможно, противоречие в атрибуции этой модели можно устранить предположением, сделанным выше, но в обратном порядке: данный образец принят сначала для самозарядной винтовки Дегтярёва обр. 1930 г., а затем предпринята попытка использовать его с модернизированным образцом магазинной винтовки.

В результате проведённых войсковых испытаний, завершённых к маю 1937 г., отмечались такие недостатки этого штыка, как его слабое крепление и низкая твёрдость закалки клинка. При этом войска положительно отнеслись к введению «клинкового» штыка и признали возможность его применения для хозяйственных и других целей²⁰.

Тем не менее, ножевидный штык для магазинных винтовок так и не был принят на вооружение РККА. По всей видимости, главными причинами послужили экономические соображения и то обстоятельство, что магазинные винтовки в РККА планировалось заменить самозарядными²¹.

В собрании ТГМО представлена автоматическая винтовка Фёдорова (ТГМО КП-799)²². Этот опытный образец разработан в 1920-е гг. под стандартный российский винтовочный патрон калибра 7,62 мм и по конструкции аналогичен автомату²³. Неотъёмный откидной штык данной винтовки имеет клинок, аналогичный штыку винтовки обр. 1891 г., шарнирно закреплён на нижнем выступе кожуха ствола и фиксируется цилиндрической подпружиненной защёлкой с кольцеобразным утолщением у клинка (ил. 5).

Следующая группа опытных штыков относится главным образом к самозарядным винтовкам. Это несъёмные четырёхгранные штыки к опытным образцам Ф. В. Токарева. Их можно условно разделить на два типа. Первый тип осуществляет поворот из походного положения в боевое и обратно слева направо в горизонтальной плоскости оружия (при положении винтовки

Ил. 5. Штык автоматической винтовки Фёдорова. Ковровский пулемётный завод. 20-е гг. XX в. ТГМО КП-799

Ил. 6. Штык самозарядной винтовки Токарева. Тульский оружейный завод. 1925 г. ТГМО КП-1188

при стрельбе), второй — в вертикальной. Первый тип представлен двумя разновидностями: с креплением штыка непосредственно на кожухе ствола, второй — на цевье винтовки.

К первой разновидности относятся три винтовки: образец 1922 г. (ТГМО КП-770), образец 1925 г. (ТГМО КП-1188), а последняя датируется 1920-ми гг. (ТГМО КП-758). Этот вариант имеет в верхней части цевья защёлку с ребрением с двух боковых сторон, взявшись за которые и потянув защёлку вверх, можно освободить штык. В походном положении штык фиксируется специальной подпружиненной защёлкой, расположенной в конце канавки в цевье для штыка²⁴. Длина клинка этих штыков около 43,5 см, что практически совпадает с длиной штатного штыка обр. 1891 г. — 43,0 см.

Указанные выше винтовки (ТГМО КП-770, ТГМО КП-1188, ТГМО КП-758) имеют принцип действия автоматики, основанный на использовании отдачи ствола при его коротком ходе. Подвижный ствол помещен в цилиндрический кожух, неподвижно закреплённый на цевье. К этому кожуху непосредственно крепился штык (ил. 6).

Подобную конструкцию крепления имеет неотъёмный четырёхгранный штык к двум опытным магазинным винтовкам 1927 г. из собрания ТГМО (ТГМО КП-686, ТГМО КП-688) По всей видимости, этот штык также разработан Ф. В. Токаревым (ил. 7)²⁵.

Ил. 7. Опытная магазинная винтовка. Тульский оружейный завод. 1927 г. ТГМО КП-686

Ил. 8. Штык самозарядной винтовки Токарева. Тульский оружейный завод. 1926 г. ТГМО КП-757

Два образца второй разновидности имеют защёлку кнопочного типа, утопив которую, можно освободить штык²⁶. Он представлен на винтовках 1926 г. (ТГМО КП-757) и 1928 г. (ТГМО КП-1887), а также отдельным штыком (ТГМО КП-1906). Штык данной разновидности состоит из одного клинка. Клинок четырёхгранный, с глубоким долом на каждой грани, в сечении крестообразный. Основание клинка плоское, задний край закруглён. В основании клинка цилиндрический шарнир для крепления штыка под стволом и две симметрично расположенные поперечные радиально изогнутые Т-образные прорези. В хвостовик клинка вмонтирована скользящая пружинная защёлка, фиксирующая штык в боевом и походном положениях (ил. 8).

Второй тип в собрании ТГМО представлен самозарядным карабином Токарева 1942 г. (ТГМО КП-519) и магазинным карабином Токарева (ТГМО КП-510).

У карабина 1942 г. штыковая стойка для шарнирного крепления штыка с подпружиненной защёлкой расположена снизу на конической трубке, надетой на конический пламегаситель²⁷. В основании клинка имеется треугольный выступ, который входит в одну из выемок такой формы, расположенной с переднего и заднего торца штыковой стойки, и фиксируется боковой защёлкой (ил. 9).

Магазинный карабин Токарева представляет собой опытный образец на базе карабина Маузера, переделанного под отечественный промежуточный патрон обр. 1943 г. в период с 1943 по

Ил. 9. Штык самозарядного карабина Токарева 1942 г. ТГМО КП-519

Ил. 10. Штык магазинного карабина Токарева. 1943—1948 гг. ТГМО КП-510

1948 г. Неотъемный откидной штык этого образца Токарева имеет конструкцию, аналогичную штыку карабина 1942 г., но у первого трубка со штыковой стойкой одновременно является основанием стойки мушки (ил. 10).

Также четырёхгранный неотъемный штык, откидной вниз-вперед, имеет опытный самозарядный карабин системы Симонова 1949 г. СКС-36-П-49 (ТГМО КП-3476). СКС-36-П-49 отличается от штатного образца формой затвора, цельной крышкой ствольной коробки.

Штык опытного образца 1949 г. также имеет другой способ крепления, чем штатный. Если в боевом положении у СКС-45 кольцо штыка надевается на ствол, то у СКС-36-П-49 Т-образная односторонняя крестовина штыка входит в паз, образованный двумя выступами штыкового упора, представляющего нижнюю часть единой детали, которая также объединяет стойку мушки и надевается на ствол трубку (ил. 11). Следует отметить, что подобный способ крепления трёхгранного штыка используется на китайских автоматах системы Калашникова «Тип 56» и «Тип 68», в то время как штык китайского самозарядного карабина системы Симонова «Тип 56» фиксируется в боевом положении аналогично СКС-45²⁸. Китайские автоматы приняты позднее 1949 г.²⁹, и, возможно, на них оказала влияние именно конструкция штыка СКС-36-П-49.

Ил. 11. Штык карабина Симонова 1949 г. СКС-36-П-49. ТГМО КП-3476

Ил. 12. Штык опытный. ТГМО КП-1860

Самозарядные карабины Симонова раннего выпуска имели несъёмные штыки игольчатого типа, которые позднее были заменены на образец с ножевидным клинком³⁰. По-видимому, это последний советский образец с игольчатым четырёхгранным штыком³¹, и в дальнейшем в России принимали на вооружение только образцы ножевидного типа. Однако, как показывают опытные экземпляры из собрания ТГМО, игольчатые штыки оставались широко распространёнными на отечественных экспериментальных винтовках первой половины XX в. Такая популярность объясняется, очевидно, с одной стороны, простотой конструкции, которая приводила к технологичности производства и низкой стоимости, а с другой — значительным количеством произведённых штыков к винтовкам обр. 1891 г. и отлаженной технологией их изготовления.

Одну из экспериментальных моделей в собрании ТГМО в настоящее время не удалось точно атрибутировать (ТГМО КП-1860). Предположительно, это штык к одной из опытных отечественных самозарядных или магазинных винтовок, изготовленный в 20–30-х гг. XX в. Он относится к ножевидному типу. Его клинок прямой, однолезвийный, с широким долом, от конца которого до острия идет ребро, с двулезвийным боевым концом. Рукоять образована двумя деревянными щёчками, соединёнными тремя винтами. С одной стороны головки рукояти паз с поперечным сечением в форме трапеции. Фиксация штыка на оружии осуществляется пружинной защёлкой в виде клина, перемещающегося перпендикулярно центральной оси оружия с помощью бокового рычага. Особенно необычна крестовина этого образца, имеющая с одной стороны кольцевидную деталь сложной формы для крепления на стволе, внутренний диаметр которой составляет 1,49 см. На клинке выбито: Н К (ил. 12).

Таким образом, коллекция опытных штыков ТГМО имеет исключительно важное значение для изучения истории отечественного стрелкового оружия, являющегося одним из основных типов военной техники.

¹ Пинк И. Б. Роль Тульского оружейного завода в изготовлении опытных образцов стрелкового оружия зарубежных систем в 30-е годы XIX в. // Вестник Тульского государственного педагогического университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2004. № 1. С. 143–146; Глазков В. В. Оружие Великой войны. Винтовки и карабины Российской армии. М.: Русские витязи, 2015. С. 138; Тульский государственный музей оружия: 100 уникальных предметов из собрания музея / И. Б. Пинк, О. Б. Ивлева, А. С. Дергачёв. Тула: Третий путь, 2016. С. 56–57, 120–121; Дергачёв А. С., Пинк И. Б. Автоматы и автоматические винтовки Фёдорова в собрании Тульского государственного музея оружия // Историческое оружие в музейных и частных собраниях / Гос. ист.-культ. музей-заповедник «Московский Кремль». Вып. 1. М., 2018. С. 154–160; Чумак Р. Н. Самозарядные и автоматические винтовки Токарева: справочно-историч. издание. СПб.: Атлант, 2019. С. 199, 201, 202, 216, 217, 220–222, 228, 303.

² Пинк И. Б. Роль Тульского оружейного завода в изготовлении опытных образцов стрелкового оружия зарубежных систем в 30-е годы XIX в. С. 143–146.

³ Кулинский А. Н. Русское холодное оружие XVIII–XX вв. СПб.: Атлант, 2001. Т. II. С. 94, 108, 114.

⁴ Там же. Т. I. С. 110–113.

⁵ Кулинский А. Н. Штыки мира. СПб.: Атлант, 2002. Т. I. С. 206–209.

⁶ См., например: Фёдоров В. Г. Эволюция стрелкового оружия. М.: Воениздат, 1938. Ч. I. Развитие ручного огнестрельного оружия от заряжения с дула и кремнёвого замка до магазинных винтовок. С. 46.

⁷ См., например: Будаева Л. П. Усовершенствование 3-линейной винтовки образца 1891 г. генерал-лейтенантом Н. И. Холодовским // Международная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения С. И. Мосина (13–16 апреля 1999 года, Тула): тезисы докладов. Тула, 1999. С. 173–174; Дроздова Е. Е. Социально-психологический аспект проектирования стрелкового оружия в России в начале XX века // Война и оружие. Новые исследования и материалы Труды Пятой Международной научно-практической конференции. 14–16 мая 2014 года. СПб.: ВИМАИВиВС, 2014. Ч. II. С. 35–47.

⁸ Кулинский А. Н. Русское холодное оружие. СПб.: Атлант, 2014. С. 454–455, 484.

⁹ Данько А. В., Лыков К. К. Русский штык. Штыки к винтовкам и карабинам системы С. И. Мосина, 1890–1960 гг. Владивосток: Дальпресс, 2019. С. 46, 49.

¹⁰ См., например: Болотин Д. Н. История советского стрелкового оружия и патронов. СПб.: Полигон, 1995. С. 56.

¹¹ См., например: Фёдоров В. Г. Холодное оружие. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. С. 140–149; Данько А. В., Лыков К. К. Русский штык. С. 43–81.

¹² Воронов В. В., Воронов Д. В. Штыки. М.: ЛЕТО Индастрис, 2010. С. 510–519.

¹³ См. подробнее: Кулинский А. Н., Воронов В. В., Воронов Д. В. Штыки мира. СПб.: Атлант, 2011. Т. II. С. 162–181, 186–193.

¹⁴ Данько А. В., Лыков К. К. Русский штык. С. 78; Кулинский А. Н., Воронов В. В., Воронов Д. В. Штыки мира. Т. II. С. 172–173.

¹⁵ Кулинский А. Н. Русское холодное оружие. СПб.: Атлант, 2014. С. 461, 492.

¹⁶ Ющенко А. С. Винтовка обр. 1891/30 г. и её разновидности. История разработки, производства, модернизации, эксплуатации: историческое издание. СПб.: Атлант, 2018. С. 305.

¹⁷ Кулинский А. Н. Русское холодное оружие. С. 462, 494.

- ¹⁸ Даныко А. В., Лыков К. К. Русский штык. С. 80.
- ¹⁹ Ющенко А. С. Винтовка обр. 1891/30 г. и её разновидности. С. 301.
- ²⁰ Там же. С. 312, 313.
- ²¹ См., например: Дроздова Е. Е. Вклад тульских оружейников в модернизацию 3-линейной винтовки обр. 1891 г. // 150 лет со дня рождения конструктора 3-линейной винтовки обр. 1891 г. С. И. Мосина: юбилейный сб. / под ред. В. А. Парамонова. Тула, 1999. С. 29–42.
- ²² Дергачёв А. С., Пинк И. Б. Автоматы и автоматические винтовки Фёдорова в собрании Тульского государственного музея оружия. С. 157–159.
- ²³ От образца в собрании ТГМО незначительно отличается опытная автоматическая винтовка 1928 г. ковровского ПКБ // Энциклопедия ковровского оружия (1918–1966 гг.): по материалам архива КБ «Арматура» / сост. М. И. Черногубов; под общ. ред. Ю. Л. Арзуманова. М.: Художественная литература, 2012. С. 28 (Образец 11/1).
- ²⁴ Чумак Р. Н. Самозарядные и автоматические винтовки Токарева: справочно-историч. издание. СПб.: Атлант, 2019. С. 199, 201, 202, 216, 217, 220, 221.
- ²⁵ Там же. С. 119.
- ²⁶ Там же. С. 199, 201, 216, 217, 222, 228.
- ²⁷ Там же. С. 303.
- ²⁸ См., например: Кулинский А. Н., Воронов В. В., Воронов Д. В. Штыки мира. Т. II. С. 476–479.
- ²⁹ См., например: Воллерт Г., Копенгаген В., Лидшун Р. Стрелковое оружие сегодня / Пер. с нем. И. В. Чистякова, Т. В. Юношева. Минск: ООО «Попурри», 2003. С. 223–224, 226; Попенкер М. Р. Штурмовые винтовки мира. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2004. С. 137–139.
- ³⁰ Монетчиков С. Б. История русского автомата: Справочно-историческое издание. СПб.: Атлант, 2005. С. 130–131; Кулинский А. Н., Воронов В. В., Воронов Д. В. Штыки мира. Т. II. С. 476, 477.
- ³¹ Игольчатый четырёхгранный откидной штык имеет опытный самозарядный карабин Токарева «Т-2» 1949 г. // Чумак Р. Н. Самозарядные и автоматические винтовки Токарева. С. 315, 318.

М. А. Приходько (Москва)

Х. А. ЛИВЕН И ЦЕНТРАЛЬНОЕ ВОЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВВ.

КАК ИЗВЕСТНО, российский император Павел I с первого дня вступления на престол решил лично руководить деятельностью Военной коллегии, входя во все мелочи военного управления¹. Специфическими средствами этого управления были ежедневные высочайшие приказы, отдаваемые при пароле, которые записывались, оформлялись и объявлялись генерал-адъютантами свиты его императорского величества.

С 13 ноября 1796 г. приказы, отдаваемые при пароле, получили значение именных указов, т. е. актов законодательного характера².

Ко времени поездки императора Павла I в Москву на коронацию (в марте 1797 г.) образовался первоначальный состав чиновников, образовавших Военно-походную е. и. в. канцелярию, под руководством управляющего генерал-адъютанта³. Тем самым при императоре начала действовать личная канцелярия по военным вопросам, превратившаяся в своеобразную дополнительную инстанцию над Военной коллегией. Управляющий Военно-походной е. и. в. канцелярией генерал-адъютант подчинялся непосредственно Павлу I и постоянно находился при особе императора.

В короткий срок Военно-походная е. и. в. канцелярия сделалась высшей надстройкой над Военной коллегией, а благодаря праву доклада по всем ведомствам управления во время отсутствия императора в столице заняла исключительное положение учреждения с функциями не только центрального военного, но и частично высшего государственного управления⁴.

27 июля 1798 г. генерал-адъютантом был назначен Христофор Андреевич Ливен — представитель древнего дворянского рода⁵. Фактически именно этот молодой (24-летний) генерал как

руководитель Военно-походной е. и. в. канцелярии оказался в центре военного управления Российской империи.

Рост влияния Военно-походной е. и. в. канцелярии отразился и на положении её управляющего (начальника) генерал-адъютанта Х. А. Ливена. В воспоминаниях его супруги Д. Х. Ливен сохранилось упоминание о содержании одной из последних записок императора Павла I к Х. А. Ливену, в которой монарх прямо именует его держателем портфеля военного министра⁶.

Кроме того, военным министром Х. А. Ливен назван в дореволюционном Военном энциклопедическом лексиконе⁷ и в справочнике современного историка В. И. Федорченко⁸.

Вступление на престол императора Александра I и учреждение министерств не изменили положения, занимаемого Военно-походной е. и. в. канцелярией. Управляющий (начальник) Военно-походной е. и. в. канцелярии объявлял высочайшие повеления Военной коллегии и Генерал-аудиториату⁹,

ему же Военная коллегия доносила о исполнении высочайших приказов, он находился в тесном взаимодействии с командующими войсками и военными начальниками¹⁰. Наряду с этим в Военно-походной е. и. в. канцелярии сосредоточились дела по производству военнотружущих в чины, по передвижению войск и по разработке многих общих вопросов военного устройства и управления¹¹. Тем самым деятельность Военно-походной е. и. в. канцелярии частично дублировала деятельность Министерства военных сухопутных сил, а в случае ведения военных действий и нахождения императора Александра I при действующей армии её значение возрастало многократно, отодвигая это министерство на второй план¹².

Ил. 1. Ливен Христофор Андреевич. Неизвестный худ. Копия с оригинала Т. Лоуренса, между 1843 и 1859 гг. Государственный Эрмитаж

Двоевластие в центральном военном управлении продолжалось до назначения 13 января 1808 г. министром военных сухопутных сил генерала от инфантерии А. А. Аракчеева¹³, лица, особо приближённого к императору Александру I.

Уже Указом от 16 января 1808 г. было объявлено о прекращении доставления в Военно-походную е. и. в. канцелярию еженедельных меморий Военной коллегии¹⁴.

Указом от 17 января 1808 г. устанавливался порядок объявления указов Военной коллегии только министром военных сухопутных сил¹⁵.

Наконец, указом от 26 января 1808 г. Военно-походная е. и. в. канцелярия передавалась министру военных сухопутных сил «в полное его распоряжение»¹⁶. Тем самым Военно-походная е. и. в. канцелярия была подчинена Министерству военных сухопутных сил.

Таким образом, около 10 лет Христофор Андреевич Ливен фактически стоял во главе центрального военного управления Российской империи, вместе с президентом Военной коллегии Н. И. Салтыковым и министром военных сухопутных сил С. К. Вязмитиновым — факт, имеющий важное значение для военной истории Российской империи конца XVIII — начала XIX в.

¹ Столетие Военного министерства. СПб., 1904. Т. 2. Кн. 2. С. 4.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (далее: ПСЗ-1). Т. 24. № 17548. С. 5.

³ Столетие Военного министерства. СПб., 1902. Т. 2. Кн. 1. С. 288.

⁴ Там же. Кн. 2. С. 23—32.

⁵ Милорадович Г. А. Список лиц свиты их величеств с царствования императора Петра I по 1886 г. по старшинству дня назначения. Генерал-адъютанты, свиты генерал-майоры, флигель-адъютанты, состоящие при особах, и бригад-майоры. Киев: Типография С. В. Кульженко, 1886. С. 13—14.

⁶ Schiemann T. Zur Geschichte der Regierung Paul I und Nicolaus I. Berlin, 1906. S. 41.

⁷ Военный энциклопедический лексикон. Изд-е 2-е. СПб., 1855. Т. 8. С. 188.

⁸ Федорченко В. И. Свита российских императоров. М.; Красноярск, 2005. Кн. 1. С. 504.

⁹ Столетие Военного министерства. Т. 2. Кн. 2. С. 73.

¹⁰ Там же. С. 32.

¹¹ Там же. С. 52.

¹² Там же. С. 42—55.

¹³ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 159.

¹⁴ ПСЗ-1. Т. 30. № 22754. С. 26.

¹⁵ Там же. № 22756. С. 27.

¹⁶ Там же. № 22783. С. 45.

В. Н. Прямыцын, М. С. Янкин (Москва)

ОПЫТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМЕНДАНТСКОЙ СЛУЖБЫ ОГРАНИЧЕННОГО КОНТИНГЕНТА СОВЕТСКИХ ВОЙСК ПО ОРГАНИЗАЦИИ И ПОДДЕРЖАНИЮ РЕЖИМНЫХ ЗОН

С ПЕРВЫХ ДНЕЙ пребывания Советской армии на земле Афганистана вооружённая оппозиция сделала ставку на ведение борьбы так называемыми партизанскими методами. Избегая боевых столкновений с советскими подразделениями, моджахеды активно прибегали к засадам, обстрелам, налётам, минированию, диверсионно-террористическим актам. Это обусловило специфику деятельности советских войск. Значительная их часть привлекалась к выполнению задач комендантской службы, в частности, к охране и обороне военных, административных и экономических центров, контролю над перемещением в их окрестностях местного населения. Организационным решением, позволившим эффективно решать задачи комендантской службы, стало создание режимных зон.

С вводом Ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) в Афганистан части и подразделения разместились гарнизонами в важнейших центрах и на коммуникациях страны. Вокруг пунктов постоянной дислокации была организована охрана и оборона. Кроме того, в Афганистане была создана комендантская служба — советские военнослужащие взяли под охрану ряд аэродромов, административных и экономических объектов¹.

На протяжении первых недель пребывания советских войск на территории соседнего государства, пока вооружённая оппозиция не проявляла высокой активности, выполнение охранных функций носило ограниченный характер. К примеру, охрана штаба ОКСВ состояла всего из нескольких постов на бронетехнике.

Вокруг столицы существовал всего один пояс безопасности, сформированный несколькими десятками постов. Существенно расширить масштабы охранной деятельности заставили события конца февраля 1980 г., когда в Кабуле произошли массовые волнения².

При организации и подстрекательстве вооружённой оппозиции в столице Афганистана прошли массовые митинги, переросшие в беспорядки. Свыше 400 тыс. человек наводнили улицы города, заблокировав его транспортные коммуникации, военные и административные центры. Одновременно все гарнизоны, находившиеся в городе и его окрестностях, были окружены умело направлявшимися людскими потоками. Афганское военное руководство демонстрировало растерянность, и усмирение протестующих было возложено на советских представителей³.

В качестве противодействия нараставшим волнениям 22 февраля было принято решение перекрыть доступ протестующим в город. На каждой из дорог, ведущих в Кабул, было выставлено по одной мотострелковой роте, усиленной танковым взводом, и по одной афганской пехотной роте. Когда справились с притоком людей, встала задача нормализовать обстановку в городе, рассеять и изолировать друг от друга группы демонстрантов⁴.

Пик событий пришелся на 23 февраля. Отряды оппозиции, растворившиеся в многотысячной толпе, обстреливали военные объекты и посты, стремясь спровоцировать ответный огонь. Строились баррикады, повсеместно происходили поджоги. Для укрощения толпы была использована афганская авиация. Самолеты проходили над городскими площадями на малой высоте со сверхзвуковой скоростью, в результате чего люди разбегались. Несмотря на то, что взрывоопасная обстановка создавала значительную угрозу жизни советских военнослужащих, представителей и специалистов, они не применяли оружия по гражданским лицам⁵.

Дезорганизовав толпу, МВД и МГБ Афганистана при поддержке советских и афганских военнослужащих приступили к зачистке города. Были арестованы около 400 человек, а в одной из гостиниц захвачен штаб руководства беспорядками. По рекомендации руководителя Оперативной группы МО СССР С. Л. Соколова афганскими властями в Кабуле был объявлен комендантский час. В Оперативной группе был подготовлен план прикрытия и охраны важнейших объектов города. Силами

советских и афганских частей, дислоцированных в столичном гарнизоне, под охрану были взяты все дороги, ведущие в город, мосты, телевидение, телеграф, пункты водоснабжения, государственные учреждения и склады, район посольств, электростанции и другие объекты⁶.

Волнения в Кабуле показали, что ОКСВ находится вовсе не в «дружественном окружении». Угроза жизни советских дипломатов, специалистов и военнослужащих, нарушение связи между советскими представительствами и гарнизонами заставили вплотную заняться вопросами охраны и обороны. Защита коммуникаций, аэродромов, гарнизонов, военных и народно-хозяйственных объектов вошла в число основных задач, решаемых ОКСВ⁷.

В течение 1980 г. партизанское движение развернулось на 90 % территории страны⁸. Основой тактики противника стала внезапность. Уходя от прямого столкновения с регулярными частями советской и афганской армии, вооружённая оппозиция совершала диверсии и террористические акты, налёты на гарнизоны и посты правительственных войск, а также на аэродромы и автоколонны⁹.

Одним из наиболее эффективных инструментов в руках вооружённой оппозиции являлись обстрелы гарнизонов, сторожевых застав и постов. Они позволяли держать советские и афганские войска в постоянном напряжении, наносить им существенный материальный и моральный ущерб, избегая значительных потерь со своей стороны. В распоряжении моджахедов имелось значительное количество реактивных снарядов и переносных установок для их запуска. Они были удобны, так как могли размещаться на грунте, гужевого повозках или автомобилях. В большинстве случаев реактивные снаряды доставлялись на позиции скрытно и заблаговременно. Наведение проводилось визуально, поэтому обстрел вёлся по площадям. Запуск проводился в отсутствие людей с использованием механических или химических замыкателей¹⁰.

Другим средством в арсенале моджахедов были диверсионно-террористические акты. Их основными задачами являлось физическое уничтожение партийных и государственных деятелей, советских представителей, военнослужащих ОКСВ, военнослужащих афганской армии, МВД и МГБ, дезорганизация работы транспорта и государственных институтов, срыв снабжения

населения продуктами питания, сеяние паники, страха и недовольства¹¹.

Анализ событий, произошедших в столице, показал, что значительная часть населения в силу разных причин симпатизирует или помогает вооружённой оппозиции. Большинство населения Афганистана было настроено против кабульского режима и поддерживающих его советских войск¹². Местные жители снабжали моджахедов продовольствием, предупреждали об опасности, укрывали от преследования, предоставляли информацию об расположении и активности советских и афганских войск, содействовали в проведении террористических атак¹³. Позиции миномётов и реактивных снарядов часто располагались во садах и во дворах местных жителей. Из их домов проводились обстрелы военных объектов. Через частные владения местных жителей моджахеды прокладывали пути отступления после совершения терактов и диверсий¹⁴.

Стало очевидным, что непосредственной защиты охраняемых объектов от нападения моджахедов недостаточно. Возникла потребность создать вокруг наиболее важных из них такие условия, которые позволяли бы военной администрации держать под контролем местное население, проживающее в окрестностях важнейших административных, военных и народно-хозяйственных центров.

В 1981 г. по настоянию советской стороны в целях обеспечения безопасности, общественного порядка, предупреждения и пресечения враждебных действий оппозиции решением руководства Афганистана вокруг ряда объектов были созданы 15-километровые режимные зоны. Они представляли собой обширные территории, оборудованные в инженерном отношении (совокупность сторожевых застав, контрольно-пропускных пунктов, минных полей, комендатур), в которых совместными усилиями ОКСВ, армии, МВД и МГБ Афганистана поддерживался режим охраны и обороны, движения гражданского населения и автомобильного транспорта¹⁵.

Внутри таких зон устанавливался особый режим жизни и деятельности местного населения. Все лица мужского пола от 13 лет и старше, постоянно проживавшие на соответствующей территории, в обязательном порядке должны были пройти регистрацию в органах МВД, получить документы, постоянно иметь их при себе и предъявлять по первому требованию. Необходимо отметить,

что до учреждения режимных зон и за их пределами паспортного режима в Афганистане не существовало¹⁶. В каждой из режимных зон был установлен комендантский час, который предусматривал запрет на любые перемещения гражданских лиц после 23 часов¹⁷. В дневное время были запрещены несанкционированные собрания. Проведение общественных мероприятий и массовое скопление людей разрешались лишь по значимым поводам, таким как свадьбы и похороны, и лишь после согласования в МВД. Посещать режимные зоны можно было только через контрольно-пропускные пункты (КПП) после регистрации и проверки людей и грузов¹⁸.

Всего на территории Афганистана была создана 21 режимная зона. В каждой из них функционировали советская и афганская военные комендатуры, которые между собой интенсивно взаимодействовали. В свою очередь в составе афганских комендатур работали представители армии, МВД и МГБ, работники местных партийных и государственных органов. В зависимости от их размеров зоны могли делиться на участки ответственности соединений и частей. Военные комендатуры обеспечивали безопасность, общественный порядок, поддержание комендантского часа, режима движения транспорта, охрану и оборону объектов¹⁹.

Главная роль в охране и обороне объектов в системе режимных зон отводилась советским войскам. Для решения охранных задач были созданы сторожевые заставы и посты, на которых службу несли военнослужащие воздушно-десантных, мотострелковых войск и специальных охранных батальонов. Всего в Афганистане было создано 862 заставы, на которых несли службу свыше 20 тыс. военнослужащих²⁰.

Следующие цифры наглядно демонстрируют, какое значение отводилось поддержанию режимных зон в деятельности советских войск на территории Афганистана. В 1986 г. в составе ОКСВ было 133 батальона и дивизиона. Лишь 51 из них привлекался к ведению активных боевых действий, а 82 — выполняли охранные функции. Из этого количества 23 батальона и дивизиона охраняли коммуникации, а остальные — объекты в рамках режимных зон (14 — аэродромы, 23 — военные и хозяйственные объекты, 22 — органы власти)²¹. Таким образом, более трети личного состава ОКСВ привлекались к решению задач комендантской службы, охраняя режимные зоны на заставах.

Вот какое описание дал заставам руководитель Оперативной группы Министерства обороны генерал армии В. И. Варенников: «Застава являлась важнейшим элементом в нашей общей военной и социально-политической системе, которая сложилась с вводом советских войск в Афганистан. Как правило, застава “стояла” так, чтобы могла видеть всё и всех, простреливать весь охраняемый участок дороги, все подступы к охраняемому объекту, а также держать все подступы к ним под прицельным огнём (а складки местности “доставать” из миномёта). Всё вокруг минировалось, устанавливались различные инженерные заграждения. Остаётся лишь одна тропа-дорога (редко две), по которой застава сообщалась с внешним миром, но на ночь и она закрывалась заграждениями»²².

Все заставы оборудовались для длительного проживания, были подготовлены к круговой обороне. Каждая из них в среднем насчитывала 20—25 военнослужащих, менявшихся через каждые 6 месяцев. Застава обносилась сплошной мощной каменной или глинобитной стеной. Все помещения внутри пристраивались к этому заграждению и максимально укреплялись, особенно сверху (от реактивных снарядов). Помещения, как и огневые точки (позиции миномётов), соединялись ходами сообщения. Все виды оружия пристреляны на местности. Каждый день заставы и посты подвергались обстрелам и нападениям²³.

Наиболее крупной режимной зоной являлась столичная. Здесь кроме важнейших государственных, партийных и военных органов Афганистана находилось более 30 советских учреждений, размещалось значительное количество советских войск. С момента кабульского восстания система охраны и обороны столичной режимной зоны постоянно совершенствовалась и приняла окончательный вид к 1985 г. Она осуществлялась силами 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии и 108-й мотострелковой дивизии совместно с подразделениями афганской армии, МВД и МГБ. В дополнение над Кабулом постоянно барражировали боевые вертолеты, осуществлявшие наблюдение за обстановкой на земле и готовые нанести удар по выявленным целям²⁴.

Система охраны и обороны столичной режимной зоны состояла из двух поясов. Учитывая, что дальность полёта реактивных снарядов, которыми моджахеды обстреливали Кабул, составляла около 20 км, сторожевые заставы были удалены от города

на 15 км. Пространство перед заставами на оставшиеся километры дальности полностью просматривалось и простреливалось. Кроме своих огневых возможностей застава могла вызвать огонь артиллерии или боевые вертолёты. Все ущелья в секторе ответственности застав были надёжно заминированы противопехотными минами. Это существенно снижало, а с некоторых направлений исключало возможности обстрела городской черты реактивными снарядами²⁵.

Моджахедам приходилось проявлять изобретательность в подборе площадок для запуска снарядов. Иногда им всё же удавалось осуществить залпы по несколько десятков ракет²⁶. Однако, как правило, они изыскивали возможности скрытно доставить боеприпасы внутрь режимной зоны, чтобы нанести удар, находясь внутри охраняемого периметра. Для этого ими выявлялись и использовались тонкие места в системе охраны и обороны режимных зон. К примеру, для доставки запрещённых грузов в столицу подбирались те дороги, пропускной режим которых контролировался афганскими военнослужащими. Личному составу, дежурящему на КПП, предлагались крупные суммы денег. В случае отказа моджахеда переходили к угрозам в отношении родственников. Далее следовали угрозы физической расправы в отношении уже самих военнослужащих. Последней мерой было уничтожение всего личного состава поста. Моджахеда всех убивали, нарушали телефонную связь, прятали трупы и беспрепятственно направлялись к следующему КПП²⁷.

Доставив боеприпасы внутрь режимной зоны, моджахеда прибегали к помощи местного населения. Примером выступает обстрел представительства советского МВД в Афганистане. Среди дня пожилой афганец подвёл телегу, гружённую сеном, к обочине одной из оживлённых улиц, остановил её напротив здания советского представительства и скрылся. Спустя несколько минут из телеги начали вылетать реактивные снаряды. Они достигли цели, поразив территорию и здание представительства. По случайности никто не погиб²⁸.

Другим примером пособничества местного населения моджахедам является обстрел одного из учебных центров на восточной окраине Кабула в момент, когда там проводились показательные занятия с участием руководства страны и армии, МВД и МГБ, советнического аппарата и всех советских представительств. Когда все собрались в учебном корпусе для проведения конференции по

проблемам укрепления безопасности, вокруг стали рваться реактивные снаряды. Расследование показало, что площадка для запуска снарядов была оборудована во дворе одного из жилых домов в семи километрах от учебного центра²⁹.

Без столь существенной поддержки со стороны местного населения моджахедам было бы гораздо сложнее проводить обстрелы и диверсии. Поэтому контроль над штатскими являлся важной задачей, решавшейся с помощью поддержания режимных зон. Так, Кабул был разделён на несколько комендантских зон, в каждой из которых функционировала зональная комендатура. Днём на улицах осуществлялось патрулирование на боевых машинах, а ночью для поддержания режима комендантского часа на перекрёстках дорог выставлялись посты на бронетехнике. Чтобы избежать конфликтов с местным населением, ночные посты и патрули были совместными. Советские военнослужащие поддерживали порядок на улицах города с привлечением представителей афганского МВД, говорящих на русском языке³⁰.

Внутри режимных зон некоторые объекты охранялись особенно тщательно. Примером является штаб ОКСВ, по периметру обширной территории которого были установлены управляемые минные поля и хорошо укреплённые заставы, налажена система наблюдательных пунктов. Охрана этого объекта состояла из нескольких колец — внешнего, целиком опоясывающего территорию штаба, и ряда внутренних, защищавших каждое конкретное здание. На дороге, ведущей в штаб, находился КПП, на котором у всех въезжающих тщательно проверяли документы³¹.

Крупнейшие режимные зоны были организованы в окрестностях аэродромов советской авиации. Их масштабы были обусловлены необходимостью защиты летательных аппаратов от огня с земли при взлёте и посадке, а также от обстрелов на стоянках. Для охраны и обороны 10 аэродромов советской авиации были созданы 140 сторожевых застав. Специально для несения службы на этих заставах были сформированы 8 отдельных охранных батальонов. Каждый из них включал по 400 военнослужащих, имел на вооружении 50 единиц бронетехники и 9 автоматических гранатомётов. Кроме того, 224 заставы выполняли двойную задачу. Они стояли на дорогах, проходящих через режимные зоны, и таким образом принимали участие в охране и обороне как коммуникаций, так и режимных зон³².

Рассмотрим организацию режимной зоны на примере одной из крупнейших — вокруг аэродрома Баграм. Вокруг неё было создано три рубежа обороны: непосредственно по периметру аэродрома, на ближних подступах и на дальних подступах. Непосредственная охрана объектов и периметра аэродрома возлагалась на караулы авиационных частей³³.

Для охраны и обороны ближних и дальних подступов был выделен 1352-й отдельный батальон охраны, чьи усиленные стрелковые взводы были распределены на местности по заставам. Заставы были оборудованы в бытовом и инженерном отношении для длительного пребывания военнослужащих. Они имели между собой огневую связь, а промежутки между ними были прикрыты минными полями. Оборонительные рубежи были призваны обеспечивать безопасность взлёта и посадки самолётов, а также защищать аэродром от обстрелов реактивными снарядами. Их удаление от аэродрома выбиралось с учётом дальности действия вооружения, имевшегося у противника. Кроме того, в распоряжении командира батальона охраны имелся резерв сил и средств для решения внезапно возникающих задач³⁴.

Трудности в поддержании режимной зоны именно возле аэродрома Баграм заключались в том, что к нему со всех сторон вплотную прилегали кишлаки. Душманы, растворяясь среди местного населения, вели наблюдения за активностью советских войск, не упускали возможности нанести ракетный удар³⁵.

Практика организации режимных зон хорошо себя зарекомендовала при проведении так называемых «чисток» Герата. В окрестностях этого города постоянно находилось значительное количество бандформирований. Время от времени они, разбиваясь на мелкие группы, проникали в городскую черту, где вели диверсионно-террористическую деятельность против советских и афганских объектов. Требовалось зачищать город и его окрестности.

Проведение «чистки» города начиналось с того, что советские войска отсекали формирования вооружённой оппозиции Герата. Затем, опираясь на систему сторожевых застав, постов и КПП режимной зоны, город брался в кольцо и отсекался на сектора, что локализовало местное население и исключало его перемещение. Внутри секторов, изолированных друг от друга советскими войсками, афганские МВД и МГБ проводили зачистку. Всё взрослое мужское население каждого из секторов последовательно

собирали на стадионе Герата и подвергали фильтрации. Жителей, не вызывавших подозрений, после проверки отпускали по домам. Подозрительных лиц пропускали через коридор, в котором на них скрытно смотрели информаторы, указывавшие на причастность того или иного человека к вооружённой оппозиции.

Наличие режимной зоны и тактика, выбранная советскими войсками при проведении таких «чисток», себя оправдывали. За две недели удавалось пресечь проникновение в город моджахедов и задержать тех, кто в него уже проник. Однако, в большинстве случаев задержанные моджахеды оказывались на свободе, и через три—четыре месяца «чистку» приходилось повторять³⁶.

Кроме административных и военных центров, под охраной советских военнослужащих находились более 20 народно-хозяйственных объектов. Их охрана и оборона осуществлялась в общей системе соответствующей режимной зоны либо дополнительным выставлением сторожевых застав³⁷. Примером могут служить гидроэлектростанции Суроби и Наглу — современные высокотехнологичные сооружения, снабжавшие энергией столичный регион. Моджахеды неоднократно прилагали усилия к нарушению их работы. Для того чтобы этого не случилось, вокруг станций была организована эшелонированная охрана и оборона. На случай нападения в готовности пребывал вооружённый резерв. Все лица, прибывавшие на станции, подвергались троекратному контролю³⁸.

Особенностью режимных зон было то, что внутри них местное население проживало в непосредственной близости от охраняемых объектов и сторожевых застав. Налаживание контактов с жителями близлежащих кишлаков не только не возбранялось, но даже вменялось в обязанность соответствующим командирам. Со временем между гарнизонами и местными жителями складывались хозяйственные связи. Так, афганцы проявляли интерес к консервам, сахару, сигаретам, мылу, керосину, спичкам, ненужной форме одежды и строительным материалам, медикаментам. Чтобы их заполучить, местные были готовы выполнять некоторые хозяйственные и бытовые работы. В связи с этим ряд товаров выдавался заставам сверх положенных норм, в расчёте на оказание помощи населению. Таким образом, режимные зоны имели не только охранное, но и социально-политическое значение. Они играли важную роль в реализации политики национального примирения. Однако при взаимодействии

с местным населением нельзя было терять бдительности. Так, с середины 1980-х гг. моджахеды стали активно привлекать к совершению террористических актов детей и юношей в возрасте от 10 до 16 лет³⁹.

Подводя итог рассмотрению деятельности ОКСВ по созданию и поддержанию режимных зон, можно сделать следующие выводы:

1. избегая прямых столкновений с советскими войсками, вооружённая оппозиция избрала для себя тактику партизанской войны, активно прибегая к обстрелам и диверсиям;

2. население Афганистана в силу убеждения или страха проявляло лояльность к моджахедам, что использовалось вооружённой оппозицией в противостоянии с афганскими и советскими войсками;

3. эффективной организационной формой охраны и обороны важнейших объектов, а также контроля над местным населением в их окрестностях стали режимные зоны;

4. организация и поддержание режимных зон требовали взаимодействия между советскими войсками, афганской армией, МВД, МГБ, государственными и партийными органами, однако их ключевым элементом выступали советские сторожевые заставы, на которых несли службу более трети личного состава ОКСВ;

5. режимные зоны, создававшиеся вокруг административных центров, аэродромов и народно-хозяйственных объектов, имели свою специфику, но общим являлось тесное соседство местного населения с охраняемыми объектами и сторожевыми заставами;

6. деятельность ОКСВ по созданию и поддержанию режимных зон в Афганистане позволила получить значительный опыт охраны и обороны объектов, контроля над местным населением, который может быть использован на современном этапе и в перспективе.

¹ Двугрошев Ю. И. Воспоминания первого коменданта Кабула. Издательство «Источник жизни», 2005. С. 289.

² Громов Б. В. Ограниченный контингент. М.: Издательский дом «Прогресс», «Культура», 1994. С. 222.

³ Двугрошев Ю. И. Воспоминания первого коменданта Кабула. С. 319.

⁴ Богданов В. А. Афганская война: Воспоминания. М.: Советский писатель, 2005. С. 75.

⁵ Христофоров В. С. Афганистан. Правящая партия и армия (1978—1989 гг.). М.: Граница, 2009. С. 41.

- ⁶ Меримский В. А. Загадки афганской войны. М.: Вече, 2006. С. 146.
- ⁷ Барынькин В. М. От Пули-Хумри до Кабула // Военно-исторический журнал. 2001. № 12. С. 4.
- ⁸ Ляховский А. А. Пламя Афгана. М.: Вагриус, 1999. С. 300.
- ⁹ Никитенко Е. Г. Записки командарма Тухаринова // Военно-исторический журнал. 1999. № 6. С. 28.
- ¹⁰ Ляховский А. А. Пламя Афгана. С. 310.
- ¹¹ Богданов В. А. Афганская война. С. 78.
- ¹² Громов Б. В. Ограниченный контингент. С. 121.
- ¹³ Меримский В. А. Загадки афганской войны. С. 189.
- ¹⁴ Меримский В. А. В боях с моджахедами // Военно-исторический журнал. 1994. № 8. С. 41.
- ¹⁵ Богданов В. А. Афганская война. С. 96.
- ¹⁶ Двугрошев Ю. И. Воспоминания первого коменданта Кабула. С. 304.
- ¹⁷ Богданов В. А. Афганская война. С. 96.
- ¹⁸ Ляховский А. А. Пламя Афгана. С. 263.
- ¹⁹ Ляховский А. А. Пламя Афгана. С. 263; Богданов В. А. Афганская война. С. 97.
- ²⁰ Ляховский А. А. Пламя Афгана. С. 263.
- ²¹ Богданов В. А. Афганская война: С. 92.
- ²² Варенников В. И. Неповторимое. М.: Советский писатель, 2001. С. 117.
- ²³ Гареев М. А. Афганская страда (с советскими войсками и без них). М.: ИНСАН, РФК, 1999. С. 69.
- ²⁴ Громов Б. В. Ограниченный контингент. С. 131, 222.
- ²⁵ Варенников В. И. Неповторимое. С. 123.
- ²⁶ Гареев М. А. Афганская страда... С. 69.
- ²⁷ Варенников В. И. Неповторимое. С. 125.
- ²⁸ Там же. С. 124.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Двугрошев Ю. И. Воспоминания первого коменданта Кабула. С. 293.
- ³¹ Громов Б. В. Ограниченный контингент. С. 112.
- ³² Богданов В. А. Афганская война. С. 102.
- ³³ Меримский В. А. Загадки афганской войны. С. 249.
- ³⁴ Ляховский А. А. Пламя Афгана. С. 264.
- ³⁵ Громов Б. В. Ограниченный контингент. С. 223.
- ³⁶ Там же. С. 151–153.
- ³⁷ Богданов В. А. Афганская война. С. 101.
- ³⁸ Варенников В. И. Неповторимое. С. 129.
- ³⁹ Громов Б. В. Ограниченный контингент. С. 208.

К. П. Раткявичюте (Санкт-Петербург)

СОВЕТСКИЙ ПЛАКАТ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941—1945 гг. ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКА И ТИПОЛОГИЯ ОБРАЗОВ

ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ войны сотрудники Артиллерийского исторического музея систематически собирали и закупали плакаты, изданные в её годы. В архиве музея, в поступлениях за 1950-е гг. часто встречаются «связки плакатов» на несколько десятков предметов. Благодаря этому Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи сегодня может похвастать одной из наиболее полных коллекций советского плаката периода Великой Отечественной войны. Широкое собрание позволяет составить ясное представление об этом художественно-историческом явлении. Советский плакат периода Великой Отечественной войны — яркий, самобытный и одновременно многосоставной артефакт, который можно рассматривать и как самостоятельное художественное произведение, и как изобразительный исторический источник военного времени.

В первую очередь следует рассмотреть плакат как вид изобразительного искусства. Он является прикладным видом графики, то есть обладает утилитарными качествами. Его практическое назначение состоит в передаче информации, инструкции и — немаловажной составляющей в плакате военного времени — поднятии и поддержке духа и боевого настроения. Исходя из этих прямых функций, складываются определённые правила, или, можно сказать, канон, благодаря которому послание плаката могло быть легко воспринято широким кругом зрителей.

В контексте XXI в. с устоявшимся понятием «массовой культуры» следует отметить то, что плакат не является массовым искусством. Для массового искусства характерно широкое распространение, то есть тираж, а также воззвание к бурным и быстрым эмоциям через гротеск и пафос¹. Через такое определение можно было бы отнести советский военный плакат к массовой культуре, но это было бы ошибочно, так как эти особенности в плакате возникли из разных начал. Итак, большой тираж необходим, чтобы донести информацию, пафосный характер принадлежит системе социалистического реализма, а гротеск используется как средство художественной выразительности для усиления образов, а не ради развлечения, как это было бы в массовом искусстве. Также, смысл в массовом искусстве актуален чаще всего очень непродолжительно, только близко к времени своего создания. Безусловно, призыв в плакате военного времени был рассчитан на моментальный отклик, однако по прошествии более семидесяти лет изменилось восприятие его содержания, установилась его новая ценность как художественного произведения своей эпохи.

С началом войны оказалось, что у плаката есть возможность очень быстро реагирования на динамично развивающиеся события. Один из самых известных плакатов Кукрыниксов «Беспощадно разгромим и уничтожим врага» вышел из типографии уже 24 июня 1941 г.² Советские художники использовали уже имеющийся к 1940-м гг. опыт создания агитационного плаката. Во время Гражданской войны в Москве и Петрограде при Российском телеграфном агентстве (РОСТА) был создан проект сатирического агитационного плаката, поддерживающий молодую советскую власть. Плакаты выставлялись в пустующих витринах магазинов, откуда взяли свое название «Окна РОСТА». С началом Великой Отечественной войны по громкому и успешному примеру «Окон РОСТА» в Москве и Ленинграде были созданы команды «Окна ТАСС»³. Также возобновило свою работу художественное объединение «Боевой карандаш», которое изначально выпустило серию карикатурных плакатов к Советско-финляндской войне 1939 г.⁴

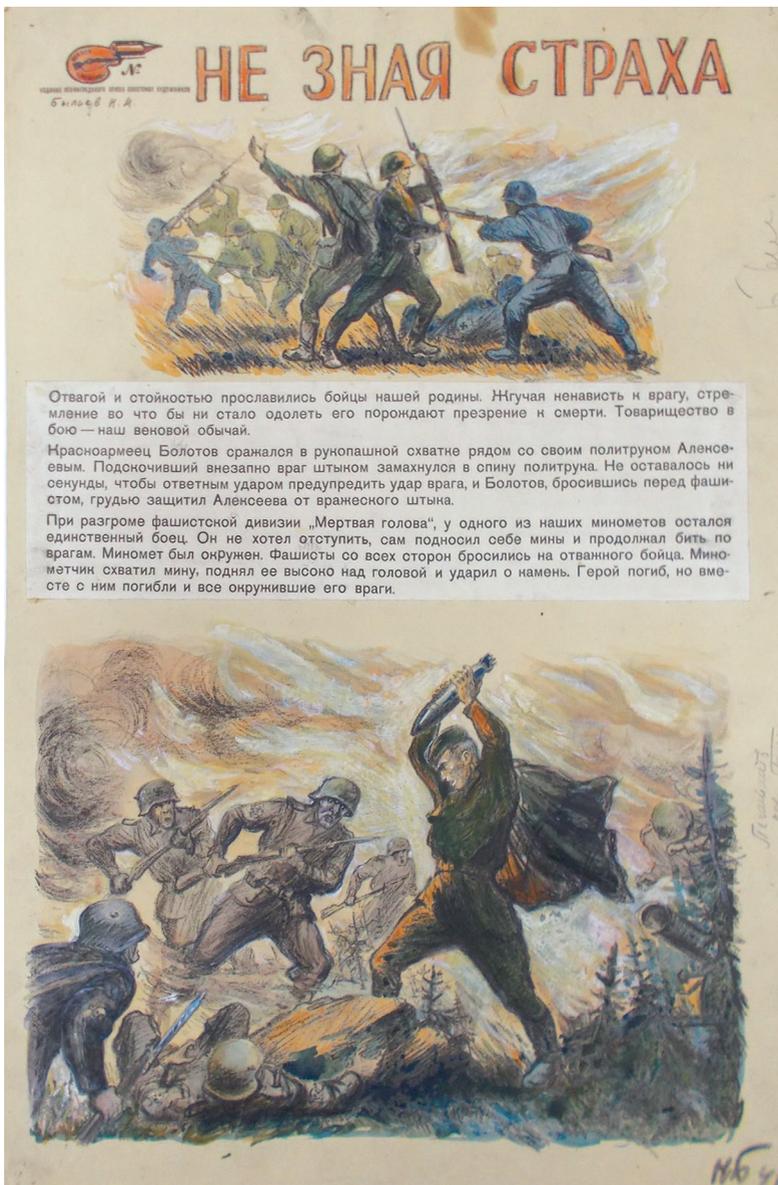
Так как от плаката требовалась немедленная реакция на события, нужен был быстрый способ изготовления тиража. Художник делал непосредственно рисунок плаката, который потом тиражировался, чаще всего офсетной печатью. Рисунки могли быть выполнены карандашом, или сухими материалами (уголь, сепия

Ил. 1. Д. Шмаринов. Фашисты не пройдут. 1941 г.

и т. д.), или смешанной техникой (карандаш и гуашь), а также красками (гуашь или акварель). Например, на плакате Дмитрия Шмаринова 1941 г. (ил. 1) «Фашисты не пройдут» видно, что рисунок целиком выполнен гуашью. Для типографской печати, когда цвет на листе печатается только по очереди, дешевле и проще минимальное количество цветов. На этом же плакате видно и ограниченную палитру, состоящую из синего, чёрного, жёлтого и красного цветов (зелёный и коричневый создаются смешением краски). Тем не менее малое количество цветов не ограничивает количество тонов. На других плакатах можно увидеть еще меньшее количество цветов, например, только чёрный и красный, как на произведении Ираклия Тоидзе «Героям салют Родины!» и других.

Особый интерес представляет собой эскиз к листу «Боевого карандаша» Н. Быльева (ил. 2). На листе рисунок, иллюстрирующий короткий текст о подвигах красноармейца Болотова и неназанного миномётчика в бою против дивизии «Мёртвая голова». Он выполнен в смешанной технике: автор использовал карандаш, восковой мелок, акварель и тушь. В верхнем правом углу знак «Боевого карандаша», но без номера, на обороте подпись к печати от 27.09.1941 и надпись автора карандашом «Была задержка с набором текста. Я не успел сделать цветные камни. С наступлением холодов литография стала. Лист тиражом не вышел. XII.41».

Ил. 2. Н. Быльев. Не зная страха. 1941 г.

Четыре коротких предложения говорят сами за себя. В сложнейших условиях осаждённого города продолжается работа художников. Можно было бы предположить, что для агитации хватило бы простых листовок с текстом, однако, несмотря ни на что, создавались полноценные плакаты, сложные и кропотливые в своём исполнении. Следует также отметить уникальность сохранившегося эскиза. Каждый вышедший в тираж «Боевой карандаш» получал свой номер, а лист Н. Быльева, законченный, но неопубликованный, оставался неизвестным.

Также в Москве и Ленинграде «Окна ТАСС» создавали трафаретные плакаты. В условиях, когда было невозможно отпечатать листы типографским способом, художественный процесс не останавливался, и плакаты тиражировались вручную. Здесь может возникнуть вопрос: если художники были знакомы с печатной графикой, то почему даже при ручном исполнении выбрали трафарет, а не эстамп? Можно предположить, что здесь опять же влияет технологический процесс: для выпуска тиража эстампа после создания рисунка требуется резчик доски или художник по камню, нужен станок для печати. Печатная графика требует кропотливости, времени, техники и большего количества людей с соответствующими навыками, а тираж трафаретом — процесс более энергоёмкий⁵. В то же время, для трафарета нужна лишь матрица, по которой раскрашивалось изображение. Цветов в таком плакате было немного, и для аккуратного результата не требуется столько навыков, опыта и знаний, как при печати на станке. При этом поломанную матрицу можно быстро повторить. Занимались раскраской жёны и окружение художников. При печати на станке тираж ограничивается сотнями листов, в то время как трафаретом можно выполнить тысячи.

В искусстве плаката, тем более военного времени, играет роль занимаемое зрителем время созерцания изображения. Советский плакат в большинстве случаев был рассчитан на быстрое восприятие. То есть, в небезопасных условиях военного города сообщение плаката должно было быть правильно прочитано с первого взгляда. Для моментальной передачи посыла плаката утрируется пафос изображения, и обращение к зрителю в большей мере происходит посредством больше эстетического воздействия, чем умозаключительного, благодаря чему в восприятии зрителя отпечатается быстрее, и впечатление останется сильнее и дольше. Тем не менее, говорить о плакате как о явлении высокого

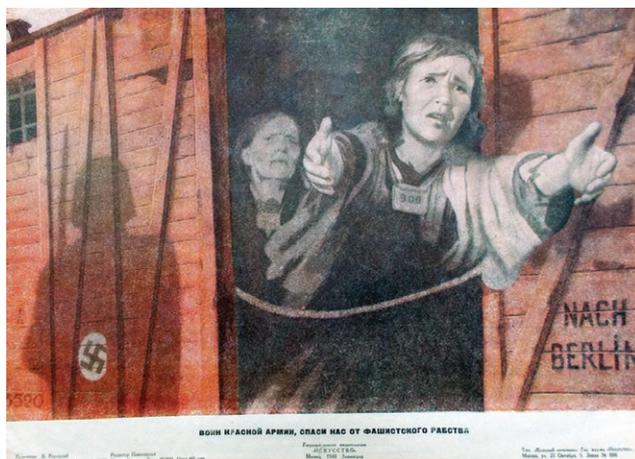

Ил. 3. А. Кокорекин. Бей гада!
1941 г.

художественного достоинства было бы невозможно, если бы он чисто механически сообщал информацию или призыв, потому что получилась бы стенгазета-инструкция. Именно обращение к эстетическому определяет его как явление художественное. Трепетная передача чувств скрывается в деталях на первый взгляд лаконичного плаката, как, например, у Алексея Кокорекина в плакате «Бей гада» (1941) (ил. 3), на котором красный приклад винтовки давит гада, закрученного в виде свастики. При быстром взгляде издали видна общая композиция и надпись, но при ближайшем рассмотрении ворсинки

между чешуйками ящера оказываются штыками и ножами, вызывающими отторжение. Примером сильного эмоционального воздействия также можно назвать плакат Виктора Корецкого «Воин Красной Армии, спаси нас от фашистского рабства» (1943) (ил. 4): в дверном проёме товарного поезда изображены две женщины, одна из них протягивает вперёд руки, на стену вагона падает тень фашистского солдата, середина силуэта попадает на нарисованную на стене свастику. В этом плакате происходит «ломание четвёртой стены» (термин из театра, когда зритель погружается в пространство действия и становится непосредственным участником происходящего). Пленная обращается к зрителю, а тень показывает на то, что фашистский солдат стоит за спиной зрителя. Нагнетание драматичности достигается отсутствием непосредственного портрета врага, но изображением его присутствия.

В плане художественного выражения язык плаката сложился в явление, с максимальной выразительностью гармонично сочетающее современные ему изобразительные приёмы, изобретения и традиционные схемы. В художественном языке советского плаката военного времени можно выделить преемственность батального лубка и новаторские решения, изобретённые русским

Ил. 4. В. Корецкий. Воин Красной Армии, спаси нас от фашистского рабства. 1943 г.

авангардом, органично вписавшиеся в порядок соцреализма. Эксплуатация наработок этих трёх составляющих позволила точно достичь цели, поставленные перед плакатом. Использование традиции и новаторства можно назвать архитектурным термином «архитектоника», когда конструкция (композиция) в плакате становится выразительным художественным приёмом. То есть, художественный образ, стиль создаются в композиции функциональными, техническими элементами, у каждого из которых своё конкретное назначение и которые в итоге передают задуманный художником смысл.

В военном плакате сохранилась схема прославляющего листа, с типичной для батального лубка композицией изображения, занимающего большую часть формата, и комментарием в несколько предложений. Изображение имеет доминантный характер над текстом, так как по нему можно «прочитать» события, текст же дополняет рисунок деталями с именами героев, временем и местом события. Лубочные композиции литографий Великой Отечественной войны оформлены в серии листов, например, «Подвиг партизанского отряда» В. Таленоравского (1941) (ил. 5), на котором изображено, как из подожжённого ночью партизанами сарая выбегают фашистские солдаты. На этом рисунке сохраняются та графичность и орнаментальный характер рисунка, полное заполнение пространства листа, насыщенность

Ил. 5. В. Таленоравский. Подвиг партизанского отряда. 1941 г.

мелкими деталями, которые характерны для «народной» графики XIX в. В характерной манере языка лубочного изображения заключается их историческая ценность, рисунок насыщен деталями, которые могли бы быть упущены при более лаконичной манере, а также то, что лубок всегда основывался на действительном событии, пусть иногда и приукрашенном. В некоторых листах можно увидеть сильно повторяющую композицию хромолитографии-лубка периода Первой мировой войны. Например, плакаты «Подвиг Героя Советского Союза М. П. Жукова» (ил. 6) или «Подвиг Т. Харитонов» схожи с хромолитографией «Великая Европейская война. Геройский подвиг и гибель знаменитого летчика Шт.-капит. П. Н. Нестерова» (1914), где также изображён воздушный бой, погрудный портрет летчика и приведено краткое описание события. Практически художники используют уже отработанное построение чтобы показать подвиг, в этих произведениях перед ними не стояла задача в поиске новаторских решений изобразительных приёмов.

На другом плакате, «Лёша-разведчик» В. Иванова (1941) (ил. 7) также видна устоявшаяся лубочная форма — это сложение

песни о подвиге юноши-партизана и серия нарративных рисунков, сопутствующих тексту. В этом случае текст и изображение дополняют друг друга. Плакатами такой схемы являются литографии «Боевого карандаша», нацеленные на будущие победы или воспевающие подвиги. В контексте анализа изобразительных произведений следует отметить, что под нарративом имеется в виду повествование, рассказ о происшествии, действии (в противоположность о состоянию).

Другой часто встречающийся жанр плаката, перенятый из лубка, — это карикатура. В некоторых композициях сохраняется многокадровость изображений с последовательным повествованием, как в ленте «Как бабы фашистов в плен взяли». Сатирические рисунки сопровождаются острым текстом, часто в стихах, и их цельность неразрывна. Кроме прошлых и настоящих событий карикатура иногда обращается в будущее, показывая амбициозность фашистов в наступлении «сейчас» и разбитый и жалкий вид «потом», как это можно увидеть на листе В. Дени «Фашистская Ставка. Красноармейская поправка» (1943) (ил. 8). По законам жанра для высмеивания или уничтожения врага ему придаются животные или чудовищные черты. При этом советский солдат, бьющий врага, сохраняет свой обобщённо-реалистический образ, ему не придаются какие-либо героические черты. Такой характер изображения не разрывает связь с реальностью солдата, для которого создается этот плакат с «невозможностью» его образа, а наоборот, говорит ему о том, что он в его обычном виде суть герой.

Ил. 6. Н. Пильщикова. Подвиг Героя Советского Союза г. Жукова. 1942 г.

Ил. 7. В. Иванов. Лёша-разведчик. 1941 г.

Ил. 8. В. Дени. Фашистская Ставка. Красноармейская поправка. 1943 г.

Сходство советского военного плаката и батального лубка отмечается и в техническом исполнении: и для одного, и для другого характерны быстрая реакция на события и скорый выход тиража, а также широкое распространение. Тем не менее следует помнить, что плакат не тождествен «народному» эстампу, но он вобрал в себя некоторые уже наработанные приёмы для решения собственных задач. Лубочные листы более однотипны в своей художественной выразительности, на них редко можно найти авторскую подпись, в то время как советские военные плакаты практически все подписные, и манера художников индивидуальна и узнаваема.

Безусловно, искусство плаката и разработка правил его содержания и композиции, как таковое, имеют длительную историю, но, тем не менее, новое звучание оно получило с исследованием возможностей авангардных течений 1920-х гг. И хотя появление русского авангарда в чистом виде было невозможно в 1940-х гг. в официальном искусстве, некоторые его разработки сформировали вид военного плаката. В авангардных плакатах текст — это лаконичные, броские фразы из нескольких слов, а их шрифт не существует отдельно от пространства изображения, но является таким же предметом изображения, и прорисовка шрифта (даже без смысла фразы) визуально передаёт именно настроение. Футуристические наработки авангарда позволили изображать на единой плоскости развитие и изменение предметов во времени. Иллюстрирует эти проявления плакат М. Гордона «Подпиской на 2-й государственный заём ускорим победу над врагом» (1943) (ил. 9), где «2-й заём», нематериальное явление, показано как объект, а вокруг цифры происходит превращение заёма в снаряды — то есть на одном листе показано разное временное пространство. Подобные композиции часто встречаются в призывах усердно работать, на них наглядно демонстрируется польза и результат труда, в первую очередь для фронта и победы, как на плакате «Большевицкой уборкой урожая по врагу» Е. Ситтаро (1941).

Авангард начала XX в. тесно связан с промышленным художественным конструированием (термин «дизайн» применим, но он стал распространён во второй половине века)⁶, то есть изначально работа была нацелена на массовое восприятие⁷. Пионеры дизайна, Эль Лисицкий и Александр Родченко, также активно работали с плакатом, и хотя их чистого конструктивизма нет в плакатах 1940-х гг., остались те разработанные ими приёмы, благодаря

Ил. 9. М. Гордон. Подпиской на 2-й государственный заём ускорим победу над врагом. 1943 г.

которым композиции могли в себе сочетать и содержательное, и эстетическое, и то, что легко воспринималось бы широкой публикой. Из разработок авангарда в советском военном плакате остались контраст цветов, построенный на исследованиях начала XX в., динамика композиции и сильные ракурсы, которые могли бы быть стоп-кадром фильма, фотомонтаж⁸. Для плаката вообще характерно прямое обращение к зрителю, а фотомонтаж придает другой уровень воздействия на него, документальность в сравнении с условно-нарисованными персонажами.

Эти приёмы, эстетически выдержанные и лаконичные, наделяют плакат монументальностью, отдаляя от камерности и «пряничности» народного лубка, как на литографии «Чем крепче тыл — тем крепче фронт» В. Эгейса (1941) (ил. 10). На этом плакате изображена полуфигура, в анфас, девушки за станком, вишащая сверху лампа отбрасывает не нее холодный синий свет. Это резкое контрастное освещение сильно напоминает живописную «Кондукторшу» А. Самохвалова (ГРМ), так же изображённую строго в анфас и освещённую справа ярким зелёным светом светофора. Авангардистские приёмы позволяют создавать монументальность и динамику, как в листе П. Вандышева и Л. Торича «Слава героям Отечественной войны!» (1942), где сильное смещение масштабов фигур относительно друг друга и футуристически отработанные изменения ракурсов создают ощущение мгновности движения.

В коллекции музея было выявлено два плаката, созданных А. Самохваловым. В листе «Красные артиллеристы, точнее прицел»

(1941) (ил. 11) известный живописец тонко согласовывает изначально противоположные художественные задачи. С одной стороны, реалистические, академически правильные фигуры артиллерийского расчёта монументально-живописно скомпонованы на первом плане. С другой стороны, сохраняется условность и камерность пространства графики в изображении танкового боя на заднем плане. Приглушённой цветовой гамме изображения придаёт контраст и составляет композиционные акценты красный цвет надписей.

Ил. 10. В. Эгейс. Чем крепче тыл — тем крепче фронт. 1941 г.

Ил. 11. А. Самохвалов. Красные артиллеристы, точнее прицел. 1941 г.

Ил. 12. А. Пластов. Проклятье и смерть немецким оккупантам!

Плакат другого художника, Александра Пластова, более известного своей живописью, больше тяготеет к станковой живописи. Композиция «Проклятье и смерть немецким оккупантам!» (ил. 12) совершенно самостоятельна и говорит сама за себя без текста. Из сарая, по заснеженному деревенскому двору двое немецких солдат уводят телёнка, рядом стоят двое наблюдающих за ними детей. Внизу надпись «Проклятье и смерть немецким оккупантам! Они несут разорение, рабство и смерть советскому народу!» описывает происходящее, но и без её прочтения легко понять происходящее и последствия.

Анализ произведений советского искусства невозможен без разговора о социалистическом реализме. После провозглашения в 1934 г. на Первом съезде Союза писателей метода, требовавшего «правдивого, исторически конкретного изображения действительности в её революционном развитии», плакат стал и произведением, и инструментом одновременно. Система архетипов соцреализма состоит из реализма, монументальности, классицизма, народности и героизма⁹, при этом в плакате эти черты не являлись навязанными агитационными приёмами, но были созвучны задачам произведений и максимально удобным техническим аппаратом для их решения. Эти особенности определяют плакат в стиль своего времени — сталинский амфир, для которого выше

обозначенное является определением и который, в дополнение к этому, эксплуатировал авангардно-конструктивистские наработки.

Плакат, который можно отнести к сталинскому ампиру, как и другие произведения этого стиля, находится на грани между классицизмом и барокко. Классицизм проявляется в ясности и торжественности, но в то же время динамика и театральная насыщенность формального и содержательного заимствована у барокко. В этом ключе выполнены работы И. Тоизде «Клянусь победить врага» (1943), А. Кокорекина «Знамя полка — честь полка» (1943). Если, как с эталоном стиля, сравнить эту графику с архитектурой сталинского времени, то даже ассоциативно чувствуется присущая сталинскому ампиру и определяющая его патетичность. В плакате В. Иванова «Наше знамя — знамя победы» (1943) (ил. 13) группа солдат, идущих в атаку, изображена так, что можно её было бы представить барельефом на фронтоне здания. Однако вычурность и отдалённость от реальности в рисунке нивелируется одновременным изображением трагедии — ранением одного из солдат, а также прорисовкой поля боя, выжженной земли и ограждениями из колючей проволоки. Еще больше привязывает к действительным событиям знамя стрелкового полка (кистью знамени закрыт номер), указывая не на абстрактных солдат, а на конкретный полк. В этом листе также проявляется и излюбленная ампиром историчность: в верхней части листа силуэтом изображены древнерусские витязи, идущие в бой под вражескими стрелами. В плакате вообще часто встречаются напоминания о победах прошлого, но в отдельный мотив

Ил. 13. В. Иванов. Наше знамя — знамя победы. 1943 г.

И. Тоизде «Клянусь победить врага» (1943), А. Кокорекина «Знамя полка — честь полка» (1943). Если, как с эталоном стиля, сравнить эту графику с архитектурой сталинского времени, то даже ассоциативно чувствуется присущая сталинскому ампиру и определяющая его патетичность. В плакате В. Иванова «Наше знамя — знамя победы» (1943) (ил. 13) группа солдат, идущих в атаку, изображена так, что можно её было бы представить барельефом на фронтоне здания. Однако вычурность и отдалённость от реальности в рисунке нивелируется одновременным изображением трагедии — ранением одного из солдат, а также прорисовкой поля боя, выжженной земли и ограждениями из колючей проволоки. Еще больше привязывает к действительным событиям знамя стрелкового полка (кистью знамени закрыт номер), указывая не на абстрактных солдат, а на конкретный полк. В этом листе также проявляется и излюбленная ампиром историчность: в верхней части листа силуэтом изображены древнерусские витязи, идущие в бой под вражескими стрелами. В плакате вообще часто встречаются напоминания о победах прошлого, но в отдельный мотив

они складываются после речи И. В. Сталина на параде 7 ноября 1941 г., в которой он произнес «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков».

Здесь следует вспомнить о явлении «нового человека» в раннем советском искусстве. Революционная романтика создает своё мифологическое пространство с собственным пантеоном героев. Это молодой, здоровый, хорошо сложенный физически, смелый, интеллектуальный, трудолюбивый человек с высокими моральными качествами¹⁰. Такой набор качеств человека вполне реален, но благодаря обобщению и запечатлению их с присущим пафосом образы людей «нового типа» сакрализируются и переносятся в пространство эпоса. Эпичностью наделены призывающие и прославляющие композиции, такие как «Наше знамя — знамя победы!» В. Иванова (1943), «Слава боевым подругам» Г. Зайцевой (1941), «Быть донором — почётная честь для патриота» А. Кейля (1941), и множество других, в которых образы, с одной стороны, обобщены и романтизированы, но с другой, наделены индивидуальностью и могут играть определённую социальную роль, для того чтобы обращаться к тому или иному зрителю. Образ героя как бы обожествлялся, по типу скорее античному, становился сакральным, и в то же время утверждалось, что обычный смелый советский воин может стать таким героем. Под героями следует также понимать и женщин, и детей, и рабочих, которые посильно работали для победы, в мифологическом пространстве, и были тем самым типом «нового человека».

В мировой художественной практике аналогичное, но не идентичное возникновение нового героя, борющегося со всемирным злом, можно найти в американских комиксах про супергероев. Суть их очень схожа с героями советских плакатов: они были созданы в то же время, в конце 1930 — начале 1940-х¹¹, они стремились восстановить гармонию и благополучие мира, они смело боролись с врагом, Супермен и Капитан Америка с началом войны появляются на фронте против гитлеровской армии, они были позитивным примером, на который равнялись. Итак, при одинаковой задаче в необходимости образа героя решение приходит разное по форме, но подобное по своему характеру и строению. На этом примере нивелируется фантастичность образа советского солдата с военного плаката: в этом сравнении он, насколько это позволяет реализм, сверхъестественное существо. Существенная разница в образах и воплощении советского героя

Ил. 14. Н. Долгоруков. Сталинской артиллерии — слава! 1946 г.

и американского супергероя заключается в том, что для советского воина, для мотивации которого создавался плакат, невозможно была фантастика, так как война была на его земле, сказка была невозможна. В то же время, американцы воевали не на своей территории, а за океаном, и некоторая отчуждённость от реальности могла быть допустима.

Советский плакат военного времени отчасти однообразен в своей внутренней организации, но при этом наделён сильными психологическими связками, благодаря которым он занимает свое место не только как артефакт времени войны, но и как художественное произведение. В военном плакате, в зависимости от необходимости, сочетаются два противоположных начала античной эстетической системы: греческая идеализация и римский реализм. В традиции античной Греции подход к изображению человека был идеализированный, и, таким образом, при создании портрета художником не передавались индивидуальные, характерные особенности того или иного человека, черты обобщались в соответствии с классическими представлениями об идеале. В древнем Риме художники изображали реальные портретные черты, со всеми особенностями, не «исправляя» носы, возраст, и всё то, что делает неповторимым лицо. Рассматривая советские плакаты периода Великой Отечественной войны,

видно применение обоих подходов. Условно «греческий» используется для героических, пафосных восхвалений, для изображения героя такое отношение гораздо удобнее, так идеализированный герой становится более «универсальным». В триумфальных листах, как, например, на одном среди многих — «Сталинской артиллерии — слава!» Н. Долгорукова (1946) (ил. 14) изображён герой с идеально-обобщёнными портретными чертами, вечно молодой и бессмертный. Но в плакате также встречается и второй путь — с конкретными людьми, переданными конкретным портретом. Такие листы чаще можно встретить среди драматических, где изображены партизаны, матери или жёны, девушки в плену, например, «Смерть немецким оккупантам!» В. Пинчука (1942). В этом случае механизм лучше подходит для привязки к реальности, например, мать, жена или ребёнок в беде, надо спасать не кого-то абстрактного, а совершенно конкретного человека.

Образ врага практически всегда собирательный, за исключением Гитлера и руководства нацистской Германии. Обобщение здесь происходит по тем же причинам, чтобы не привязываться к конкретному лицу, а подготовить зрителя к общему врагу как типу. Даже в реалистических изображениях фашисты часто наделяются нечеловеческими, монструозными чертами, пример такой можно увидеть в композиции А. Казанцева «Захватчиков подлых с дороги сметём!» (1944). Врага невозможно было представить человеком, поэтому он был или чудовищем-ящером, или карикатурой, глупой и самонадеянной.

Плакат был создан войной и также является произведением своего времени. Коллекция музея, представляющая плакаты, выпущенные за весь период Великой Отечественной войны, позволяет увидеть и отметить происходившие изменения в ходе событий. В плакате отражается быт в тылу и на фронте, изменение настроения и надежд в зависимости от обстановки, а также фиксируются такие детали, как появление нового оружия, изменение формы одежды.

В первый год или даже месяцы войны возникло много композиций призывного характера, которых уже не будут делать в следующем, 1942 г. К этому типу относятся листы с призывом женщин идти на работу медсёстрами, в поле и т. д. При этом, при исчезновении мобилизационных плакатов, призыв женщин «заменить у станка ушедших на фронт» остаётся дольше. Плакаты-инструкции, на которых, например, объяснялись

правила поведения при артиллерийском обстреле, призывающие собирать металлолом, направленные против паникеров и провокаторов, также практически перестают выпускаться к середине войны. В качестве примеров таких плакатов, можно назвать «Собирай лом» М. Черемных (1941), «Болтуны — находка для врага» Б. Тимофеева (1941).

В 1942—1943 гг. создаются самые контрастные произведения. Выпускаются яркие плакаты, нацеленные на поднятие мотивации рабочих и крестьян, иллюстрирующие необходимость их труда для солдат на фронте, например,

«Колхозники и колхозницы, всё для фронта» В. Финогенова (1942), на котором показан богатый урожай и плодотворные результаты работы. На героических-мотивирующих листах изображаются смелые и решительные солдаты, идущие под красными знамёнами в атаку, часто их фигуры значительно больше, чем фигуры противника. В это же время создаются композиции с просящими о мщении и освобождении, самые мрачные, трагические и тёмные по цвету, с изображением казнённых людей, пленных, женщин с ранеными или убитыми детьми на руках, как в плакате А. Казанцева «Освободи!» (1943).

С 1944 г. палитра рисунка становится светлее, и тем более уже в 1945 г. воин становится освободителем, и появляются триумфальные «Ждите с Победой!» Н. Ватолиной (ил. 15). Солдат-освободитель уже не всегда воюет, он идёт к Берлину. В сравнении с выпусками начала войны, к 1944—1945 гг. карикатура становится менее острой. Первая сатира была свежей, поздняя часто опирается на более ранние образы и работает с цитатами самой себя. Например, если в более ранних листах разнообразно осмеивались идеи фашизма, как в плакатах 1941 г. «Сверхскотство»

Ил. 15. Н. Ватолина. Ждите с Победой! 1945 г.

Кукрыниксов со стихами С. Маршака, личность Гитлера также на плакате Кукрыниксов «Людоед-вегетарианец, или две стороны одной медали», то к концу войны не требовалось разоблачать сущность фашизма, так как он уже проявил себя. В карикатуре практически одним сюжетом остается сравнение с изгнанием Наполеона и напоминание о традиционной непобедимости страны. Таким примером может служить произведение Н. Долгорукова «Столкнём гада» (1944), в котором сатирической остаётся только манера изображения, а посыл продолжает поддерживать уверенность в разгроме врага. К самому концу войны практически сходят на нет все вышеупомянутые поджанры плаката, и в большинстве остаются победные и прославляющие мотивы.

Плакаты послевоенные радикально отличаются от созданных во время войны. Даже те листы, которые были сделаны сразу после победы, но летом или осенью 1945 г., искренне восхваляют победителей, но в них моментально пропадает накал страстей, остроты и разнообразие типов. Теперь плакат поздравляет абсолютно всех с победой, и нет необходимости подстраиваться под разную целевую аудиторию.

Художники-плакатысты широко использовали выверенные временем приёмы традиционной тиражной графики, то есть лубка. Одновременно в военном плакате применяются и новаторские решения, разработанные отечественными авангардными течениями начала XX в. Гармоничное сочетание этих составляющих достигается благодаря тому, что плакат как советское художественное произведение середины века существует в системе соцреализма и стилистически принадлежит сталинскому ампиру. Плакат создавался с чёткой целью донести зрителю определённую информацию, и в зависимости от этого сложились определённые типы изображения для восхваления, моральной поддержки, призыва к определённому действию, сатиры, принимая во внимание разные социальные группы людей. При том что плакат создавался как инструмент информирования, он своим существованием отражает и документирует жизнь людей во время войны, — и на фронте, и в городе, и в деревне, и на заводе. Пожелтевшие, хрупкие листы бумаги несут в себе отражение времени своего создания и на уровне восприятия изображения, и как артефакт своего времени, и как произведения высокого художественного достоинства.

- ¹ Гаспаров М. Л. Историзм, массовая культура и наш завтрашний день // Вестник истории, литературы, искусства. Отделение историко-филологических наук РАН. М.: Собрание; Наука, 2005. Т. 1. С. 27.
- ² Дмитренко А. Ф. Бахтияров Р. А. Голос героической души народа. Великая Отечественная война в изобразительном искусстве 1940–2010-х годов. СПб: СПГХПА им. А. Л. Штиглица, 2019. С. 10.
- ³ Масленников В. А. Окна ТАСС. 1941–1945. М.: Контакт-Культура, 2007. С. 5.
- ⁴ Боевой карандаш / Сост. Л. Д. Каминский, В. И. Кюннал, М. Р. Романов. Художник РСФСР, 1977. С. 9.
- ⁵ Виппер Б. Р. Введение в научное историческое изучение искусства. М.: Изобразительное искусство, 1985. С. 20.
- ⁶ Лаврентьев А. Н. История Дизайна. М.: Гардарики, 2007. С. 13.
- ⁷ Милнер Дж. Родченко. Дизайн. М.: Эксмо, 2020. С. 24.
- ⁸ Бахтияров Р. А. Плакаты «Окна ТАСС» в художественной жизни Ленинграда периода Великой Отечественной войны. Истоки и особенности образного решения. СПб.: Астерион, 2018. С. 20.
- ⁹ Гюнтер Х. Соцреализм как историко-культурный феномен // Соцреалистический Канон: Сборник статей / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 7–14.
- ¹⁰ Розенталь Б. Соцреализм и нищезанство // Соцреалистический Канон... С. 58.
- ¹¹ Назаренко М. Комментарии // Мур А. Хранители: Графический роман / Пер. с англ. М. Юнгер, И. Смирновой. СПб.: Азбука-Аттикус, 2014. С. 518, 522.

Р. Н. Рахимов (Уфа)

КОМАНДУЮЩИЕ ИРРЕГУЛЯРНЫМИ ВОЙСКАМИ ЮГО-ВОСТОКА РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БИОГРАФИЙ

В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ России первой половины XIX в. наблюдался интересный феномен: на юго-восточной границе империи, Оренбургской пограничной линии находилось одновременно четыре иррегулярных войска: Уральское и Оренбургское казачьи, Башкиро-мещерякское и Ставропольское калмыцкое. Так сложилось еще в XVIII в., такова была особенность несения пограничной службы: немногочисленная гарнизонная пехота находилась в крепостях и редутах, а пограничную конницу, распределённую на протяжении всей линии, составляли иррегулярные войска. Прежние армейские драгунские полки и армейская пехота с началом наполеоновских войн были направлены в армию, на западные границы. Здесь же иррегулярный компонент был достаточен для защиты границ империи от набегов степняков и охраны караванной торговли.

Все иррегулярные войска края приняли участие в наполеоновских войнах. В 1812—1814 гг. в армии сражались 2 башкирских, 2 мещерякских (совр. мишарских), 2 тептярских, Ставропольский калмыцкий, 4 уральских и 2 оренбургских казачьих полка. Кроме того, оренбургские и уральские казаки несли пограничную службу на юго-западной границе с Турцией, тысяча башкир сопровождала 4139 лошадей, подаренных башкирами и мещеряками правительству, до Бобруйска. В первой половине XIX в. иррегулярные войска Оренбургского края приняли участие в боевых действиях русско-турецкой войны 1828—1829 гг., подавляли польское восстание 1830—1831 гг., были в походе

в Венгрию в 1849 г., сражались в Восточной войне 1853—1856 гг. Полки оренбургских и уральских казаков, башкир, меццаряков, тептярей несли службу на карантинах, введённых в связи с эпидемиями холеры и чумы, а также содержали юго-западную границу, были на полицейской службе в Москве, Нижнем Новгороде, Казани¹.

Таким образом, в первой половине XIX в. иррегулярные войска юго-востока России, наряду с донскими казаками, оказались включёнными во все военные, санитарные, полицейские мероприятия, проводимые Военным министерством. Для выполнения высочайше утверждённых планов, организации службы на границе, участия в военных походах необходимо было иметь опытный командный состав, включая командующих войсками (атаманы, командующие, управляющие). Сравнительному анализу высшего звена иррегулярных войск Оренбургского края в первой половине XIX в. посвящена настоящая публикация.

В военно-административном отношении иррегулярные войска края были подчинены кантонной системе, введённой императором Павлом I в 1798 г. Она выделяла казачьи и национальные войска в особые административные единицы — кантоны. У башкир их вначале было 11, меццаряков — 5, уральских казаков — 2, оренбургских казаков — 5, ставропольских калмыков — 1. Тептяри подчинялись губернскому правлению, делились на команды, расположенные в уездах. Тептярские полки просуществовали с 1790 г. по 1845 г. После того как в 1855 г. тептяри были включены в состав Башкиро-меццарякского войска, оно стало именоваться Башкирским. В 1840 г. кантонная система у казаков была отменена, введены особые «положения», по образцу «Положения Донского казачьего войска». В 1842 г. Ставропольское калмыцкое войско (крещёные калмыки) за своей малочисленностью было упразднено и переселено к Оренбургскому казачьему войску².

Если казаки имели своих атаманов, Башкиро-меццарякское войско, фактически существовавшее с 1798 г., подчиняясь оренбургскому военному губернатору, лишь в 1834 г. было институализировано учреждением канцелярии и должности командующего войском. Оно просуществовало до отмены кантонной системы в 1865 г.

Все войска, находившиеся в крае, входили в состав Отдельного Оренбургского корпуса, подчинённого оренбургскому военному губернатору. Он обладал правами корпусного начальника.

Подчинённость иррегулярных войск корпусам, находившимся на границе, была явлением обычным. Так, в составе Отдельного Сибирского корпуса несло службу Сибирское казачье войско, в составе Отдельного Кавказского корпуса — Черноморское, Кавказское, Гребенское, Терское Кизлярское, Астраханское казачьи войска.

Командующие иррегулярными войсками Оренбургского края в первой половине XIX в., в эпоху Александра I и Николая I приведены в следующей таблице³.

Оренбургское казачье войско	Уральское казачье войско	Башкиро-мещеряжское войско	Ставропольское калмыцкое войско
Войсковой атаман генерал-майор А. А. Углицкий (1798—1808)	Войсковой атаман генерал-майор Д. М. Бородин (1798—1823)	Командующий генерал-майор С. Т. Циолковский (1834—1840)	Войсковой атаман подпоручик К. К. Баглюнов (1802—1812)
Временно исполняющий должность войскового атамана полковник Никифоров (1808)	Войсковой атаман генерал-майор П. М. Назаров (1823—1827)	Командующий подполковник (полковник) Н. В. Балкашин (1840—1845)	Войсковой атаман В. Ф. Барышевский (1812—1832)
Войсковой атаман полковник В. А. Углицкий (1808—1811)	Войсковой атаман генерал-майор Д. М. Бородин (1827—1830)	Командующий полковник Г. В. Жуковский (1846—1848)	Временно управляющий войском полковник Дебронольд (1832—1836)
Временно исполняющий должность войскового атамана майор М. А. Углицкий (1812—1814)	Наказной атаман генерал-майор В. О. Покатилов (1830—1838)	Командующий полковник Н. П. Беклемишев (1849—1850)	Командующий войском полковник Г. П. Золотарёв (1836—1840)

Командующие ирегулярными войсками юго-востока России

Войсковой атаман генерал-майор В. А. Углицкий (1815–1821)	Наказной атаман полковник Ф. Г. Бизянов (1837)	Командующий генерал-майор А. И. Серeda (1850–1851)	
Командующий полковник Е. Н. Тимашев (1822–1830)	Наказной атаман генерал-майор Л. М. Кожевников (1839–1845)	Временно исполняющий должность командующего полковник граф И. А. Толстой (1851–1852)	
Командующий генерал-майор А. Г. фон Энгельгардт (1831–1834)	Наказной атаман генерал-майор К. К. Геке (1845–1857)	Командующий генерал-майор Н. В. Балкашин (1851–1853)	
Временно исполняющий должность подполковник И. В. Подуров (1834)		Временно исполняющий должность командующего подполковник А. А. Толмачёв (1853–1854)	
Командующий генерал-майор А. А. фон Гельд (1835)		Командующий генерал-майор (генерал-лейтенант) Н. В. Балкашин (1854–1858)	
Командующий генерал-майор Н. В. Шуцкий (1835–1839)			
Командующий генерал-майор В. П. Молоствов (1839–1841)			

Наказной атаман генерал- лейтенант Н. Е. Цукато (1841—1848)			
Наказной атаман генерал-майор Г. В. Жуков- ский (1848—1852)			
Наказной атаман генерал-майор И. В. Подуров (1853—1859)			

Из всех командующих, с учетом назначения некоторых на должность дважды (И. В. Подуров, Г. В. Жуковский, Д. М. Бородин) и даже трижды (Н. В. Балкашин) получается 34 человека. Как правило, большинство из них при назначении на должность имели чин генерал-майора (генерал-лейтенанта) — 18 (52 %) или полковника — 12 (35 %). Назначение часто осуществлялось по принципу отбора кандидатов, имеющих доверие у военного губернатора. Это иногда приводило к тому, что назначались на службу из статской службы с переводом по армейской кавалерии или пехоте.

Насколько большей была текучесть руководящих кадров? Больше всего сменилось атаманов в Оренбургском казачьем войске — 14 раз. В Уральском казачьем войске таких замен произошло 7, в Башкиро-мещерякском — 9. Если учесть, что в последнем имели место скорострительная смерть (А. И. Середя), личный конфликт с военным губернатором (Н. П. Беклемишев), то текущих замен также было 7.

В начале формирования Ставропольского калмыцкого войска поместное руководство при назначении на должности опиралось на кандидатуры из представителей местных элит. Однако уровень их компетенций и подготовленности не удовлетворял растущим потребностям службы. Поэтому с приходом оренбургского

военного губернатора В. А. Перовского началась практика назначения на эту должность офицеров армейской кавалерии. Также можно отметить, что практика назначения оренбургских и уральских казаков на должности атаманов своих войск к 1830-м гг. прекращается. Правительство вводит должность наказного атамана и начинает расставлять на этих позициях представителей армейской кавалерии.

Что собой представляли командующие иррегулярными войсками в отношении владения опытом ведения боевых действий? Знакомство с их биографиями показывает, что многие имели опыт боевых действий: наполеоновские войны, русско-турецкая война 1806—1812 гг., Кавказская война. Наиболее старыми по опыту были Д. М. Бородин и Ф. Г. Бизянов, оба из уральских казаков. Они участвовали в Итальянском и Швейцарском походах А. В. Суворова. При атаманстве Д. М. Бородина начались изменения в их жизни: уральцы выделили своих представителей в гвардию (лейб-уральская сотня), в 1803 г. утверждено «Положение об Уральском казачьем войске». Скончался генерал-майор от холеры в 1830 г.

Участниками наполеоновских войн были: В. А. Углицкий, А. А. Гельд, В. П. Молоствов, Н. Е. Цукато, С. Т. Циолковский, Г. П. Золотарёв, Никифоров (25 %). Воевали в русско-турецких войнах 1806—1812 гг. и 1828—1829 гг.: И. В. Падуров, С. Т. Циолковский, В. П. Молоствов, В. А. Углицкий, Н. Е. Цукато (17 %). В боевых действиях русско-польской войны 1830—1831 гг. участвовали: В. П. Молоствов, Г. В. Жуковский, А. А. Гельд, Н. В. Шуцкий (14 %). Опытом Кавказской войны обладали: Н. П. Беклемишев, Н. Е. Цукато, А. И. Середя, И. А. Толстой (14 %). Последний — участник похода в Венгрию в 1849 г. Многие имели опыт ведения боевых действий в степи: Ф. Г. Бизянов, С. Т. Циолковский, И. В. Падуров, Д. М. Бородин, А. А. Толмачёв, А. А. Углицкий, В. А. Углицкий, М. А. Углицкий, Е. Н. Тимашев, Г. П. Золотарёв, Никифоров, В. Ф. Барышевский (40 %). Военные и гражданские губернаторы Оренбургской губернии также имели обширный опыт военной жизни в наполеоновских, русско-турецких и русско-шведской войнах первой половины XIX в.

Большой интерес вызывают биографии командующих Башкиро-мещерякским войском С. Т. Циолковского и Н. В. Балкашина, долгое время возглавлявших его. Во многом их успеху содействовали старшие командиры, обратившие внимание на расторопных молодых офицеров. Станислав Тимофеевич

Циолковский происходил из польских дворян Волынской губернии. В службу вступил в Шлиссельбургский мушкетёрский полк подпрапорщиком в 1807 г. В 1811 г. он был утверждён к генерал-лейтенанту П. К. Эссену дивизионным адъютантом. 4 апреля 1813 г. Циолковский поручик, 3 сентября этого же года — штабс-капитан. Он принял участие в русско-турецкой войне 1806—1812 гг. Затем в составе Дунайской армии его полк прибыл в сентябре 1812 г. на Волынь. В корпусе генерала Ф. В. Остен-Сакена он участвовал в деле при Волковыске и преследовании отступавшего противника⁴. 5 января 1817 г. он был переведён в лейб-гвардии Измайловский полк с оставлением при прежней должности дивизионного адъютанта.

После назначения Эссена оренбургским военным губернатором Циолковский отправился вслед за ним и был назначен старшим адъютантом в Оренбургский отдельный корпус, в 1819 г. произведён в капитаны. В это время он принял участие в нескольких походах в степь на правах старшего начальника. 26 января 1822 г. Циолковский переведён из капитанов гвардии в армейский чин полковником (гвардия имела преимущество перед армейскими чинами в два класса) и с назначением состоять при Оренбургском отдельном корпусе для особых поручений. В 1823 г. полковник был командирован в степь, за что «всемилоостивейше награждён 2000 десятин земли».

В 1824 г. полковник Циолковский был назначен начальником конвоя каравана купца Кондалова, посланного в Бухару по указанию из Петербурга для завязывания торговых связей со среднеазиатскими государствами. Хивинцы перехватили караван в районе Эмбы, взяли сопровождавших его людей в плен, а товары разграбили. Конвой из уральских и оренбургских казаков был рассеян, и только спустя несколько недель возвратился в Оренбург⁵. В этом же году Циолковский вновь был направлен в степь: «с 16 декабря 1825 по 5 марта 1826 г., находясь в военной экспедиции, отправился по Высочайшему повелению в киргизскую степь, под начальством Свиты Его императорского величества по квартирмейстерской части полковника Берга, и за отличную службу и труды награждён алмазными знаками ордена Св. Анны 2 ст. 22 августа 1826 года»⁶.

В 1833 г. оренбургским военным губернатором был назначен В. А. Перовский. Он стал инициатором создания Башкиромещерякского войска, командуящим которым, с оставлением по

армии, и был 4 декабря 1834 г. назначен Циолковский. Для солидности его 1 января 1835 г. произвели в генерал-майоры, с назначением состоять по кавалерии и с оставлением при прежней должности. Производство состоялось по Высочайшему приказу «за отличия по службе». Таким образом, войском, состоявшим из тюрков-мусульман, командовал поляк-католик.

Николай Васильевич Балкашин первый офицерский чин получил 29 января 1823 г. подпоручиком в свите Его императорского величества по квартирмейстерской части. В дальнейшем — подпоручик в Генштабе, старший адъютант по части Генштаба при Оренбургском корпусе с 1833 г. Способного офицера поддержал военный губернатор В. А. Перовский. С 1840 г. Балкашин — подполковник, исправляющий должность командующего, затем командующий Башкиро-мещерякским войском. С 1843 г. — полковник. В 1845—1846 гг. — вице-губернатор Саратовской губернии, в 1846—1851 гг. — статский советник, действительный статский советник, оренбургский гражданский губернатор. В 1851—1853 гг. — вновь командующий Башкиро-мещерякским войском. С 1851 г. — генерал-майор⁷. В 1854—1858 гг. — командующий Башкирским войском, генерал-лейтенант.

Таким образом, можно считать, что назначение на должность командующих, атаманов иррегулярных войск Оренбургского края имело под собой продуманную кадровую политику. Это были военные, либо, за редким исключением, гражданские чиновники, переведённые в военную службу, в чине полковник — генерал-майор. Многие из них имели за плечами опыт больших войн — наполеоновских, русско-турецкой, русско-польской либо Кавказской. Около половины — опыт ведения боевых действий в степи. Разумеется, большое влияние имел фактор личной преданности, знакомства, покровительства офицеру по прежнему месту службы. Очень часто в такой ситуации офицер, ничего не получивший за военные кампании, приобретал и чины, ордена, землю, денежные подарки за короткий срок, как, например, в случае с С. Т. Циолковским.

Сам опыт командования иррегулярными войсками также не проходил даром. Бывшие командиры, проверенные в деле на степной окраине империи, становились в будущем генералами, гражданскими губернаторами, сенаторами.

Анализ биографий показывает, что в Отдельном Оренбургском корпусе в это время наблюдается тенденция замены в качестве

командиров ирегулярных формирований выходцев из самого войска армейскими офицерами. Наиболее ярко она проявилась в 30-е гг. XIX в. при оренбургском военном губернаторе В. А. Перовском. Унификация командования кадрами, имевшими военное образование, вместо самоучек из казаков и калмыков, должна было продолжить практику сближения ирегулярных войск с армейскими частями. Все это положительно скажется в 50-е гг. XIX в., когда начнутся походы в степь и завоевание Туркестана.

¹ Расписание всех казачьих войск, 25 декабря 1831 г. СПб., 1831.

² ПСЗРИ. Т. XVII (1842). С. 393–394.

³ Семёнов В. Г., Семёнова В. П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 2014. С. 418–419; Рахимов Р. Н. На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII — первой половине XIX в. М., 2014. С. 443–459; Джунджузов С. В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII — первая четверть века). Оренбург, 2014.

⁴ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 803.

⁵ Мамонов В. Ф., Кобзов В. С. Пограничная линия: Казаки Урала на защите рубежей Отечества. Челябинск, 1992. С. 66.

⁶ РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 3373. Л. 10–18.

⁷ Список генералам по старшинству. Исправлено по 5 февраля. СПб., 1855. С. 609.

Е. А. Родионов (Гатчина)

ПНЕВМАТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ XVIII ВЕКА В КОЛЛЕКЦИИ ГАТЧИНСКОГО ДВОРЦА-МУЗЕЯ

ИЗ ВСЕГО МНОГООБРАЗИЯ оружия, хранящегося в музейных собраниях, пневматическое удостоилось, пожалуй, наименьшего внимания исследователей. Причины для этого различны. Сохранившихся экземпляров старинного пневматического оружия¹ относительно мало, и на основании одного, пусть и крупного музейного собрания трудно составить цельную картину его развития. Пневматика не состояла на вооружении армий (о единственном исключении за XVIII в. речь пойдет ниже) и гораздо реже описывалась в документальных и литературных источниках², что влечёт за собой сложность в оценке технических характеристик её конкретных образцов, часто уникальных. Определить дальность эффективной стрельбы того или иного ружья или пистолета, начальную скорость его пули, количество выстрелов на одном заряде баллона, скорость его накачки и т. п. зачастую можно только умозрительно. Ещё одной особенностью пневматического оружия, затрудняющей его изучение, является относительная редкость подписей и клейм на его деталях, что, возможно, связано с настороженным отношением к нему общества того времени, порой выливавшегося в законодательные ограничения. Для отечественного оружейоведения всё вышеперечисленное усугубляется тем, что известно крайне мало экземпляров пневматического оружия, изготовленного до XIX в. в России, в связи с чем изучение его в целом как класса могло считаться менее актуальным³. Не претендуя на заполнение этой лакуны, целью данной статьи будет заострить внимание на некоторых самых распространенных в XVIII в. системах пневматического оружия на основе коллекции Гатчинского дворца-музея.

Ил. 1. Пневматическое ружье. Германия, середина XVIII в. Сквозь скол на прикладе виден баллон. ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-616-IX

В арсенале, собранном в Гатчине графом Г. Г. Орловым и великим князем Павлом Петровичем, впоследствии Павлом I, хранятся всего четыре экземпляра духовых ружей. Если оперировать современной терминологией, то все они конструктивно относятся к классу пневматического оружия с предварительной накачкой (англ. Pre Charged Pneumatics, PCP), вследствие чего из рассмотрения в данной статье выпадают различные пружинные и пружинно-поршневые системы, а также ранние варианты оружия с предварительно накачиваемым баллоном, располагавшимся вокруг собственно ствола, которые активно развивались с XVII в., но в Гатчинской коллекции не представлены.

Начнём с ружья, внешне очень похожего на обычное кремнёвое, типичное по устройству и декору для Центральной Европы середины XVIII в.⁴ Причиной подобной, достаточно широко распространённой в то время мимикрии могло служить как стремление обойти запрет на использование пневматического оружия, так и консервативность вкусов стрелков и оружейных мастеров (ил. 1). Лишь при внимательном осмотре заметны детали, указывающие на особую конструкцию ружья. Это головки двух винтов на замочной доске, крепящие замок непосредственно к стволу, крышка лючка на затыльнике приклада, клавиша предохранителя на замочной личинке, относительно небольшой калибр, более толстые стенки ствола, канал которого латунный, и фальшивое, не полностью рассверлённое затравочное отверстие. Если же это ружьё взять в руки, то обращает на себя внимание его непривычно большой вес и баланс, смещённый к прикладу, внутри которого помещён баллон.

Баллон латунный, конической формы, слегка сплюснутый в сечении, с двумя широкими выпуклыми поясами. Чтобы его накачать, нужно было открыть крышку на затыльнике приклада, для чего требовалось нажать на кнопку на углу затыльника и вставить в клапан насос. Поскольку насос к данному ружью

Ил. 2. Баллон, замок и ствол ружья инв. № ГДМ-616-IX

не сохранился⁵, нет полной уверенности в том, какие действия должны были следовать дальше, но кажется более вероятным, что подсоединённый к баллону насос упирали в землю и двигали само ружьё вверх—вниз положенное количество раз (обычно в таких случаях — несколько сотен). Чтобы извлечь баллон из лоджи, требуется отделить затыльник приклада, спусковую скобу со спусковым крючком и через вырез от пластинки, сквозь которую проходит спусковой крючок, вывинтить два винта, скрепляющие баллон с короткой трубкой, переходящей в ствол (ил. 2).

Замок, как уже упоминалось, почти такой же, как обычный кремнёвый, отличие в том, что на его лодыжке есть выступ, который при спуске воздействует на шток, закреплённый в присоединённой к стволу короткой трубке, который давит на клапан баллона. Предохранительный взвод не предусмотрен, зато на замочной личинке есть предохранитель, который блокирует деталь, действующую на шток клапана. Чтобы её разблокировать, нужно нажать на конец пружины, выходящий через отверстие в заднем конце замочной личинки, и сдвинуть назад клавишу предохранителя.

Если имя изготовившего ружьё мастера назвать пока невозможно, то на город Зуль в Тюрингии как вероятное место производства указывает клеймо с литерами «GE» на нижней стороне ствола⁶ и клеймо в виде щитка с характерным силуэтом птицы и литерами «IMK» на внутренней стороне замочной доски.

Основным недостатком ружей такой конструкции было то, что баллоны имели два клапана (на впуск и выпуск воздуха), что отрицательно сказывалось на их надёжности⁷ и способствовало большей скорости снижения давления закачанного воздуха при его постепенном просачивании сквозь клапаны. Кроме того, не предполагалась возможность замены выработанного баллона на накачанный, по крайней мере, в полевых условиях.

Ил. 3. Пневматическое ружье с шарообразным баллоном и «брусковым» замком. Германия, середина XVIII в. ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-820-IX

Частичным решением этих проблем стало создание пневматического оружия со съёмным шарообразным баллоном. Впервые такую систему применили, вероятно, в Голландии в 1660-е гг.⁸ и впоследствии довольно активно изготавливали в течение всего XVIII и частично XIX вв. преимущественно на территории германоязычных стран и в Англии. Шарообразный баллон имел один клапан⁹, чаще всего присоединялся к стволу снизу, перед спусковой скобой, реже сверху и исключительно редко сбоку. Материалом для баллонов чаще служила медь или медные сплавы, поскольку в случае превышения давления они давали трещины, а не разлетались на куски, как это бывало с железными. Таких заблаговременно снаряжённых баллонов стрелок мог иметь при себе несколько и легко менять их по мере необходимости (ил. 3).

Типичным примером этой конструкции может служить ружьё из коллекции Гатчинского дворца-музея¹⁰. Его деревянная ложа с коротким цевьём и ствол, восьмигранный в казённой части и круглый в дульной, указывают на влияние испанских оружейных традиций, широко распространившихся по Европе в XVIII в. Медный шарообразный баллон навинчивается на короткую трубку, отходящую от ствола вниз перед спусковой скобой. Подписей и клейм нет, на внутренних сторонах большинства деталей ружья можно видеть выдавленный или гравированный номер «XIII», явно производственного характера. Учитывая рокайльный орнамент, вырезанный на ложе и гравированный на деталях прибора и замка, ружьё можно датировать серединой XVIII в. и приблизительно определить регион производства как германоязычные страны.

Отдельного внимания заслуживает замок ружья. Его доска и внутренние детали, кроме боевой пружины, почти такие же, как у обычного французского кремнёвого замка, не хватает только затравочной полки и выреза для предохранительного взвода

Ил. 4. Пневматическое ружьё инв. № ГДМ-820-IX, вид сверху

на лодыжке. Боевая пружина смонтирована на внешней стороне замочной доски и давит вниз на лодыжку закреплённой на оси детали, которую в рамках данной статьи мы будем называть ударником. Ударник представляет собой продолговатый брусок, лежащий вдоль верхнего края замочной доски, на конце которого полукруглая «шпора» для взведения и подпружиненная ударная пластинка, которую можно фиксировать в двух положениях: под прямым углом к ударнику (боевом) либо как его продолжение (предохранительном) (ил. 4). Замок крепится тремя винтами: двумя, проходящими через замочную личинку, и одним, проходящим через замочную доску непосредственно к стволу. Чтобы привести его в боевое положение, нужно было за «шпору» оттянуть ударник вверх, в результате чего он фиксировался под углом примерно 45 градусов к стволу. При нажатии на спуск ударник шёл вниз, и его пластинка нажимала на штырёк, вставленный в отверстие в верхней грани ствола над трубкой, на которую навинчивался баллон (к сожалению, у рассматриваемого ружья данный штырёк не сохранился). Штырёк давил на клапан баллона, порция сжатого воздуха поступала в ствол и толкала пулю, а перед тем как ударник становился в своё исходное положение, пластинка ударника соскальзывала со штырька, и подпружиненный клапан закрывался.

Такой тип замка для пневматического оружия получил определённое распространение¹¹, и в англоязычной литературе за ним закрепилось название «bar-lock». В связи с явным отсутствием отечественной традиции в качестве соответствующего русского термина предлагается использовать один из вариантов перевода с английского, например, «брусковый замок», пока не будет найден более удачный (ил. 5).

При своих определённых достоинствах оружие со сменным шарообразным баллоном было далеко не идеальным, хотя бы

Ил. 5. Внутренний вид замка ружья
инв. № ГДМ-820-IX

потому, что относительно крупный баллон заметно увеличивал его габариты и не добавлял удобства в обращении, особенно это касалось пистолетов. Логичным решением этой проблемы стала разработка оружия, в котором сменный баллон исполнял

функцию приклада, а в случае с пистолетами — рукояти. Ружья такой конструкции известны с начала XVIII в.¹², и по своему внешнему виду первоначально они почти не отличались от обычных, так как их металлические баллоны имели деревянную оболочку, придававшую им вид привычного приклада, а замок был внешне практически неотличим от кремнёвого. Со второй четверти XVIII в. стали всё чаще делать ружья с полностью металлическим баллоном, чаще всего конической формы, а спусковой механизм при этом уже не маскировался под кремнёвый замок.

Хорошим примером такого оружия является ружьё из коллекции Гатчинского дворца-музея¹³. Конструктивно оно состоит из баллона в форме приклада, ствольной коробки и ствола. Баллон латунный, со слабо выраженной гранью по верху, целиком покрытый кожей, затылочная сторона прикрыта латунной пластиной, закреплённой на двух винтах. Отметим, что кожаное покрытие было необходимо в том числе потому, что при интенсивной стрельбе быстрое снижение давления воздуха в баллоне могло вызвать его значительное охлаждение (ил. 6).

Ствольная коробка представляет собой литую латунную рамку, внутри которой вдоль верхней стенки проходит медная трубка от баллона к стволу. Замок похож по конструкции на французский кремнёвый, с той разницей, что у него отсутствует затравочная

Ил. 6. Пневматическое ружьё со сменным баллоном-прикладом.
Австрия, Вена, мастер К. Хейбергер (?), середина XVIII в. ГМЗ «Гатчина»,
инв. № ГДМ-587-IX

полка и огниво с соответствующей пружиной, вместо курка S-образная рукоятка, а на лодыжке относительно длинный выступ, воздействующий на шток, упирающийся в клапан баллона.

Возможен предохранительный взвод замка (ил. 7). На левой стороне ствольной

коробки, на пластинке, соответствующей замочной личинке (называть ее замочной личинкой вряд ли корректно, поскольку замок крепится непосредственно к ствольной коробке), дополнительный предохранитель флажкового типа.

Ствол не имеет цевья и шомпола и, как у терцерольного оружия, навинчивается на ствольную коробку, что позволяет, отвинтив его, заряжать с казённой части. Снаружи ствол железный, но канал у него латунный, без нарезов. Как и приклад, ствол покрыт кожей, к настоящему времени большей частью утраченной.

На деталях ружья отсутствуют клейма и подписи, однако место и время его изготовления можно назвать с определённой уверенностью. Исследователь старинного пневматического оружия Элдон Вольф выделил такие ружья — со съёмным баллоном-прикладом, внутренним спусковым механизмом и, как вариант, с отвинчивающимся стволом — в тип, характерный для Австрии и ближайших к ней северных и западных регионов¹⁴. На наш взгляд, помимо сравнительно многочисленных отдельных примеров, особенно ярко этот общий тезис иллюстрирует принятие на вооружение в австрийской армии винтовки системы Жирардони, основанной на данной конструктивной схеме (подробнее об этом будет сказано ниже). Очень близкий аналог рассматриваемому ружью с подписью на ствольной коробке «С. HEIBERGER IN WIEN» был продан в 2010 г. аукционным домом Херманн Хисторика¹⁵, также известно пневматическое ружьё с подписью «С. HEIBERGER WIEN» с похожей ствольной коробкой, но приспособленное под ствол с магазином для пуль системы Жирардони¹⁶. Относительно мастера К. Хейбергера имеющаяся информация сводится к тому, что он изготавливал пневматические ружья с баллоном-прикладом и отвинчивающимся стволом в Вене в середине XVIII в.¹⁷ Исходя из этого, можно утверждать,

Ил. 7. Внутренний вид замка ружья
инв. № ГДМ-587-IX

что ружьё из коллекции Гатчинского дворца-музея инв. № ГДМ-587-IX было изготовлено в середине XVIII в. в Австрии, скорее всего, в Вене в мастерской К. Хейбергера¹⁸.

Вершиной развития пневматического оружия в XVIII в., несомненно, стала многозарядная винтовка системы Жирардони. Так как она регулярно описывается в научной и научно-популярной литературе, заострим внимание лишь на некоторых касающихся её моментах. Её будущий изобретатель родился 13 ноября 1729 г.¹⁹ в северо-итальянском городке Кортина д'Ампеццо, находившемся в то время под властью Австрии. На местном диалекте его имя и фамилия звучали как Бартоламео Жилардони (Bartolamio Gilardoni), но если имя впоследствии приняло более каноничную форму «Бартоломео», то способы написания фамилии встречались разные: Жиландони, Жирардами, Жирандони, Жирардони и т. п. (в данной статье используется вариант «Жирардони», хотя не менее распространенным в современной литературе следует признать «Жирандони»). В первый раз он женился в 1762 г. на Катерине ди Пьетро Барбарии, а спустя год после её смерти, в 1776 г., на Марии Элеоноре Маргарите де Занна²⁰. Жирардони был разносторонне одарённым человеком. Сохранились сведения о том, что он ремонтировал часы на колокольне своего родного города, изготовил карманные часы, изобрёл гравировальную машину и писал пейзажи, среди которых виды Праги, порта Триеста и альпийские сцены²¹.

В конце 1770-х гг. Бартоломео Жирардони разработал гениальный по своей простоте механизм, позволяющий быстро заряжать пневматическое оружие с казённой части. В качестве основы была выбрана описанная выше «австрийская» схема — отделяемый баллон-приклад, литая латунная ствольная коробка и замок с основными деталями на внутренней стороне доски. Новация заключалась в магазине для пуль в виде трубки вдоль правой стороны ствола, к заднему концу которой примыкал проходящий сквозь казённую часть ствола прямоугольный блок со сквозным отверстием. Чтобы зарядить ружьё, достаточно было поднять его стволом вверх, нажать на левый конец проходящего сквозь казённую часть ствола блока, отпустить его и взвести курок. При этом пуля из трубчатого магазина под собственным весом попадала в отверстие в блоке, который под действием длинной плоской пружины возвращался в исходное положение, и пуля в нём оказывалась на оси канала ствола и трубки, идущей

от клапана баллона. Исходя из опыта современных владельцев старинных пневматических винтовок и их реплик, интервал между выстрелами мог составлять 3—4 секунды²². Чуть больше уходило на заполнение пулями опустошённого магазина и замену выработанного баллона, но при том, что магазин вмещал 20 пуль, а одного баллона хватало примерно на 30 выстрелов, общая скорострельность оружия конструкции Жирандони была для XVIII в. непревзойдённой, а хорошую меткость обеспечивал нарезной ствол.

В 1779 г. Жирандони поехал в Вену и представил императору Иосифу II два варианта своих многозарядных ружей — пневматическое и кремнёвое (в кремнёвом было два трубчатых магазина по сторонам от ствола — для пуль и пороха); после проведённых испытаний по рекомендации фельдмаршала Франца Морица Ласси было принято решение начать их ограниченное производство. Для этого Жирандони перевёз в Вену семью и в сотрудничестве с Франческо Колли, помогавшем ему ещё в часовой мастерской в Кортина д'Ампеццо, и ещё двумя подмастерьями приступил к работе. К 22 ноября 1784 г. ими было изготовлено 111 многозарядных кремнёвых штуцеров, 274 пневматические винтовки без баллонов, 105 проверенных баллонов и 50 подлежащих проверке. Вскоре выяснилось, что конструкция магазина Жирандони не подходит для обычного оружия, в первую очередь потому, что блок для пули не выдерживает отдачи и гнётся, и его производство прекратили.

К середине 1787 г. на венском артиллерийском складе скопилось более 1000 пневматических винтовок. Впрочем, трудности с налаживанием производства были таковы, что в 1787 г. в армию смогли поставить только 200 полностью укомплектованных винтовок, с тремя баллонами и насосом на каждую.

В австрийском армейском наставлении, датированном 24 октября 1788 г., описываются основные тактико-технические характеристики винтовки Жирандони: калибр 13 мм, общая длина 1,227 м, длина ствола 83,4 см, вес в снаряжённом состоянии 4,23 кг, баллон железный, склёпанный из двух половин и пропаянный по шву. Чтобы накачать баллон, требовалось около двух тысяч движений ручным насосом, в результате достигалось рабочее давление около 25—30 атмосфер. Скорость пули у дула составляла примерно 300 м/с, что было сравнимо с обычными охотничьими штуцерами того времени. Это позволяло вести

эффективную стрельбу на дистанции до 120—75 м (дистанция уменьшалась по мере снижения давления в баллоне).

17 ноября 1788 г. Австрия, выполняя союзнические обязательства по отношению к России, вступила в войну с Турцией. В каждый из тридцати четырёх стрелковых батальонов планировалось выдать по 22 пневматические винтовки, а ещё в двенадцать батальонов выдать по 21 винтовке, которыми должны были вооружаться особые взводы из отборных бойцов. Однако перевооружение затягивалось, трудности с производством продолжались, Жирардони не устраивало низкое качество металла, поставляемого ему для баллонов, из-за чего до 30 % их приходилось браковать.

Насколько эффективно данное оружие использовалось в реальных боевых условиях, сказать трудно. Известно, что в ходе войны было потеряно 20 винтовок, а в основном их использовали авангардные группы при прикрытии передвижений основных сил пехоты и артиллерии. Выяснилось, что новое оружие показывает вовсе не такие высокие результаты, как того бы хотелось, — исходя из рапорта от генерал-лейтенанта графа Иосифа Марии Коллоредо от 21 июля 1789 г., многие солдаты были явно недостаточно обучены его грамотному применению. Тем не менее от использования пневматического оружия не отказались, и новый австрийский император Леопольд II 13 марта 1790 г. распорядился сформировать отдельный корпус, вооружённый исключительно пневматическими винтовками в количестве 1313 шт. Только осуществить это оказалось трудно: большая часть пневматического оружия в действующей армии уже находилась в нерабочем состоянии и требовала ремонта. В 1792 г. Леопольд II умер, а его сын, новый император Франц II, по поводу винтовок Жирардони никакого энтузиазма не испытывал, однако выполнил просьбу капитана Франца Филиппа фон Феннеберга о выдаче по 40 пневматических винтовок в каждую роту тирольских стрелков. Таким образом, их продолжали использовать в войсках, около 500 только в Тирольском егерском корпусе, и небольшие партии в других подразделениях. В 1792—1797 гг. их применяли в Первую Коалиционную войну против революционной Франции, особенно в Рейнской области. По рапорту от 21 сентября 1799 г. из 1500 выпущенных винтовок 308 числились потерянными, только 101 оставались в Тирольском егерском корпусе, а остальные

Ил. 8. Пневматическая винтовка системы Жирардони. Вена, мастер Михаэль Фруйтетц (?), 1796 г. ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-595-IX

возвращены в арсеналы. 20 января 1801 г. фон Феннеберг, на тот момент уже полковник, рапортовал, что из 500 винтовок, полученных его войсками с 1793 г., 399 потеряны в боях, и просил заменить оставшиеся кремнёвыми штуцерами, что и было сделано. Так закончилось армейское использование винтовок системы Жирардони²³.

Здесь нельзя не упомянуть о сюжете, будто бы Наполеон приказал расстреливать на месте пленных австрийских егерей, вооружённых пневматическими винтовками, поскольку считал, что использование бесшумного оружия противоречит воинской этике. Учитывая сроки изъятия винтовок из армии, у французского императора не было возможности видеть действие изобретения Жирардони на своих солдатах и ощущать особую неприязнь к его владельцам. Несмотря на то, что эта легенда уже более 40 лет назад была опровергнута Фредом Баером²⁴, её до сих пор периодически повторяют как правдивую²⁵.

Сам Жирардони умер в Пенцинге, в то время пригороде Вены, 21 марта 1799 г., будучи относительно состоятельным человеком. Его прямые потомки живут в Вене до сих пор²⁶ (ил. 8).

Если для армии конструкция Жирардони оказалась неподходящей, то в спортивном и охотничьем оружии её применяли достаточно активно и долго, тем более что она годилась и для пистолетов. В коллекции Гатчинского дворца-музея есть такой «гражданский» вариант пневматической винтовки системы Жирардони с некоторыми полагающимися принадлежностями: кожаным подсумком на два баллона, одним запасным баллоном и двумя трубками для пуль²⁷. Не будем подробно останавливаться на её устройстве, поскольку оно вполне стандартно для конструкции Жирардони, обратим внимание на некоторые особенности. Прицел на стволе имеет кроме неподвижного также и подъёмный щиток, в казённой части на верхней грани серебрёные литеры «MS». На пружине скользящего блока выполненный в технике насечки серебром простой геометрический

Ил. 9.
Пневматическая
винтовка системы
Жирардони
инв. № ГДМ-595-IX,
вид сверху

и растительный орнамент и надпись с датой, которую можно предположительно прочесть как «Michael Fruitetz 1796», — надпись потёрта, и в точной трактовке фамилии уверенности нет, в старых музейных описях её передавали также как «Frultetz» и «Frulteiff». Если это подпись мастера, то идентифицировать его пока не удастся. Ложа орехового дерева, с резными цветами у задней шомпольной трубки и перед спусковой скобой, оба баллона в чехлах из зелёной кожи. На ствольной коробке гравированное изображение венка, в котором вензель из параллельных литер «PP» под императорской короной, по всей видимости, российского императора Павла I (ил. 9). К сожалению, пока ничего не известно о том, как данная винтовка связана с Павлом и при каких обстоятельствах она оказалась в коллекции Гатчинского дворца, кроме того, что она впервые упомина-

ется в описи оружия за 1816 г.²⁸ Возможно, это ещё удастся выяснить.

¹ Под старинным здесь подразумевается пневматическое оружие, изготовленное до XIX в.

² В качестве ценных источников можно назвать охотничий дневник ландграфа Людвиг VIII Гессен-Дармштадтского (1739—1768), где подробно описывается, какое животное, из какого духового ружья и на каком расстоянии было убито, или отчет о результатах стрельбы из старинного пневматического оружия коллекции саксонского замка Пффафрода на испытательной станции в Ноймансвальде в 1905 г. См.: Wolff, Eldon G. Air Guns. Milwaukee, 1958. P. 18—19.

³ Характерна относительно недавняя статья в журнале «Калашников», где давался обзор некоторых образцов пневматического оружия из коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, при этом говорилось: «К сожалению, в этот раз не получится порадовать читателей подробностями истории каждого экспоната ввиду того, что до сих пор никто не занимался серьёзным исследованием этого раздела коллекции Артмузея». См.: Дегтярёв Михаил. Пневматика XVIII века. Пневматическое оружие в собрании ВИМАИВиВС // Калашников. 2008, № 8. С. 64.

⁴ ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-616-IX, общая длина 126,7 см, длина ствола 88,3 см, калибр 10 мм.

⁵ Всего в коллекции Гатчинского дворца-музея по описи инвентаризации 1938 г. числились два насоса для пневматических ружей и два поршня к насосам. Они не были эвакуированы в 1941 г. и считаются утраченными в период фашистской оккупации. Определить, к каким именно ружьям они относились, не представляется возможным.

⁶ Клеймо близко к указанному в справочнике *Der Neue Stöckel* под № 2580, отмеченное как относящееся к оружию, изготовленному в Зуле. См.: Heer Eugène. *Der Neue Stöckel. Internationales Lexikon der Büchsenmacher, Handfeuerwaffen-Fabrikanten und Armburstmacher von 1400—1900. Bd. 1. Schwäbisch Hall, 1978. S. 353.*

⁷ При создании чрезмерного давления в баллоне существовал не только риск его разрыва, но и того, что сжатым воздухом могло вырвать детали клапана. Подобный случай со смертельным исходом описывался английским капитаном Лейси в 1842 г. См.: Blackmore, Howard L. *Hunting Weapons from the Middle Ages to the Twentieth Century*. NY, 2000. P. 322—323.

⁸ Hoff Arne. *Dutch Firearms. L., 1978. P. 242.*

⁹ Отметим, что в коллекции Дрезденской оружейной палаты хранится пневматическое ружьё немецкого производства начала XVIII в. (инв. № G 87), у которого сменный шарообразный баллон имеет два клапана.

¹⁰ ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-820-IX, общая длина 122,4 см, длина ствола 86,1 см, калибр 10,5 мм.

¹¹ Автору пока не известны пневматические пистолеты с замками подобного типа.

¹² Возможно, самое раннее ружьё с отделяемым баллоном в прикладе было изготовлено в Италии и хранится в музее Барджелло во Флоренции (инв. № M 93), Арне Хофф осторожно датирует его приблизительно 1710 г. См. Hoff, Arne. *Airguns and Other Pneumatic Arms. L., 1972. P. 56.*

¹³ ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-587-IX, общая длина 140 см, длина ствола 94,2 см, калибр 10 мм.

¹⁴ Wolff Eldon G. *Air Guns. P. 92—96.*

¹⁵ Hermann Historica, 60-й аукцион, 11—12 октября 2010 г., лот № 186. Отличия с гатчинским образцом в первую очередь в форме баллона (он конический, без верхней грани) и ствола (имеет грани в казённой части и нарезной канал), есть также отличия в форме курка и деталях ствольной коробки, но они очень незначительны.

¹⁶ Электронные ресурсы <https://www.beemans.net/Austrian%20airguns.htm>, <http://www.airgunbbs.com/showthread.php?828306-Girandoni-hybrid>; дата обращения 27.01.2021.

¹⁷ Wolff, Eldon G. *Air Guns. P. 98*; Heer Eugène. *Der Neue Stöckel. S. 512.* Арне Хофф называл К. Хейбергера как изготовителя оружия системы Жирандони, вероятно, потому, что из подписанных К. Хейбергером ружей ему было известно только упомянутое в данной статье, с магазином системы Жирандони, которое, несомненно, является позднейшей переделкой; Hoff, Arne. *Airguns and Other Pneumatic Arms. L., 1972. P. 72.*

¹⁸ Очень похожие пневматические ружья хранятся также в коллекции Государственного исторического музея (инв. № 12779 оп.) и Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (см.: Дегтярёв М. *Пневматика XVIII века. С. 68.*)

¹⁹ Такую дату со ссылкой на приходскую метрическую книгу Кортина д'Ампеццо даёт Лучано Канчидер, подчёркивая, что другие варианты даты рождения Жирардони неверны; см.: Cancider, Luciano. Bartolomeo Gilardoni Armaiolo di Precisione // Ciasa de ra Regoles; notiziario delle Regole d'Ampezzo. Anno VII — № 41. Settembre 1996. P. 6. В статье Фреда Баера со ссылкой на архивные исследования Марко Морино утверждалось, что Жирардони родился 30 мая 1744 г. См.: Baer, Fred H. Napoleon Was Not Afraid of It / Arms and Armour Annual. Ed. Robert Held. Vol. I, Northfield, Illinois, 1973. P. 257.

²⁰ О количестве детей Жирардони данные также разнятся, Баер говорит о четверых от первой жены и шестерых от второй, Канчидер приводит имена шести детей в первом браке и двух близнецов во втором. Cancider, Luciano. Bartolomeo Gilardoni Armaiolo di Precisione. P. 6; Baer, Fred H. Napoleon Was Not Afraid of It. P. 257.

²¹ Cancider, Luciano. Bartolomeo Gilardoni Armaiolo di Precisione. P. 6.

²² Электронный ресурс: <https://www.youtube.com/watch?v=MfsKibQ480w>. Дата обращения 28.01.2021 г.

²³ Baer, Fred H. Napoleon Was Not Afraid of It. P. 251—256.

²⁴ Там же. P. 250—257.

²⁵ Электронный ресурс: https://it.wikipedia.org/wiki/Bartolomeo_Gilardoni Дата обращения 31.01.2021.

²⁶ Baer, Fred H. Napoleon Was Not Afraid of It. P. 257.

²⁷ ГМЗ «Гатчина», винтовка инв. № ГДМ-595-IX (общая длина 117,4 см, длина ствола 79,1 см, калибр 12 мм), сменный баллон № ГДМ-323-IX, подсумок для двух сменных баллонов инв. № ГДМ-324-IX и две трубки для пуль инв. № ГДМ-325-IX и ГДМ-326-IX.

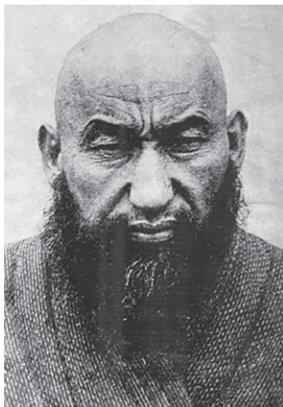
²⁸ Описание оружия, находящихся в Гатчинском... арсенале 1816 года. ГМЗ «Павловск», инв. № ЦХ-1767-ХIII. Л. 68 об.

П. И. Родионцев (Санкт-Петербург)

ФОРМИРОВАНИЕ СВОДНОГО АФГАНСКОГО ОТРЯДА В. М. ПРИМАКОВА

В ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ в Средней Азии при поддержке Великобритании против Советской власти значительно активизировалась деятельность басмаческих банд. Для борьбы с бандами басмачей Советской властью использовались меры как военного, так и политического характера. В середине двадцатых годов активные действия Красной армии заставили большинство банд басмачей уйти на сопредельную территорию Афганистана. Север Афганистана захлестнула волна эмигрантов из среднеазиатских республик, бежавших от Красной армии. В их среде при финансовой и материальной поддержке Великобритании в Северном Афганистане укрепилось басмаческое движение. Самым влиятельным его лидером являлся курбаши¹ Ибрагимбек (ил. 1). Многие крупные банды басмачей использовали приграничные территории северных районов Афганистана для организации своих баз, откуда они регулярно совершали свои рейды на территорию советской Средней Азии. В то же время правительством СССР было оказано беспрецедентное политическое давление на главу Афганистана короля Аманулла-хана, которое в конечном итоге заставило его отказаться от поддержки басмачей на территории Афганистана. Аманулла-хан (ил. 2) резко ограничил помощь басмачам, идущую со стороны английских спецслужб, и вынудил часть из них покинуть страну.

Все эти действия короля были негативно восприняты со стороны Великобритании, которой в ноябре 1928 г. на востоке Афганистана было спровоцировано новое восстание пуштунских племён, возглавляемое английским ставленником Бачеи-Сакао (ил. 3). В мятеже самое активное участие приняли

Ил. 1. Курбаши
Ибрагим-бек

Ил. 2. Аманулла-хан — король Афганистана

контролируемые английскими спецслужбами всевозможные отряды басмачей, покинувшие территорию СССР.

Армия короля Афганистана Амануллы-хана не смогла оказать достойного сопротивления отрядам мятежников, которые вскоре подошли к Кабулу. После целого ряда неудачных попыток в начале января 1929 г. отбросить повстанцев Кухистана от Кабула среди правительственных войск началось разложение. Части, верные королю, были деморализованы, результатом чего стал их отход, который завершился занятием Кабула отрядами Баче-и-Сакао. Успеху повстанцев в этом в значительной мере способствовало общее моральное состояние войск короля Амануллы-хана, выразившееся в их недостаточной устойчивости. Ярким свидетельством этому служит факт восстания в ночь на 14 января 1929 г. двух полков афганской армии, сформированных из племени южной провинции Логара, действовавших в направлении на г. Мураб-Бег, и сдача в плен одного из полков 4-й афганской дивизии, действовавшей на Вазирабадском направлении. Между тем Аманулла-хан, видя безрезультатность своего

Ил. 3. Баче-и-Сакао —
предводитель восстания
пуштунских племён

Ил. 4. Инаятулла — старший брат
короля Афганистана Амануллы-хана

фирмана² и продолжавшееся наступление повстанцев на Кабул, ночью 14 января 1929 г. отрёкся от престола в пользу своего старшего брата Инаятуллы (ил. 4) и утром того же дня с семьёй и приближёнными убыл на автомобилях в Кандагар. 15 января в Кабул вошли отряды повстанцев, начались бои в городе.

17 января Инаятулла, видя всю бесперспективность дальнейшей обороны города, сдался на милость победителей под гарантии своей личной безопасности и в тот же день на английских самолётах улетел в Пешавар. В этот же день в город вступил Баче-и-Сакао во главе своих отрядов и объявил себя падишахом Афганистана под именем Хабибулы. Укрепившись более или менее прочно в Кабуле и в ближайших к нему районах, Хабибула принял меры к распространению своего влияния на все провинции Северного Афганистана. В результате работы, проделанной высланными его эмиссарами из числа духовенства, в главных городах Северного Афганистана произошли один за другим перевороты в пользу Хабибулы. В это же время в частях 4-й дивизии

афганской армии произошёл бунт, в результате чего сторонникам Хабибулы во главе с местным духовенством 20 февраля 1929 г. удалось совершить переворот и в г. Мазар-и-Шарифе³. В стране начался хаос и религиозные чистки. Религиозным гонениям подверглись хазарейцы⁴, исповедующие шиитскую ветвь ислама.

После захвата Кабула армией Хабибулы и отъезда брата короля Инаятуллы Аманулла-хан аннулировал своё отречение от престола и приступил к формированию сил для борьбы с армией мятежников. Имея в своём распоряжении лишь части 2-й Кандагарской и 3-й Гератской дивизий афганской армии, недостаточные для подавления восстания, король приступил к формированию добровольческих отрядов из родственного ему племени дурани и сочувственно расположенных к нему племён. Кроме того, Аманулла-хан распространил призыв к племенам независимой полосы, часть из которых — моманды и афридии — выразили свою готовность поддержать его вновь формируемую армию деньгами и людьми⁵.

Непосредственно вслед за захватом власти Хабибулой на границе советской Средней Азии началось резкое повышение активности басмаческих банд, скрывающихся на территории Северного Афганистана. В армии самопровозглашённого правителя Афганистана Хабибулы было большое количество узбеков, таджиков и туркмен, которые в недавнем прошлом были активными участниками басмаческих банд, воевавших против Советской власти на территории Средней Азии. Главари басмаческих банд также приняли самое непосредственное участие в совершении государственного переворота в Северном Афганистане и установлении там власти Хабибулы. Более того, новые власти страны стали привлекать отряды басмачей для охраны границы с советской Средней Азией, что открывало множество возможностей для проведения многочисленных налётов и рейдов на территорию советских среднеазиатских республик. В это время значительно участились нападения на пограничные заставы, представителей власти, приграничные кишлаки, резко возрос поток контрабанды на территорию СССР, скупка и продажа оружия и боеприпасов. Хабибула установил связь с бывшим бухарским эмиром и одиозным лидером басмачей Ибрагим-беком, привлекая их и подчинённые им отряды басмачей к оказанию ему помощи в борьбе с королём Амануллой-ханом, взамен обещая в ближайшем будущем оказать им всеобъемлющую военную

поддержку в планируемом походе на Бухару и возрождение Бухарского ханства.

Развернувшиеся события в Афганистане развязали силы басмаческой эмиграции, создали непосредственную угрозу спокойствию на границе СССР и Афганистана, а также угрозу вторжения крупных басмаческих банд на территорию советских среднеазиатских республик. В условиях обострения массовой борьбы в пределах Таджикистана и приграничных районах Узбекистана подобная обстановка не исключала оживления деятельности антисоветских элементов и на территории самой советской Средней Азии⁶. Хабибула в отношении СССР проводил враждебную политику, более того, им была оказана реальная помощь в организации налёта курбаши Максума Фузайли на Таджикистан в начале 1929 г. Под его непосредственным покровительством басмаческая эмиграция в Афганистане начала расцветать и готовиться к нападению на территорию советской Средней Азии⁷.

Правительство СССР таким положением дел в соседней стране, конечно же, было серьёзно обеспокоено. И в Москве, и в Ташкенте внимательно следили за развитием ситуации в Афганистане. Но предпринимать какие-либо шаги военного характера советское правительство не спешило. Однако ситуация в корне изменилась тогда, когда король Афганистана Амануллахан лично попросил СССР о помощи, тем более, что возможность таких шагов предполагалась советско-афганским договором от 1921 г. о дружбе и взаимопомощи.

В марте 1929 г. в Москву на строго конфиденциальные переговоры к Иосифу Виссарионовичу Сталину прибыл министр иностранных дел Афганистана Сидик-хан. В то же время в ЦК ВКП(б) обратился посол Афганистана в Советской России Гулам Наби-хан Чархи (ил. 5) с просьбой разрешить формирование на территории Советского Союза отряда из числа покинувших Афганистан сторонников короля Амануллы-хана для оказания военной помощи законному афганскому правительству. Руководство СССР откликнулось на просьбу афганской стороны.

Формирование отряда было поручено заместителю командующего Среднеазиатским военным округом Маркиану Яковлевичу Германовичу (ил. 6). Из-за недостаточной военной подготовки афганцев командованием округа было принято решение об усилении формируемого отряда личным составом частей Красной

Ил. 5. Генерал Гулам Наби-хан Чархи — посол Афганистана в Советской России

Ил. 6. Маркиан Яковлевич Германович — заместитель командующего Среднеазиатским военным округом

армии Среднеазиатского военного округа. Помимо представителей афганской армии, верных королю Аманулле-хану, в состав отряда вошли:

- пулемётный взвод 1-го Туркестанского горно-стрелкового полка⁸;
- два дивизиона 1-го Туркменского кавалерийского полка под командованием Ата Чариева⁹;
- 7-й отдельный конно-горный артиллерийский дивизион 7-й конной кавалерийской дивизии¹⁰.

Общая численность отряда составила около 2 тыс. афганцев и 400 красноармейцев. Командование сводным отрядом было поручено Виталию Марковичу Примакову (ил. 7), начальником штаба отряда был назначен кадровый офицер афганской армии Гулам Хайдар, вместе с ним в отряде находились ещё несколько офицеров афганской армии. Операция задумывалась как действия небольшого, хорошо вооружённого, усиленного пулемётами

и артиллерией кавалерийского отряда, к которому в процессе боёв на территории Афганистана присоединится большое количество сторонников короля Амануллы-хана¹¹, действия которых в дальнейшем будет координировать и поддерживать руководство сводного отряда. Во время подготовки похода афганский генерал Гулям Наби-хан уверял Примакова и всё советское руководство в том, что на афганской территории к отряду присоединятся тысячи сторонников короля.

Формально сформированный сводный отряд подчинялся послу Афганистана в СССР генералу Наби-хану. Вскоре после перехода афганской границы к сводному отряду Примакова присоединились ещё около 500 хазарейцев, сохранивших свою верность королю Афганистана Аманулле-хану. Из этого числа командир сводного отряда Примаков сформировал отдельный афганский батальон. В это время свергнутый Аманулла-хан из остатков верных ему частей и племён сформировал новую армию общей численностью до 14 тыс. человек и повёл её на Кабул для решающего удара по войскам мятежников падишаха Хабибулы.

Помимо стрелкового оружия на вооружении отряда находились 4 горных орудия, 12 станковых и 12 ручных пулемётов, для обеспечения бесперебойной связи отряду была передана мощная передвижная радиостанция¹². Весь личный состав сводного отряда был переодет в форму афганской армии. Уже 10 апреля 1929 г. сводный отряд был полностью готов к выполнению поставленных перед ним боевых задач на территории Афганистана. Воздушную поддержку отряду Примакова осуществлял 40-й отдельный авиационный отряд имени Якова Михайловича Свердлова. В его задачи входило ведение разведки по маршруту движения отряда, обеспечение связи, поддержка действий отряда огнём с воздуха, снабжение различными материальными средствами, а также эвакуация раненых бойцов на территорию СССР¹³.

Специальным сводным отрядом Примакова были разгромлены базы и уничтожены крупные отряды басмачей в Северном

Ил. 7. Виталий Маркович Примаков — командир сводного отряда

Афганистане, бандиты понесли невосполнимые потери, что в свою очередь самым благоприятным образом отразилось на положении дел в самих среднеазиатских республиках СССР, позиции советской власти в них были значительно укреплены. Активность многочисленных местных баев, мусульманского духовенства и буржуазно-националистической интеллигенции, пытавшихся использовать события в Афганистане в интересах своей борьбы против советской власти, значительно пошатнулись и были ослаблены¹⁴.

Новое руководство Афганистана было впечатлено общей боеспособностью частей Среднеазиатского военного округа Красной армии, их умением и высоким профессионализмом, способностью проведения специальных операций на территории их страны с применением современных систем вооружения, включая авиацию. А что не менее важно — готовностью военно-политического руководства Советского Союза к широкомасштабному применению военной силы в Афганистане, не считаясь с возможными последствиями этого применения, в том случае, если это затрагивало определённые интересы СССР в этой стране.

¹ Курбаши — полевой командир крупного отряда.

² Фирман — указ или декрет монарха в некоторых исламских государствах Ближнего Востока.

³ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 349. Л. 57—58.

⁴ Хазарейцы — ираноязычные шииты монгольского и тюркского происхождения, населяющие центральный Афганистан.

⁵ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 349. Л. 60.

⁶ Там же. Л. 62.

⁷ Там же. Л. 266.

⁸ Там же. Д. 738. Л. 66.

⁹ Там же. Л. 70.

¹⁰ Там же. Л. 94.

¹¹ Там же. Ф. 110. Оп. 3. Д. 347. Л. 158.

¹² Там же. Л. 147.

¹³ Там же. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 738. Л. 15.

¹⁴ Там же. Д. 863. Л. 37—38.

Л. П. Рудакова (Санкт-Петербург)

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И БЫТОВАНИЯ АЛЬБОМОВ ЧЕРТЕЖЕЙ ДОСТОПАМЯТНОСТЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО АРСЕНАЛА

НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ коллекций научного архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) связано с именем Николая Ефимовича Бранденбурга и относится к 1873 г., когда впервые в музей стал поступать архив старых дел Главного артиллерийского управления (ГАУ). В настоящее время собрание архивохранилища располагает богатейшими коллекциями, включающими в себя множество уникальных исторических документов, среди которых немало и графического материала. При изучении большой и многообразной коллекции графики обращают на себя внимание старинные альбомы чертежей и рисунков в формате *in folio*, которые представляют собой довольно редкие коллекции памятников из собрания Достопамятного зала Санкт-Петербургского арсенала. Эти раритетные альбомы имеют удивительную историю бытования.

Создание акварельных шедевров связано в первую очередь с именем императора Александра I, который мечтал воплотить в чертежах с особой выразительностью разнообразные достопамятности арсенала: оружие, знамёна и различные курьёзные предметы древности¹.

В научном архиве бережно сохраняется письмо генерал-инспектора всей артиллерии графа А. А. Аракчеева от 24 апреля 1806 г. к архитектору и художнику, действительному статскому советнику И. Е. Санкт-Жоржу, возглавлявшему Чертёжное отделение Артиллерийского департамента. В письме Аракчеев сообщал, что по распоряжению императора Александра I Санкт-Жоржу приказано составить чертежи одинаковой формы на

различные достопамятные предметы Санкт-Петербургского арсенала с обязательным их описанием. Составление описания достопамятных предметов с приложением рисунков требовало, чтобы каждый чертёж сопровождался исторической справкой, отвечающей на основные вопросы: время поступления, обстоятельства (от кого или откуда) поступления и заключение, почему данные предметы считаются редкими². Последнее требование считалось новизной и представляло значительный шаг вперёд в критическом отношении к памятникам старины. Для исполнения этих работ Ивану Егоровичу Санкт-Жоржу³ разрешалось принять на службу одного офицера из чертёжного отделения и двух фейерверкеров⁴ (ил. 1).

Длительный период о чертежах, созданных при участии Санкт-Жоржа, совершенно забыли. Прошло немало лет, прежде чем стало известно об их существовании. После смерти отца, в октябре 1833 г. дочь действительного статского советника Санкт-Жоржа Мария представила в штаб генерал-фельдцейхмейстера 27 чертежей достопамятных предметов, которые были исполнены по повелению графа А. А. Аракчеева⁵. За сохранённые чертежи она получила от военного ведомства премию в размере 1200 р.⁶ (ил. 2).

Присутствовавший при рассмотрении чертежей генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил Павлович приказал добавить к этой коллекции рисунки других достопамятных предметов Санкт-Петербургского арсенала и составить к ним историко-хронологическое описание⁷.

В 1831 г., император Николай I поручил одному из ведущих специалистов Санкт-Петербургского арсенала подполковнику В. А. Эрдману составить историческое описание предметов Достопамятного зала, которое вскоре и было выполнено⁸, но в 1832 г. оно было возвращено Эрдману на доработку и исправление. В начале 1834 г. ему же были переданы 27 чертежей, исполненных Санкт-Жоржем, с предложением дополнить их и составить новое описание коллекций Достопамятного зала⁹.

В начале января 1836 г. по приказу генерал-фельдцейхмейстера Михаила Павловича на поручика Петербургской Технической школы Зенбулатова и его учеников (Ивана Зубкова, Якова Новосёлова, Бориса Кухтина и Федора Игнатьева) была возложена работа по составлению чертежей достопамятных предметов Санкт-Петербургского арсенала, которые заслуживают особого внимания в историческом отношении¹⁰. Зенбулатову было

386
287

К. Ташира 1839

Вашему Импера-
торскому Высочеству.

По 4 ОТДЕЛЕНИЮ

Предметъ доклада:

*Оисколатийской воеводине
и описанья Револьв. Жорже
и описанья Револьв. Жорже
и описанья Револьв. Жорже*

ЕГО ВЫСОЧЕСТВО ИЗВОЛИЛА ПРИКА-
ЗАТЬ *приказывать*

*Описанья Револьв. Жорже
и описанья Револьв. Жорже
и описанья Револьв. Жорже*

Вашему Импера-
торскому Высочеству
благоугодно было приказать, сде-
лать представление о вознагра-
ждении гражденин дворянъ Сентъ-
Жорже, за сообщенныя им ри-
сунки достопамятностей
С. Петербургскаго Арсенала,
составленныя покойнымъ
его родителемъ, Действи-
тельнымъ Статскимъ Советомъ
и коллежскимъ Секретаремъ
Сентъ-Жоржевымъ
Зарубоченное по сему
предмету отношение пред-
ставляется усвоено подписан-
но Вашего Император-
скаго Высочества.

*Вашему Императорскому Высочеству
и описанья Револьв. Жорже*

Ил. 2. Ходатайство на имя императора Николая I о денежном вознаграждении Марии Сент-Жорж за предоставленные рисунки достопамятных предметов, сделанных И. Е. Сент-Жоржем. 1839 г. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. 5. Д. 3. Л. 386

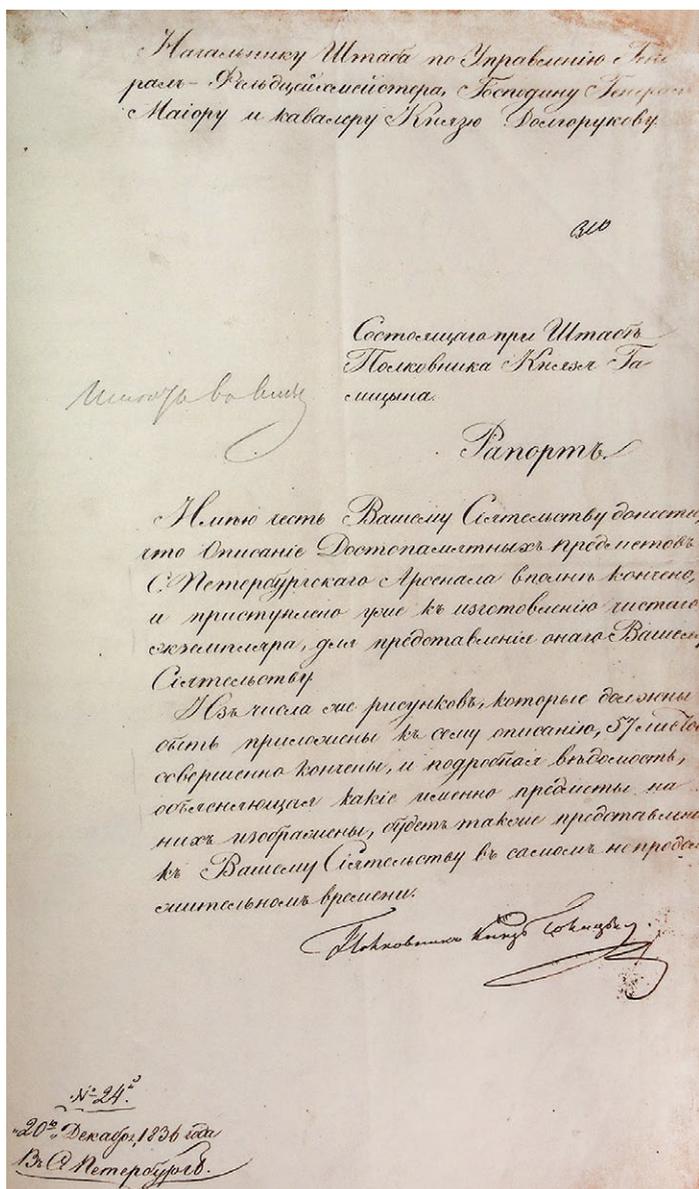
предписано закончить порученную работу в кратчайшие сроки (ил. 3). В конце января в помощь Зенбулатову был направлен поручик 5-й артиллерийской бригады Звягинцов¹¹, а позднее гвардии штабс-капитан Пассек, состоявший при Артиллерийском комитете. Пассеку предписывалось в свободное от служебной деятельности время заниматься зарисовкой орудий, знамён и штандартов Достопамятного зала, согласно представленного списка. Позднее к этой работе были привлечены поручик Силич и прапорщик Табанаков¹².

Но работа под руководством поручика Зенбулатова продвигалась крайне медленно. Это побудило генерал-фельдцейхмейстера заменить его подполковником В. А. Эрдманом, а наблюдение за ходом работ поручить полковнику Коссинскому, впоследствии заменённому полковником князем Голицыным, состоящим при штабе генерал-фельдцейхмейстера¹³.

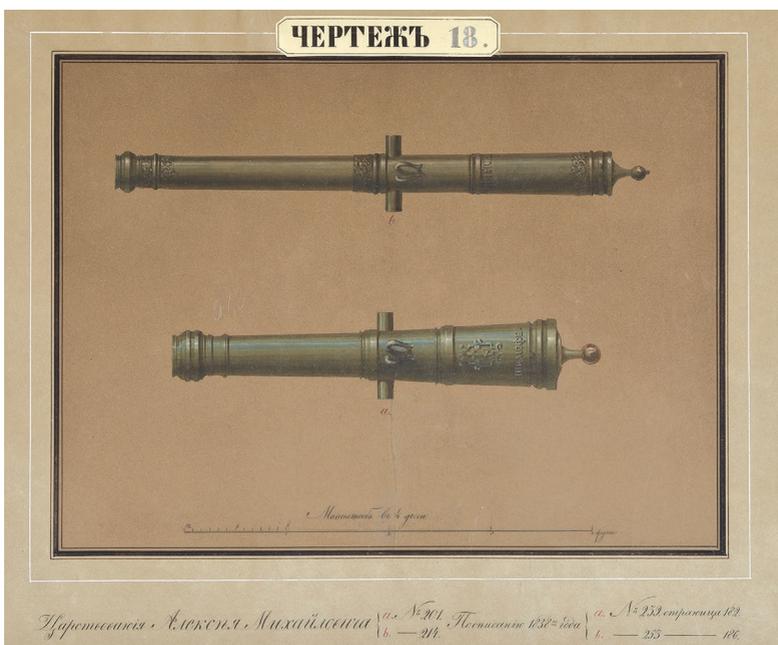
Рапорт князя Голицына от 20 декабря 1836 г. свидетельствует, что работа по описанию достопамятностей Санкт-Петербургского арсенала была окончена (ил. 4). За каллиграфическую переписку 85 листов описания губернский секретарь Кариев был премирован 425 р.¹⁴ Из рисунков, которые должны быть приложены к описанию, совершенно оконченными к декабрю 1836 г. казались только 57 со списком изображённых на них предметов¹⁵. Остальные были на стадии окончания. Несколько чертежей, созданных И. Е. Сентк-Жоржем, были помещены в альбоме достопамятных предметов, а в большинстве своем копированы¹⁶. Эти чертежи отличаются не только размерами, но и манерой исполнения (ил. 5).

В начале апреля 1837 г. описание достопамятных предметов вместе с 74 чертежами¹⁷ было передано в петербургскую переплётную мастерскую Ивана Фрика. Согласно счёту, представленному мастером Фриком от 15 апреля 1837 г., в мастерской были изготовлены футляр из лучшего зелёного сафьяна с богатой вызолоченной надписью «Чертежи к описанию Достопамятных предметов, хранящихся в С.-Петербургском арсенале» и две книги. Одна — описание, другая — хронологический указатель достопамятных предметов. За переплётные работы Ивану Фрику было уплачено 350 р.¹⁸ (ил. 6).

28 апреля 1837 г. чертежи с описанием были представлены начальнику штаба генерал-фельдцейхмейстера генерал-майору князю Долгорукову¹⁹. В июне с этой работой был ознакомлен

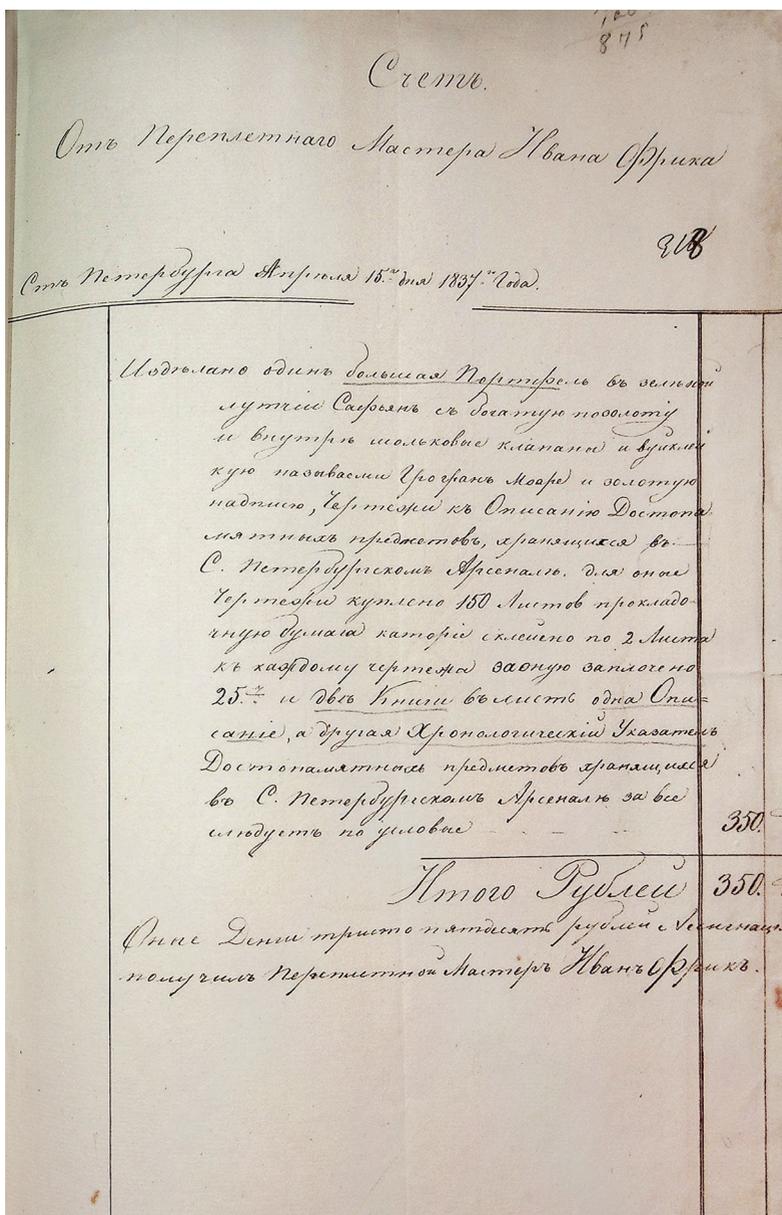
Ил. 4. Репорт князя Голицына князю Долгорукову об окончании работы по описанию памятников СПб арсенала и изготовлению 57 рисунков к нему. 1836 г. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. 5. Д. 3. Л. 310

Ил. 5. Чертеж пушек времён царя Алексея Михайловича, исполненный И. Е. Сент-Жоржем. 1806 г. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 57. Оп. 1. Д. 39. Л. 45

император Николай I²⁰. По желанию императора В. А. Эрдману вновь было предложено исправить работу с добавлением более подробного описания русских знамён, орудий и военных доспехов²¹. Значительную помощь в описании знамён подполковнику В. А. Эрдману оказал гвардии шабс-капитан А. В. Висковатов, изучавший архивные документы по этому вопросу²². Рисунки стрелецких знамён с образами и знамя периода царствования императрицы Екатерины II с изображением Вознесения копировали поручик Зенбулатов и поручик Силич²³.

В январе 1839 г. императору было представлено окончательно завершённое в декабре 1838 г. новое описание. К существующим 74 чертежам было добавлено еще 34. Император с особым удовольствием рассмотрел и высоко оценил эту работу²⁴. Впоследствии Николай I пожелал составить и описание ручного, огнестрельного и белого оружия в хронологическом порядке с рисунками. Этот вид деятельности был возложен на полковника Яковлева²⁵. Большая работа «Чертежи к описанию

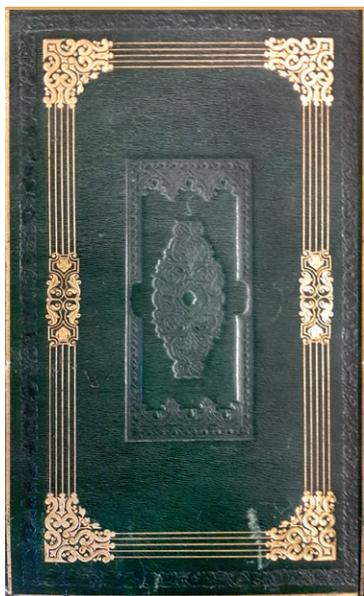
Ил. 6. Счёт на сумму 350 р. от мастера Ивана Фрика за переплётные работы. 1837 г. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. 5. Д. 3. Л. 318

образцов ручного, огнестрельного и белого оружия, хранящегося в С.-Петербургском арсенале» на 78 листах была завершена в 1843 г.

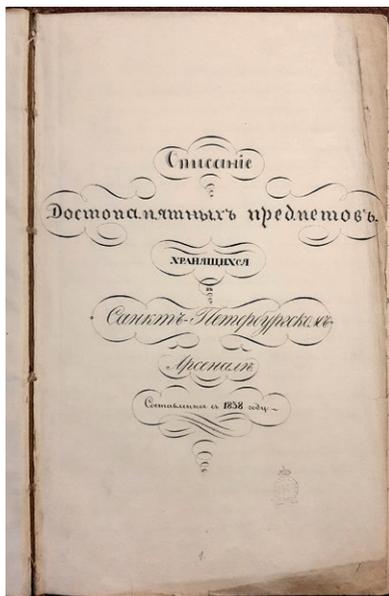
Длительный период столь примечательное собрание акварелей и описание коллекций Достопамятного зала находились в штабе генерал-фельдцейхмейстера (ШГФ). Документы научного архива ВИМАИВМС свидетельствуют, что еще в 1841 г. чертежи древних орудий, рисунки знамен, образцы ручного, огнестрельного и белого оружия вместе с описаниями хранились в библиотеке ШГФ²⁶. После объединения ШГФ с Артиллерийским департаментом и учреждением в 1862 г. Главного артиллерийского управления дальнейшее бытование альбомов вместе с описаниями и указателями было разобщено, и их местонахождение пребывало в неизвестности. Николай Ефимович Бранденбург, возглавлявший Артиллерийский музей с 1872 г. по 1903 г., имея сведения об этом редчайшем автографическом издании, пытался на протяжении почти 30 лет выявить место нахождения альбомов чертежей и вернуть их в музей²⁷. Но этого не случилось.

В результате исследовательской работы в 2020 г. было установлено, что в 1879 г. путём закупки от частного лица «Описание достопамятных предметов, хранящихся в С.-Петербургском арсенале» и «Хронологический указатель достопамятных предметов, хранящихся в С.-Петербургском арсенале» поступили в Императорскую публичную библиотеку²⁸. В настоящее время эти уникальные рукописные книги (скоропись XIX в.) в жёстком переплёте из зелёной сафьяновой кожи с золотым тиснением и золотым обрезом состоят на учёте в Российской национальной библиотеке в отделе рукописей²⁹ (ил. 7).

Куда поступили альбомы с чертежами и рисунками уникальных памятников Достопамятного зала, было неизвестно. Д. П. Струков, возглавивший в 1903 г. Артиллерийский исторический музей, продолжил поиски альбомов. При посещении членами Императорского Русского военно-исторического общества «Магазина готовых образцов Технического комитета Главного интендантского управления» (Интендантский музей) в январе 1911 г. Д. П. Струков обратил внимание на альбомы с чертежами в богатом кожаном переплёте зелёного цвета с золотым тиснением, содержание которых не отвечало прямым задачам деятельности Интендантского музея, а было тесно связано с историей бытования Артиллерийского музея. Альбомы

Ил. 7. Передняя крышка блока рукописной книги «Описание достопамятных предметов, хранящихся в С.-Петербургском арсенале». 1838 г. РНБ. ОСПК. Ф. IV. № 616

Ил. 7/1. Титульный лист с названием рукописной книги «Описание достопамятных предметов, хранящихся в С.-Петербургском арсенале». 1838 г. РНБ. ОСПК. Ф. IV. № 616

числились в Интендантском музее по описи рисунков и чертежей под № 1675 и 1676³⁰. На них имелся шифр Интендантского музея и оттиск печати музея на каждом листе.

В этих альбомах одинакового формата (58 × 87 см) среди множества художественно оформленных чертежей исторических памятников Достопамятного зала находились рисунки предметов, утраченных к тому времени или не имевших точного изображения. Например, изображение знамени стрелецкого Московского Баишева полка 1696 г., хранившегося в АИМ, послужило поводом к принятию ряда мер для дальнейшей его сохранности и правильного описания.

Д. П. Струков предполагал, что, возможно, альбомы из библиотеки штаба генерал-фельдцейхмейстера после 1841 г. были переданы на хранение в Достопамятный зал арсенала. В 1864 г., когда было решено передать здание «старого» арсенала, где размещался

Достопамятный зал, в ведение министерства юстиции для размещения в нём окружного суда³¹, начался спешный вывоз коллекций Достопамятного зала³².

Судьба собрания Достопамятного зала решалась специально созданной комиссией под началом генерал-майора Рота, состоявшей, как писал Н. Е. Бранденбург, из людей случайных и равнодушных к истории³³. В результате своей деятельности комиссия нанесла непоправимый ущерб сокровищнице памятников отечественной военной истории. Многие особо ценные предметы были переданы на хранение в другие ведомства³⁴. Например, сохранились передаточные ведомости достопамятных предметов, переданных в Азиатский отдел музея Академии наук, куда ушло украшенное восточное оружие³⁵. Когда императору Александру II сообщили о варварском обращении с уникальными коллекциями, то он приказал срочно прекратить всю дальнейшую, в этом направлении, деятельность комиссии. Благодаря личному вмешательству императора была спасена коллекция протазанов царя Ивана Васильевича и ряд других редчайших памятников от передачи их в другие места хранения. Оставшаяся часть коллекций Достопамятного зала переехала в одно из помещений здания ГАУ, а позднее в здание Кронверка³⁶.

После посещения Интендантского музея в 1911 г. Струков в рапорте на имя начальника ГАУ от 27 февраля 1911 г. писал, что при работе комиссии генерала Рота с большей долей вероятности можно предположить, что часть коллекций Достопамятного зала была передана на хранение в Интендантский музей. Вероятно, среди них были и альбомы с чертежами исторических предметов. Полная замкнутость сведений о составе коллекций Интендантского музея на протяжении многих лет не давала возможности определить местонахождение альбомов. В заключение рапорта Струков испрашивал настоятельного ходатайства о возвращении альбомов чертежей и рисунков во вверенный ему музей³⁷.

Одновременно Дмитрий Петрович вёл переписку и с начальником Главного интендантского управления генералом от инфантерии Д. С. Шуваевым. Струков просил его «о милостивейшем согласии» на возвращение двух альбомов чертежей достопамятных предметов историческому собственнику — Артиллерийскому музею, мотивируя это тем, что для Интендантского музея эти предметы не могут представлять того истинного значения, какое они

имеют для собрания уникальных памятников Артиллерийского музея³⁸.

В августе 1911 г., выступая с докладом на XV Всероссийском археологическом съезде в Новгороде, Струков сообщил, что им были случайно обнаружены в Интендантском музее альбомы чертежей и рисунков предметов Достопамятного зала и в Главном Интендантском управлении рассматривается вопрос о передаче их в Артиллерийский исторический музей³⁹. Но альбомы так и не поступили в музей, и в середине 20-х гг. прошлого века они по-прежнему хранились в Интендантском музее⁴⁰.

В 1925 г., когда все музейные коллекции АИМ вернулись из эвакуации, назрела необходимость реставрации исторических памятников, и вновь был поднят вопрос о передаче альбомов с чертежами и рисунками достопримечательностей из Интендантского в Артиллерийский музей.

В марте 1926 г. Музейный отдел Главнауки в Москве разрешил передать в Артиллерийский исторический музей на вечное хранение альбомы акварельных рисунков редчайших памятников Достопамятного зала⁴¹. Два альбома: «Чертежи к описанию Достопамятных предметов, хранящихся в С.-Петербургском Арсенале» на 104 листах 1838 г. и «Чертежи к описанию образцов ручного, огнестрельного и белого оружия, хранящегося в С.-Петербургском арсенале» на 78 листах 1840 г. поступили в библиотеку музея. Об этом свидетельствуют оттиски штампов библиотеки с новыми инвентарными номерами: 13639 и 14806.

Изучая вопрос о том, как альбомы чертежей исторических памятников Достопамятного зала попали в научный архив, было выявлено, что при проведении проверки библиотеки в 1956 г. были обнаружены рукописные материалы и альбомы чертежей и рисунков, которые по приказу начальника музея № 74 от 24.03.1956 г. было решено передать в архив. В список документов, подготовленных к передаче, были включены и «Чертежи к описанию образцов ручного огнестрельного и белого оружия, хранящегося в С.-Петербургском Арсенале», инв. № 14806, на 78 листах и «Чертежи к описанию Достопамятных предметов, хранящихся в С.-Петербургском Арсенале», инв. № 13639, но уже на 79 листах⁴². Эти два альбома были систематизированы и учтены в архиве по Ф. 57 (Коллекция документов, поступивших из библиотеки ВИМАИВиВС). Оп. 1. Д. 38 (Чертежи к описанию образцов огнестрельного и холодного оружия,

хранившегося в С.-Петербургском арсенале), 1840 г., на 78 листах и Д. 39 (Чертежи (сборные) достопамятных предметов, хранившихся в С.-Петербургском арсенале). [1838 г.] на 79 листах, хотя при поступлении в библиотеку музея в этом альбоме числилось 104 листа (ил. 8, 9).

При более тщательном полистном исследовании чертежей к описанию достопамятных предметов было выявлено, что их часть, а именно 35 чертежей с кратким описанием на 2 листах, не имеют оттиска печати Интендантского музея, но имеют подписи авторов рисунков и представляют собой отдельные копии из этого альбома. При изучении архивного материала оказалось, что 35 чертежей старинных орудий были копированы юнкерами и офицерами Артиллерийского училища под руководством барона Клодта в 1841 г. и преподнесены в дар генерал-фельдцейхмейстеру великому князю Михаилу Павловичу⁴³. В 2007 г. эти чертежи были изъяты из Д. 39 и сформировано новое Д. 39-а (Чертежи старинных орудий Достопамятного зала, изготовленные для великого князя Михаила Павловича. 1841 г.)⁴⁴ (ил. 10).

В настоящее время в деле 39 числится 44 чертежа и отсутствуют рисунки знамён, которые, судя по описанию подполковника Эрдмана, изначально хранились в этом альбоме. Встал вопрос об их поиске.

При более внимательном просмотре и изучении документов делопроизводства АИМ было установлено, что 1 сентября 1926 г. в знаменном отделе музея была открыта выставка акварельных рисунков знамён и флагов восстаний и революций с древнейших времен, начиная с восстания крестьян в Германии в XVI в. и последующих революций в Европе и Америке, подготовленная начальником отдела П. И. Белавенцем⁴⁵. Возможно, Пётр Иванович, занимаясь подготовкой рисунков знамён к выставке, использовал и рисунки из альбома 1838 г., поступившего в библиотеку АИМ в апреле 1926 г. Но обратно в альбом эти рисунки не вернулись.

Тогда возникло предположение, что при передаче знамён и картотечного архива графических изображений знамен из АИМ в Государственный Эрмитаж ушли и рисунки из альбома чертежей 1838 г. Но попытки найти их в Эрмитаже не увенчались успехом.

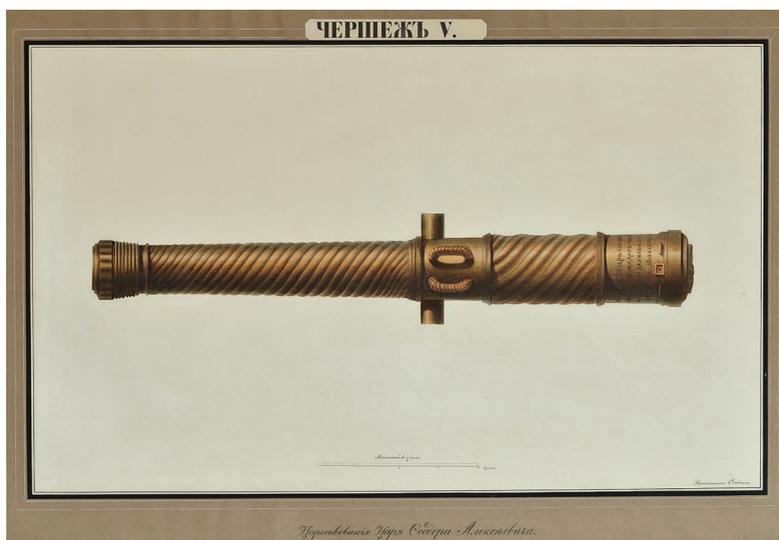
В продолжение поиска рисунков знамён было выявлено, что в 1950 г. при проверке фондов отдела военной истории

Ил. 8. Передняя крышка блока альбома «Чертежи к описанию образцов ручного, огнестрельного и белого оружия, хранящегося в С.-Петербургском арсенале». 1840 г. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 57. Оп. 1. Д. 38

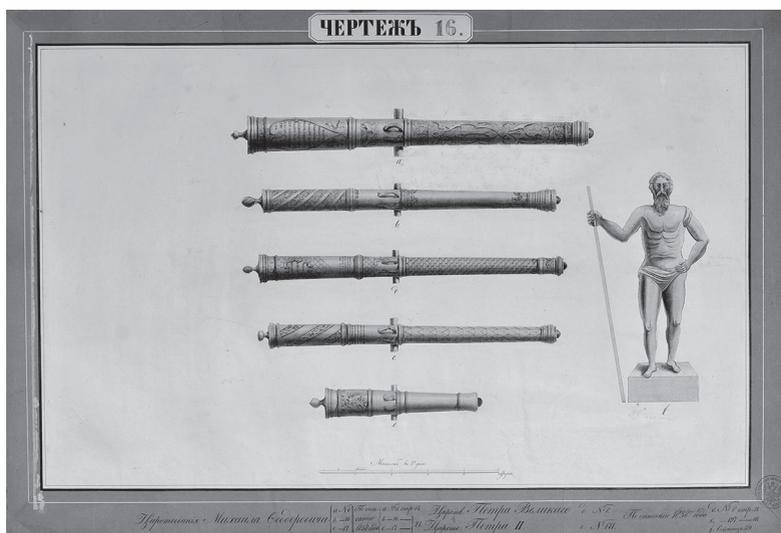
Ил. 9. Передняя крышка блока альбома «Чертежи к описанию достопамятных предметов, хранящихся в С.-Петербургском арсенале». 1838 г. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 57. Оп. 1. Д. 39

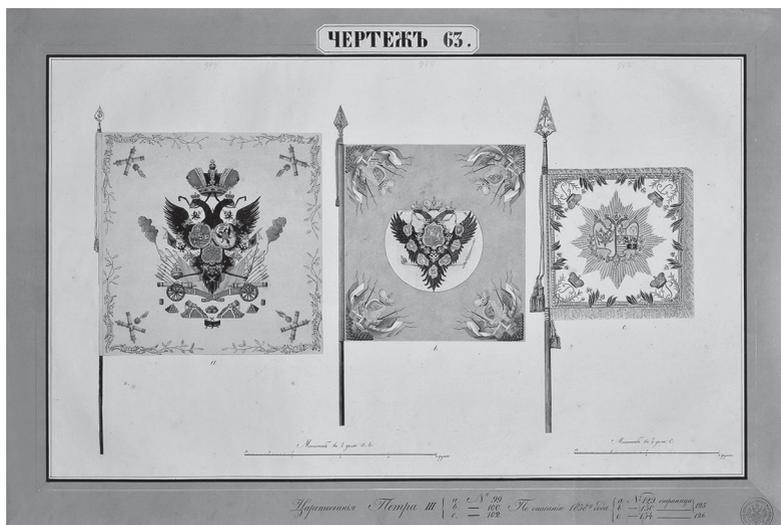
Ил. 10. Чертёж орудия царствования Федора Алексеевича. Чертил прапорщик Осокин. Из альбома чертежей, преподнесенных в подарок великому князю Михаилу Павловичу. 1841 г. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 57. Оп. 1. Д. 39-а. Л. 7

(Акт от 12 сентября 1950 г. Передача экспонатов общеисторических фондов от полковника Т. И. Воробьёва к подполковнику А. М. Агееву) в ведомости экспонатов по номенклатуре № 11 (Графика, документы по знамёнам) числилось 32 единицы хранения акварельных рисунков знамён⁴⁶. Поиски привели в отдел фондов научной обработки и хранения музейных предметов в 1-й общеисторический фонд. При просмотре графических материалов по 11-й номенклатуре было выявлено 54 рисунка знамён, формы одежды и защитного вооружения. При сравнительном анализе этих рисунков с чертежами, хранящимися в архиве музея, было установлено, что 53 рисунка совпадают не только размерами листов, но имеют и одинаковые оттиски печатей Интендантского музея. Кроме того, они полностью совпадают с номерами памятников, представленных В. А. Эрцманом в описании достопамятных предметов, хранящихся в Российской национальной библиотеке (ил. 11, 12).

В результате исследовательской работы было установлено, что коллекция чертежей и рисунков из альбома, состоящего на учёте

Ил. 11. Чертежи пушек периода царствования Михаила Федоровича, Петра I и Петра II. 1838 г. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 57. Оп. 1. Д. 59. Л. 43

Ил. 12. Рисунки знамен периода царствования Петра III. ВИМАИВиВС ИФ 11/857

в научном архиве по Ф. 57. Оп. 1. Д. 39, и коллекция рисунков знамён, формы одежды и защитного вооружения, хранящаяся в 1-м общеисторическом фонде у хранителя фондов старшего научного сотрудника Т. Н. Ильиной и числящаяся по номенклатуре № 11 (Графика, документы по знамёнам), являются единым собранием рисунков и чертежей достопамятных предметов Санкт-Петербургского арсенала, исполненных учениками и офицерами Технической школы. «Описание достопамятных предметов, хранящихся в С.Петербургском арсенале», составленное подполковником Эрдманом в 1838 г., находится в Российской национальной библиотеке.

В настоящее время уникальное автографическое издание — альбом акварельных рисунков и чертежей предметов Достопамятного зала свидетельствует, что некоторые предметы, украшавшие музейное собрание, в силу ряда исторических событий, утрачены. Сегодня мы можем увидеть их только в рисунках и чертежах в научном архиве и в 1-м общеисторическом фонде.

¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. 5. Д. 3. Л. 179.

² Там же. Ф. 5. Оп. 5. Д. 3. Л. 179.

³ Записки Ивана Степановича Жиркевича 1789—1848. М.: «Кучково поле». 2009. С. 121.

⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. 5. Д. 3. Л. 179.

⁵ Там же. Л. 177.

⁶ Там же. Ф. 5. Л. 387.

⁷ Там же. Ф. 22. Оп. 92. Д. 81. Л. 101.

⁸ Там же. Ф. 5. Оп. 5. Д. 3. Л. 192.

⁹ Там же. Л. 189.

¹⁰ Там же. Л. 196.

¹¹ Там же. Л. 218.

¹² Там же. Л. 220.

¹³ Там же. Ф. 22. Оп. 92. Д. 81. Л. 101 об.

¹⁴ Там же. Ф. 5. Оп. 5. Д. 3. Л. 316.

¹⁵ Там же. Л. 310.

¹⁶ Там же. Л. 280.

¹⁷ Там же. Л. 322.

¹⁸ Там же. Л. 318.

¹⁹ Там же. Л. 300.

²⁰ Там же. Ф. 22. Оп. 92. Д. 81. Л. 101 об.

²¹ Там же. Ф. 5. Оп. 5. Д. 3. Л. 369.

²² Там же. Л. 300.

²³ Там же. Л. 256.

- ²⁴ Там же. Л. 399.
- ²⁵ Там же. Л. 425.
- ²⁶ Там же. Л. 420.
- ²⁷ Там же. Ф. 22. Оп. 92. Д. 81. Л. 96.
- ²⁸ Отчёт Императорской публичной библиотеки за 1879 г. СПб., 1880.
- ²⁹ РНБ. ОСРК. Ф. IV. № 615, 616.
- ³⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 81. Л. 97.
- ³¹ Там же. Ф. 21. Оп. 92/1. Д. 19. Л. 5. Приказ по Главному артиллерийскому управлению № 44 от 15.04.1865 г.
- ³² Там же. Ф. 22. Оп. 92. Д. 82. Л. 7 об.
- ³³ Там же. Ф. 21. Оп. 92/1. Д. 19. Л. 5.
- ³⁴ Голованова М. П. Документы архива ВИМАИВиВС по истории собрания Оружейной палаты // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Пятая Международная научно-практическая конференция 14–16 мая 2014 г. СПб.: ВИМАИВиВС, 2014. Ч. I. С. 376.
- ³⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 21. Оп. 92/1. Д. 19. Л. 31.
- ³⁶ Там же. Ф. 22. Оп. 92. Д. 82. Л. 3.
- ³⁷ Там же. Д. 81. Л. 96 об.
- ³⁸ Там же. Л. 109.
- ³⁹ Там же. Л. 415.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 52. Оп. 110/6. Д. 24. Л. 34 об., 57 об.
- ⁴¹ Там же. Д. 31. Л. 99.
- ⁴² Там же. Дело Ф. 57. Акт от 30 июня 1956 г.
- ⁴³ Там же. Ф. 5. Оп. 5. Д. 3. Л. 421.
- ⁴⁴ Там же. Дело Ф. 57. Акт № 9 от 6 марта 2007 г.
- ⁴⁵ Там же. Ф. ЗР. Оп. 9. Д. 7. Л. 25.
- ⁴⁶ Там же. Д. 138. Л. 32.

С. А. Рябая (Ижевск)

ИЖЕВСК — КУЗНИЦА СТРЕЛКОВОГО ОРУЖИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв. войны являлись одним из факторов модернизации, так как они приводили не только к разрушающим последствиям, но и давали толчок создающим процессам внутри конфликтующих государств. В период военных действий с увеличением государственного заказа на предметы вооружения, как правило, существующее производство значительно расширялось, усиливалась топливно-сырьевая база, внедрялись новые технологии. Срочное увеличение выпуска оружия, боеприпасов и военного снаряжения для военной промышленности стало насущной необходимостью.

Оружейное производство на Ижевских заводах к началу Первой мировой войны уже имело длительную историю. В начале XX в. Ижевский оружейный завод был единственным заводом в России, выпускавшим все три вида винтовки системы С. И. Мосина: пехотную, драгунскую и казачью. Кроме того, им выпускались кавалерийские карабины, стальные кинжалы «Бebut», патронные обоймы, охотничьи ружья¹.

Ошибки российского военного руководства в планировании объёмов мобилизационных запасов оружия и боеприпасов привели после первых четырёх месяцев Первой мировой войны к кризису вооружения русской армии. Запас винтовок к началу войны исчислялся количеством 4,3 млн единиц. Но пришлось констатировать, что масштабы мобилизации новобранцев в первый год войны исчерпали его полностью, и к ноябрю 1914 г. потребность в винтовках возросла до 870 тыс. шт.² По данным генерал-лейтенанта Н. Н. Головина действительные потребности армии превзошли мобилизационные расчёты более чем на 150 %³.

Срочно были нужны винтовки, пушки, патроны, снаряды, гранаты. Задача по поднятию максимальной производительности заводов, поставленная Военным ведомством в начале Первой мировой войны, оказалась сорванной.

В вопросах загрузки войны застала Ижевский завод в лучших условиях, чем Тульский и Сестрорецкий заводы. Так, в 1913 г. Ижевский завод имел заказ на 58,6 тыс. винтовок, Тульский – 12,8 тыс., а Сестрорецкий – на 3,6 тыс. Это составляло лишь 12 % от годовой производительности всех трёх российских оружейных заводов⁴. Ижевский завод был единственным, который имел собственное производство оружейной стали и обеспечивал ею не только себя, но и остальные оружейные и пулемётные заводы.

Мобилизационным планом не была предусмотрена организация достаточно мощных мастерских для капитального ремонта винтовок. Когда этот вопрос стал очень острым, Военное министерство не нашло ничего лучше, чем взвалить капитальный ремонт оружия, который не мог быть выполнен средствами самих войск и местных мастерских, на ружейные заводы. Тульский, Сестрорецкий и Ижевский заводы в это время переживали крайне трудное положение, поскольку они должны были развёртывать своё производство новых винтовок в размерах увеличившейся потребности русской армии. А. А. Маниковский отмечал, что «заводы протестовали против такой работы, так как, занимаясь приготовлением лишь новых винтовок и направив на усилие выпуска их без всякого остатка свои средства как механические, так и личного состава, они только в явный ущерб для своего основного дела могли бы “выжать” у себя часть помещений, станков и мастерских для подкинутого им детища»⁵.

В условиях Первой мировой войны, после потери важнейших промышленных районов, оккупированных немецкими и австро-венгерскими войсками, экономическая база военного производства существенно сократилась, одновременно увеличилось значение восточных тыловых центров страны. Одним из таких крупных тыловых военно-экономических центров становится Уральский регион, где особенно выделяется производство вооружения и боеприпасов Ижевскими оружейным и сталелитейным заводами.

Руководство Ижевских заводов с самого начала войны принимало меры к увеличению выпуска винтовок для армии. Но

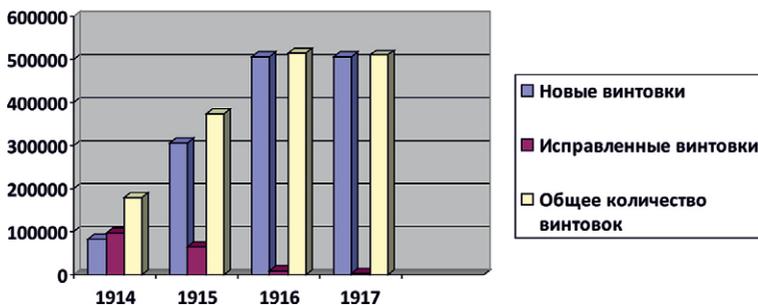
техническое состояние оборудования оружейного завода к 1914 г. оценивалось в 30 % износа. При этом 30—40 % станков были устаревшими. Благодаря износу печи Мартена фактически имели мощность, равную около 70 % от номинальной. Именно поэтому приобретённое перед войной оборудование и имеющиеся производственные площади уже не могли обеспечить требуемого армией количества винтовок. Стремясь к увеличению выпуска винтовок, в военные годы Ижевские заводы срочным порядком закупали станочное и силовое оборудование, расширяли часть цехов и мастерских.

В январе—феврале 1915 г. генерал А. А. Маниковский проводил инспекцию оружейных заводов и в своём рапорте от 6 февраля 1915 г. председателю Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части, написанном в Ижевске, настаивал на немедленном «без потери одного дня» проведении экстренных мероприятий по расширению завода, «иначе Ижевский завод, — писал он, — являющийся “маткой” для всех остальных заводов, не сдвинется сам с мёртвой точки и по-прежнему будет тормозить и Тулу, и Сестрорецк»⁶. К рапорту был приложен перечень экстренных мероприятий, необходимых для изготовления 100 000 винтовок ежемесячно на всех трёх оружейных заводах.

К 1917 г. Ижевский оружейный завод увеличил выпуск винтовок по сравнению с 1914 г. примерно в 6 раз. Удельный вес выпуска предприятием новых винтовок за годы Первой мировой войны в общероссийском масштабе составил 43 %, а исправленных — 61 %.

Диаграмма 1

**Выпуск новых и исправленных винтовок
Ижевским оружейным заводом за 1914—1917 гг. (шт.)⁷**

Ход производства нового и исправленного оружия Ижевским оружейным заводом в 1914–1917 гг. показан на диаграмме 1. За годы Первой мировой войны им было выпущено 1 399 084 шт. новых винтовок, исправлено 177 033 шт.

Производство винтовок всеми оружейными заводами России за годы Первой мировой войны показаны в таблице 1.

Табл. 1

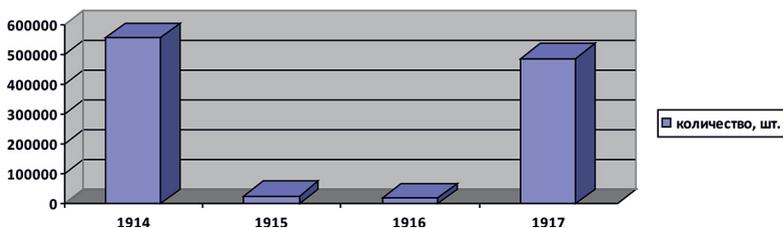
Производительность винтовок русскими оружейными заводами в 1914–1917 гг., тыс. шт.⁸

Завод	Период, год				1914–1917 гг.
	1914	1915	1916	1917	
Тульский	46	352,6	648,8	506,7	1554,1
Ижевский	82,1	312,9	504,9	505,9	1405,8
Сестрорецкий	5,9	73,9	147,8	98,9	326,5
Итого	134	739,4	1301,4	1111,4	3286,2

Кроме того, за годы войны Ижевский завод выпустил большое количество снарядов, в основном 3-дюймовых. Выпуск снарядов по годам приведен на диаграмме 2. Следует отметить, что доля выпуска снарядов Ижевским оружейным заводом в уральском производстве в 1914 г. составляла 37,3 %, 1915 г. – 1,6 %, в 1916 г. – 0,8 %, а в 1917 г. – 16,5 %.

Диаграмма 2

Выпуск снарядов Ижевским оружейным заводом за 1914–1917 гг. (шт.)⁹

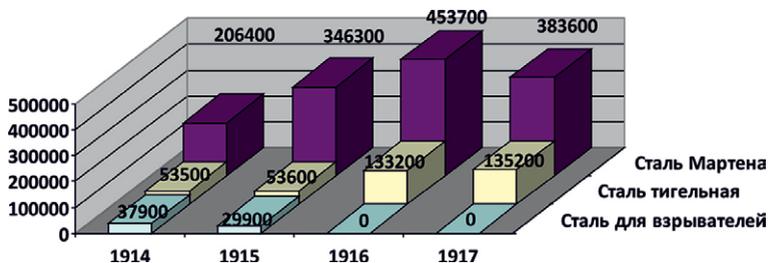
В докладной записке Военно-технического комитета Ижевских заводов члену Государственной думы С. А. Калинин у от 29 марта 1917 г. отмечалось положение особенной важности Ижевских оружейного и сталелитейного заводов. У заводов была непосредственная связь с фронтом как поставщика целого ряда

предметов вооружения для подвижных ремонтных мастерских (пружины, щиты и т. п.). «Неразрывная, кровная» связь с целым рядом учреждений артиллерийского ведомства увеличивала значение Ижевских заводов. Они являлись для некоторых клиентов «единственными в своем роде и притом никем в России незаменимыми».

Черновые сверлёные стволы винтовочные, пулемётные и револьверные, черновые сверлёные коробки и готовые штыки, пружины и щиты, запальные стаканы, готовая обойма и ступица, черновые оси, десятки тыс. пудов инструментальной и поделочной стали, — всё это поставлялось Ижевскими заводами своим клиентам или в качестве полуфабриката для дальнейшей обработки, или как готовый материал для окончательной сборки. Объёмы производства различных видов металла Ижевским сталелитейным заводом в годы Первой мировой войны показаны на диаграмме 3.

Диаграмма 3

**Выпуск металла Ижевским сталелитейным заводом
в 1914—1917 гг.¹⁰**

При общем снижении выплавки стали в России за три года войны Ижевский сталелитейный завод увеличил объём выпуска стали. Так, удельный вес этого предприятия в общероссийской выплавке стали в 1914 г. составил 0,11, в то время как в 1916 г. — 0,30¹¹.

Выпуск иной военной продукции, произведённой Ижевскими оружейным и сталелитейным заводами в военный период, приведён в таблице 2.

**Ассортимент продукции, выпускаемой
Ижевскими оружейным и сталелитейным заводами
в годы Первой мировой войны¹²**

Показатель	Период, год			
	1914	1915	1916	1917
Сталь «Рапид», пуды	1500	2300	3800	14 300
Сталь обоймочная, на число обойм, млн шт.	55,3	58,8	95,2	64,9
Проволока тигельная и мартеновская, пуды	12 800	23 100	29 100	29 600
Стволы винтовочные, шт.	247 500	813 100	1 457 700	1 282 700
Стволы пулемётные, шт.	3800	30 900	66 400	99 900
Коробки ствольные, шт.	390 300	859 700	1 124 700	1 109 500
Стенки короба пулемётного, шт.	2600	12 600	16 600	12 400
Щиты стальные Соколова, шт.	1300	5900	9500	4700

Около половины всего стрелкового оружия, выпущенного в России в годы Первой мировой войны, — 48 % (по другим данным — 43 %) было изготовлено на Ижевском оружейном заводе. По остальным группам изделий удельный вес был еще выше, по винтовочным стволам он составил 52 %, по исправленным винтовкам — 61 %, по пулемётным стволам — 79 %¹³. Всего за этот период ижевские оружейники выпустили полтора миллиона винтовок.

Таким образом, находясь вдали от театра военных действий, Ижевские оружейный и сталелитейный заводы в годы Первой мировой войны стали своеобразной кузницей оружия для нужд русской армии как нового, так и отремонтированного. Кроме того, являлись единственными поставщиками целого ряда предметов вооружения для подвижных ремонтных мастерских (пружины, щиты и т. п.). Задолго до начала Первой мировой войны и в ходе военных действий Ижевские заводы были тесно связаны со многими учреждениями артиллерийского ведомства.

- ¹ Липина С. А. Оружие для фронта: из истории Ижевских оружейного и сталелитейного заводов в годы Первой мировой войны // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2011. Т. 2. № 3. С. 143.
- ² Китанина Т. М. Россия в Первой мировой войне. 1914–1917 гг. Экономика и экономическая политика: в 2 ч. Экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914 — первая половина 1916 г. СПб., 2003. Ч. 1. С. 79.
- ³ Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. М., 2001. С. 189.
- ⁴ Военная промышленность России в начале XX в. (1900–1917). Сборник документов / Под ред. Р. Ш. Ганелина; сост. Л. Я. Саег и др. М., 2004. С. 777.
- ⁵ Маниковский А. А. Боевое снабжение Русской Армии в 1914–1918 гг. М., 1920. Ч. 1. С. 39.
- ⁶ РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 84. Л. 37.
- ⁷ Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 76.
- ⁸ Генерал В. С. Михайлов (1875–1929): Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М., 2007. С. 132.
- ⁹ Липина С. А. Модернизационные процессы в промышленности Удмуртии накануне и в годы Первой мировой войны (1910–1917 гг.). Ижевск, 2010. С. 66.
- ¹⁰ Генерал В. С. Михайлов (1875–1929): Документы к биографии. С. 119.
- ¹¹ Рябая С. А. Первая мировая война в региональном аспекте (на примере Вятской губернии) // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды Пятой Международной научно-практической конференции. 14–16 мая 2014 г. СПб., 2015. Ч. IV. С. 143.
- ¹² Генерал В. С. Михайлов (1875–1929): Документы к биографии. С. 119.
- ¹³ Жук А. В. Военная промышленность Урала в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Екатеринбург, 2000. С. 103.

Л. Д. Сабуров (Москва)

16-я АРМИЯ ГЕНЕРАЛА К. К. РОКОССОВСКОГО В МОСКОВСКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ 1941 ГОДА

16-Я АРМИЯ (командующий генерал К. К. Рокоссовский) Западного фронта занимала оборону на 50-километровом фронте на ярцевском направлении, перехватывая основную магистраль Смоленск—Вязьма. На рассвете 2 октября 1941 г. началось немецкое наступление на центральном участке армии, где командование ожидало удар. Завязались напряжённые бои.

Вечером 5 октября К. К. Рокоссовский получил телеграмму из штаба Западного фронта. Она гласила: немедленно передать участок с войсками генералу Ф. А. Ершакову (19-я и 20-я армии), а самому со штабом 16-й армии прибыть 6 октября в Вязьму и организовать контрудар в направлении Юхнова. Сообщалось, что в районе Вязьмы штаб получит пять стрелковых дивизий со средствами усиления.

«Всё это было совершенно непонятно. К. К. Рокоссовский потребовал повторить приказ документом за личной подписью командующего фронтом. Ночью летчик доставил распоряжение за подписями И. С. Конева и члена Военного Совета Н. А. Булганина.

6 октября штаб прибыл в Вязьму, КП армии расположили в перелеске километрах в десяти северо-восточнее города. Никаких войск там не было. В это время немецкие танки вступили в город. К. К. Рокоссовскому еле удалось вырваться из него»¹.

Немцы прорвали фронт на двух направлениях. Местом смыкания вражеских клещей оказалась Вязьма. Горловина мешка под Вязьмой сомкнулась 7 октября. Только потом К. К. Рокоссовский узнал, что «в котёл попали части 19-й, 20-й, 24-й и 43-й советских армий в составе 23 стрелковых и 3 танковых дивизий, а также

отдельные части 8 стрелковых и 2 танковых дивизий. Около шести стрелковых, одной танковой дивизии и одной танковой бригады вынуждены были действовать в разрозненных боевых порядках в районе деревень Медведки, Преображенское, севернее Спас-Деменска»².

К. К. Рокоссовский принял решение прорываться на северо-восток. Там, скорее всего, у противника недостаточная плотность. Начали поход в ночь на 8 октября. Было время, когда собирали попавших в беду солдат и офицеров, организовывали их, поднимали дух. Установили порядок: весь личный состав объединяли в подразделения, назначались командиры.

Разведчики донесли: севернее нас продвигаются на восток части 18-й стрелковой ополченческой дивизии (командир — герой обороны Смоленска генерал-майор П. Н. Чернышов). К. К. Рокоссовский подчинил её себе, поставив задачу на совместные действия при встрече с противником.

Прорывались с боями. Следуя на восток, группа вскоре выскользнула из сжимавших клещей внешнего фронта противника. Только в лесах севернее Уваровки — в сорока километрах от Можайска — удалось наконец-то связаться со штабом фронта.

В этот же день прилетели два У-2. К. К. Рокоссовский дал указание М. С. Малинину о переходе на новое место и с А. А. Лобачёвым (член военного совета армии) направился к самолётам.

В небольшом одноэтажном домике нашли штаб фронта. Их ожидали товарищи К. Е. Ворошилов, В. М. Молотов, И. С. Конев и Н. А. Булганин.

Климент Ефремович сразу задал вопрос:

— Как это вы со штабом, но без войск 16-й армии оказались под Вязьмой?

— Командующий фронтом сообщил, что части, которые я должен принять, находятся здесь.

— Странно...

К. К. Рокоссовский показал маршалу злополучный приказ, за подписью командования. У К. Е. Ворошилова произошёл бурный разговор с И. С. Коневым и Н. А. Булганиным. Затем по его вызову в комнату вошёл генерал Г. К. Жуков.

— Это новый командующий фронтом, — сказал К. Е. Ворошилов, он и поставит вам новую задачу³.

«Ситуация на московском направлении стала катастрофической. Почти все пути на столицу оказались открыты. В стратегической

обороне оказалась брешь шириной до 500 км, закрыть которую было нечем»⁴. Окружённые части до середины октября оказывали упорное сопротивление, отвлекая на себя большие силы врага. За это время была организована оборона на Можайской линии.

Наиболее опасным для советских войск в середине октября было можайское направление. Именно там почти параллельно друг другу проходили железные и автомобильные дороги на Москву, и именно там моторизованные части вермахта, не задействованные в уничтожении советских войск, пытались прорваться по кратчайшему пути, который вел к столице⁵.

Нужно было срочно создать прочную оборону на рубеже Волоколамск — Можайск — Малоярославец — Калуга. «Дни и ночи шла в войсках напряжённая работа, — вспоминал Г. К. Жуков»⁶.

Генерал армии Г. К. Жуков, назначенный 10 октября 1941 г. командующим Западным фронтом, вначале приказал К. К. Рокоссовскому принять Можайский боевой участок (11 октября). Не успели сделать это, как получили новое распоряжение — выйти со штабом и 18-й стрелковой дивизией в район Волоколамска, подчинить там себе всё, что сумеем и организовать оборону в полосе от Московского моря на севере до Рузы на юге.

Развернув командный пункт в Волоколамске, штаб армии и политотдел разослали по всем направлениям группы офицеров для розыска войск, имевшихся в этом районе, и для перехвата прорывающихся из окружения частей, групп и одиночек.

Первым в район севернее Волоколамска вышел 3-й кавалерийский корпус под командованием Л. М. Доватора. Он поступил в оперативное подчинение армии. Корпус состоял из двух кавалерийских дивизий: 50-й генерала И. А. Плиева и 53-й комбрига К. С. Мельника. 3-й кавкорпус, правда сильно поредевший в боях на реке Межа и выходе из окружения, был в то время внушительной силой. Он получил сложную задачу — организовать оборону на широком фронте севернее Волоколамска вплоть до Волжского водохранилища.

Левее кавалеристов расположился сводный курсантский полк, созданный на базе военного училища имени Верховного совета РСФСР, под командованием полковника С. И. Младенцева и коммисара А. Е. Славкина. Этот полк из Солнечногорска был переброшен по тревоге под Волоколамск, где и приступил к организации обороны по восточному берегу реки Лама.

На левом фланге, прикрывая Волоколамск с запада и с юго-запада до реки Руза, стояла 316-я стрелковая дивизия, прибывшая из фронтового резерва, командовал ею генерал И. В. Панфилов, а комиссаром был С. А. Егоров. «Такую полнокровную стрелковую дивизию, — вспоминал К. К. Рокоссовский, — и по численности, и по обеспечению — мы давно не видели. Командиры подобрались крепкие, а политработники были выдвинуты из партийного и советского актива Казахской ССР».

Уже 14 октября К. К. Рокоссовский встретился с генералом И. В. Панфиловым, и они обсудили основные вопросы, касающиеся действий его соединения. Беседа с Иваном Васильевичем оставила глубокое впечатление.

События развивались стремительно. 14 октября части прибыли в Волоколамск, а 16-го танковые дивизии 46-го моторизованного корпуса уже нанесли удар по левому флангу армии. Особенно упорные бои развернулись на Волоколамско-Истринском направлении.

В течение девяти дней войска 16-й армии отражали удары. В каждом бою противник использовал главным образом своё преимущество в танках. Для их противодействия наметили бросить всю артиллерию. Но её в армии явно не хватало. Поэтому предусматривался широкий манёвр как траекториями, так и колёсами. Генерал В. И. Казаков и его офицеры помогали командирам дивизий и артиллерийским начальникам организовать использование артиллерии всех видов, вплоть до зенитной и «катюш», для борьбы с танками.

Помимо того, были созданы подвижные отряды сапёров с минами и подрывными зарядами с задачей в процессе боя перехватывать танкоопасные направления обороны. Были подготовлены к разрушению (в случае возникновения такой необходимости), дороги, мосты, предусматривалось затопление пойм рек Истры, Сестры и Яхромы. На стыках и в промежутках между полками были отрыты и заминированы противотанковые рвы.

Первыми приняли на себя удар части 316-й стрелковой дивизии, курсантский полк Пехотного училища имени Верховного Совета РСФСР, артиллерийский дивизион курсантов 1-го артиллерийского училища им. Л. Б. Красина и другие подразделения. Только на этом участке противник сосредоточил четыре дивизии — две пехотные и две танковые. Главный удар пришёлся по 316-й дивизии И. В. Панфилова.

Завязались тяжёлые оборонительные бои. Гитлеровцы вводили в бой сильные группы по 30—50 танков, сопровождаемые густыми цепями пехоты и поддерживаемые артиллерийским огнём и бомбардировкой с воздуха. Сражение разгорелось на всём фронте обороны армии. 17 октября был атакован корпус Л. М. Доватора севернее Волоколамска. В этот же день в районе Болычёва на стыке с 5-й армией немцы бросили на полк 316-й стрелковой дивизии до 100 танков. 18 октября противник, стремясь во что бы то ни стало добиться успеха, ввёл против 316-й стрелковой дивизии сотни полторы танков и полк мотопехоты в направлении Игнатов — Жилино — Осташино. Навстречу этой стальной лавине была выдвинута противотанковая артиллерия, пушечные батареи и «катюши». И вот ещё около сотни вражеских танков появилось в районе Жилина, на южном берегу Рузы. К. К. Рокоссовскому пришлось использовать все ближайшие, а затем армейские артиллерийские резервы. Манёвр артиллерией спас положение.

В результате двухдневного боя 18 и 19 октября гитлеровцы значительно потеснили части дивизии И. В. Панфилова, но враг понёс такие потери в танках и живой силе, что вынужден был прекратить атаки. Наши потери тоже были немалые. Артиллеристы, пехотинцы, сапёры и связисты проявляли массовый героизм, отражая вражеский натиск.

К 30 октября фронт на Волоколамском направлении стабилизировался. Войска 16-й армии закрепились на рубеже в 3—4 км к востоку от города. Именно в этих кровопролитных боях за Волоколамск и восточнее его навеки покрыла себя славой панфиловская дивизия. Самоотверженно и умело сражался и курсантский полк С. И. Младенцева. Армия нанесла немецким соединениям огромные потери, особенно в танках.

Обрадовала командование армии прибывшая из Сибири 78-я стрелковая дивизия. Её привёл замечательный боевой командир полковник А. П. Белобородов. Состояла она преимущественно из сибиряков; была полностью укомплектована и снабжена всем по штатам военного времени. «Если под Волоколамском великую роль сыграла дивизия генерал-майора И. В. Панфилова, то в ноябре не менее значительный вклад в решающие бои за Москву внесла дивизия А. П. Белобородова»⁷.

Армия получила и две танковые бригады, но с небольшим количеством танков, и 58-ю танковую дивизию почти совсем без

боевой техники. При этом противник имел подавляющее превосходство, особенно в танках и авиации.

В конце октября и начале ноября немцы захватили на левом фланге армии несколько населённых пунктов, в том числе и Скирманово. Они нависли с юга над магистралью Волоколамск—Истра. Обязательно нужно было изгнать немцев из Скирманова и ликвидировать угрозу. Решение этой задачи выпало на долю 50-й кавалерийской дивизии генерала И. А. Плиева, 18-й стрелковой дивизии П. Н. Чернышова и недавно прибывшей танковой бригады М. Е. Каткуова. Штаб армии привлёк также несколько артиллерийских частей и дивизион гвардейских миномётов. Риск был в том, что на это дело командование решилось в предвидении начала вражеского наступления.

Бои за Скирманово с 11 по 14 ноября прошли очень удачно. Разгром немецко-фашистских войск, занимавших Скирманово и другие селения, был полный. 10-я немецкая танковая дивизия, предназначавшаяся для перехвата Волоколамского шоссе, с большими потерями откатилась далеко назад. На поле боя враг оставил до 50 подбитых и сожжённых танков, много орудий, вплоть до 150-мм пушек, миномёты, сотни автомашин.

Главной причиной затянувшейся оперативной паузы для группы армий «Центр» стало то, что ее войска находились под непрерывным воздействием контрударов советских войск⁸. Г. К. Жуков пытался убедить И. В. Сталина в нецелесообразности их проведения, но безрезультатно⁹. В соответствии с распоряжением Ставки Западному фронту предписывалось упреждающими ударами сорвать наступление противника. Один из них требовалось «нанести в районе Волоколамска, а другой — из района Серпухова, во фланг 4-й армии немцев»¹⁰.

Генерал Г. К. Жуков был вынужден отдать необходимые распоряжения 16-й и 43-й армиям и передать им все свои резервы. Однако это не привело к существенному изменению в соотношении сил. Оно по-прежнему оставалось в пользу противника. Для выполнения требований И. В. Сталина К. К. Рокоссовский был вынужден начать атаку во фланг и тыл 4-й танковой группе ещё до подхода выделенных ему резервов¹¹.

Времени на его подготовку было недостаточно, поэтому перегруппировка и развёртывание выделенных для этого войск закончились лишь к рассвету 16 ноября. Утром танковая, стрелковая и четыре кавалерийские дивизии нанесли удар на правом

фланге армии. Контрудар 16-й армии совпал по времени с началом немецкого наступления против центра и левого фланга армии.

Контрудар 16-й армии представлял собой практически неподготовленное наступление на противника, изготовившегося к нанесению своего удара и имевшего превосходство в живой силе и артиллерии в 2,4–3 раза, а в танках — в 10 раз. На первых порах, пользуясь неожиданностью, войскам удалось даже вклиниться километра на три в расположение немецких войск. Но в это время немцы начали наступление на всём фронте армии. Нашим выдвинувшимся вперёд частям пришлось поспешно возвращаться. Действуя на открытом пространстве, кавалерийские части нередко в упор расстреливались артиллерийским и пулемётным огнём, что привело к большим потерям и значительно ослабило оборону. «В результате контрудара 58-я танковая дивизия потеряла 139 танков (70,2 % их общего числа) 17-я кавалерийская дивизия — 75 % своего личного состава, а продвинулись они всего на 3–4 км»¹².

15 ноября начался поистине кульминационный период кампании 1941 г. Он не был продолжительным: с начала возобновления немецкого наступления на Москву 15–19 ноября до перехода Красной армии в контр наступление 5–6 декабря. Но именно за это время сила германских соединений, наступавших на Москву, основанная на их численном превосходстве, профессионализме германских солдат и офицеров, была превзойдена стойкостью советских воинов и экстренными мерами военно-политического руководства страны по мобилизации ресурсов на отпор врагу.

16–17 ноября 4-я и 3-я немецкие танковые группы перешли в наступление, нанося главный удар по войскам 16-й армии. На фронте 35–40 км наступали четыре танковые, одна моторизованная и одна пехотная дивизии, общей численностью до 400 танков, поддержанные авиационной группой «Восток», совершавшей свыше 200 самолётовывлетов в сутки¹³.

Первыми приняли на себя удар центр и левый фланг 16-й армии. Удар основных сил противника пришёлся между 316-й стрелковой дивизией и кавалерийской группой генерала Л. М. Доватора, имея задачу создать брешь в советской обороне и ввести в сражение танковые дивизии. На левом фланге, в районе Волоколамска, оборонялись 316-я дивизия

и курсантский полк. Атака началась при поддержке сильного артиллерийского и миномётного огня и налётов бомбардировочной авиации. Спустя некоторое время ринулись танки, сопровождаемые густыми цепями автоматчиков. Они действовали группами по 15–30 машин. Всю эту картину К. К. Рокоссовский с А. А. Лобачёвым наблюдали с НП командира 316-й дивизии генерала И. В. Панфилова.

К. К. Рокоссовский отмечал: «В этом бою я ещё лучше узнал Ивана Васильевича Панфилова и его ближайших соратников. Командир дивизии управлял войсками уверенно, твёрдо, с умом»¹⁴.

В 316-й дивизии после октябрьских боев почти не осталось средств противотанковой обороны. Основной удар танковой армады пришелся по 4-й и 6-й стрелковым ротам 2-го батальона 1075-го стрелкового полка, оборонявшегося у разъезда Дубосеково и деревни Петелино. Обе роты проявили себя стойко, отбив несколько атак с помощью гранат и бутылок с зажигательной смесью, подбив при этом 24 танка¹⁵ (ил. 1).

Не дав передышки нашим бойцам, противник бросил в бой ещё 30 боевых машин. Перевес сил был явно на стороне наступавших. Политрук Клочков обратился к бойцам со знаменитыми ныне словами: «Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва!». В жестоком неравном бою один за другим гибли герои. Так, тяжело раненный политрук Василий Клочков со связкой гранат бросился под вражеский танк и уничтожил его¹⁶.

Ил. 1. Бутылки с зажигательной смесью, гранаты

Также утром 16 ноября по позициям 1077-го стрелкового полка удар нанесла вражеская авиация, после чего противник попытался овладеть позициями полка. Умелыми действиями первые атаки были отражены. Затем враг ввёл в бой 20 танков и новую группу пехоты. Гранатами и бутылками с горючей смесью и огнём в упор из противотанковых ружей панфиловцы подбили 14 танков.

Четыре часа длился бой у разъезда Дубосеково. Герои-панфиловцы остановили 50 вражеских танков, прорвавшихся к Волоколамскому шоссе¹⁷. Бой героев-панфиловцев у разъезда Дубосеково явился образцом стойкости и мужества. Продвижение противника было задержано, что дало возможность другим частям дивизии занять и подготовить новые оборонительные позиции.

Враг продолжал непрерывно наносить удары. Против левого крыла 16-й армии, куда он уже бросил 4 танковые дивизии и одну мотодивизию СС, к 18 ноября появились части его 252-й пехотной дивизии. Противнику удалось значительно потеснить правофланговые части 5-й армии, введя дополнительные силы, продвинувшись в образовавшийся между армиями разрыв.

Возникла угроза выхода армии глубоко во фланг. Противник устремился к шоссе Волоколамск — Москва. В этот критический момент вступила в дело приберегавшаяся 78-я стрелковая дивизия А. П. Белобородова. Ей была поставлена задача контратаковать рвущиеся к шоссе войска противника. А. П. Белобородов быстро развернул свои полки, и они двинулись в атаку. Удар они нанесли во фланг. Противник был смят, отброшен. Этот умелый и внезапный удар спас положение. На других участках обороны армии также шли тяжёлые бои. За три дня непрерывных боев части армии местами отошли на 5—8 километров, но прорвать оборону немцам нигде не удалось.

18 ноября, когда панфиловцы с упорством героев отбивали вклинившегося в их оборону противника, погиб на своем наблюдательном пункте генерал И. В. Панфилов. Это была тяжёлая утрата. 18 ноября дивизия была переименована в 8-ю гвардейскую и была награждена орденом Красного Знамени. Постановлением ГКО от 23 ноября 1941 г. 8-й гвардейской стрелковой дивизии было присвоено его имя.

В ходе трёхдневных боев немецкое командование убедилось, что на Волоколамском направлении ему не прорвать оборону.

Продолжая здесь наносить удар за ударом и по 2—3 километра в сутки тесня наши части, оно начало готовить прорыв южнее Волжского водохранилища. На клинском направлении быстро сосредоточивались вражеские войска.

На Солнечногорском направлении враг, оттеснив курсантский полк, обошел Истринское водохранилище и, овладев Солнечногорском, начал продвижение на юг в сторону Москвы¹⁸. Немцам открылись пути не только для обхода Москвы с севера, но и для удара непосредственно по ней.

Для организации противодействия противнику генерал К. К. Рокоссовский послал в Клин своего заместителя генерал-майора Ф. Д. Захарова. Но сил для задержания наступавших вражеских войск оказалось мало. Это были малочисленные 126-я стрелковая дивизия, очень слабая 17-я кавалерийская дивизия, 25-я танковая бригада, имевшая 12 танков, причём только четыре из них — Т-34. Подвергшиеся удару немцев части 30-й армии — 107-я дивизия числом около трехсот человек и 58 танковая дивизия, не имевшая танков, — были отброшены и рассеяны. Собрав всё, что только можно, Ф. Д. Захаров всё же организовал оборону самого города. К. К. Рокоссовский приказал начальнику штаба армии прислать в район Клина генерала И. В. Казакова с артиллерией для борьбы с танками. Но оказалось, что, несмотря на героическое сопротивление группы генерала Ф. Д. Захарова, на исходе 23 ноября противник овладел Клином, однако его попытки быстро развить успех на восток встретили упорное и организованное сопротивление. Ф. Д. Захаров, при всей малочисленности имевшихся в его руках сил, вынудил немцев вести тяжёлые бои.

Чтобы не подвергать наши войска угрозе окружения, в ночь на 24 ноября их пришлось отвести на следующий тыловой рубеж. После тяжёлых сражений 16-я армия отошла от Клина. В связи с потерей Клина образовался разрыв между 16-й и 30-й армиями, который прикрывался лишь слабой группой наших войск.

Наиболее опасная обстановка сложилась в районе Ленинградского шоссе. Захватив Солнечногорск, враг двигался к Москве. Резервов в армии не было. Собирали войска, ослабляя оборону на других участках.

«Для сдерживания противника до подхода резервных соединений в район Клина и Солнечногорска были брошены три оперативно-инженерные группы, созданные по приказу Ставки

за счёт объединения саперных и инженерных батальонов. Сапёры разрушали Ленинградское шоссе и дороги, шедшие от него на восток, взрывали мосты, устанавливали мины и фугасы, устраивали завалы»¹⁹. Общими усилиями наступление немецких дивизий из района Солнечногорска было задержано на пять суток.

Командующий фронтом Г. К. Жуков делал все возможное, чтобы хоть немного подкрепить ослабевшие войска, но при этом не втягивать в бой по частям прибывающие стратегические резервы. Они решением Ставки стягивались к Москве, к районам наибольшей опасности. Для этого требовались строгий расчёт и огромная выдержка.

Восточнее Клина остановить немцев не удалось. Под натиском 3-й танковой группы соединения и части, действовавшие на левом фланге 30-й армии, отходили к северу. На её стыке с 16-й армией образовался разрыв, через который вражеские части развили наступление в направлении канала Москва—Волга. В ночь на 28 ноября они захватили мост через канал у Яхромы и образовали плацдарм на восточном берегу.

29 ноября в состав войск правого крыла Западного фронта переданы из резерва Ставки ВГК 1-я ударная армия (генерал-лейтенант В. И. Кузнецов) и 20-я армия (генерал-майор А. А. Власов); усилены свежими частями за счёт других армий фронта и Московской зоны обороны 30-й и 16-й армии. Г. К. Жуков сразу же ввёл их в сражение между 30-й и 16-й армиями. Контрударом части сил 1-й ударной армии прорвавшаяся через канал Москва—Волга группировка противника была отброшена на западный берег. Активные действия 20-й армии сковали врага на рубеже, проходившем через Красную Поляну.

В то же время 4-я танковая группа усилила давление на 16-ю армию и потеснила ее части. 30 ноября противник занял посёлок Красная Поляна, подойдя к столице на пушечный выстрел. Днём и ночью шли бои на территории современного аэропорта Шереметьево, железнодорожной станции Крюково, Дедовска (14 км юго-восточнее Истры)²⁰.

Особенно опасная обстановка создалась в 16-й армии в районах Крюкова (ил. 2) и Нахабина, где сильно ослабленные боями 8-я, 9-я гвардейские и 19-я стрелковые дивизии вели поистине героическую борьбу с главными силами 4-й танковой группы противника²¹. К исходу дня, когда фашисты заняли посёлок Красная

Ночью — это было в конце ноября — Рокоссовского вызвал к ВЧ на КП Крюково Верховный Главнокомандующий. Он спросил, известно ли ему, что в районе Красной Поляны появились части противника. И какие принимаются меры, чтобы их не допустить в этот пункт. Сталин особенно подчеркнул, что из Красной Поляны фашисты могут начать обстрел столицы крупнокалиберной артиллерией. К. К. Рокоссовский доложил, что знает о выдвижении передовых немецких частей севернее Красной Поляны и подтянул сюда свои силы с других участков. Верховный Главнокомандующий информировал его, что Ставка

Ил. 3. Парадный мундир с наградами дважды Героя Советского Союза Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского

распорядилась об усилении этого участка и войсками Московской зоны обороны²³. Вскоре начальник штаба фронта В. Д. Соколовский сообщил о выделении из фронтового резерва танковой бригады, артполка и четырех дивизионов «катюш» для подготовки нашего контрудара.

С утра началось наступление. Наши части, поддержанные сильным артиллерийским огнём и мощными залпами «катюш», атаковали врага, не давая ему закрепиться. К исходу дня немцы были выбиты из Красной Поляны.

4 декабря обстановка под Москвой достигла наивысшего напряжения. Наступательные возможности противника иссякли. 16-я армия, удерживая занимаемые рубежи, наносила

удары в направлении Крюкова, Шеметова, Рождествена. При этом 8-я гвардейская стрелковая дивизия с приданными ей 159-м полком 7-й гвардейской стрелковой дивизии и 1-й гвардейской танковой бригадой вела ожесточённый уличный бой в Крюкове. Бой шёл за каждый дом. К 17 часам дивизия заняла юго-восточную окраину Крюкова и вела борьбу за западную окраину поселка.

«За двадцать дней второго наступления противник продвинулся на 80—90 км севернее Москвы и на 110 км к югу от неё. К 5 декабря противник был окончательно остановлен в 15—20 км от главного рубежа Московской зоны обороны (современной границы Москвы)»²⁴. Советские войска сумели остановить мощную немецкую группировку буквально у стен столицы, укротив вражеский «Тайфун». Завершился оборонительный период Московской битвы. План окружения и захвата советской столицы потерпел провал. Противник под Москвой был остановлен окончательно. Главную тяжесть в борьбе с врагом на западном и северо-западном направлении несла 16-я армия Западного фронта.

В экспозиции Центрального музея Вооружённых Сил Российской Федерации широко представлены личные вещи, оружие, фотографии воинов 16-й армии, среди них: парадный мундир с наградами (ил. 3), кортик офицерский дважды Героя Советского Союза Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского (ил. 4); шинель командира 8-й гвардейской стрелковой дивизии Героя Советского Союза генерал-майора И. В. Панфилова (ил. 5); башлык и кавказская шашка командира 2-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майора Л. М. Доватора (ил. 6);

Ил. 4. Кортик офицерский дважды Героя Советского Союза Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского

Ил. 5. Шинель генерал-майора И. В. Панфилова

Ил. 6. Башлык и кавказская шашка генерал-майора Л. М. Доватора

Ил. 7. Кавалерийское седло генерал-майора И. А. Плиева

Ил. 8. 7,62 мм пистолет-пулемёт Шпагина (ППШ) обр. 1941 г. автоматчика 23-го гвардейского стрелкового полка 8-й гвардейской стрелковой дивизии А. Тагаева

Ил. 9. Военсовет 16-й армии. 1941 г. Фотофонд ЦМВС РФ. № 3/28436

кавалерийское седло командира гвардейской кавалерийской дивизии генерал-майора И. А. Плиева (ил. 7); 7,62-мм ППШ обр. 1941 г. автоматчика 23-го стрелкового полка 8-й гвардейской стрелковой дивизии А. Тагаева (ил. 8), фотографии Военного совета 16-й армии (ил. 9), командира танковой роты старшего лейтенанта Д. Ф. Лавриненко, политрука 4-й роты 2 батальона 1075-го стрелкового полка В. Г. Клочкова с дочкой и другие.

Неумолим бег времени. На смену одним поколениям приходят другие. Но человеческая память навсегда сохранит для потомков имена героев, тех, кто отстаивал Москву.

¹ Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1972. С. 51, 54.

² Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: В 12 т. М., 2012. Т. 3. С. 53–54.

³ Рокоссовский К. К. Солдатский долг. С. 60.

⁴ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Т. 1. С. 176.

⁵ Там же. Т. 3. С. 56.

⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: В 2 т. М., 2009. Т. 2. С. 18.

⁷ Там же. С. 74.

- ⁸ Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: Военно-исторические очерки: В 4 кн. М.: Наука, 1998. Кн. 1. С. 250.
- ⁹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 29—30.
- ¹⁰ ЦАМО. Ф. 158. Оп. 5916. Д. 64. Л. 84—87.
- ¹¹ Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 240—241.
- ¹² Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Летне-осенняя кампания 1941 г. С. 280.
- ¹³ Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: В 12 т. Т. 3. С. 68.
- ¹⁴ Рокоссовский К. К. Солдатский долг. С. 79.
- ¹⁵ Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: В 12 т. Т. 1. С. 188.
- ¹⁶ Там же. Т. 3. С. 68.
- ¹⁷ Документальный фонд Центрального музея Вооружённых Сил Российской Федерации. Д. 8/225. С. 5—6.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Московская битва в хронике фактов и событий. М., 2004. С. 217.
- ²⁰ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 19. Л. 357. Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. С. 92.
- ²¹ Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1964. С. 117.
- ²² Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: В 12 т. М., 2012. Т. 3. С. 84.
- ²³ Рокоссовский К. К. Солдатский долг. С. 95.
- ²⁴ Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: В 12 т. Т. 3. С. 85.

Д. А. Савченко (Новосибирск)

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ВОЙНЫ В ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

1 • ВОЙНА ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ сложное социальное явление, имеющее, наряду с иными, и своё юридическое измерение. Изучение правовой природы войны предполагает определение её роли и места в механизме правового воздействия на общественные отношения, её взаимодействия с иными элементами правовой системы общества. Соответствующие исследования требуют сочетания теоретико-правовых и историко-правовых подходов к проблеме. При этом изучение генезиса войны как правового явления порождает необходимость анализа её базовых юридико-антропологических характеристик с позиций основных функций права — регулятивной и охранительной. В качестве средства реализации этой последней функции и должна, по нашему мнению, рассматриваться война.

В. В. Лазарев отмечал, что охрана правовых требований как часть реализации права «представляет собой осуществление... тех норм, которые установлены на случай нарушения первичных предписаний», с объективной стороны реализация права «представляет собой совершение в известной последовательности, в сроки и в месте предусмотренных нормами права правомерных действий. Сюда же относится применение соответствующих орудий и средств осуществления правовых предписаний»¹. Совокупность всех правовых средств, в которых проявляется охранительная функция права и с помощью которых обеспечивается охрана признаваемых ценными социальных связей, образует механизм правовой охраны общественных отношений, важным элементом которого в истории средневековой Руси была война.

2. Все функции права связаны с приданием правового характера определённым видам социальной деятельности, которые существуют и вне права, в том числе социальному убеждению и социальному принуждению. Механизм правовой охраны общественных отношений формировался вокруг социального принуждения, которое в результате упорядочения получало форму принуждения легитимного (правового)². Его главный отличительный признак — соответствие господствовавшему в обществе на определённом этапе его развития представлению о справедливости. Не случайно, как отметила Н. М. Золотухина, для обозначения организации жизни в стране на основах справедливости в Московском государстве XVI в. применялся термин «правда». Если в раннем Средневековье «правда» могла пониматься как частичная реализация «закона» через посредство княжеских актов, то в позднее Средневековье термин «правда» расширил своё содержание и стал пониматься в значении высшей справедливости³.

Именно справедливое принуждение образует фактическое волевое содержание специализированных правоохранительных средств. С этой точки зрения правовое принуждение призвано реализовать справедливые ограничения, т. е. «сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрсубъекта и общественных интересов в охране и защите; ...установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определённых возможностей в деятельности лица»⁴.

Как и другие виды принуждения, правовое принуждение по своей направленности разделялось на положительное (поддержка охраняемых отношений) и отрицательное (вытеснение отношений, противоречащих охраняемым). Первоначально последнее носило в основном массовый характер. Именно массовое принуждение подвергалось регулированию — в форме обычаев, а затем и договоров. Индивидуальное принуждение рассматривалось как часть массового и регламентировалось только в объёме общих принципов.

Первоначально правовое принуждение проявлялось прежде всего в регламентированных обычаями архаичных мерах (изгнание, месть и др.). Вместе с тем, основной формой массового вытесняющего принуждения и наиболее эффективным охранительным средством в политически организованном обществе становится справедливая война.

Генетически она происходила из мести, дополненной регламентирующими элементами религиозного характера (реализация клятвы, божий суд). По общему правилу, военный победитель получал освящённое богами право распоряжаться жизнью и имуществом побеждённого. Геродот в своей «Истории» так описывал военные обычаи скифов (IV. 64): «Когда скиф убивает первого врага, он пьёт его кровь. Головы всех убитых им в бою скифский воин приносит царю. Ведь только принёсший голову врага получает свою долю добычи». Обычаи тавров Геродот описывал следующим образом (IV. 103): «С захваченными в плен врагами тавры поступают так: отрубленные головы пленников относят в дом, а затем, воткнув их на длинный шест, выставляют высоко над домом... Эти висящие над домом головы являются, по их словам, стражами всего дома»⁵.

С развитием экономики часть пленников обращалась в лишённых свободы рабов, используемых победителями. Применительно к средневековой Руси Б. И. Сыромятников в 1940 г. отмечал, что с началом социальной дифференциации древнерусского общества выделение класса профессиональных воинов способствовало тому, что рабы превратились в важную часть военной добычи, за счёт которой существовали дружинники⁶.

3. По поводу понимания правовой природы войны в истории средневековой Руси следует отметить некоторые сложности ментального характера. Ведь сегодня общепризнанным является положение о том, что война не входит в число правомерных средств разрешения споров между субъектами внутригосударственных и международных отношений. Основания применения этого средства в настоящее время носят исключительный характер. Принудительные меры, связанные с использованием вооружённых сил, допустимы только в отдельных, предусмотренных статьями 39 и 51 Устава Организации Объединённых Наций случаях в качестве инструмента обеспечения международной безопасности или законной самообороны государства.

Однако, как мы уже имели возможность отмечать⁷, вплоть до начала XX в. отношение к войне было иным — война считалась одним из обычных, хотя и нежелательных в силу своей разрушительности, правоохранительных средств. Так, основоположник науки международного права Ф. Ф. Мартенспо этому поводу писал, что война — это «вооружённая борьба между независимыми государствами для охранения принадлежащих им прав

и интересов»⁸. В. П. Даневский рассматривал войну как юридический процесс, отметив: «Война — есть тот же судебный поединок, который встречается в гражданском и уголовном процессе на известной, ныне уже пережитой... ступени развития... Война фактически разрешает спор о праве»⁹. А исследователь истории зарождения международного права М. А. Таубе указывал, что в литературе война нередко характеризуется как «насильственное юридическое средство защиты правового порядка между государствами»¹⁰.

В развитие этих идей В. Э. Грабарь отметил, что вплоть до нового времени «в научных системах война рассматривается как средство восстановления нарушенных и выяснения спорных правоотношений, т. е. как юридический процесс между государствами. Основанием такого взгляда было общераспространённое у первобытных народов, господствовавшее и в средневековой Европе представление, что правовые споры могут и должны решаться путем физического состязания. Войны, которые велись в защиту права, считались справедливыми, законными»¹¹.

При сохранении ведущей роли войны в системе охранительных средств со временем формируются и невоенные средства принуждения. К ним относятся, в частности, реторсии, эмбарго, мирная блокада, репрессалии (в том числе корсарство). Распространённые в Средние века репрессалии в форме захвата частным лицом имущества иностранца в качестве возмещения за вред, причинённый ему одним из соотечественников этого иностранца, были основаны на принципе коллективной ответственности. Репрессалии не могли применяться к иностранцам, получившим специальные охранные грамоты¹².

Но наиболее значимым из невоенных средств принуждения на определённом этапе политического развития становится наказание (казнь) за преступление. Оно демонстрировало (показывало) неблагоприятные последствия определённого поведения и тем самым закрепляло в общественном сознании соответствующую модель-запрет, внушало общую норму. При этом считалось, что высшим авторитетом, который «открывает» людям эти последствия, являются боги, которые тем самым демонстрировали и свою силу. По этому поводу старец Псковского Елиазарова монастыря Филофей разъяснял, что все перемены во вселенной может совершать только Бог, который один способен наказать людей в случае их несправедного поведения¹³.

Основанием наказания признавалось несоблюдение обязательств, которые люди принимают на себя в обмен на покровительство богов. Наказание демонстрировало последствия такого несоблюдения — лишение божественной защиты.

Первоначально наказания рассматривались как продолжение военных мер принуждения, и лишь в последующем — как самостоятельные. Об этом свидетельствует, в частности, этимология наименований государственных преступлений в древнем Риме. Одной из отличительных черт римского права было признание антигосударственного заговора, бунта и тому подобных деяний, совершаемых «против римского народа или его безопасности», в качестве особой категории преступлений. Исторически первыми государственным преступлениями здесь были преступления *perduellio*¹⁴ (от лат. *duellum* — поединок), т. е. поединок, «выходящий за пределы нормы», «незаконная» война, «дурная, плохая война», причем словом *perduellis* (от лат. *Per* — очень и *duellis*— *враг*)¹⁵ здесь называли как врага, так и того римлянина, который действовал вместе с врагом. *Perduellio* означало «войну против римского народа», в том числе действия гражданина против Рима, выражавшиеся в агитации против государственного устройства или в установлении союза с внешним врагом, в том числе в форме *proditio* (сообщение, выдача, разглашение). Осуждённого подвергали бичеванию, окутав голову, а затем вешали на *arborinfelix* («дерево с чёрными плодами, посвящаемыми подземным богам»), т. е. на виселице¹⁶. В последующем такие преступления стали характеризоваться как «преступления против величия» или «оскорбление величия» (*crimenmajestatis*).

4. Анализ антропологических аспектов формирования механизма правовой охраны показывает, что его зарождение и эволюция были связаны с использованием архаичных моделей принуждения (месть) в новых комплексных качествах (война, наказание). Эволюция архаичных правоохранительных средств представляла собой их модернизацию, вела к повышению их разнообразия и уровня системности. Интересы безопасности стимулировали развитие права.

Месть как средство охраны общественных отношений с возможностью её замены в ряде случаев материальным возмещением упомянута в летописных пересказах договоров Руси с Византией X в., Правды Русской XI в., а также в других источниках¹⁷.

В древнерусском общественном сознании месть, вероятно, рассматривалась как обязанность всей группы и дело чести каждого её члена, а мститель был возведён на одну из высших ступеней социального идеала, откуда славянское имя Мстислав — «славный мостью». Месть активно использовалась для защиты интересов субъектов политической власти. При этом вероломная изобретательность и жестокость являлись её нормальными элементами. Это наглядно показывают легендарное сообщение (по «Повести временных лет») о мести княгини Ольги древлянам за гибель её мужа князя Игоря (945—946)¹⁸, а также летописные сообщения о мести князя Ярослава (1015) новгородцам за «избиение» княжеской дружины¹⁹. Месть была применена также для убийства волхвов («мстите своих»)²⁰, убийства Васильковичами бояр, признанных виновными в клевете на князя Василька Требовльского (1097)²¹, и других случаях.

Наряду с мерами индивидуального принуждения, на мотивах мести, судя по сообщениям источников, базировались и меры принуждения коллективного характера. Именно месть лежала в основе и такой формы массового вытесняющего принуждения как война, которая уже в архаичном обществе переходного к политической стадии периода становится наиболее эффективным средством защиты интересов участников нарождающихся политических отношений. Не случайно легендарная месть княгини Ольги древлянам непосредственно переросла в военный поход против древлян, захват и сожжение их столицы Искоростеня.

5. Как социальный институт война явилась результатом эволюции нескольких социальных явлений. Генетически война была производна от совместной охоты²² и других совместных действий по добыванию материальных благ. Охота была связана с причинением смерти зверю как «носителю» необходимых для группы ресурсов и содержала опасность гибели самих охотников. Когда уровень экономического развития общества позволил создавать и накапливать излишки материальных благ, возникла «охота» на эти запасы, а также на потенциальных создателей таких излишков — рабов.

Одновременно с этим возникает необходимость объяснить и оправдать возможность причинения в ходе войны смерти другим людям, т. е. нарушения одного из основополагающих социальных запретов — запрета на причинение вреда окружающим.

Такое объяснение осуществляется на основе другого основополагающего принципа — принципа воздаяния — с привлечением нормативной модели традиционной мести²³.

Война с иной группой, убийство её представителей и захват её имущества стали оправдываться причинением этой группой вреда или исходящей от нее угрозой причинения вреда, и поэтому она стала трактоваться как охранительное средство.

В последующем религиозные культы создали возможность рассматривать войну в качестве формы реализации воли богов, именем которых осуществлялась клятва (при действительном или мнимом ее несоблюдении), а также в качестве формы божьего суда для решения вопроса о правом и виноватом — коллективного судебного поединка.

6. По результатам одного из наших исследований мы уже отмечали²⁴, что летописи упоминают о войнах, начиная с самых первых сообщений о событиях, связанных с формированием древнерусского государства. Уже призвание Рюрика трактуется в «Повести временных лет» как результат начавшейся войны между племенными объединениями ильменских словен, кривичей, мери и чуди: «...И не бе в них правды, и вста род на род, и быша в них усобтце, и воевати почаша сами на ся»²⁵.

Русские летописи свидетельствуют о том, что военные походы княжеских дружин происходили почти ежегодно, а иногда и по несколько раз в году. Не случайно летописец (под 1148 г.) зафиксировал сформулированную русскими князьями констатацию: «то есть было прежде дед наших и при отецих наших, мир стоит до рати, а рать до мира». При этом князья не рассматривали военное нападение как личную обиду²⁶.

На Руси война («рать») была главным обычным средством защиты политических и связанных с ними семейных прав и интересов. Утверждение М. А. Таубе о том, что «средневековые войны... суть по общему правилу войны из-за права»²⁷, в полной мере можно отнести и к средневековой Руси.

О правомерности войны свидетельствовало наличие справедливых причин и соблюдение обычаев её начала и завершения. Например, князь Изяслав Мстиславович (1147) так обосновывал собственную правоту в войне с князьями Олеговичами: целовали вы мне крест и вот вы, братья, крест преступили — «убити мя хотяче; да буди со мной бог и сила животворящаго хреста, а како ми Бог даст»²⁸.

Война по обычаю объявлялась через послов с соблюдением определённых ритуалов. После принятия христианства в качестве государственной религии выражение «отбросить крестную грамоту» («поверже», «взверже», «положа») означало объявить войну за несоблюдение обещаний, данных под присягой²⁹.

Война завершалась мирными переговорами через послов. Так, описывая завершение военного похода руссов на Византию (907), летопись указывает: «Олег же, мало отступи(в) от града, нача мир творити со цесарьма Грецкима..., посла к ним в град Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида, глаголя “Имите ми ся по дань”»³⁰.

Мир скреплялся торжественной присягой — языческой («рота») или христианской: «целовали крест» в церкви. Сведения об основном содержании христианской присяги можно почерпнуть из летописного пересказа договора Руси с Византией 944 г.: «укрепить дружбу... на все годы (до тех пор), пока сияет солнце и существует самый мир. А если... замыслит нарушить эту дружбу, то пусть те... получают от вседержителя бога возмездие и осуждение на погибель и в этом мире и в загробном». «Клянёмся церковью святого Ильи в соборной церкви, предлежащим честным крестом...»³¹.

Проведённое нами изучение источников позволило сделать вывод о том, что в Древней Руси война считалась обычным средством защиты прав и интересов участников политических отношений. При этом справедливой признавалась война, предпринятая в ответ на правонарушение противоположной стороны и проведённая с соблюдением сложившихся обычаев. Среди таких обычаев могут быть выделены правила, определяющие средства и способы ведения войны, порядок начала и окончания войны и военных действий, заключения мирных договоров, обращения с побеждёнными, поведения в воинском коллективе.

По своему содержанию, средствам и способам ведения война допускала применение к неприятелю и его подданным неограниченных мер уничтожения и разрушения. Побеждённые были обязаны предоставить «плату за мир», пленные попадали в полную власть победителя: они могли быть убиты, обращены в неволю, переселены на другое место жительства. Начало войны предполагало её объявление, которое после принятия христианства в качестве государственной религии получило форму возвращения «крестных грамот». Проведение переговоров обеспечивалось заложниками. Мирный договор скрепляла религиозная присяга³².

Указанные обычаи в дальнейшем дополнялись и уточнялись новыми нормами, появление которых было обусловлено сложными явлениями и бурными политическими событиями эпохи русского Средневековья.

7. В заключение еще раз подчеркнём, что генезис войны как правового явления стал важной частью социальной эволюции мер легитимного принуждения.

Первоначально легитимное принуждение регулировалось обычаями и носило прежде всего массовый характер. Основной формой массового вытесняющего принуждения была война («рать»), справедливость которой основывалась на принципе воздаяния с привлечением нормативной модели традиционной мести — убийство представителей иной социальной группы и захват их имущества оправдывался причинением ими вреда или исходящей от них угрозой причинения вреда.

Религиозные культы создали возможность рассматривать войну в качестве формы реализации воли богов, именем которых осуществлялась клятва (при действительном или мнимом её несоблюдении), а также в качестве формы божьего суда для решения вопроса о правом и виноватом — коллективного судебного поединка.

В эпоху русского Средневековья (на протяжении X — первой половины XVII в.) справедливая война была основным средством защиты политических интересов субъектов политических отношений, политического строя русских земель и княжений, внешней и внутренней безопасности русского государства. Ведь в связи с тем, что угрозу безопасности государства, в первую очередь, создавали массовые посягательства, средства защиты от них носили, прежде всего, характер массового вытесняющего — военного — принуждения. Война («рать») в политической сфере играла роль основного правоохранительного средства, а юридическая модернизация закрепила представления о ней как форме реализации воли богов и коллективном судебном поединке.

С точки зрения юридических источников (форм) права легитимность войны регламентировалась правовыми обычаями, а в последующем также религиозными нормами, договорами, а затем и законом (Соборное уложение 1649 г.). Соборное Уложение 1649 г. подкрепило установленный крестоцеловальными записями конца XVI — начала XVII в. всеобщий запрет «хотения инога государя» и «подыскания государства», закрепив

смертную казнь за «сбор рати» для антигосударственного «злого умышления» (гл. II).

Законной согласно Уложению считалась только такая война, когда «изволит государь кому своему государеву недругу мстити недружбу, и укажет послати на них своих государевых бояр и воевод» (гл. VII ст. 1). Тем самым война по своему правовому характеру была признана разнovidностью «официальной (государственной) мести», а ее основанием считалась «недружба государю».

Тем самым Уложение нормативно закрепило фактически бессрочный запрет на «сбор рати» во всех случаях, когда на это не имелось указания или разрешения царя. Это фактически означало и полный запрет несанкционированных верховной властью военных действий (запрет внутренней войны). Средневековое право на «частную войну» упразднилось.

¹ Лазарев В. В. Применение советского права. Казань, 1972. С. 5–7.

² См.: Алексеев С. С. Общая теория права: В 2 т. М.: Юрид. лит., 1981-1982. Т. 1. С. 278–280.

³ Золотухина Н. М. Политико-правовая мысль XVI в.: Максим Грек о правде, справедливости, законности и правосудии. М., 2018. С. 249.

⁴ Малько А. В., Шундилов К. В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003. С. 170.

⁵ Геродот. История. Л., 1972. С. 202, 213.

⁶ См.: Сырых В. М., Стадников А. В. Историография права и правосудия в Древней Руси // История суда и правосудия в России: в 9 т. Т. 1: Законодательство и правосудие в Древней Руси (IX – середина XV века). М., 2016. С. 56.

⁷ Савченко Д. А. Политико-правовая природа и обычаи войны в Древней Руси // Вопросы безопасности. 2018. № 1. С. 60–61.

⁸ Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов / Под ред. В. А. Томсинова. М., 2008. Т. 2. С. 196.

⁹ Даневский В. П. Пособие к изучению истории и системы международного права. Вып. 2. Харьков, 1892. С. 69, 91.

¹⁰ Таубе М. А. История зарождения современного международного права (Средние века): Часть особенная. Харьков, 1899. Т. 2. С. 148.

¹¹ Грабарь Вл. Право войны // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIVa: Полярные сияния — Прая. СПб., 1898. С. 875.

¹² См.: Таубе М. А. История зарождения современного международного права... С. 111–144.

¹³ Золотухина Н. М. Политико-правовая мысль XVI в.: Максим Грек о правде, справедливости, законности и правосудии. М., 2018. С. 299.

¹⁴ Лат. *perduellis* — неприятель; *perduellio* — 1) нападение, вторжение; 2) измена отечеству. См.: Дыдынский Ф. М. Латинско-русский словарь к источникам римского права. М., 1998. С. 403.

¹⁵ Лат. *perduellis* — неприятель. См.: Дыдынский Ф. М. Латинско-русский словарь к источникам римского права. С. 403.

¹⁶ Реальный словарь классических древностей: По Любкеру. СПб., 1885. С. 1005—1006.

¹⁷ Памятники российского права: В 35 т. М., 2013. Т. 1. Памятники права Древней Руси. С. 395.

¹⁸ Повесть временных лет / Подгот. текста Д. С. Лихачева: В 2 ч. М.; Л.: Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1950. Ч. 1. С. 40—42; Коптев А. Летописная месть княгини Ольги древлянам и ритуал погребения русского князя // *Centaurus: Studia classica et mediaevalia*, vol. 4. М., 2008. С. 135—137.

¹⁹ Князь Ярослав привёл в Великий Новгород «из-за моря» варягов, которые «насилые творяху новгородцем и женам их». После этого «вставше новгородци, избиха варягы во дворе Поромони. И разгнеवास Ярослав, и шедна Роком, седе во дворе. Послав к новгородцем, рече: “Уже мне сих не кресити”. И позва к собе нарочитые мужи, иже бяху иссекли варягы, и обльстив я исече» (Повесть временных лет... С. 95).

²⁰ Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1908. Т. 2. Стб. 164—168.

²¹ Повесть временных лет... С. 177.

²² Не случайно, например, «военная организация монголов была тесно связана с правилами облавной охоты, обеспеченными системой наказания... Чингисхан придавал большое значение охоте, сравнивая управление облавной охотой с функцией военачальников» (Дугарова С. Ж. Историография монгольского государства и права (XIII — начало XIX в.). Улан-Удэ, 2016. С. 61).

²³ Обзор средневековых теорий справедливой войны (война оборонительная, отнятие неправильно захваченного, отомщение за обиду) см.: Таубе М. А. История зарождения современного международного права... С. 164—167.

²⁴ Савченко Д. А. Политико-правовая природа и обычаи войны в Древней Руси... С. 61—67.

²⁵ Повесть временных лет... С. 18.

²⁶ Например, в данном случае они объяснили войну желанием выручить брата: «Жаль бо есть брата Игоря, а того есмы искали» (Ипатьевская летопись... Стб. 364).

²⁷ Таубе М. А. История зарождения современного международного права (Средние века): Часть особенная. Т. 2. С. 170.

²⁸ Ипатьевская летопись... С. 32.

²⁹ Ипатьевская летопись... С. 20, 32, 72

³⁰ Памятники российского права. В 35 т. Т. 1. Памятники права Древней Руси. М., 2013. С. 406.

³¹ «...Створити любовь... на вся лета, дондежесияеть солнце и весь мир стоить. Иже помыслить... разрушити таку любовь, ...да примуть месть от бога вседержителя, осуженье на погибель в сии век (и) в будущи»; «...Кляхомся церковью святого Ильи в соборней церкви и предлежащем честным крестом...» (Памятники российского права: В 35 т. Т. 1. С. 414, 418).

³² Савченко Д. А. Политико-правовая природа и обычаи войны в Древней Руси... С. 67—68.

А. С. Семёнов (Санкт-Петербург)

ПОЛЬСКИЕ ЧАСТИ КРАСНОЙ АРМИИ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

ПОЛЬСКИЕ ЧАСТИ Красной армии были самыми многочисленными из иностранных частей, принимавших участие в гражданской войне на территории Советской республики. В составе Красной армии из поляков были сформированы крупные войсковые соединения всех родов войск. Это было связано с наличием в составе русской императорской армии крупных польских соединений, личный состав которых после Октябрьской революции 1917 г. перешёл на сторону Советской власти. Их формирование проводилось на всей территории Советской республики, польские части и соединения принимали самое активное участие в боевых действиях на всех фронтах гражданской войны.

С конца 1917 г. революционные польские части совместно с частями Красной армии принимали участие в боях против Л. Г. Корнилова и А. И. Деникина на Дону. В период ноября—декабря 1917 г. польские части в количестве до 4000 бойцов совместно с Петроградским и Харьковскими отрядами Красной гвардии вели ожесточённые бои в районе ст. Тамаровки близ Новочеркаска и населённых пунктов Сажное и Крапивное.

Зимой 1917 г. был сформирован 1-й Польский революционный батальон, входивший в состав 1-го Революционного полка имени Минского Совета, вслед за которым зимой 1918 г. из бывших солдат 1-го Польского корпуса был сформирован 2-й Польский революционный батальон. В Витебске вёл боевые действия Польский революционный дивизион, насчитывающий весной 1918 г. до 690 бойцов.

После начала немецкого вторжения (18 февраля 1918 г.) Совет Народных Комиссаров обратился к народу с написанным В. И. Лениным воззванием «Социалистическое отечество в опасности». На этот призыв откликнулось много поляков. Для защиты молодой Советской республики продолжилось формирование польских частей Красной Армии. Они создавались в Петрограде, Туле, Воронеже, Борисоглебске, Нижнем Новгороде¹. В составе Красной армии были сформированы: Варшавский польский пехотный революционный полк в составе 1000 бойцов с артиллерией и кавалерией; Люблинский полк; 1-й Польский пехотный полк и 1-й Польский эскадрон; Мазовецкий уланский полк Западной стрелковой дивизии; Варшавский гусарский полк 1-й стрелковой бригады Западной стрелковой дивизии.

22 марта 1918 г. на базе бывшего Белгородского полка завершилось формирование новой воинской части Красной армии — 1-го Революционного полка Красной Варшавы. Командиром полка был назначен поручик Станислав Жбиковский. Помимо 1-го Революционного полка Красной Варшавы, на базе Белгородского полка были сформированы Отдельная сводная караульная дружина, предназначенная для несения караульной службы в Москве, и целый ряд других польских подразделений. В ночь с 11 на 12 апреля 1918 г. отряд солдат из состава полка участвовал в проводившейся ВЧК ликвидации очагов мятежа анархистов в Москве. 1-й Революционный полк Красной Варшавы участвовал в состоявшемся 1 мая 1918 г. первом параде Рабоче-крестьянской Красной Армии в Москве. Формирование полка было проведено в сжатые сроки, и после принятия личным составом присяги 11 мая 1918 г. он был приведён в полную боевую готовность. Из его состава постоянно выделялись караульные команды для охраны продовольственных грузов, реквизиции запасов продовольствия, находящихся у частных организаций и лиц. На базе полка производилось формирование отрядов и отправка их на фронты². 1 июня 1918 г. в состав полка были включены в качестве отдельного батальона остатки 1-го Польского пехотного полка Советских войск Армии Южных Республик. Хотя основной состав полка составляли поляки, с начала своего формирования полк складывался как интернациональная часть. Помимо русских и уроженцев земель, соседних с Польшей, в него зачислялись югославы; ещё в мае 1918 г. в него были приняты 90 китайцев, позднее в полку был сформирован мусульманский взвод

и Восточный китайский батальон. В полку служили итальянцы, австрийцы, словаки и чехи.

В июле 1918 г. польские части Красной армии приняли участие в подавлении мятежа левых эсеров в Москве и Ярославле³.

В основном польские части Красной армии входили в состав Советской Западной армии. В ноябре 1918 г. все польские части Западной дивизии, за исключением 1-й польской бригады, находившейся на Южном фронте, были переданы в распоряжение командования Советской Западной армии. Они приняли участие в боях за Белоруссию.

1-й Польский пехотный полк

1-й Польский пехотный полк начал своё формирование в апреле 1918 г. в составе 4-й армии Южных республик согласно приказу № 3 от 24.04.1918 г. командующего войсками Советских войск Южных Республик и начальника отдела по формированию добровольческих польских войск от 25.04.1918 г. Его укомплектование проводилось добровольцами поляками. 1 июля 1918 г. приказом Московского окружного комиссариата № 221 1-й Польский пехотный полк был переформирован в 2-ротный батальон в составе Варшавского революционного полка с местом дислокации в Москве.

В ноябре 1918 г. Реввоенсовет республики в своём приказе № 115 разрешил всем беженцам и уроженцам Польши, Литвы и Белоруссии переводиться, по их желанию, из других частей Красной армии в Западную дивизию⁴, в состав которой входило много польских частей и подразделений. В Витебске был сформирован 4-й Варшавский пехотный полк, имевший в своём составе около 1000 бойцов. В состав Воронежской пехотной дивизии 3-й армии Южного фронта входили сформированные из поляков Красный Люблинский полк и Варшавский пехотный полк, в Орле был сформирован Польский батальон, в Саратове действовала Польская боевая дружина⁵.

Западная Советская дивизия

3 августа 1918 г. приказом военного командования Советской республики Станиславу Жбиковскому было поручено приступить к формированию Западной Советской дивизии (Западной

стрелковой дивизии). Кроме 1-го революционного полка Красной Варшавы, основой дивизии также стала Отдельная сводная караульная дружина, которая была переформирована в боевую часть — Люблинский пехотный полк. При дивизии были сформированы инструкторские курсы для подготовки командного состава. Уже 22 августа 1918 г. была сформирована 1-я бригада дивизии в составе 1-го Варшавского и 2-го Подляского стрелковых полков, Варшавского гусарского полка и лёгкого артиллерийского дивизиона. Командиром бригады был назначен Роман Лонгва, комиссаром — В. Сцибор. В сентябре началось формирование 2-й бригады дивизии в составе 3-го Люблинского, 4-го Варшавского, 6-го Гродненского полков, а в октябре 1918 г. — 3-й бригады. Формирование Западной дивизии происходило тогда, когда отдельные её части вели боевые действия против контрреволюционеров, когда, как и ранее, на фронт из состава дивизии направлялись специальные отряды и группы.

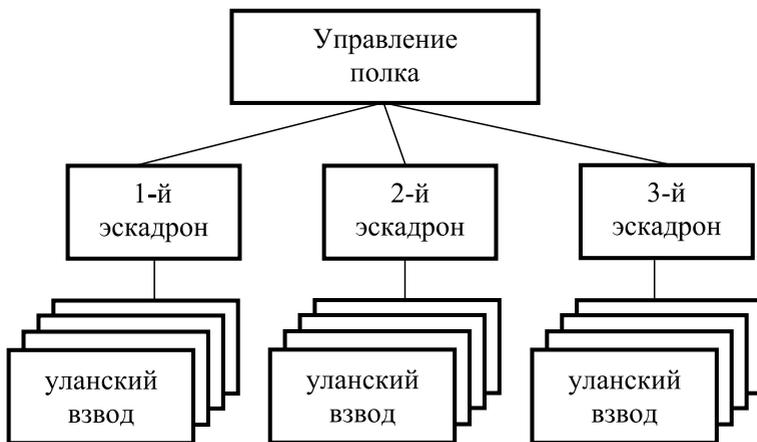
В июле 1919 г. приказом по 16-й армии Западная стрелковая дивизия была переименована в 52-ю стрелковую дивизию, 1-й Варшавский стрелковый полк — в 460-й стрелковый полк, 2-й Люблинский стрелковый полк — в 461-й стрелковый полк. В отношении Западной стрелковой дивизии эта линия объективно вытекала из того, что с лета 1919 г. её комплектование лишь в небольшой степени происходило за счёт поляков. В октябре 1919 г., после взятия Белой армией Курска и Воронежа, 52-я стрелковая дивизия в соответствии с принятым Центральным Комитетом партии решением о переброске войск на Южный фронт возможно большего числа лучших войсковых частей была снята с Западного фронта и передислоцирована на Деникинский фронт, где на её части легла основная тяжесть оборонительных боёв⁶.

Мазовецкий уланский полк Западной стрелковой дивизии

25 апреля 1918 г. в г. Москве началось формирование 1-го Польского кавалерийского полка 4-й армии Добровольческих войск Южных республик. 29 апреля 1918 г. Мазовецкий уланский полк был переименован в 1-й Польский кавалерийский полк Советской 4-й армии Южных республик. В начале июня 1918 г. 4-я армия была ликвидирована, а полк был переименован

в Мазовецкий уланский эскадрон с прикомандированием его к Варшавскому революционному полку. В августе 1918 г. эскадрон был развёрнут в Мазовецкий уланский полк, который вошёл в состав формирующейся Западной стрелковой дивизии. Дислокация полка в разное время была в Москве и Минске. Командирами Мазовецкого уланского полка были Бем де Косбан, Битный, Шляхта. В своём составе он имел три эскадрона по четыре взвода. 15 января 1919 г. из состава полка в состав 1-го конного дивизиона Западной стрелковой дивизии были переведены: из 1-го эскадрона — 338 улан, 2-го эскадрона — 83 улана.

Организация Мазовецкого уланского полка в январе 1919 г.

Варшавский гусарский полк Западной стрелковой дивизии

В Красной армии проходило формирование польских гусарских частей. В составе Западной стрелковой дивизии 20 августа 1920 г. в Тамбове был сформирован Варшавский гусарский полк 1-й стрелковой бригады, командиром полка был назначен Шидло. В состав полка вошло три эскадрона по четыре взвода численностью 211 человек, нестроевая команда (обоз). Варшавский гусарский полк формировался по смешанному признаку, большинство личного состава полка были поляки, но службу в нём также проходили и русские военнослужащие. Полк нёс службу

в гарнизонном карауле, проводил занятия по боевой готовности, входил в состав 1-й бригады запасной стрелковой дивизии.

Октябрьская социалистическая революция 1917 г. явилась важнейшим событием, повлиявшим на весь ход мировой истории XX в. Формирование и укрепление в годы гражданской войны иностранных (интернациональных) воинских подразделений, частей и соединений Красной армии, оказавших помощь молодой Советской власти в разгроме интервентов и белогвардейцев, — яркая страница в истории строительства Советского государства и его Вооружённых сил. Развивая идеи и принципы пролетарского интернационализма, В. И. Ленин обращал особое внимание на то, что «...защита первого в мире социалистического государства — Страны Советов — является общим делом всего международного рабочего класса».

Говоря об иностранных (интернациональных) частях Красной армии, нельзя не отметить тот факт, что начиная с 1918 г. они уже действовали на всех фронтах гражданской войны. По данным Федерации иностранных групп РКП(б), в начале 1918 г. в 400 пунктах России из бывших военнопленных были сформированы революционные отряды Красной гвардии, а в 89 городах из иностранных трудящихся и военнопленных — отдельные роты, батальоны и полки. По этим же данным общая численность иностранцев, сражавшихся на фронтах гражданской войны, в 1918 г. составила от 50 до 52 тыс. добровольцев. По подсчётам специалистов, в иностранных (интернациональных) частях Красной Армии, принимавших участие в боевых действиях в районе Царицына, было 3000 человек, в Пензе — 3000, в Тамбове — 200, в Ташкенте — 1000, в Челябинске — 300, в Москве — 600, в Уральском отряде — 3000 и в отряде Киквидзе — 1000 человек.

¹ Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов. М., 1967. С. 242—243.

² Там же. С. 251.

³ Жаров Л. И., Устинов В. М. Интернациональные части в боях за власть Советов. М., 1960. С. 94.

⁴ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1964. Т. II. С. 69.

⁵ Интернационалисты... С. 257.

⁶ Там же. С. 270.

И. А. Сергиевский (Москва)

РУССКО-ФРАНЦУЗСКОЕ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ АРСЕНАЛА ШАТЕЛЬРО

В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ курс на взаимные экономические санкции между Европейским Союзом и Российской Федерацией свёл на нет военно-техническое сотрудничество между ними. В частности, пострадали и взаимовыгодные экономические связи между Французской Республикой и Российской Федерацией. В этом плане наибольшую известность получила история с производством для России десантных кораблей типа «Мистраль». В настоящее время трудно назвать возможные сроки возобновления военно-технического взаимодействия между Пятой республикой и Россией.

В этой связи определённый интерес может представлять рассмотрение примеров успешного военно-технического сотрудничества Франции и России в историческом прошлом. Наиболее масштабное и плодотворное взаимодействие между странами в указанной сфере проявилось во второй половине XIX в., особенно после заключения франко-русского союза в 1891 г., который являлся предшественником Антанты.

В настоящей публикации рассмотрены ключевые моменты военно-технического сотрудничества двух стран во второй половине XIX в. на примере французского арсенала Шательро (Manufacture d'armes de Châtellerault).

Статья подготовлена на основе ранее не опубликованных архивных данных из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Государственного архива Тульской

области (ГАТО), Центрального государственного архива Удмуртской Республики (ЦГА УР), Архива Златоустовского городского округа (Архив ЗГО), Архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВиВС), а также других источников и литературы.

Передовое французское вооружение с давних пор вызывало интерес у представителей русской военно-технической мысли, особенно постановка его производства на одном из ведущих французских военных предприятий — арсенале в Шательро. Город Шательро с XIV в. являлся одним из главных оружейных центров Франции. В 1819 г. королевским указом в нём был основан специальный государственный арсенал (т. е. оружейный завод). Его изначальная специализация заключалась в производстве холодного оружия, а ближе к середине XIX в. и стрелкового вооружения. Это было связано с переходом стран Западной Европы с ударно-кремнёвого замка стрелкового оружия на его капсюльный (ударный) аналог.

В этой важной военно-технической области Российская империя являлась догоняющей стороной, что прежде всего было связано с дороговизной перестройки ее оружейной промышленности под новый тип замка. В 1845 г. на вооружение русской армии было принято новое капсюльное гладкоствольное пехотное ружье. Одновременно с этим началась переделка ранее изготовленных ударно-кремнёвых ружей в капсюльные. Данные события повлекли существенные изменения отечественного оружейного производства.

В 1847 г. Тульский оружейный завод с инспекцией посетили командир 6-й артиллерийской дивизии генерал-лейтенант Н. О. Сухожанет (со стороны войск) и член Комитета об улучшении штуцеров и ружей полковник Б. Г. Глинка. В своем рапорте руководству Военного министерства они указывали на «весьма значительный брак в ущерб от часто неизбежных неважных отступлений оружейников при ручной отделке» и ходатайствовали «о необходимости введения механических приспособлений» для успешного изготовления новых ружей с капсюльным замком. Члены инспекции предлагали осуществить закупку станков, необходимых для отечественного оружейного производства, на французском арсенале Шательро. Также проверяющие сходились во мнении о необходимости организации стажировки офицеров артиллерийского ведомства за границей «для приобретения

сведений об усовершенствованиях там выделки оружия, весьма полезных и даже необходимых»¹.

В октябре 1847 г. инициатива Н. О. Сухозанета и Б. Г. Глинки получила продолжение, и на заседании Военного Совета Российской империи было принято решение «согласно мнению артиллерийского отделения Военно-учёного комитета, приобрести от французского фабриканта Мальбека, чрез посредство генерального консула в Париже, шесть искусственных точил, употребляющихся в Шательро, по 60 франков за каждый, и потом подвергнуть их испытанию на наших оружейных заводах»².

Реализация данного мероприятия была возложена на главу русской миссии в Париже Н. Д. Киселёва. В конце 1847 г. он докладывал в российскую столицу, что закупку указанного имущества придется отложить на более поздний срок, так как «одно из искусственных точил, употребляющихся в Шательро, лопнуло, о чем производится исследование и придумываются средства к отвращению подобного происшествия»³. Французская революция 1848 г. помешала России осуществить покупку точил с завода Шательро. Николай I негативно воспринял французские события «Весны народов», дипломатические отношения были нарушены: французский посол покинул Петербург, посол же России Н. Д. Киселёв остался в Париже как частное лицо. Военный совет принял решение об отмене заказа точил во Франции.

Несмотря на явное охлаждение отношений между двумя странами в связи с приходом императора Наполеона III к власти во Франции, а также спором по «Восточному вопросу», вылившемуся в Крымскую войну (1853—1856), интерес к французскому вооружению со стороны России не спадал. Так, в самый разгар войны в июле 1855 г. под Севастополем русскими войсками был захвачен образец французской винтовки Тувенена, «коим были вооружены все унтер-офицеры в полках зуавов». Данный экземпляр был передан в образцовую мастерскую Тульского оружейного завода и подвергнут детальному изучению⁴.

Сразу после окончания войны российские военные агенты прибыли во Францию с целью «изучения устройства оружейных фабрик, их производства, вооружения войск ручным огнестрельным оружием и обучения солдат стрельбе». Ими посещались заводы в Сент-Этьене, Мютцихе, Тюлле, Шательро, а также Венсенская стрелковая школа, где русские офицеры не только знакомились с производством, но и проходили двухмесячную

стажировку⁵. Специалисты из России сходились во мнении, что именно французская модель организации артиллерийского и оружейного производства будет наиболее востребована при реформировании русской военной промышленности после неудачной Крымской войны⁶. Как показывают дальнейшие исследования, принципы организации производства и военной приёмки продукции на российских оборонных заводах в своей основе опирались на опыт французских предприятий и одновременно учитывали российскую специфику организации производства⁷.

Изучалось не только огнестрельное, но и холодное оружие, производимое на предприятиях Франции. В конце 1857 г. в соответствии с распоряжением императора Александра II штаб генерал-фельдцейхмейстера закупил по два экземпляра «кирас, палашей, сабель кавалерийских и драгунских, тесаков и пик, выделанных из литой стали на французском оружейном заводе в Шательро, [...] для сравнения оных с оружием, изготовляемым на наших заводах». Образцы французского холодного оружия были переданы Департаменту горных и соляных дел Министерства финансов, а он в свою очередь направил их на Златоустовскую оружейную фабрику, «дабы сделать сравнительное испытание опытом с оружием, изготовленным на фабрике из литой стали полковника Обухова»⁸.

Лишь весной 1858 г. образцы французского холодного оружия, изготовленного на заводе Шательро, были доставлены в Златоуст. Такая задержка была вызвана ожиданием начала речной навигации, после чего оружие было доставлено на Урал «вместе с транспортом медикаментов». В мае 1858 г. оружейные мастера Златоуста приступили к сравнительным испытаниям продукции двух стран⁹.

Опытные испытания включали в себя как установленную, так и усиленную пробы. К первой относились: стандартный прогиб, «удар с силой о бок деревянного конуса», «рубка сухого твёрдого дерева тремя ударами». Усиленная проба состояла из «прогиба на австрийском станке и рубки железной полосы толщиной в 2 линии» (0,5 см). Испытание же кирас заключалось в «выстрелах из солдатских ружей на расстоянии 20 сажень» (42 м). Вместе с тем решено было уменьшить расстояние до 10 сажень (21 м), так как кирасы отечественного производства легко выдерживали стандартную пробу, следовательно, преодолима она была и для французских образцов¹⁰.

По результатам испытаний было выявлено, что холодное оружие как Шательро, так и Златоуста выдерживает все установленные и усиленные пробы с незначительными отклонениями и по своим качествам не уступает друг другу. Во многом это было достигнуто за счет внедрения в отечественное производство нового способа выделки высококачественной литой стали, который был предложен известным металлургом и управляющим Златоустовской фабрикой П. М. Обуховым¹¹.

В свою очередь и Франция проявляла интерес к военно-техническому сотрудничеству с Россией и рассматривала её в качестве потенциального рынка сбыта своей военной продукции. Так, в 1859 г. фабрика Шательро в лице своего представителя Энтховена предлагала свои услуги русскому правительству в качестве «поставщика пистолетов для офицеров 1-й Армии». Стоит отметить, что данное предложение серьёзно рассматривалось российским военным ведомством, однако должной поддержки в последующем не нашло¹². Как видно, история взаимодействия Военного министерства России с французским арсеналом Шательро имела глубокие корни, поэтому очередное обращение к предприятию Третьей республики было вполне закономерно.

Как известно, в упорной конкурентной борьбе, развернувшейся в 1890—1891 гг. между бельгийцем Л. Наганом и русским изобретателем С. И. Мосиным, право постановки на вооружение русской армии было отдано образцу стрелкового оружия российского конструктора. В апреле 1891 г. винтовка Мосина была принята на вооружение в России¹³.

Текущая на тот момент политическая ситуация способствовала принятию на совещании, прошедшем под главенством военного министра П. С. Ванновского, решения о размещении заказа на изготовление чуть более 500 тыс. экземпляров данной винтовки во Франции¹⁴. Разумеется, из российских военных специалистов никто не сомневался, что основное бремя по переоснащению русской армии должно лечь на плечи российских заводов. Тем не менее, в рамках освоения нового производства изготовление винтовок на иностранном предприятии представляло большой промышленный интерес. В докладной записке от 23 августа 1890 г., то есть еще до принятия на вооружение винтовки образца 1891 г., П. С. Ванновский рапортовал императору Александру III, что «при настоящем курсе нашего рубля винтовки эти обойдутся

не дороже, чем если бы они были изготовлены на наших оружейных заводах, и что самый проект контракта гарантирует наши интересы»¹⁵. У этого решения имелась и политическая подоплека, так как в 1891 г. был заключен франко-русский военный союз, и заказ новейшей русской винтовки во Франции стал его зримым воплощением. На данное обстоятельство в своих мемуарах указывал помощник начальника Главного артиллерийского управления (ГАУ) генерал-лейтенант П. А. Крыжановский, принимавший непосредственное участие в работе комиссии по перевооружению русской армии на винтовку образца 1891 г.¹⁶

Вместе с тем, французская сторона в лице тогдашнего министра иностранных дел А. Рибо гарантировала приоритетный порядок выполнения русского заказа в Шательро¹⁷. Контракт на изготовление 3-линейных винтовок на заводе Шательро был подписан 19 декабря 1891 г. между французским подрядчиком А. Трейлем и русскими представителями генерал-лейтенантом Н. И. Чагиным (член Артиллерийского комитета ГАУ) и бароном Л. А. Фредериксом (русский военный агент во Франции). Согласно ему, подрядчик брал на себя обязательство в течение 37 месяцев изготовить 500 тыс. русских винтовок по цене 59 франков за штуку (25 р.)¹⁸.

Помимо Шательро, выполнением заказа по изготовлению винтовок Мосина занимались и иные французские фирмы. Так, изготовление патронов для пристрелки было поручено фирме Жевело, ящиков и укупорки для ружей — конторе Ле Маршан, инструментов и принадлежностей — заводу Бруно-Гофмарк. Поставкой готовой продукции занималось французское морское агентство Додиарди с завода Шательро по железной дороге до порта Дюнкирхен и далее морским путем до Ревеля. Как сообщал барон Л. А. Фредерикс, «агентство это прежде зарекомендовало себя с весьма хорошей стороны»¹⁹.

Приёмка изготовленных в Шательро винтовок вменялась в обязанности членам специально созданной комиссии, помощь в работе которым было поручено оказывать русскому военному агенту во Франции. Её членами стали опытные специалисты оружейного дела: полковник Н. А. Сокерин (председатель), капитан И. А. Савостьянов, штабс-капитаны князь А. Г. Гагарин, В. И. Гибер фон Грейфендельс и А. И. Холодовский²⁰.

Согласно условиям контракта, «русские артиллерийские офицеры допускались на завод в течение исполнения заказа. Эти

офицеры могли присутствовать при приёме и испытании всех материалов, испытании ружей стрельбою и при проверке готовых ружей, не вмешиваясь, однако в техническую и административную часть производства»²¹. Примечательно, что это был один из первых случаев, когда русским военным приёмщикам пришлось осуществлять свою деятельность за рубежом.

Важно отметить, что русской приёмной комиссии ставились задачи не только по приёмке изготавливаемой продукции, но и по осуществлению промышленного шпионажа, а также закупке необходимого иностранного оборудования для отечественных оружейных заводов. Например, прибывший весной 1892 г. во Францию полковник Н. А. Сокерин сразу же запросил у директора Сент-Этьенского оружейного завода полковника Персена рассмотреть возможность по приобретению стволонарезных станков для русских оружейных заводов. Французы положительно ответили на русскую просьбу, предложив купить 50 станков по цене 2 тыс. франков (850 р.) за каждую единицу. К середине лета 1893 г. станки «с описанием укупорки, фотографиями, чертежами и ведомостями» были подготовлены для отправки в Россию, и после внесения необходимого платежа началась их транспортировка до Тулы и Ижевска²².

Функционировавшая в Шательро в 1892—1895 гг. российская приёмная комиссия принимала за рабочую смену от 0,5 до 1,5 тысяч винтовок. В её компетенцию также входила приёмка изготовлявшихся во Франции патронов и укупорки. Стоит отметить, что уже на начальном этапе производства винтовок процент выявляемого брака укладывался в допустимые 1—4 %²³.

Приняв в 1892—1895 гг. более 500 тысяч произведённых во Франции трёхлинеек, российская сторона, уничтожив техническую документацию, лекала и оснастку, перенесла их дальнейшее производство на отечественные предприятия. Исполнение российского заказа помогло предприятию Шательро пережить кризис и даже увеличить число работающих на нём лиц с 2 до 6 тыс. человек²⁴. Российский император Николай II в знак признательности французским оружейникам подарил г. Шательро изготовленный в Санкт-Петербурге колокол, который после освящения получил наименование «Alexandre Nikolas» (второе его название — «русский колокол»). Известно, что в 1919 г. он звонил в честь вернувшихся с фронта чинов 32-го пехотного полка

французской армии, а в 1944 г. в честь освобождения города от фашистской оккупации²⁵.

В июне 1895 г. в Ораниенбауме на полигоне Офицерской стрелковой школы Артиллерийский комитет ГАУ организовал испытания изготовленных к тому времени винтовок Мосина. От каждого русского завода (Сестрорецкого, Тульского, Ижевского) и французского арсенала Шательро было взято по 10 единиц оружия. При «осмотре винтовок до стрельбы было замечено, что в большинстве винтовок завода Шательро и в некоторых винтовках заводов Сестрорецкого и императорского Тульского наблюдается тугое спускание патронов из обойм в магазин». Далее была проведена пристрелка, оценка живучести деталей и их взаимозаменяемость. В ходе испытаний вопросов к кучности боя не возникло, в то же время винтовки Ижевского и Сестрорецкого оружейных заводов показали больший износ деталей после отстрелки 100 патронов на каждую. Касательно взаимозаменяемости изделий, некоторые проблемы возникли только у винтовок французского производства, а именно: в них «вовсе нельзя было вставить отсечку-отражатель от винтовки Сестрорецкого завода», а от образцов прочих заводов — «лишь с большим усилием». И все же по итогам испытаний Артиллерийский комитет ГАУ «признал, что все винтовки вполне пригодны для боевого вооружения войск»²⁶.

В рассматриваемый период русско-французское военно-техническое сотрудничество не ограничивалось только лишь военной приёмкой производимых винтовок Мосина на французском заводе Шательро. В конце 1892 г. русскими оружейными заводами был поднят вопрос «о выписке опытного французского мастера для установки работ и приготовления инструмента к присланным стволонarezательным станкам, приобретённым от французских оружейных заводов, ввиду того, что стволы, нарезанные на этих станках, не удовлетворяют условиям приёма, и шпалера не нарезают удовлетворительно стволов». Исполнительная комиссия по перевооружению армии согласилась с доводами оружейников, и по просьбе России в начале 1893 г. французский завод в Сент-Этьене направил в Тулу и Ижевск своего мастера — Ж. Коллашо «для установки работ французских стволонarezных станков». Этот специалист проработал по контракту на российских оружейных заводах в течение четырёх месяцев, получив за свою работу 3,2 тыс. франков (1,36 тыс. р.)²⁷.

На аналогичные факты сотрудничества указывает и военный историк Ю. Н. Лещенко. По его данным налаживание производства винтовок Мосина на ведущих российских оборонных предприятиях, в том числе и на Тульском оружейном заводе, также происходило под непосредственным руководством французских специалистов с арсенала Шательро²⁸.

К 1903 г. в сумме было изготовлено 3 401 044 трёхлинейки²⁹, из которых: 28 875 учебных и 1 777 805 боевых винтовок было произведено на Тульском оружейном заводе, 5649 учебных и 428 327 боевых винтовок — на Сестрорецком оружейном заводе, 17 419 учебных и 1 142 969 боевых винтовок — на Ижевском оружейном заводе, 503 589 боевых винтовок (около 15 %) — на французском арсенале Шательро³⁰.

Таким образом, в результате изучения особенностей взаимодействия между русским Военным министерством и французским арсеналом Шательро во второй половине XIX в. можно сделать следующие выводы:

1. Передовое французское вооружение с давних пор вызывало интерес у представителей русской военно-технической мысли. В то же время и Россия интересовала ведущие оборонные предприятия Франции в качестве рынка сбыта своей продукции. Военно-технические контакты между странами активизировались сразу после окончания Крымской войны 1853—1856 гг.

2. Военно-политическая обстановка и состояние военной промышленности России стали причинами размещения заказа на изготовление части требуемых для русской армии винтовок Мосина на французском арсенале Шательро в 1892—1895 гг.

3. Закупка зарубежных производственных станков, изучение иностранных образцов оружия, изготовление русских военных заказов на заграничном предприятии, а также командировки иностранных специалистов на российские оружейные заводы способствовали активному обмену научно-техническим и производственно-технологическим опытом между Россией и Францией. Этот фактор положительным образом влиял на укрепление обороноспособности российского государства.

¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19374. Л. 1—3, 49—49 об.; ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1341. Л. 1—3, 5—6.

² ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 664. Л. 1.

³ Там же. Л. 2–3.

⁴ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1565. Л. 1а.

⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. 5. Д. 553. Л. 2–5 об.; ГАРФ. Ф. 973. Оп. 1. Д. 253. Л. 1–3; Чебышев В. Л. Оружейные заводы во Франции // Оружейный сборник. 1861. № 2. Отд. II. С. 1–36.

⁶ Дничков В. М. Военное хозяйство: сравнительное исследование положительных законодательств России, Франции, Пруссии, Австрии, Сардинии, Бельгии и Баварии. СПб.: типография Н. Деноткина, 1860. С. 307–311.

⁷ Ашурков В. Н. Русские оружейные заводы во второй половине XIX века. Очерки по истории государственной военной промышленности эпохи домонополистического капитализма. Ч. I. Ликвидация военно-крепостнического режима на оружейных заводах: дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.10 / Ашурков Вадим Николаевич. Тула, 1962. С. 102, 200; Сергиевский И. А. «Было бы полезным назначить для приёма оружия особых штаб-офицеров...». Формирование органов военной приёмки на российских оружейных заводах в середине XIX века // Военно-исторический журнал. 2018. № 6 (698). С. 36–41.

⁸ Архив Златоустовского городского округа. Ф. И-24. Оп. 1. Д. 1745. Л. 1–2.

⁹ Там же. Л. 5–6.

¹⁰ Там же. Л. 7–10.

¹¹ Там же. Л. 11–12; Кавадеров А. Павел Матвеевич Обухов // Русская старина. 1905. Т. СХХIII. С. 41–88.

¹² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 5/9. Д. 464. Л. 4–4 об.

¹³ Чумак Р. Н. 3-лн винтовка Мосина. История разработки и принятия на вооружение русской армии. СПб.: Атлант, 2017. С. 188–223.

¹⁴ Мавродин В. В., Мавродин Вал. В. Из истории отечественного оружия. Русская винтовка. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984. С. 151–152.

¹⁵ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 48351. Л. 44.

¹⁶ Крыжановский П. А. Воспоминания о П. С. Ванновском // Исторический вестник. 1910. Т. СХХ. С. 465–501.

¹⁷ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 48351. Л. 41 об.

¹⁸ Ашурков В. Н. Русские оружейные заводы во второй половине XIX века. Ч. II. Л. 404.

¹⁹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 48351. Л. 106, 163, 234, 285; ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3016. Л. 394.

²⁰ Ашурков В. Н. С. И. Мосин — создатель русской винтовки (1849–1902). М.: Воениздат, 1951. С. 55–56; Челноков С. Мосин vs Nagant. Ч. III // Мастер ружья. 2007. № 125.

²¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 48351. Л. 16.

²² ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2948. Л. 1–4 об.

²³ См. подробнее: Сергиевский И. А. Особенности производства и военной приёмки 3-линейной винтовки Мосина образца 1891 г. на французском заводе Шательро в 1894–1895 гг. // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2017. № 4 (99). С. 131–137.

²⁴ Lombard C. La manufacture nationale d'armes de Chatellerault (1819–1968). Poitiers: Brissaud, 1987. P. 120; РГВИА. Ф. 504. Оп. 7. Д. 281. Л. 1–4.

²⁵ Чекалин А. «Царь-колокол» для Франции // Великая война. 1914–1918 гг. // Столетие. 06.10.2014 г. Режим доступа: http://www.stoletie.ru/voyna_1914/carkolokol_dla_francii_383.htm (дата обращения 28.09.2019 г.); Россия и Франция:

союз интересов и союз сердец, 1891—1897 = *La russe et la france : L'union des intérêts et l'union des cœurs, 1981—1897*: рус.-фр. союз в дипломат. док., фот., рис., карикатурах, стихах, тостах и меню / И. С. Рыбаченок; Гос. арх. Рос. Федерации, Гос. ист. музей. М.: РОССПЭН, 2004. С. 156.

²⁶ ГАТО. Ф. 2245. Оп. 1. Д. 99. Л. 105—113; ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3016. Л. 486—507.

²⁷ Там же. Д. 2948. Л. 22—27 об.

²⁸ Лещенко Ю. Н. Организация вооружения русской армии стрелковым оружием (конец XIX — начало XX в.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Лещенко Юрий Николаевич. М., 2009. С. 131.

²⁹ Указанное в 2017 г. количество изготовленных в России и процент принятых в Шательро трехлинеек было менее точно, см. подробнее: Сергиевский И. А. Особенности производства и военной приемки 3-линейной винтовки Мосина образца 1891 г. на французском заводе Шательро в 1894—1895 гг. // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2017. № 4 (99). С. 131—137.

³⁰ РГВИА. Ф. 504. Оп. 7. Д. 1224. Л. 97—98 об.

О. П. Сибилева (*Санкт-Петербург*)

НОВЫЕ СРЕДСТВА И МЕТОДЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ КАК ВЫЗОВ МЕЖДУНАРОДНОМУ ГУМАНИТАРНОМУ ПРАВУ

НЕСМОТРЯ на существование международного гуманитарного права (МГП), призванного обеспечивать защиту жертв войны, а также ограничивать средства и методы её ведения, происходящие в настоящее время многочисленные вооружённые конфликты приводят к массовым человеческим страданиям и жертвам, в основном среди гражданского населения, масштабным разрушениям необходимых для его безопасности гражданских объектов.

По сведениям сайта Global Conflict Tracker (онлайн-информация о конфликтах и военных действиях в мире), сейчас в мире происходит около тридцати глобальных конфликтов¹. Часть из них, как гражданские войны в Сирии или Ливии, находятся в критической фазе и широко известны, в то время как противостояние в Нигерии террористической группировке «Боко Хорам» (запрещена в Российской Федерации) или территориальные споры Индии и Пакистана остаются в тени годами.

Это оказывает сильное негативное воздействие на гражданское население, поскольку вооружённые группировки, стремясь усилить свое военное влияние, применяют стратегии, которые вопиющим образом нарушают нормы МГП, включая нападения на гражданское население и использование гражданских лиц и даже детей в качестве «живого щита» при достижении своих военных целей. Как следствие, в 2018 г. количество вынужденно покинувших свои дома достигло 70 млн человек².

В 2020 г. ситуация принципиально не изменилась. Так, осенью 2020 г. развернулись ожесточённые боевые действия с использованием не только бронетехники и артиллерии, но и реактивных

систем залпового огня «Смерч», ракетных комплексов «LORA», «Эльбрус», «Точка», «Полонез» между Азербайджаном и Арменией на территории непризнанной республики Нагорный Карабах, в ходе которых впервые массово применялось по различным тактическим сценариям новое средство ведения войны против регулярных вооружённых сил — ударные беспилотные летательные аппараты, что привело к многочисленным человеческим жертвам, в том числе среди гражданского населения³.

С учётом вышеизложенного представляет особый интерес вопрос о международно-правовом регулировании средств и методов ведения войны в условиях современных вооружённых конфликтов.

В настоящее время все средства и методы ведения войны делятся на запрещённые, частично запрещённые, или ограниченные и не запрещённые международным правом.

Международно-правовые нормы, на основе которых формулируются такие критерии, закреплены практически во всех соглашениях, регламентирующих средства и методы ведения боевых действий. В наиболее полном, обобщённом виде они сформулированы в Дополнительном протоколе I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающемся жертв международных вооружённых конфликтов, 1977 г. (ст. 35, 37 и 51)⁴, согласно которому к запрещённым средствам ведения боевых действий относятся такие конкретные виды оружия, которые:

способны причинять чрезмерные повреждения или излишние страдания (так называемое негуманное оружие);

действуют вероломно (так называемое предательское оружие);

не могут быть использованы исключительно против конкретных военных целей, или последствия применения которых не могут быть ограничены во времени и пространстве (так называемое неизбирательное, или слепое оружие);

могут причинять «обширный, долговременный и серьёзный ущерб природной среде» (так называемое оружие экоцида).

В международных актах специально оговорено, что запрещены следующие средства ведения войны:

1) пули, «легко разворачивающиеся или сплюсцивающиеся в человеческом теле, к каковым относятся оболочечные пули, коих твердая оболочка не покрывает всего сердечника или имеет надрезы», пули к патрону 5,56 × 45 мм, принятому на вооружение странами НАТО, и его аналогам (в частности, к китайскому

патрону 5,8 × 42 мм), созданным с учётом опыта американцев по применению во Вьетнаме патрона калибра 5,56 мм к штурмовой винтовке М 16 А1;

- 2) яды и отравленное оружие;
- 3) удушливые, ядовитые или подобные газы и аналогичные жидкости, вещества, процессы, а также иное химическое оружие;
- 4) бактериологическое (биологическое) и токсическое оружие;
- 5) средства воздействия на природную среду, имеющие широкие, долгосрочные или серьёзные последствия, в качестве орудия разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда;
- 6) любые виды оружия, основное действие которого заключается в нанесении повреждений осколками, которые не обнаруживаются в человеческом теле с помощью рентгеновских лучей (например, из стекла, пластмассы и др.);
- 7) мины-ловушки — особые устройства или материалы, предназначенные для нанесения поражения неожиданно, при совершении человеком действия, кажущегося безопасным, изготовленные в виде кажущегося безвредным переносного предмета, а также соединённые или ассоциирующиеся с людьми, животными, предметами медицинского, культурного, явно религиозного характера, продуктами питания, медицинскими объектами, местами захоронения, международно признанными защитными эмблемами, знаками или сигналами и т. п.;
- 8) любое зажигательное оружие (напалм, белый и жёлтый фосфор и др.), применяемое против гражданского населения, сосредоточения гражданского населения и невоенных объектов. Использование зажигательного оружия против военных объектов не запрещено, за исключением нападений на военные объекты, расположенные в районе сосредоточения гражданского населения, осуществляемых с применением доставляемого по воздуху зажигательного оружия.

К зажигательному относят любое оружие или боеприпасы, которые предназначены, в первую очередь, для поджога объектов или причинения людям ожогов посредством действия пламени, тепла или того и другого вместе, возникающих в результате химической реакции вещества, доставленного к цели;

9) лазерное оружие, специально предназначенное для использования в боевых действиях исключительно или в том числе для того, чтобы причинить постоянную слепоту органам зрения человека, не использующего оптические приборы. По оценке

Э. Давида, IV Протокол к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, 1980 г., очевидно, допускает использование лазера с исключительной целью причинить временную слепоту органам зрения человека. Во время войны за Фолклендские острова англичане пользовались такими лазерными системами против аргентинской авиации⁵.

Указанный запрет не охватывает ослепление как случайный или сопутствующий эффект правомерного применения лазерных систем в военных целях, в частности, использования лазерных систем против оптического оборудования;

10) противопехотные мины, которые предназначены для взрыва от присутствия, близости или непосредственного воздействия человека и при этом выводят из строя, калечат или убивают одного или нескольких человек.

Пункт 79 Руководства Сан-Ремо по международному праву, применимому к вооружённым конфликтам на море 1994 г.⁶, запрещает «использовать торпеды, которые в конце боевого хода, не попав в цель, не тонут или не становятся безопасными каким-либо иным образом». Однако, поскольку такая техническая возможность имеется только в американских торпедах, управляемых по проводам, с этой нормой согласиться нельзя. Вызывают обоснованное возражение и некоторые иные положения указанного документа. Например, согласно требований п. 59 и п. 60 Руководства, чтобы отнести к военным объектам торговые суда противника, командиру подводной лодки при встрече с ними надлежит, в частности, установить, вооружены они или нет, какими видами деятельности занимаются и какой вклад вносят в военные действия, что нереально в условиях ведения современной войны на море⁷.

Кроме перечисленных выше прямых запретов существуют определённые ограничения и в использовании некоторых разрешённых международным правом видов оружия и родов вооружённых сил, так как отдельные способы или методы их применения могут противоречить нормам международного права.

В частности, Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. запрещают атаковать или бомбардировать каким бы то ни было способом незащищённые города (селения), жилища или строения, в том числе бомбардировку морскими силами. Гаагская конвенция

о запрещении метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров 1907 г. запретила до конца Третьей конференции мира метание снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров или при помощи «иных подобных новых способов», однако из-за начала Первой мировой войны такая конференция не состоялась. 18—19 мая 1999 г. в Гааге и 22—25 июня 1999 г. в Санкт-Петербурге состоялась конференция, посвящённая 100-летию Первой конференции мира, явившаяся, по существу, Третьей конференцией мира. В рамках этой конференции средства и методы ведения воздушной войны не рассматривались.

Кроме того, в современных условиях преимущественным способом достижения военно-политических целей войны стали массированные ракетно-авиационные удары, в ходе которых уничтожались объекты инфраструктуры противоборствующей стороны. При этом, как показывает анализ локальных войн и военных конфликтов второй половины XX — начала XXI в., масштабы потерь противника, в том числе мирного населения, никакого значения не имели⁸.

Морское минное оружие также является законным средством ведения войны, хотя его применение и ограничено VIII Гаагской конвенцией о постановке подводных, автоматически взрывающихся от соприкосновения мин 1907 г., которая в двух мировых войнах практически не соблюдалась всеми воюющими сторонами, а к настоящему времени просто устарела в связи с научно-технической революцией в военном деле. В полной мере это относится и к специальным Правилам о действиях подводных лодок по отношению к торговым судам в военное время (Приложение к Лондонскому протоколу 1936 г.)⁹.

Из всех существующих в настоящее время видов оружия наибольшую опасность представляют средства массового уничтожения, к которым относятся ядерное, химическое и бактериологическое (биологическое) оружие, а также любые другие виды оружия, обладающие аналогичными поражающими свойствами, которые могут быть созданы в будущем как на основе принципиально новых физических, химических и прочих явлений и процессов, так и в результате развития существующих средств массового уничтожения¹⁰.

Особая проблема — возможность применения ядерного оружия. Очевидно, что ядерное оружие является оружием неизбирательного действия, однако международным правом оно

не запрещено. Резолюции же Генеральной Ассамблеи (ГА ООН) носят рекомендательный характер даже для тех государств, которые за них голосовали. ГА ООН более десяти раз принимала резолюции, которые «не только запрещают в самых торжественных выражениях применение ядерного оружия, но, кроме того, многие из них возводят такое применение в ранг преступления против человечности»¹¹. Принимая во внимание современное состояние международного права и сложившуюся практику, Международный Суд ООН в 1996 г. не смог вынести окончательное решение в отношении того, является ли угроза ядерным оружием или его применение законным или незаконным в том случае, если эти действия обусловлены соображениями самообороны или необходимы для выживания государства, а спустя 20 лет отказал в рассмотрении по существу жалобы Республики Маршалловы Острова (РМО) против стран, обладающих ядерным оружием. В мае 2014 г. РМО, крошечное островное государство с населением менее 53 тыс. человек, обжаловало отказ девяти ядерных государств, в том числе всех постоянных членов Совета Безопасности, от исполнения обязательств по Договору по нераспространению ядерного оружия и норм международного правового обычая¹².

Ядерное оружие однозначно не соответствует нормам МГП, однако принятый усилиями неядерных государств на Конференции ООН в Нью-Йорке 7 июля 2017 г. и вступивший в силу 22 января 2021 г. Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО) не соответствует реалиям современной международной обстановки. 29 октября 2018 г. в Первом комитете (вопросы разоружения и международной безопасности) ГА ООН ядерные державы — Россия, Великобритания, Франция, США и Китай подтвердили общую позицию, заявив, что не будут подписывать ДЗЯО. Министр иностранных дел РФ Сергей Лавров подчёркивал, что «полная ликвидация ядерного оружия возможна только в контексте всеобщего и полного разоружения в условиях обеспечения равной и неделимой безопасности для всех»¹³.

Значительную опасность для гражданского населения представляют такие виды оружия массового уничтожения, как химическое и бактериологическое. «Все виды оружия, — отмечалось в докладе Генерального секретаря ООН «Химическое и бактериологическое (биологическое) оружие и последствия его возможного применения», — направлены на уничтожение человеческих

жизней, однако химическое и бактериологическое (биологическое) оружие занимает особое место, поскольку оно является единственным видом оружия, действующим исключительно на живую материю»¹⁴.

В соответствии с Договором о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения 1971 г.¹⁵ запрещается размещать на морском дне и в его недрах такое оружие любых образцов и видов с любыми типами взрывателей за пределами 12-мильной зоны прибрежных государств.

Прогресс в различных областях современной науки и техники открывает новые возможности в области создания принципиально новых видов и систем оружия, которые по своей боевой эффективности не только сопоставимы с ядерным, химическим и бактериологическим (биологическим) оружием, но и могут значительно превзойти существующие средства массового уничтожения. Новые технологии ведения военных действий специально не регулируются договорами МГП, однако ст. 36 Дополнительного протокола I требует от каждого государства — участника Протокола определить, подпадает ли применение нового оружия, средств или методов ведения военных действий, которые оно изучает, разрабатывает, приобретает или принимает на вооружение, при некоторых или при всех обстоятельствах, под запрещения, содержащиеся в международном праве. Указанная правовая экспертиза исключительно важна для обеспечения того, чтобы вооружённые силы и другие государственные институты в ходе вооружённого конфликта, в том числе в случае использования киберпотенциала, были способны выполнять свои международно-правовые обязательства.

Вместе с тем, по сведениям Международного Комитета Красного Креста (МККК) лишь в незначительном количестве государств действуют процедуры для проведения анализа новых вооружений с точки зрения права¹⁶.

Так, США успешно испытали в 1999 г. электронное оружие высокой мощности НРМВ, в 1996 и 2000 гг. — тактический высокоэнергетический лазер. В 1999 г. США применили в Югославии электромагнитные бомбы, поражающие сверхмощным электромагнитным импульсом. При нанесении ударов по объектам инфраструктуры Ирака весной 2003 г. в ходе проводимой США и Великобританией военной операции «Свобода Ираку» была

применена электромагнитная бомба, которая вывела из строя все телекоммуникационные и другие системы.

Предпринимаются усилия по созданию геофизического оружия, в частности, США в рамках Программы активного высокочастотного исследования авроральной области (северного сияния) — HAARP (High-frequency Active Auroral Research Programme). В стадии разработки и практических испытаний находятся: инфразвуковое оружие, предназначенное для повреждения внутренних органов человека; психотропное оружие, способное воздействовать на психику людей, вызывая различные психические расстройства; этническое оружие, избирательно поражающее отдельные этносы; радиологическое оружие, предназначенное для радиационного заражения природной среды; так называемая «чистая бомба» — ядерный боеприпас с повышенным взрывным эффектом и уменьшенной радиацией; кассетная бомба, содержащая несколько боеприпасов, взрывающихся у поверхности земли и вызывающая смерть от удушья вследствие недостатка воздуха (наподобие баротравмы на вакууме) и другие.

В ближайшей перспективе наиболее реальна возможность оснащения войск такими новыми средствами вооружённой борьбы как лазерное и сверхвысокочастотное оружие. Лазерное оружие может поступать в виде комплексов специального вооружения, дополнительно устанавливаемых на бронеемкости, сверхвысокочастотное оружие — в виде СВЧ-боеприпасов¹⁷. Официально перечисленное выше оружие не запрещено международным правом, однако, однозначно, оно носит неизбирательный характер¹⁸.

Такие виды оружия, как напалм, боеприпасы объёмного горения, шариковые кассетные боеприпасы и некоторые типы противопехотных мин также могут быть с полным основанием отнесены к категории неизбирательных средств ведения войны. Основным критерий подобной оценки — сплошное (неизбирательное) поражение находящихся в радиусе их действия объектов.

Не случайно эти и другие виды обычного оружия эксперты иногда выделяют в особую категорию средств ведения вооружённой борьбы, занимающую промежуточное положение между «классическим» обычным оружием и средствами массового поражения.

Военные действия все чаще ведутся в населённых пунктах, в том числе в крупных городах, и в связи с высокой вероятностью

при этом неизбирательных нападений на гражданское население МККК заявил в 2011 г., что «...несмотря на отсутствие однозначного правового запрещения использовать конкретные виды оружия, ... следует избегать использования в густонаселённых районах средств взрывного действия, имеющих обширную зону поражения»¹⁹. В 2013 г. МККК обратился к государствам с призывом повысить защиту гражданского населения от неизбирательного применения оружия взрывного действия с обширной зоной поражения и не применять его в густонаселённых районах²⁰.

Гуманитарная озабоченность этой проблемой признается ООН, всё большим числом государств и требует обучения военнослужащих выбирать и применять средства и методы войны в населённых районах, учитывая, в том числе, технические возможности имеющегося в их распоряжении оружия для предупреждения или минимизации случайного вреда для гражданского населения в таких условиях. Однако, например, действия возглавляемой США коалиции в 2016—2017 гг. по освобождению от террористов иракского Мосула, повлёкшие неоправданно большие жертвы среди мирного населения и разрушения городской инфраструктуры, свидетельствуют об игнорировании нашими западными «партнёрами» указанных требований²¹.

Информатизация общества в целом и военного дела в частности вывела на качественно новый уровень разработку средств вооружённой борьбы, а также явилась материальной основой повышения возможностей по информационному воздействию на человека и выводу из строя информатизированных средств и систем управления, в том числе жизненно важных гражданских объектов, как в рамках вооружённой борьбы, так и вне её рамок.

В последние годы значительно расширились дебаты в дипломатических, военных и научных кругах, а также среди широкой общественности в связи с постепенным увеличением с течением времени автономии систем вооружений, особенно в таких «критически важных функциях», как выбор и поражение цели, в отношении которых МККК предложено использовать термин «автономные системы вооружения».

В этих условиях возникла необходимость создания новых инструментов обеспечения международной безопасности, в том числе информационной, включая выработку Международной конвенции о нормах информационного взаимодействия в ситуациях острых международных конфликтов, дающей правовую

квалификацию информационной агрессии, а также определяющей систему запретов и ограничений на применение информационного оружия в отношении гражданского населения и кибератаки против гражданских объектов на основе введения принципа ответственности каждого государства за безопасность своей части киберпространства и соблюдения им гарантии содействия международному сообществу экспертов для совместной борьбы с кибертерроризмом.

Маловероятность полного запрета автономных систем вооружения на международном уровне предопределяет необходимость безотлагательного правового урегулирования мировым сообществом данной проблемы путём разработки и закрепления в возможно короткий срок на международном и национальных уровнях правового механизма, исключающего возможность делегирования искусственному интеллекту права в полной мере принимать решение по выбору и поражению целей.

При этом, однако, не вызывает сомнений, что в соответствии с международно-правовой ответственностью государства, помимо ответственности за нарушения МГП, совершаемые личным составом его вооружённых сил, государство может быть привлечено к ответу за нарушения МГП, вызванные системой автономного вооружения, в отношении которой не проводились испытания или экспертизы до её развёртывания, или если подобные испытания и экспертиза не отвечали необходимым требованиям. Производители и программисты также могут быть привлечены к ответственности в соответствии с правом ответственности за качество выпускаемой продукции в связи с ошибками в программировании или сбоями в работе системы автономного вооружения²².

Вместе с тем, как справедливо отмечено в позиции России, оформленной отдельным документом к первому заседанию Группы правительственных экспертов по автономным системам вооружения (прошло в Женеве 10—12 ноября 2017 г.), «неформальные дискуссии существенно не продвинули понимание смертоносных автономных систем как предмета возможных договоренностей и не сняли сохраняющиеся сомнения относительно реализуемости глубокой проработки этой темы»²³. По оценке автора, этот вывод по-прежнему актуален.

Исходя из вышеизложенного, автор полагает, что ведущей тенденцией в процессе кодификации норм международного права,

регламентирующих средства и методы ведения боевых действий, стало формулирование общих положений, запрещающих определённые методы или способы применения средств ведения вооружённой борьбы, что предопределяет необходимость дополнения норм МГП положениями, обеспечивающими защиту гражданского населения в условиях современных вооружённых конфликтов с использованием оружия на новых физических и технологических принципах и препятствующими созданию систем автономного высокоточного оружия, способных к независимому выбору и поражению целей без участия человека.

Вместе с тем, сегодня особо актуальны не только проблемы разработки новых норм в сфере МГП, но и параллельно с этим проблемы имплементации действующих международных соглашений, их претворения в нормы и практику внутригосударственного права.

¹ Сайт Global Conflict Tracker. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cfr.org/global-conflict-tracker/?category=us> (дата обращения: 20.01.2021).

² Авраменко Е. ОДКБ и МККК назвали зоны новых потенциальных военных конфликтов. 17.12.2019 // [Электронный ресурс]. URL: <https://tehnowar.ru/126177-ODKB-i-MKKK-nazvali-zony-novyh-potencialnyh-voennyh-konfliktov.html> (дата обращения: 22.01.2021).

³ Сафонов Д. Дроны Карабаха: стандарты новой войны // Независимое военное обозрение. 2020. № 46. С. 9.

⁴ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооружённых конфликтов международного характера (Протокол I) от 8 июня 1977 г. // Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. М., 1997. С. 237, 238, 246.

⁵ Давид Э. Принципы права вооружённых конфликтов: курс лекций юридического факультета открытого Брюссельского университета / пер. с фр. М.: МККК, 2000. С. 286.

⁶ Международное право. Ведение военных действий: Сборник Гаагских конвенций и иных международных документов. 3-е изд., испр. М.: МККК, 2001. С. 165.

⁷ Там же. С. 160, 161.

⁸ Военное искусство в локальных войнах и вооружённых конфликтах: вторая половина XX — начало XXI века / под общ. ред. А. С. Рукишина. М.: Воениздат, 2009. С. 732, 733.

⁹ Международное право. Ведение военных действий... С. 140.

¹⁰ Организация Объединённых Наций и разоружение. 1945—1970. Нью-Йорк, 1970. С. 28.

¹¹ Давид Э. Принципы права вооружённых конфликтов... С. 256—267.

¹² Тузмухамедов Б. Р. Атомная бомба для широкого круга // Независимое военное обозрение. 2016. № 41. С. 1, 3.

- ¹³ ТАСС-ДОСЬЕ. 22 января 2021 года вступает в силу Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО, Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons, TPNW). [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/info/10512613> (дата обращения: 29.01.2021).
- ¹⁴ Химическое и бактериологическое (биологическое) оружие и последствия его возможного применения: доклад Генерального секретаря ООН А/7575 Rev. 1. Нью-Йорк, 1969. С. 108.
- ¹⁵ Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения 1971 г. // [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900919> (дата обращения: 22.01.2021).
- ¹⁶ A Guide to the Legal Review of New Weapons, Means and Methods of Warfare: Measures to Implement Article 36 of Additional Protocol I of 1977, International Committee of the Red Cross Geneva / International Review of the Red Cross. 2006. Vol. 88, № 864 // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icrc.org/en/publication/0902-guide-legal-review-new-weapons-means-and-methods-warfare-measures-implement-article> (дата обращения: 22.01.2021).
- ¹⁷ Дульнев П. А., Орлянский В. И. Основные изменения в характере вооружённой борьбы первой трети XXI века // Вестник Академии военных наук. 2015. № 1 (50). С. 47, 48.
- ¹⁸ Давид Э. Принципы права вооружённых конфликтов... С. 233.
- ¹⁹ Доклад «Международное гуманитарное право и вызовы современных вооружённых конфликтов» на XXXII Международной конференции Красного Креста и Красного Полумесяца в Женеве 8–10 декабря 2015 г. Женеве, октябрь 2015 г. (далее — Доклад МККК 2015 г.) С. 85.
- ²⁰ Weapons and International Humanitarian Law. Draft Resolution. Council of Delegates of the International Red Cross and Red Crescent Movement. Geneva, October 2013. CD/13/DR7 // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/red-cross-crescent-movement/council-delegates-2013/cod13-res-weapons-ihl-dr7-eng.pdf> (дата обращения: 29.01.2021).
- ²¹ Киселёв В. А., Костенко А. Н. Борьба за Мосул в Ираке как зеркало тактики американцев по овладению городами // Военная мысль. 2018. № 2. С. 33–42.
- ²² Организация Объединённых Наций и разоружение. С. 82–83.
- ²³ 27–31 августа 2018 г. в Женеве под эгидой ООН пройдут переговоры группы правительственных экспертов по смертоносным автономным системам вооружений [Электронный ресурс]. URL: <https://millaw.ru/ru/posts/news/635-peregovory-gruppy-pravitelstvennyh-ekspertov-po-smertonosnym-avtonomnym-sistemam-vooruzenij> (дата обращения: 29.01.2021).

Г. А. Сыскин (Санкт-Петербург)

ОБ ОСОБЕННОСТИ ВЫБОРА МЕСТА ПОД СТРОИТЕЛЬСТВО САМАРСКОГО ТРУБОЧНОГО ЗАВОДА В 1905 ГОДУ

С ОКОНЧАНИЕМ Русско-японской войны 1904—1905 гг. вооружённые силы Российской империи находились в расстроенном состоянии. Начавшееся с конца XIX в. перевооружение русской армии современным на тот момент стрелковым и артиллерийским оружием не было завершено в полной мере. В Европе царило ощущение приближения новой большой войны. Государства Старого Света, в первую очередь Германия, готовились к наращиванию своего военного потенциала. В этих условиях руководством российского государства были предприняты меры по ускоренной модернизации собственных вооружённых сил.

Несмотря на экономический спад в первые годы после Русско-японской войны, Военным министерством России была реализована амбициозная реформа, которая продолжалась с 1905 по 1912 г. Её основной целью было совершенствование системы комплектования, боевой подготовки, технического и материального обеспечения армии. Многие мероприятия в рамках данной реформы были успешно выполнены. Одним из них стало масштабное строительство современных военных заводов, без наличия которых перевооружение армии и флота было невозможно.

К началу XX в. одной из разновидностей производства артиллерийской продукции являлась трубочная промышленность. Трубочные заводы стояли обособленно от других военных предприятий и требовали специального высокоточного оборудования и квалифицированного персонала. Указанные промышленные заведения производили дистанционные трубки и взрыватели, необходимые для подрыва боеприпасов в заданное время и на определённой траектории их полёта.

В то время основная нагрузка по производству этого вида артиллерийской продукции лежала на плечах Петербургского казённого трубочного завода. Наличие всего лишь одного центра трубочного производства, работающего в сложных условиях (нехватка производственных площадей, дефицит рабочих кадров, возросшие потребности армии в боеприпасах после Русско-японской войны и т. д.), негативно сказывалось на всей отрасли. В 1905 г. в письме министру финансов В. А. Коковцову генерал-фельдцейхмейстер великий князь Сергей Михайлович указывал, что Русско-японская война выявила *«недостаток одного казённого трубочного завода и одного завода для изготовления капсюлей»*, а потому им *«даны указания о подготовке всего необходимого для разработки проекта постройки второго казённого трубочного завода, дабы удовлетворить все потребности в дистанционных трубках и капсюлях, нужных для полевой, осадной, крепостной и береговой артиллерии, а также и для флота»*¹. Таким образом, вскоре после окончания войны на Дальнем Востоке военным руководством России было принято решение о постройке ещё одного промышленного объекта для производства средств инициации артиллерийских боеприпасов.

Важно отметить, что помимо указанного предприятия предполагалось заложить ещё несколько оборонных заводов, а именно: патронный, пороховой, капсюльный и взрывчатых веществ (мелинитовый). Эта инициатива активно обсуждалась на особых совещаниях между представителями Государственного Совета, министерства финансов, морского и военного ведомств в начале 1905 г. Причиной тому служила открывшаяся в ходе Русско-японской войны *«недостаточная производительность наших технических артиллерийских заведений для обеспечения потребностей армии в предметах артиллерийского довольствия»*².

Представители государственных ведомств сходились во мнении, что основные требования к размещению новых оборонных предприятий заключались в: наличии крупного железнодорожного узла и речной полноводной артерии вблизи предприятия, нахождении средних специальных учебных заведений, высокой численности свободной рабочей силы в месте строительства завода, а также в достаточной отдалённости от государственной границы. На совещании признавалось желательным построить заводы *«на Востоке, в районе реки Волги (или её притоков), примерно между Симбирском и Царицыном»*³.

Руководство Военного министерства Российской империи приходило к заключению, что новое предприятие должно было стать типовой копией столичного трубочного завода. В декабре 1904 г. руководство Главного артиллерийского управления (далее — ГАУ) своим распоряжением обязало начальника Петербургского трубочного завода составить проект готовящегося к строительству нового военного предприятия промышленности. Согласно замыслу, годовая производительность завода должна была составлять 0,5 млн 22-мм алюминиевых трубок и 0,5 млн капсюльных втулок *«при условии ведения только дневных работ»*⁴.

В плане предусматривалось наличие запаса заводских помещений *«дабы иметь возможность, в случае необходимости, увеличить производство завода добавлением станков и механизмов»*. Подчеркивалось, что строящийся завод по своей производительности должен был стать не меньше, чем столичное предприятие. Важно отметить, что в условиях военной мобилизации предусматривалось увеличение производительности строящегося трубочного завода до 1,6 млн трубок и 1,6 млн взрывателей при трёхсменной работе. Предполагаемые затраты на строительство второго трубочного завода оценивались в 2 млн рублей без учёта покупки земельного участка под него⁵.

Надо отметить, что в то время владельцы частных промышленных предприятий совершали активные попытки подключения к военным заказам, но их инициатива не всегда находила поддержку у высших руководителей различных ведомств. Так в феврале 1905 г. министр путей сообщения К. С. Немешаев выступил с предложением о частичной передаче заказов по производству дистанционных трубок и взрывателей на частный завод Вестингауза в Санкт-Петербурге. Это предложение вызвало неоднозначную реакцию со стороны руководства артиллерийского ведомства. Генерал-фельдцейхмейстер великий князь Сергей Михайлович указал, что ГАУ *«не может позволить себе иметь производства на частном заводе»*, так как это непременно вызовет трудности, которые, как правило, возникают при освоении производства. В итоге указанное предложение признали несостоятельным и было принято решение о постройке второго трубочного казённого завода, без передачи заказов в частные руки⁶.

Для постройки нового трубочного завода было решено создать специальную комиссию (далее — комиссия) с включением

в неё опытных и знающих офицеров, а также высококвалифицированных гражданских специалистов различного профиля. Предполагалось возложить руководство комиссией на офицера, который на практике знал все особенности такого специализированного производства, которым являлся выпуск средств инициации артиллерийских боеприпасов. Выбор был сделан в пользу начальника Петербургского трубочного завода генерал-майора М. А. Ограновича, имеющего за плечами не один год управления данным предприятием. Председатель комиссии, а также остальные ее участники должны были в течение 1905 г. провести осмотр предполагаемых участков для строительства завода и выбора наиболее подходящего из них⁷.

Активно шли поиски оптимального места под постройку второго трубочного завода. В феврале 1905 г., обращаясь в Министерство земледелия и государственного имущества, ГАУ подчеркивало необходимость обязательного наличия хотя бы 15 десятин земли (около 16 гектар) для размещения заводских помещений. Для этих целей весной 1905 г. ГАУ была помещена заметка в поволжских газетах о планах по постройке нескольких заводов оборонного назначения вблизи реки Волги.

Незамедлительно в адрес артиллерийского ведомства стали поступать различные предложения, в частности, землевладелец Ф. П. Бартнев предлагал два своих участка для строительства двух заводов вблизи Саратова⁸. Также активное участие в выборе места принял саратовский городской голова А. О. Немировский, который предлагал построить в его городе все запланированные заводы. Он утверждал, что возведение указанных предприятий вполне отвечает интересам города, который полностью соответствует всем изложенным требованиям. В своём письме в ГАУ от 15 апреля 1905 г. поволжский градоначальник утверждал, что *«Саратов располагает свободными участками земли в непосредственной близости к реке Волга, железной дороге и у самой городской черты в количестве вполне достаточном для устройства трубочного и патронного заводов, которые могут быть переданы военным ведомством по его выбору и усмотрению под предполагаемую постройку заводов»*⁹.

При поиске подходящего для постройки второго трубочного завода места также рассматривались и другие варианты. В своём докладе в ГАУ от 13 июня 1905 г. Министерство землеустройства сообщило о наличии в Пензенской губернии двух участков,

которые могли быть отведены для устройства нового промышленного предприятия. *«Под устройство трубочного и патронного завода предположительно могли бы быть отведены два лесных участка земли из Мордовско-Ишимского и Пазельско-Вышлейской дач Городищенского лесничества Пензенской губернии»*, — докладывал председатель комиссии М. А. Огранович. Дополнительно он высказал мнение о том, что приобретение под строительство земель из предлагаемых участков может быть осуществлено путём предварительной продажи находящегося на этих объектах леса в пользу казны, либо при условии оплаты стоимости леса военным ведомством¹⁰.

После осмотра данных участков председатель специальной комиссии 20 июля 1905 г. докладывал в ГАУ о невозможности их использования по следующим причинам:

1. отдалённость этих участков от Пензы, так как один находился в 49, а другой в 59 верстах (52 и 62 км соответственно). Налицо также было неудобство сообщения с ними (частично грунтовая, а частично железная дорога);

2. так как на этих землях находился лес, то нужно предварительно продать на сруб растущие деревья в пользу казны, или же они должны быть приобретены военным ведомством по их себестоимости. Тогда уже будет возможно приступить к постройке завода. На выполнение этой задачи потребуется более года, что значительно увеличит сроки строительства;

3. возможно, к этому времени уже будут найдены более подходящие участки для такой цели, которые передадутся в ГАУ безвозмездно¹¹.

Летом 1905 г. было рассмотрено предложение обанкротившегося собственника Истринских металлургического и механического заводов. Владелец в надежде как-то оживить своё производство предлагал свои земли для создания нового производства. Но несмотря на энтузиазм хозяина указанных земель, их сочли недостаточно пригодными. *«Производство нельзя изменить, ввиду технологических трудностей»*, — отмечала комиссия¹².

Как один из вариантов для постройки второго трубочного завода был рассмотрен и город Вольск Саратовской губернии. Тем не менее, председатель комиссии М. А. Огранович в своем докладе в ГАУ в сентябре 1905 г. указал на невозможность постройки завода в этом городе, так как он находится в железнодорожном тупике и отсутствует возможность транспортировки продукции

военного назначения на Дальний Восток¹³. В то время в высших военных кругах велись активные споры о географическом размещении предполагаемых к постройке новых оборонных заводов. Признавалось необходимым учитывать фактор военных угроз с восточных и южных рубежей Российской империи.

Принимая во внимание, что удобнее и выгоднее для казны было бы построить новые заводы вблизи крупных населённых пунктов, председатель комиссии сделал соответствующие запросы в городские управы Самары и Царицына. В обращении к городским властям было предложено отдать в вечное пользование требуемое количество земли для двух заводов, т. е. трубочного и патронного, общей площадью около 65 десятин (около 71 гектара)¹⁴. Местные власти с энтузиазмом восприняли инициативу ГАУ и предложили несколько различных вариантов размещения будущих оборонных предприятий. Комиссия детально изучила предложения поволжских городов и в своем докладе в артиллерийское ведомство сообщала, что для постройки нужных военных заводов весьма удобной может быть признана казённая земля из оброчных статей¹⁵ Яблонского участка Царицинского уезда Саратовской губернии или территория Алтай-горы и Жареного бугра Самарского уезда этой же губернии. Также комиссия отметила, что для постройки порохового и мелинитового заводов может быть отведена земля из оброчных статей Карагужинского участка Царицинского уезда Саратовской губернии или Саблинского участка Бузулукского уезда Самарской губернии, на которые следует обратить особое внимание¹⁶.

К лету 1905 г. комиссия пришла к некоторым промежуточным результатам касательно места будущего размещения нового трубочного завода. Председатель комиссии М. А. Огранович в своём рапорте от 15 июля 1905 г. докладывал в ГАУ, что члены комиссии выехали 20 июня из Петрограда и осмотрели все 12 участков земли согласно выданному предписанию. Тщательно обсудив и взвесив все достоинства и недостатки осмотренных территорий, комиссия пришла к мнению, что большинство участков имеют значительные недостатки и не подходят по тем или иным причинам для постройки заводов¹⁷.

Наиболее подходящими для постройки трубочного и патронного заводов были признаны участки, предложенные Самарой. В докладе председателя комиссии в ГАУ отмечалось, что самарские власти готовы отдать в вечное пользование участок земли

в 22 десятины (24 гектара), т. е. больше необходимого, но исключительно для трубочного завода. Исходя из этого, М. А. Огранович указывал, что крайне желательно и необходимо создание при новом трубочном заводе мастерской для изготовления специальных капсюлей¹⁸.

Как показывал опыт производственной деятельности, для изготовления дистанционных трубок было необходимо наличие алюминия, меди, свинца, цинка, олова, латуни, гильз, нефти, угля, кокса, дров, касторового масла, сукна, ветоши и др.¹⁹ Все эти требования, в том числе по наличию и доставке материалов, могли быть успешно реализованы при выборе самарских участков под устройство новых заводов. Их плюсами являлись: наличие кирпичных и чугунно-литейных заводов, большое количество населения и, соответственно, рабочих рук, близость крупной реки (Волги), высокоразвитая социальная инфраструктура, возможность постройки конной и железной дороги, что значительно облегчит коммуникацию и логистику, значительная удаленность от государственной границы (в то время Самара находилась на расстоянии в тысячу километров от любых государственных границ). Также это был регион с бурно развивающейся экономикой²⁰. Вдобавок председатель комиссии отмечал, что спешность постройки второго трубочного завода *«не только желательна, но крайне необходима»*. Это давало бы возможность к 1908 г. завершить выполнение всех нарядов по производству дистанционных трубок и взрывателей и освободить Петербургский трубочный завод от трёхменной работы. М. А. Огранович особо отмечал сложившееся критическое положение на столичном предприятии, при котором его оборудование работало с максимальной производительностью на пределе своих возможностей.

В пользу выбора именно Самарской губернии для постройки нового трубочного завода отмечалась возможность комплексного размещения новых артиллерийских промышленных производств в этом регионе. Помимо устройства указанного предприятия, Самарской городской думой был предложен участок земли для постройки и нового патронного завода. Будущее производство патронов предполагалось разместить на расстоянии около 1,5 км от участка трубочного завода. Председатель комиссии отмечал, что размещение трубочного и патронного заводов у городской черты, а порохового и взрывчатых веществ в 50 км от города

представляет для артиллерийского ведомства *«огромное удобство во многих отношениях»*²¹.

Однако для окончательного выбора мест для постройки новых военно-промышленных предприятий необходимо было согласовать и юридические вопросы о переходе прав собственности на землю. Так, 4 июля 1905 г. комиссией было высказано мнение о том, что район старого ипподрома Самары прекрасно подошёл бы для строительства трубочного завода. Площадь его территории составляла 40 десятин (около 44 гектар)²². Одновременно были предприняты попытки получения земельных участков для создания коммуникаций под новые производства. Самарская городская дума в августе 1905 г. сообщила в ГАУ о проработке вопроса по выкупу требуемого участка у частного предпринимателя Л. С. Аржанова для отчуждения полосы земли шириной 6–12 метров с целью устройства на ней заводского водопровода и нефтепровода²³. Но в сентябре того же года был получен отказ от данного предложения. Землевладелец Л. С. Аржанов настаивал на использовании под указанные цели территории Гранного оврага, что и было в итоге реализовано впоследствии²⁴. Как вариант, для размещения трубочного производства рассматривался и участок земли, принадлежащей «Франко-русской мастерской». Но по итогу осмотра комиссия посчитала, что на её месте производство трубок и взрывателей невозможно²⁵. Не менее остро стоял вопрос о выявлении конечного правообладателя отчуждаемых для строительства завода земель. В сентябре 1905 г. Самарская городская дума вела длительную переписку с артиллерийским ведомством о согласовании этого вопроса. Самара считала необходимым узаконить возврат участка в городскую казну в случае демонтажа предприятия. ГАУ же настаивало на бессрочном отчуждении земли в свою пользу²⁶.

Несмотря на вопросы, которые возникали при выборе места размещения нового военного предприятия промышленности, оптимальный вариант всё-таки был найден. Выбор был сделан в пользу Самары, которая лучше всех подходила под требуемые критерии отбора, после чего произошло согласование этого вопроса в военном ведомстве России. В сентябре 1905 г. состоялось заседание ГАУ, на котором исполняющий должность генерал-фельдцейхмейстера Д. Д. Кузьмин-Караваев высказался о необходимости форсированного создания временной хозяйственно-строительной комиссии для постройки второго трубочного

завода²⁷. Тем более, Петербургский трубочный завод нуждался в скорейшем получении «союзника» для выполнения нарядов на производство дистанционных трубок.

23 сентября 1905 г. на очередном заседании артиллерийского ведомства было принято решение о создании комиссии для постройки завода, а также утверждён её штат²⁸. На неё в последующем были возложены обязанности по общей организации строительных работ, заготовке механизмов и устройству различных приспособлений, необходимых для действия сооружаемого предприятия, налаживанию необходимых заводских коммуникаций, а также ведение бухгалтерского учета. Таким образом, с осени 1905 г. комиссия окончательно определилась с выбором населённого пункта для создания в России второго трубочного казённого завода²⁹. Что касается судьбы патронного завода, то комиссия так и не смогла найти подходящего варианта для его постройки в Самарской губернии. Строительство нового патронного завода пришлось временно отложить.

Подводя итоги работы комиссии по выбору нового места для строительства второго трубочного завода, можно сделать следующие выводы:

1. после Русско-японской войны 1904—1905 гг. и нарастающего конфликта в Европе в русской армии резко возросла потребность в средствах инициации артиллерийских снарядов;

2. единственно существовавший в то время в столице трубочный завод не мог справиться с нарядами по производству дистанционных трубок, возложенных на него артиллерийским ведомством, и был вынужден работать в три смены, что не лучшим образом сказывалось на качестве выпускаемой продукции. Для устранения данной проблемы появилась необходимость в создании дополнительного производства;

3. была проведена тщательная и кропотливая работа по выбору места, удовлетворяющего указанным требованиям. Выбор был сделан в пользу города Самары как имеющего развитую железнодорожную и речную транспортную сеть, достаточное количество средних специальных учебных заведений, высокую численность свободной рабочей силы в месте строительства завода. Регион находился на достаточном удалении от государственной границы и имел возможность комплексного размещения новых артиллерийских промышленных производств.

- ¹ РГВИА. Ф. 504. Оп. 8. Д. 1559. Л. 2 об.
- ² Там же. Д. 1562. Л. 32.
- ³ Там же. Д. 1559. Л. 7—7 об.
- ⁴ Там же. Л. 3—3 об.
- ⁵ Там же. Л. 23—25 об., 178.
- ⁶ Там же. Л. 5—6 об.
- ⁷ Там же. Ф. 504. Оп. 8. Д. 1562. Л. 33, 48, 50—60.
- ⁸ Там же. Д. 1559. Л. 8.
- ⁹ Там же. Д. 1562. Л. 36.
- ¹⁰ Там же. Д. 1559. Л. 103—103 об.
- ¹¹ Там же. Л. 66.
- ¹² Там же. Л. 250—260.
- ¹³ Там же. Л. 213.
- ¹⁴ Там же. Л. 74.
- ¹⁵ Под оброчной статьей понимается земля, отдаваемая частным лицам в содержание за известную периодическую плату, которая уменьшается с течением времени.
- ¹⁶ РГВИА. Ф. 504. Оп. 8. Д. 1559. Л. 13—13 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 74.
- ¹⁸ Там же. Л. 75.
- ¹⁹ Там же. Л. 161.
- ²⁰ Там же. Л. 84—90.
- ²¹ Там же. Л. 75.
- ²² Там же. Л. 141.
- ²³ Там же. Л. 196.
- ²⁴ Там же. Л. 219.
- ²⁵ Там же. Л. 270—280.
- ²⁶ Там же. Л. 210—215.
- ²⁷ Там же. Л. 225—225 об.
- ²⁸ Там же. Л. 266.
- ²⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 29. 1909 г. № 32301.

С. В. Талантов (Москва)

К ВОПРОСУ О БЫТОВАНИИ ШАШКИ НА КАВКАЗЕ И ДОНУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Д О ТОГО КАК перейти непосредственно к теме нашей статьи, необходимо вспомнить, что представляет собой шашка, рассмотрев её характеристики, данные разными авторами в последние десятилетия. Прежде всего, можно вспомнить определение, данное Э. Г. Аствацатурян: «Шашка представляет собой разновидность сабли... она обладает более коротким клинком, не имеющим штыкового конца и защиты для руки»¹. «Рукоять представляет собой наиболее оригинальную часть шашки, отличающую её от сабли. Цельная рукоять надевается на хвостовик; если же она состоит из двух половин, то эти половинны накладываются на хвостовик с обеих сторон и скрепляются друг другом при помощи заклёпок. Черен имеет преимущественно овальное сечение... Головка рукояти крупная... Сверху на головке имеется клинообразный вырез... — уши. Крестовины для защиты рукоять не имеет»². Известный специалист по холодному оружию А. Н. Кулинский определяет шашку так: «Шашка — клинковое оружие (в иностранной литературе считается разновидностью сабли) с клинком незначительной кривизны и эфесом с простой гардой или без неё»³. «Первоначально на вооружении русской иррегулярной кавалерии состояла шашка кавказского типа, имеющая клинок небольшой кривизны с двулезвийным боевым концом и эфес, состоящий только из рукояти и с раздваивающейся головкой без каких-либо защитных приспособлений. Такой типичный кавказский эфес можно считать одним из основных признаков шашки как вида холодного оружия»⁴. Современный американский исследователь К. Ривкин пишет о шашке следующее: «Шашка — рубящее оружие, относительно короткое (60—90 см), лёгкое, крайне простой

конструкции... Гарды на шашке нет... Рукоять изготовлена из рога, на дорогих образцах — из моржового клыка..., заканчивается раздвоенными ушами... Рукоять кавказской шашки утапливается в ножны, из которых остаётся видна только её верхняя часть»⁵.

То есть, все авторы сходятся на том, что шашка — это разновидность сабли с клинком небольшой кривизны, рукоятью без гарды и с наверху характерной формы в виде раздвоенных «ушей», устроенной так, что входит в устье ножен по головку. Также подавляющее большинство авторов считают отличительным признаком шашки особый способ её ношения.

Долгое время достоверной информации о бытовании шашки в XVIII в. в специальной литературе по кавказскому оружию практически не встречалось. Источником редких ссылок по этому вопросу обычно являются описания вооружения кавказских народов, составленные этнографами в ходе путешествий и экспедиций. Такие данные, безусловно, ценны для исследователей, но, на наш взгляд, передают только избирательную информацию, которую авторам удавалось почерпнуть в ходе собственных наблюдений во время путешествия. К сожалению, оружию в таких работах обычно уделялось недостаточно внимания. Кроме того, в подобных источниках объективность оценок и суждений может не соответствовать тем требованиям, которые формирует современный запрос на источники информации надлежащей степени точности и достоверности. Многие авторы, оставившие записки о своих путешествиях, разбирались в местной оружейной терминологии не настолько хорошо, чтобы использовать в тексте специальный термин, отличающий увиденный предмет вооружения от сабли. Так, российский офицер Леонтий Леонтьевич фон Штедер, совершавший путешествие по Кавказу в 1781 г., описал вооружение осетин, состоявшее в том числе «из лёгкой хорошей сабли, которая более прямая, чем изогнутая»⁶. Не исключено, что таким образом могла быть описана шашка, однако, из-за незнания соответствующего названия увиденного им оружия Штедер использовал известное ему слово «сабля». Еще более детальным является описание длинноклинового оружия осетин, составленное профессором Дерптского университета Моритцем фон Энгельгардтом, совершившим в 1811 г. путешествие на Кавказ: «Оружие осетин похоже на оружие остальных кавказских народов и состоит из ружья турецкой работы, слегка изогнутой сабли, которая не имеет рукоятки, но снабжена ручкой; она входит

в ножны до набалдашника»⁷. На наш взгляд, описание эфеса здесь выглядит несколько путанным, так как, вероятно, внимание переводчика не было сфокусировано на точности перевода специфических терминов, связанных с оружием. Интересующий нас отрывок в оригинальном тексте 1815 года издания выглядит следующим образом: «...einem schwachgekrümmten Säbel, der ohne Bügel, bloß mit einem Griff versehen, bis an den Knopf in der Scheide steckt»⁸ и может быть переведён, с учётом принятой в современном оружейоведении терминологии, как «...слегка изогнутой сабли, которая не имеет дужки, но снабжена рукоятью, входящей в ножны до наверхия (головки)». Очевидно, что описанная автором «сабля» обладала характерными признаками шашки, однако название этого вида оружия было ему незнакомо.

На сегодняшний день одним из вопросов, связанных с шашкой, является достоверная информация о её бытовании в XVIII в. Некоторые специалисты по историческому оружию в публичных дискуссиях в сети Интернет ещё недавно скептически относились к информации о распространении шашки в XVIII в. у казаков и некоторых кавказских народов. Необходимо отметить вклад оружейоведа и специалиста по казачьему оружию А. Ю. Кузнецова (Нальчик, Россия), который первым инициировал общественную дискуссию о бытовании шашки в XVIII в. у казаков и, тем самым, привлёк внимание сообщества оружейоведов к данному вопросу. В нашей статье мы обращаемся к официальным документам второй половины XVIII в., связанным с взаимоотношениями российской администрации с кавказскими народами, и документам по Войску Донскому, в которых встречаются упоминания этого специфического длинноклинового оружия.

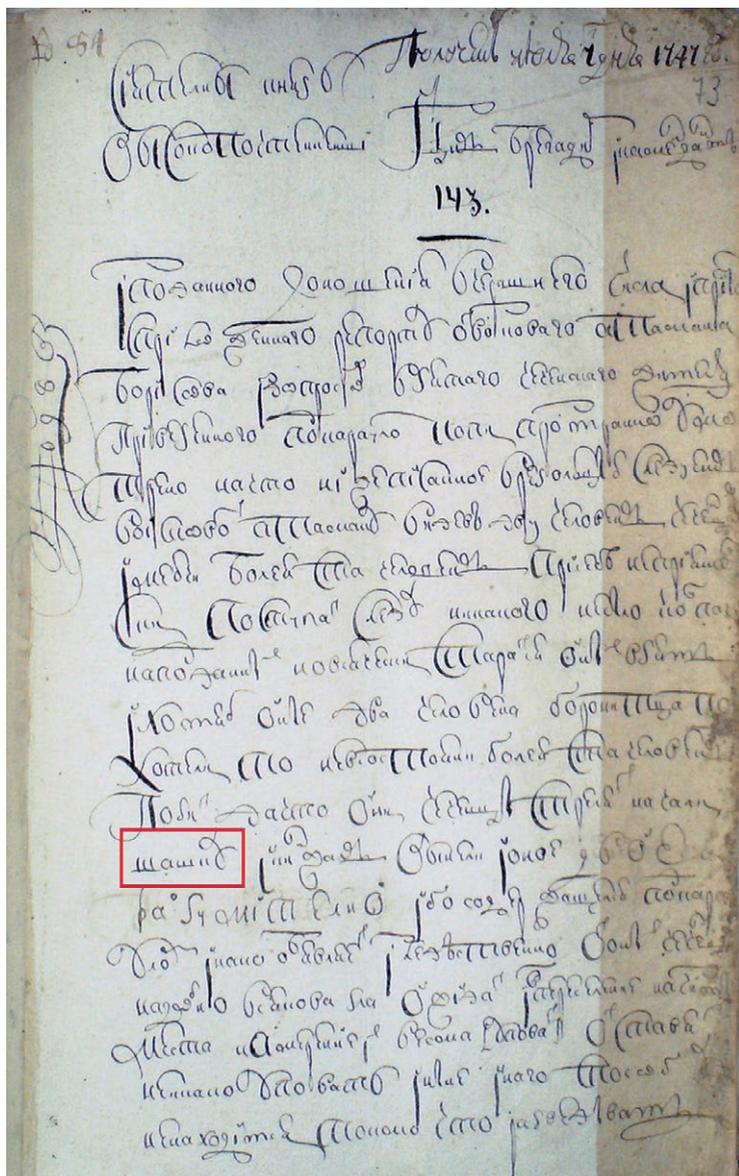
Как известно, самые ранние известные на данный момент изображения шашки зафиксированы на фресках второй половины XVII в. в церквях Западной Грузии⁹ и на миниатюрах в восточногрузинской рукописи «Ростомииани» того же периода¹⁰. Безгардовое длинноклиновое оружие упомянуто в виде термина «лекури» в «Толковом словаре грузинского языка», который составил на рубеже XVII—XVIII вв. грузинский государственный деятель и просветитель Сулхан-Саба Орбелиани¹¹. Учитывая тесные связи Грузии с народами Северного Кавказа, можно уверенно предположить, что шашка была хорошо известна и бытовала по обе стороны Кавказского хребта. Так, одно из первых упоминаний шашки встречается в предписании командующего войсками

в Кизляре генерал-лейтенанта Андрея Петровича Девица кизлярскому коменданту Василию Елисеевичу Оболенскому от 6 июля 1747 г., в котором речь идет о стычке казаков с чеченцами: «Да что они, чеченцы, стрелять начали, **шашку** и кинжал вынели...»¹². Особого внимания, помимо шашки, в этом документе, безусловно, заслуживает кинжал. Хотя это и не касается темы статьи, но в контексте вопроса о появлении на Северном Кавказе кинжалов с прямыми клинками датировка документа представляет значительный интерес. Возможно, перед нами одно из самых ранних известных упоминаний кинжала как элемента вооружения на Северном Кавказе в XVIII в. Мы не знаем, являлся ли упомянутый предмет кинжалом типа «кама», но вероятность бытования такого кинжала в комплексе с ружьём и шашкой, на наш взгляд, достаточно велика. Надеемся, что публикуемое в нашей статье изображение указанного выше документа 1747 г. будет интересно для читателя (ил. 1, 2).

В Описании кабардинского народа 1748 г. из материалов Коллегии иностранных дел про оружие сказано следующее: «А сабли и сашки припущенные у каждого кабардинца, да и панцыря редкой человек не имеет. Пищали у них крымские и кубачинские, и больше винтопальные, но притом короткие и лёгкие. Они при драке их с неприятельми ис пищалей стреляют каждой только один раз, а потом все саблями и сашками рубят и колют»¹³. По мнению большинства исследователей, слово «сашка», приведённое здесь — это вариант написания слова «шашка».

Также представляет интерес описание вооружения гребенских казаков середины XVIII в. из «Портфелей Миллера»¹⁴, где, помимо прочего оружия, упомянуты шашки и сабли¹⁵. Заметим, что по предположению известного кавказоведа, доктора исторических наук профессора В. Б. Виноградова описание гребенских казаков составил военный инженер Александр Иванович Ригельман¹⁶, посещавший Кизляр по службе в 1757 г.¹⁷

Особый интерес в контексте темы статьи представляют материалы, содержащие информацию о бытовании интересующего нас оружия непосредственно во второй половине XVIII в., к которым мы обращаемся далее. Существовавшие экономические и культурные связи между народами Кавказа и Российской империей способствовали достаточно интенсивным дипломатическим отношениям. Помимо светских отношений нельзя не упомянуть активную миссионерскую деятельность грузинской епархии по обращению

Ил. 1. Предписание командующего войсками в Кизляре А. П. Девица кизлярскому коменданту В. Е. Оболенскому, 1747 г. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 154. Л. 73

в христианство северокавказских народов и создание в середине 1740-х гг. Осетинской духовной комиссии, которую возглавил архимандрит Пахомий. Основные усилия проповедников были направлены на крещение осетин и соседних с ними народов, в том числе ингушей. В донесении архимандрита Пахомия кизлярскому коменданту Ивану Львовичу фон Фрауендорфу от 29 ноября 1759 г., в котором описано нападение кабардинцев на ехавших из Осетии в Кизляр самого архимандрита «с некоторыми духовными персонами и новокрещённым киштинским старшиною Аврамом и с родным ево Аврама племянником Мирзюю, которые от киштинского народа отправлены были до вашего превосходительства для общекиштинского народного дела с представлением»¹⁸, перечислено оружие, отнятое у последних кабардинцами: «А старшину с племянником ево вторично поймали и завезав им назад руки, обобрав у них ружии и **шашки**...»¹⁹.

Опасность, исходящая от Персии, вынуждала грузинских царей просить защиты у России. Так, в 1760 г. картлийский царь Теймураз II выехал в Санкт-Петербург, чтобы просить помощи у императрицы Елизаветы Петровны. Прибыв в столицу весной 1761 г., картлийский царь был принят императрицей, однако переговоры о военно-политической поддержке не увенчались успехом. Находясь в Санкт-Петербурге, Теймураз II умер в январе 1762 г., откуда его тело было вывезено и похоронено в Астрахани. В описании вооружения свиты умершего картлийского царя, проезжавшей летом того же 1762 г. обратно из России в Грузию через Кизляр, упомянуты «ружей пятьдесят, сабель и **шашек** семьдесят шесть»²⁰.

После основания в 1735 г. российского форпоста на Северо-Восточном Кавказе — Кизлярской крепости, где был организован таможенный пост («карантин»), торговые пути из Закавказья через Дербент и Дарьяльское ущелье проходили через кизлярскую пограничную таможню. Кизляр стал основным административным и торговым центром в регионе, куда приезжали за необходимыми товарами казаки и представители местных народов. Позже, в 1763 г., была основана крепость Моздок, также ставшая важным пунктом на торговом пути из Грузии и центром торговли с северокавказскими народами²¹. Периодически в отношениях между российской администрацией и отдельными объединениями кавказских народов возникало напряжение, которое, помимо боевых действий, выражалось в торговых и экономических

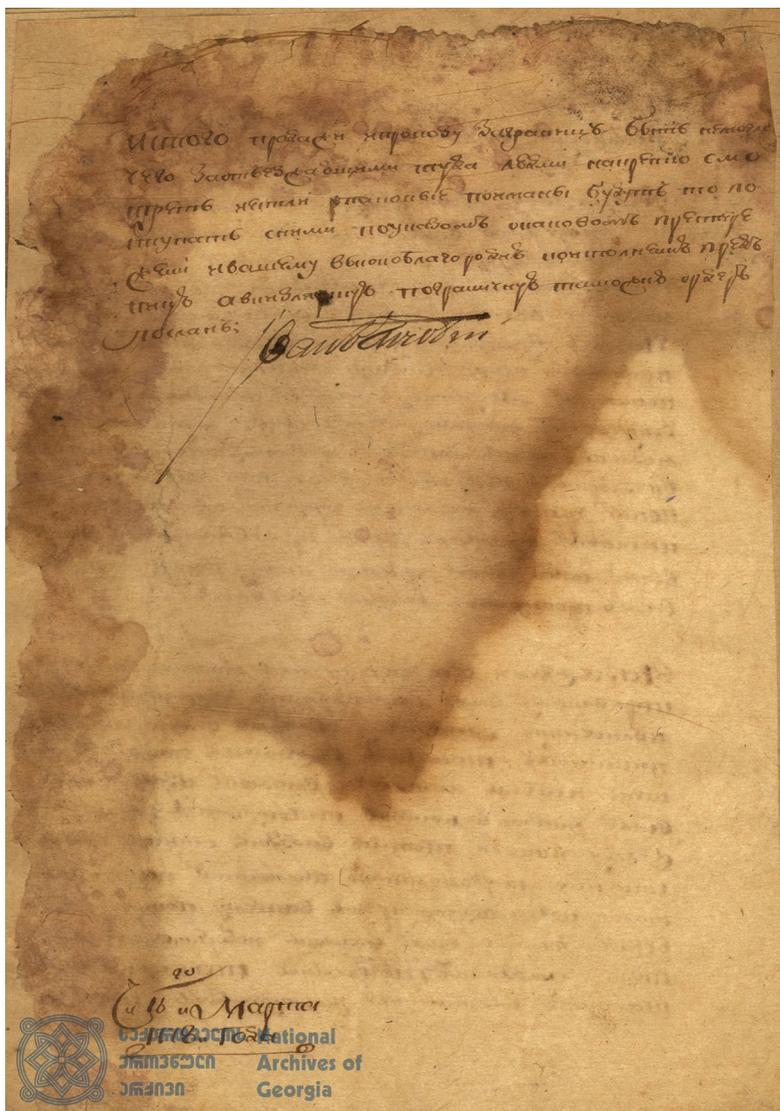
санкциях. В реестре взятого кизлярским комендантом Николаем Алексеевичем Потаповым у кабардинских князей скота от 10 декабря 1768 г. перечислено вооружение находившихся при этом событии кабардинцев: «ружей, в том числе крымской работы и серебряную оправой два — 15, **шашек** — 2» — у одной группы, «ружей — 2, **шашек** две, кинжал один» — у другой²². Несомненно, кроме прочих предметов вооружения особого внимания здесь заслуживает упоминание кинжала. Однако вопрос о бытовании этого вида оружия на Северном Кавказе выходит за рамки статьи и станет темой нашего отдельного исследования. Заметим, что этот во всех отношениях интересный документ, опубликованный в 1957 г., к сожалению, ранее оставался без должного внимания большинства исследователей кавказского оружия.

Крепости Кизляр и Моздок в XVIII в. (за исключением периода 1785—1790 гг., когда они были включены в виде уездов в состав временно образованной Кавказской губернии) входили в состав Астраханской губернии и, соответственно, были в подчинении астраханского губернатора. В 1778 г. во время восстания кабардинцев астраханский губернатор генерал-майор Иван Варфоломеевич Якоби «прекратил продажу им (*кабардинцам*) (курсив наш. — С. Т.) из Моздока и Кизляра вещей, к вооружению необходимо потребных»²³. В ордере (приказе) генерал-майора Якоби моздокскому коменданту А. Иванову написано следующее: «Присланным ко мне репортом вашим представляется, что торгующие в Моздоке жители и приезжие из Грузи[и] за привозом ими ис Кизляра продают тамо ружей[ные] новые стволы, **шашечные полосы**, шинное железо и свинец, что всевысочайшими указы, хотя за границу пропускать не велено, но по неограниченности тамошней около крепости открытости караулами, потаённых провозов усмотреть невозможно, то и требовать запрещения о неотпуске сих ружей и металлов в Моздок. А как и в самом деле по многому состоянию в Кизлярском крае азиатского народа, а особливо в самом конце границ Моздоцкой крепости никакая бдительность тайных провозов того пресечь не может быть в силах, как единое средство к тому воспрепятствованию приступить несколько поодаль. В рассуждении сего посланным от меня в Кизляр к правящему тамо комендантскую должность подполковнику Заметаеву орденом велено: из предписанных товаров ружейных стволов, **шашек** и сабель ис Кизляра в Моздок и за границу, в силу указов, ни с кем не пропускать; да и свинцу, железу

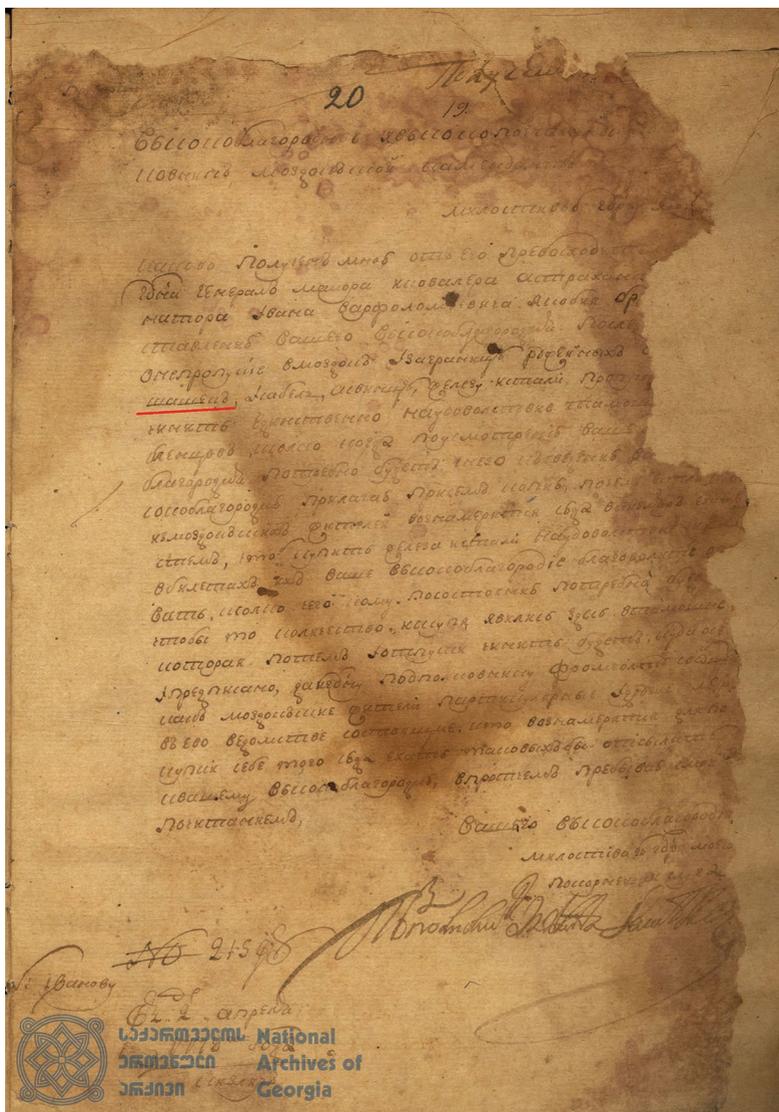
и стали отпуск в Моздок чинить единственно на удовольствие тамошних поселенцев, сколько когда, по усмотрению вашему, потребно будет. В чём и иметь Вам сношение и общественное соглашение с кизлярским комендантом и пограничною таможенною, но с крайним о излишестве усмотрением, чтоб ис того продажи и провозу за границу быть не могло, чего за отъезжающими туда людьми накрепко смотреть, и есть ли таковые пойманы будут, то поступать с ними по указом, о каковом престоережении и вашему выполнению предписую, а в Кизлярскую пограничную таможенную ордер послан»²⁴.

В результате сложившихся обстоятельств, из-за невозможности осуществления контроля ограничений на продажу оружия за пределами Моздока, временно был запрещён провоз оружия из Кизляра в Моздок. В предписании кизлярского коменданта И. Заметаева моздокскому коменданту А. Иванову также говорится «о непропуске в Моздок и за границу ружейных с[т]волов], **шашек** и сабель»²⁵. В нашей работе мы впервые приводим оригиналы этих, на наш взгляд, весьма интересных документов 1778 г. (ил. 3–5).

Из вышеупомянутых приказа и предписания следует, что из Грузии на Северный Кавказ привозились шашечные «полосы» — клинки, которые продавались местными торговцами не только в самих российских крепостях, но и вывозились на продажу «за границу» — в Кабарду и территории других народов. Очевидно, что клинки собирались с рукоятями и «одевались» уже на месте мастерами, работавшими в различных региональных центрах. Кавказские мастера приезжали в российские города-крепости для занятия ювелирным промыслом. В 1764 г. в рапорте в Коллегию иностранных дел атаман Войска Донского Степан Ефремов сообщает, что в Черкасск из Кабарды приехал «для оправки работою здешним казакам ружей, сабель и протчей поделки Исмаил Аджи с товарищи»²⁶. Кумыкский шамхал Муртазали в письме от 1 мая 1772 г. просил кизлярского коменданта Фёдора Ивановича Паркера оказать возможное содействие мастерам серебряных дел, выехавшим в Кизляр для промысла: «В(ашему) Высокор(одиу), приятелю моему чрез сие объявляю, что при сем отправилась ближнии мои люди до вас в Кизляр Юсуп и Мамат, которые умеют серебряное мастерство и будут тамо тем пропитатца»²⁷. Также необходимо упомянуть, что оружие являлось ликвидным товаром при натуральном обмене в регионе, часто заменяя

Ил. 4. Ордер астраханского губернатора П. В. Якоби моздокскому коменданту А. Иванову о запрещении вывоза за границу ружейных стволов, шашечных полос, железа и свинца и установлении соответствующего надзора. 1778 г. Государственный архив Грузии. Ф. 1007. Оп. 1. Д. 8. Л. 19 об.

Ил. 5. Предписание кизлярского коменданта П. Заметаева моздокскому коменданту А. Иванову об ограничении торговли металлами, ружейными стволами, шашками и саблями, во избежание их вывоза за границу. 1778 г. Государственный архив Грузии. Ф. 1007. Оп. 1. Д. 8. Л. 20

деньги. В показаниях осетина Курмана Маремкулова, данных в Моздокской комендантской канцелярии в апреле 1784 г., о сбежавшем грузине Клахе Иванове перечислены товары, за которые последний был куплен в 1783 г. у другого осетина, захватившего Иванова и его родственников во время набега: «А отдано за него 100 баранов, 2 ружья, 2 **шашки**, 9 скотин рогатых, материи полушелковой и бумажной ценою на 20 рублёв»²⁸. Заметим, что нападения на грузинские селения и грабежи купеческих караванов, совершавшиеся представителями горских народов, в рассматриваемый период не были редкостью. Так, ограбленному представителями одного из осетинских обществ при проезде через Дарьяльское ущелье в 1780 г. купцу предлагалось вернуть отнятый товар — взамен горскому старшине должны были быть привезены «лошадь, ружье, **шашка с прибором** и панцырь»²⁹. Заметим, что шашки бытовали и у самих купцов, занимавшихся торговлей на Северном Кавказе. В документах Кизлярской комендантской канцелярии 1781 г. имеются описания личного вооружения восточных и армянских купцов — жителей Кизляра, ехавших с товаром в Тарковскую деревню (Тарки) и Андреевскую деревню (Эндирей). Помимо кинжалов, пистолетов и ружей в этих документах упомянуты и шашки³⁰.

Необходимо отметить, что шашка, являясь разновидностью восточного длинноклинкового оружия, не «приняла» восточные сабельные клинки известных типов: плоские персидские, типичные для шамширов, и широкие турецкие с характерной геометрией и структурой долов, типичные для сабель, называемых «кльч» или «пала». Значительное количество клинков для кавказских шашек импортировалось из Европы. Немаловажно, что как было указано выше, астраханский губернатор в своем приказе упоминает не только сами шашки наряду с саблями, различая эти виды оружия, но и шашечные полосы, что исключает вероятность несоответствия названия оружия «шашка» его современному значению в оружейведении. Из российских документов второй половины XVIII в., составленных на Кавказе и Дону, ясно следует, что писавшие их лица достаточно разбирались в оружии и знали разницу между шашкой и саблей, упоминая оба вида оружия.

В то же время столичные чиновники могли путать эти виды оружия. Примером подобной неточности может служить шашка из собрания великого князя Петра Фёдоровича (с 1762 г. — императора Петра III), хранящаяся в Оружейной Палате (инв. № ОР-4003)³¹ и названная в дворцовой описи 1763 г. «саблей казачьей»³²,

несмотря на то, что предмет обладает всеми характерными для шашки признаками: шашечным эфесом, утапливаемым в ножны, и подвесом лезвием вверх³³. Обратим внимание, что в той же описи упомянуты другие «сабли казацкие»³⁴, и, судя по тому, что шашка Петра III названа в этой описи саблей, можно осторожно предположить, что некоторые из этих «сабель казацких» — на самом деле шашки. В описании этих предметов упомянуты признаки, косвенно подтверждающие наше предположение: клеймо на клинке, вероятно являющееся известным на Кавказе «волчком» — «на клинке волк»³⁵, и детали отделки — «гриф костяной чёрный»³⁶, «оправа серебряная вызолоченная», «оправлена серебром с чернью и портупея с набором»³⁷. Однако, для подтверждения нашего предположения требуется дополнительное исследование, поиск упомянутых предметов и сопоставление их с описаниями. Судя по названиям «сабля казачья» и «сабля казацкая», эти предметы, очевидно, ассоциировались у составившего опись чиновника с казаками, и мы можем предположить, что они оказались в Оружейной комнате императора в качестве подарков от казаков одной из лёгких или зимовых³⁸ станиц, находившихся в столице.

Нам известно о созданных в 1775 г. по повелению Екатерины II Донской и Чугуевской конвойных казачьих команд, которые были вооружены шашками, изготовленными для них на Тульском заводе в 1777 г.³⁹ Очевидно, принятие этого оружия на вооружение казачьих конвойных команд говорит о том, что к тому времени среди донских казаков шашка была распространена настолько широко, что ее предпочли сабле. В «Истории о Донских казаках», написанной в 1778 г. инженер-генерал-майором А. И. Ригельманом, уже упоминавшимся выше, говорится о вооружении донских казаков: «Оружия их: ружья, пистолеты, копья, шашки и сабли»⁴⁰. Ригельман находился на Дону в 1760—1770-е гг., где мог воочию видеть вооружение донских казаков. Заметим, что в документах по Донскому войску этого периода упоминания шашки встречаются регулярно. Так, старшина Василий Янов в рапорте от 26 марта 1770 г. «О разрешении ему некоторых вопросов по предмету назначения казаков к переселению в Азов и Таганрог» на имя атамана Войска Донского Степана Даниловича Ефремова пишет: «те наряжённые⁴¹ казаки не каждой имеет у себя такое оружие, какое в инструкции означено, а имеют по своему казацкому обыкновению одни из них ружья, сабли и **шашки**, а другие по паре или по одному пистолету

и пике...»⁴². В конце 1770-х гг. создавалась новая укрепленная Азово-Моздокская линия, куда на службу переводились казаки донских полков. В списке старшин и казаков, переводимых на линию в 1777 г., перечисляется их вооружение, где, помимо сабель, упомянуты и шашки⁴³. Представляет для нас интерес и список казаков из «Дела о поголовном походе (донских) казаков в Таврию» 1787 г., в котором перечислено оружие, которым был вооружен каждый казак из списка, — это сабли, шашки, дротики, ружья и пистолеты⁴⁴. Для наглядности мы сочли уместным опубликовать изображение одной из страниц этого документа (ил. 6).

Известны случаи, когда казаки убегали на Дон со службы и по подобным фактам производились следственные действия. В «Судном деле над чинами донских казачьих полков Денисова и Грекова, бежавших из Крыма» 1794 г. мы встречаем следующее описание вооружения 65 беглых казаков, в котором, помимо огнестрельного и древкового, перечислено и холодное оружие: «двадцать три **шашки** в железной оправе с поесками⁴⁵ и из них одна без поеска, двадцать сабель кривых простых в железной оправе с поесками, шесть сабель наподобие штацких с железною оправою, из коих одна без поеска, пять сабель с медною оправою, из коих одна штатская без поеска»⁴⁶.

Подводя итог нашего исследования, можно утверждать, что представленные нами документы неопровержимо свидетельствуют о том, что шашки у донских казаков в рассматриваемый период являлись распространённым длинноклиновым оружием наряду с саблями. Бытование же шашки на Кавказе и Дону говорит о тесных культурных и экономических связях между различными народами, населявшими эти регионы.

Также мы надеемся, что с учётом представленных в статье материалов, ранее не публиковавшихся в литературе по кавказскому оружию, некоторые выводы и предположения известных и уважаемых нами авторов о времени появления шашки в Дагестане и Грузии, такие как: «Дагестанские шашки появились под влиянием черкесских... и среди них, пожалуй, не встречаются клинки ранее XIX в. Письменные источники по Дагестану в XVIII веке также не упоминают шашку»⁴⁷ и «Грузинские шашки появляются, по-видимому, на рубеже XVIII—XIX вв.»⁴⁸, будут пересмотрены в работах современных исследователей.

В заключение отметим, что, по нашему мнению, сложившаяся на сегодняшний день тенденция выделять и рассматривать

		Кто воевал в битвах
Полтавские	Регимент	Иванов
Сторожки	Регимент	Иванов
Донские	Регимент	Иванов
Киевские	Регимент	Иванов
Харьковские	Регимент	Иванов
Львовские	Регимент	Иванов
Винницкие	Регимент	Иванов
Черкасские	Регимент	Иванов
Хмельницкие	Регимент	Иванов
Кишиневские	Регимент	Иванов
Бессарабские	Регимент	Иванов
Одесские	Регимент	Иванов
Херсонские	Регимент	Иванов
Закарпатские	Регимент	Иванов
Таврические	Регимент	Иванов

Ил. 6. Дело о поголовном походе (донских) казаков в Таврию. 1787 г. Список казаков и их вооружения. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 122. Л. 61 об.

определённые виды оружия в контексте одной этнической группы, сословия или народа мешает изучению бытования оружия в масштабе всего региона и единого социокультурного пространства, которым является Кавказ. Данной статьёй мы пытаемся несколько скорректировать вектор изучения кавказского оружия и надеемся, что наши скромные изыскания будут полезны другим исследователям в их работе.

¹ Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. СПб., 2004. С. 50.

² Там же. С. 58.

³ Кулинский А. Н. Русское холодное оружие. СПб., 2005. С. 15.

⁴ Там же. С. 213.

⁵ Ривкин К. Холодное оружие Кавказа. Определитель. Альманах № 7/2012. История оружия. Музей истории оружия. Запорожье, 2012. С. 34–35.

⁶ Калоев Б. А. Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII–XIX вв.). Орджоникидзе, 1967. С. 27–70.

⁷ Там же. С. 183–195.

⁸ von Engelhardt M., Parrot Fr. Reise in die Krym un den Kaukasus. Berlin, 1815. Т. 1. S. 188.

⁹ Талантов С. В., Двалишвили Л. Б. Изображения шашки в монументальной живописи Западной Грузии XVII века // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Девятой Международной научно-практической конференции. СПб.: ВИМАИВиВС, 2019. Ч. 2. С. 394–407.

¹⁰ Цурцумия М. Средневековое грузинское войско (900–1700): Организация, тактика, вооружение. Тбилиси, 2016 (на груз. яз.).

¹¹ Орбелиани Сулхан-Саба. Толковый словарь грузинского языка XVII–XVIII вв. Тбилиси, 1949. С. 329 (на груз. яз.).

¹² Ахмадов Я. З. Чечено-русские отношения в XVIII веке. Грозный, 2019. Т. 1. С. 219.

¹³ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 2. С. 158.

¹⁴ Портфели Герхарда Фридриха Миллера – комплекс коллекций исторических материалов, собранных академиком Г. Ф. Миллером (1705–1783), одним из крупнейших историков XVIII в., служившим (с 1766), управляющим Московским архивом Коллегии иностранных дел (1775), а также личный и творческий архив учёного.

¹⁵ Косвен М. О. Описание гребенских казаков XVIII века // Исторический архив. 1958. № 5. С. 181–184.

¹⁶ Виноградов В. Б., Магомадова Т. С. О месте первоначального расселения гребенских казаков // Советская этнография. № 3. 1972. С. 32.

¹⁷ Оразаев Г. М.-Р. Тарихи Кызларкала. Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука, 1993. С. 215.

¹⁸ Блиев М. М. Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Орджоникидзе, 1976. Т. 1. С. 415.

¹⁹ Там же.

²⁰ Гамрекели В. Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII веке. Тбилиси, 1976. Ч. II. Документ № 210.

- ²¹ Гамрекели В. Н. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом. Тбилиси, 1968. С. 222–223.
- ²² Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2. С. 286.
- ²³ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 2. С. 51.
- ²⁴ Гамрекели В. Н. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом. С. 210–211.
- ²⁵ Там же. С. 211.
- ²⁶ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2. С. 235.
- ²⁷ Гаджиев В. Г. Русско-дагестанские отношения в XVIII — начале XIX в.: Сб. документов. М., 1988. С. 144.
- ²⁸ Тамрекели В. И. Межкавказские политические и торговые связи восточной Грузии (конец 60-х — начало 90-х годов XVIII в.) // Документы и материалы. Тбилиси, 1980. Вып. I. С. 164–165.
- ²⁹ Тамрекели В. Н. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом. С. 213.
- ³⁰ Гаджиев В. Г. Русско-дагестанские отношения в XVIII — начале XIX в. С. 167–168.
- ³¹ Левыкин А. К. Московский Кремль: Императорская Рюст-камера. СПб., 2004. С. 150.
- ³² РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 61274. Л. 130.
- ³³ Левыкин А. К. Московский Кремль: Императорская Рюст-камера. С. 150.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 61274. Л. 130 об.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Гриф костяной чёрный — вероятно, так назван эфес из рога.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 61274. Л. 130 об., 132 об.
- ³⁸ Зимовая станица — специальное казачье посольство к союзникам, в первую очередь в Московское государство, сношение с которым поддерживалось с XVII в. через Посольский приказ. Называлась зимовой, поскольку посольство отправлялось в Москву обыкновенно зимой, а возвращалось весной по талой воде. В зимовые станицы включалось от 80 до 150 казаков. Отряжались они почти ежегодно для получения от русского царя жалования, огнестрельных припасов, хлебного довольствия и т. п.
- ³⁹ Леонов О. Г. Русский военный костюм. Эпоха Екатерины II. М., 2010. С. 104.
- ⁴⁰ Ригельман А. И. История или Повествование о донских казаках. М., 1846. С. 136.
- ⁴¹ Наряжённые — отправляемые.
- ⁴² Труды Донского войскового статистического комитета. Отдел второй. Материалы для истории войска Донского. Вып. 1. Новочеркасск, 1867. С. 18.
- ⁴³ Гусев В. А. Служба донских казаков, XVIII век. Отставные казаки Войска Донского, 1777 год: материалы по истории и генеалогии казачества. Вып. XII. Волгоград, 2019.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Поесок (поясок) — португя.
- ⁴⁶ Гусев В. А. Служба донских казаков, XVIII век. Мятаж на Дону по случаю указа о поселении семейных казаков на Кавказскую линию: материалы по истории и генеалогии казачества. Вып. XI. Волгоград, 2018.
- ⁴⁷ Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. СПб., 2004. С. 211.
- ⁴⁸ Там же. С. 344.

Ю. Г. Тарасевич (Гродно, Республика Беларусь)

СОРОКОВЫЕ ПИЩАЛИ В НОМЕНКЛАТУРЕ ЛЁГКОЙ АРТИЛЛЕРИИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА XVI ВЕКА

В ПРЕДЫДУЩЕЙ ПУБЛИКАЦИИ была сделана попытка рассмотреть проблему классификации лёгкой артиллерии Московского государства XVI—XVII вв. с точки зрения подобия номенклатур орудийных образцов в Москве и в государствах Западной Европы.

В последующих частных дискуссиях по этой теме выявилась недостаточная, на наш взгляд, освещённость вопроса порохов, используемых в артиллерии указанного периода, и влияние типа заряда на конструкцию тогдашних орудий.

Цель данной статьи — дополнительно осветить этот вопрос, в том числе применительно к артиллерии Московского государства, и уточнить некоторые положения предыдущей публикации¹.

Проблема

Как известно, в описях артиллерийских нарядов Московского государства XVI—XVII вв. устойчиво выделяются несколько различных по названию типов орудий, имеющих близкие размеры ствола и схожий интервал калибров, притом со значительным разбросом минимальных и максимальных известных калибров. Речь о *пищалих полуторных*, *«волконетах»* (в разнообразных написаниях), *девятипядных*, *полковых*, *сороковых* и *семипядных*. Кроме того, в тех же описях, по крайней мере до конца XVII в., устойчиво и в большом количестве встречаются неуточнённые по типу «пищали» примерно тех же размеров и калибров.

Особый интерес представляет идентификация сороковых пищалей XVI в., поскольку этот вопрос, как мы полагаем, связан с принципиальным вопросом истории артиллерийской техники, а именно, с историей техники пороха².

Метод

Большой проблемой при изучении артиллерии Московского государства XV—XVI в. является почти полное отсутствие в научном обороте технической и производственной документации³. Неизвестны и книги русских авторов той поры, посвящённые артиллерийской технике, подобные фундаментальным работам Тарталья и Бирингуччио или позднейшим обобщающим работам (Колладо, Уффано и др.).

Так что развитие артиллерийской техники в Москве, особенно в ранний период, известно с пробелами. Плохо понятно, например, что именно, почему и в каких количествах производилось в течение почти 80 лет, прошедших между приездом в Москву Аристотеля Фиораванти и появлением артиллерии Ивана Грозного. Известно крайне мало сохранившихся образцов артиллерии той поры или хотя бы их достоверных изображений или описаний.

При отсутствии надёжных прямых источников приходится брать косвенные свидетельства. Примем во внимание следующие факторы:

1) Техника в рассматриваемый период, в условиях лишь зарождающегося научного метода, была достаточно примитивной, в значительной степени основанной на воспроизведении удачных образцов и технологических приёмов.

В технике огнестрельного оружия, в частности, это приводило к тому, что приглашаемые мастера приносили с собой собственную номенклатуру изделий и технологии производства; то же имело место и при импорте изделий.

Закупаемая номенклатура изделий могла при этом вытеснить местную, как, например, случилось с системой, введённой было в 1530-х гг. начальником испанской артиллерии Эррерой, после его смерти⁴. Другой пример: Англия, где до четверти XVI в. большая часть артиллерии импортировалась, а местное производство велось большей частью силами специалистов, приглашаемых из-за рубежа. В итоге к середине XVI в. английская номенклатура

пушек и ружей включала образцы с названиями с французскими, итальянскими и немецкими корнями, притом речь в ряде случаев шла примерно об одном и том же⁵.

Иногда, как следствие, укоренялись и импортированные названия. Например: *колунбурна* (кулеврина) в Османском султанате⁶, *hacquebutt* (из нем. Hackenbüchse) в Британии, *гуфница* (из нем. Hauffnitz) в Западной Руси⁷. Иногда в «коренизованном» виде: *ломбарда* (бомбарда) в Испании и Португалии, *harquebuse à croc* (из нем. Hackenbüchse) во Франции⁸, *тарасница* (из нем. Tarrasbüchse) в Западной Руси и др.

2) В рассматриваемый период импорт технических кадров и зависимость производства артиллерии от их наличия были вполне обычным делом вообще для всех стран Европы (с Османским султанатом), кроме Германии и Фландрии, Франции и Северной Италии.

Некоторые страны (например, Англия и, на какое-то время, Московское государство) в середине—конце XVI в. смогли решить эту проблему, создав систему воспроизводства кадров. Другие, например, Испания и Португалия, этого сделать не смогли и были вынуждены сократить производство пушек, что отрицательно сказалось на их военной и военно-морской мощи в XVII в.

3) Все существенные аспекты техники огнестрельного оружия той или иной страны в ту эпоху диктовались не культурными особенностями, а общими для всех физикой и химией материалов и схожими для всех качеством дорожной сети и возможностями конной тяги⁹.

4) Военные задачи, решаемые Московским государством в рассматриваемый период, требовали обеспечения армии достаточным количеством огнестрельного оружия проверенных систем¹⁰.

Московское государство, где дефицит кадров усугублялся географической изолированностью и, регулярно, военно-экономической блокадой, очевиднейше должно было извлекать максимум возможного из случаев, когда специалист всё-таки добирался до Москвы и действительно оказывался на что-то способным. То есть — создавать условия для быстрого производства максимально возможного числа оружия и жёстко спрашивать результат. Вести научно-технический поиск было некому — и некогда¹¹.

5) Исходя из сказанного, мы полагаем очень маловероятным производство в тот период в Московском государстве сколь-либо значительных количеств оружейных образцов, не имевших аналогов за рубежом.

Подчеркнём: речь не о номенклатуре названий или их этимологии, а именно о номенклатуре образцов. Упрощая: названия случайны, но не случайны их приключения; тем более не случайны технические решения.

Таким образом, применительно к поставленному в статье вопросу и в условиях недостатка исходных данных, для московских образцов следует искать вероятные европейские прототипы. Для событий в номенклатуре названий разумно опираться на аналоги в европейской практике.

Сороковые пищали: что это было?

Сороковые пищали появляются в источниках в 1530 г. В записи «Софийского временника»: «И который был наряд (пищали полоторные, и семипядные, и сороковые, и затинные) привезён на телегах на обозных к городу»¹²; крымцы в 1530—1531 гг. предположительно получают от султана «пушечный наряд и с полоторными пищальми и с сороковыми и с затинными»¹³. Осенью 1534 г. близ литовской границы «...которые дела [орудия] великии были посланы на берег, тых дей болших осм назад к Москве отвезено, одно малыи сороковыи дела при тых людех на берегу zostавлены»¹⁴. В 1536 г. при осаде Себежа выстрелом из сороковой пищали из города убит «воевода литовских людей» Воитек Николаев¹⁵. В 1646 г. крымские татары отбивают у русских «государево ружьё» — «сороковые пищали»¹⁶.

Тип «сороковой пищали» не присущ исключительно Московскому государству, притом русские специалисты способны были отличать данный тип от прочих: в московских описаниях арсеналов ливонских крепостей встречаются «пищали сороковые Немецкие [с длинами стволов 9 пядей и 7 пядей]» (Тарвас, 1582; Алист, 1582)¹⁷.

Несомненно, что это тип небольшого орудия. Калибр сороковых пищалей в описях обычно колеблется от трети—половины русского фунта—гривенки до одного, много реже — до 2—3 фунтов¹⁸.

Ядра для сороковых пищалей фиксируются железные или железные со свинцовой оболочкой, или же их материал не указан.

Встречаются сороковые пищали, для которых явно предписана стрельба дробовым зарядом (Пернава, 1582; Вильян, 1582)¹⁹. Пороховой заряд, если указан, равен по весу железному ядру (Смоленск, 1609)²⁰.

Станки колёсные или бесколёсные («собака», «собачка»). Ствол бронзовый («меденой») или железный (Рыльск, 1637; и др.). В случаях, когда зафиксирована длина ствола, она не превышает «12 пядей» или 2,3 м; встречаются длины «9 пядей» (1,6—1,7 м) и «7 пядей» (1,25—1,35 м)²¹. Известны записи о «сороковых девятипядных» и «сороковых семипядных» пищалах²².

В Муроме (1639) упоминаются «6 пищалей меденых сороковых Фрязины [сделанных итальянцами], с станки и с колёсы, к ним 2623 ядра железных»²³. Сводку параметров пищалей, обозначенных в московских описях как «сделанные фряжинами», приводит (под названием «фальконетов») А. Н. Лобин²⁴.

Прилагательное «сороковой» применительно к огнестрельному оружию встречается не только в определении «сороковая пищаль» или «сороковое ружьё», но и в определениях «сороковой порох (зелье)» и «сороковое ядро».

Предположим, что «сороковые» порох и ядра предназначены именно для сороковых пищалей или связаны с ними не только общим прилагательным.

«Сороковые ядра» в документах зафиксированы или железные без указания веса (Коломна, 1577—1578; Опочка, 1654)²⁵, или без явного указания материала и веса (Торопец, 1541)²⁶.

«Сороковой порох» упоминается сравнительно редко (Казань, 1566—1568; Стародуб, 1633; Псков, 1633), причём в казанской описи отдельно упомянуты «зелье сороковое» и «зелье ружное»²⁷, в стародубской — «московский порох... ручной и сороковой»²⁸, а в псковской описи «сороковой» порох объединён с «пушечным», а «ручной» — с «мушкетным»²⁹.

Чем это не было

Известно следующее мнение: «Сороковые пищали — это многоствольные установки — сороки»³⁰. Но это объяснение нельзя признать состоятельным.

Для начала, «сороковая» и «сорока» это слова, звучащие похоже, но по смыслу и грамматике достаточно различные³¹. Кроме того, в старорусском языке «сороковой» может относиться также

и к числу 40 (само число — из особых), и к церковно-административному округу («сорок сороков», «сороковые деньги»), и даже к некоему физико-химическому качеству («сороковое золото»)³².

Далее, сороковые пищали неизменно фиксируются в московских документах без указания количества стволов, то есть как все прочие одинарные стволы и одноствольные установки.

Также в документах встречаются: «половина пищали медной сороковой»³³; «две пищали сороковые, перевало поперег» и «у сороковой пищали по жагру оторвало»³⁴. И это всё также имеет смысл лишь для одинарного ствола.

Так что пока не найден хотя бы один документ, в котором даётся прямое указание на многоствольность именно сороковой пищали, корректно полагать, что сороковые пищали — это обычные артустановки с одним стволом.

Тем более что в Европе многоствольная артустановка непременно характеризовалась количеством стволов. Стволы могли быть не одинаковыми, а их калибры могли быть указаны не в стандартных единицах, а относительно набора шаблонов конкретного арсенала, но неуказание количества стволов — это, в лучшем случае, исключение из правила, — и такое исключение в европейской практике ещё надо отыскать.

Предполагать, что именно в московской практике «всё было иначе», то есть, что о многоствольных установках здесь якобы систематически говорили именно без указания количества стволов, — значит предполагать в московской практике какую-то совершенную самобытность, которая, однако, не проявляется здесь в других вопросах.

21 сорока

Пропоненты рассматриваемой точки зрения указывают на фрагмент описи артиллерии в ливонских крепостях 1582 г., упоминающий в Вильяне «21 пищаль на колёсах, по прозванию сороки, к ним свинцовые *kule* (ядра или пули)»³⁵.

Но, во-первых, единичный случай неуказания многоствольности не составляет правила, не говоря уже о том, что и название здесь иное.

Во-вторых, упрощение записи могло быть сделано «ради скорости», как бывало в московских документах, тем более, что данная опись говорит о технике, которую московские войска

забирают с собой из Вильяна — орудия с ядром от 3 гривенок и выше, и 27 гаковниц, а также эти самые «сороки» (не оставляя здесь ни одной). Притом здесь оставляются «тюфяки»³⁶ и орудия с ядром легче 3 гривенок, в числе которых названы 6 сороковых (!), а также 20 гаковниц.

Так что этот пример свидетельствует как раз о том, что сороковые пищали и (многоствольные) сороки вовсе не одно и то же.

Сороковые пищали: пороховой заряд

Первое, что мы косвенно, но достаточно уверенно определяем для сороковых пищалей — они заряжались дроблёным или зернёным порохом, но не пороховой мякотью-серпентиной.

Это мы узнаём по материалу снаряда, который у них был железным или железным освинцованным ядром, и лишь в единичных случаях — дробовым.

Дроблёный порох (нем. Knallpulver), без которого о железном ядре нечего было и думать, в Европе известен уже к 1425 г.³⁷ Но более или менее массовое производство орудий под железный снаряд и дроблёный порох начинается существенно позже (конец 1480-х гг. в Северной Италии; Франция в те же годы при подготовке итальянского похода французского короля Карла VIII)³⁸.

В Московском государстве дроблёный порох появился во всяком случае не позднее железных ядер; вероятно, не позднее начала XVI в.

Зернёный порох

Зернёный порох (нем. Kornpulver; фр. poudre grenée и под.), существенно более мощный, сделавший возможными аркебузу и пистолет, известен в Европе, как полагают, уже в 1429 г.³⁹, то есть практически в одно время с дроблёным, но его массовое производство и применение не состоялись ещё до 1520-х гг.⁴⁰

Так, в итальянских и нидерландских землях зернёный порох стал входить в широкое употребление в 1520-х гг.⁴¹, хотя у Тарталья (1546) он всё ещё предписывался лишь для ружей; указ французского короля (1543) закрепил стандартные состав и технологию производства трёх сортов зернёного пороха — для пушек, для гаковниц и ручниц, и затравочного⁴².

Не последнюю роль в задержке внедрения зёрнёного пороха, особенно в артиллерии с её большим потреблением, играла разница в ценах, обусловленная повышенной сложностью производства. Ещё в 1536 г. во Фландрии цены на пушечный обычный и зёрнёный пороха различались в 18 раз⁴³.

Баллистика и стволы

Баллистика дроблёного пороха потребовала изготовления стволов с существенно большей толщиной стенок у казны, что, в свою очередь, при тогдашних возможностях металлургии, потребовало перехода к бронзовым литым стволам (и, кстати, до какой-то степени обесценило корпус специалистов, умевших изготавливать лишь железные ковано-сварные стволы).

Стволы орудий этого класса, хотя и заметно конические, всё ещё близки по контурам к цилиндру; могут быть исполнены со «ступенькой» — «усилением».

Ещё более мощный зёрнёный порох позволил ещё более увеличить длину орудий и начальную скорость снаряда, но и потребовал дальнейшего усиления стенок. Стволы становятся ещё крупнее и тяжелее в целом, ещё шире у казны и получают две «ступеньки» — «усиления»⁴⁴.

Таким образом, орудия под три типа заряда — мякотный, дроблёный и зёрнёный, — необходимо, существенно и зримо различались конструкцией ствола.

Трудно сказать, как при пушках XVI в. сосуществовали дроблёный и зёрнёный порох. Образцы пороха XVI в. не сохранились, а баллистика у чёрного пороха периода развитой химии и фабричной выделки, т. е. примерно с середины XIX в., слишком сильно отличается от «древней».

Сила мякотного пороха относительно силы пороха дроблёного считалась у немцев в 1449—1450 гг. в соотношении 2 : 3⁴⁵. Считают, что орудие, рассчитанное на мякотный порох (т. е. на каменное ядро и малый заряд), можно было зарядить дроблёным, ещё больше уменьшив вес заряда. Но, по мнению некоторых авторов, зарядание зёрнёным порохом орудия, рассчитанного под дроблёный порох, безусловно привело бы ко взрыву⁴⁶.

Этот вопрос не слишком хорошо освещён в литературе, и зачастую различие дроблёного и зёрнёного порохов вообще выпускается из виду. Возможно, всё же допустимо было использовать

неполный (или сильно неполный? «стрелять вползатрава»?) пороховой заряд или выйти из положения как-то ещё (использовать ядра много меньшего, чем канал ствола, диаметра??).

Можно догадаться, что на практике пушкарями вопрос этот как-то решался, при том, что новые орудия под дроблёный порох производились в Европе ещё в начале XVII в.⁴⁷

Два пороха в московской практике

Появление в Москве орудий, потенциально способных выдерживать заряд дроблёного пороха, можно отнести по меньшей мере к 1485 г. — подходящими пропорциями обладает «пищаль Якова», либо к 1563—1566 гг. — в альбоме Фелоттов обнаруживаются датированные этими годами характерные «двухступенные» конструкции⁴⁸.

Притом само по себе это не значит, что в 1560-е гг. зернёный порох в Москве действительно производился или использовался для орудий.

Таким образом, в Московском государстве к 1530-м гг. имелись орудия, предназначенные под дроблёный порох, и довольно вероятно, что осваивалось или намечалось к освоению производство орудий под зернёный порох.

Образцы, выпускаемые до 1510-х гг., воспроизводили итальянскую номенклатуру. Как сообщает Иовий о временах Василия III: «Нынешний Государь устроил также у себя [конных стрелков⁴⁹] и в Московской крепости лежит на колёсах множество медных пушек, литых Италианскими мастерами»⁵⁰. Образцы, выпускаемые в 1530-х гг. и далее, почти наверняка воспроизводили современную им немецкую номенклатуру. Но вероятно, переход на немецкую номенклатуру состоялся ещё раньше, в 1510-е гг.

Сороковые пищали: так что же это было

Учитывая упоминания в документах «сорокового» пороха наравне с «пушечным», но в противопоставлении «ручному», делаем вывод, что «сороковой» порох почти наверняка был московским названием дроблёного.

В случае «сороковых» пищалей, как мы полагаем, речь должна идти об лёгких и мелких орудиях, рассчитанных именно на дроблёный порох.

Обозначение «сороковые» могло возникнуть как собирательное, раньше конкретизованных обозначений типов лёгких орудий, а само прилагательное могло означать их, лёгких орудий, «многочисленность»⁵¹.

Обозначение относилось к орудиям от сравнительно лёгких до самых мелких, которые ещё могли считаться артиллерией, включая такие, которые носят «прямо на спине без всяких приспособлений» (1521)⁵² и «пушечки, порасставленные у шатров» (Ливония, 1550-е гг.)⁵³.

Непонятно, что считалось «сороковыми ядрами». Если перенята была немецкая линейка стандартных калибров ручного оружия, описанная в немецких перечнях и воинских наставлениях XVI—XVII вв., т. е. стандартные веса пуль (ядрышек) для гаковницы и двойной гаковницы и дважды двойной гаковницы, то и сороковое ядро могло бы означать какой-то конкретный вес.

Аналогом и прообразом сороковых пищалей, таким образом, оказываются ранее лёгкие пушки под дроблёный порох со стволом небольшого удлинения, а также мелкие пушечки.

Что касается «девяти-» и «семипядных» пищалей, имевших примерно те же размеры и калибры, что и «сороковые», то, поскольку иногда фиксируются «сороковые девятипядные» и «сороковые семипядные», вероятным представляется, что это варианты сороковых: либо выпущенные крупными сериями, что послужило поводом ввести особые обозначения, либо образцы с особой максимальной длиной, допускающей то ли установку в ограниченное пространство (башни, городни и раскаты старых крепостей?), то ли быструю перевозку.

На основании изложенных рассуждений живым образцом сороковой пищали мы полагаем «пищаль Якова [Фрязина]» (1485). Исторические изображения лёгких и мелких итальянских и немецких орудий рассматриваемого периода со стволами малого и среднего удлинения, вероятно рассчитанными на дроблёный порох, имеются в рисованном перечне «неаполитанской добычи» 1495 г.⁵⁴; в рукописи Гиберти⁵⁵; в перечне артиллерии императора Карла V (1552), куда включены достаточно достоверные рисунки мелких неклассифицированных пушек, захваченных в Саксонии и Гессене в 1547 г.⁵⁶; в максимилиановских «Арсенальных книгах» (1507—1519)⁵⁷; в рукописях Cpg 130 (опись арсенала Ландсхута 1485 г.)⁵⁸, Cgm 734⁵⁹, Ms. B 26⁶⁰, и Cgm 599⁶¹.

Именно такие лёгкие и мелкие орудия составляли основу артиллерии Московского государства до времён Ивана Грозного, поскольку ещё в XV в. выяснилось, что армии, ведущие маневренную войну на больших пространствах, нуждаются в многочисленной мобильной артиллерии. Именно такие задачи и решались армией Московского государства⁶².

Номенклатура названий

В целом европейская практика неуклонно сокращала число разнообразных наименований типов гладкоствольных орудий, придя в итоге к троичной системе калибра—рода—образца.

Хроническое употребление разных наименований для примерно одинаковых изделий могло свидетельствовать о хроническом отсутствии системы стандартных образцов и о слабости технической традиции. Сами такие названия, если при внедрении они были чрезмерно конкретны или ситуативны, в дальнейшем могли оказаться непонятными или неустойчивыми, а как следствие могли меняться местами, изменяться или исчезать.

Дать всей этой практике единое всеобъемлющее обоснование задним числом («объяснить бессистемность системой») может оказаться трудной, даже невозможной задачей, что показывают, например, труды Агостона по истории османской артиллерии или Бохана по военной технике Западной Руси.

Ряд наименований орудийных образцов в московских документах XVI в. выглядит именно слишком конкретным или ситуативным, хотя, возможно, вполне оправданным в момент внедрения.

Впоследствии, если при ведении документации имелась возможность опереться на преємственность, классификация орудий в документации сохранялась подолгу. В случае же, если такой возможности не имелось, видимо, и появлялись в документах десятки неклассифицированных «пищалей», а явно обозначенные «сороковые», «девятнадцатые» и «семипядные» пищали стали сравнительно быстро исчезать из документов.

Так, в Опочке (1627) «...к сороковым и к семипядным... по трети гривенки ядро»; в описи 1631 г. семипядных нет, число сороковых уменьшилось, а к «сороковым семипядным» теперь полагаются «ядра по гривенке»⁶³; (видное здесь изменение веса ядер как будто одних и тех же орудий между отчётами — отдельная тема).

Или же эти орудия меняли классификацию, как в псковской описи, в которую включена «пищаль себежская медная, полковая, что в прежнем росписном списке написана была полуторною пищалью»⁶⁴.

Наверняка влияние оказывала и постоянная нужда в артиллерии, и следующая из этого необходимость дорожить даже старым и худым орудием, иметь которое всё же лучше, чем не иметь никакого; на укрепления и выставлялись «отрывки» (Остров, 1667)⁶⁵, и «урывки» (Псков, 1677)⁶⁶, и «кривые» пищали (Печерский монастырь, 1699)⁶⁷, и к ним запасены были ядра⁶⁸.

Заключение

В работе получен вывод о том, что сороковые, девятипядные и семипядные пищали в Московском государстве XVI—XVII вв. представляли собой лёгкие и мелкие орудия со стволами малого и среднего удлинения, рассчитанные под заряд дроблёного пороха и тяжёлое (железное, свинцовое) ядро. Такие орудия, как мы полагаем, составляли основу полевой и крепостной артиллерии Московского государства в 1480-х — 1530-х гг. и были постепенно вытеснены более мощными (полуторными) орудиями со стволами большого удлинения, поступавшими в московскую артиллерию не позднее, чем с 1530 г.

¹ Тарасевич Ю. Г. Номенклатура артиллерии среднего и малого калибра в Московской Руси XVI—XVII веков // *Война и оружие. Новые исследования и материалы*. СПб., 2017. Ч. 4. С. 252—271.

² Кроме того, по этому вопросу существует довольно парадоксальное мнение, рассмотренное далее в статье.

³ Лебедевская А. П. Архив Пушкарского приказа // *Вопросы истории*. 1946. № 1. С. 122—130; Лобин А. Н. Пушечная изба и производство артиллерии в 1480—1500-е годы // *Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века*. СПб., 2006. С. 145—164; Лобин А. Н. Архив русской артиллерии XVII в. и проблемы его изучения // *Бранденбургские чтения*. Вып. 2: Письменные памятники в музейных собраниях. СПб., 2007. С. 11—19.

⁴ Arántegui y Sanz D. J. *Apuntes históricos sobre la artillería española en la primera mitad del siglo XVI*. Madrid, 1891.

⁵ Raymond J. *Henry VIII's Military Revolution. The Armies of Sixteenth-Century Britain and Europe*. Tauris Academic Studies, 2007; *State Papers*. Volume 9. London, 1849.

⁶ Ágoston G. 1) *Ottoman artillery and European military technology in the fifteenth and seventeenth centuries* // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*.

1994. Т. 47. P. 15–48.; 2) Early Modern Ottoman and European gunpowder technology // *Multicultural science in the Ottoman empire*. Brepols, 2003. P. 13–27; 3) Firearms and military adaptation: the Ottomans and the European military revolution, 1450–1800 // *J. World Hist.* 2014. V. 25. P. 85–124.

⁷ Бохан Ю. М. Вайсковая справа ў Вялікім княстве Літоўскім у другой палове XIV – канцы XVI ст. Минск, 2008.

⁸ Favé I. *Études sur le passé et l'avenir de l'artillerie*. T. 3. Paris, 1862.

⁹ Partington J. R. *A history of Greek fire and gunpowder*. JHU Press, 1999; Hall B. S. *Weapons and warfare in Renaissance Europe: gunpowder, technology, and tactics*. JHU Press, 1997.

¹⁰ Кирпичников А. Н. Военное дело средневековой Руси и появление огнестрельного оружия // *Советская археология*. 1957. № 3. С. 75.

¹¹ См., например, обсуждение на с. 44–46 в работе: Пенской В. В. «Центурионы» Ивана Грозного (средний командный состав русского войска 2-й пол. XVI в.: к постановке проблемы) // *История военного дела: исследования и источники*, 2012, Ч. I. С. 42–68.

¹² Софийский временник или русская летопись с 862 по 1534 год. Ч. II. С. 1425 по 1534 год. М., 1821. С. 315.

¹³ Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV–начала XVI в. М., 1980. С. 220 (ссылка на документ из ЦГАДА, видимо, тогдашний же). По смыслу у Хорошкевич, видимо, пропущено «[крымское войско] должно было быть снабжено» (получить).

¹⁴ Акты Западной России [АЗР]. СПб., 1865. Т. 2. С. 330–333.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.: АН СССР, 1959. С. 317.

¹⁶ Цит. по: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 26. М.: Наука, 2002. С. 181.

¹⁷ Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени [...]. СПб, 1867. С. 668.

¹⁸ Тарасевич Ю. Г. Номенклатура артиллерии среднего и малого калибра в Московской Руси XVI–XVII веков. С. 252–271.

¹⁹ Дневник... С. 668, 669.

²⁰ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2. 1598–1615. СПб, 1841. С. 307–312.

²¹ При переводе значений в метрическую систему учтено мнение Б. А. Рыбакова о 19-сантиметровой пяди.

²² Сборник Московского архива Министерства Юстиции [СМАМЮ]. М., 1914. Т. 6. С. 429, 430; Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 4. С. 52–55.

²³ Русская историческая библиотека [РИБ]. СПб., 1886. Т. 10. С. 134.

²⁴ Лобин А. Н. Русская артиллерия в царствование Ивана Грозного // *История военного дела: исследования и источники*. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. М., 2012. Ч. I. С. 104–158.

²⁵ Писцовые книги XVI века. Отд. 1. СПб., 1872. С. 291; Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 4. СПб., 1868. С. 55.

²⁶ Цит. по: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 26. С. 181.

²⁷ Список с писцовых книг по г. Казани с уездом. Казань, 1877. С. 8, 9.

²⁸ Книги разрядные по официальным оных спискам. СПб., 1855. Т. 2. С. 462.

²⁹ СМАМЮ. Т. 6. С. 51.

³⁰ Лобин А. Н. Русская артиллерия...

- ³¹ Притом прилагательное от «сороки» (птицы) — «сорочий».
- ³² Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 26. С. 181.
- ³³ Книги разрядные по официальным оных спискам. Т. 2. СПб., 1855. С. 460.
- ³⁴ СМАМЮ. Т. 6. С. 464.
- ³⁵ Дневник... С. 662.
- ³⁶ Они-то, видимо, и есть гуфницы, которых так много в описях Германии и Западной Руси начала—середины XVI в.
- ³⁷ Fave. Ibid. P. 124.
- ³⁸ Partington. Ibid.; Hall. Ibid.; Rathgen B. Das Geschütz im Mittelalter. Berlin, 1928; Fave. Ibid.
- ³⁹ Coltman Clephan R. An outline of the history of gunpowder and that of the handgun, from the epoch of the earliest records to the end of the fifteenth century // *Archaeological Journal*. 1909. Vol. 66. P. 145–170.
- ⁴⁰ Partington. Ibid.; Hall. Ibid.; Rathgen B. Das Geschütz im Mittelalter. Berlin, 1928.
- ⁴¹ Firearms and artillery // *The world of Renaissance Italy*. Greenwood, 2017. P. 447; Fons-Mélicocq, A. de La. De l'artillerie de la ville de Lille aux XIVe, XVe et XVIe siècles. Lille, 1854. P. 41.
- ⁴² Fave. Ibid. P. 232, 233, 329.
- ⁴³ Fons-Mélicocq. Ibid. P. 41.
- ⁴⁴ «Донная», «вертлужная» и «дульная» части в позднейшем переводе «Практики» Брауна.
- ⁴⁵ Rathgen. Ibid. S. 121, 122.
- ⁴⁶ Roth R. The cannon from Dunwich Bank, Suffolk // *The International Journal of Nautical Archaeology*. 1996. Vol. 25. P. 21–32.
- ⁴⁷ Roth. Ibid. Хотя этот вопрос и мог считаться узкоспециальным и не быть известным, например, высоким должностным лицам и не отражаться, например, в составляемых ими перечнях городской артиллерии.
- ⁴⁸ Лист АМА.0005612 по нумерации электронного ресурса <https://DigitalMuseum.se>.
- ⁴⁹ Лат. Scloppetariorum equitum; т. е. традиционный перевод «конная артиллерия» неверен. См. след. примеч.
- ⁵⁰ Латинский текст: «Basilus etiam Scloppetariorum equitum manum instituit: multaque aenea tormenta Italomor fabrorum artificio conflata, suisque imposita curribus in arce Moschae visuntur». Орывок из сочинения Павла Иовия о России // Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1836. С. 54, 77.
- ⁵¹ Если верить объяснению прилагательного, даваемому в: Мартынов А. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. М., 1875. Т. 1. С. 36.
- ⁵² Герберштейн С. Записки о Московии. М.: МГУ, 1988. С. 172.
- ⁵³ Лобин А. Н. Русская артиллерия в царствование Ивана Грозного... С. 104–158.
- ⁵⁴ Рукопись, называемая в старых источниках: Fonds du Roi, no. 6993; Anc. 6993; Français 388 и др. Автору приятно отметить, что именно в ответ на его обращение цифровая библиотека Gallica (отдел Французской национальной библиотеки) изготовила и опубликовала в марте 2017 г. оцифровку этой рукописи. Идентификатор: <ark:/12148/btv1b105422981>.
- ⁵⁵ Codex Banco Rari 228, f. 89v.
- ⁵⁶ Discurso del Artilleria del Invictissimo Emperador Carolo V. UER MS 2108.

⁵⁷ Boeheim W. Die Zeugbücher des Kaisers Maximilian I // Jahrbuch der Kunsthistorischen Sammlungen des Allerhöchsten Kaiserhauses. 1892. Bd. 13. S. 94–201; 1894. Bd. 15. S. 295–391.

⁵⁸ Например, лист 36v.

⁵⁹ В части, где для реалистичных стволов изобретаются фантастические установки. Например, лист 63г.

⁶⁰ В части с реалистичными изображениями артустановок. Например, листы 262v, 263г.

⁶¹ Например, листы 8г, 9v, 9г.

⁶² Кирпичников А. Н. Военное дело средневековой Руси... С. 75.

⁶³ СМАМЮ. Т. 6. С. 425, 429, 430.

⁶⁴ Там же. С. 43.

⁶⁵ Там же. С. 464.

⁶⁶ Там же. С. 173.

⁶⁷ Там же. С. 478.

⁶⁸ Это вряд ли можно отнести на счёт боязни самовольно списать испорченный ствол. Для таких случаев служила казна.

И. О. Тюменцев (Волгоград)

**ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
СССР С ГЕРМАНИЕЙ В 1930-х ГОДАХ
(ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ГЛАВНОГО КОНСТРУКТОРА
Артиллерийских вооружений завода имени
КИРОВА И. А. МАХАНОВА)¹**

ИВАН АБРАМОВИЧ МАХАНОВ принадлежал к поколению «молодых большевиков», с оружием в руках боровшихся за советскую власть во время Гражданской войны 1918—1922 гг., занимавших ответственные посты после её установления и попавших под колесо репрессий в конце 1930-х гг. В литературе установилось мнение, что И. А. Маханов был расстрелян, его сотрудники были репрессированы и сгинули в лагерях, а вся документация изъята следственными органами². Однако Иван Абрамович расстрелян не был, после 16 лет мытарств по тюрьмам и лагерям вышел на свободу и в 60-х гг. XX в. написал воспоминания, которые были предоставлены нам его сыном — Станиславом Ивановичем Махановым³, за что мы ему благодарны, и которые в настоящее время готовятся к публикации.

До недавнего времени о разработке новых видов вооружений в Советском Союзе в 1930-х гг. приходилось судить по мемуарам главного конкурента И. А. Маханова В. Г. Грабина⁴ и его сотрудников⁵. Мемуары И. А. Маханова позволяют взглянуть на процесс создания и развития новых систем артиллерийского вооружения с противоположной точки зрения и через сопоставление обоих взглядов более объективно оценить развитие военно-промышленного комплекса СССР в предвоенные годы.

В 30-х годах XX века И. А. Маханов неоднократно выезжал в заграничные командировки в Германию (1930, 1932, 1933), Голландию (1930) Италию (1932, 1933), Чехословакию (1937),

где в составе советских делегаций ознакомился с новейшими разработками артиллерийских систем и участвовал в приобретении необходимых Красной армии вооружений.

Большой интерес представляют собранные Иваном Абрамовичем данные о новейших разработках артиллерийских систем на заводах Германии, Италии, Чехии, лучшие из которых были приобретены, а полученный конструкторский и технологический опыт был использован в разработках КБ И. А. Маханова.

Первая поездка в Германию (1930). Тесное и плодотворное военно-техническое сотрудничество между Веймарской Республикой и Советским Союзом, по воспоминаниям И. А. Маханова, началось после подписанного М. Н. Тухачевским договора о военно-техническом сотрудничестве. В соответствии с этим договором все наши командармы, комкоры и комдивы проходили стажировку в рейхсвере и неофициально существующем Германском генштабе, изучая богатейший опыт германской армии в Первой мировой войне.

К 1929 г. запрещённая Версальским договором военная промышленность Германии при советской финансовой поддержке, благодаря заказам Советского Союза, подготовила втайне от союзнической контрольной комиссии некоторые новые образцы артиллерийского вооружения для оснащения ими Красной армии и рейхсвера. Для испытания этих новых образцов артвооружений и заключения технического договора на поставку их в СССР и была командирована в Германию правительственная комиссия в составе начальника вооружений РККА И. П. Уборевича (председатель)⁶, начальника IV-го управления штаба РККА Я. К. Берзина⁷, начальника Оперативного управления штаба РККА В. К. Триандафилова⁸, начальника Артиллерийского управления РККА Н. А. Ефимова⁹, заместителя начальника ГВМУ Наркомтяжпрома Ф. М. Вильмута¹⁰ и военного атташе посольства СССР Германии В. К. Путны¹¹. Из конструкторов в этой комиссии были начальник конструкторского отдела завода «Большевик» Н. Н. Магдесиев¹², начальник конструкторского отдела артиллерийских вооружений Кировского завода И. А. Маханов, начальник конструкторского отдела Мотовилихинского оружейного завода В. Н. Сидоренко¹³ и начальник опытного зенитного полигона в Евпатории А. Ф. Горохов¹⁴.

Основной центр проектирования новых образцов артвооружений, по свидетельству И. А. Маханова, был в городе Дюссельдорфе (на Рейне) на заводе «Рейнметалл Варен унд Ваен фабрик»

или просто «Рейнметалл Веерке»¹⁵. Конструкторское бюро этого завода возглавлял известный конструктор Генрих Ромберг¹⁶, который и демонстрировал общие чертежи новых образцов и давал по ним объяснения конструкторам в Ваффенамте¹⁷. После этого визита комиссия в полном составе на следующий день отправилась скорым поездом в Дюссельдорф.

На заводе «Рейнметалл» оставшиеся не взорванными цеха производили сборку трёхорудийных башен новой конструкции 150-мм калибра для новых немецких крейсеров класса «Кёльн»¹⁸. И. А. Маханов и Н. Н. Магдесиев осмотрели одну из башен снаружи и обратили внимание, что клёпки в конструкциях почти нет, а всё выполнено электросваркой. А затем залезли внутрь башни в сопровождении мастера и убедились, что орудия 150-мм калибра совершенно новой конструкции с гильзовым заряданием и полуавтоматическим клиновым затвором, что должно обеспечить высокую скорострельность главному калибру новых немецких крейсеров. Все три новых ствола были уже лейнированы¹⁹, а это говорило о том, что у немцев есть автофреттажная установка²⁰, о которой они пока умолчали.

На участке сборки полевой артиллерии советские конструкторы обратили внимание на новый образец 76-мм зенитной пушки FLAK²¹, спроектированный под российский отечественный калибр 76,2 мм (у немцев — 88 мм). По словам И. А. Маханова, этот образец был еще довольно «сырой» и спроектирован в большой спешке. Генрих Ромберг и помощник шефа-конструктора Эльмар Фогт²² признавали, что понадобится по крайней мере год на его конструктивную доработку и испытание. По своим конструктивным узлам и принципам, заложенным в них, а также по тактико-техническим требованиям система зенитной пушки и её оборудование прибором управления зенитным огнём (далее — ПУАЗО) произвела на советских конструкторов большое впечатление.

И. А. Маханов имел негласное персональное задание от командарма И. П. Уборевича отнестись придирчиво, критически к конструкции и к баллистике зенитной пушки FLAK и представить её параметры в невыгодном для немцев свете, в сравнении с другими иностранными образцами. На Кировском заводе И. А. Маханов имел для этого соответствующую подготовку. Он детально исследовал купленный в Швеции у фирмы «Бофорс»²³ опытный образец 80-мм зенитной пушки, а «по линии разведки» был ознакомлен с новыми образцами 75-мм зенитных пушек

фирм «Виккерс»²⁴ (Англия) и «Шнейдер»²⁵ (Франция) и универсальной пушки Т-3 (США)²⁶. Дело в том, что Реввоенсовет не только хотел получить от немцев хорошую зенитную пушку, но был кровно заинтересован в том, чтобы «партнёры» построили в Советском Союзе, близ Москвы в Подлипках²⁷ завод для их крупносерийного производства. Кроме того, советская сторона добивалась, чтобы немцы построили в Павшине близ Москвы завод для изготовления приборов управления зенитным огнём.

И. А. Маханов, Н. Н. Магдесиев и В. Н. Сидоренко несколько недель изучали чертежи и технологию зенитной пушки и участвовали в испытаниях стрельбой на заводском полигоне в Унтерлюссене близ Ганновера. Был составлен обширный перечень конструктивных и технологических дефектов, выявленных по чертежам и на испытаниях, по итогам которых заказчики выставили тактико-технические условия закупаемого орудия: снижение общего веса пушки, лейнирование ствола «свободным лейнером», подвергнутым автофреттажу. Немцев вынудили поделиться опытом автофреттажа стволов и лейнеров, накопленным профессором Клейном²⁸, и показать очень примитивную автофреттажную установку на базе использования гидравлического кюмпель-пресса. Профессор Клейн дал необходимые пояснения по её эксплуатации и подарил конструкторам по экземпляру его секретной брошюры «об автофреттаже»²⁹. Фирма «Рейнметалл» без возражений приняла к исполнению перечень дефектов зенитной пушки и обязалась на следующем опытном образце эти дефекты устранить.

В Иене, названной И. А. Махановым вотчиной мировой фирмы по оптике и точной механике «Цейс»³⁰, комиссия познакомилась с опытным комплексом ПУАЗО «Пшторккомандогерэт». Так как фирма «Цейс» по Версальскому договору не имела права изготавливать приборы и оптику военного назначения, то основную часть военного производства она перенесла в Голландию и основала там якобы голландскую фирму «Цейс-Нединско», поэтому советским конструкторам комплекс ПУАЗО для зенитных пушек «Рейнметалл» показали в Германии не полностью, а лишь частично. По этой причине часть комиссии экспертов по приборостроению во главе с зенитчиком А. Ф. Гороховым отправилась в Голландию на завод «Цейса» в Нединско для ознакомления с ПУАЗО системы «Когнед»³¹ и «Берког»³². Еще одна небольшая группа специалистов по боеприпасам (трубки, взрыватели) отправилась на завод «Тиль» в Зёммерда.

Поездка в Голландию (1930). Во время поездки в Голландию на заводе «Цейс-Нединско» руководитель группы А. Ф. Горохов познакомил Н. Н. Магдесиева, В. Н. Сидоренко и И. А. Маханова с системами ПУАЗО «Когнед» и «Берког» и заявил, что не удовлетворен ими вследствие большого запоздания «встречи зенитного снаряда с воздушной целью». Чтобы «не купитькота в мешке», члены группы договорились настаивать на обязательном предварительном испытании стрельбой на зенитном полигоне в Евпатории (начальник А. Ф. Горохов) всех систем ПУАЗО. До этого не давать окончательного заключения, какая из систем должна быть принята на вооружение для новой 76-мм зенитной пушки «Рейнметалл».

Возвращение в Германию. Основная часть комиссии во главе с И. П. Уборевичем тем временем отправилась на полигон завода «Рейнметалл» в Унтерлюссене, близ Ганновера. После Голландии инженеры-конструкторы также прибыли на полигон в Куммерсдорфе под Берлином, познакомились с оборудованием полигона и методами испытания вообще и зенитной артиллерии в частности. Затем в Берлине комиссия подвела итоги и закончила свою работу. Глава комиссии подписал технический договор с фирмами «Рейнметалл», «Цейс» и в целом с «Ваффенамтом».

Полигон, по свидетельству И. А. Маханова, был хорошо оборудован баллистическими приборами, механизацией и бытовыми помещениями. В первый рабочий день комиссии продемонстрировали заслуживающий большого внимания опытный образец 152-мм дивизионной мортиры «Миненвэрфэр»³³ очень лёгкой, с дальностью стрельбы до 6 км, с весом осколочно-фугасного снаряда 41 кг. Этот калибр, по рассказу И. А. Маханова, в системе вооружения РККА предназначался только, начиная с корпусной артиллерии, но для этого класса дальность стрельбы немецкого орудия была недостаточна.

Вторым опытным образцом фирма продемонстрировала 37-мм противотанковую пушку на лафете с раздвижными станинами с весом бронебойного снаряда 0,65 кг и начальной скоростью $V_0 = 840$ м/сек. Этот образец значился в программе комиссии как подлежащий закупке. Конструкторы были удивлены, что станины лафета этой пушки были выполнены из дюралюминия (лауталь), что было новинкой. И. П. Уборевич просил подвергнуть пушку и результаты испытаний разносторонней критике, так как уже было решение купить в Англии у фирмы «Виккерс» лёгкий

(Т-26) и средний (Т-28) танки. Необходимо было выяснить, смогут ли эти танки успешно противостоять немецкому оружию.

И. А. Маханов пришёл к выводу, что калибр 37 мм для борьбы с танками, имеющими 40-мм лобовую броню (средний танк «Виккерс») явно недостаточен. И предложил заставить фирму «Рейнметалл» спроектировать для РККА по договору противотанковую пушку калибром 45 мм при весе снаряда 1,41 кг и начальной скорости не менее 750 м/сек. Если же фирма откажется от этого заказа, то Иван Абрамович готов был сделать такую пушку на основе 45-мм батальонной пушки Ф. Ф. Лендера³⁴ к концу 1930 г. Когда такие требования были предъявлены фирме и ее шеф-конструктору Г. Ромбергу, то он сказал, что попытается наложить 45-мм ствол с требуемой баллистикой на существующий лафет и подать опытный образец на испытание тоже к концу 1930 г., а пока фирма «Рейнметалл», приступившая к строительству артиллерийского завода в Подлипках, будет ориентироваться на 87-мм калибр, принятый рейхсвером и требуемый поставками в 1931 и 1932 гг.

Следующим опытным образцом на полигоне была продемонстрирована 105-мм корпусная пушка и 150-мм гаубица на унифицированных лафетах, при этом пушечный и гаубичный стволы можно менять и переставлять на позиции. Эта система, по заявлению Г. Ромберга советским конструкторам, в будущем по требованию Ваффенамта и рейхсвера будет дополнена мортирным стволом калибром 170 или 203 мм, и тогда получится не «дуплекс», а «триплекс». Такой образец не подлежал покупке и включению в договор и демонстрировался советской делегации в порядке обмена техническим опытом по личному указанию военного министра генерала К. Шлейхера.

После этих демонстраций комиссия опять переехала в Дюссельдорф, где фирма «Рейнметалл» показала чертежи и расчёты проекта 122-мм дивизионной гаубицы (шифр «Лубок»), выполненного специально по заказу СССР. Проект, по словам И. А. Маханова, полностью удовлетворял тактико-техническим требованиям военного ведомства СССР.

Реализация этого проекта — разработка рабочих чертежей и изготовление опытного образца — по договору должна была производиться в СССР. Для этой цели фирма «Рейнметалл» выделила коллектив инженеров-конструкторов во главе с помощником шефа-конструктора Э. Фогта, который вскоре переехал в Москву и руководил коллективом немецких и советских

инженеров-конструкторов, в числе которых оказался главный конкурент И. А. Маханова и создатель «оружия Победы» В. Г. Грабин.

И. А. Маханов, как обещал И. П. Уборевичу, к концу 1930 г. направил на полигонные испытания 45-мм противотанковую пушку «П». В основу конструкции этой пушки были положены, по его словам, «оригинальные и остроумные» конструктивные решения его учителя Ф. Ф. Лендера. Фирме «Рейнметалл» и его конструкторскому бюро во главе с Э. Фогтом и в сотрудничестве с конструктором В. М. Берингом, по утверждению И. А. Маханова, пришлось основательно поработать, чтобы, не ломая уже запущенное производство пушек на новом построенном немцами заводе в Подлипках, на существующий лафет «Рейнметалл» наложить 45-мм ствол. В 1931 г. этот вопрос был окончательно решен в пользу 45-мм калибра на заседании Реввоенсовета под председательством К. Е. Ворошилова. На этом заседании М. Н. Тухачевский заявил, что, если бы над Реввоенсоветом не довлело уже налаженное производство противотанковых пушек типа «Рейнметалл», то следовало бы принять на вооружение 45-мм пушку И. А. Маханова — она лучше.

Подводя итог своим поездкам в Германию, И. А. Маханов пришел к выводу, что Германия с помощью СССР смогла успешно преодолеть ограничения Версальского договора. Коммунисты и антинацистски настроенные партнёры СССР в этом военно-техническом сотрудничестве имели хорошие перспективы воспользоваться этими наработками. Однако И. В. Сталин своим стремлением к единоличной власти пошёл на сотрудничество с А. Гитлером и тем самым всё погубил, предав коммунистов, антифашистов и физически уничтожив командиров РККА и специалистов ВПК, работавших и стажировавшихся в Германии. А. Гитлер же использовал контакты с И. В. Сталиным для завоевания мирового господства и страшной войны против России. Конечно, это очень пристрастный взгляд на личность И. В. Сталина и события в СССР 30–50-х годов XX в., но изучение которого необходимо для объективной оценки истории тех лет.

¹ Работа выполнена в рамках реализации гранта РФФИ «Становление и развитие научно-технической мысли и военной промышленности в СССР в 1920–1950-х гг. (по воспоминаниям И. А. Маханова)» (проект № 19-49-340008).

² Широкоград А. Б. Гений советской артиллерии. Триумф и трагедия В. Грабина. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 429 с.; Воротников С. Г. По полям книжных

сражений // http://samlib.ru/w/worotnikow_s_g/popoljm.shtml; Бешанов В. «По своим артиллерия бьёт...». Слепые боги войны. М.: Яуза-Пресс, 2013. С. 187; Ганин С. М. Универсальные и полуниверсальные пушки Кировского завода // Бастион. Военно-технический сборник. 2015. № 1. С. 15—21.

³ Маханов Станислав Иванович — Стива родился 29.04.1933 г. в Ленинграде. Во время войны был в эвакуации в Кировской области. После войны вернулся в Ленинград и в 1945—1948 гг. был репрессирован как член семьи врага народа, был сослан вместе с матерью в Новосибирскую обл. В 1950 г. ему разрешили вернуться в Ленинград с проживанием у родственников матери. Окончил Горный институт в 1956 г. Практику проходил в г. Инта, где после освобождения на поселении жил его отец. По распределению работал в институте Гипрошахт, затем в институте Гипроэнергопром-Гипроэлектро до ликвидации в 1989 г. С тех пор до пенсии работал главным конструктором в правопреемнике Гипроэлектро — ООО «Проектэлектро». Сын — Маханов Станислав Станиславович, 1959 г. р. — работает в Таиланде, в Бангкоке профессором местного университета. Второй сын — Маханов Антон Станиславович, 1976 г. р. — директор фирмы ЛАКК.

⁴ Грабин Василий Гаврилович (28.12.1899 [9.01.1900], ст. Старонижестеблиевская Кубанской обл. — 18.04.1980, г. Калининград, Московской области) — выдающийся советский конструктор артиллерийского вооружения Великой Отечественной войны. Герой Социалистического Труда (1940). Лауреат четырёх Сталинских премий первой степени (1941, 1943, 1946, 1950). Член РКП(б) с 1921 г.

⁵ Грабин В. Г. Оружие победы. М.: Политиздат, 1989; Худяков А. П. В. Грабин и мастера пушечного дела. М.: «Патриот», 1999.

⁶ Уборевич Иероним Петрович (2(14).01.1896, д. Антандря Ковенской губернии — 12.06.1937, Москва) — советский военный и политический деятель, командарм 1-го ранга. Расстрелян по «делу Тухачевского» (1937). Посмертно реабилитирован в 1957 г.

⁷ Берзин Ян Карлович, партийная кличка «Старик» (13[25].11.1889, х. Клигене, Яунпилсская вол., Рижский у., Лифляндская губ. — 29.07.1938, Коммунарка, Московская обл.) — советский военный и политический деятель, один из создателей и руководитель советской военной разведки, армейский комиссар 2-го ранга (1937). Осуждён и расстрелян. Реабилитирован посмертно 28.07.1956 г.

⁸ Триандафилов Владимир Кириакович (14.03.1894 — 12.07.1931) — советский военный теоретик. В своих работах заложил основы теории глубокой операции, осветил роль предвоенного периода и начального периода боевых действий для успешного хода войны в целом. Многие военные историки считают его «отцом советского оперативного искусства». Идеи военного теоретика были впервые использованы М. А. Богдановым в боях у реки Халхин-Гол в августе 1939 г. Трагически погиб при исполнении служебных обязанностей в аварии самолёта в районе платформы Алабино Западной железной дороги. Прах помещён в урне в Кремлёвской стене на Красной площади в Москве. За боевые заслуги в Гражданской войне был награждён орденом Красного Знамени.

⁹ Ефимов Николай Алексеевич (6.05.1897 — 14.08.1937) — советский военный деятель, начальник Артиллерийского управления РККА в 1931—1937 гг., член военного совета при НКО, комкор. Арестован 22.05.1937, осуждён и расстрелян в один день. Реабилитирован 30.06.1956 г.

¹⁰ Вильмут Фриц Мартинович (1897, Видава Курляндской губ. — 26.08.1938) — латыш, член ВКП(б) с 1912 г., обр. высшее, начальник 6-го отдела Управления

ПВО РККА, интендант 1-го ранга. Арестован 13.12.1937 г. Приговорён к высшей мере наказания и расстрелян 26.08.1938. Реабилитирован 23.06.1956 г.

¹¹ Путьна Витовт Казимирович (31.03.1893, д. Мацканцы Виленской губ. — 12.06.1937, Москва) — советский военный деятель; комкор (1935). Расстрелян. Реабилитирован 15.01.1957 г.

¹² Магдесиев (Мегдесиев) Николай Никитич (1883, г. Ейск, Кубанской обл. — 13.07.1938) — начальник конструкторского бюро завода «Большевик». В 1913 г. окончил Петербургский технологический институт. С 1915 г. был начальником конструкторского бюро Обуховского завода, который с 1922 г. был переименован в завод «Большевик». К ноябрю 1932 г. под его руководством в КБ завода был разработан технический проект Б-23.15.10.1936 г. Был арестован как троцкист. 6.05.1937 г. осуждён на 10 лет с поражением в политических правах сроком на 5 лет с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Умер в заключении. См.: <http://istmat.info/node/30160>; Бешанов В. По своим артиллерия бёт. М., 1913. С. 184.

¹³ Сидоренко Владимир Николаевич — начальник конструкторского отдела Мотовилихинского оружейного завода. См.: [Электронный ресурс] <http://7132.ru>; http://svoim.info/201325/?25_6_1.

¹⁴ Горохов Алексей Фёдорович (21.10.1892 — янв.1963) — советский военачальник, генерал-полковник артиллерии (1954), вице-президент Академии артиллерийских наук (1946). С декабря 1928 по 1932 г. был начальником Научно-испытательного зенитного полигона в Евпатории. В 1929—1930 гг. был в заграничных командировках в Америке, Германии и Голландии.

¹⁵ «Рейнметалл» — (Rheinmetall AG) — немецкий концерн, образованный 13 апреля 1889 г. Сейчас является одним из крупнейших производителей военной техники и вооружения в Германии и Европе. В основном концерн занимается машиностроением, производством военной техники, вооружения, а также комплектующих для автомобилей. Штаб-квартира концерна находится в Дюссельдорфе. В 1930-е гг. «Рейнметалл» — по существу, абсолютно подконтрольное предприятие рейхсвера. Единственный в Германии артиллерийский завод, легально существовавший по Версальскому договору. См.: [Электронный ресурс] <http://istmat.info/node/30164>.

¹⁶ Ромберг Генрих — главный конструктор Rheinmetall по артиллерийским системам и военной технике в конце 1920-х — 1930-е гг. См.: [Электронный ресурс] <http://istmat.info/node/30164>.

¹⁷ Ваффенамт — организация в Германии, ведавшая вопросами организации и технического вооружения вермахта.

¹⁸ Лёгкие крейсера типа «К» — тип лёгких крейсеров, входивших в состав ВМС Германии (до 1935 года — Рейхсмарине, после 1935 — Кригсмарине) в 1930-е гг. и в годы Второй мировой войны. Всего было построено 3 единицы: «Кёнигсберг» (Königsberg), «Карлсруэ» (Karlsruhe), «Кёльн» (Köln).

¹⁹ Лейнирование — способ изготовления стволов со свободным лейнером — сменной частью ствола артиллерийского орудия, представляющей собой вставную тонкостенную трубу с винтовыми нарезами, образующую канал ствола артиллерийского орудия и перекрываемую оболочкой (кожухом) по всей длине, а также замена изношенных лейнеров.

²⁰ Автофреттажные установки повышают прочность деталей, применяемых в условиях высокого и пульсирующего давления. Для этого компоненты подвергаются

воздействию давления, пластифицирующего их изнутри. Возникающее при этом собственное напряжение материала предотвращает образование трещин в ходе последующей эксплуатации и увеличивает срок службы деталей.

²¹ 8,8 cm FlaK 18/36/37 — германское 88-мм зенитное орудие, находившееся на вооружении с 1928 по 1945 г. Одно из лучших зенитных орудий Второй мировой войны. Также послужило образцом при создании танковых орудий для танков «Тигр» Pz Kpfw VI. Эти орудия широко использовались в роли противотанковых и даже полевых.

²² Фогт Эльмар — профессор, помощник Г. Ромберга на «Рейнметалле». В начале 1930-х гг. возглавлял советско-немецкое КБ-2 по проектированию артиллерийских систем. Покинул СССР после прихода фашистов к власти в 1933 г.

²³ Бофорс (швед. Vofors) — шведский металлургический концерн XIX—XX ст. Был основан в 1873 г. Производил оружие, главным образом зенитные и противотанковые пушки, самолёты, танки, снаряды, порох, станки и различные химикаты. Имел собственные рудники, лесные и земельные угодья.

²⁴ QF 2 pounder Mark II — автоматическая зенитная пушка, разработанная британским концерном «Виккерс» в годы Первой мировой войны. Одно из первых автоматических зенитных орудий в мире. Из-за характерного звука, издаваемого при стрельбе, широко известно, как «Пом-пом». Её дальнейшим развитием стал зенитный автомат Vickers QF 2 pounder Mark VIII, широко применявшийся Королевским флотом в годы Второй мировой войны.

²⁵ 75-мм зенитная пушка Schneider («Шнейдер»), Франция. См.: [Электронный ресурс] <http://war-arms.info>.

²⁶ ТЗ — американская 75-мм универсальная пушка, имеющая тумбовую установку с 4 станинами и съёмным колёсным ходом. Имеет три положения для стрельбы: с колёс, без колёс с раздвинутыми станинами и на грузовике. Может работать как по наземным, так и по воздушным целям с круговым обстрелом. См.: Военный вестник. Т. 13. С. 100—101.

²⁷ Ныне город Королёв.

²⁸ Установить его имя и отчество и биографию нам пока не удалось.

²⁹ Обнаружить эту брошюру нам пока не удалось.

³⁰ Zeiss AG — германская компания, специализирующаяся в области оптики. Основана как мастерская по производству точной оптики немецким изобретателем Карлом Цейсом.

³¹ ПУАЗО «Когнед-5». См.: Пчельников Н. И. Приборы управления артиллерийским зенитным огнем. М., 1940. Кн. II. Гл. 3; Оптика в военном деле. Сб. статей / Под ред. С. И. Вавилова и М. В. Савостьяновой М.; Л., 1948.

³² ПУАЗО «Берког» М-5. См. предыдущую ссылку.

³³ 152-мм-мортира образца 1931 г. (НМ, индекс ГАУ — 52-Г-521) — советская мортира периода Второй мировой войны. Это орудие, созданное немецкой фирмой «Рейнметалл», выпускалось небольшой серией в 1930-х гг. и приняло участие в Великой Отечественной войне.

³⁴ Лендер Франц Францевич (12[24].04.1881, мест. Дунаевцы, Подольская губ. — 14.09.1927, Гатчина, Ленинградская обл.) — советский конструктор артиллерийского вооружения. Учитель И. А. Маханова. Создатель отечественной зенитной артиллерии, изобретатель полуавтоматических орудийных затворов, основоположник теории стрельбы по воздушным быстро движущимся целям.

А. В. Уварова (Санкт-Петербург)

ЭВАКУИРОВАННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ ПО РЕМОНТУ ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ. РЕМБАЗА № 6: ОСОБЕННОСТИ ЭВАКУАЦИИ И РАБОТЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

«Раз дело дошло до войны, то всё должно быть подчинено интересам войны, вся внутренняя жизнь должна быть подчинена войне, ни малейшее колебание на этот счет недопустимо... И, сосредоточив все силы и принеся все жертвы, мы, несомненно, победим».

В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 41.

В УГРОЖАЮЩЕЙ ОБСТАНОВКЕ, когда линия фронта приближалась к Москве, первостепенная задача состояла в мобилизации всех ресурсов страны в кратчайшие сроки, используя все преимущества социалистического строя. Перед правительством страны встала задача переключения гражданских отраслей на военное производство как можно быстрее. 30 июня 1941 г. был создан Государственный комитет обороны (далее ГКО) — высший чрезвычайный орган власти, занимавшийся всеми вопросами жизнедеятельности страны на период ведения военных действий.

1 июля 1941 г. было подписано постановление № 1 ГКО о развитии производства танков. К их выпуску, помимо действующих специализированных предприятий, привлекался ряд машиностроительных заводов, так как уже в первые дни войны обнаружилось преимущество советских танков Т-34 и КВ, производство которых требовалось увеличить. В связи с этим необходимо было на советских заводах внедрить поточный метод производства конвейерной сборки боевых машин. Такая задача технически весьма сложна: рабочим заводов, ранее не занимавшихся производством танков, пришлось в кратчайшие сроки осваивать новые методики производства.

Другой задачей, вставшей перед правительством страны, стала эвакуация предприятий, находившихся на прифронтовой территории, вглубь страны, на восток. Проводившиеся в ходе неё мероприятия являются одним из примеров эффективности модели управления, существовавшей в то время. 24 июня 1941 г. был создан Совет по эвакуации и Переселенческое управление при Совнаркоме СССР. Созданный в срочном порядке орган не имел разветвлённой сети управления на местах, поэтому в регионах им назначались уполномоченные. Совет выполнял лишь контрольные функции — ответственность за проведение эвакуации возлагалась на наркоматы, непосредственно на местах ею руководили партийные органы и военные советы.

Несмотря на высокую централизованность руководства эвакуацией, точного числа эвакуированных предприятий назвать невозможно в связи со спецификой их перебазирования. Заводы могли прибывать в место эвакуации полностью, делиться по частям и расформировываться в разные города, сливаться с предприятиями, уже ранее функционировавшими в месте эвакуации¹. В числе предприятий, чья история прослеживается от момента эвакуации и до окончания войны, можно назвать Ремонтную базу № 6 (далее Рембаза № 6) из Брянска. Созданная сразу же после Гражданской войны в качестве мастерских по ремонту бронепоездов и мотодрезин, практически сразу она стала одним из ведущих предприятий города. На момент начала первой пятилетки на её территории располагался броневой цех для изготовления и ремонта бронепоездов и бронеплощадок. Кроме бронецеха, было построено здание, предназначенное для ремонта танков типа Т-26, БТ-2, БТ-5, БТ-7, а также цех по ремонту танковых двигателей М-5, М-17, производственный корпус для ремонта тракторов². В 1934 г. построен механический цех. Для него оборудование было закуплено за границей: немецкие револьверные станки «Хассе-вреде», токарно-винторезный станок «Шутте», зубострогальный и зубозакругловочный станки «Гейнекер», зубодолбежный станок «Лоренс»; английские станки для шлифовки коленчатых валов, внутришлифовальные станки с планетарным механизмом для шлифовки цилиндров, плоскошлифовальный станок с круглым столом и станок для шлифовки клапанов двигателей фирмы «Черчилль»; а также отечественные станки «Дип-200» и «Комсомолец» завода «Красный пролетарий».

Руководство рембазой осуществляли военные. В связи с тем, что предприятие действовало в системе оборонной промышленности, производился очень тщательный подбор кадров. Поэтому на начало Великой Отечественной войны Рембаза № 6 имела высококвалифицированный состав рабочих нужных профессий, инженерно-технических работников и служащих с высокой производственной дисциплиной и строгим порядком. Кроме того, предприятие уже имело опыт работы с иностранной техникой: в годы Советско-финляндской войны на него поставлялись для изучения финские танки, с которых для ремонта советской техники снимались английские моторы, кожаные сиденья и другие необходимые детали. По воспоминаниям одного из рабочих, А. С. Турбина, «ремонтровать их не имело смысла, поскольку по всем параметрам они уступали советским танкам этого же класса»³.

С первого дня войны на рембазе было объявлено военное положение. С 23 июня началась бомбежка Брянска. Территория предприятия обстрелу в первые дни не подвергалась, так как находилась в лесу и была хорошо замаскирована. Однако впоследствии оборудование цехов вывозилось к железной дороге, где устанавливалось на деревянные рамы и обносило фанерными будками. В это же время по опыту Гражданской войны коллективом рембазы организовывались и отправлялись на фронт «летучки» — передвижные ремонтные мастерские, работавшие на передовой. В их состав входили только высококвалифицированные рабочие. Отступление членов «летучки» с места боевых действий приравнивалось к дезертирству, однако подобный случай на рембазе был лишь однажды⁴.

Параллельно с переходом на военное положение и активной работой по ремонту военной техники на предприятии решался вопрос, связанный с его эвакуацией. По решению правительства эвакуация Рембазы № 6 в Горьковскую область началась в последние дни июля 1941 г. Изначально местом прибытия был город Бор. Однако в итоге предприятие прибыло в Богородск, где проработало всю войну. Почему так произошло, неизвестно. На данный момент поднять какую-либо архивную документацию невозможно: в 2000-х гг. предприятие было закрыто, а о дальнейшей судьбе большого числа экспонатов заводского музея и архивных документах неизвестно.

Проследив общую историю эвакуации предприятий, можно предположить, что причина, по которой конечной точкой

прибытия стала станция Кожевенное Богородска,— загруженность железнодорожной сети в первые месяцы войны. Из-за огромного потока эшелонов с эвакуированными и разрушения участков дороги поезда двигались очень медленно. Чтобы решить данную проблему, был создан Комитет по разгрузке транзитных грузов, а также усилена ответственность за неисполнение транспортировки в срок. Кроме того, были применены традиционные для советской системы механизмы перераспределения. Предположительно с целью скорейшего освобождения поездов, отданных для эвакуации Рембазы № 6, Народным комиссариатом транспортных путей было принято решение об изменении точки прибытия, так как расстояние от Брянска до Богородска меньше, чем до Бора.

В Богородск завод прибывал девятью эшелонами, начиная с 3 августа 1941 г. Проследить точно даты отправки и прибытия всех эшелонов, за исключением первого и последнего, невозможно из-за отсутствия точных данных. Известно лишь, что к осени завод уже начал функционировать на месте прибытия в полном составе. Стоит отметить, что ремонтные работы на рембазе начались с момента прибытия первого эшелона: была вероятность, что предприятие будет разделено. Также никто не исключал того, что возможны обстрелы поездов, как это было, например, с третьим эшелоном⁵.

Отдельно рассмотрим историю девятого эшелона, на который была возложена задача завершения эвакуации в Брянске: со всей территории рембазы был выкопан телефонный кабель, снята электропроводка и вывезены последние станки. Согласно директиве ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня 1941 г. всё, что осталось на территории Брянска, было взорвано: телефонная станция, железнодорожная ветка, котельная, производственные корпуса, оставшийся ремфонд⁶. Последний эшелон уже в пути начал свою работу: ещё на станции в Брянске была смонтирована маленькая электростанция, к которой подключили станки. Во время пути рабочие, эвакуировавшиеся девятым эшелоном, уже занимались ремонтом моторов для фронта.

Главным вопросом при устройстве предприятия в Богородске было размещение оборудования. Главой предприятия С. Л. Проскуриным он решил быстро: ссылаясь на приказ ГКО, он объявил директору кожевенного завода им. Чкалова о решении разместить рембазу в его корпусах из-за выгодного положения рядом

с железной дорогой. Косвенным доказательством того, что передача территории рембазе была проведена, является телеграмма Наркома лёгкой промышленности С. Г. Лукина от 24 ноября 1941 г. «О передаче имущества и материальных ценностей кожевенного завода им. Чкалова кожевенному заводу им. Юргенса». Площадей завода для размещения столь крупного предприятия не хватало, поэтому цех по ремонту танковых двигателей разместился в близлежащей деревне Демидово в здании хомутовой артели «Пролетарский путь», а цех по ремонту тракторов — на территории местной МТС⁷.

К осени 1941 г. был возведён танковый корпус, в состав действующих вошли механический, моторный, оружейный, инструментальный, транспортный, агрегатный, кузнечно-медницкий цеха, кузнечно-термический участок при цехе № 1, сборочный цех по ремонту танков, электроцех⁸. Поначалу производственный суточный график выполнялся неравномерно, в цехах оставались неиспользованные производственные мощности. Однако уже за октябрь—ноябрь рембаза освоила ремонт танков KB, новых двигателей В-2, В-К, В-2-К, В-2-В. За этот же период было восстановлено 460 лёгких машин (танки БТ-2, БТ-5, БТ-7), 13 бронетранспортёров, 25 бронеплощадок, 675 моторов разных марок⁹.

Декабрь 1941 г. был довольно тяжёлым. Во многом проблемы заключались в наступивших морозах, к которым корпуса ещё не до конца обосновавшегося на новой территории предприятия не были приспособлены. Д. Т. Лучин, один из сотрудников рембазы, описывал работу в то время так: «Трудно было. В тридцатиградусный мороз работали внутри танка без рукавиц. А работали, бывало, сутками. Однажды в корпусе танка обнаружили застрявший снаряд. Что делать? Не ремонтировать танк, который так ждут на фронте? И двое тихих незаметных парней попросили всех уйти, а сами стали выпиливать снаряд из брони. Они рисковали жизнью и хорошо знали это, но знали также и то, что танк на фронте спасёт жизни десяткам солдат»¹⁰. Но несмотря на столь суровые условия, за декабрь сотрудниками Рембазы № 6 было восстановлено и отправлено на фронт 49 тягачей на базе лёгкого танка Т-60, бронепоезд, 15 тракторов «Ворошиловец», 30 моторов. Кроме того, вновь создавались «летучки», которые отправлялись на поля сражений под Москвой для ремонта техники на месте.

В 1942 г. Рембазе № 6 был присвоен статус завода. На предприятии, помимо ремонта, шла активная изобретательская и рационализаторская деятельность, продолжалось обустройство на месте эвакуации. В начале года был организован цех № 3, позволивший полностью ремонтировать повреждённые танковые двигатели и, следовательно, быстрее отправлять технику на фронт, тем самым эффективнее выполняя план ГКО. До этого на отремонтированные танки устанавливались двигатели с «Уралмаша», что зачастую приводило к задержкам поставок. На предприятии были изобретены новые методы восстановления дорогостоящих и дефицитных блоков цилиндров и коленчатых валов. Теперь повреждённую прокладку блока цилиндров не заменяли новым алюминиевым листом, а вырезали повреждённые места и вставляли на их место шайбы. Также был создан способ заварки самой дорогой детали мотора — блок-картера. Впоследствии им заинтересовались НИИ в Москве, из которых были присланы специалисты для его изучения¹¹. Кроме того, за четыре года войны был выработан высокоэффективный метод ремонта танковых двигателей, вошедший впоследствии в учебники, инструкции, научные труды. Отремонтированный таким методом двигатель стоил на 12—13 тыс. рублей дешевле нового, а его бесперебойная работа составляла до 1500 часов¹², что также давало ему преимущество перед только что выпущенным.

Во второй половине 1942 г. на ремзавод стали поступать новые виды боевых машин: английские танки «Матильда» и «Валентайн», американский «Шерман». Для ремонта и освоения последних на заводе работала группа из министерства иностранных дел, английские и американские специалисты, переводчики¹³. Помимо регулярного перевыполнения плана ГКО, на средства рабочих были построены и отправлены на фронт два бронепоезда: «Правда» — в июне, а к 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции — «Красная звезда».

Несмотря на то, что рабочим завода давалась отсрочка от призыва, многие уходили на фронт по собственному желанию, что привело к нехватке кадров. В отличие от других производств, которые в годы войны брали на предприятие всех желающих, политика кадров на Ремзаводе № 6 с самого его освоения состояла в том, что на него принимались только прошедшие строгий отбор, сумевшие доказать свой профессионализм и приверженность идеям социалистического движения люди. И если

последнее в годы войны было характерно для каждого гражданина Советского Союза, то людей, имеющих опыт работы в сфере ремонта военной техники, в Богородске не было. Привлечение специалистов из Горького также было невозможно в связи с загруженностью оборонно-промышленных предприятий. К тому же жительницы города все чаще просили начальника завода принять на работу своих сыновей — 12—13-летних мальчиков, так как их поступление на завод было возможностью прокормить семью. Следовательно, было принято решение об организации настоящей школы фабрично-заводского обучения (далее ФЗО), где учащиеся смогли бы пройти полный курс по своей специальности, а затем приступить к работе. Первый набор состоялся в июле 1942 г. Обучение длилось полгода. Ученический состав состоял в основном из юношей и девушек 14—15 лет. По окончании школы все проходили испытания для получения разрядов. Всего за время организации ФЗО было подготовлено 45 токарей и 72 слесаря, что позволило в значительной мере решить кадровый вопрос¹⁴. Позднее на ремзаводе были организованы курсы повышения квалификации инженерно-технических работников. Учёба на них велась в два этапа: первый был рассчитан на теоретическую подготовку, а второй — на практическое изучение технологического процесса непосредственно на местах.

Рост производства в годы войны достигался за счёт интенсивных факторов: повышения производительности труда, рационализации, внедрения новых технологий на производстве. Также немаловажным было и социалистическое соревнование, проводимое в те годы по всей стране. Его важность показательна при рассмотрении в локальных масштабах — города или отдельного предприятия. В годы войны успешно реализовывалось проведение индивидуальных производственных соревнований, что внесло значительный вклад в развитие военной экономики. Но задачи производства росли и требовали внедрения новых подходов в организации трудовой деятельности. Поэтому государством перед комсомольскими организациями была поставлена задача добиться отсутствия рабочих, не выполнивших нормы¹⁵.

На Ремзаводе № 6 за годы войны не было ни одного члена партии или кандидата в члены ВКП(б), который не выполнял бы производственную норму. Каждое партийное собрание в военные

годы начиналось с вопроса о ходе социалистического соревнования, подведения его итогов. Уже к ноябрю 1942 г. среди работников-членов ВЛКСМ 81 % являлись стахановцами и ударниками, которые включились в социалистическое соревнование. Результатом стало получение заводом Красного Знамени горкома ВКП(б) и горисполкома по итогам городского социалистического соревнования. Это звание Ремзавод № 6 в годы войны получал впоследствии не один раз. Только за 1943 г. он становился обладателем знамени шесть раз, а по итогам социалистического соревнования за тот год был занесён в городскую Книгу Почёта. В послевоенные годы знамя хранилось в фондах музея завода вплоть до его полного закрытия. На данный момент оно находится в городском краеведческом музее и, к сожалению, является чуть ли не единственным напоминанием о существовании завода и его трудовой доблести.

1943 г. в истории завода можно охарактеризовать как один из самых успешных за годы войны. На предприятии активно велось социалистическое соревнование, каждый месяц перевыполнялся производственный план. Кроме того, стоит отметить активную внепроизводственную жизнь рабочих. Понимая, что мальчишкам, пришедшим на завод, всё равно требуются развлечения, руководством была организована футбольная команда «Зенит», в которой играли 14–16-летние ребята. Все ещё продолжалось обустройство в Богородске. В 1943 г. рядом с территорией предприятия рабочими были построены бараки, которые впоследствии в народе получили название «Брянский городок».

В 1944 г. завод продолжал свою успешную производственную деятельность. Её результатом стало награждение коллектива Ремзавода № 6 орденом Ленина 22 ноября 1944 г. Также 136 человек-передовиков получили ордена и медали Советского Союза. С такими же успехами завод проработал до окончания Великой Отечественной войны, а в послевоенные годы стал одним из градообразующих предприятий Богородска.

В одном из своих трудов В. И. Ленин отметил, что победа «требует гигантской энергии, самодеятельности именно рабочих, именно профсоюзов, именно пролетарской массы, и в первую голову тех рабочих, которые близко стоят к отраслям промышленности, связанным с обороной»¹⁶. Данное высказывание как нельзя лучше отражает ситуацию, сложившуюся в годы Великой

Отечественной войны в сфере производства и ремонта военной техники. Несмотря на централизованный характер организации эвакуации предприятий, их размещения по прибытии и работе, практически вся ответственность за данные мероприятия была возложена на городские управления и руководителей данных заводов, в частности. На примере Рембазы № 6 из города Брянска можно проследить, насколько важна была в то время грамотная организационная работа.

¹ Козурман С. О. Эвакуация промышленных предприятий в Саратовскую область и социально-бытовые проблемы рабочих кадров (1941–1945 годы) // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Вып. 2. С. 105.

² Зотова Н. Д. Очерк истории производственного объединения «Богородский машиностроительный завод» (1924–1945 гг.). Дипломное сочинение. Н. Новгород, 1991. С. 8.

³ Там же. С. 10.

⁴ В первых числах июля 1941 г. на фронт была отправлена походная мастерская под руководством Комалова, который через несколько дней вернулся один. Его поступок был оценен как дезертирство и был выставлен в качестве повестки на организованном партийном собрании. Сам Комалов утверждал, что вернулся, чтобы набрать пополнение в бригаду, однако вскоре сообразил, что не сумел организовать работу. В итоге было принято следующее решение: «Объявить строгий выговор с предупреждением об исключении из партии и просить начальника Рембазы № 6 отправить Комалова на фронт, чтобы образцово выполнить задачу — искупить свой поступок и тогда окончательно решить вопрос о партийности и судебной ответственности т. Комалова» (Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2673. Оп. 1. Д. 2. Л. 42).

⁵ Третий эшелон был одним из самых больших, он состоял из 10 вагонов-теплушек и 6–7 платформ с оборудованием, которые тянули два паровоза ФД. В 120 км от Брянска эшелон подвергся нападению немецких самолетов. Благодаря защите зенитных установок налёт был отбит, но в результате оба паровоза вышли из строя, три человека были убиты, несколько ранены. Санитарной авиацией раненные были отправлены в Калугу, а для продолжения пути был вызван новый локомотив с ближайшей железнодорожной станции (Зотова Н. Д. Очерк истории производственного объединения «Богородский машиностроительный завод»... С. 23–24).

⁶ Там же. С. 29.

⁷ Чебриков В. С. Личные воспоминания. Л. 2 (рукопись).

⁸ Зотова Н. Д. Очерк истории производственного объединения «Богородский машиностроительный завод»... С. 33.

⁹ Там же. С. 36.

¹⁰ Там же. С. 35–36.

¹¹ Там же. С. 41.

¹² С. П. Зайцев, являвшийся одним из изобретателей данного метода, его практическое назначение описывал следующим образом: «А что дал этот метод стране и фронту, видно из таких цифр... Согласно техническим условиям, гарантийный

срок новых моторов составлял 200 часов, а отремонтированных — 100 часов. Моторы же, вышедшие с нашего завода, работали бесперебойно 200—1500 часов. Об этом писали на предприятие в письмах, и сами специалисты завода убеждались в этом, бывая в воинских частях и на фронте» (Там же. С. 42)

¹³ Там же. С. 43.

¹⁴ Там же. С. 46.

¹⁵ Желаева С. Г. О роли комсомола в организации социалистического соревнования в 1941—1945 гг. (На материалах республики Бурятия) // Вестник ТГУ. 2008. Вып. 9 (65). С. 97.

¹⁶ Рубинчик Е. Э. Сормовские Т-34 // Кузница победы: Подвиг тыла в годы Великой Отечественной войны. [Электронный ресурс] URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/sb_kuznitsa_pobedy/16.html (дата обращения: 29.01.2021).

В. Б. Ушаков (Ростов-на-Дону)

**1-я РОТА 136-го ПЕХОТНОГО ТАГАНРОГСКОГО
ПОЛКА ПОД КОМАНДОВАНИЕМ
ШТАБС-КАПИТАНА А. Н. ЧЕРЕПОВА
В БОЯХ В РАЙОНЕ СТАВЧАНСКОГО ЛЕСА
26–30 АВГУСТА 1914 ГОДА**

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ или, как ее называли современники, Великая война (1914–1918) является первым глобальным катаклизмом и военным потрясением для человечества в XX в. Именно её начало во многом предопределило дальнейший ход истории в минувшем веке. Еще Отто фон Бисмарк говорил, что «Если в Европе начнётся война, то она начнётся из-за какой-нибудь проклятой глупости на Балканах»¹. Пророчество О. фон Бисмарка исполнилось, убийство в Сараеве наследника австрийского престола стало фактической причиной к началу Первой мировой войны.

Актуальным вопросом в исследовании событий Первой мировой войны является не только освещение крупных стратегических фронтовых и армейских операций, но и локальные действия соединений Русской императорской армии, яркие акты мужества и доблести, подвиги офицеров и нижних чинов.

Необходимо констатировать, что историография Первой мировой войны чрезвычайно обширна. Первые исследовательские и аналитические работы появились ещё в военные годы. В этом контексте необходимо отметить, что отечественная дореволюционная историография развивалась в русле текущих событий Великой войны по военно-историческим, внешнеполитическим вопросам. Особенно выделялись работы, связанные с характером войны, проблемами патриотизма². По причине крушения Российской империи по окончании войны развитие получила уже советская историография. В советской исторической

литературе Первую мировую войну называли империалистической. Внешнеполитические интересы России, равно как и её союзников, рассматривались как захватнические. В целом отечественная историография 1930–1970-х гг. проходила под влиянием идеологической нагрузки, «сталинизма» и «неосталинизма». Важнейшим направлением советской историографии войны было военно-историческое. Оно создавалось в основном самими военными — участниками войны, как оставшимися на Родине, так и оказавшимися в эмиграции³. Среди авторов были в основном командиры Красной армии — бывшие участники мировой войны: М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевский, И. И. Вацетис, Г. С. Иссерсон. В 1939 г. в Париже была издана работа Н. Н. Головина «Россия в Первой мировой войне»⁴. В 1960–1970-е гг. в Советском Союзе появляется ряд обобщающих работ, например, в 1975 г. вышел в свет коллективный труд под редакцией военного историка И. И. Ростунова, посвящённый военным действиям на всех фронтах в течение всей войны⁵. Однако, как уже говорилось, работы данного периода находились под влиянием недостатков, порождённых политизацией и идеологизацией исторической науки.

В постсоветской историографии начался процесс поиска новых подходов к изучению событий Великой войны, в частности, на рубеже XX—XXI вв. вырос интерес к проблеме её восприятия российским обществом и процессу развития в нём патриотических настроений и форм их проявления. Следует отметить также, что разработка современными исследователями проблемы характера Первой мировой войны для России характеризуется преемственностью с предшествующими периодами развития отечественной историографии. Также необходимо констатировать, что, несмотря на открытие новых векторов исследования событий Великой войны, в изучении событий этого периода остаётся достаточно много нерешённых проблем и «белых пятен», связанных с героизмом и подвигами нижних чинов и офицеров русской армии. Акты персональной доблести и отваги русских воинов исчислялись десятками и сотнями тысяч, и каждый из таких подвигов играл важную роль, формируя общую картину сражений Великой войны.

В фондах Ростовского областного музея краеведения находится комплекс документов русского офицера, дворянина, Александра Николаевича Черепова. Комплекс документов семьи Череповых был обнаружен в Ростове-на-Дону в 1985 г.

во время проведения газоремонтных работ в доме по улице Максима Горького (бывшая Сенная). Схрон с документами был сделан в 1920 г. во время ожесточённой борьбы за Ростов-на-Дону между антибольшевистскими силами и Красной армией. Самые поздние документы датированы 7—8 января 1920 г. Большую известность А. Н. Черепов получил в годы Гражданской войны как георгиевский кавалер, первопоходник, стоявший у истоков образования Добровольческой армии. Всего в схроне было обнаружено 78 документов, которые датируются 1880—1920 гг.⁶

Однако в комплексе документов, обнаруженных в Ростове-на-Дону, отсутствуют наградные документы, связанные с боевой работой А. Н. Черепова в годы Великой войны (1914—1918). Целью настоящего исследования является уточнение обстоятельств действий 1-й роты 136-го пехотного Таганрогского полка под командованием штабс-капитана А. В. Черепова в районе Ставчанских лесов 26—30 августа 1914 г., его личного подвига и представления к награждению орденом Святой Анны 2-й степени с мечами.

В рамках настоящего исследования будет проведён комплексный анализ с привлечением всего комплекса музейных, архивных, периодических источников и литературы периода Первой мировой войны.

Начало Великой войны Александр Николаевич Черепов встретил в чине штабс-капитана со старшинством и в должности командира 1-й роты 136-го пехотного Таганрогского полка 34-й пехотной дивизии. Черепов, 1877 года рождения, происходил из потомственных дворян Курской губернии, православный. В 1895 г. поступил вольноопределяющимся в 136-й пехотный Таганрогский пехотный полк, окончил Ярославскую военную школу и полный курс Одесского пехотного юнкерского училища по 2-му разряду и снова вернулся в полк. 27 ноября 1896 г. Высочайшим приказом Александр Черепов был произведён в подпоручики. 136-й пехотный Таганрогский полк квартировал в Ростове-на-Дону, Области Войска Донского (ил. 1, 2).

136-й пехотный Таганрогский полк встретил начавшуюся войну по месту квартирования, в Ростове-на-Дону. Согласно журналу боевых действий, это произошло 17 июля 1914 г.: «В 10 часов утра от начальника гарнизона города Ростова прислана копия телеграммы на его имя о мобилизации Одесского, Киевского, Московского и Казанского военных округов. Первым днём мобилизации считать семнадцатое сего июля»⁷. Однако на

К Р А Т К А Я З А П И С К А

о службе Генерал-Майора 4-й пехотной дивизии Александра ЧЕРЕПОВА

Составлена июля 1918 года №

Родился..... 1877 года августа 17
 Вѣроисповѣданіа православнаго
 Изъ потомственныхъ дворянъ Курской губ.
 Окончилъ Ярославскую военную школу и полный курсъ Одесскаго пѣх.ин-
 керскаго училища по 2-му разряду.
 Женатъ первымъ бракомъ на дочери дворянина Софіи Ардалионовнѣ ИВА-
 НОВОЙ .
 Имѣетъ сына Владимира 16 лѣтъ, родившагося 1902 года іюля 9 дня.
 Жена и сынъ вѣроисповѣданіа православнаго .
 Получаетъ жалованья , столовыхъ , квартирныхъ , добавочныхъ
 всего .
 На службу вступилъ въ 136 пѣх.Таганрогскій полкъ въ 1895 году ав-
 густа 7 дня.

Подпоручикомъ..... съ 1898 года ноября 27
 со старшинствомъ..... 1899 " августа 27
 Поручикомъ..... съ 1904 " октября 20
 со старшинствомъ..... 1903 " августа 27
 Штабсъ-Капитаномъ..... съ 1907 " октября 20
 со старшинствомъ..... 1907 " августа 27
 Капитаномъ..... съ 1914 " октября 20
 со старшинствомъ..... 1911 " августа 27
 Подполковникомъ..... съ 1915 " мая 24
 со старшинствомъ..... 1914 " ноября 3
 Полковникомъ..... съ 1916 " января 15
 со старшинствомъ..... 1914 " октября 12
 Генералъ-Майоромъ..... съ 1917 " іюня 20
 со старшинствомъ..... 1917 " іюня 18

Имѣетъ награди:

орденъ Св. Станислава 3 ст.
 -" - Св. Анны..... 3 "
 -" - Св. Станислава съ мечами 2 ст.
 -" - Св. Анны съ мечами..... 2 ст.
 -" - Св. Владимира съ мечами и бантомъ... 4 ст.
 -" - Мечи и бантъ къ имѣющемуся ордену
 Св. Станислава..... 3 ст.

Ил. 1. Краткая записка о службе генерал-майора Александра Черепова. Лицевая сторона. РОМК КП 12653\65

Медицинантъ къ имѣющемуся ордену Св. Анны3 ст.
Орденъ Св. Анны 4 ст. съ надписью за „Храбрость“
Георгиевское Оружіе
Высочайшее благоволеніе
Орденъ Св. Великомученика Георгія Побѣдоносца4 ст.
- - - - - Георгіевскій крестъ № 910015 4 ст.

Начальникомъ пулеметной команды съ марта 1907 года по декабрь 1913 г.
Командиромъ 1-й роты съ декабря 1913 года по май 1915 года
Командиромъ 2-го баталіона съ мая 1915 года по январь 1917 года
Помощникомъ Командира полка съ января по 9 февраля 1917 года
Командиромъ 282 пѣх. Александрійскаго полка съ 9 февраля 1917 года
по 15 мая 1917 года.
Командиромъ бригады 155 пѣх. дивизіи съ 15 мая по 10 сентября 1917 г.
Переведенъ въ 4 пѣх. дивизіи на должность Командира бригады 10-го
сентября 1917 года.
Принималъ участіе въ походахъ и дѣлахъ противъ Австрій-Венриццевъ
въ періодъ 1914 - 1917 годахъ.
Контуженъ въ голову.
Наказаніямъ или зысканіямъ соединеннымъ съ ограниченіемъ въ пре-
имуществахъ по службѣ не подвергался.

*Привѣдены въ извѣстіи баталіонъ о службѣ
Генерал-Майора Черепова съ 1907 года
136-го пѣх. Ставропольскаго полка
Штабъ-Капитанъ Череповъ*

Подписи Подполковника КОВЫЛИНСКАГО и Штабъ-Капитана УЛЕЖО удосто-
вѣряютъ правильность прохожденія службы Генералъ-Майоромъ ЧЕРЕ-
ПОВЫМЪ согласно краткой записки свидѣтельствуются.

Дежурный Генералъ,
Генералъ-Майоръ *Морозовъ*

“ ” 1 июля 1918 года
№ 288 Начальникъ Инспекторскаго
Отдѣленія Капитанъ *Судинко*

*Ивановъ 5/16
4375*

Ил. 2. Краткая записка о службе генерал-майора Александра Черепова. Обратная сторона. РОМК КП 12653\65

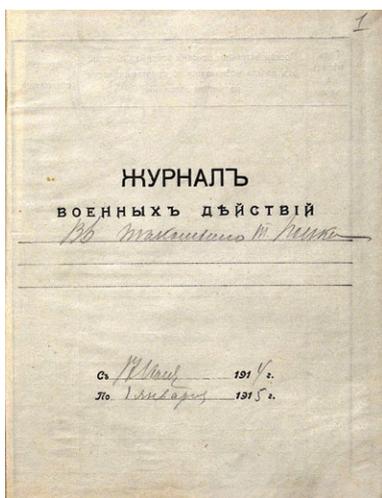
следующий день была получена телефонограмма от начальника гарнизона Ростова-на-Дону, что первым днем мобилизации считать 18 июля. Мобилизационные действия в полку проводились 19–22 июля. 23 июля 136-й Таганрогский пехотный полк выступил в поход. Перед отправкой на железнодорожный вокзал был отслужен напутственный молебен и были преподнесены иконы как «благословение от Городских Управлений Ростова-на-Дону и Нахичевани, от духовенства»⁸.

К началу августа 1914 г. батальоны 136-го пехотного Таганрогского полка прибыли к месту развёртывания 34-й пехотной дивизии. К 7 августа полк занял позиции в авангарде 34-й пехотной дивизии и к 13.00 переправился через реку Збруч (Сбруч) у деревни Волчковцы. В начале августа 34-я пехотная дивизия входила в состав 7-го армейского корпуса 8-й армии под командованием генерала от кавалерии А. А. Брусилова.

В эти августовские дни 1914 г. шла завязка грандиозной Галицийской битвы, которая позднее станет одним из первых успехов русской армии в Великой войне. Форсировав реку Збруч, русские войска вступили на территорию Австро-Венгрии. Первый огневой контакт с противником был зафиксирован 11 августа 1914 г.: «Следуя за 195-м Керчь-Еникальским полком, полк был обстрелян в движении шрапнельным огнём неприятельской конной батареи... после ответного шрапнельного огня 34-й артиллерийской бригады, вынудившего неприятеля отступить, полки продолжили движение»⁹.

К 14 августа 1914 г. войска 8-й армии сосредоточились на левом берегу реки Золотая Липа. Основной вектор движения русских войск был определён в направлении реки Гнилая Липа. Учитывая значительные силы противника на берегу Гнилой Липы, командование 8-й армии решило предпринять марш-бросок силами 7, 8 и 12-го корпусов и развернуться против главных сил противника, примкнув к левому флангу 3-й армии¹⁰. К началу марша 136-й пехотный Таганрогский полк сменил 134-й пехотный Феодосийский полк в авангарде дивизии. В журнале боевых действий полка сделана запись: «Ночной марш в Бржежаны и ночлег (в сосредоточение 34 пехотной дивизии)»¹¹.

В середине дня соединения 7-го армейского корпуса в составе 13-й и 34-й пехотных дивизий стали подходить к реке Гнилая Липа в районе деревни Янчин. Против сил русских корпусов на Гнилой Липе находились 2-я и 3-я австро-венгерские армии¹².

Ил. 3. Журнал боевых действий 136-го пехотного Таганрогского полка (17 июля 1914 — 1 января 1915). РГВА. Ф. 2750. Д. 68. Оп. 1

В 14.40 16 августа 1914 г. 136-й пехотный Таганрогский полк был введён в бой по форсированию реки. Несмотря на сильный шрапнельный, пулемётный и ружейный огонь противника «роты почти без выстрелов по широкой болотистой долине, находясь по шею и грудь в воде... пошли в атаку и переправились на другой берег реки, выбили противника из окопов и таким образом прорвали центр его боевого расположения». В ходе боя пехотинцами 136-го полка было захвачено 1000 пленных и знамя 50-го австрийского полка¹⁴.

17—25 августа 1914 г. 136-й пехотный Таганрогский полк проводил активные наступательные операции в авангарде 34-й пехотной дивизии. 2, 3 и 4-й батальоны были выстроены в боевую линию, а 1-й батальон был выведен в резерв (ил. 3, 4).

1-я рота 1-го батальона 136-го пехотного Таганрогского полка под командованием штабс-капитана А. Н. Черепова успешно действовала в боях на Гнилой Липе. Лично штабс-капитан Черепов увлёк в атаку свою роту и способствовал овладению стратегической высотой 295, а 24—25 августа ротой под вражеским огнем удачно производил разведку.

25 августа 1-й батальон с двумя пулемётами был выдвинут в район деревни Ставчаны для обороны шоссе и дороги в юго-западном направлении. Утром 26 августа командиры рот 1-го батальона получили приказание от командира 133-го пехотного Симферопольского полка наступать вдоль шоссе в направлении деревни Бартатов. Однако как только батальон вышел на шоссе и развернулся поротно, показались отступающие части 133-го пехотного полка. В этой ситуации командир 133-го полка приказал прикрыть наступление левого фланга полка, но как только батальон стал занимать положение за левым флангом, появились подразделения 59-го Люблинского пехотного полка во главе

с командиром бригады 15-й пехотной дивизии, который в присутствии командира 133-го пехотного Симферопольского полка распорядился: «батальону с 2 пулемётами наступать через болота и лес на правый фланг обходящих австрийцев и действовать так, чтобы остановить охват»¹⁵.

Наряду с командиром 1-го батальона приказ наступать в направлении Ставчанского леса получили командиры рот и взводов,

14 ✓

Годъ, мѣсяцъ и число	Послѣдовательное описаніе военныхъ дѣйствій отъ начала мобилизаціи до приведенія части на мирное положеніе	Перечень приложеній
<p style="writing-mode: vertical-rl; transform: rotate(180deg);">Рисункъ о бояхъ у Валерьяновки и Ставчанъ въ днѣ 26 августа 14</p>	<p>26^{авг.} Бой у Городка въ районѣ р. Керемиче. 1 батальонъ съ 2^{ми} пулемѣтами подъ командой подполков. Мессоговина. Имъ 2^м взвѣд. батальона были возмѣнены съ 2^{ми} пулемѣтами въ Ставчанъ для обороны шоссе и дорогъ, ведущей на ю. западъ до вѣтви железн. ст. Корсуха, послѣ чего перешли въ Барятова, что послужило въ выдѣлкѣ к-ру 133-го пех. полка. 26^{авг.} въ Ставчанѣ противъ окоповъ 3 роты, помогавшей наступленію австрійцевъ, который послѣ обороны отступилъ. Подосла 2^м бригады 14 пех. див., о чемъ доложено к-ру 133-го пех. полка, и въ этотъ день было послано приказаніе идти батальону въ Барятова и наступать вдоль шоссе. Какъ только батальонъ вышелъ на шоссе и развернулся въ сторону противника, то увидѣли отъ надвигавшейся 133-го пех. полка, которая находилась приказаніемъ батальону прекратить отступленіе съ лѣваго фланга, охватывавшего наступавшихъ батальонъ началъ занимать удобное положеніе за лѣвымъ флангомъ; въ это время подосла 59-й пех. полка, вѣдущая съ ко-</p>	

Ил. 4. Журнал боевых действий 136-го пехотного Таганрогского полка. Бой у Городка 26 августа 1914 года. РГВА. Ф. 2750. Д. 68. Оп. 1

в том числе и командир 1-й роты штабс-капитан А. Н. Черепов. Согласно «Описанию боевых действий 136-го пехотного Таганрогского полка с 26 по 31 августа 1914 года», «Батальон стал энергично наступать через леса и болота, в которых люди вязли по колени и на руках вытаскивали патронные двуколки с лошадейми, вели перестрелку с противником»¹⁶.

Совместно с другими ротами 1-го батальона 1-я рота штабс-капитана А. Н. Черепова достигла окраины Ставчанского леса и с ходу атаковала позиции противника в окопах и на просеках. В ходе упорного огневого боя противник потеснил роты на восточную окраину леса. 1-й батальон занял канаву и приготовился к отражению контратаки. Противник занял позиции на опушке леса и вёл огонь без продвижения. Вскоре австрийские войска обрушили на 1-й батальон огонь артиллерии: «неприятель стал осыпать всю площадь убийственным шрапнельным огнём во фланг... батальон продолжал оставаться на позиции под убийственным огнём»¹⁷.

Однако, несмотря на убийственный огонь и отход соседних батальонов 54-го Минского пехотного полка и 59-го Люблинского пехотного полка, роты 1-го батальона 136-го пехотного Таганрогского полка оставались на позиции, насколько было возможно. Чтобы исключить преследование отходящих русских частей, 1-я рота штабс-капитана А. Н. Черепова осталась на позиции в Ставчанском лесу: «батальон постепенно начал отходить для присоединения к полку, причём 1-я рота под командой штабс-капитана А. Н. Черепова отошла последней в 6 часов утра 27 августа»¹⁸.

Таким образом, 27 августа полк был вынужден отойти к деревне Мшаны. На этом рубеже 136-й пехотный Таганрогский полк удерживал позиции до 30 августа. 1-я рота штабс-капитана А. Н. Черепова действовала против противника, обстреливая его окопы полка фугасным и шрапнельным огнём.

Однако попытки противника сбить с позиций русские войска не увенчались успехом. Потери 136-го пехотного Таганрогского полка в ходе боёв 26—31 августа 1914 г. составили убитыми — 3 офицера и 30 нижних чинов, ранеными — 20 офицеров и 336 нижних чинов, без вести пропавшими — 4 офицера и 546 нижних чинов.

Среди отличившихся в этих боях был отмечен командир 1-й роты штабс-капитан А. Н. Черепов, который, согласно наградному листу № 6743 от 8 сентября 1914 г., «командуя 1-й ротой... 26 августа, узнав задачу и наступление батальона на неприятельскую

позицию у Ставчанского леса, по собственной инициативе прибыл в означенный район и повёл наступление на означенный лес, а когда ночью батальон, атаковавший лес, начал отходить, то он остался и отошёл последним для присоединения к полку в 6 часов утра 27 августа на позицию у села Мшаны, где до 30 августа отстаивал позицию против сильнейшего противника, обстреливая все время наши окопы шрапнельным огнем и фугасными бомбами и переходившего в наступление»¹⁹. Согласно данному представлению на имя начальника 34-й пехотной дивизии штабс-капитан А. Н. Черепов был награждён орденом Святой Анны 2-й степени с мечами.

Таким образом, благодаря действиям нижних чинов и офицеров русских армий Юго-Западного фронта, на начальном этапе Галицийской битвы удалось нанести поражение войскам Австро-Венгерской империи. Ярким примером доблести, мужества являются действия военнослужащих 136-го пехотного Таганрогского полка, в том числе командира 1-й роты штабс-капитана А. Н. Черепова, представленного и награждённого за бои в Галиции орденами Святого Станислава 2 степени с мечами и Святой Анны 2 степени с мечами.

¹ Задохин А. Г., Низовский А. Ю. Пороховой погреб Европы. М., 2000. С. 35.

² Мокшина Е. Н., Фадеев Б. С. Об историографии первой мировой войны // Социально-политические науки. 2015. № 2. С. 27–28.

³ Козенко Б. Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 3–27.

⁴ Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. М., 2014.

⁵ Мокшина Е. Н., Фадеев Б. С. Об историографии первой мировой войны. С. 29.

⁶ РОМК КП 12653/1-78.

⁷ РГВА. Ф. 2750. Д. 68. Оп. 1. Л. 2.

⁸ Там же. Л. 3.

⁹ Там же. Л. 5–6.

¹⁰ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2014. С. 82.

¹¹ РГВА. Ф. 2750. Д. 68. Оп. 1. Л. 7.

¹² Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. М., 2014. Кн. 2, т. 3. С. 384.

¹³ РГВА. Ф. 2750. Д. 68. Оп. 1. Л. 8.

¹⁴ Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. С. 406.

¹⁵ РГВА. Ф. 2364. Д. 107. Оп. 2. Л. 149.

¹⁶ Там же. Л. 152.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ РГВА. Ф. 409. Д. 7953. Л. 2.

А. Д. Федечкин (Москва)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АРТИЛЛЕРИИ ГЛАВНОГО КАЛИБРА БРОНЕНОСНЫХ КРЕЙСЕРОВ РОССИЙСКОГО ФЛОТА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

К НАЧАЛУ 70-х гг. XIX в. необходимость практической реализации в русском флоте идеи создания боевых единиц с облегчённой бронёй по ватерлинии, способных в случае войны действовать на морских коммуникациях Британии, ясно обозначила проблему выбора артиллерии главного калибра для таких кораблей. Последняя, по заключению ряда отечественных военно-морских экспертов, должна была удовлетворять «всем потребностям, могущим представиться крейсеру», не исключая и возможности встречи с мореходными броненосцами того времени.

«В вооружении крейсера, — утверждал, например, капитан-лейтенант Л. П. Семечкин, — должны быть проведены две идеи: во-первых, способность артиллерии поражать броненосные суда и, во-вторых, возможно меньшее влияние её на морские качества судна»¹. При этом выполнение указанных условий первоначально виделось в существенном увеличении калибра орудий и одновременном сокращении их числа на борту.

Подобных взглядов придерживался капитан 2-го ранга Н. В. Копытов, который в своём проекте, представленном руководству Морского министерства 4 февраля 1868 г., считал необходимым оснастить перспективный броненосный крейсер 12 пушками калибром 229 мм, способными «нанести существенный вред всякому противнику». Их рациональное размещение в устроенных на верхней палубе «полубашнях» (спонсонах) с углом обстрела до 180° позволяло обеспечить «сильный залп

по килю», используя стреляющие в нос орудия и для «кормовой обороны»². Такая артиллерия обладала высокой огневой мощностью, однако её значительный вес потребовал увеличения водоизмещения, превысившего в окончательном варианте 7700 т. Данное обстоятельство заметно удорожало постройку крейсера, делая её трудно осуществимой в условиях тогдашней скудности финансовых и промышленных ресурсов государства.

Более дешёвой представлялась конструкция «истребителя торговли», предложенная в марте 1869 г. контр-адмиралом А. А. Поповым. В свете основной задачи, состоявшей в нанесении в случае войны максимального ущерба английской морской торговле и предполагавшей участие «в одиночном, а не эскадренном бою», спроектированный им корвет водоизмещением 4600 т с поясной броневой защитой оснащался артиллерией главного калибра лишь из четырёх 203-мм нарезных орудий. Внедрение последних обеспечивало огневое превосходство над вооружёнными коммерческими пароходами и большинством небронированных кораблей вероятного противника, встреча с которыми при действиях на коммуникациях считалась наиболее вероятной. «Если назначение крейсера заключается в уничтожении неприятельской торговли, то нет надобности, чтобы он был годен для атаки крепостей и эскадренного боя с броненосцами, а, следовательно, как число орудий, так и калибр их должны отвечать только главной своей цели», — отмечал А. А. Попов.

Его проект был воплощён в постройке в 1870—1879 гг. полуброненосного корвета (впоследствии — фрегата) «Генерал-Адмирал», признававшегося как отечественными, так и зарубежными экспертами одним из лучших крейсеров своего времени. Артиллерийское вооружение корабля размещалось побортно на верхней палубе в протяжённых спонсонах в средней части корпуса, обеспечивавших углы обстрела до 180°. В случае необходимости каждое 203-мм/22 орудие, имеющее поворотную платформу, могло перемещаться по рельсам на противоположный борт, где предусматривались дополнительные порты. В дополнение к ним в носу и корме устанавливалось по одной 152-мм/24 пушке, действовавшей на острых курсовых углах.

По замыслу А. А. Попова подобное расположение артиллерии, разгружавшее оконечности корпуса, должно было положительным образом сказаться на мореходных и ходовых качествах, обоснованно считавшихся одними из основных характеристик

океанских крейсеров. «Так как в судах этих, — писал в 1868 г. вице-адмирал французского флота Ф.-В. Тушар, — скорость есть главное условие, то, если и необходимо жертвовать чем-нибудь, лучше принести в жертву относительную силу погонной и ретиральной стрельбы, чем такой важный элемент силы, как скорость»³.

В результате, благодаря внедрению 203- и 152-мм артиллерии главного калибра, «Генерал-Адмирал» по весу бортового залпа (426 против 200—240 кг) превосходил наиболее многочисленные английские деревянные корветы типов «Жюно», «Эклипс», «Брайтон» и «Эктив»⁴. Заметным было огневое преимущество и на острых курсовых углах, где русский крейсер мог использовать одно—два 203- и одно 152-мм орудия, в то время как его основные «оппоненты» — лишь по одной 160- или 178-мм пушке⁵.

Вместе с тем существенной проблемой явилась невозможность быстрого перемещения 203-мм артиллерийских установок для стрельбы с одного борта, занимавшего «при всех благоприятных обстоятельствах» до 10 минут и вынуждавшего на время полностью прекращать огонь. Вследствие этого в 1881 г. было признано целесообразным вооружить фрегат шестью 203-мм/22 пушками вместо прежних четырёх, расположив их «таким образом, чтобы можно было действовать тремя орудиями с борта»⁶. Данное решение, хотя и уменьшало вес бортового залпа до 340 кг, позволяло более эффективно использовать имеющуюся артиллерию «без потери времени на перекачивание орудий по платформе».

Несмотря на недостатки, в первой половине 70-х гг. XIX в. немногочисленные дальнобойные установки крупного калибра продолжали рассматриваться специалистами ведущих морских держав как наиболее приемлемый вариант оснащения крейсеров. Одним из его убеждённых сторонников являлся известный британский кораблестроитель Э. Рид, отстаивавший необходимость «употреблять на флоте, везде, где только можно, орудия наибольшей пробивающей силы».

Вместе с тем намечившееся к середине десятилетия существенное повышение скорострельности 107—152-мм пушек и фугасного действия их боеприпасов, увеличившие вероятность поражения слабо защищённых целей, заставили многих экспертов считать именно эти артсистемы основными огневыми средствами перспективных крейсеров. «Найдено, что за исключением случаев сражения с броненосцами... самым лучшим вооружением судов следует считать возможно большее число бомбических

нарезных, с точной стрельбой орудий, а потому решимость принять такое вооружение для крейсеров вполне благоразумна», — утверждал, например, в 1874 г. английский морской артиллерист У. Паллизер⁷.

Подобное увлечение не обошло стороной и русское Морское министерство, представители которого планировали оснастить однотипный «Генерал-Адмиралу» броненосный крейсер «Герцог Эдинбургский» 10 152-мм/24 орудиями, однако впоследствии такое вооружение признали недостаточным для корабля фрегатского ранга⁸.

Тем не менее, учитывая обоснованность обеих точек зрения, отечественные военно-морские эксперты пришли к выводу о целесообразности внедрения на броненосных крейсерах компромиссного варианта вооружения из большого числа скорострельных среднекалиберных и нескольких тяжёлых пушек. Оптимального их сочетания удалось достичь при переоборудовании в 1874—1878 гг. в океанский крейсер недостроенного башенного броненосца «Минин», также осуществлявшегося по проекту А. А. Попова. Большое водоизмещение корабля в 5740 т позволяло разместить на нём в качестве главного калибра четыре 280-мм и шесть 152-мм орудий, значительно превосходивших по огневой мощи вооружение находившихся в постройке «Генерал-Адмирала» и «Герцога Эдинбургского». Однако в апреле 1874 г. Морской технический комитет (МТК), справедливо опасаясь, что 280-мм пушки могут снизить остойчивость крейсера, носящего большую парусность, предложил заменить их более лёгкими артсистемами. В окончательном варианте основное вооружение нового полуброненосного фрегата включало четыре 203-мм/22 орудия в спонсонах и 12 152-мм/24 в бортовой батарее с массой залпа 414 кг, позволявшие действовать «по направлению различных углов обстрела» без перевода установок с борта на борт⁹.

По мнению капитана 2-го ранга С. О. Макарова предложенный состав артиллерии главного калибра в сочетании со 152-мм поясом по ватерлинии вполне мог обеспечить «от всякой попытки сопротивления со стороны купеческого судна» и помочь «выдерживать бой с лёгкими неприятельскими крейсерами, с которыми он может быть поставлен в необходимость иметь дело»¹⁰.

Вместе с тем командир «Минина» капитан 1-го ранга П. Н. Назимов считал полезным заменить восемь шкафутных 152-мм орудий четырьмя 203-мм, позволявшими «уменьшить комплект

команды», в то время как некоторые офицеры фрегата даже высказывались за установку исключительно 229-мм пушек¹¹.

Подобное стремление представителей русского флота сохранить на крейсерах тяжёлую артиллерию во многом объяснялось появлением в конце 1870-х гг. у вероятного противника боевых единиц с сильным вооружением и поясным бронированием по ватерлинии, специально предназначенных для защиты коммуникаций. С целью успешного противостояния им в одиночном поединке, уже не считавшемся к тому времени маловероятным событием, в состав артиллерии главного калибра даже предполагалось включать нарезные мортиры для навесного огня, который, как ожидалось, «при метком попадании способен произвести решающее влияние на исход сражения»¹².

Эти взгляды были во многом продиктованы опытом боя вооружённого парохода «Веста» с турецким броненосцем «Фетхи Буленд» 11 июля 1877 г., когда успешное применение 152-мм полевых мортир русского вспомогательного крейсера позволило отразить атаку более сильного неприятеля. Пушки такого типа, предназначавшиеся для поражения бронированных кораблей сквозь горизонтальную защиту, планировались к установке на «Генерал-Адмирале», однако малая эффективность их стрельбы по движущейся цели и сильное разрушительное действие на собственные палубы заставили вскоре отказаться от этой идеи¹³. Более результативным считалось ведение настільного огня, для чего важно было «иметь хотя и не тяжёлую, но многочисленную артиллерию» из 203- и 152-мм пушек.

Подобный состав артиллерии главного калибра, обеспечивавший необходимые дальнбойность и скорострельность, впоследствии был внедрён при проектировании более совершенных крейсеров «Владимир Мономах» и «Дмитрий Донской», явившихся развитием типа «Минин». При этом предпринятая по инициативе управляющего Морским министерством контр-адмирала А. А. Пещурова попытка оснастить их новыми 229-мм облегчёнными артсистемами для действий против «тяжело вооружённых неприятельских крейсеров, когда нельзя избежать встречи с ними», повлекла за собой заметную строительную перегрузку, компенсировать которую пришлось бы за счёт сокращения среднекалиберных орудий.

С данным решением категорически не соглашались специалисты Морского технического комитета, полагавшие, что

отечественные броненосные крейсера, «имея главным назначением действия против торгового неприятельского флота», не нуждались в увеличении веса и калибра артиллерии¹⁴. Их мнение, очевидно, было принято во внимание руководством Морского ведомства, которое в апреле 1881 г. распорядилось сохранить на фрегатах 203-мм орудия.

Наряду с этим задерживавшийся в постройке «Дмитрий Донской» было решено оснастить перспективными артсистемами с увеличенной до 30 калибров длиной ствола, которые за счёт возрастания начальной скорости снаряда обладали «не меньшею разрушительной силой, чем 9-дм [229-мм] облегчённые пушки»¹⁵. Из-за значительно большей массы число крупнокалиберных орудий пришлось сократить до двух, доведя одновременно до 14 число 152-мм пушек и разместив их в закрытой батарее. Над ней в открытых бортовых спонсонах установили 203-мм/30 пушки, подъём которых над водой существенно увеличивал действенность огня¹⁶. На имевшем же большую степень готовности «Владимире Мономахе» решили сохранить предусмотренную первоначальным проектом артиллерию главного калибра из четырёх 203-мм/22 и 12 152-мм/28 орудий, к тому времени достаточно хорошо освоенных в производстве.

Несмотря на различия, оба фрегата, как и их прототип, обладали значительной огневой мощностью, превосходя по массе бортового залпа главным калибром (433 кг у «Владимира Мономаха» и 415 кг у «Дмитрия Донского») большинство современных им британских неброненосных крейсеров. При этом, согласно оценкам отечественных специалистов, 203-мм/30 и 152-мм/28 артсистемы обладали способностью «с успехом действовать на близких дистанциях против брони толщиной в 6 дм [152 мм]», что давало возможность сражаться даже с броненосцами, построенными до начала 70-х гг. XIX столетия¹⁷.

Вместе с тем, широкое внедрение в середине 1880-х гг. в зарубежных флотах сталелитейной брони с более высокой стойкостью к пробитию потребовало дальнейшего совершенствования артиллерийского вооружения отечественных броненосных крейсеров, которые решено было оснащать 203- и 152-мм орудиями с увеличенной начальной скоростью снарядов¹⁸.

Такие артсистемы с длиной ствола в 35 калибров были спроектированы в 1885 г. членом Артиллерийского отделения МТК штабс-капитаном А. Ф. Бринком и превосходили по мощи

прежние образцы¹⁹. Так, новая 203-мм/35 пушка обладала «пробивающей способностью, почти равной пробивающей способности 11-дм (280-мм) крупновских орудий»²⁰. Для 152-мм/35 пушек с целью повышения скорострельности впервые в русском флоте применили поршневые затворы французской системы Трель-де-Болье, позволившие ускорить зарядание, а также создали усовершенствованные станки системы Вавассера — Дуброва с быстрым горизонтальным наведением²¹.

Одним из первых новыми орудиями оснастили 8470-тонный броненосный крейсер «Адмирал Нахимов», вошедший в строй в 1888 г. и спроектированный изначально как броненосец 2-го класса по образцу английского «Имперьюза». Артиллерия главного калибра из восьми 203-мм/35 в бронированных барбетах и 10 152-мм/35 орудий в батарее обеспечивала ему высокую огневую мощь, которая, однако, оказалась избыточной для действий против неприятельской морской торговли, став одной из причин отказа от дальнейшего строительства боевых единиц этого типа.

Более выгодным представлялось совершенствование конструкции «Дмитрия Донского», принятый для которого состав вооружения главного калибра признали оптимальным при проектировании его увеличенного варианта — полуброненосного фрегата «Память Азова» в 6000 т.

К моменту начала стапельных работ в 1886 г. вследствие изменения системы бронирования и схемы энергетической установки водоизмещение крейсера выросло более чем на 300 т, приведя к увеличению осадки. Стремясь уменьшить нежелательное переуглубление, МТК предложил заменить 203-мм/35 пушки двумя 152-мм/35, доведя их число до 16. Однако такое решение комитета встретило резкое возражение со стороны управляющего Морским министерством вице-адмирала И. А. Шестакова, который, справедливо считая, что подобная замена «значительно ослабит боевую способность фрегата как крейсера при погоне за неприятелем», нашёл необходимым сохранить на нём тяжёлую артиллерию²². В результате на крейсере упразднили лишь кормовую «шестидюймовку», и к моменту вступления в строй в 1890 г. главный калибр «Памяти Азова» насчитывал два 203-мм/35 орудия на верхней палубе и 13 152-мм/35 в закрытой батарее²³.

Данный состав артиллерии давал возможность вести сильный носовой (два 203-мм/35 и три 152-мм/35 орудия) и траверзный (одно 203-мм/35 и шесть 152-мм/35) огонь, в то время

как по массе бортового залпа фрегат в 1,13–1,4 раза превосходил «Дмитрия Донского» и «Владимира Мономаха»²⁴. Благодаря высокой начальной скорости снарядов (578 м/с для 203-мм и 580 м/с для 152-мм калибра) орудия на расстоянии 10 кб обеспечивали пробитие соответственно 285- и 200-мм сталежелезной брони, что соответствовало толщине бортовой защиты большинства английских броненосных крейсеров того времени²⁵.

Вместе с тем, общее количество скорострельной артиллерии на фрегате признавалось недостаточным, что было учтено при постройке в 1889–1895 гг. крейсера 1-го ранга «Рюрик». Его водоизмещение свыше 10 900 т позволило разместить в качестве основного вооружения четыре 203-мм/35 и 16 152-мм/35 пушек. Такая артиллерия, «не столько сильная по калибру, сколько по числу и скорострельности орудий», давала, как считалось, «особенные преимущества для действия по килю» и широкие возможности «для успеха операций против укрепленных местностей»²⁶.

Однако наметившийся к началу 90-х гг. XIX в. прогресс в области морской артиллерии, в том числе валовая промышленная фабрикация бездымного пороха и появление в иностранных флотах установок калибром до 152 мм с увеличенной скоростью стрельбы, вынудил отечественных специалистов вскоре пересмотреть состав вооружения нового крейсера. Признавая необходимым «скорейшее введение» скорострельных орудий, внимание остановили на артсистемах французского инженера Г. Канэ, демонстрировавших заметно лучшие характеристики в сравнении с другими образцами²⁷. Благодаря патронному заряданию с использованием зарядов бездымного пороха и удачному поршневому затвору 152-мм/45 и 120-мм/45 пушки данной конструкции могли развивать техническую скорострельность в 6,2 и 10,7 выстрелов в минуту и были рекомендованы для производства на Обуховском сталелитейном заводе (ОСЗ)²⁸. Наряду с этим 152-мм орудия системы Канэ имели более высокую начальную скорость снаряда (первоначально — свыше 640 м/с) и, как следствие, обладали в 1,4 раза большей бронепробивающей способностью по сравнению с 152-мм/35 артсистемами²⁹.

По указанию нового управляющего Морским министерством вице-адмирала Н. М. Чихачёва шесть 120-мм/45 и 16 152-мм/45 орудий были помещены соответственно на верхней палубе и в закрытой батарее взамен предусмотренных проектом 152-мм/35 артиллерийских установок³⁰.

Благодаря многочисленной крупно- и среднекалиберной артиллерии, русский корабль по массе бортового залпа » (578 против 572 кг) не уступал новейшим британскими бронепалубным крейсерам «Блейк» и «Бленхэйм»³¹. Вместе с тем, некоторые из отечественных экспертов находили состав вооружения «Рюрика» избыточным. Так, командир корабля капитан 1-го ранга П. Н. Вульф отрицал необходимость для больших крейсеров «быть способными вступить в бой с береговыми укреплениями и тяжёлыми судами береговой обороны», считая их главным предназначением уничтожение коммерческого флота. Исходя из этих задач, он полагал возможным ограничить «боевые средства» кораблей артиллерией среднего и малого калибра (не менее 26 152-мм и 120-мм орудий) и направить полученную «экономия от веса» на увеличение быстроходности и запасов топлива. «Остановившись на скорострельной артиллерии не выше 6 дм [152 мм], — писал П. Н. Вульф в феврале 1893 г., — мы можем поставить её возможно больше и при этом останемся в барышах как по стоимости, так и весу артиллерии»³².

Несмотря на рациональность, идеи П. Н. Вульфа не встретили поддержки управляющего Морским министерством, распорядившегося сохранить вооружение «Рюрика» при постройке его усовершенствованного варианта — крейсера 1-го ранга «Россия». Учитывая настоятельную необходимость внедрения к тому времени «скорострельных орудий большого калибра», на нём установили 203-мм/45 пушки, спроектированные А. Ф. Бринком по образцу 152-мм/45 орудий Канэ. Существенное удлинение ствола и применение зарядов бездымного пороха массой 33,4 кг позволили достичь начальной скорости снаряда в 900 м/с и превзойти в дальности стрельбы (до 70 кб) и бронепробиваемости (450 мм железной брони на дистанции в 5 кб) 203-мм/35 орудия «Рюрика»³³. Кроме того, на этапе проектирования, в июне 1894 г. главный инспектор морской артиллерии контр-адмирал С. О. Макаров предложил «с целью большей однообразности калибра» заменить предусмотренные проектом 120-мм/45 орудия на четыре 152-мм/45, но в результате вместо них на крейсере установили 12 75-мм/50 пушек Канэ. Благодаря более высокой скорострельности (до 8 выстрелов в минуту) и хорошей настильности стрельбы они, по мнению экспертов того времени, могли быть с успехом «употреблены с больших дистанций (свыше 40 кб — А. Ф.)» для действия против лёгких крейсеров и коммерческих

пароходов противника³⁴. Кроме того, 75-мм бронепробивной снаряд с начальной скоростью 820 м/с был способен на дистанции в 5 км пробить до 114 мм стальной брони, что давало возможность поражать и хорошо защищённые цели.

Несмотря на разнообразие, артиллерия главного калибра крейсера на момент вступления в строй в 1897 г оказалась способной делать до 110 выстрелов в минуту по сравнению с 26 и 36 выстрелами английских «Бленхейма» и построенного позднее более крупного «Пауверфула»³⁵. Подобные огневые возможности достаточно высоко оценивались отечественными специалистами. «Россия» — лучший из судов русского флота», — отмечал старший артиллерист крейсера лейтенант Е. В. Свенторжецкий³⁶. Это мнение разделяли и многие английские эксперты того времени. «“Россия” спроектирована, чтобы осуществить стремительный натиск и уничтожить своего противника ошеломляющим огнём, — писал, например, Ф. Т. Джейн. — Нет сомнения, что когда она сосредоточит на цели свой огонь, то ни “Пауэрфулу”, ни какому-либо другому крейсеру не останется ничего другого, как быть разрушенным внутри в течение пяти минут»³⁷.

Аналогичное вооружение, рассчитанное, по мысли отечественного историка А. П. Шершова, лишь на «первый сильный удар по противнику», было установлено и на близком по конструкции «Громобое», вступившем в строй в 1900 г. и ставшем последним отечественным океанским броненосным «истребителем торговли» специальной постройки³⁸. Состав и размещение артиллерии главного калибра на нём практически не отличались от «России», однако число 75-мм/50 установок было увеличено до 24. Данный шаг позволил в 1,6–1,75 раза превзойти по суммарной дульной энергии вооружение современных на тот момент британских броненосных крейсеров «Дрейк» и «Кресси»³⁹. Наряду с этим, 152-мм/45 орудия корабля обладали повышенной бронепробиваемостью, достигнутой к 1898 г. путём внедрения усиленных пороховых зарядов⁴⁰.

Таким образом, на протяжении 70-х — 90-х гг. XIX в. в русском флоте выработалась устойчивая система взглядов на артиллерийское вооружение океанских броненосных крейсеров, являвшаяся важной составляющей отечественных военно-морских сил. В основу концепции легла идея достижения необходимого огневого превосходства лишь над неприятельскими кораблями, встреча с которыми при действиях на коммуникациях представлялась

наиболее вероятной, позволившая ограничить наибольший калибр орудий 203 мм и использовать высвобождающийся вес для увеличения быстроходности и автономности.

Не менее важным положением являлось стремление нанести максимальный ущерб при погоне за противником или отрыве от его превосходящих сил, а также гарантированное поражение цели в одиночном бою на ближней дистанции. Это явилось причиной включения в состав артиллерии главного калибра нескольких дальнобойных 203-мм и большого числа скорострельных 152-мм орудий, дополненных впоследствии 120- и 75-мм установками. Наряду с прочим характерной особенностью данных артсистем стало достаточно высокое бронепробивное действие, позволявшее, при необходимости, успешно выдержать бой с хорошо защищённым кораблём неприятеля.

Неуклонное следование вышеуказанной концепции дало возможность последовательно совершенствовать артиллерию главного калибра отечественных океанских броненосных крейсеров и оснащать перспективные боевые единицы вооружением, способным решать широкий спектр задач. Его состав, рационально подобранный с учётом современных на тот момент достижений морской техники, соответствовал конкретным целям и позволял создать в случае войны реальную угрозу морской торговле Британии.

¹ Семечкин Л. Мысли по поводу сражения при Лиссе // Морской сборник. 1867. № 5. Неоф. отдел. С. 37.

² РГА ВМФ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 5. Л. 56.

³ Крейсера и их вооружение // Морской сборник. 1868, № 10. Неоф. отдел. С. 80.

⁴ РГА ВМФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 470. Л. 246 об.

⁵ Мертваго Д. Современные военные флоты. Английские крейсера и броненосцы и французский броненосный флот. СПб., 1878. С. 9.

⁶ РГА ВМФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 470. Л. 267.

⁷ Военно-морское дело за границей // Морской сборник. 1874, № 11. Неоф. отдел. Морская хроника. С. 44.

⁸ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4365. Л. 3.

⁹ Там же. Д. 4684. Л. 42.

¹⁰ Там же. Д. 4963. Л. 5—5 об.

¹¹ Там же. Ф. 421. Оп. 10. Д. 319. Л. 6.

¹² Там же. Ф. 410. Оп. 1. Д. 4048. Л. 7 об.

¹³ Яцыно И. А. Очерк современной морской артиллерии // Морской сборник. 1898. № 5. Неоф. отдел. С. 7.

¹⁴ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 5602. Л. 7—8.

- ¹⁵ Отчёт о занятиях Кораблестроительного отделения Морского технического комитета за 1881 г. СПб., 1882. С. 8.
- ¹⁶ РГА ВМФ. Ф. 421. Оп. 8. Д. 28. Л. 146–150 об.
- ¹⁷ Там же. Ф. 167. Оп. 1. Д. 39. Л. 25; Обзор деятельности Морского ведомства за царствование государя императора Александра III 1881–1894 гг. СПб., 1901. С. 58.
- ¹⁸ РГА ВМФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 227. Л. 11 об.
- ¹⁹ Сборник кратких сведений по Морскому ведомству. № 10. Обуховский сталелитейный завод. СПб., 1908. С. 13; Обуховский завод. 150 лет во славу Отечества. 1863–2013 гг. Сборник. СПб.: ООО «Береста», 2013. С. 86.
- ²⁰ РГА ВМФ. Ф. 421. Оп. 8. Д. 35. Л. 302.
- ²¹ Колчак В. И. История Обуховского сталелитейного завода в связи с прогрессом артиллерийской техники. СПб.: Судостроение, 2001. С. 219.
- ²² Отчёт о занятиях Морского технического комитета за 1886 г. Ч. I. По кораблестроению. СПб., 1888. С. 79.
- ²³ Отчёт о занятиях Морского технического комитета за 1886 г. Ч. IV. По артиллерии. СПб., 1888. С. 30.
- ²⁴ Краткие сведения о фрегате «Память Азова». Составлены офицерами фрегата в 1890 г. СПб., 1890. С. 14.
- ²⁵ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 591. Л. 4.
- ²⁶ Там же. Ф. 315. Оп. 1. Д. 830. Л. 41 об.
- ²⁷ Отчёт о занятиях Морского технического комитета в 1890 г. Ч. 4 (по артиллерии). СПб., 1893. С. 96.
- ²⁸ Отчёт по Морскому ведомству за 1890–1893 гг. СПб., 1895. С. 61.
- ²⁹ Яцыно И. А. Очерк современной морской артиллерии. СПб., 1898. С. 3.
- ³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 267. Л. 106, 170.
- ³¹ Мельников Р. М. Крейсера Российского флота // Судостроение. 1990. № 11. С. 53.
- ³² РГА ВМФ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 124. Л. 14.
- ³³ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2899. Л. 154 об.
- ³⁴ Там же. Ф. 421. Оп. 8. Д. 57. Л. 581.
- ³⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 84. Л. 22.
- ³⁶ Там же. Ф. 763. Оп. 1. Д. 57. Л. 47.
- ³⁷ Jane F. T. The Imperial Russian Navy. Its past, present and future. London, 1904. P. 264.
- ³⁸ Шершов А. П. История отечественного кораблестроения с древнейших времён до наших дней. СПб.: ПОЛИГОН, 1994. С. 248.
- ³⁹ ЦГИА СПб. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 1873. Л. 36.
- ⁴⁰ РГВИА. Ф. 506. Оп. 2. Д. 78. Л. 98.

О. В. Филатов (Санкт-Петербург)

**ВКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВМФ СССР
В ОРГАНИЗАЦИЮ И ВЫПОЛНЕНИЕ
ПРОГРАММЫ ЛЕНД-ЛИЗА В СОСТАВЕ АМТОРГА
И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ЗАКУПОЧНОЙ
КОМИССИИ СССР В США В НАЧАЛЬНЫЙ
ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

В ДАННОЙ СТАТЬЕ автор проводит краткое ретроспективное исследование о начале деятельности военно-морских представителей СССР в США по выполнению договора по ленд-лизу 1941—1942 гг. Сегодня всем известно, как начиналась война и какая трудная пора выпала России в 1941 г. Война велась не только на фронтах, но и в тылу.

Еще до начала Великой Отечественной войны приказом Народного комиссара ВМФ СССР Н. Г. Кузнецова от 11 июня 1940 г. было расформировано 9-е отделение Главного морского штаба (ГМШ) ВМФ, и на его базе создан Отдел внешних заказов (ОВЗ) при заместителе Наркома ВМФ, в то время адмирале И. С. Исакове. Начальником отдела был назначен военинженер 2 ранга А. П. Сериков. ОВЗ, в соответствии с этим приказом, осуществлял общую реализацию всех импортных заказов ВМФ и выполнял следующие задачи¹:

1. Контроль и наблюдение за состоянием, использованием по назначению, учёту импортного оборудования; изучением импортных образцов вооружения; своевременным выполнением заказов; приёмкой оборудования; своевременной обработкой технической документации.

2. Организация связи Центральных управлений ВМФ с Народным Комиссариатом внешней торговли (НКВТ) и контрольно-приёмным аппаратом (КПА) в Германии.

3. Размещение заказов через объединения НКВТ.

4. Оформление документов для специалистов, командированных за границу.

5. Финансовый учёт и отчётность, составление сметы на кредиты по импортным заказам и расчётам.

Структурно ОВЗ состоял из отделений технического контроля и заказов и учёта².

Личный состав ОВЗ в мирное время насчитывал по штату: начальствующего состава — 6 человек; вольнонаёмных — 6 человек.

Одновременно с изданием приказа Нарком ВМФ 11 июня 1940 г. утвердил «Временное положение об Отделе внешних заказов при НКВМФ СССР». В нём, в частности, отмечалось, что отдел создаётся «для технического и оперативного руководства реализацией импортных заказов НКВМФ, максимальным использованием иностранной техники на вооружение ВМФ СССР и внедрение её на производство советской промышленности»³. В начале войны, с 1941 по 1942 г. страна перенастроила значительные мощности кораблестроения на выпуск вооружений для Красной армии и в то же время сократила строительство новых боевых кораблей, так как 8 сентября 1941 г. началась блокада Ленинграда — главного центра военного судостроения страны, а судостроительные заводы в Николаеве были захвачены немцами. В данной ситуации руководство ВМФ СССР пришло к решению о необходимости снабжения армии и флота, используя возможности зарубежных поставок. Была создана антигитлеровская коалиция, в которую вошли Советский Союз, Великобритания и США. Союзники, используя свои экономические связи и на базе принятого в США закона о ленд-лизе, стали поставлять материальную помощь СССР. Однако выполнение программы ленд-лиза сопровождалось специфическими противоречиями, препятствовавшими функционированию системы англо-американских поставок для советского ВМФ и приводившими к нарушению сроков поступления их в СССР. И здесь необходимо упомянуть о той роли, которую сыграли советские представители Правительственной закупочной комиссии (ПЗК) в организации поставок в СССР. Кто же были эти люди? Правительство СССР во главе со И. В. Сталиным приняло решение для организации закупок и поставок в СССР необходимых материалов и техники срочно послать для переговоров в Лондон советскую делегацию. На должность главы делегации

был назначен генерал-лейтенант Ф. И. Голиков⁴. В это время обстановка на советско-германском фронте была очень сложной. Голиков срочно был вызван в Москву, откуда по решению Сталина был направлен в Вашингтон для ведения переговоров с американским руководством о закупках вооружения, о займе, о способах доставки в СССР закупленных материалов. Предстояла масштабная работа по организации системы импортного снабжения Советской армии, флота, предприятий и организаций. В состав миссии, направленной в США, также входил генерал-майор ВВС А. К. Репин. По прибытию в США членов советской миссии генерала Ф. И. Голикова и А. К. Репина вместе с послом СССР в США К. А. Уманским принял президент, члены правительства, также они были приглашены к начальнику генерального штаба армии США генералу Джорджу Маршаллу. С прибытием советской миссии в США 27 июля 1941 г. начался военно-экономический этап согласования, а затем выполнения будущей программы ленд-лиза. Вскоре президент Рузвельт выступил на заседании Кабинета и напомнил, что война в России идет уже 6 недель, но пока в Россию не отправлены никакие нужные ей товары. В целом в ходе визита в Вашингтон генерал-лейтенанту Ф. И. Голикову удалось добиться позитивных результатов, которые определили контуры будущих договоров о поставках американских военных материалов в СССР. Всестороннюю помощь ему во время пребывания в Вашингтоне оказывал военный атташе полковник И. М. Сараев. Известно, что в мае 1924 г. в Нью-Йорке была учреждена торговая организация «Амторг», занимавшаяся как комиссионер-посредник экспортом советских товаров в США и импортом товаров из США в СССР. В соответствии с циркуляром Наркомата внешней торговли СССР все торговые операции в пределах США предлагалось проводить через «Амторг». Он проводил активную политику по развитию контактов, торговых связей, издавал два журнала для СССР и бюллетень для американских фирм, устраивал выставки и визиты в США многих советских специалистов. В период Второй мировой войны «Амторг» стал организацией, поставляющей помощь СССР по ленд-лизу⁵. В подготовке заявок по нефтепродуктам участвовали работники Управления снабжения горючим Главного управления тыла Красной армии (начальник — генерал-лейтенант М. И. Кормилицын), отраслевого отдела Госплана СССР, Наркомата внешней торговли

(нарком А. И. Микоян), Наркомата нефтяной промышленности, который возглавлял И. К. Седин. В составе «Амторга» работал ряд специализированных отделов, в условиях начавшейся вой-

Ил. 1. Председатель АО «Амторг», член ПЗК СССР в США К. И. Лукашёв. [Электронный ресурс] [oborona.ru](http://oborona.ru/includes/periodics...2020...detail.shtml)

ны занимавшихся решением вопросов поставок вооружения, сырья, материалов, продуктов питания, обмундирования и т. д. Эта работа продолжалась всю войну. Уже в 1941 г. «Амторг» стал играть ведущую роль. Так, за 4 месяца, с 23 июня до конца октября, он выплатил в США за осуществлённые и предстоящие поставки наличными 92 млн долларов⁶. В эту сумму входила и оплата 130 354 длинных тонн нефтепродуктов (1 длинная т = 1016,047 кг). Для сравнения стоимости товарооборота можно отметить, что в 1929—

1930 гг. 1700 американских компаний продали через «Амторг» продукции на сумму в 94,5 млн долларов⁷. Работой «Амторга» с 1939 г. руководил Константин Игнатьевич Лукашёв (1906—1987) (ил. 1).

В 1942 г. были подписаны советско-британский и советско-американский договоры. Они завершили формирование нормативно-правовой базы, и на ее основе осуществлялось военное, военно-политическое и иное сотрудничество СССР, США и Великобритании в войне против Германии.

В связи с увеличением объёмов ленд-лиза 25 февраля 1942 г. Правительство Советского Союза приняло решение учредить Советскую правительственную закупочную комиссию⁸. Кадровый состав её занимался заключением контрактов

с администрацией США по ленд-лизу, ведением переговоров по военным поставкам и транспортировке грузов, оформлением и получением документации, решением возникающих технических и организационных вопросов.

В течение двух месяцев ее возглавлял Лукашёв. Председателем ПЗК являлся представитель Наркомата обороны. С апреля 1942 по ноябрь 1943 г. это был генерал-майор авиации А. И. Беляев, бывший до того зам. начальника штаба ВВС Красной армии. С декабря 1943 по июнь 1946 г. комиссию возглавлял генерал-майор авиации Л. Г. Руденко, отличившийся в боях под Сталинградом командир авиасоединения. Первым заместителем председателя ПЗК стал К. И. Лукашёв, заместителями были И. А. Ерёмин, вице-адмирал М. И. Акулин (специалист по взрывчатым веществам), контр-адмирал А. А. Якимов. В состав ПЗК входили 18 «отраслевых» отделов, в большинстве своем образованные на основе групп военпредов Наркомата внешней торговли. Руководители крупнейших из них являлись членами ПЗК: И. А. Ерёмин, генерал-майор Л. А. Разин, А. А. Ростарчук (металлург, выпускник химфака Киевского политехнического и Массачусетского технологического институтов), П. С. Сельдяков, П. А. Голиков, М. М. Гусев, К. В. Шевелёв. Для реализации военно-морских заказов в составе ПЗК были сформированы Отдел морских заказов (ОМЗ), возглавляемый инженер-капитаном 2 ранга В. И. Минаковым, и Морская артиллерийская группа (МАГ) в Отделе артиллерии и боеприпасов (ОАБ), возглавляемая капитаном 1 ранга А. Н. Кирилюком, входившие в систему военно-морского технического сотрудничества⁹. После предпринятых руководством СССР мер по военно-морскому техническому сотрудничеству по импортозамещению и оптовым закупкам продукции военного и военно-морского назначения деятельность ПЗК стала давать весомые результаты. Но были вопросы, которые не сразу решались положительно, — это касалось не полной укомплектованности профессиональным кадровым составом. Известно, например, что капитан 1-го ранга А. Н. Кирилюк, руководитель МАГ в Отделе артиллерии и боеприпасов, в период с июля 1942 по август 1943 г. работал один, пока в США не прибыли сотрудники отдела подполковник И. Т. Николаев и инженер-капитан 3-го ранга А. Т. Арутюнян, и тогда группа уже в полном составе стала работать более результативно¹⁰. В её обязанности входило:

«1. Ведение всех вопросов, связанных с поставкой различных видов морского вооружения.

2. Оказание помощи начальнику ОМЗ ПЗК инженер-капитану 2-го ранга В. И. Минакову в вопросах, связанных с установкой артиллерийского вооружения на военные корабли, поставляемые США Советскому Союзу.

3. Оснащение артиллерийским вооружением советских торговых судов, обеспечение их таблицами стрельбы, описаниями и инструкциями по эксплуатации»¹¹.

Поставками в Арктику ведала Арктическая группа, связанная со всеми отделами. Своих представителей в США, действующих через ПЗК, имел ряд крупных хозяйственных организаций, это были «Дальстрой», «Норильстрой». На территории США в районах совместной деятельности ПЗК СССР в США и американских органах Администрации ленд-лиза, Управления военного производства и др. в Вашингтоне, портах Западного и Восточного побережья, на авиабазах на Аляске, предприятиях, повсюду были советские представители. На 1 мая 1942 г. ПЗК состояла из руководящего аппарата в Вашингтоне, отделений в Балтиморе, Нью-Йорке, Филадельфии, Сан-Франциско. В сентябре 1942 г. было создано отделение в Фэрбенксе на Аляске. В связи с ростом ленд-лизовских отправок с Западного побережья США с 1 ноября того же года открылось отделение в Портленде, в то время как на Восточном берегу отделения в Бостоне и Балтиморе были закрыты. Руководство СССР придавало большое значение тихоокеанским маршрутам. И уже во второй половине 1942 г. было организовано Управление уполномоченных ПЗК по портам западного побережья США и Канады. Уполномоченными ПЗК назначались опытные капитаны. 1 января 1943 г. был сформирован специальный аппарат уполномоченного, т. е. комиссии по Западному побережью в составе отделений в Сиэтле, Такоме, Олимпии, Сан-Франциско, Портленде.

Отдел морских перевозок.

Агеев А. Е. — уполномоченный по ремонту судов в Ванкувере.

Бочек А. П. — уполномоченный в порту Филадельфия.

Бурмистров Н. С. — уполномоченный по ремонту судов во Флориде и в Портленде, Орегон, в Мексиканском заливе.

Буслаев А. И. — инспектор в Сан-Франциско.

Васильев А. И. — уполномоченный в порту Нью-Йорк.

Гаврилов П. П. — Уполномоченный по ремонту судов в Сиэтле.

Гольцов В. А. — уполномоченный в порту Сан Франциско.

Доросинский М. В. — инспектор по ремонту судов, уполномоченный Наркомморфлота СССР в США.

Лукьянов С. Г. — уполномоченный в порту Нью-Йорк с 19.06.1942 г.

Отдел морских заказов.

Волков А. И. — инженер.

Евграфов В. М. — механик по ремонту судов.

Курилович А. И. — приёмщик.

Македон Ю. А. — руководитель группы по ремонту судов.

Минаков В. И. — начальник отдела с 1.07.1942 г.

Петрейчук К. П. — группа по ремонту, уполномоченный по ремонту в Сан-Педро.

Половков А. В. — уполномоченный по ремонту судов в Сан-Франциско.

Поляков Г. Е. — инспектор, порт Филадельфия.

Привалов Е. М. — механик по ремонту судов.

Трофимец Н. Ф. — механик по ремонту судов.

Ярцев П. А. — уполномоченный по ремонту судов в Лос-Анджелесе, диспетчер ремонтной группы¹².

Большую часть времени специалисты ПЗК проводили на заводах и в портах, следя за тем, чтобы получаемая техника была в исправном состоянии и отправлялась в установленные сроки. Выбор и приёмку техники, снаряжения и материалов производили советские специалисты, советские военпреды находились на заводах, производивших технику для поставок по ленд-лизу. Военпреды ПЗК находились на заводах фирмы «Дуглас» в Лос-Анджелесе и Талсе, «Белл» в Буффало, «Норд-Америкэн» в Канзас-Сити. Военная техника принималась и отгружалась в портах западного и восточного побережий США и Канады (ил. 2, 3). Без сомнения, ведущую роль во всех внешнеторговых операциях, установлении отношений с различными государственными и военными организациями США и осуществлении связи с Москвой играло советское посольство. Так, в составе посольства на начало 1943 г. числилось 96 чел., среди них 26 имело отношение к Наркомату ВМФ, 13 — к Наркомату Обороны, 48 — к Наркомату иностранных дел, 1 — к Наркомату внешней торговли, 4 — к Выставочному комплексу при СНК, 2 — к Исполкому Общества Красного Креста и Полумесца, 2 — к Антифашистскому еврейскому комитету в Москве¹³.

Ил. 2. Погрузка в одном из портов США торпедных катеров на танкер «Донбасс», бывший «Дэйлайт», для отправки в северные порты Советского Союза. 1943 г. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 17. Д. 8. Л. 26

Автор счёл необходимым представить список представителей ВМФ СССР в США, которые работали над выполнением программ ленд-лиза и тем самым приближали Победу над гитлеровской Германией.

1. Беликов Александр Фёдорович — помощник военно-морского атташе.
2. Беликова Варвара Георгиевна — помощник военно-морского атташе.
3. Ворошилов Николай Николаевич — служащий НВМФ.
4. Грязнов Алексей Михайлович — служащий НВМФ.
5. Дорохов Михаил Николаевич — помощник военно-морского атташе.
6. Дорохова Людмила Ивановна — домохозяйка (так в документе. — *О. Ф.*), родственница М. Н. Дорохова.
7. Егорычев Иван Алексеевич — военно-морской атташе.
8. Егорычева Нина Павловна — служащая закупочной комиссии.
9. Егорычева Кира Николаевна — служащая закупочной комиссии.
10. Качалова Мария Фёдоровна — переводчица военно-морского атташе.

Ил. 3. Погрузка паровозов на один из американских пароходов для отправки в северные порты Советского Союза. 1943 г. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 17. Д. 8. Л. 27

11. Котов Леонид Александрович — водитель военно-морского атташе.

12. Котова Мария Георгиевна — служащая закупочной комиссии.

13. Лебедев Николай Фёдорович — делопроизводитель военно-морского атташе.

14. Максимович Владимир Васильевич — помощник военно-морского атташе.

15. Максимович Елена Сергеевна — помощник военно-морского атташе.

16. Пасько Георгий Степанович — секретарь военно-морского атташе.

17. Пасько Тамара Петровна — секретарь военно-морского атташе.

18. Платонов Иван Сергеевич — сотрудник аппарата военно-морского атташе.

19. Платонова Ольга Васильевна — сотрудник военно-морского атташе.

20. Правдюк Василий Васильевич — секретарь военно-морского атташе.

21. Правдюк Лидия Петровна — секретарь военно-морского атташе.

22. Скрыгин Николай Алексеевич — помощник военно-морского атташе.

23. Скрыгина Анфиса Николаевна — помощник военно-морского атташе.

24. Филина Мария Матвеевна — переводчик военно-морского атташе.

25. Ятвезский Давид Едидович — сотрудник военно-морского атташе.

26. Ятвезская Валентина Николаевна — сотрудник военно-морского атташе.

Кроме вышеназванных сотрудников, на 1 августа 1942 г. в ПЗК по морской линии были представлены: Отдел морских перевозок — 15 чел., Отдел морских заказов — 13, уполномоченные в портах: Нью-Йорк — 7, Филадельфия — 7, Балтимор — 2, Сан-Франциско — 8, Группа ремонта совсудов — 18, Группа офицеров конвойной службы — 4 чел. Итого: 74 чел.

46 групп по всем направлениям. Сводная по персоналу на август 1942 г. Всего: 492 чел. + 122 человек из «Амторга». Всего: 614 чел.¹⁴

О деятельности сотрудников ПЗК СССР в США и о том, насколько она была напряжённой, можно судить по воспоминаниям Л. Н. Скрыгина, сына капитана 1-го ранга Н. А. Скрыгина,

Ил. 4. Заместитель председателя государственной закупочной комиссии по морской части контр-адмирал М. И. Акулин. [Электронный ресурс] voenflot.ru vojna...more/chuhraev...izvestnom...morskoij...

канских портах работали советские адмиралы Акулин (ил. 4), Осико, Панцырный, Питерский, Рамишвили, Якимов, а также известные капитаны дальнего плавания Бочек и Яскевич. В отделе морских заказов Государственной закупочной комиссии в Вашингтоне трудились такие выдающиеся специалисты как Хоциалов, Погонин, Кириносос и Смирнов... Хотя из шести с половиной лет полтора года отец находился в разъездах по стране, основным местом его работы был Вашингтон... через день приёмы, коктейль-партии, гольф, пикники, яхты... Жили мы тогда на окраине Вашингтона, в фешенебельном районе Брукдейл, на улице Довер-Роуд, № 4709, в двухэтажном особняке из семи комнат. Небольшие приёмы гостей проходили буквально через день, а большие, когда к вечеру к нашей вилле подъезжали 6—8 лимузинов с дипломатическими номерами, как правило, 2 раза в месяц. Представьте себе, за столом сидят шесть или восемь дипломатов с жёнами. Горячие блюда привозились из нашего посольства, их готовил великолепный повар-виртуоз Гербов. Гости разъезжались к полуночи... так продолжалось до самого отъезда из США в Союз». Совершенно ясно, что

военно-морского атташе посольства СССР, аккредитованного в США, с которым он провел 6 лет в годы Великой Отечественной войны. Вот что он пишет: «Подавляющий объём строго засекреченных перевозок грузов американской помощи по ленд-лизу шёл через Тихий океан. Порт Владивосток перевалил грузов американской помощи в 4 раза больше, чем Мурманск — восемь миллионов тонн. На линии Америка — Владивосток в годы войны курсировало порядка 300 торговых судов. Для обеспечения чёткой работы по обработке грузов, приёма, ремонта и снабжения судов в амери-

проводилась колоссальная работа по установлению контактов с представителями фирм и других организаций и обсуждения будущих внешнеторговых сделок»¹⁵. А ведь кроме самого военноморского атташе Н. А. Скрягина в таком же количестве встреч и, наверняка, даже в большем, приходилось принимать участие самим руководителям как посольства, так и ПЗК, не говоря уже о том, какой объём информации приходилось им перерабатывать, т. е. читать руководящие документы, отвечать на письма, запросы, и т. д.

Для понимания сложности выполняемых задач представителями ПЗК в США в начальный период организационной деятельности и выполнения контрактов по ленд-лизу следует привести два из многочисленных писем контр-адмирала Акулина послу СССР в США Литвинову. Он писал:

**ГЕНЕРАЛЬНОЕ
КОНСУЛЬСТВО
СССР.**

**GENERAL CONSULATE
OF THE UNION OF SOVIET
SOCIALIST REPUBLICS**

Послу СССР в США

Тов. ЛИТВИНОВУ М. М.

23-го Мая 1942 года.

Возвращаю прилагаемый материал.

Положение с ремонтом советских судов было действительно неудовлетворительным. Однако, основная причина — недостатки американских заводов и Морской Комиссии, всё остальное лишь усугубляло эти недостатки. В настоящее время принят ряд мер для улучшения положения как по нашей линии, так и американской, и уже есть положительные результаты. С советскими руководящими людьми плохо, их мало и не все они отвечают своему назначению. В настоящее время запрошена из Москвы посылка в США 4-х инженеров для наблюдения за ремонтом, и получен ответ, что они уже оформляются, а также сделаны кое-какие перемещения и назначения из имеющихся механиков. Политработа организована неудовлетворительно и руководство ею плохое, т. к. до последнего времени тт. БОРИСОВ и ГАМАЮНОВ каждый считали себя «старшим». Мною уже дано указание считать «старшим» т. БОРИСОВА. В отношении т. ГАМАЮНОВА собираю дополнительный материал для доклада в Москву.

Контр-адмирал
ВМФ СССР

/ АКУЛИН /¹⁶.

**ГЕНЕРАЛЬНОЕ
КОНСУЛЬСТВО С.С.С.Р.
В НЬЮ ЙОРКЕ**

**CONSULATE GENERAL
OF THE UNION OF SOVIET
SOCIALIST REPUBLICS**

20-е июля 1942 года.

ПЕРВОМУ СОВЕТНИКУ ПОСОЛЬСТВА СОЮЗА ССР
В США ТОВ. ГРОМЫКО А. А.

В связи с необходимостью укомплектовать личный состав 5-ти приобретаемых нами в С.Ш.А. судов, которые находятся в портах Западного берега, мы дали указания нашим представителям (капитану тов. Бочек, Гольцову, Македону, Гамаюнову, Борису) снять с разных советских судов 120 человек экипажа.

Кроме того им необходимо сделать еще некоторые перемещения личного состава с одного нашего судна на другое. Все эти перемещения должны производиться в портах Сиатл, Такома, Портланд, Сан-Франциско. Ввиду того, что иммиграционные власти отказываются оформить эти перемещения без указания из Вашингтона, мы просим Вас немедленно снестись с Государственным департаментом, дабы последний дал соответственные указания иммиграционным властям в перечисленных выше портах. Это указание должно быть дано сегодня, т. к. ряд судов, с которых намечено снять часть экипажа, стоят на отходе.

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАКУПОЧНОЙ КОМИССИИ
В С.Ш.А.

КОНТР-АДМИРАЛ

/ АКУЛИН /¹⁷.

**ГЕНЕРАЛЬНОЕ
КОНСУЛЬСТВО С.С.С.Р.
В НЬЮ ЙОРКЕ**

**CONSULATE GENERAL
OF THE UNION OF SOVIET
SOCIALIST REPUBLICS**

20 ноября 1943 г. № 526.

Второму секретарю посольства СССР в США Новикову.

Второго октября 1942 года Вам были посланы анкеты Е. М. Привалова, работающего в Закупочной Комиссии инженером по ремонту советских судов в портах США. До настоящего времени тов. Привалов ещё идентификационной карточки не получил. В ноябре месяце иммиграционные чиновники приходили в Генконсульство для переговоров относительно легальности пребывания тов. Привалова в США. Во время разговора с иммиграционными чиновниками мы им сообщили, что тов. Привалов заполнил нотификационные анкеты Госдепартамента

и в ближайшее время должен получить идентификационную карточку. Через 10 дней один из иммиграционных чиновников по фамилии Вайх снова пришел в Генконсульство и сообщил, что анкеты Привалова в Госдепартаменте не имеется, и хотел бы лично видеть его. Побеседовать иммиграционному чиновнику с тов. Приваловым не удалось, так как за два дня до этого последний был переведён на работу в Сиетл, где он и работает по настоящее время. Сейчас мы получили сведения, что иммиграционные власти города Сиетла очень часто отрываютов. Привалова от работы, вызывая его в иммиграционное бюро, стараясь выяснить причину неполучения им идентификационной карточки. В целях избежания дальнейших переговоров по этому вопросу с иммиграционными властями и обеспечения нормальных условий работы для тов. Привалова Е. М. убедительно просим ускорить получение его идентификационной карточки или добиться, чтобы Госдепартамент уведомил иммиграционные власти в Сиетле о его статусе.

ВИЦЕ-КОНСУЛ

Зайкин Д. И.¹⁸

По свидетельству военно-морского атташе в США капитана 1-го ранга Н. А. Скрыгина и других работников, как советского посольства, так и ПЗК, во все деловые взаимоотношения советских военно-морских специалистов с представителями Военно-морского министерства США вмешивалась морская разведка США. На прибывавших офицеров из Советского Союза в Морском ведомстве США имелись установочные данные, предпринимались попытки получения информации о том, куда поступает вооружение из США, собирались сведения о тактико-технических характеристиках советских кораблей. Военно-морское министерство США активно использовало офицеров американского флота в Москве с целью контроля над достоверностью данных о советских заказах¹⁹. Здесь следует подчеркнуть, что помимо размещения заказов, на примере МАГ ПЗК, в круг вопросов входила инспекция и контроль качества вооружения и боеприпасов. Ведь продукция, поставляемая в СССР по заказам Военно-морского министерства США, производилась по американским техническим условиям, и по этой причине Морской департамент США постановил, что её качество будет проверяться американскими военными инспекторами. Но ситуация поменялась, поскольку в СССР в поставках из США

были обнаружены снаряды с браком. Предъявленная рекламация изменила решение американских властей. Они предоставили право советским представителям проводить контроль над соблюдением технологий изготовления продукции на заводах и хранением на складах боеприпасов, а также осматривать склады комплектации и упаковки и посещать полигоны. О высоком уровне профессиональной подготовки советских специалистов свидетельствует такой факт. Подполковник И. Т. Никитин при очередном посещении Депо боеприпасов Артиллерийского управления ВМФ США сумел получить информацию о засекреченных снарядах, а конкретно, об устройстве баллистического наконечника фугасных снарядов калибра 5"/38, дающих при стрельбе окрашивание всплеска. Данная информация была принята к сведению и поступила в соответствующие инстанции ВМФ СССР для проверки, изучения на практике и применения на флоте²⁰. Однако в работе было много и трудностей, не всё было так гладко. Хорошо известно, что в начальный период войны часто происходили задержки в поставках, а объяснялось это отсутствием необходимого тоннажа кораблей, занятых транспортировкой грузов в СССР. Однако следует сказать, что одно из подразделений ПЗК СССР в США — МАГ в период с июля 1942 по 1 июля 1945 г. провела следующую работу: проверила качество отправляемой продукции, а затем оформила 27 заказов через Морской департамент США и организовала поставку в Советский Союз различного морского артиллерийского и бомбового вооружения²¹. Капитан 1-го ранга А. Н. Кирилук, который возглавлял Морскую артиллерийскую группу в Отделе артиллерии и боеприпасов, акцентировал внимание на том, что морское артиллерийское и бомбовое вооружение было современным, представляло собой лучшие образцы американского вооружения и являлось стандартным, принятым на вооружение американского флота. Например, универсальные пушки калибром 5"738 являлись последней новинкой зенитной артиллерии данного калибра, благодаря особому способу заряжания обеспечивалась скорострельность 15 выстрелов в минуту. Рекламаций на некомплектность вооружения, поставленного в СССР МАГ ПЗК, не поступало²²... Для обеспечения погрузки на корабли продукции, по решению заместителя председателя ПЗК СССР в США, в Портленд был командирован инженер И. И. Светайло. В Нью-Йорке в то же время на постоянной

работе находился советский специалист М. А. Судьбин, который по заказу ОМЗ находил на рынке нужные американские фирмы, способные выполнить необходимый заказ, и осуществлял контроль оплаты за наличный расчёт. В работе отдела участвовали командированные в США инженеры других ведомств А. М. Хоциалов («Главсевморпуть») и Ю. А. Микулин («Главрыбпром»). Интересен такой факт: начальник ОМЗ ПЗК инженер-капитан 2-го ранга В. И. Минаков считал и сообщал об этом руководству, что для нормальной работы отдела не хватало моториста. И он же докладывал зам. НКВМФ о том, чтобы специалисты для наблюдения за постройкой тральщиков, торпедных катеров и морских охотников за подводными лодками, заказанных для СССР в США, прибыли бы поскорей²³.

Поставки кораблей и грузов сыграли очень важную роль в оснащении флота. Так, тральщики, акустические и электромагнитные тралы из Великобритании в 1942 г. помогли организовать борьбу с немецкими неконтактными минами. Флот получил и аккумуляторы для подлодок, когда уже ленинградские заводы их не производили, и т. д.²⁴ Начальник ОМЗ ПЗК СССР в США инженер-капитан 2-го ранга В. И. Минаков представил 2 февраля 1944 г. доклад заместителю НКВМФ СССР адмиралу Л. М. Галлеру о деятельности группы приёмки и кораблестроительной группы. Он писал, что в 1943 г. в США было заказано 10 тральщиков, 12 больших охотников за подводными лодками, 80 торпедных катеров, 74 малых охотников за подводными лодками, 30 десантных судов (ил. 5)²⁵. Таким образом, можно в полной мере утверждать, что личный состав ПЗК СССР в США, осуществляя поставки продукции военно-морского назначения и других грузов военного назначения, решая множество других поставленных войной задач, внёс весомый вклад в дело победы над фашизмом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. Подразделения Правительственной закупочной комиссии на 1 августа 1942 г.

- Руководство — 10 чел.
- Секретариат — 14 чел.
- Управление делами — 53 чел.
- Бухгалтерия — 18 чел.

Ил. 5. Модель морского тральщика «Т-115». Проект — тип АМ (американский «Admirable» — «Великолепный»). Судоверфь «Tampa Sb Et Engineering Co» в Тамп, США. По ленд-лизу СССР передано 34 единицы. ЦВММ им. императора Петра Великого

Отдел энергетики, кузнечно-прессового и подъёмно-транспортного оборудования — 4 чел.

Группа энергосилового и электрооборудования — 16 чел.

Группа прокатного оборудования — 9 чел.

Группа подъёмно-транспортного оборудования — 12 чел.

Группа насосно-компрессорная — 6 чел.

Группа промышленно-заводских установок и разного оборудования — 6 чел.

Группа заводских и промышленных установок — 3 чел.

Группа разного промышленного оборудования — 7 чел.

Группа подшипников — 4 чел.

Группа технического снабжения — 6 чел.

Группа нефтяного оборудования — 4 чел.

Группа Наркомрезинпрома — 11 чел.

Группа станков и инструментов — 2 чел.

Группа станков — 35 чел.

- Группа инструментов — 7 чел.
Отдел автотракторный — 1 чел.
Группа автомашин — 1 чел.
Группа тракторов — 1 чел.
Группа запчастей — 6 чел.
Отдел металлов — 4 чел.
Учётная группа — 8 чел.
Группа стального проката — 9 чел.
Группа качественных сталей — 7 чел.
Группа железнодорожных материалов — 5 чел.
Группа цветных металлов — 3 чел.
Авиационный отдел — 37 чел.
Отдел танков — 20 чел. (Под № 14 фамилия отсутствует, можно предположить, что это предыдущая, однако установить её автору не удалось.)
Отдел интендантского обслуживания — 6 чел.
Отдел нефтепродуктов, химикатов и разных товаров — 14 чел.
Отдел продтоваров — 9 чел.
Учётно-экономический отдел — 28 чел.
Отдел связи — 16 чел.
Отдел артиллерии и боеприпасов — 13 чел.
Отдел морских перевозок — 15 чел.
Отдел морских заказов — 13 чел.
Уполномоченные в портах: Нью-Йорк — 7 чел.
Филадельфия — 7 чел.
Балтимор — 2 чел.
Сан-Франциско — 8 чел.
Группа ремонта совсудов — 18 чел.
Группа офицеров конвойной службы — 4 чел.
Отдельная группа — 3 чел. Всего: 492 чел.

II. Постоянный состав ПЗК в США

1. Акулин Михаил Иванович — зам. председателя ПЗК СССР в США, контр-адмирал, с 11 апреля 1942 г.
2. Беляев Александр Иванович — председатель ПЗК СССР в США, контр-адмирал, с 11 апреля 1942 г.
3. Буслаев Алексей Иванович — Отдел морских перевозок, инспектор в портах Сан-Франциско и Портланд, с 13 июля 1942 г.
4. Бочек Александр Павлович — Отдел морских перевозок, уполномоченный в порту Филадельфия, с 1 июля 1942 г.

5. Бурмистров Николай Семёнович — уполномоченный по ремонту кораблей во Флориде и в Мексиканском заливе, в Портланде, штат Орегон, с 1 июля 1942 г.
6. Васильев Алексей Иванович — уполномоченный в порту Нью-Йорк, с 16 апреля 1942 г.
7. Волков Анатолий Иванович — Отдел морских перевозок, инженер, с 22 июня 1942 г.
8. Гамаюнов Руф Георгиевич — инспектор в порту Портленд, с 16 апреля 1942 г.
9. Гольцов Валентин Александрович — Отдел морских перевозок, временный уполномоченный в порту Сан-Франциско, с 1 ноября 1942 г.
10. Гусева Л. Я. — отдел конвойной службы, временный секретарь, с 29 сентября 1942 г.
11. Доросинский Марк Вульфович — уполномоченный Наркомфлота СССР в США по ремонту кораблей, с 1 июля 1942 г.
12. Ершов Николай Николаевич — представитель Сов. Зак. Ком. в Воен. Департаменте г. Нью-Йорк, с 16 апреля 1942 г.
13. Ершова Екатерина Никандровна — секретарь абвиклер, с 22 июня 1942 г. по октябрь 1942 г.
14. Запорощенко Лука Маркович — группа конвойной службы, капитан 3-го ранга, с 13 июля 1942 г.
15. Зеленов Никандр Павлович — уполномоченный в порту Тахома, штат Вашингтон, с 8 июня 1942 г.
16. Корец Франц Наумович — Морской отдел, инженер, с 16 апреля 1942 г.
17. Курилович Анатолий Исидорович — Отдел морских заказов, временный приёмщик, с 13 апреля 1942 г.
18. Кладов Даниил Гаврилович — Группа конвойной службы, ст. офицер, с 13 июля 1942 г.
19. Курилович Анатолий Исидорович — Отдел морских заказов, приёмная, с 18 июля 1942 г.
20. Лукьянов Сергей Григорьевич — Отдел морских перевозок, уполномоченный в порту Нью-Йорк, с 19 июня 1942 г.
21. Максименко Максим Яковлевич — Группа конвойной службы, ст. офицер, с 13 июля 1942 г.
22. Минаков Владимир Иванович — Отдел морских перевозок, нач. отдела, с 1 июля 1942 г.
23. Мусин Иван Мамонтович — Группа конвойной службы, ст. офицер, с 13 июля 1942 г.

24. Павлов Александр Гаврилович — Группа конвойной службы, ст. офицер, с 31 августа 1942 г.

25. Пирвердян Аракел Самсонович — Группа конвойной службы, ст. офицер, с 31 августа 1942 г.

26. Петрейчук — Группа по ремонту, уполномоченный по ремонту, капитан парохода, с 14 июня 1942 г.

27. Петухов Николай Николаевич — инспектор в порту Портленд, с 16 апреля 1942 г.

28. Питерский Николай Алексеевич — Группа конвойной службы, нач. группы, с 13 июля 1942 г.

29. Полянов Александр Николаевич — Морской отдел, инженер, с 16 апреля 1942 г.

30. Поляков Гурий Ефимович — инспектор, порт Филадельфия, с 16 апреля 1942 г.

31. Редин Николай Григорьевич — Группа конвойной службы, ст. офицер, с 31 августа 1942 г.

32. Семёнов Семен Маркович — консультант по техническим вопросам, с 16 апреля 1942 г.

33. Сельдякова Антонина Наумовна — секретарь председателя ПЗК, с 16 апреля 1942 г.

34. Степанова Надежда Сергеевна — секретарь зам. председателя ПЗК, с 16 апреля 1942 г.

35. Светайло Николай Васильевич — Отдел морских заказов, инженер, с 16 апреля 1942 г.

36. Судьбин Александр Николаевич — Отдел морских заказов, зам. нач. отдела, с 16 апреля 1942 г.

37. Смирнов Владимир Васильевич — Морской отдел, инженер, с 10 сентября 1942 г.

38. Ярцев Пантелеймон Алексеевич — уполномоченный по ремонту судов в порту Лос-Анжелес, с 1 июля 1942 г.²⁶

III. Списки зачисленных на работу в СПЗК в США с 1 июля по 1 октября 1942 года по отделам:

Отдел конвойной службы.

Гусева Л. Я. — вр. секретарь. 29.09.1942 г.

Кладов Д. Г. — ст. офицер.

Максименко М. Я. — ст. офицер.

Павлов А. Г. — ст. офицер.

Пирвердян А. С. — ст. офицер.

Редин Н. Г. — ст. офицер.

Группа конвойной службы.

Запорощенко Л. М. — офицер, капитан 3-го ранга. 13.07.1942 г.

Мусин И. М. — ст. офицер. 13.07.1942 г.

Питерский Н. А. — начальник группы. 13.07.1942 г.

Отдел морских перевозок.

Борисов П. Ф. — инспектор по погрузке.

Ершова Е. Н. — секр. абвиклер.

Зайцев И. Д. — представитель по арктическим перевозкам. 5
(6).06.1942 г.

Срибный А. Л. — ответственный по обслуживанию совсудов.

Яскевич А. П. — представитель по арктическим перевозкам. 5
(6).06.1942 г.

Отдел морских заказов.

Корец Ф. Н. — инженер.

Полюянов А. Н. — инженер.

Светайло Н. В. — инженер.

Смирнов В. В. — приёмщик.

Судьбин А. Н. — зам. начальника отдела²⁷.

IV. ГЕНЕРАЛЬНОЕ КОНСУЛЬСТВО

**SOVCONSUL,
NEW YORK.**

С.С.С.Р В НЬЮ-ЙОРКЕ

**CONSULATE GENERAL
OF THE UNION OF SOVIET
SOCIALIST REPUBLICS**

Telegram

21 Мая 1942 г.

7 EAST 61st STREET NEW YORK, N, Y.

№ 523

При этом высылаем Вам паспорта нижеперечисленных сотрудников «Амторга», переведённых на работу в Вашингтон:

ЗАВ. КОНСУЛЬСКИМ ОТДЕЛОМ ПОСОЛЬСТВА СССР

в США

ТОВ. МИРОНОВУ.

<p>1. АГАПОВ И.В. 2. АГАПОВА А.Ф. 3. АЛЕКСЕЕВ Г.А. 4. АНДРЕЕНКО Н.М. 5. БАХТИН В.И. 6. БЕЛЯЕВ П.А. 7. БЕЗОВ С.Д. 8. ВИСЛУСОВА Н.А. 9. ВАСИЛЬЕВ Н.И. 10. ГУСЕВ А.А. 11. ГОЛИКОВ П.А. 12. ГОЛИКОВА Т.К. 13. ГОДЗНЕВСКИЙ А.К. 14. ДАВЫШЕВ А.И. 15. ДЕГТЯРЕНКО Н.Н. 16. ДЕМЬЯНЕНКО А.Д. 17. ДЕМЬЯНЕНКО П.А. 18. ДОРОНИН А.П. 19. ЕФИМОВ А.Г. 20. ЖАРИН П.А. 21. ЯМАЕВ В.В. 22. ЖУКОВ С.А. 23. ЖУКОВА Н.А. 24. ЗЕЛЕНКОВ А.П. 25. ЗАЯРНЫЙ Н.И. 26. ИРСКИЙ Г.Д. 27. КУЗИНА А.А. 28. КОРЕЦ Ф.Н. 29. КРЮЧКОВА З.А. 30. КРЮЧКОВ А.Н. 31. КОРЕЦ А.Н.</p>	<p>32. КОНДРАТЪЕВ Е.М. 33. КОСТЮК М.Н. 34. КОЛБАСНИКОВ Н.А. 35. КОСАРЕНКОВ А.Ф. 37. КРИКОВЦЁВ И.Я. 38. КОЗЛОВА Л.Ф. 39. КУЗИН С.С. 39. КОШУНОВА О.М. (так в документе). 40. КОРОВИН А.К. 41. КОНСТАНТИНОВ В.Д. 42. КОРОВИНА А.Т. 43. КЛОЧКОВ И.А. 44. КОЗЛОВ Д.В. 45. КОТИКОВ А.Н. 46. КОРОВКИН А.Д. 47. ЛОГУЖКОВ А.Д. 48. ЛУКАШЕВ К.И. 49. ЛЯЧКОВ Н.В. 50. ЛУКАШЕВА В.Д. 51. МОЛЧАНОВ П.И. 52. МКРТУМОВ С.А. 53. МАТРИНИЧЕВ П.Н. 54. МАРКИН А.М. 55. МЕЛЬНИКОВ Н.И. 56. МЕЛЬНИКОВА Д.В. 57. НИКОЛАЕВ А.Д. 58. НИКОЛАЕВА А.Д. 59. НОСКОВ П.М. 60. ПУПЬНИКОВ И.Д. 61. ПРИЩЕПЕНКО Б.Г.</p>	<p>62. ПОЛТОРАЦКИЙ Н.Г. 63. ПЕТУХОВ Н.Н. 64. ПОТЁМКИН С.В. 65. ПЕТУХОВА Г.А. 66. ПОЛУЯНОВ А.Н. 67. ПИСТУНОВ С.А. 68. ПАРФЕЕВ А.М. 69. ПЬЯНЫХ Г.М. 70. РОДНОВ В.И. 71. РОМАНОВ М.Л. 72. РУДАКОВ В.Г. 73. РЯБОВ А.П. 74. РЕЗАК В.П. 75. РЕЗАК Л.П. 76. РАТНИКОВ В.П. 77. РАЗИНА Л.В. 78. РАЗИН Л.А. 79. РАПОЗИНА Н.Н. 80. РАГОЗИН П.А. 81. РОДЗЕВИЧ Е.В. 88. РОЗАНОВ Б.В. 83. СОБИН П.Т. 84. СОЛОДОВ П.М. 85. СОСЕДОВ В.В. 86. СЕЛЕЗНЕВ А.К. 87. СМИРНОВ Т.А. 88. САЗОНОВА К.Т. 89. САЛТЫКОВ А.В. 90. СОБОЛЕВ К.С. 91. СЕРГЕЕВ Е.С. 92. СОЧИЛИН К.Г.</p>	<p>93. СТРИГИН Н.С. 94. СМИРНОВ С.С. 95. СТРИГИНА Ф.Д. 96. СОБОЛЕВА В.В. 97. СУДЬБИН А.Н. 98. СТЕПАНОВ И.С. 99. СТЕПАНОВА Н.С. 100. САЗОНОВ С.В. 101. ТАРАСОВ Б.С. 102. ТЕПЛЯКОВА К.П. 103. ТЕПЛЯКОВ В.Ф. 104. ТАКСА М.А. 105. ТАБАКОВ В.М. 106. ТАКСА Н.М. 107. ТИХОНОВ С.С. 108. ТАБАКОВА Д.И. 109. УСПЕНСКИЙ Г.В. 110. УСПЕНСКИЙ В.И. 111. ФИНОГЕНОВА Р.П. 112. ФОМИЧЕВ Н.С. 113. ФИНДГЕНОВ В.П. 114. ФОМИЧЕВА Е.А. 115. ХАХИН Д.О. 116. ЦЫГАНОВА Н.Т. 117. ЦЫГАНОВ В.Н. 118. ЦВЕТКОВ Г.И. 119. ЧЕРКАСОВА Л.М. 130. ЧЕРКАСОВ М.Н. 121. ШУМОВСКИЙ С.А. 122. ШАБАНОВ П.Г. 123. ШАМРОВСКИЙ И.А.</p>
<p>ПРИЛОЖЕНИЕ: Вышеупомянутое. ВИЦЕ-КОНСУЛ:</p>			
			<p>/Д.И. Запкин/. 21/V-42 г.²⁸</p>

- ¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1876. Оп. 1. Д. 1. Л. 56–61.
- ² Там же. Л. 63.
- ³ ЦВМА. Ф. 928. Оп. 3. Д. 41. Л. 151–154. Приказ НВМФ СССР № 358 от 11 июня 1940 года «О формировании Отдела внешних заказов НКВМФ СССР»; «Временное положение об Отделе внешних заказов при НКВМФ СССР». Утверждено НКВМФ 11 июня 1940 года.
- ⁴ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: В 2 т. М.: Политиздат, 1984. Т. 1. 1941–1943. С. 12.
- ⁵ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12. Д. 5785. Л. 48.
- ⁶ Stettinius E. R. Lend-lease: Weapon for Victory. New York, 1944. P. 123, 128.
- ⁷ Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века. М.: «Международные отношения», 2001. С. 49.
- ⁸ Тюрина Е. А. «Наркомвнешторг считает целесообразным организовать закупочную комиссию». История ленд-лиза в документах РГАЭ. Февраль 1942 – март 1945 г. // Исторический архив. 2013. № 5. С. 31–55.
- ⁹ ЦВМА. Ф. 928. Оп. 3. Д. 330. Л. 7–8.
- ¹⁰ Там же. Л. 7.
- ¹¹ Там же. Л. 8.
- ¹² Архив внешней политики Российской Федерации (АВПР). «Посольство СССР в США». Оп. 9. Пор. 30. Папка 64. 212/1. Список сотрудников ПЗК СССР в США с 1 июля по 1 ноября 1942 г. на 165 л. С. 1–3, 7–9, 46, 63, 65, 67, 109, 111, 118–128, 148, 151, 152.
- ¹³ Там же. Фонд посольства СССР в США. Оп. 10. Пор. 53. Папка 73. 51 Раздел 9. Список сотрудников посольства, с 15 января 1943 г. по 3 декабря 1943 г. С. 43–51.
- ¹⁴ Там же. Ф. 192. Оп. 9. Д. 30. С. 165. С. 10–61.
- ¹⁵ Скрягин Л. Н. О моём отце // Тайфун. 1997. № 5. С. 33–40, 47.
- ¹⁶ АВПР. «Посольство СССР в США» 04.05.1942 - 23.12.1942. Ф. 192. Оп. 9. Д. 29. Папка 64.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ ЦВМА. Ф. 928. Оп. 3. Д. 330. Л. 22.
- ²⁰ Там же. Л. 23–25.
- ²¹ Там же. Л. 8.
- ²² Там же. Д. 56. Л. 27–28.
- ²³ Там же. Л. 80.
- ²⁴ Комарков А. Ю. Военно-морской ленд-лиз для СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)». Автореферат дисс... канд. ист. наук. СПб., 2014. № 005549408. С. 22, 28.
- ²⁵ ЦВМА. Ф. 928. Оп. 3. Д. 151. Л. 101–104.
- ²⁶ АВПР. Ф. 192. Оп. 9. Д. 30. С. 165.
- ²⁷ АВПР. «Посольство СССР в США». Оп. 9. Пор. 30. Папка 64. 212/1. Список сотрудников ПЗК СССР в США с 1 июля по 1 ноября 1942 г. на 165 л. С. 1–3, 7–9, 46, 63, 65, 67, 109, 111, 118–128, 148, 151, 152.
- ²⁸ АВПР. «Посольство СССР в США». 03.01.1942 – 09.07.1942. Ф. 192. Оп. 9. Д. 28. Папка 64. «Амторг» 1. О командировках сотрудников «Амторга» в Канаду. 2. Списки сотрудников «Амторга».

В. С. Хохлов (Москва)

**В СТРОЮ ОТ СТАЛИНА ДО ЕЛЬЦИНА:
К 100-ЛЕТИЮ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА
В ОТСТАВКЕ НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА
БРУСНИЦЫНА**

В НОЯБРЕ 2021 г. исполняется 100 лет со дня рождения генерал-лейтенанта в отставке Н. А. Брусницына, ветерана Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., первого заместителя начальника Управления правительственной связи—начальника штаба войск правительственной связи КГБ при Совете Министров (СМ) СССР (1969–1972), заместителя председателя Гостехкомиссии СССР (1972–1991), затем Гостехкомиссии при Президенте Российской Федерации (1992–1993), кандидата военных наук, академика Международной академии информатизации, лауреата премии Совета Министров СССР. Он 55 лет жизни отдал служению Родине (ил. 1).

Николай Александрович Брусницын родился 23 ноября 1921 г. в д. Ручьи Шимского района Новгородской области в семье крестьянина. Его отец — Александр Васильевич, участник Первой и Гражданской войн. На последней войне стал инвалидом: остался без глаза и пяти пальцев на двух руках. Он в 1928 г. организовал в д. Ручьи колхоз, а затем с 1940 г. работал председателем Веряжского сельсовета, а мать — дояркой. В семье кроме него росли ещё сестра и брат¹.

После окончания в 1935 г. Коростынской неполной средней школы Николай Брусницын поступил в Ленинграде в техникум. В 1938 г. по решению комсомольского собрания и с одобрения отца поступил в Ленинградское военное училище связи, а в 1939 г. его перевели в Киевское Краснознамённое военное училище связи. По окончании училища в 1940 г. лейтенанта Брусницына

направили для дальнейшего прохождения службы в 17-й отдельный полк связи Прибалтийского особого военного округа командиром взвода полковой школы. Он обучал курсантов с высшим образованием, призванных на один год с последующей сдачей экзаменов на воинское звание младшего лейтенанта запаса.

Командиром полка и первым его наставником был полковник Пётр Фёдорович Семенихин, будущий начальник Управления связи Северо-Западного фронта, генерал-майор. 21 июня 1941 г. Н. А. Брусницын был назначен командиром роты связи², а 22 июня началась Великая Отечественная война.

Ил. 1. Генерал-лейтенант в отставке
Н. А. Брусницын

События на Северо-Западном фронте в результате наступления немецкой группы армий «Север» и части сил группы армий «Центр» развивались столь стремительно, что это вызывало непредвиденные перемещения войск и их штабов, а, значит, свёртывание старых линий и узлов связи и развёртывание новых. С 22 июня по 16 октября 1941 г. лейтенант Брусницын 11 раз свёртывал и развёртывал полевые узлы связи командных пунктов различного назначения от г. Таураге на западе Литвы до д. Новоселицы юго-восточнее Новгорода. Он обеспечивал связь командующего фронтом

с Верховным Главнокомандующим И. В. Сталиным, штаба фронта с Генеральным штабом РККА и подчинёнными объединениями. В ходе отступления войск фронта не только обеспечивал связь, но и участвовал в обороне ряда населённых пунктов и захвате «языков». В конце сентября в районе д. Новоселицы

при бомбёжке получил осколочное ранение в ногу. После лечения в полевом госпитале его наградили медалью «За боевые заслуги»³.

Дальнейший боевой путь с 18 октября 1941 г. до 17 мая 1942 г. пролегал по маршруту д. Долгие Броды Валдайского района Новгородской обл. — Ярославль — Москва — Ташкент — Бухара — Свердловск — Мытищи Московской обл. В этот период он обучался на курсах и получил производственную практику на шифровальной аппаратуре для связи по радио Бодо.

После окончания курсов был направлен в Ростов-на-Дону в 119-й отдельный полк связи Южного (с 28.07.1942 г. — Северо-Кавказского) фронта⁴, где ему присвоили звание старшего лейтенанта и назначили на должность инженера военно-телеграфной станции. С сентября 1942 г. служил заместителем командира телефонно-телеграфного батальона 119-го, с 1942 г. — 40-го отдельного (с 4.05.1943 г. — 8-го гвардейского) отдельных полков связи⁵. В составе войск связи этого фронта (с 4.09.1942 г. — Черноморская группа войск (ЧГВ) Закавказского фронта)⁶ участвовал в тяжёлых оборонительных боях в нижнем течении Дона, на ставропольском и краснодарском направлениях, в новороссийской и туапсинской операциях 1942 г. После передачи ЧГВ в Северо-Кавказский фронт (1.03.1943 г.) и его преобразования в Отдельную приморскую армию (ОПА) 20.11.1943 г.⁷ участвовал в Новороссийско-Таманской наступательной (10.09. — 9.10.1943), Керченско-Эльтигенской десантной (31.10 — 11.12.1943) и Крымской наступательной (8.04 — 12.05.1944) операциях. В их ходе принимал участие в обороне и освобождении Новороссийска, Краснодара, Таманского и Крымского полуостровов, Керчи и Ялты.

Кроме обеспечения связи командованию группы с её армиями организовывал связь штаба группы и армии с Генштабом Красной армии, Маршала Советского Союза С. М. Будённого, генералов И. Е. Петрова и А. И. Ерёмченко, члена Военного совета фронта Л. М. Кагановича с И. В. Сталиным.

В мае 1943 г. во время артобстрела наблюдательного пункта командующего войсками Северо-Кавказского фронта генерал-лейтенанта И. Е. Петрова получил осколочное ранение в голову, на две недели потерял слух, лечился в госпитале в Краснодаре. После возвращения из госпиталя, ещё с повязкой на голове, был принят в члены ВКП(б). В одном из представлений

к награждению указывалось: «Тов. Брусницын в трудных условиях самоотверженно и умело руководил развёртыванием военно-телеграфных станций узлов связи и их боевой работой в период освобождения Кубани и Тамани от немецких захватчиков и тем самым обеспечивал и обеспечивает командованию бесперебойное управление войсками». За мужество, самоотверженную работу и обеспечение бесперебойной связи командованию был награждён медалью «За боевые заслуги», а в последующем тремя орденами: Отечественной войны 2-й степени⁸, Красной Звезды и Красного Знамени⁹.

По представлению командования полка, утверждённому Военным советом ОПА, его направили на учёбу в Военную академию связи им. С. М. Будённого. Успешно сдав вступительные экзамены, был зачислен слушателем командно-инженерного факультета. В 1949 г. майор Брусницын окончил академию и получил распределение в Управление начальника войск связи Сухопутных войск — УНВС СВ (с 4.04.1950 г. — Управление начальника войск связи Советской армии — УНВС СА)¹⁰.

В оперативном отделе и военно-научном отделе штаба войск связи он прослужил до 1957 г. Вместе с коллегами по оперативному отделу по указанию начальника УНВС СВ (УНВС СА) маршала войск связи И. Т. Пересыпкина разрабатывал для него документы. Например, на сборы готовил оперативные задания для начальников войск связи военных округов по организации связи во фронтовой операции, распоряжения на организацию связи с армиями и в армиях с соединениями с использованием новых средств связи.

Исполняя обязанности начальника отдела сбора и обобщения опыта на учениях на Тульчинском полигоне, обобщил замечания со стороны общевойсковых командиров по использованию новых радиосредств связи для управления в бою. В результате перед их разработчиками была поставлена задача по поиску технического решения автоматического ухода от радиопомех и возможности работы при их наличии.

Много служебного времени у Н. А. Брусницына занимали вопросы изучения и анализа итогов прошедшей войны, обобщения опыта организации связи, воплощения их в уставах и наставлениях Красной армии, в частности, в проект Устава связи. Он был утверждён и издан в виде «Наставления по организации связи Красной Армии». Являясь секретарём уставной комиссии, много

работал над соответствующими разделами и статьями по вопросам организации связи в Полевой и Боевой уставах, «Наставление по ведению операций Советской Армии».

Он сопровождал маршала войск связи И. Т. Пересыпкина на больших совещаниях и сборах, где записывал выступления докладчиков, а затем их обрабатывал и ему докладывал. По воспоминаниям Николая Александровича, особенно легко было готовить по указанию маршала материалы для его выступлений и докладов. Он чётко определял идею и выводы по теме, оставалось лишь грамотно, последовательно и логично подобрать фактический материал. Молодые офицеры штаба и управлений аппарата начальника войск связи многому научились в то время у маршала И. Т. Пересыпкина¹¹.

При подготовке учения на Тоцком полигоне ему было поручено оборудование средствами связи командного пункта командира узла обороны. В ходе учения его назначили начальником отдела обобщения материалов по результатам воздействия атомного оружия на средства связи и на работу связи в момент атомного взрыва. В его обязанности также входило описание организации и работы связи для управления наступающего механизированного корпуса (реально наступала дивизия и командование корпуса), результатов воздействия атомного взрыва на систему и средства связи.

В момент взрыва подполковник Брусницын находился в боевых порядках в полевых блиндажах в 4,5 километрах от эпицентра взрыва. Сразу после взрыва с командиром механизированной дивизии проехал на радиостанции Р-104 через эпицентр атомного взрыва, чтобы по требованию маршала войск связи И. Т. Пересыпкина зафиксировать: что, в каких условиях, какой организации, как работало; каковы последствия воздействия атомного взрыва на связь и на средства связи, их состояние и работоспособность после воздействия радиации, светового и теплового облучения, ударной волны и других побочных факторов атомного взрыва.

Он обобщил результаты Тоцкого учения по вопросам связи, а после редакции маршала И. Т. Пересыпкина, обобщения в Генштабе их изложили в общем итоговом издании¹². На основе итогов учений были сделаны необходимые уточнения в систему вооружения войск связи, которую утвердил начальник Генерального штаба, и началась её реализация¹³.

Брусницын неоднократно обращался к маршалу Пересыпкину с просьбой о направлении его для дальнейшего прохождения службы в войсках, но тот не отпускал. Когда маршал заболел, обратился к его заместителю генерал-полковнику А. И. Леонову, и в 1957 г. его назначили заместителем начальника войск связи 18-й гвардейской армии Группы советских войск в Германии, а вскоре и начальником. Непосредственно подчинялся начальнику штаба армии генерал-майору С. Л. Соколову (с марта 1958 г. — командующий армией), будущему Маршалу Советского Союза и Министру обороны СССР. В этой должности полковник Брусницын зарекомендовал себя с положительной стороны. Однако оставаться служить в Германии после смерти дочери (предположительно от отравления некачественными продуктами) он не мог и поставил вопрос о переводе к новому месту службы.

Его вызвали в Москву, но не в Главное управление кадров МО СССР, а в Управление кадров Комитета государственной безопасности (КГБ) при СМ СССР. После собеседования с первым заместителем председателя генералом армии П. И. Ивашутиным и заведующим отделом административных органов ЦК КПСС Н. И. Мироновым назначили в мае 1961 г. заместителем начальника отдела и войск правительственной связи КГБ при СМ СССР. Как позднее выяснилось, это назначение не обошлось без рекомендации начальника войск связи МО СССР маршала войск связи А. И. Леонова. Начался новый и важный этап его жизни и службы. Предстояло разобраться с обстановкой, изучить противника, от действий которого требовалось обеспечить безопасность правительственной связи.

Знакомство с войсками правительственной связи началось с подготовки к стратегическим командно-штабным учениям с отработкой действий войск в условиях применения ядерного оружия. Они проводились МО СССР на территории ГДР, Польши, Украины и Белоруссии с участием ряда западных военных округов ВС СССР, групп советских войск за границей, армий стран Варшавского договора и стратегических ядерных сил¹⁴. Н. А. Брусницын отвечал за организацию ВЧ-связи для высшего руководства и военного командования. Ему предстояло организовать связь штаба руководства учениями с пятью фронтами и обеспечить её безопасность. С этой задачей справился успешно. По итогам учений провёл сбор и анализ всех предложений

по организации правительственной связи, организационно-штатной структуре частей и подразделений, совершенствованию боевой и тактико-специальной подготовки, более рациональному оснащению их средствами связи и специальной техникой, обеспечению безопасности правительственной связи. Каждое предложение было обсуждено, и принято решение по подготовке соответствующих докладов и проектов постановлений правительства. Затем началась плановая работа по выполнению принятых руководством решений по реализации итогов этих важных учений.

Николай Александрович вступил в должность, когда шёл второй этап сокращения силовых структур (1960—1961). Из министерств внутренних дел и обороны в войска правительственной связи передали ряд частей связи. Требовалось провести реорганизацию войск, развернуть 15 отдельных полков, 11 отдельных батальонов, отделы групп войск за границей и штаб войск в Москве, оснастить их новой техникой¹⁵. В результате численность линейных подразделений снизилась до 9,3 %, кабельных — увеличилась до 45,3 %, радиорелейных — до 21 %, стационарных — до 21,4 %¹⁶. Н. А. Брусницыным проводились штабные тренировки по организации правительственной связи радиорелейными и кабельными средствами, тактико-специальные учения частей на местности с её установлением в строгом соответствии со схемой-приказом. Также впервые в конце 1961 г. прошли оперативно-технические сборы начальников отделов правительственной связи республик и областей СССР и командиров полков правительственной связи. По итогам учений и сборов были разработаны новые принципы организации правительственной ВЧ-связи мобильными полевыми средствами с использованием каналов связи стационарной кабельной сети Министерства связи СССР, порядок наращивания стационарной сети ВЧ-связи с помощью полевых средств и ряд других мероприятий.

Параллельно Н. А. Брусницыным велась работа по созданию базы подготовки кадров для войск правительственной связи. Он проработал вопрос о создании групп по подготовке инженеров радистов и проводников правительственной связи в Киевском высшем военном инженерном училище связи и старших офицеров специальной кафедры ВЧ-связи в Военной академии связи в Ленинграде. В соответствии с решением правительства СССР в июне 1966 г. было создано Военно-техническое училище КГБ при СМ СССР в г. Багратионовске Калининградской области.

В октябре 1972 г. его преобразовали в Орловское высшее военное командное училище связи (ныне Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации) и передислоцировали в г. Орёл¹⁷. Брусницын занимался подбором командного и профессорско-преподавательского состава этих учебных заведений, их обустройством, разработкой руководящих документов по организации учебного процесса.

Предметом его особой заботы являлось обеспечение безопасности правительственной связи на кремлёвских объектах. Им принимались меры по предотвращению каналов утечки информации из служебных помещений госорганов, органов военного управления, маскировке войсковых объектов и учений, усилению контроля кабельных трасс и разработки мер по их безопасности с учётом возможностей технической разведки американского и английского посольств в Москве. В 1963 г. была разработана и начала действовать система радиосвязи на Красной площади для связи оперативного состава в ходе мероприятий на этой площади и в других местах.

Брусницын внёс определённый вклад и в обеспечение снятия с должности первого секретаря ЦК КПСС и председателя СМ СССР Н. С. Хрущёва. Он предоставлял Л. И. Брежневу информацию о лицах, с которыми разговаривал Никита Сергеевич из Пицунды с Москвой. А все разговоры об его изоляции и подслушивании, по утверждению Н. А. Брусницына, в период подготовки Октябрьского (1964) Пленума ЦК КПСС — чистейшая выдумка и ложь¹⁸.

Большую роль в борьбе с иностранными техническими разведками сыграло разработанное в 1964 г. по инициативе КГБ СССР и при участии оборонного отдела партии постановление ЦК КПСС и СМ СССР «Об усилении противодействия иностранным радио- и радиотехническим разведкам». Оно предусматривало создание в МО СССР службы радиоэлектронной борьбы и контроля радиосвязи, разработку положений и инструкций по радиомаскировке вооружения и военной техники при их создании и испытаниях и ряд других мероприятий¹⁹.

Значительных усилий от генерал-майора войск связи (с 14.05.1962) Брусницына потребовала организация в 1962—1965 гг. правительственной связи с 61 объектом Минобороны СССР, в том числе с базами стратегических атомных подводных лодок. В эти годы создавалась и разветвлённая система

защищённых пунктов управления не только в Вооружённых силах, но и для основных министерств и ведомств и руководства страны. На этих пунктах при участии Брусницына были оборудованы самостоятельные узлы и станции ВЧ-связи, постоянно готовые к включению в систему действующей связи. К концу 1960-х гг. объём и возможности стационарной сети ВЧ-связи увеличились и составили 5003 абонента²⁰.

Не меньших усилий потребовала и организация линии правительственной связи между Москвой и Вашингтоном. Она начала действовать 31 августа 1963 г., решение об её создании вызывалось ростом международной напряжённости во время Карибского кризиса²¹. В сентябре 1971 г. в Вашингтоне было подписано новое соглашение между СССР и США о совершенствовании линии прямой связи с использованием искусственных спутников Земли. Затем последовало обновление оборудования оконечных пунктов и созданы две дополнительные трассы — через советский спутник «Молния» и через международный геостационарный спутник «Интелсат».

Под контролем Брусницына в 1960-е гг. находилась и организация сети правительственной связи в странах социалистического лагеря, для чего им передали станции и аппаратуру ВЧ-связи и аппаратуру засекречивания, шифры для которой изготовлялись в СССР и направлялись к местам назначения дипломатической почтой. Аналогичные линии были созданы в Китае и Северной Корее. Введению в строй подобных линий предшествовали поездки генерала Брусницына в столицы этих стран, встречи с послами СССР, длительные переговоры и согласования с руководством государств, генштабов, заключение договоров, обучение иностранного инженерно-технического персонала и выделение советских инженеров-советников.

В марте 1969 г. для усиления руководства системой правительственной связи и обеспечения выполнения новых задач Отдел правительственной связи реорганизовали в Управление. Первым заместителем начальника Управления правительственной связи (УПС) — начальником штаба войск правительственной связи КГБ СССР назначили генерал-майора Н. А. Брусницына²².

И снова проверкой его деятельности на новом посту стали командно-штабные учения на советско-китайской границе от Памира до Камчатки, Сахалина и Владивостока под руководством министра обороны СССР Маршала Советского Союза

А. А. Гречко. В ходе этих учений он добился такой организации правительственной связи, которая позволила обеспечить по несколько разговоров руководителя учений маршала Гречко и начальника штаба руководства учениями первого заместителя министра обороны СССР генерала армии С. Л. Соколова с Москвой. Был также приобретён большой опыт использования радио-, спутниковых и радиорелейных средств, наращивания стационарной сети правительственной связи полевыми средствами, гибкого использования различных каналов связи, оборудования стационарных и мобильных ВЧ-станций в интересах высшего руководства страны и оперативных штабов ВС СССР.

Много хлопот генералу Брусницину доставило его предложение о создании оперативной закрытой связи КГБ СССР, так как никакой своей системы связи в органах госбезопасности не существовало. Имелась только ВЧ-связь у председателей КГБ республик, краев и областей. После разработки им обоснования и его обсуждения на коллегиях КГБ нескольких республик, удалённых областей и в Центре приняли 24.04.1971 г. решение создать для органов госбезопасности свою оперативную закрытую связь. Под руководством Н. А. Брусницина специалисты УПС разработали схему организации этой связи, проекты оборудования Центрального узла оперативной связи, узлов республик и областей. Для руководства системой и эксплуатации средств связи в Москве создали Отдел оперативной связи, а на местах — соответственно отделение и группы. В течение полутора-двух лет эта связь заработала. Её развёртывание существенным образом сократило возможности иностранных разведок получать информацию о работе органов госбезопасности, а следовательно, о многих сторонах деятельности в области обороны, науки и экономики.

В ходе решения проблем безопасности правительственной связи Брусницин предложил систему закрытой связи от абонента до абонента, создание абонентского аппарата засекречивания на современных электронных технологиях и новой элементной базе. Он подготовил и защитил диссертацию по теме «Система правительственной ВЧ-связи фронта с шифрацией речи от абонента до абонента»²³.

В целях распространения передового опыта организации и обеспечения правительственной связи, совершенствования боевой и специальной подготовки личного состава, органов и войск

правительственной связи УПС КГБ СССР выпускал информационный сборник, автором многих его статей был и Николай Александрович. С целью дальнейшего совершенствования развития правительственной связи УПС КГБ с его участием провело несколько научно-технических конференций с приглашением представителей электротехнической науки и промышленности, разработало программу научно-исследовательских работ по созданию её новых систем и средств.

Однако принимаемые меры не остановили Агентство национальной безопасности США от изыскания новых подходов и возможностей снятия информации. Поэтому Брусницын занимался не только защитой информации, проходящей по государственным сетям связи, но и её защитой при поездках руководителей государства по стране и за рубежом. Для этого разработали и оборудовали аппаратурой закрытия радиотелефонных разговоров автомобили, поезда и самолёты.

В 1971 г. КГБ СССР совместно с МО СССР, выполняя поручение ЦК КПСС и СМ СССР, провели специальное исследование угроз иностранных технических разведок в отношении Советского Союза²⁴. Оно показало, что США создали и постоянно наращивают глобальную систему технической разведки. Это позволяло им получать около 70 % от общего объёма разведанных чисто техническими методами и активно их использовать при проведении внешнеполитических и идеологических акций против СССР. В целях получения информации разведслужбы Запада разрабатывали и применяли новейшие технические средства разведки в советских посольствах и представительствах за рубежом, непосредственно на территории СССР и сопредельных стран. Так, в здании посольства СССР в Вашингтоне и в квартирах его сотрудников было выявлено несколько сложных систем подслушивания, из них более 600 только в оконных рамах. В Москве подобные средства устанавливались на дипломатических машинах, на территории и в здании американского посольства.

В августе 1972 г. председатель КГБ СССР Ю.В. Андропов вызвал генерал-майора Н. А. Брусницына и предложил ответить американцам тем же²⁵. Вскоре его назначили руководителем специальной службы КГБ СССР по вопросам противодействия иностранным техническим разведкам. И он сосредоточил свои усилия на вновь строящемся здании посольства США в Москве. Крошечные «жучки», созданные в секретных лабораториях

и вживлённые в стеновые панели, имитировали частицы мусора, попавшие в бетон. Энергию они получали от перепадов температуры и вибрации здания. Обратив внимание на непонятные сбои в работе электронных устройств, несколько лет Госдепартамент, ЦРУ и ФБР не давали добро на использование здания по назначению.

5 декабря 1991 г. первый и последний председатель Межреспубликанской службы безопасности СССР (бывший КГБ) В. В. Бакатин передал американскому послу портфель с образцами электронных подслушивающих устройств и множеством схем²⁶. Этот подарок адекватные соотечественники расценили как беспрецедентное по своему масштабу и цинизму предательство своей страны, за которое он до сих пор не понёс ответственности.

Американцы демонтировали здание и возвели на его месте новое. Ответный ход органов госбезопасности СССР заставил их раскошелиться на сотни миллионов долларов. Это только один из фактов многогранной и плодотворной деятельности Брусницына в данной должности, а были ещё и работы по защите от утечки информации в советских посольствах в ряде стран. Оценку деятельности органов госбезопасности СССР, а значит и Брусницына дал американский писатель и политический консультант Института Гувера Петер Швейцер: «...замолчали и действовавшие до сих пор успешно технические устройства. Электронное подслушивание было обезврежено»²⁷.

В рассматриваемый период важнейшими задачами, стоящими перед МО СССР и оборонно-промышленным комплексом страны, стала защита сведений о военных и военно-промышленных объектах, работах оборонного назначения, а также об охраняемых параметрах вооружения и военной техники на всех этапах их жизненного цикла, которые могли быть получены иностранными техническими разведками. Эти обстоятельства предопределили необходимость создания общесоюзного межведомственного органа, который обеспечивал бы выработку единой государственной политики в данной области и контроль действенности мер, принимаемых в этом направлении. Таким органом стала созданная 18 декабря 1973 г. в соответствии с постановлением ЦК КПСС и СМ СССР Государственная комиссия (ГТК) СССР по противодействию иностранным техническим разведкам. Руководство ею было возложено на одного из заместителей министра обороны, а в её состав входили заместители

руководителей министерств оборонных отраслей промышленности, КГБ и Академии наук СССР. Комитет госбезопасности в ней представлял Н. А. Брусницын, его назначили в 1974 г. заместителем её председателя.

Комиссия выполняла функции по разработке и реализации государственной политики в области противодействия иностранным техническим разведкам, отвечала за разработку единых норм и требований по защите, создание средств противодействия общего применения, а также за осуществление контроля в стране. Для обеспечения деятельности комиссии кроме её аппарата были созданы инспекция и зональные подразделения комплексного технического контроля, в дальнейшем преобразованные в спеццентры.

В связи с развитием информационных технологий и широким использованием средств вычислительной техники в военной и гражданской сферах деятельности государства наряду с проблемами противодействия техническим разведкам видное место в деятельности гостехкомиссии стали занимать вопросы технической защиты информации.

Существенный вклад в реализацию этих функций внёс и генерал-лейтенант (с 14.02.1978) Брусницын. Особое внимание он уделял выработке и внедрению в практику работы единства подходов и взаимной увязки общих направлений деятельности политических, экономических, научных и военных госорганов страны по защите информации, её воздействию на общество.

Главным итогом работы ГТК СССР стало понимание специалистами предприятий оборонно-промышленного комплекса, других отраслей экономики, а также военными специалистами важности и эффективности регулярного проведения мероприятий по защите секретной информации. Таким образом, была решена концептуальная задача зарождения культуры информационной безопасности не только на государственном уровне, но и на самом низовом — предприятий и полигонов.

Понимая, что статус Гостехкомиссии СССР, находящейся в ведении Минобороны, не отвечает требованиям времени, Н. А. Брусницын предпринял совместно с коллегами ряд мер по его повышению. В результате 22 мая 1991 г. Президент СССР М. С. Горбачёв подписал Указ «Об образовании Государственной технической комиссии СССР по противодействию иностранным техническим разведкам». Непосредственное подчинение

президенту обеспечивало её независимость от ведомственных, региональных и корпоративных влияний, гарантировало соответствие её деятельности высшим интересам страны.

5 января 1992 г. Указом Президента Российской Федерации на базе Гостехкомиссии СССР была создана Гостехкомиссия при Президенте России²⁸. В конце этого же года утвердили положение о ней, затем в ходе соответствующих организационно-штатных мероприятий в 1993 г. генерал-лейтенант Н. А. Брусницына отправили в отставку. Находясь на заслуженном отдыхе, Николай Александрович ведёт активный образ жизни: участвует в ветеранском движении, продолжает делиться опытом своей работы. Его перу принадлежит более 100 книг, учебников и статей, из них более пяти за последние годы. Он заслуженно относится к плеяде фронтовиков, при непосредственном участии которых была достигнута Победа в Великой Отечественной войне и проводились коренные преобразования в ВС и КГБ СССР до 1991 г. Его жизненный путь — это пример беззаветного служения Родине и безупречного выполнения воинского долга. Моё знакомство и сотрудничество с ним в течение 15 лет убедили меня в том, что этот высокопрофессиональный человек имеет удивительную силу воли и твёрдость характера, обаяние, и его жизнедеятельность достойна безмерного уважения.

¹ От солдата до генерала. Т. 5. Связь с Верховным. М.: Алгоритм-Книга, 1999. С. 52—53.

² Брусницын Н. А. Кто подслушивает президентов (от Сталина до Ельцина). М.: Вита-Пресс, 2000. С. 9—13.

³ От солдата до генерала. Т. 5. Связь с Верховным. С. 65.

⁴ Фронты, флоты, армии, флотилии периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Справочник. М.: Кучково поле, 2003. С. 53.

⁵ Боевой путь гвардии капитана Брусницына Н. А. в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 2009. С. 11—13.

⁶ Фронты, флоты, армии, флотилии периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. С. 24.

⁷ Там же. С. 38—40.

⁸ Награды Николая Брусницына. [Электронный ресурс] Память народа — электронный банк документов периода Великой Отечественной войны // URL: <http://www.pamyat-naroda.ru/awards/46203240> (дата обращения: 25.01.2021).

⁹ От солдата до генерала. Т. 5. Связь с Верховным. С. 80-81.

¹⁰ Главное управление Связи ВС РФ 1919—2019: история создания и развития / Под ред. В. С. Хохлова. М.: Авиация и спорт, 2019. С. 612.

¹¹ Хохлов В. С. От шахтёра до наркома и маршала. М.: Вивид-Арт, 2010. С. 696.

- ¹² Описание войсковых учений с применением атомного оружия, проведённого Министерством обороны на территории Южно-Уральского военного округа в сентябре 1954 года. М.: Генеральный штаб, Главное оперативное управление, 1955. С. 27–30, 39, 68–71, 101–102, 109–111.
- ¹³ Главное управление Связи ВС РФ 1919–2019... С. 742.
- ¹⁴ Брусницын Н. А. Развитие основ организации правительственной связи. Орёл, 2005. С. 99.
- ¹⁵ Там же. С. 102.
- ¹⁶ Боевой путь войск спецсвязи. М., 1987. С. 140.
- ¹⁷ Брусницын Н. А. Развитие основ организации правительственной связи. С. 104.
- ¹⁸ Брусницын Н. А. Кто подслушивает президентов (От Сталина до Ельцина). С. 177–178.
- ¹⁹ Информационная безопасность государства: от Гостехкомиссии СССР до ФСТЭК России // Юбилейный сборник ФСТЭК России. Информационная безопасность. 2013.
- ²⁰ Валдаев С. А. Связь, которая не подведёт. М.: Славянский диалог, 2001. С. 72.
- ²¹ Иткин В., Сизов Ю., Черненко Л. Горячая линия // Правда. 1988. № 142.
- ²² Брусницын Н. А. Кто подслушивает президентов (От Сталина до Ельцина). С. 130.
- ²³ Брусницын Н. А. Развитие основ организации правительственной связи. С. 112.
- ²⁴ Брусницын Н. А. Кто подслушивает президентов (От Сталина до Ельцина). С. 224.
- ²⁵ Там же. С. 215.
- ²⁶ Герой Соединенных Штатов Америки // Аргументы и факты. 1991. № 51–52; Сергей Холодов. И у стен есть «уши». История одного изобретения и одного предательства // Клио. 2018. 18 декабря.
- ²⁷ Швейцер Петер. Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. М.: АВЕСТ, 1995. С. 168.
- ²⁸ Брусницын Н. А. Кто подслушивает президентов (От Сталина до Ельцина). С. 392, 400, 402.

К. В. Черенцова (Санкт-Петербург)

**СОПРОВОЖДЕНИЕ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ
И ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВА
НА ЛЕНИНГРАДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОМ ЗАВОДЕ № 7
В 1920 — НАЧАЛЕ 1940-х ГОДОВ**

1920-е гг. в СССР стали ярким и одновременно сложным временем начала становления советской военной промышленности. В 1928 г. стартовала реализация первого пятилетнего плана развития народного хозяйства (1928—1932), который предполагал форсированное наращивание производственного потенциала СССР, и в первую очередь — военного.

15 июля 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) были приняты два Постановления — «О состоянии обороны СССР» и «О военной промышленности», в которых, среди прочего, отмечалась необходимость обеспечения интенсивного развития производства для обеспечения технического превосходства Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) над предполагаемым противником¹.

Военная промышленность крупнейшего производственного центра СССР Петрограда — Ленинграда в 1920—1927 гг. (до начала первой пятилетки) находилась в поиске новых форм организации и направлений, позволявших обеспечивать выполнение заказов военного ведомства. Неотъемлемой составляющей этой работы была модернизация производственной базы, одним из направлений которой стало развитие рационализаторской и изобретательской деятельности.

В числе основных предприятий Ленинграда, выполнявших заказы по изготовлению материальной части артиллерии, был Ленинградский государственный механический артиллерийский завод «Красный Арсенал» (ранее — Санкт-Петербургский арсенал, с 1914 г. — Петроградский арсенал Петра Великого).

В номенклатуру серийных изделий входила материальная часть для 76-мм пушки обр. 1900 и 1902 гг., 122-мм гаубиц обр. 1909 г., 115-мм и 203-мм английских гаубиц, 152-мм гаубиц Виккерса, миномётов и бомбомётов, также выполнялись опытные работы по указаниям конструкторов Комиссии особых артиллерийских опытов и Артиллерийского управления РККА².

22 мая 1929 г. Революционный военный совет СССР утвердил разработанный штабом РККА проект системы артиллерийского и пехотного вооружения³. Перед профильными научно-исследовательскими институтами (НИИ) и военными производствами были поставлены задачи по реализации принятой системы, определены векторы поиска для конструкторской мысли с опорой на потенциальные возможности советского оборонно-промышленного комплекса.

Начиная с середины 1920-х гг. руководством Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) СССР стали предприниматься действия по организации и стимулированию рационализаторской и изобретательской деятельности на предприятиях промышленности, и военной в том числе, что частично позволило добиться улучшения технико-экономических показателей и роста производительности.

20 марта 1929 г. в газете «Труд» (№ 64) было опубликовано «Положение о комиссиях по содействию фабрично-заводскому изобретательству на производственных предприятиях», в соответствии с которым 5 апреля 1929 г. на Ленинградском государственном механическом заводе № 7 была организована комиссия содействия рабочему изобретательству под председательством директора И. П. Руды⁴.

Однако в целом работа по рационализации производства руководством ВСНХ СССР отмечалась как недостаточная, поэтому спустя несколько месяцев приказом по ВСНХ № 747 вводилась личная ответственность руководителей предприятий за формирование в штате рационализаторских органов, укрепление их авторитета и привлечение в них рабочих и инженерных кадров посредством организации системы премирования на уровне, способном заинтересовать работников. Также необходимо было уделить внимание планированию рационализаторской работы и сделать его неотъемлемой частью промышленно-финансового плана на 1929/1930 гг.

В связи с этим с 1 июня 1929 г. к неуклонному исполнению на заводе были приняты инструкции «О порядке прохождения

предложений по рационализации производства» и «О порядке проведения в жизнь предложений производственных совещаний», что, как предполагалось, должно было способствовать увеличению количества рационализаторских предложений и изобретений, поступающих от рабочих.

Также было утверждено «Положение о бюро рационализации», на которое возлагался широкий круг задач по развитию рационализаторской деятельности на заводе. Организационно оно подчинялось непосредственно директору предприятия, а мероприятия, разработанные бюро и утверждённые директором, были обязательны для всех работников и осуществлялись под непосредственным контролем его специалистов.

Согласно инструкции «О порядке прохождения предложений по рационализации производства», предложение рационализаторского характера должно было подаваться в письменной форме в адрес цехового производственного совещания с заключением заведующего цехом или отделом, в котором указывались расчёты на средства, затрачиваемые на внедрение такого предложения, и возможная экономия от его реализации. Затем заявление поступало в бюро рационализации, которое давало свое заключение и передавало информацию о поступившем предложении в комиссию по содействию рабочего изобретательства. В случае вынесения комиссией положительного решения бюро рационализации курировало исполнение рацпредложений и фиксировало объёмы достигнутой экономии от их внедрения. Комиссия по содействию рабочего изобретательства, в свою очередь, в своих протоколах отмечала сумму отчислений в фонд поощрения по полученной экономии и сумму вознаграждения автору изобретения, направляла их в бухгалтерию, которая на их основе производила бухучет фонда премирования⁵.

Несмотря на прилагаемые усилия, предпринятые меры не достигали своей цели, и приказом ВСНХ СССР от 18 июля 1929 г. № 991 в еще более категоричной форме руководящим административным и инженерно-техническим кадрам заводов предписывалось поощрять введение рационализаторских мероприятий всеми доступными способами. Рассмотрение новых рацпредложений должно было осуществляться в кратчайший срок, окончательное решение принималось руководителем предприятия единолично. При этом в случае получения отрицательных результатов руководство и исполнители не несли за это должностную

ответственность — все результаты должны были быть проанализированы, и только после этого принималось окончательное решение о целесообразности продолжения или отказа от конкретного рацпредложения⁶.

Руководством Главного управления военной промышленности, в подчинении которого находился и завод № 7, констатировалось, что кадровое обеспечение органов рационализации и финансирование поступающих рацпредложений в целом по итогам 1929 г. было недостаточным, кроме этого, не был отлажен механизм фиксации полученных от них прибылей в бухгалтерской отчетности, что не способствовало созданию чёткого понимания об эффективности проводимых мероприятий. При этом потенциал рационализаторских мероприятий в отношении повышения производственных возможностей заводов оценивался как практически неисчерпаемый.

В сентябре 1930 г. на основании приказа по ВСНХ от 15 августа 1930 г. № 1828 на заводе № 7 была введена должность помощника директора по реализации рабочих предложений, на которую был назначен председатель общезаводского производственного совещания И. Н. Шрубас. Началось и формирование соответствующей отдельной структуры. В соответствии с приказом ВСНХ СССР от 6 августа 1930 г. № 1779 было организовано бюро реализации изобретений, рабочих предложений и по содействию фабрично-заводскому изобретательству (БРИЗ). Ранее действовавшая комиссия содействия рабочему изобретательству была расформирована. Организационно БРИЗ находился в составе заводоуправления, подчинялся помощнику директора по реализации рабочих предложений. В состав БРИЗа входили: заведующий бюро, инструктор и заместитель заведующего, экономист, инженер-конструктор и секретарь. Также в подчинение помощника директора по реализации рабочих предложений были переведены бюро рационализации производства с возложением на него обязанностей руководства данным подразделением и секция массово-производственной работы. В каждом цехе и отделе были назначены уполномоченные БРИЗа⁷.

Бюро рационализации стали одной из форм работы по оптимизации и усовершенствованию производственных процессов изготовления военной техники, проводимой в рамках многоуровневого перечня мероприятий по приведению заводов к уровню мобилизационной готовности, определённом планом мобилизации промышленности «С-30».

Как указывалось в докладе Госплана СССР в Политбюро ЦК ВКП(б) «О подготовке промышленности к обороне», озвученном 24 октября 1930 г., «необходимо ещё указать на крайне медленное развёртывание рационализаторских работ в военной промышленности, осуществление которых, как показывает опыт, должно дать значительное наращение мощностей на действующих заводах... Оборонное строительство 1931 г. должно пойти под знаком глубокой реконструкции военных производств, на базе широкого использования гражданских заводов, специализации военных заводов, рационализации производственных процессов, широкого применения методов кооперирования предприятий, постановки мирных производств на незагруженных военных заводах и цехах и т. п.»⁸.

26 октября 1930 г. было издано Постановление ЦК ВКП(б) об организации массового рабочего изобретательства на предприятиях, которое послужило началом для нового витка работ в этом направлении⁹.

В июне 1931 г. структура БРИЗа на заводе № 7 была пересмотрена. Согласно приказу № 103 был организован Центральный заводской БРИЗ (ЦБРИЗ) с семью специалистами в штате, конструкторское бюро в составе инженера-конструктора, двух чертёжников-конструкторов и двух чертёжников-копировщиков, работа которых оплачивалась за счёт фонда содействия рабочему изобретательству, а также цеховые БРИЗы: при станочном цехе (объединял по линии БРИЗа станочный, массово-сборочный, крупно-сборочный, слесарно-заготовительный, артиллерийский, электро-термический цех и цех рифлёных цилиндров, а также технический отдел), станкостроительном цехе (объединял две механические, сборочную и подготовительную мастерские данного цеха) и ремонтно-механическом цехе (объединял по линии БРИЗа ремонтно-механический, инструментальный, ткацкий, опытный, литейный, деревообделочный цеха и кузницу).

Во всех вышеперечисленных цехах сохранялись уполномоченные БРИЗа (не освобождённые от основной работы). Мастерские и школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) были назначены экспериментальными производственными площадками для реализации изобретательских предложений по заданиям ЦБРИЗа.

Для выдачи экспертных заключений по его предложениям была сформирована группа консультантов, в которую вошли инженеры завода и специалисты последующим направлениям:

холодная и горячая металлообработка, инструментальное и литейное дело, тепло- и электротехника, технологические процессы, оборудование и станкостроение¹⁰.

В конце июля 1931 г. аппарат помощника директора по реализации рабочих предложений был дополнен должностями помощников заведующих цеховыми отделами по реализации рабочих предложений, которые находились в непосредственном подчинении помощника директора по реализации рабочих предложений К. К. Кондрата и осуществляли связь между цеховыми и групповыми производственными совещаниями и помощником директора по реализации рабочих предложений¹¹.

С 1 января 1932 г. в соответствии с Постановлением Центрального исполнительного комитета СССР от 9 апреля 1931 г. и Президиума Центральной контрольной комиссии Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции СССР от 4 сентября 1931 г. об организации органов по изобретательству, ЦБРИЗ завода № 7 был включён в состав бюро рационализации производства, которое было переименовано в отдел рационализации и подчинялось непосредственно директору. Соответственно, ЦБРИЗ перестало быть центральным и было переименовано просто в БРИЗ, а его начальник был назначен заместителем заведующего отдела рационализации, сохранив должность заведующего БРИЗа. Помощник директора по реализации рабочих предложений был назначен помощником директора по производственному совещанию¹².

В феврале 1932 г. приказом директора завода всем заведующим отделами и цехами было предписано оказывать сотрудникам БРИЗа всяческое содействие при выполнении заданий по реализации и подсчёту экономического эффекта рабочих предложений. В случае отказа заведующими подтвердить подписью акт о предполагаемом экономическом эффекте от представленных предложений планово-экономический отдел завода должен был сам рассматривать данные акты и в случае признания их целесообразными суммы, указанные в них, списывать с данного цеха.

В развитие работы по стимулированию изобретательства в апреле 1932 г. на заводе было организовано бюро по обмену производственным опытом, на которое был возложен значительный перечень обязанностей по ознакомлению и популяризации современных научных и производственных достижений среди работников предприятия¹³.

Работа по стимулированию рационализаторства и изобретательства давала свои результаты. Например, в приказе по Всесоюзному оружейно-арсенальному объединению (ВАО) от 16 апреля 1932 г. № 105 завод № 7 был отмечен как «пионер нового производства», который ввёл химический способ восстановления напильников (вместо механического), что позволяло аннулировать возможность брака при подобной операции и значительно экономило рабочее время. Так, в период с 15 ноября 1931 г. по 1 апреля 1932 г. было переработано 234 965 деталей, а всего в 1931 г. ежемесячный расход напильников был сокращен с 2928 до 48 шт. Более того, отмечалась возможность завода № 7 удовлетворить потребности всех предприятий объединения в данной операции. Учитывая данный опыт, заводам ВАО было предписано срочно заключить договоры с заводом № 7 на восстановление старых напильников химическим путём или самостоятельно освоить такой метод¹⁴.

Анализ итогов внедрения рационализации производства в конце первой пятилетки показал насущную необходимость форсирования начатой работы — реализация планов по переоснащению РККА и усилению обороноспособности СССР без системного пересмотра механизмов деятельности предприятий военной промышленности на всех уровнях, включая собственно организацию производства и стимулирование изобретательской деятельности рабочих и служащих, была практически невозможна. Поэтому в планах реализации второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1933—1937) работа по стимулированию рационализации и массового рабочего изобретательства была сохранена и находилась на постоянном контроле.

К началу второй пятилетки общее состояние организации производственного процесса на военных заводах СССР оценивалось как не соответствующее требованиям обеспечения обороноспособности страны и требующее интенсивных преобразований. Так, начальник Главного военно-мобилизационного управления (ГВМУ) И. П. Павлуновский в записке, адресованной наркомом тяжёлой промышленности С. Орджоникидзе от 3 июня 1933 г., так объяснял причины срыва программы по выпуску артиллерийских орудий: «За последние годы проделана большая работа по техническому переоснащению оружейных заводов... Основная проблема — отсутствие налаженного технологического процесса массового производства. Оружейные заводы и до настоящего

времени производят свою продукцию в основном теми же методами, которыми орудия делались десятки лет назад. Слишком много усилий тратится на пригонки-притирки деталей. Операции эти, как правило, осуществляются без технических приспособлений, вручную, и требуют большого количества высококвалифицированных рабочих... Заводы сравнительно быстро справляются с изготовлением опытных образцов, которые, действительно, требуют много ручной работы, но как только дело доходит до массового производства, установленные сроки не выдерживаются»¹⁵.

Такая оценка состояния военной промышленности её руководством в целом характеризовала и состояние дел на оборонных предприятиях Ленинграда. При этом, конечно, с поправкой на специфику, возможности и усилия каждого конкретного завода.

Так, например, механический завод № 7 наряду с обеспечением планов по выпуску военной и мирной продукции делал успехи в освоении новых технологий. В ноябре 1933 г. были отмечены достижения его хромировочной лаборатории, в которой в рамках специального задания были проведены работы по хромированию особой сложности, в результате чего была выработана технология проточного хромирования, имевшая большое значение для производства артиллерийских систем. Отмечая заслуги своих специалистов, руководство предприятия выступило с ходатайством перед управлением Арсенального треста ГВМУ Наркомата тяжёлой промышленности о премировании начальника хромировочной лаборатории А. М. Шендеровича, инженера Ю. Б. Фёдорова и нескольких рабочих (всего 6 человек), принимавших непосредственное участие в проведении опытов по хромированию. Спустя год, 23 ноября 1934 г. приказом начальника ГВМУ И. П. Павлуновского № 160 всем участникам работ по хромированию была объявлена благодарность и выданы денежные премии (от 2000 до 10 000 р.)¹⁶.

В октябре 1933 г. исполнилось три года со дня выхода постановления ЦК ВКП(б) об организации массового рабочего изобретательства на предприятиях. В ознаменование этого на заводе № 7 была объявлена благодарность 30 рабочим и служащим, активно проявившим себя в деле изобретательства¹⁷.

Рационализация технологий находилась в поле внимания и инженерных кадров. Специалисты военного конструкторского сектора завода № 7 помимо широкого перечня работ по

проектированию новых образцов изделий и сопровождению серийного производства обеспечивали проведение стандартизации деталей в уже разработанных чертежах, суррогатирование, рационализацию существующих технических условий и т. д.¹⁸

Несмотря на отдельные успехи в развитии изобретательства на военных заводах, к середине 1930-х гг. массового характера оно не приобрело. В докладной записке начальника оборонного сектора Центрального совета Всесоюзного общества изобретателей Я. М. Терентьева, направленной народному комиссару обороны СССР К. Е. Ворошилову в мае 1936 г., указывалось: «На оборонных заводах изобретательство и рационализаторская работа на данном этапе сравнительно удовлетворительно поддерживаются в области технологии производства, и очень трудно прививаются экспериментальная и научно-конструкторская работы по созданию новых опытных образцов боевой техники»¹⁹. В качестве одной из ключевых причин указывалось отсутствие системного подхода к проведению исследовательских работ в профильных НИИ и на производстве, отбору идей, действительно ценных и требующих реализации²⁰.

К этому времени вопросы рационализации и изобретательства приобрели на заводе № 7 особую актуальность. С 1936 г. на предприятии началась работа по интенсивному развитию двух направлений — разработке и выпуску новых образцов сухопутной (полевой и горной) артиллерии и миномётного вооружения под руководством Л. И. Горлицкого и Б. И. Шавырина соответственно²¹.

2 апреля 1937 г. наркомом оборонной промышленности (НКОП) М. Л. Рухимовичем был издан приказ № 118с «О работе по изобретательству в оборонной промышленности», согласно которому был образован отдел по делам изобретательства. Новое подразделение курировало весь комплекс вопросов, связанных с экспертизой, административным сопровождением и реализацией предлагаемых подведомственными институтами и заводами изобретений. Кроме этого, директорам предприятий вменялась личная ответственность за внедрение изобретений и рационализаторских предложений.

В продолжение работ по тематическому структурированию всей номенклатуры исследовательских вопросов 2 февраля 1938 г. был издан приказ НКОП № 10с, согласно которому все вопросы, касающиеся проведения НИОКР по конструированию

артиллерийских систем, а также производственным, технологическим и материаловедческим тематикам на заводах III Главного управления НКОП, в которое входил и машиностроительный завод № 7, передавались под контроль ленинградского Научно-исследовательского института № 13 (НИИ-13 НКОП)²².

В приказе по машиностроительному заводу № 7 от 19 марта 1938 г. по итогам выступления начальника технического отдела Р. А. Туркова с отчётным докладом на пленуме Совета изобретателей об итогах работы по изобретательству за 1937 г. указывалось на необходимость установки кратчайших сроков реализации утверждённых рационализаторских предложений, которые были обязательными в исполнении, а также ежемесячного контроля поступающих предложений и их выполнения.

Весной 1938 г. на предприятии прошли очередные структурные изменения, которые были вызваны требованиями приказа № 103 НКОП СССР от 14 марта 1938 г. об усилении внимания к технологической составляющей производства. Во исполнение его положений приказом директора завода № 7 М. Е. Мельникова от 13 апреля 1938 г. за № 42 была учреждена должность главного технолога, который подчинялся непосредственно главному инженеру (был назначен Р. А. Турков). Ранее существовавший технический отдел был реорганизован в отдел главного технолога, в состав которого, в числе прочих, вошли секция обмена опытом и технической информации с технической библиотекой и группа по рабочему изобретательству²³.

22 мая 1939 г. приказом директора завода А. Д. Каллистратова на предприятии был создан технический совет под председательством главного инженера, на который возлагались разработка и обсуждение технического и организационного развития завода, предварительное обсуждение заданий и проектов и их экспертиза, разработка тематики и предварительное утверждение планов и результатов НИОКР и рационализаторских работ, разработка мероприятий по их внедрению на производство. Технический совет завода № 7 в своей работе должен был поддерживать тесную связь с Техническим советом Народного комиссариата вооружения (НКВ) СССР²⁴.

2 июля 1939 г. в соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР от 22 июля 1936 г. о реорганизации руководства изобретательским делом и в целях ускорения внедрения изобретений и усовершенствований были изданы приказ и положение

НКВ СССР за № 171 «О работе по изобретательству в системе Народного Комиссариата Вооружения СССР», в которых устанавливались основные нормы организации изобретательского дела на предприятиях НКВ СССР, сроки проведения работ по внедрению новаторских предложений. В частности, в них указывалось, что конструкторская разработка и изготовление опытных образцов должны были включаться в план работ профильного цеха, при этом конструкторская и производственная изобретательская деятельность в части предметов вооружения могла осуществляться только при наличии договоров с заказчиками и по плану, утвержденным наркомом вооружения СССР. В развитие данного приказа и положения на заводе № 7 был издан приказ за № 148 от 20 сентября 1939 г., согласно которому непосредственное техническое руководство изобретательской работой осуществлял главный инженер, оперативное руководство и контроль во всех цехах и отделах через ответственных исполнителей — главный технолог. Всем начальникам цехов и отделов надлежало руководствоваться приказом и положением НКВ СССР, также в нём еще раз подчеркивалась приоритетность разработки и внедрения изобретений путем включения их в план первоочередных работ по заводу²⁵.

Успешные технологические решения сразу же становились достоянием заводской общественности и получали самую комплиментарную реакцию со стороны руководства предприятия. Например, в феврале 1940 г. при выполнении правительственного задания по выпуску 120-мм полковых миномётов стахановец, фрезеровщик цеха № 4 Н. И. Соколов предложил новый способ фрезерования детали сложной конструкции с помощью специально спроектированного им приспособления, которое позволяло одновременно обрабатывать две детали вместо одной и объединить три операции в одну. В результате норма при обработке данной детали была выполнена на 342 %. Достигнутые успехи были зафиксированы цеховым жюри, которое ходатайствовало перед заводским жюри о занесении Н. И. Соколова на Доску Почёта и в заводскую Книгу Почёта. Это решение было поддержано руководством, и приказом от 17 марта 1940 г. имя Н. И. Соколова было занесено на Доску и в Книгу Почёта, кроме этого, он был премирован ценным подарком на сумму 500 рублей²⁶.

С 20 марта по 20 апреля 1940 г. во исполнение постановления Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов

СССР от 22 февраля 1940 г. на заводе был организован смотр массового рабочего изобретательства, для проведения которого была образована заводская комиссия, а также комиссии в цехах²⁷.

Таким образом, начиная с первой пятилетки, руководством военной промышленности СССР проводилась системная работа по стимулированию рационализации производства и рабочего изобретательства. В рамках проводимых мероприятий по укреплению обороноспособности страны ей придавалось большое значение. Понимание того, что создание новых, перспективных образцов вооружения неразрывно связано со скорейшим внедрением передовых производственных технологий, требовало форсированной работы с привлечением всех имеющихся ресурсов, и кадровых в том числе. Авторами новых идей, с одной стороны, выступали инженерные кадры, имевшие высшее или среднее образование, полученное как в высших технических учебных заведениях дореволюционной России, так и в послереволюционный период. Часть инженеров, работавших на военных заводах и имевших высшее профильное образование, пришла на предприятия из рядов РККА. Они являлись основными носителями знаний по базовым дисциплинам и, обеспечивая конструкторское сопровождение изготовления опытных образцов и серийного выпуска образцов военной техники, предлагали способы оптимизации и совершенствования производственных процессов и новые подходы к решению конструктивных задач.

Также рационализаторские идеи с предложениями новых способов решения актуальных технологических задач исходили и от представителей рабочих специальностей. Значительное влияние на это оказывал уровень технического образования — рабочие факультеты при профильных вузах и функционировавшие при заводах школы ФЗУ вносили значительную лепту в повышение общей грамотности рабочих кадров.

Основным способом стимулирования изобретательства было формирование и постоянное совершенствование системы морального и материального поощрения, с одной стороны, и введение личной ответственности руководителей предприятий за проведение рационализаторской и изобретательской работы, с другой стороны. Таким образом, основным инструментом для усиления технологического потенциала оборонной промышленности СССР в части стимулирования рационализаторских и изобретательских инициатив было применение

административно-командных методов управления в сочетании с гибкой системой поощрения.

¹ Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. С. 67—68; Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927—1937): Сборник документов / Под ред. А. А. Кольтюкова; отв. сост. Т. В. Сорокина. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2008. Т. 3, ч. 1 (1927—1932). С. 325—337.

² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 7р. Оп. 12. Д. 9. Л. 556 об. — 558 об.

³ Там же. Оп. 9. Д. 318. Л. 54.

⁴ Архив ОАО «Машиностроительный завод “Арсенал”». Ф. «Приказы по заводу». Д. 21. Л. 58, 60—65; Д. 22. Л. 54, 130.

⁵ Там же. Д. 21. Л. 150, 152; Д. 22. Л. 54.

⁶ Там же. Д. 22. Л. 55, 130.

⁷ Там же. Д. 25. Л. 45, 48, 50—52.

⁸ Цит. по: Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927—1937)... С. 494—503. Также см.: Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР... С. 68—70.

⁹ Архив ОАО «Машиностроительный завод “Арсенал”». Ф. «Приказы по заводу». Д. 60. Л. 157.

¹⁰ Там же. Д. 28. Л. 145—145 об.; Д. 29. Л. 69.

¹¹ Там же. Д. 29. Л. 132—132 об., 133—133 об.

¹² Там же. Д. 32. Л. 1, 5, 67—68.

¹³ Там же. Д. 33. Л. 77 об.; Д. 35. Л. 38.

¹⁴ Там же. Д. 35. Л. 4.

¹⁵ Цит. по: Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР... С. 87—88.

¹⁶ Архив ОАО «Машиностроительный завод “Арсенал”». Д. 60. Л. 122; Д. 73. Л. 67.

¹⁷ Там же. Д. 60. Л. 157.

¹⁸ Там же. Д. 70. Л. 90—90 об.

¹⁹ Цит. по: Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927—1937)... М.: ООО «Издательство “ТЕРРА”», 2011. Т. 3, ч. 2 (1933—1937). С. 523—528.

²⁰ Там же.

²¹ Конструкторское бюро «Арсенал»: от артиллерийских орудий к космическим аппаратам. СПб.: Любавич, 2019. С. 58—65.

²² Центральный городской архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1547. Оп. 13. Д. 88. Л. 9.

²³ Архив ОАО «Машиностроительный завод “Арсенал”». Д. 85. Л. 126; Д. 86. Л. 7—8.

²⁴ Там же. Д. 91. Л. 45—48.

²⁵ Там же. Ф. «Приказы НКВ СССР». Д. 2. Л. 49—55; Ф. «Приказы по заводу». Д. 95. Л. 80.

²⁶ Там же. Ф. «Приказы по заводу». Д. 98. Л. 34—35, 39.

²⁷ Там же. Д. 98. Л. 53.

П. В. Чернов (Санкт-Петербург)

**ИСТОРИЯ РОССИИ В «ИСТОРИИ
ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КОННОЙ АРТИЛЛЕРИИ»
В. А. АБАЗЫ**

В О ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. военное руководство России пришло к заключению о необходимости создания и распространения в войсках исторической литературы воспитательного характера. Именно боевая история, включённые в неё примеры героизма и самопожертвования призваны были произвести должное действие на умы и сердца личного состава воинских частей. Практически в каждой «полковой летописи» содержится фрагмент, где говорится об этом¹. К тому же в связи с повышением грамотности призывного контингента в солдатской среде «обнаружился спрос на сочинения серьёзные и положительно полезные»². Важное место среди этих книг и брошюр занимали полковые истории, написание которых в последней трети XIX — начале XX в. приняло поистине массовый характер³.

Публикации этого рода изучены в последние десятилетия в различных аспектах⁴. Но при этом недостаточное внимание обращалось на их роль в формировании массовых представлений об истории России, о месте этих трудов в формировании национальной (российской) и корпоративной (общearмейской и «по роду войск») идентичности. В обоих случаях речь идет о складывании в умах военнотружущих объединяющих их представлений о прошлом, причём представлений героического характера, способствующих пробуждению патриотических чувств, формированию политических убеждений, которые благотворно влияют на обстановку в государстве. Общая память о былых походах, испытаниях и победах является одним из самых действенных инструментов формирования того, что называют «братством по оружию». Совместная

служба в военное и мирное время считалась важным средством интеграции различных народов (и прежде всего — национальных элит) в имперские системы дореволюционной России⁵.

Во всех странах существует ряд названий географических объектов, которые по сути являются не только памятными местами, связанными с важными событиями прошлого, но и так называемыми «местами памяти». В последнем случае каждое упоминание о них становится актом апелляции к ним как к культурному и политическому символу. Для всех россиян Бородино и Севастополь означают в гораздо большей степени не село под Можайском и не город на Крымском полуострове, а триггер для актуализации образов Отечественной войны 1812 г. и обороны главной базы Черноморского флота в 1854—1855 гг. и в 1942 г. Более того, эти слова стимулируют обращение к тому историко-культурному комплексу, который обычно называют «славное боевое прошлое России», что в свою очередь составляет часть багажа и инструментария различных политических сил, действовавших в минувшие годы и действующих сейчас. То же самое применимо и к фамилиям героев и военачальников. Михаил Кутузов и Денис Давыдов — фигуры «великой години», Алексей Ермолов и Архип Осипов — Кавказской войны, Павел Нахимов и Пётр Кошка — осады Севастополя в годы Крымской войны.

В 1896 г. состоявший при Главном артиллерийском управлении генерал-лейтенант Виктор Афанасьевич Абаза (1833—1898) опубликовал «Историю Лейб-гвардии Конной артиллерии», что укладывалось в традицию издания юбилейных работ, поскольку тогда исполнялось 100-летие со дня появления такого вида артиллерии в гвардейском корпусе. Анализ текста позволяет сделать ряд выводов о роли подобных изданий в складывании корпуса печатных материалов, отражающих пути продвижения исторических знаний в российском обществе пореформенной поры.

В это время авторы полковых историй, которые внесли огромный вклад в популяризацию военной истории России, могли опереться на солидный фундамент сочинений академического характера и публикаций источников. Во второй половине XIX — начале XX в. по всем вооружённым конфликтам имперского периода одна за другой появлялись работы маститых ученых — М. А. Богдановича, Н. Ф. Дубровина, А. И. Михайловского-Данилевского, Д. А. Милютина, Ф. А. Фадеева и других авторов.

В 50—60-е гг. XIX в. под воздействием внимания к событиям Крымской войны и особенно — обороны Севастополя наблюдался крупный по масштабам прилив общественных интересов к эпохе 1812 г.⁶, который был отмечен изданиями и переизданиями различных записок об этом событии отечественной истории. Историки полков, прославившихся на Кавказе, кроме архивных документов, хранившихся в Тифлисе и Петербурге (материалы штаба Кавказского корпуса) и в столице (материалы военного ведомства), располагали громадной по объёму и очень профессиональной по исполнению публикацией «Актów, собранных Кавказской археографической комиссией». С 1876 по 1912 г. ежегодно издавался «Кавказский сборник», подготовленный Военно-историческим отделом штаба Кавказского военного округа⁷. В программной статье этого издания говорилось, что главной задачей редакции является достижение того, «чтобы предания о былом не угасали, чтобы имена и подвиги представителей военной славы были бессмертными для будущих поколений»⁸. В период с 1858 по 1890 г. «Военный сборник» напечатал более 550 материалов военно-исторического характера (специальные статьи, воспоминания, переписка, документы)⁹. Академические исторические труды и публикации документов, посвящённые царствованиям XVIII—XIX вв., облегчали работу по созданию историй гвардейских полков вследствие тесной связи этих воинских формирований с институтом самодержавия.

Кульτ Петра Великого являлся в России своеобразным светским культом. В «Истории л-гв. Конной артиллерии» тон поклонения этому царю-реформатору задан цитатой из трудов С. М. Соловьёва: «Только христианство и близость к нашему времени избавили нас от культа этому полубогу и от мифических представлений о подвигах этого Геркулеса»¹⁰. Автор настойчиво проводит мысль, что отечественная артиллерия развивалась под непосредственным руководством этого царя, что бомбардиры начала XVIII в. были семьёй императора¹¹. В ответ на устоявшийся тезис о том, что отцом конной артиллерии был прусский король Фридрих Великий, автор книги об этом виде войск в России применил следующую формулу: идея создания высокоманевренных батарей родилась в голове Петра I, а развитие она получила только полвека спустя уже в мозгу правителя Пруссии¹².

Общей особенностью военно-исторических мифов, нацеленных на формирование представлений о героическом прошлом,

является умолчание о проигранных сражениях и войнах. Если такое оказывается неудобным, военная неудача представляется «победой духа», внимание акцентируется не на исходе битвы, а на подвигах отдельных частей, а также отдельных солдат и офицеров. Этим объясняется существующая диспропорция между объёмом текстов о «неудачах» в текстах, касающихся в целом Наполеоновских войн, и в текстах по истории отдельных полков. Русская армия потерпела сокрушительное фиаско при Аустерлице и Фридланде, и об этом в текстах первого характера говорится с максимально возможной лапидарностью. Таковую же краткость обнаруживают также истории тех воинских частей, которые в 1805 и 1807 гг. испытали горечь поражения. А вот в летописях полков, сумевших проявить героизм в злополучных сражениях, эти эпизоды войн начала XIX столетия представлены с максимально возможными подробностями¹³. Гвардейская конная артиллерия в обоих случаях оказалась на высоте положения, и в поражениях её вины не было. Под Аустерлицем в руках неприятеля оказалось много пушек, что являлось неоспоримым признаком разгрома. На этом фоне тот факт, что русская конная артиллерия сохранила все свои орудия, даже оказавшись в сложном положении, представлял её в самом выгодном свете.

При формировании представлений о прошлом важную роль играют герои, которые представлены в канонической национальной исторической традиции почти исключительно в положительном свете. Но немалое значение имеют и образы так называемых «антигероев». Им даются негативные характеристики, им отказывают в профессионализме и в умственных способностях, обвиняют в аморальности и т. д. В большинстве случаев акцентируется внимание на их конфликтах с теми, кто заслужил статуса «положительного персонажа» в отечественной истории. Не требует пространный обоснования утверждение о том, что император Павел I, его любимец генерал от артиллерии А. А. Аракчеев (1769—1834) и генерал от кавалерии Л. Л. Беннигсен (1745—1826) принадлежат к числу тех, кому в массовом историческом российском сознании выставлена неудовлетворительная оценка. Проявления этого негативного отношения к указанному царю в дореволюционной историографии и мемуаристике сдерживалось только писанными и неписанными требованиями к текстам о персоне императора.

Как известно, одной из главных претензий к Павлу I в отечественной историографии и мемуаристике является обвинение

в отказе от «истинно русских традиций» в военном деле и в насаждении пруссачества. Редкий текст о его царствовании обходится без указания на конфликт на этой почве императора с А. В. Суворовым. Образу этого великого полководца придаётся характер безупречного эталона, достойного подражания во всех отношениях. Однако автор книги по истории конной артиллерии заметно выделяется своим «добрым словом» в адрес этого императора, нелюбимого многими, указывая на то, что их вид оружия обязан своим существованием этому правителю, и что именно он сделал много полезных нововведений. Более того, это царствование в целом представлено очень комплиментарно¹⁴. «Конная артиллерия и лейб-гвардии конная артиллерия обязаны своим существованием императору Павлу I Петровичу», — это недвусмысленное утверждение задаёт тон той части книги, где говорится о рубеже XVIII—XIX вв.¹⁵ Артиллеристов не затронул масштабный социальный эксперимент — устройство военных поселений, не вполне справедливо считающихся детищем А. А. Аракчеева. Это обстоятельство вкупе с несомненными заслугами данного военного деятеля в области усовершенствования артиллерии, и в целом — в развитии российской военной администрации, объясняет то, что в истории гвардейской конной артиллерии образ Аракчеева не выглядит написанным чёрными тонами¹⁶. Уже упомянутое выше обстоятельство — внимание автора истории конной гвардии к войне 1806—1807 гг., которая закончилась для Александра I поражением, повлекшим заключение Тильзитского договора, крайне невыгодного России, автоматически фокусировало внимание на Л. Л. Беннигсене. За этим военачальником закрепился образ «немца-интригана» из-за его разногласий с М. И. Кутузовым в 1812 г., что совершенно затмило его безусловные заслуги. Но в книге В. А. Абазы мы видим портрет полководца, который сумел в битве при Прейсиш-Эйлау поставить на грань поражения самого Наполеона Бонапарта.

Большинство авторов различными способами старались доказать, что история их части своими корнями уходит в глубь веков. Для пехоты и регулярной кавалерии с их давней полковой организацией основным средством решения такой задачи была своеобразная генеалогия, позволявшая выявлять «предков». Стабильная практика использовать кадры одних полков для формирования других частей предоставляла для того много способов. Никого не удивляло, что у воинской части, сформированной

во второй половине XIX века, оказывались регалии с надписями о подвигах более ранних эпох. Например, Северский драгунский полк, появившийся в списках русской армии в 1856 г., имел надписи на штандарте о боевых отличиях в 1826—1853 гг.¹⁷ У гвардейской конно-артиллерийской бригады не имелось предков ранее 1796 г., когда взошедший на престол Павел I сформировал Лейб-гвардии артиллерийский батальон. Не существенно изменяла ситуацию и ссылка на то, что конная артиллерия была в составе кирасирского полка так называемых «Гатчинских войск» с 1787 г. Относительная «молодость» части создавала проблемы с так называемым старшинством, важным показателем престижности службы, поскольку в вооружённых силах из-за традиционного уважения к родовитости укоренение в седой древности само по себе считалось важнейшим достоинством. Кроме того, «рождение» на рубеже XVIII—XIX вв. автоматически отделяло прошлое воинского коллектива от легендарных побед петровской и екатерининской эпохи.

Автор работы по истории гвардейской артиллерийской бригады сделал оригинальный ход, начав изложение со времен библейских, упомянув о метательных машинах IX века до н. э. Первое применение катапульта на Руси отнесено в книге к X в. уже н. э. О повышенном внимании В. А. Абазы к возрасту отечественной артиллерии свидетельствует его недоверие к «составителям учебников русской истории», которые датировали первое использование пушек в России в 1389 г. Он полагал более правильным считать такой датой 1382 г., когда москвичи отбивали набег хана Тохтамыша¹⁸.

Далее два десятка страниц уделены грандиозным преобразованиям Петра Великого, в историю которых умело вплетены факты развития отечественной артиллерии, что в совокупности не оставляет сомнений, что пушечное дело — детище великого самодержца, одним из неофициальных и легендарных именовании которого было «господин бомбардир». Более того, в книге сказано, что «Бомбардиры никогда с Петром не расставались, служили ему на сухом пути и на море, во время войны заведовали царской кухней, составляли, так сказать, походный дом государя»¹⁹.

Абаза сумел решить и непростую задачу авторства создания конной артиллерии, способной благодаря своей высокой подвижности оказать на поле боя поддержку не только пехоте, но и кавалерии. Впервые эту тактическую новинку применил король Фридрих Великий, но безоговорочное признание прусского

приоритета в этой области удалось обойти с помощью оригинальной схемы. Пётр Великий был назван автором идеи, а германский король-воин определен как человек, эту идею окончательно развивший²⁰. При этом решительно отрицается положительная роль последнего фаворита Екатерины Великой генерал-фельдцейхмейстера П. А. Зубова (1767—1822), представившего в 1794 г. императрице проект учреждения конной артиллерии²¹.

Общая схема развития в XVIII столетии Российской государственности и вооружённых сил как главнейшей её части выглядит следующим образом: бурные перемены при Петре Великом, затем — тёмное время его бесталанных преемников, тянувшееся почти сорок лет, и, наконец, новый взлёт при Екатерине Великой, ставшей преемницей и продолжательницей дел знаменитого царя-реформатора. Этой схемы В. А. Абаза придерживается лишь отчасти. Упомянув израильского царя Осию, Дмитрия Донского, Ивана III, Ивана IV и ещё два десятка государственных деятелей разного ранга, он не счёл нужным уделить несколько строк правителям Российской империи с 1725 по 1763 г. Безоговорочное принятие такой схемы усложнило бы изображение Павла I, который для артиллеристов был таким же членом своей корпорации, как и Пётр I. Об Екатерине II говорится мимоходом, поскольку эта выдающаяся правительница не стала знаковой фигурой в корпоративном варианте военной истории «для пушкарей». Более того, в заголовке главы, посвящённой второй половине XVIII в., сказано: «Признанный историей упадок русской артиллерии в царствование Екатерины II»²².

Одним из самых популярных сюжетов истории Отечественной войны 1812 года была партизанская война, которую развернули крестьяне, отбивавшиеся от французских мародёров, а также армейские отряды, действовавшие на коммуникациях Наполеона. Маневренный характер таких операций минимизировал применение орудий, но В. А. Абаза нашел способ связать свой род войск со столь выигрышным историческим сюжетом: «Давыдов, подполковник Ахтырского гусарского полка, был первым партизаном 1812 года, которому правительство доверило строевого солдата. Новый способ войны нашел многих последователей, из которых Сеславин и Фигнер были офицерами гвардейской конной артиллерии»²³.

Генерал Алексей Петрович Ермолов (1777—1861) был известен всей России прежде всего как «покоритель» Кавказа, как герой

Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг. Но в истории гвардейской конной артиллерии мы видим его прежде всего самым знаменитым представителем конной артиллерии и более никем²⁴.

Истории полков Гвардейского корпуса имеют ещё одно заметное отличие от летописей полков армейских: гвардейцы претендовали на роль личной охраны самодержцев, на лидерство в имперской элите и потому всеми способами демонстрировали приближённость к царской фамилии. В летописях частей столичного гарнизона «августейшие персоны» упоминаются неизмеримо чаще, чем в книгах армейских полков. Обратной стороной этой «приближённости ко двору» стала проблема, связанная с ролью гвардейцев в событиях 14 декабря 1825 г. в Петербурге, поскольку осуждённые декабристы состояли в 14 частях, составлявших Гвардейский корпус. В этой связи В. А. Абаза счёл нужным отметить, что только один офицер-конно-артиллерист (подпоручик С. И. Кривцов) из числа включённых в «Алфавит бывших злоумышленных тайных обществ» был осуждён на каторжные работы. Провинность остальных следственная комиссия постановила «оставить без внимания»²⁵.

Полковые истории, описывая в различных комбинациях и в разной степени подробности успехи русского оружия, способствовали тому, чтобы в широких массах населения России формировались сходные представления об эпохальных викториях, о героях и видных полководцах. Такое единство взглядов на прошлое является одним из важнейших инструментов складывания национальной идентичности, причём в том виде, в котором это было выгодно власти. Полковые истории способствовали формированию и укреплению корпоративной идентичности. Принадлежность к социальной группе, имеющей общие героические предания, приверженной общим традициям и имеющей общие моральные ценности, в значительной степени осознавалась путём признания общего исторического пути.

Книга, написанная генералом В. А. Абазой, представляет собой образец исторической литературы, которая играла важную роль в воспитании личного состава вооружённых сил России путём формирования единых представлений о прошлом отечества и складывания осознания принадлежности к определённой профессиональной и социальной общности.

- ¹ Казбек Г. Н. Военная история Грузинского гренадерского... полка в связи с историей Кавказской войны. Тифлис, 1865. С. II; Петров А. К. История 83-го пехотного Самурского полка. Петровск, 1892. С. 728; Урусов С. П. История 4-го Лейб-драгунского Псковского Её Величества полка. 1701—1883 гг. СПб., 1886. С. VIII.
- ² Андреев А. П. Подарок солдату к 250-й годовщине 13-го Лейб-гренадерского Эриванского его величества полка (б. Бутырский полк). 1642—1892. СПб., 1892. С. 2.
- ³ Беловинский Л. В. Истории полков русской армии // Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 88—90; Бобровский П. О. Истории полков русской армии // Пособие для составления полковых историй и устройства музеев / Сост. А. И. Григорович. СПб., 1906. С. 1—14.
- ⁴ Печень Н. А. Воспитание воинов российской армии отечественной историей (вторая половина XIX в. — февраль 1917 г.): опыт, проблемы, уроки. Дисс. ... докт. ист. наук. М., 2000; Хохлов И. В. Исторические традиции гренадерских и пехотных полков русской армии: опыт изучения и сохранения: 1874—1918. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 2006.
- ⁵ Лапин В. В. Армия в империи — империя в армии: организация и комплектование вооруженных сил России в XVI — начале XX в. // *Ab Imperio*. Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2002. Т. 4. С. 109—140.
- ⁶ Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 256.
- ⁷ Захаров В. А., Кравцова Т. Ю. Кавказский сборник (К истории дореволюционного издания «Кавказских сборников») // Кавказский сборник / Ред. Н. Ю. Силаев. М.: Русская панорама, 2004. Т. 1 (33). С. 323—326.
- ⁸ Кавказский сборник. Тифлис, 1876. Т. 1. С. IV. (Паг. 1-я).
- ⁹ Военный Сборник. Систематический указатель Военного Сборника 1858—1890 гг. Приложение к Военному Сборнику № 12 за 1891 год.
- ¹⁰ Абаза В. А. История л-гв. Конной артиллерии. СПб., 1896. С. 7.
- ¹¹ Там же. С. 7—9.
- ¹² Там же. С. 12.
- ¹³ Там же. С. 30—34; Козлов Д. Ф. «Краткая боевая история 117-го Ярославского пехотного полка». Рогачёв, 1913. С. 30—33.
- ¹⁴ Абаза В. А. История л-гв. Конной артиллерии. С. 15—27.
- ¹⁵ Там же. С. 15.
- ¹⁶ Там же. С. 23—26.
- ¹⁷ Корганов А. С. История 45-го драгунского Северского полка. Тифлис, 1884. С. 9.
- ¹⁸ Абаза В. А. История л-гв. Конной артиллерии. С. 3—5.
- ¹⁹ Там же. С. 8.
- ²⁰ Там же. С. 12.
- ²¹ Там же. С. 21.
- ²² Там же. С. 7.
- ²³ Там же. С. 59.
- ²⁴ Там же. С. 40—43, 51, 60.
- ²⁵ Там же. С. 72.

А. А. Черноусов (Санкт-Петербург)

ЖИЗНЬ И БЫТ ОФИЦЕРОВ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

СЕВАСТОПОЛЬ имеет долгую и богатую историю. Город был основан в 1783 г. как главная база Черноморского флота. Строительство и развитие Севастополя тоже неразрывно связано с флотом. Особенностью города являлась его транспортная оторванность от метрополии в течение почти ста лет. Отсутствие дорог, способных обеспечивать свободное перемещение большого количества людей и грузов, приводило к тому, что Севастополь рос и развивался в собственном микроклимате. Особенности городского быта и флотских традиций также формировались на протяжении долгого времени в достаточно замкнутом обществе, сложившемся вдалеке от столиц. Одним из наиболее интересных в этом отношении периодов являются 20—30-е гг. XIX в. В это время Черноморский флот в отличие от Балтийского являлся воюющим флотом, а в 1830-е гг. произошёл серьёзный перелом в укладе жизни и службы Черноморского флота, связанный с приходом к руководству им адмирала М. П. Лазарева.

В конце 1820-х гг. в Севастополе большинство офицеров не получало системного образования в кадетском корпусе. Детей воспитывали и обучали родители или приставленные к ним офицеры. В дальнейшем они проходили практическое обучение на кораблях флота и затем назначались на офицерские должности. Подавляющее большинство жителей Севастополя в той или иной мере было связано с флотом. Именно так формировалось представляющее собой особый феномен общество, воспитанное на флотских традициях, которое впоследствии оказалось способно противостоять существенно превосходящим силам агрессора во времена Крымской и Великой Отечественной войн.

Автору представляется интересным заглянуть в это общество, увидеть, как был организован быт и досуг офицеров, чем они жили, как воспитывали и учили детей. С этой точки зрения интересна всеподданнейшая записка флигель-адъютанта капитана 2-го ранга Николая Петровича Римского-Корсакова¹ от 7 февраля 1829 г.², обнаруженная в Российском государственном архиве Военно-Морского флота.

В 1829 г. по приказу императора Николая I флигель-адъютант капитан 2-го ранга Н. П. Римский-Корсаков был командирован в Севастополь для ревизии Севастопольского порта и осмотра госпиталей. Это связано с дошедшей до императора информацией о масштабных злоупотреблениях на Черноморском флоте. По результатам ревизии Римского-Корсакова на Черноморский флот был отправлен ещё ряд ревизий, во время одной из которых был отправлен ревизор капитан 1-го ранга А. И. Казарский. Надо отметить, что доклады ревизоров императору о состоянии дел на флоте и даже смерть Казарского так и не привели к реальной борьбе со злоупотреблениями на Черноморском флоте до момента назначения на должность Главного командира Черноморского флота М. П. Лазарева.

Записка не является изложением результатов ревизии — о них Римский-Корсаков докладывал отдельно. Она содержит описание общего состояния дел в Севастополе и на флоте.

Римский-Корсаков как человек, не связанный службой с Черноморским флотом, являет сторонний взгляд столичного офицера, который наблюдал за жизнью флотского сообщества в Севастополе с особым вниманием для подробного доклада императору. Как человек военный, он замечал и фиксировал не только быт, но и сугубо военные аспекты. Он обращает особое внимание на состояние воинской дисциплины, подготовку и моральный дух офицеров, дает общую характеристику Черноморскому флоту в сравнении с Балтийским. Немаловажный аспект, фиксируемый Н. П. Римским-Корсаковым — вопрос политической благонадежности. Это связано с политикой, проводимой Николаем I после восстания декабристов. Севастополь, находившийся в определенной изоляции от центральной России, по свидетельству Николая Петровича, был далек от политики. Тем не менее спустя год произошло Севастопольское восстание (чумной бунт) с убийством градоначальника Н. А. Столыпина.

Документ представляет собой писарскую копию, хранится в Российском государственном архиве Военно-морского флота в фонде «Документы контр-адмирала Римского-Корсакова». Он публикуется по современным правилам правописания, с сохранением стилистических особенностей источника. В местах неразборчивого текста поставлены многоточия.

«Госпитальные дела удержали меня здесь 9 суток. В продолжение сего времени я старался обзнакомиться с офицерами и узнать образ их жизни, их поведение, рвение к службе и духе.

В Севастополе каждый шаг офицера виден. Город так невелик, что тут ничто не скроется, все друг друга знают, и поступки одного никогда не могут быть тайной для другого. Образ жизни их точно такой же, какой был и за 20 лет тому назад, с весьма немногими изменениями, и нет причин, которые могли изменить его много.

Город стоит на краю империи и весь наполнен такими офицерами, из коих самая наибольшая часть тут родилась, выросла, состарилась и передала своим детям тоже, что получила от отцов и дедов, те же привычки и те же обыкновения. Это одно отдельное семейство, которое или живет в море, или в Севастополе, ничто к нему не входит и ничто не изменяется.

Кампания кончилась — и офицеры перебираются на берег, живут по одному или по несколько человек вместе. Но служба так прочно их соединила, что с переездом на берег и дружество, и все отношения остаются те же, что и на корабле. Все друг с другом водятся, собираются у одного ли у другого и таким образом, смотря по чинам и летам, составляют между собой разные общества. Высший круг составляют адмиралы, потом старшие капитаны и младшие капитаны, и так далее до лейтенантов и мичманов. И как везде живут только одним жалованием, то нигде нет роскоши, но нет и бедности, они живут без нужды. Никто не скучает и каждый весел по возможности.

В кругах младших веселость сия есть наибольшая, но и не всегда пристойная, она часто преступает границу приличия и доходит иногда до некоторого буйства. Но однако не до того закоренелого буйства, которое три года тому назад и здесь, и в Балтике было так обыкновенно. Ваше Императорское Величество переменяло, и весь флот воскрес, и всё получило другое направление. Теперь каждый офицер чувствует себя иначе, и иначе себя ведёт, и буйство само собой исчезло. Но следы ещё остались.

Пьянства вовсе нет, но нетрезвость бывает. В здешнем клубе случается, что во время бала офицер выпьет, на шумит и делает даме дерзость. В таких случаях обыкновенно поступают так: зовут ружейных, которые для бала всегда особенно наряжаются, возьмут офицера, что без грубостей не обходится, и посадят его на блокшив³ “Венеру”, а на другой день выпускают, и тем всё кончается.

Нетрезвость не есть общая, она принадлежит очень небольшому числу только таких офицеров, которых никакое время не исправит, и которые в дурных своих свойствах укрепились или приобретают их вновь от послабления начальства. Вообще же господа офицеры ведут себя отлично хорошо, и чтобы сему корпусу быть так же отличнейшим и по службе, ему недостаёт только одного: хорошей дисциплины. На неё жалуются многие капитаны и говорят, что она совсем не такова, какова должна быть, что офицеры грубы и по службе не очень исполнительны. Я не смею умолчать, что в этом не правы и сами капитаны. Офицер делает грубость капитану или по совершенному к нему неуважению, или просто по буйным своим свойствам. В первом случае виноват сам капитан, а второе непосредственно зависит от адмирала: два—три примера — и такие характеры исчезнут.

Если капитан своё дело знает хорошо, хорошо обращается и сам чтит во всём, то есть: не имеет счётов с экипажем, с корабельным комиссаром, с шкиперским содержателем, с ревизором и непричастен к торгам и оборотам, то непременно все подчинённые его любят. Офицеры обыкновенно желают и даже требуют, чтобы капитан их имел все сии три достоинства. Худо, нежели капитан не имеет первого достоинства или второго, но всего хуже, если нет третьего. Никакие познания сего не заменят! Такой капитан никогда не может держать порядка. Офицеры в нравственном отношении невольным образом чувствуют себя его выше, и хорошей дисциплины уже не может быть. Повиновение есть, и приказы выполняются, но всегда неохотно и с ропотом, и не только выговор такого капитана, но и самое слабое замечание всегда принимается с огорчением и с досадою, и за это офицеры всегда выискивают случай, чтобы как-нибудь его уколоть, упрекнуть и сделать ему грубость. Капитан обижается, но всё переносит. Он боится быть взыскательным, боится, чтобы форменный взыск не вывел наружу всех его поступков, а потому от строгости уклоняется и смотрит на службу сквозь пальцы. Ему

грубят, а он молчит и нередко прибегает к тайному мщению: аттестует офицера хорошо, а прибавкою положит ему чёрный шар⁴. А сим третьим достоинством не многие черноморские капитаны могут похвастать. Счёты и торги у них и до сих ещё пор в таком же обыкновении, в каком некогда были в Балтийском флоте.

К тому же наибольшая часть черноморских капитанов суть греки, и хотя многие из них люди очень хорошие и хорошие офицеры, но уже довольно быть греком, чтобы русские его не любили, ненависть к ним есть общая всем здешним русским, и она дошла теперь уже до такой степени, что у русских слово грек сделалось бранным словом.

К сим двум... я осмеливаюсь присоединить и третью, и наиважнейшую, а именно воспитание черноморских офицеров.

Черноморский офицер воспитан и подготовлен для службы совсем не так, как теперь приготавливают в морском корпусе. Воспитание в корпусе возведено Вашим Величеством в наивысшую степень совершенства, и оно не имеет ни малейшего сходства с воспитанием нашего времени. Время нашего воспитания разделялось на две части — на несистематическое преподавание наук и гибельную для нравственности праздность. Нам преподавали всё — и ничего основательно, а от того иное мы недоучили, и иное переучили, и ничему не выучились порядочно. Всё шло и наполняло одну только память, а до понятия редко достигало. Но память с годами ослабела, и теперь в голове каждого из них осталось очень немного.

Нравственность же наша независимо даже от той меры добра и зла, которая в каждом человеке есть от рождения. Полная свобода делать всевозможные шалости всегда уменьшала меру добрую и увеличивала дурную. Мы знали, что через известное число лет мы непременно будем офицеры, а потому всегда смело и шалили, и ленились. Нас жестоко наказывали, но всегда наказывали тело и никогда не действовали на мораль. Мы привыкали грубить, ничего в нас не развивалось, ничто не было образовано. Мы выходили из корпуса — так — каким-нибудь, и хорошим, и дурным, как случится. Но никогда не случалось, чтоб хороших было больше, а всегда дурных выходило вдвое против хороших.

Теперь курс наук преподают кадету самый полный, по лучшей методе и лучшими учителями, и за ними такой внимательный, бдительный и просвещённый надзор, что офицер уже может

выйти недоученный, но непременно будет выходить с отличным образованием всевозможным природным способностям каждого, время, остающееся от учения, теперь употреблено на занятие ружьём. А занятие сие приносит три наиважнейших пользы: сохраняет нравственность, приучает к повиновению и укрепляет тело. После класса кадет не имеет ни одной той праздной минуты, в которую обыкновенно входят в голову разные шалости, он занят беспрестанно, ему некогда об них и думать. И нравственность его чиста и ещё направлена и улучшена тем ежеминутным повиновением, в котором, стоя под ружьём, он находится. Стоя под ружьём, кадет не может приобрести никаких тех дурных ухваток, которые на наших выпусках так заметны. Он каждую секунду на глазах начальника и старается держать себя по тем правилам, которые есть наилучшие.

Приготовление же черноморских офицеров совсем другое. Черноморские офицеры по большей части суть дети капитанов и воспитываются у них дома, поэтому нравственность их и их свойства, добрые или худые, остаются те же, какие имеет отец, с большим или меньшим изменением. Их учитель — обыкновенно есть или штурман (других же учителей здесь вовсе нет), или сам отец. Но штурман кроме навигации ничего не знает, а отец и сам учился ещё в то время, когда никто ничему не учился. А хотя и знал, но уже с годами многое позабыл, и уже не может сыну преподавать всё то, что нужно для хорошего морского офицера. Следовательно, обучение и познание детей гораздо здесь ниже против того, какое преподаётся теперь в Морском корпусе.

(И я решительно смею сказать, что вообще образование балтийских офицеров гораздо выше черноморских, но не офицеров морской артиллерии. Здесь артиллеристы несравненно лучше образованы, нежели артиллеристы балтийские, и даже гораздо лучше против здешних морских.)

По предварительном обучении сын поступает гардемаринном на корабль или к другу отца, или к самому отцу (что непременно всегда бывает), там он занят одними рассылками по кораблю и на гребных судах, и больше ничем. Занятие счислением, журналом, записками и классом суть только предполагаемое. Остальное время он проводит в праздности и по большей части в шалостях, а на корабле у отца он только меньше шалит, но зато под командою не у капитана, а всегда у такого отца, который не столько просвещён, чтобы иметь твёрдость не делать сыну излишних

снисхождений, он видит в нем не гардемарина, но ещё ребёнка, который ещё успеет выучиться, и ему потворствует, а офицеры на корабле обходятся с ним тоже не как с гардемаринном, а как с сыном капитана, и так же ему потворствуют. Такой гардемарин обыкновенно очень худо стоит на вахте, ночью спит, днём часто бегаёт вниз, а в дождливое или бурное время иногда и совсем наверх не выходит, и таким образом с самых юных лет он привыкает отлыниваться, нежиться и служить как-нибудь. Сверх того, потворство родит в нём капризы, какую-то свою волю и приучит его к словам — хочу, не хочу, которые, наконец, никакое понятие о повиновении к нему не допускают.

После трёх таких кампаний, в продолжение которых он только что укоренится в дурном, а полезное ничего не приобретёт (практика, приобретаемая им, всегда практика только гардемаринская, всегда и очень мала, и гораздо меньше гардемаринской в морском корпусе) гардемарина экзаменуют, но как экзаменаторы тоже отцы или их друзья, то, обыкновенно, знает он или не знает — всё равно отметка всегда одна и та же, и всегда очень хорошая, а об поведении никто не спрашивает — и он офицер.

Такой офицер уже конечно не тот, который выпущен из корпуса. Он дурно учился и взрос в потворстве, следовательно, для службы приготовлен очень худо, и разница между ними так заметна, что взглянувши на двух, тотчас можно сказать, кто воспитывался здесь и кто в морском корпусе. Но всего приметнее выпущенные в прошлом году — преобразованием корпуса они пользовались только два года, но уже многое приобрели, и особенно выиграла их наружность, каждый из них чище одет, лучше выправлен, развязнее, живее и по службе расторопнее. И все капитаны отзываются об них с похвалою, и хотя и неохотно, но отдают им преимущества перед своими — и нельзя не отдать, один для службы уже готов, а другого еще надобно перedelывать.

(...)

Все три причины (неправость капитанов, ненависть к грекам и дурное воспитание) вместе взятые делают дисциплину в Черноморском флоте не такову, какова она должна быть.

Но при всём том она не совсем худа: очень многие офицеры знают службу как должно, и при всех недостатках воспитания очень многие не столько любят праздность, сколько полезное чтение (чему здешняя библиотека подаёт все способы).

В продолжение 9 дней я видел приготовление флота. Адмиралтейство пусто, в магазинах⁵ ничего нет, и флот во всём нуждается. И вообще в порте нет того движения и нет той деятельности, какова должна быть в военное время за три недели до выхода флота в море. Сей недостаток стесняет каждого, все на него жалуются, и никто не может действовать всей силой своего усердия. Но ревность видна во всех, каждый рвется делать всё, что может, и с нетерпением желает бежать в море и быть под ядрами.

Дух же офицеров есть самый наилучший, здесь никто не начинён новостями, никто их не слушает и никаких не делает решительных заключений, и никто с видом серьёзным и тоном глубокой обдуманности не выдаёт свой пустой набор слов за общее мнение. Здесь каждый знает свои обязанности и об них только и заботится, а в чужое не ползет, и не путается и не вязнет ни в стратегии, ни в постановлениях, и никто не мечтает, что его план офицерский есть план чрезвычайно важный. Здесь каждый знает, что всякие его планы есть небольшие. И вообще никогда предметом разговоров не бывает политика или какие-нибудь критические разборы, но всегда Анапа и Варна⁶, и особенно пребывание Вашего Величества на корабле “Париж”⁷. (...)

Все сии разговоры и общая решительная готовность совершенно удостоверяют, что милостивое внимание, оказанное Вашим Императорским Величеством черноморским офицерам, произвело над ними то самое действие, какое оно всегда и над каждым производит: преданность... Одним словом, дух черноморских офицеров таков, что Вашему Величеству стоит только указать неприятеля, чтобы поздравить себя с победой.

7-го февраля 1829 года

Город Севастополь».

Использованные источники:

РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 20. Л. 1—8.

¹ Николай Петрович Римский-Корсаков (дядя композитора Николая Андреевича Римского-Корсакова) родился в 1793 г. в Санкт-Петербурге. В 10 лет поступил в Морской шляхетский корпус. По окончании корпуса в 1807 г. служил на Балтийском флоте. Во время Отечественной войны 1812 года принимал непосредственное участие в сражениях при Смоленске, Бородино, Малоярославце.

Участвовал в Заграничном походе русской армии 1813—1814 гг., ранен в сражении при Кульме. С 1823 по 1826 г. совершил кругосветное плавание на шлюпе «Предприятие» под командованием капитана 2-го ранга О. Е. Коцебу. В 1828 г. участвовал в русско-турецкой войне, а в 1831 г. — в подавлении Польского восстания. С 1843 г. директор Морского шляхетского корпуса, а с 1844 г. член Адмиралтейств-совета. Скончался в Санкт-Петербурге 31 октября 1848 г. Незадолго до смерти произведен в вице-адмиралы.

² Здесь и далее даты указаны по старому стилю.

³ Блокшив — старое, обычно несомоходное судно, лишенное механизмов, оборудования и используемое для помещения на нём склада, казармы, гауптвахты, лазарета и других служб.

⁴ Речь идет про баллотирование. Баллотирование (баллотировка) — (от итал. Ballotare — избирать шарами) — вид голосования, которое осуществлялось опусканием в специальную урну чёрных и белых шаров (баллов). Баллотирование во флоте офицеров на должности установлено Петром I в 1719 г.

⁵ Магазин (устар.) — склад.

⁶ Имеются ввиду десантная операция Черноморского флота у Анапы и осада и взятие Варны в ходе Русско-турецкой войны 1828—1829 гг.

⁷ Николай I лично руководил боевыми действиями под Варной с борта линейного корабля «Париж» с 27 августа по 2 октября 1928 г.

А. Н. Чубинский (Москва)

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «ПИКИНЁРНЫХ КОПЬЯХ» ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПОЛКА

В НЕСКОЛЬКИХ РОССИЙСКИХ музейных собраниях хранятся копьё (копейные наконечники) характерного дизайна и необычной формы, которые, скорее всего, некогда представляли собою серию оружия, изготовленного в одном месте и в одно время (ил. 1)¹. Обладателем самой большой коллекции таких копий является Государственный исторический музей, также аналогичные предметы хранятся в Музее-усадьбе «Кусково», в Артиллерийском и Центральном военно-морском музеях Санкт-Петербурга; их точное количество нам неизвестно.

Каждое из этих копий имеет наконечник с длинным трёхгранным копьём, в нижней трети длины копьё заметно расширяется, его грани переходят в глубокие доли, а рёбра — в широкие лопасти со сквозными фигурными прорезями. Каждая грань копьёца декорирована поперечными косыми долами, превращающими рёбра в волнистые линии. Продольные прорези в лопастях также имеют волнистые края с гравированными растительными мотивами. Трубка (втулка) копьё коническая, в нижней части на ней вырезан стилизованный растительный орнамент, средняя часть трубки декорирована резными спиральными желобками. Вверху трубка представляет собой резное изображение головы дракона, из раскрытой пасти которого выходит шейка копьё. В нижней части трубки имеются три отверстия для крепежа к древку. Трубка копьё определённо железная, копьёцо, возможно, имеет стальной сердечник. Сохранившиеся древки копий, с нашей точки зрения, поздние, не имеющие прямого отношения ко времени изготовления наконечников. Размеры наконечников

Ил. 1. Копьё (наконечник) с трёхгранным копьецом и резной головой дракона («змеи») на трубке

незначительно варьируются, общая длина опубликованных предметов колеблется от 56 до 62 см.

В настоящий момент значительная часть копий из собрания ГИМ опубликована в Государственном музейном каталоге РФ, все они определяются как русские пикинёрные копья рубежа XVII—XVIII в.² Полностью аналогичное копьё (наконечник) из собрания ЦВВМ считается изготовленным в XVIII в.³ Однако в публикации 2017 г. этот же наконечник был назван солдатской пикой и датирован концом XVII в.⁴ Ещё одно копьё находится в экспозиции ВИМАИВиВС, оно атрибутировано также как пикинёрное копье, состоявшее на вооружении в Преображенском полку Петровского времени. По всей видимости, все эти атрибуции восходят к изданию 1953 г., в котором одно из подобных копий из собрания ГИМ было названо пехотной пикой конца XVII—начала XVIII в., которая служила строевым оружием передних шеренг Преображенского полка до 1721 г.⁵ Именно эту информацию воспроизвёл известный оружейевед Ю. В. Шокарев в «Большой энциклопедии оружия», уточнив, что «перо такой пики в верхней части было трёхгранное с глубокими долами и волнистыми краями»⁶.

Определение этих копий как оружия пикинёров крайне не убедительно. Во-первых, наконечники пехотных пик должны обязательно снабжаться пожилинами⁷, которые на описываемых образцах отсутствуют (трубка могла крепиться к древку лишь тремя гвоздями). Во-вторых, длинное и тонкое копьцо не может являться поражающим элементом пехотного копья, перо которого, как правило, короткое, рассчитано на останавливающее действие. Наконец, описываемые предметы являются подчеркнуто парадными и декоративными, крайне непростыми в изготовлении, что немыслимо для строевого оружия, пусть даже гвардейского.

Радикально иная атрибуция имеется у ещё двух подобных наконечников из московского музея «Кусково» (длиной 58,5 и 58 см, со следами золочения), которые определены как изготовленные в индо-персидском регионе в XVI в.⁸ Автор этой

атрибуции, надо думать, имел в виду часто встречающийся в декоре восточного оружия мотив, в котором изображение хищника или чудовища с раскрытой пастью является как бы ограничителем, отделяющим собственно боевую часть оружия от вспомогательной.

В настоящий момент копейные наконечники из музея «Кусково» являются навершиями знаменных древков, на которых укреплены русские прапоры конца XVII в. с изображениями двуглавого орла и крылатых драконов. Надо полагать, что именно эти два экспоната невольно послужили причиной усугубления гипотезы об оружии русских пикинёров. Исследователь А. В. Чернушкин опубликовал прорисы прапоров в качестве пик гвардейских полков 1700—1732 г., снабжённых прапорцами с изображениями государственного герба⁹. О парадных пикинёрных пиках нам ничего не известно, в равной степени сложно представить пехотную золочёную «спису» с расписным полотнищем длиной заметно более метра. С нашей точки зрения, эти два предмета из музея «Кусково» должны проходить по ведомству вексиллологии. Их металлические навершия — предметы, скорее, оружейные — вряд ли могли быть изготовлены специально для этих прапоров. Наверняка они были установлены на знамённые древки относительно случайно, в силу своей несомненной декоративности. На практике навершием знамени могли служить самые разные предметы, в том числе боевые копейные наконечники. Так, древки двух знамён из собрания Музеев Кремля увенчаны вполне функциональными пиками от пехотного древкового оружия¹⁰, что, разумеется, не даёт основания определить знамёна в целом как предметы вооружения.

Если отвлечься от декоративной составляющей описываемых копий и треугольного сечения копьёца, их общую форму можно определить как характерную для кавалерийского оружия, с относительно короткой трубкой и длинным шиповидным копьёцом¹¹. Копья подобной формы были рассчитаны исключительно на колющий проникающий удар, а крепление трубки к древку гвоздями иногда вообще не было предусмотрено. Принадлежащие к этому типу русские боевые копьёча чаще всего имели поражающую часть квадратного сечения, однако в Музеях Кремля (как и в Оружейной палате XVII в.) хранятся и трёхгранные в сечении копьёча с лопастями в нижней части копьёца¹².

Трёхгранные копыя редко встречаются среди русского оружия, происхождение которого не связано с царской оружейной казной. Наиболее ранние образцы, о которых мы имеем какое-то представление, происходили из арсенала князей Мстиславских 1622 г.¹³, это «копьё русское на черкасское дело троегранное, [перо] и яблочко и тулея наведено золо[том]... копьё троегранное булутное, меж граней [ми]шени наведены золотом»¹⁴. Их изготовление можно отнести к XVI — началу XVII в. В документном апреле 1670 г., сообщалось, что «зделано в Оружейной полате сто копей железных сталных троегранных с перьями, и велено те копыя воорудить на длинные деревья кленовые и ясеневые», указывалась длина древка — шесть аршинов; неясно, были ли эти древки в результате изготовлены¹⁵.

Согласно документу 1671 г. о пожаловании донских казаков, двум атаманам из Оружейной палаты «было отпущено... два копыя кумыцкие, троегранные, деревья на тростяное дело»¹⁶. Название «кумыцкие» не указывает на происхождение оружия, скорее всего, эти два копыя входили в число вышеупомянутых ста, изготовленных в Оружейной палате к 1670 г.¹⁷ Определения «кумыцкие копыя» и «копыя русского на черкасское дело» дают основания предполагать, что кавалерийские оружие с трёхгранным копьём и лопастями исходно было заимствовало русскими у северокавказских народов.

Оружие, сходное с искомым, числилось в Переписной книге царской оружейной казны 1687 г.: «Копьё троегранное тулея осмигранное... от тулеи глава змеиная, из главы копьё... цена копыю три рубли с полтиною»; «два копыя троегранные стальные наведены золотом и серебром местами, тулеи круглые наведены золотом же и серебром, яблочки посеребрёны; цена им по два рубли с полтиною»¹⁸. Предмет, у которого «копьё троегранное... от тулеи глава змеиная, из главы копьё», к сожалению, нельзя сблизить с описываемой группой, так как согласно описанию у него была гранёная, а не «витая» трубка. Но это оружие имело полностью аналогичный дизайн. Документы Оружейной палаты указывают также одно имя мастера, который изготавливал подобное оружие. В начале 1680 г. боярину В. В. Голицыну из царской казны в числе прочего парадного оружия было выдано «копьё стальное Борискова дела Крыгора, у трупки голова змеиная позолочена, из головы копьё на три грани, трубка через грань золочёна и серебрёна, длина копыю и с трубкою аршин... цена два рубли»¹⁹. Длина

Ил. 2. Копьё работы Никиты Давыдова. Оружейная палата, 1630—1640-е гг. Музеи Московского Кремля

этого копья не может служить подтверждением его принадлежности к описываемой серии, как и гранёная трубка. Но крайне ценную информацию дает нам приведённое в документе имя оружейника. Борис Крыгор — мастер-иностранец, работавший в царских мастерских в 1656—1693 гг., долгое время являлся учеником Никиты Давыдова

Ил. 3. Орнаментация трубок копья Никиты Давыдова и «змеиного» копья

(?—1664), однако так и не достиг высот в оружейном деле²⁰. По специализации он был замочником и «прорезных дел мастером», с современной точки зрения его можно уподобить слесарю-фрезеровщику.

Ключевым памятником при атрибуции серии описываемых копий, которые мы далее будем условно именовать «змеиными», является небольшой копейный наконечник длиной 24,5 см (ил. 2) из собрания Музеев Кремля. В документах XVII в. он, возможно, мог носить наименование сулицы или гротика (знамённого навершия)²¹. Анализ орнаментации этого копья позволил нам заключить, что оно выполнено известнейшим мастером Оружейной палаты Никитой Давыдовым в 1630—1640-е гг.²² Дизайн его трубки аналогичен резному оформлению описываемой группы «змеиных» копий, при этом почти точно совпадает стилизованный растительный орнамент в нижней части трубок (ил. 3). Но качество резьбы на серии трёхгранных копий заметно ниже, чем на «сулице» Никиты Давыдова. Эти наблюдения позволили нам первоначально предположить, что «змеиные»

копья были изготовлены мастером Оружейной палаты Борисом Крыгором, который повторил дизайн копейной трубки, разработанный своим учителем Никитой Давыдовым, и использовал его в качестве образцового.

Однако невероятно, что все отложившиеся в музеях России «змеиные» копия, которых сейчас имеется около двух десятков, были сделаны лично Крыгором от начала и до конца. Это очень большая работа, которую в обозримое время один мастер выполнить не способен. Кроме того, манера резьбы и гравировки, декоративные нюансы — существенно отличаются на разных предметах. Это говорит о том, что в создании серии копий участвовал не один мастер. Наверняка в Оружейной палате существовал точный образец «змеинового» копья (с трёхгранным копьём и заметно большими размерами, чем наконечник Никиты Давыдова), который повторяли другие мастера царских мастерских. Лишь этим можно объяснить сходную длину копий и точное следование единому дизайну. Скорее всего, заготовки копий были откованы и начерно обточены кузнецами Оружейной палаты (или Ствольного приказа — подразделения Оружейной палаты, ориентированного на исполнение крупных серий оружия), а резьба выполнена мастерами Оружейной палаты более высокой квалификации. О существовании практики разделения труда при работе над копиями можно судить по двум документам из архива Оружейной палаты, в которых упоминается оружие из пасхального подношения царю Алексею Михайловичу в 1674 г. Согласно одному документу мастер «Кузьма Туленин делал во 182-м году два копия красного железа»²³, согласно другому эти же предметы значатся как «два копия красного железа позолочены, делали Борис Крыгор да Кузьма Туленин»²⁴. Очевидно, что Туленин ковал копия, а Крыгор отделявал.

Чтоб работа над большой серией копий могла быть завершена в приемлемые сроки (скажем, несколько месяцев), количество мастеров, орнаментировавших трубки, должно быть внушительным. Очень примерно мы можем оценить комплекс работ с одним копьём в месяц, примерно столько времени тратил мастер Оружейной палаты для изготовления и отделки ствола охотничьей пищали²⁵.

Вопрос о датировке «змеиных» копий можно решить следующим образом. Помимо упомянутого небольшого копья работы

Никиты Давыдова, источниками змеиных мотивов для исследуемой группы оружия наверняка послужили некоторые стволы огнестрельного оружия работы царских мастеров первой половины — 70-х гг. XVII в. Наиболее декоративные образцы огнестрельного оружия (пищалей, карабинов и пистолетов) работы ведущих самопальных мастеров, начиная со ствольщика первой половины XVII в. Тимофея Лучанинова, имели стволы, дульные части которых представляли собой рельефные изображения голов драконов (в документах они назывались змеями) с выходящим из пасти дулом. Большая часть таких стволов была изготовлена в 1650—1670-е гг. Это дает основания датировать «змеиные» копия третьей четвертью XVII в. Ниже мы постараемся дать ещё более точную датировку копий.

Нам хорошо известны имена тех ствольщиков Оружейной палаты, которые во второй половине XVII в. делали стволы со «змеиными» дульными частями. Это Никита Давыдов, Григорий и Афанасий Вяткины, Ермолай Фёдоров, Василий Титов, Филипп Тимофеев, Бартел Кинеман, Никифор Кобелев и Игнатий Прохоров. Детальное сравнение манеры резьбы на этих стволах с отдельными «змеиными» копиями, возможно, позволит выявить среди последних авторские произведения (за исключением Никиты Давыдова, умершего в 1664 г).

Ил. 4. Навершие знамени работы Бориса Крыгора (?). Оружейная палата, 1660—1670-е гг. (?) Музеи Московского Кремля

Наверняка среди орнаментировавших копия мастеров был Борис Крыгор, но найти его наконечники затруднительно, так как другие его произведения определяются предположительно и не имеют рельефных орнаментальных композиций²⁶. Однако мы можем привести

один аналог, который помог бы в будущем выявить его работы среди исследуемых копий. Это железное ажурное навершие знамени со «змеиной» трубкой²⁷, с большой вероятностью, выполненное Борисом Крыгором (ил. 4). Из документов известно, что этот мастер, специализировавшийся на просечной работе, выполнял знамённые «гротики», например, в 1669 г. упоминается

«прапор, на нём писан по белой тавте архангел Михаил, к прапору гротик прорезной с крестом золочён, серебрён, делал Бориско Крыгор»²⁸.

Ещё одно важное положение нашей статьи — широчайшее распространение змеиных мотивов в декоре оружия в царских мастерских XVII в. Прорезные металлические наконечники со змеями являются лишь одним из вариантов «змеиного» дизайна копий. Речь идет массовом изготовлении в Оружейной палате в первой половине 1670-х гг. других «змеиных» копий, на которых изображения змей изготавливались из ткани (и других материалов) и крепились к древкам. Это оружие описано, например, в часто цитируемой книге члена польского посольства 1674 г. Бернгарда Таннера. При въезде в Москву посольство встречал «невиданный дотоле отряд воинов; цвет длинных красных одеяний был на всех одинаков, сидели они верхом на белых конях, а к плечам у них были прилажены крылья, поднимавшиеся над головой и красиво расписанные; в руках — длинные пики [в латинском оригинале *hastas*, «копья». — А. Ч.], к концу коих было приделано золотое изображение крылатого дракона, вертевшееся по ветру; отряд казался ангельским легионом»²⁹. Большинство исследователей в этой цитате уделяло внимание крылатым всадникам, но нас больше интересует древковое оружие. Мы можем детализировать изображение «крылатого дракона», опираясь на архив Оружейной палаты.

Нижеприведённые документы показывают, что на древках упомянутых копий кожаными ремнями были укреплены «бумажные» (хлопчатой ткани) или тафтяные (шёлковые) змеи с жестяными крыльями и языками, стеклянными глазами, украшенные также серебряной фольгой. Возможно, они также имели металлический каркас. Их количество измерялось десятками. Идея помещения на древки изображений змей, «вертевшихся на ветру», возможно, была заимствована у прапоров с длинными хвостами, в которых изображались крылатые змеи или драконы³⁰.

Раннее упоминание сходного по теме декора копий относится к 1656 г., когда плотник «Оська Бельской... древко починивал, что змею, 2 дни», а его коллега Григорий Гаврилов «в прошлом во 164-м году в Оружейном приказе... к потешному древку змейку починивал 3 дни»³¹. Заметно чаще документы о «змеином деле на копьях» встречаются в первой половине 1670-х гг.³², особенно в начале 1675 г.³³ Интересно, что в том же 1675 г. пошивом

змей для древов руководил живописец Оружейной палаты Иван Безмин³⁴, а работу выполняли, по всей видимости, мастера Казённого приказа: «Генваря в 1 день... Ивану Безминову шолку сучёного вишнёвого по весу двенатцать золотников, тем шолком шили портные мастера семьдесят змей на копья сокольником к выезду персидских послов»³⁵.

Копья со змеями упоминались в документах при выдаче царским сокольникам и конюшенным чинами для парадных посольских встреч и в 1680-е гг.³⁶ В 1687 г. в Оружейной палате хранилось «сто пятьдесят змей тафты розных цветов шиты шумихою, цена по шеснатцать алтын по четыре деньги»³⁷, а к 1711 г. осталось размонтированных «124 змеи худых старинных выезжих перед послов»³⁸.

Упоминание живописца Ивана Безмина, курировавшего изготовление тканевых змей в начале 1675 г., может помочь в точной датировке описываемой серии «змеиных» копий. Из документа 1670 г. следует, что на двор боярина Н. И. Романова (являвшийся одним из хранилищ Оружейной палаты) было передано «сто дватцать копей наводных золочёных и простых»³⁹, а ответственным за это оружие был также Иван Безмин. Можно предположить, что это те же самые копья, древки которых дополнительно украшались змеями в 1675 г., следовательно, сами наконечники («наводные золочёные») были полностью отделаны уже в 1670 г.⁴⁰

Таким образом, история «змеиных» копий видится нам следующим образом. Заготовки для них — упомянутая выше сотня «треугольных» копий — были изготовлены в Оружейной палате (или Ствольном приказе) к апрелю 1670 г., и в том же году группой царских мастеров, преимущественно ствольщиков, несколько десятков этих копий были орнаментированы и позолочены. В дальнейшем «змеиные» наконечники устанавливались на разные древки и дополнялись различным декором — с тканевыми змеями или же с парадными чехлами. К сожалению, источники не дают ответа на вопрос о личном участии Безмина в «змеином деле»; он мог расписывать как древки, так и тканевые изображения на последних. Это оружие неоднократно выдавалось из Оружейной палаты для участия в торжественных воинских церемониях. Апофеозом «змеиных» копий можно считать масштабную кампанию по встрече иранских послов 29 января 1675 г., в ходе которой «ехали ближние люди по указу великого

государя через дворец, а великий государь изволил сам смотреть из столовой полаты с бояры и с околничьи... А перед ближними людьми ехали наперёд две сотни конюшенного чину, а все ехали в кюках да в латах с пицалми, с турками и корабини. А за ними ехали соколничьи сотни в пансырях и с щиты в крыльях и с *копьи с змеиными* (курсив наш. — А. Ч.). А за ними ехала выборная сотня вся в большом наряде, а лошади были у всех с гремичими чепми и с поводными»⁴¹. У нас нет оснований считать, что все копья, которыми были вооружены «сокольничьи сотни» помимо тканевых змей имели «змеиные» наконечники (общее количество последних не могло превышать нескольких десятков). Но также невозможно предположить, что такие наконечники вообще не были использованы на древковом вооружении соколничих, так как в Оружейной палате никогда не было другой столь же яркой группы парадных копий.

Соседство на одном предмете резной змеи на металлическом наконечнике и тканевой змеи на древке для современного человека кажется избыточным, но для XVII в. многократное использование одного и того же образа, скорее, усиливало выразительность и значимость вещи. Также змея на древке не исключала использование других декоративных деталей, как, например, «чехлы с лопастями» и бахрама. Судя по отрывочному документу 1680 г., такие детали массово устанавливались на копья со змеями: «Копьи на лице и змеями: 151 копья змеями и в том числе нет 56 лопостей, а к тому делу надобно х копьям починки... 100 ремней денежного, 100 ремней полденежного, 50 листов белого железа [жести], 200 листов шумихи [фольги. — А. Ч.]... 150 копьи и з железами и [з] змеями, а в том 54 не было и шурки и ныне не были и бахрамы испорчены и шумихи на змеи испорчены были; 44 змеи без копьев и без лопостей и без бахрамы и иные змеи головы испорчены и шумиха испорчена...43 змеи без копьев и без лопостей и без бахрамы и иные змеи головы испорчены»⁴². Какая-то часть этих лопастей была изготовлена в Оружейной палате в 1672 г. из обрезков тафты⁴³. Скорее всего, в приведённых цитатах речь шла о декоративных чехлах-кутазах с подвесными лентами, имитировавшими кисти парадного древкового оружия⁴⁴. С нашей точки зрения, подобные чехлы также именовались каптурцами; в 1687 г. в Оружейной палате хранилось «Восмнатцать копей на древках около копей каптары тафта жаркой, бохрама около каптуров шолк жёлтой, лопасти тофтяные белые, древки

Ил. 5. Траптовка русских всадников со «змеинными» копьями
в «Историческом описании одежды и вооружения российских войск»
А. В. Висковатова. 1841 г. Т. 1. Ил. 105

писаны розными красками, в том числе четыре древка витые, цена по дватцати по три алтына по две деньги», а также «пятьдесят каптурцов копейных тафтяные алые, лопости тафтяные белые, бахрама шолк соломенной цвет; цена по три алтына по две деньги»⁴⁵.

Подчеркнём, что описываемые предметы оружия как при изготовлении, так и в течение всего времени пребывания в ведении царской казны всегда выступали именно как копьё, но не пехотные пики, а также не имели отношения к знамёнам, — не соседствовали ни с прапорами, ни с тканевыми значками или выпелами.

В Переписной книге 1687 г. и более поздних описях Оружейной палаты «змеиные» копьё уже не числятся (в отличие от тканевых змей и чехлов-каптурцев). Следовательно, оружие в какой-то момент было размонтировано, наконечники с древками или без них покинули царскую казну, вероятнее всего, были выданы в действующую армию. Об этом косвенно свидетельствует имущество стрелецких полков, которое было потеряно в битве при Салатах в 1703 г. и в настоящее время хранится в Музее армии в Стокгольме⁴⁶.

Множество трофейных прапоров, взятых шведской армией в этом сражении, имеет близкое сходство с хранящимися в музее «Кусково»⁴⁷, по меньшей мере два из них⁴⁸ представляют наибольший интерес для нашего исследования, — в качестве их наверший использованы характерные наконечники русских кавалерийских копий XVII в., которые по пропорциям полностью сходны со «змеиными» копьёми. Также трофейные предметы подтверждают, что живописные изображения крылатых драконов и змей активно использовались на русских прапорцах рассматриваемого периода времени⁴⁹.

Непосредственная связь «змеиных» копий со знамёнами заставляет взглянуть на первые как особый предмет с символическим наполнением. Объём нашей статьи не позволяет подробно рассмотреть символику совокупного образа, включающего змею и копьё. Очевидно, что последний мотив, свойственный для христианских сюжетов о святых воинах-змееборцах, обладает гораздо большей исторической глубиной, восходящей к дохристианскому мифологическому пласту. Эта тема требует отдельного исследования, выходящего далеко за рамки исторического оружиеведения. Парадоксально, но упоминавшиеся русские всадники с крыльями (которые, со всей очевидностью, были

заимствованы у польской тяжёлой кавалерии) в символическом плане уподоблялись крылатым драконам благодаря своему вооружению — «змеиным» копьям.

¹ Автор искренне благодарит А. Ю. Самойлова за рисунки, выполненные для этой статьи.

² ГИМ, инв. № 1480 ор, 4919 ор, 4920 ор, 4922 ор, 4924 ор, 4927 ор, 4928 ор, 4930 ор, 4931 ор, 4932 ор. 5001 ор. Номера в Госкаталоге 4663083, 4672646, 4677298, 4667688, 4667730, 4672234, 4668074, 4668598, 4668685, 4674752, 4677127. Все эти копия хранятся в фондах музея. Автор выражает благодарность И. Н. Палтусовой и Т. В. Чистоноговой за возможность осмотра копий.

³ ЦВММ, инв. 19 X-525. Номер в Госкаталоге 20582998.

⁴ Леонов О. Г., Устьянов А. Л. Строевое холодное оружие русской армии и флота. 1700—1881 гг. Справочник. М., 2017. С. 468.

⁵ Денисова М. М., Портнов М. Е., Денисов Е. Н. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI—XIX веков. М., 1953. С. 40, табл. VII, № 56.

⁶ Шокарев Ю. В. Большая энциклопедия оружия. М., [2008]. С. 120—121.

⁷ Рекомендация из «Учения и хитрости ратного строения...» 1647 г.: «Окову на пиках быгин с конца полосам железным... пяти пядей длиною». См.: Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. 1647 г. СПб., 1904. С. 108.

⁸ Музей-усадьба «Кусково», инв. № ПР 92/1-2, 93/1-2. Номера в Госкаталоге 13749739, 13749783, 13749737, 13749763. Приведённые номера относятся как к наконечникам, так и к прапорам, на древках которых они установлены.

⁹ Чернушкин А. В. Русская армия XVIII—XIX веков. 1700—1801. Пехота — Кавалерия — Артиллерия. 1801—1825. Гвардейская и армейская пехота. М., 2004. С. 8—9.

¹⁰ См.: Голованова М. П. Знамена второй половины XVI—XX века. М., 2019. Т. 2. С. 22, кат. № 288; С. 33, кат. № 293.

¹¹ Генетически они восходят к древнерусским жаловидным копьям X—XII вв., выявленным А. Н. Кирпичниковым. См.: Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. С. 7, 15. Тип V.

¹² Чубинский А. Н. К вопросу о русских названиях древкового средневекового оружия. Рогатины, копьё, сулицы и совни // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой международной научно-практической конференции. СПб., 2016. Ч. V. С. 330.

¹³ Чубинский А. Н. Об оружии князя Ф. И. Мстиславского, взятом в Оружейную палату в 1622 году // Историческое оружие в музейных и частных собраниях. Вып. 1. М., 2018. С. 252.

¹⁴ Роспись казны, что взято на государя со двора боярина князя Ф. И. Мстиславского. 1622. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 1. Д. 674. Л. 14.

¹⁵ О сделании в Оружейной палате ста копий железных стальных троюгранных и воорудить на длинные деревья кленовые и ясеневые. 14 апреля 1670. Там же. Д. 12706. Л. 1.

¹⁶ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов / Сост. Е. А. Швецова. М., 1962. Т. 3. С. 99, № 92.

- ¹⁷ Чубинский А. Н. К вопросу о русских названиях древкового средневекового оружия. С. 330—331.
- ¹⁸ Переписная книга 1687. Л. 198, № 4, Л. 200, № 9.
- ¹⁹ О выдаче из Оружейной палаты боярину князю В. В. Голицыну шапки булатной ерихонки, зеркала, наручей булатных, копыя стального наводного. 28 января 1680 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 18983. Л. 2—3.
- ²⁰ Е. А. Яблонская, С. П. Орленко. Западноевропейские оружейники в Оружейной палате XVII века // Материалы и исследования. Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”». М., 2018. Вып. 28. С. 74—79.
- ²¹ Чубинский А. Н. К вопросу о русских названиях древкового средневекового оружия. Рогатины, копыя, сулицы и совни. С. 316—317.
- ²² Чубинский А. Н. Мастер Никита Давыдов и история отечественного оружейного искусства [в печати].
- ²³ Роспись Оружейной палаты мастеровым людям, которые делали разные подносные вещи в 182-м и 183-м годах. 1675. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15621. Л. 19.
- ²⁴ О поднесении для св. Пасхи царю Алексею Михайловичу разных вещей сделанных в Оружейной палате по наряду в поднос. Апрель 1674. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 14946. Л. 8.
- ²⁵ Гордеев Н. В. Оружие // Оружейная палата / Под ред. Н. В. Иванова. М., 1964. С. 55.
- ²⁶ Е. А. Яблонская, С. П. Орленко. Западноевропейские оружейники в Оружейной палате XVII века.
- ²⁷ См.: Голованова М. П. М., 2019. Т. 1. С. 290, кат. № 133. В этом каталоге навершие датировано концом XVII в.
- ²⁸ Опись, что на праздник светлой Пасхи великому государю Алексею Михайловичу сделано в Оружейной палате по наряду всяких оружейных разных дел мастеровыми людьми. 1669. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 12267. Л. 1.
- ²⁹ Таннер Б. Описание путешествия Польского посольства в Москву в 1678 году. М., 1891. С. 44.
- ³⁰ См., например, изображения крылатого змея на прапоре последней четверти XVII в.: Голованова М. П. Знамена второй половины XVI — XX века. С. 273, кат. № 125.
- ³¹ О выдаче плотнику денег за сделку им разных дел Ружейной палаты и прочего. 1656. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5693. Л. 1.
- ³² Выписки, по коим выдано было денег мастеровым и торговым и разных чинов людям за покупные товары и материалы в Оружейную палату для всяких государских верховых и оружейных дел. 1672. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 13799. Л. 9—9 об.; О написании древка потешного, которое с змейкою по золоту разными цветами и красками. Март 1673. Там же. Д. 14231. Л. 1—2.
- ³³ О покупке разных материалов к змеиному делу на копыя. 13 января 1675. Там же. Д. 15369. Л. 1—2; О покупке хлопчатой бумаги для делания змей на копыя к выезду Персидских послов. 25 января 1675. Там же. Д. 15400. Л. 1.
- ³⁴ О сделании к выезду персидских послов на копыя 70 змей в тафтах разных цветов, а делать велено живописцу Ивану Безминову. 8 января 1675. Там же. Оп. 1. Д. 15352. Л. 1.
- ³⁵ Приходная и расходная книги волочёному золоту и серебру, шёлку, краскам и другим припасам. 1659—1676. Там же. Оп. 2. Д. 951. Л. 80—81.

³⁶ О покупке разных товаров к оружейной броне, которую велено сделать для встречи шведских послов. 1683. Л. 1, 5, 9, 24, 32. Там же. Оп. 1. Д. 21933. Л. 1, 5, 9, 24, 32.

³⁷ Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям в 1687 г. Там же. Оп. 2. Д. 936. Л. 699 об.

³⁸ Опись оружию и оружейным припасам после бывшего мастера Константина Аббакумова. 1711. Там же. Д. 942. Л. 9.

³⁹ Запись допроса живописца Ивана Безмина о приёме им копий наводных золочёных на двор боярина Никиты Ивановича Романова. 1670 (?). Там же. Оп. 1. Ч. 50. Д. 52101. Л. 1.

⁴⁰ К сожалению, цитированный документ 1670 г. не имеет более точной датировки, одно только указание месяца могло бы существенно повлиять на нашу гипотезу.

⁴¹ Дворцовые разряды. СПб, 1852. Т. 3. 1645—1676. С. 1192.

⁴² О присылке в Приказ холопья суда из Оружейной палаты мастеров для оценки животов боярина князя Ивана Воротынского. 1680. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 19411. Л. 2—4.

⁴³ Выписка о выдаче жалования кормовых денег Казённого приказа портным мастерами за сделание ими в Оружейной палате под железные щиты подкладок кумачных красных и к копьям лопастей. Ноябрь 1672. Там же. Оп. 2. Д. 13572. Л. 1—4; Выписка о взятии из Казённого приказа в Оружейную палату на лопасти к копьям лоскутьев тафтяных разных цветов. 17 Ноября 1672. Там же. Д. 13586. Л. 1—2.

⁴⁴ О кутазах (кутасах) см.: Романов М. Ю. Несколько комментариев к определениям старинных терминов «тощее древко», «подзнамённое копьё», «чехол», «лопасть» // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18—20 мая 2016 г. СПб., 2016. Ч. IV. С. 441—442.

⁴⁵ Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям в 1687 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. 1687. Л. 200 об., 699 об.

⁴⁶ См.: Великанов В. С. «Салатские трофеи». Полковое имущество стрелецких полков Нечаева и Протопопова, потерянное в сражении при Салатах. 1703 // Старый Цейхгауз. 2013. № 2 (52). С. 3—13.

⁴⁷ Это ценное наблюдение было сделано М. П. Головановой.

⁴⁸ Музей Армии (Стокгольм), инв. № ST 23:282,1; ST 23:289,1. <https://digitaltmuseum.se/011024443228/lansfana>; <https://digitaltmuseum.se/011024443408/lansfana>. Автор выражает благодарность М. Ю. Романову за консультацию и предоставление этих ссылок.

⁴⁹ Знамёна со змеями были представлены даже в классической оружейной публикации XIX в. См.: Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1841. Ч. 1. Ил. 91.

А. Н. Чубинский (Москва)

РУССКИЕ «ДВУХАРШИННЫЕ» СТВОЛЫ ИЗ СОБРАНИЯ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ И ПИЩАЛИ 1674 ГОДА

В СОБРАНИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ Музеев Московского Кремля имеется группа однотипных длинных ружейных стволов, которые никогда не публиковались и не становились предметом исследования (ил. 1–3)¹. Согласно инвентарной книге эти стволы изготовлены в Турции в XVII в.²

Точное количество описываемых стволов — пятьдесят восемь, они несколько отличаются друг от друга размерами, вес одного из них 4,795 кг. Длина (без хвостовиков) колеблется от 148,5 до 161 см, средняя длина хвостовика — около 5 см, калибр 15,8–18,1 мм; большая часть стволов имеет калибр 16–17 мм. Каждый ствол разделён широким пояском из двух поперечных канавок на две части — короткую казённую (длиной около 20–22 см), имеющую круглое сечение, и длинную дульную. Дульная часть в нижней части круглая, а сверху обточена семью узкими гранями³. Дульное расширение грушевидное вытянутое, с двенадцатью продольными гранями, отграничено пояском из двух канавок. Над казённым срезом наварен треугольный прицельный щиток с диоптрическим прицелом, у ряда стволов сквозного отверстия в прицеле нет. Мушки отсутствуют. У ряда стволов на нижней поверхности имеются по три поперечные метки (под серьги или ушки), на гранёной части ствола вырезаны картуши с трилистниками. У нескольких стволов на казне гравированы растительные завитки. У части стволов запальные отверстия намечены, но не пробиты. Стволы побиты, потёрты, некоторые погнуты. Два хвостовика утрачены, несколько из них погнуты, некоторые с разрывами, на некоторых нет крепёжных отверстий, у одного ствола на хвостовике имеется два отверстия (ил. 4). До последнего

Ил. 1. Стволы, общий вид. Музеи Московского Кремля

Ил. 2. Казённая часть ствола. Музеи Московского Кремля

Ил. 3. Дульная часть ствола. Музеи Московского Кремля

времени все стволы были покрыты толстым слоем пушечного сала, появившимся, видимо, в музейный период их существования для предохранения от ржавчины.

Атрибуция описываемых предметов велась по двум направлениям: их выявление в ранних документах Оружейной палаты и поиск аналогий. Среди последних отметим в первую очередь ранние турецкие аналоги с грушевидными дульными расширениями — стволы примерно середины XVII в., установленные на трёх итальянских ружьях из собрания Польди Пеццоли, длиной в 130–150 см и калибром 17–18 мм⁴. Несколько длинных восточных, скорее всего, турецких стволы с грушевидным оформлением дульной части и диоптрическим прицелом на казне не числятся и в Оружейной палате. Первый — насечённый золотом тяжёлый ствол длиной около 160 см, калибром 19 мм,

Ил. 4. Хвостовик с двумя отверстиями. Музеи Московского Кремля

установленный на «крепостном» фитильном ружье, датированном 1602 г.⁵ К числу ближайших аналогов можно отнести два ствола с резным рельефным орнаментом на казне и у дула и нечитаемыми клеймами в казённой части⁶. Оба датируются XVII в. и отличаются от стволов описываемой группы пропорциями и размерами (длина 141 и 151 см, калибр 18 и 21 мм); на дульных расширениях имеются характерные продольные пазы для установки двойных турецких мушек (ил. 6)⁷.

Попытка отыскать какую-либо новую информацию об описываемых предметах в музейных описях XIX в. не была результативной. В Описи Московской Оружейной палаты 1886 г. эти стволы включены в одну большую группу, лаконичное описание которой «стволов ружейных шестьсот восемьдесят пять»⁸ лишь отчасти соответствует действительности: в реальности помимо длинных стволов в эту группу входят стандартных размеров русские пищальные и голландские карабинные стволы XVII в.⁹

Легко опознаются длинные стволы в Описи Оружейной палаты 1835 г.: «Стволов ружейных турецких долгих гранёных с гранёными ж к концам оных раструбцами и с двумя на каждом поясками шестдесят три, на некоторых из оных вырезаны травы, а у прочих оныя счистились»¹⁰. Как видно, и в этом документе все стволы также названы турецкими. В Описи Оружейной палаты 1808 г. их нет, поэтому попытки отыскать их в более ранних описях казались нелогичными. Это позволяло выдвинуть версию, согласно которой турецкие стволы, изготовленные в XVII в., исходно хранились в одной из турецких же крепостей как комплектующие детали для дальнобойных ружей, а в Москве они появились как трофеи одной из военных кампаний конца XVII — XVIII в. и до начала XIX в. пребывали, например, в кремлёвском Арсенале, лишь позднее пополнив собрание музея. Имелись и документальные свидетельства о наличии подобных трофеев. Например, в письме царя Петра Алексеевича Андрею Винуису от 1696 г. упоминалось, что «В Азове и в Лютине пушак взято больших и малых и бакштырских 132, 1076 пищалев и стволов целых и ломаных... также и иных припасов всяких немало взято»¹¹.

Однако эту гипотезу пришлось подвернуть сомнению после изучения описей Оружейной палаты начала XVIII в. Выяснилось, что стволы сходной длины, во-первых, не были редкостью в кремлёвских оружейных хранилищах, а во-вторых, чаще всего были установлены на ружьях тульского производства. В 1711 г.

в Оружейной палате хранились «110 пищалей двуаршинных станки кленовые с прикладом тульского дела... 163 ствола двуаршинных тульского дела... 83 пищали 3-х аршинных... 75 двуаршинных... сто шездесят три ствола двуаршинных тульские нефузейные»¹², а в 1716 г. в царском хранилище было «130 пищалей двуаршинных тульского дела»¹³. «Двухаршинные» — длиной немногим более 140 см.

Заметим, что большая часть длинных стволов и оружия с такими стволами, а может быть, и всё такое оружие, упомянутое в 1711 г., к 1716 г. покинуло Оружейную палату (ружья с «двухаршинными» стволами 1716 г. нельзя однозначно сопоставить ни с одной из групп, упоминавшихся в 1711 г.). Скорее всего, оно было выдано в действующую армию или крепостные арсеналы.

В 1730 г. в Оружейной палате хранилась единственная группа длинных стволов: «Стволов двуаршинных горелых девяноста один»¹⁴. Упоминание «горелых» деталей позволило с большой вероятностью сопоставить их с описываемой группой, а также объяснило многие странности, наблюдаемые на предметах из современного собрания. Наличие на описываемых стволах намеченных, но не сквозных отверстий — в запалах и прицелах — можно объяснить тем, что под воздействием высокой температуры эти отверстия «заварились» и перестали быть проходимыми. Частичная расчистка стволов выявила в нескольких случаях следы крепления мушек на дульных расширениях. Также были обнаружены следы установки ушек, а именно: крепёжные площадки, врезанные в нижней части ствола в трапециевидные пазы (на ласточкин хвост); думается, что при чистке после пожара и демонтажа стволов остатки ушек были срезаны, а поверхность металла зашлифована. Эти находки позволили предположить, что стволы были не заготовками, а полностью комплектными деталями. А состояние хвостовиков позволило сделать вывод о том, что стволы некогда были установлены на ложи, полностью выгоревшие в результате пожара. Погнутые и отломанные хвостовики, разорванные отверстия на хвостовиках свидетельствуют о том, что при разборке сгоревшего оружия хвостовые винты извлекались грубо, и в ряде случаев демонтаж этих винтов травмировал стволы. В ряде случаев хвостовые винты вообще не удалось извлечь из хвостовиков, — в результате воздействия высокой температуры они «приварились» к резьбовым отверстиям, и их пришлось срезать и стачивать заподлицо с поверхностью металла.

Ил. 5. Пищаль Никифора Кобелева с замком Ивана Тобылы 1663 г. (Оружейная палата, 1663 г.) и ствол крепостного ружья (Оружейная палата, 1674 г.). Музеи Московского Кремля

Ил. 6. Дульные части ствола пищали Никифора Кобелева 1663 г., турецкого ствола XVII в., декорированного резным орнаментом, и двух стволов 1674 г. Музеи Московского Кремля

Действительно, при очистке стволов от пушечного сала были выявлены «заклёпанные» отверстия: остатки хвостовых винтов в отверстиях выглядели как заклёпки. После чистки сгоревших стволов в ряде «заклёпанных» хвостовиков проделали новые отверстия, предполагая, очевидно, возможную установку стволов на новые ложи. Наиболее характерным в этом плане выглядит хвостовик, в котором имеется сразу два отверстия.

В этом месте нашего исследования можно было бы поставить точку и атрибутировать стволы как предположительно тульские рубежа XVII—XVIII вв. Но такое определение было бы уязвимым, так как на сегодняшний день в музеях мы не имеем не только аналогов тульских двухаршинных стволов с такой датировкой, но вообще ни одного тульского ствола, который бы аргументированно мог быть отнесён к Петровскому времени. Также

маловероятно, чтобы стволы, явно подражающие турецкому оружию, массово изготавливались одновременно со строительством армии, которая должна была во всем соответствовать европейским образам. Эти соображения заставили нас продолжить поиск аналогов и документальных упоминаний длинных стволов более раннего времени.

Действительно, такие аналоги нашлись среди работ мастеров Оружейной палаты и, к счастью, имели довольно точную атрибуцию. Первый их них — откованный мастером Никифором Кобелевым ствол «крепостной» пищали 1663 г.¹⁵, длиной 173,5 см и калибром 15 мм, общая длина 213,3 см (ил. 5, 6) («крепостная» — определение в музейном инвентаре, к правомерности этого названия мы вернёмся ниже). Дульное расширение у этого ружья резное в виде головы дракона с раскрытой пастью, из которой выходит дуло. Ещё два аналогичных ствола установлены на парных ружьях работы мастера Луки Журина конца 1660-х гг.; длина обоих — около 141 см, дульные расширения — грушевидные гранёные удлинённые, а калибр 15 мм с точностью до десятых долей совпадает с калибром ружья 1663 г. Последние два ствола несколько короче, чем стволы описываемой группы, но весьма близки к ним по форме, при этом отковавший их мастер, похоже, является ключевой фигурой в истории изготовления группы двухаршинных столов.

Лука Иванов Журин — ствольный мастер белорусского происхождения, в 1660 г. он перебрался из города Быхова в Москву, был зачислен в Оружейную палату, где и работал до второй половины 1670-х гг. Впервые данные о работах этого мастера привёл И. Е. Забелин¹⁶, его имя упоминалось А. Е. Викторовым¹⁷. В настоящий момент в собрании Оружейной палаты выявлено по меньшей мере семь его работ, в том числе стволы с двадцатью четырьмя нарезками и единственная русская пищаль с двумя стволами, один из которых вкладывается в другой¹⁸. В документах Оружейной палаты он именовался также Лукой Ивановым и Лукой Быховцем, и чаще всего «поляком», как и большинство мастеров белорусского происхождения, хотя количество этнических поляков среди них было невелико.

В Оружейной палате Лука Журин передал технологию заварки «длинных» (полутораметровых и более) ружейных стволов упомянутому Никифору Кобелеву и другим мастерам: «Он же Лука вновь мастерство свое объявил, делал стволы гладкия в два

аршин с четвертью. И с того его лукина обрасца... такие ж длинные стволы научились делать его братья иноземцы ствольные мастера и руския Никифор Кобелев с товарищи»¹⁹. Получается, что до Журина ствольщики Оружейной палаты подобными навыками не обладали²⁰. В январе 1668 г. Луке Журину были выданы деньги для изготовления «двух стволов турских длиною два аршин с четвертью (чуть менее 160 сантиметров. — А. Ч.)»²¹. Оружие было изготовлено к Пасхе и поднесено в дар царю Алексею Михайловичу, в числе других «подносных дел» оно значилось как «2 мушкета новья... делал поляк Лучка Жюрин, замки московского дела, станки кленовые окрашены аспидом зелёнým»²². К сожалению, эти «мушкеты» не сохранились, поэтому неизвестно, насколько точно длина их стволов соответствовала проектной в два с четвертью аршина.

Зато сохранилась упомянутая крепостная пицаль Никифора Кобелева (ил. 5), она точно идентифицируется в списке оружия, поднесённого царю после Пасхи 1663 г.: «3 пицали стволы длиною 2 аршина и больши, делали Микифор Кобелев, Федор Алаторец, Артемий Нижегородец, станки кленовые делали поляки»²³. Ствол пицали подпадает под определение «больше двух аршинов», ложа, в действительности, вырезана из клёна, наконец, имеющееся на стволе трижды выбитое клеймо «Микифор» подтверждает авторство этого мастера. Ствол этой пицали можно считать самым длинным из числа сохранившихся русских ружейных стволов, который был точно изготовлен мастером Оружейной палаты XVII в. Интересно, что в другом месте цитированного документа та же пицаль названа «туркой»²⁴. Это определение можно объяснить длиной и морфологией ствола, а также оформлением дула в виде головы дракона, в действительности сходного с турецкими образцами первой половины XVII в.²⁵ Вообще, упоминаемые в русских документах «турские» стволы (равно и ружья «турки» или «на турецкое дело») чаще означают не происхождение оружия, а его технические или декоративные характеристики. Интересно, что ствол пицали Кобелева 1663 г. имеет тот же калибр с точностью до десятых долей миллиметра, что и два вышеописанных ствола Луки Журина, вероятно, все они были рассверлены одним и тем же сверлом.

Из комплекса документов Оружейной палаты 1674 г. следует, что Лука Жюрин принимал активное участие в изготовлении крупной группы «длинных пицалей». Большую ценность

представляет распоряжение, датированное 23 января 1674 г.: «По указу великого государя боярин и оружейничей Богдан Матвеевич Хитрово да стольник Иван Степанович Телепнев приказали вновь сделать в Оружейной полате восемь пищалей длинных на турецкое дело з замками и станками, стволы длиною по два аршина с четью (то есть «с четвертью». — *А. Ч.*), стволы и замки поместом позолотить, а станки сделать с костями... стволы велено сделать ствольным мастером из русских Никифору Кобелеву да иноземцом Луке Жюрину, Роману Комаеву, Василью Быховцу... те пищали велено им... сделать в поднос к неделе святой Пасхи. А станки делать станочникам ярославцом, а кости в станки врезывать токарем поляком, а замки делать Дрону Дементьеву с товарищи»²⁶. Позднее произошли какие-то изменения, в результате планируемое число стволов для каждого мастера возросло: «Ствольным мастером иноземцом Луке Жюрину, Василью Быховцу, да рускому Роману Комаеву государева жалованья... за полтора месяца тринацать рублёв с полтиною... делали они в поднос празднику к неделе святя Пасхи по три ствола длинная на турецкое дело из них третьей человек Роман Комаев те стволы и золотил»²⁷. В результате к пасхальному подношению 1674 г. царю Алексею Михайловичу было сделано всего «двенадцать пищалей турецких золочёных», а после Пасхи было принято решение «делать восемьдесят восемь пищалей тем же образцом»²⁸. В середине июля того же 1674 г. решение было подтверждено: «В Оружейной полате сделать вновь мастеровым людям руским и иноземцом Луке Жюрину да Никифору Кобелеву с товарищи восемьдесят восемь пищалей длинных на турецкое дело к прежним к двунатцати пищалем... да к тем же стволам сделать пятьдесят замков против прежних на турецкое ж дело Оружейныя полаты... мастером Оське Олферьеву, Ивашку Федотову, да Ствольного приказу Ларке Алферьеву, Кузьке Кондратьеву»²⁹. Понятно, что руководство оружейного ведомства планировало довести число однотипных «турских пищалей» до ста — вдобавок к имеющимся двенадцати «двухаршинным с четью» сделать еще восемьдесят восемь стволов. К декабрю 1674 г. было изготовлено лишь полсотни таких ружей: «По указу великого государя боярин и оружейничей Богдан Матвеевич Хитрово... приказал пятьдесят пищалей длинных гладких, что деланы вновь на турецкой образец, по местом посеребрить и расчеканить, а гребешки и по два пояска позолотить»³⁰. Замочным мастерам Оружейной палаты Семёну

Нижегородцу и Демиду Валдацкому было «велено посеребрить пятьдесят замков на турской образец к пищалем длинным турским»³¹. 19 декабря того же года было выдано «станочного дела мастером Василию Корцу с товарищи на пятьдесят станков кленовых к пищалем длинным гладким, которые деланы вновь на турецкой образец на крепкую вотку по три алтына по две деньги на станок и того пять рублёв, да на пять фунтов клею рыба карлук по пяти алтын за фунт, итого дватцать пять алтын»³².

Приведённые в цитатах характеристики стволов 1674 г. — длинна в два с четвертью аршина (около 156 см), прицелы турецкого типа («гребешки»), наличие двух поясков — дают основание идентифицировать их как описанные выше «горелые» стволы из современного собрания Оружейной палаты. Как видно из документов, у стволов были золочёные прицелы и пояски, а также серебрёные зоны. Замки конструктивно относились к средиземноморскому типу, более конкретно — это были турецкие микелеты. Кленовые ложи могли иметь аркебузные приклады (как на пищали Кобелева 1663 г., см. ил. 5), но более вероятно, что это были приклады турецкого типа (гранёные ружейные пяти- или шестигранные в сечении). Отметим, что инкрустированные ложи с турецкими прикладами и костяными затыльниками массово изготавливались в Оружейной палате и в начале 1680-х гг., и на них устанавливались замки турецкого типа³³.

В описи царской оружейной казны 1682 г. ружья 1674 г., скорее всего, значились как «68 пищалей гладких на турской образец, по местом золочёны и серебрёны, станки кленовые с костми»³⁴. В Переписной книге Оружейной палаты 1687 г. этим ружьям дано более подробное описание «У иноземца у Андрея Артемьева... в Верхней и в Нижней полатах пятьдесят пять пищалей длинных турецкого дела, стволы в трёх местех золочёны и серебряны. Замки турецкие, по местам золочёны ж. Станки с костми назади, у станков кости слоновые... по осмотру те пищали против прежних переписных книг сошлись, цена по осми рублёв»³⁵. Разнящееся количество «длинных» пищалей в 1682 и 1687 гг. обусловлено, надо полагать, тем, что это парадное оружие часто покидало казнохранилище и выдавалось для участия в военных парадах и других церемониальных мероприятиях. Отсутствие в этих описях или иных документах Оружейной палаты 1670-х гг. других крупных групп «длинных турецких» ружей говорит о том, что производственная кампания 1674 г. была единственной.

В любом случае, выявленные нами в собрании Оружейной палаты стволы представляют собой уникальную группу, самую раннюю из числа сохранившихся серию русского «образцового» оружия, — очевидно, выполненного по единому образцу. Ствол, послуживший образцом, мог быть разработан на основе одного из вышеупомянутых турецких стволов (ил. 6)³⁶. Трудно сказать, кто именно изготовил этот образец — Лука Журин, который, безусловно, стоял у истоков производства стволов 1674 г., или Никифор Кобелев. Имеются данные о том, что последний из этих ствольных мастеров должен был отковать другой образцовый ствол, но это относилось к концу 1674 г., когда большая часть описываемых «длинных пищалей» уже была изготовлена: «183-го ноября в 8 день... Микифору Кобелеву... сделать на образец ствол пищальной гладкой длиною дву аршин пулею в дватцать в одну пулю из фунта»³⁷. Об этом же стволе идёт речь в другом документе: «183-го ноября в 29 день... мастеру Микифору Кобелеву... сделать ствол гладкой яныцкой мерою в длину в два аршина, пулею в дватцать одна пуля»³⁸. «Двадцать первый» калибр (около 15,5 мм) не встречается у описываемых стволов, и среди них нет ни одного ствола короче 148 см, следовательно, если ствол Кобелева был изготовлен согласно ноябрьскому указу 1674 г., то ни он, ни его «реплики» не могли затеряться в исследуемой группе.

К вопросу о персоналиях оружейников, задействованных в 1674 г., нужно добавить личные знаки (?) мастеров, обнаруженные при частичном удалении органических загрязнений со поверхности стволов³⁹. На одном из них было выбито плохо читаемое клеймо К. М.(?) в пятиугольном горизонтальном щитке. Маловероятно, что оно означает «Кобелев Микифор», так как этот мастер имел гораздо более чёткое клеймо⁴⁰. На другом стволе в нижней части казны тонко гравированы инициалы «М. Х.»; можно предположить, что это знак мастера, который гравировал растительный орнамент на этом же стволе и который, скорее всего, был иностранцем (белорусом или западноевропейцем).

Отметим, что в изготовлении описанных ружей, несмотря на их декоративный и парадный характер, не участвовали ведущие мастера Оружейной палаты, такие как Григорий и Афанасий Вяткины, Василий Титов, Ермола Фёдоров, Филипп Тимофеев. Известно лишь, что Григорий Вяткин давал консультацию по

стоимости необходимых материалов⁴¹. Это наблюдение позволяет наметить границу между мастерами первого ряда и оружейниками, участвовавшими в массовом производстве вооружения, которые частично числились в штате царской мастерской, но в большей степени в Ствольном приказе, дочернем по отношению к Оружейной палате учреждения.

Хотя в создании стволов 1674 г. принимали участие несколько мастеров Оружейной палаты, работы которых выявлены в современном собрании музея, это не позволяет найти в описываемой группе «авторские произведения». К сожалению, стволы, как и любое серийное оружие, обезличены. Несмотря на то, что у стволов существует известный разброс калибров, не увенчалась успехом попытка подсчитать количество свёрл, которыми они были рассверлены. Не оправдалось и предположение о том, что имеющие один и тот же калибр стволы были откованы и рассверлены одним и тем же мастером и, следовательно, должны быть чем-то сходны между собой. Скорее всего, это означает, что в изготовлении каждого ствола принимали участие несколько мастеров. В этом плане организацию производства мастеров Оружейной палаты и Ствольного приказа над пищалями 1674 г. можно уподобить мануфактуре с чётким разделением труда. Над каждой пищалью, судя по вышеприведённым цитатам и внешнему виду стволов, могло трудиться более полудюжины мастеров. Даже если предположить, что большую часть работ над стволом выполнял один мастер — ковал ствол начерно, обтачивал его, рассверливал канал, заглушал казну казённым винтом, пробивал запальное отверстие, а также напайвал прицел, мушку и ушки под шпильки, — то гравировал орнамент другой мастер, третий наносил на ствол позолоту (и серебрение), четвёртый изготавливал замок, пятый вырезал ложу и монтировал на ней остальные детали, шестой «врезывал» в ложу костяную инкрустацию. О приборе лож 1674 г. мы ничего не знаем, кроме наличия костяного затильника; металлические детали прибора в Оружейной палате чаще всего изготавливали замочные мастера. Отсутствие в документах упоминаний прибора (к которому в первую очередь относилась спусковая скоба) может указывать на то, что ложки были турецкого типа, не предусматривавшего наличие специальной детали для защиты спускового крючка.

Наиболее сложный вопрос в нашем исследовании — целевое назначение ружей с «двухаршинными» стволами. Их

разнообразный декор показывает, что они были задуманы как парадное оружие. С большой вероятностью «длинные» пищали в январе 1675 г. участвовали в торжественной встрече «кизыл-башских» (иранских) послов, когда «перед ближними людьми ехали наперёд две сотни конюшенного чину, а все ехали в кюках да в латах с пищальми, с турками и с корабины»⁴². Вероятно, «турки» в этой цитате — это и есть пищали 1674 г., а их изготовление было приурочено ко дню прибытия в Москву иранского посольства (при этом неясно, насколько уместным было такое вооружение для всадника, даже если они были снабжены ремнями на антабках). В то же время, пищали 1674 г. обладали выдающимися боевыми качествами в плане прицельной стрельбы на большие расстояния.

К сожалению, в других письменных источниках XVII в. подобные сверхдлинные ружейные стволы встречаются редко, и не всегда ясно, о каком оружии идёт речь. Например, мы не можем утверждать, что упоминаемые в 1694 г. «в оружейном анбаре» Смоленска «89 пищалей долгих с замками»⁴³ имели стволы, сравнимые с описываемыми по длине; возможно, они были лишь немногим длиннее мушкетных стволов.

Более конкретные данные имеются в описях 1679 г. военного имущества солдатского полка Матвея Осиповича Кравкова и стрелецких полков Семена Грибоедова, Андрея Дохтурова и Афанасия Парасукова: «11 пищалей по 2 аршина... 12 пищалей 3-аршинных... 7 пищалей длинных 3-х аршин 3 замки»⁴⁴. Описания этих ружей помещены после перечисления полковой артиллерии, число ружей в каждом полку соотносится с количеством пушек, так что нельзя исключить, что дальнобойными ружьями в этих полках была вооружена артиллерийская служба. Как именно выглядело это оружие — сказать трудно.

Подробные описания пищалей с «двухаршинными» стволами содержатся в описи арсенала Кирилло-Белозерского монастыря 1668 г. Там среди ручного огнестрельного оружия хранилось двадцать пять ружей со стволами в два аршина и более (в том числе одно нарезное)⁴⁵. Значительная часть этих ружей именовалась турками, при этом на них не было ни одного турецкого замка. Приведём описание нескольких из них: «Пищаль турка с притином, ствол длина два аршина, полпята вершка... замок русской, пружины гнутыя; ложа берёзовая... приклад казачей... Пищаль казансково дела, ствол от казны до поясков грановит, от

поясков до поясков же гладь; дуло грановито... длина два аршина, полосма вершка... замок шкоцкой; ложа буковая... приклад казачей... Пищаль... *дуло грановито с яблоком* (курсив мой. — А. Ч.), пояски втираны серебряные; длина два аршина без полувершка... замок пружины гнутыя; ложа берёзовая, с костями... приклад русской»⁴⁶. Повторяющееся наименование «турка» подтверждает, что родиной сверхдлинных стволов является, скорее всего, Турция, при этом, думается, на монастырском оружии большая часть деталей была русского производства. Редчайшее упоминание Казани как оружейного центра («пищаль казанского дела») говорит о том, что география производства длинных стволов была весьма обширна, и у нас нет оснований считать, что мастер Оружейной палаты Лука Журин являлся единственным в России обладателем технологии изготовления подобного оружия. Крайне важно наличие на одной из пищалей «притина» — скорее всего, железного крюка, приваренного к стволу снизу, как у крепостного ружья-гаковницы. Это единственное указание в источниках на подобное приспособление.

Приведённые данные из письменных источников, а также новая атрибуция исследуемых длинных стволов показали необходимость поиска аналогичного оружия, на этот раз русского, в музейных собраниях России.

Интереснейший аналог ружей 1674 г. находится в Государственном Эрмитаже (ил. 7). Это пищаль, опубликованная Э. Э. Ленцем как русская конца XVII в. со стволом длиной в два аршина и калибром 3/8 вершка (около 16,5 мм)⁴⁷. Ствол с гранёной казной и резной дульной частью, аналогичной вышеописанному стволу Никифора Кобелева 1663 г., — с рельефным изображением головы дракона с раскрытой пастью; манера резьбы не позволяет определить ствол как изделие этого мастера. Прицел в виде трапециевидного щитка над казённым срезом, но не диоптрический, а открытый с прорезью. Замок ружья русского типа с прямыми пружинами, судя по аналогиям из собраний Эрмитажа и Музеев Кремля, он изготовлен мастером Оружейной палаты Андромом Дементьевым (раб. 1661—1670-е гг.), выходцем из Тулы. Ложа с прикладом турецкого типа инкрустирована фигурными пластинками из кости, в которые, в свою очередь, врезаны небольшие пластинки кости и рога; в такой манере работали многие ложевщики Оружейной палаты второй половины XVII в. Спусковой крючок прямой короткий в виде балясины. На цевье

Ил. 7. Пищаль с замком русского типа. Москва, Оружейная палата (?), 1670-е гг. Замок — Андрон Дементьев (?). Государственный Эрмитаж

Ил. 8. Пищаль с замком русского типа. Тула (?), конец XVII — начало XVIII в. Государственный Эрмитаж

имеется антабка в виде дужки. С нашей точки зрения, эта пищаль изготовлена мастерами Оружейной палаты в русле той же традиции, что и ружьё Кобелева 1663 г. и «двухаршинные» пищали 1674 г. Наиболее вероятная датировка эрмитажной пищали с замком Андрона Дементьева — 1670-е гг.

В качестве аналогов пищалей 1674 г. можно привести еще несколько русских ружей из музеев Санкт-Петербурга, на этот раз конца XVII—XVIII в. В Эрмитаже имеются три крупные и тяжёлые пищали (ил. 8), как и вышеуказанная, происходящие из собрания оружия С. Д. Шереметева, стволы которых, согласно публикации Э. Э. Ленца, имеют длину около двух аршинов, калибр двух из них, приведенный в долях вершка, в пересчёте на метрическую систему — около 14 и 19 мм; замки — русского типа; одна ложа кленовая, приклады ружейные, незначительно изогнутые вниз⁴⁸. Эти ружья, явно имевшие то же тактическое назначение, что и «турки» 1674 г., можно датировать рубежом XVII — XVIII вв. Общий дизайн этих ружей (без учёта их размера) сходен с казачьими пищальями, которые в это же время изготавливались в нижегородском оружейном центре — селе Павловна-Оке (Павловском Взвозе)⁴⁹. Но можно также предположить, что они изготовлены в Туле. Несмотря на отсутствие документов о подобном тульском производстве⁵⁰, цитированная выше опись Оружейной палаты 1711 г. подтверждает существование множества тульских «двухаршинных» стволов и ружей с такими стволами. Более того, в той же описи значатся также «205 пищалей долгих 3-х аршинных станки кленовые, стволы и станки тульско-го дела... 123 ствола пищальных трёхаршинных тульского дела»⁵¹.

Ещё одно косвенное указание на изготовление «длинных» ружей в Туле приводил Е. В. Мышковский — в описи арсенала Азова 1707 г. упоминались «длинноствольные ружья с тульскими замками»⁵².

Большая группа ружей с «двухаршинными» стволами хранится в Артиллерийском музее⁵³. Л. К. Маковская именовала их «раскатными фузеями» и в тактическом отношении считала их крепостными ружьями, предполагая, что этот тип оружия сложился в 1730-е гг. Также ею было установлено, что все эти ружья были собраны в Туле в 1742 г. с использованием тульских замков разного времени (батарейных с собачкой) и старых стволов, о происхождении которых не выдвигалось никаких версий. Стволы имеют длину 142–144 см при калибре 16–16,5 мм; отмечалось, что дизайн стволов и различающиеся прицельные приспособления не позволяют считать их серией, изготовленной в одном месте в одно время. С нашей точки зрения, эти стволы также могли быть изготовлены в Туле на рубеже веков, хотя отдельные дульные раструбы и прицелы напоминают изделия мастеров Оружейной палаты 1680-х гг.

Наибольший интерес для нашего исследования представляет ещё одна вещь из Артиллерийского музея — «крепостной мушкет», который Л. К. Маковская датировала второй половиной XVII в. Предполагалось, что «крепостной мушкет» — это лёгкое крепостное ружьё, отличающееся от пехотного ружья лишь длиной ствола (сообщаются размеры в 170–200 см, калибры 15–17 мм)⁵⁴. Образец, опубликованный с фото⁵⁵, имеет ствол длиной 204 см калибром 16,2 мм и замок русского типа, последняя деталь сближает его с тремя вышеупомянутыми ружьями из Эрмитажа. Атрибуция этого ружья, ствол которого с полным правом можно считать «трёхаршинным», должна учитывать его происхождение из Соловецкого монастыря⁵⁶. В действительности, в описи имущества Соловецкой обители 1705 г. значились «четыре пищали турецкие длинные, пищаль новая длинная гладкая с прикладом»⁵⁷. Думается, что «турецкие» ружья имели стволы с раструбами, а «новая длинная» пищаль — это и есть ружьё с двухметровым стволом, других подходящих описаний в документе нет; определение «новая» позволяет датировать ее началом XVIII в.

Ствол последней пищали находит неожиданный аналог в собрании Музеев Кремля. Это еще более длинный ствол в 223,5 см

калибром 15,5 мм⁵⁸, установленный на ружье с батарейным плоским замком, которое без достаточных оснований было опубликовано как голландское ружьё для охоты на уток⁵⁹. С нашей точки зрения, это русское боевое ружьё — с берёзовой ружейной ложей и буквенным кириллическим клеймом на замке («Г У?»). Как и «трехаршинный» ствол из Артиллерийского музея, кремлёвский имеет характерное членение: относительно короткие гранёные казна и дульная часть и длинная круглая средняя часть. Подобные по морфологии трёхчастные пищальные стволы (стандартной длины) производились ещё в Оружейной палате в 1670—1680-е гг.⁶⁰ Но два последних сверхдлинных ствола мы склонны отнести, скорее, к тульским, коль скоро в письменных источниках «трехаршинные» стволы с другим местом изготовления не встречаются.

С другой стороны, помимо описей Оружейной палаты начала XVIII в. мы не знаем других указаний на изготовление в Туле сверхдлинных ружейных стволов. Нельзя исключить, что два указанных «трехаршинных» ствола были изготовлены всё же в Москве на старой производственной базе, заложенной еще в 1670-х гг. Известно, что в конце XVII — начале XVIII в. Оружейная палата развернула крупное производство вооружений на Бархатном дворе, куда привлекались, в том числе, тульские мастера. Возможно, оружие, изготовленное туляками на Бархатном дворе, могло в дальнейшем именоваться тульским.

Вопрос о классификационном определении описанного оружия — начиная от «двухаршинных» пищалей-турок 1674 г. и кончая раскатными фузеями 1740-х гг. — не столь очевиден. Строго говоря, их нельзя отнести к классическим «затинным пищалям» или крепостным ружьям, которые, как правило, были заметно тяжелее, снабжались опорным крюком-притином, имели больший калибр и никогда не выступали в качестве парадного и украшенного вооружения. Думается, что предложенное Л. К. Маковской определение «лёгкое крепостное ружьё» довольно удачно. С крепостными ружьями-гаковницами описанное в этой статье оружие объединяет длина стволов и, как следствие, дальнобойность, а также невозможность стрельбы с рук. Оно является как бы промежуточным звеном между тяжёлыми гаковницами и ручным огнестрельным оружием. Добавим, что среди военного имущества полевой армии начала XVIII в. ничего похожего не встречалось⁶¹.

Итак, в ходе нашей работы была выявлена уникальная группа русских «двухаршинных» стволов, изготовленных в Оружейной палате в 1674 г., также реконструированы пищали, на которых они были установлены. Пищали 1674 г., с одной стороны, можно именовать крепостным, с другой, — парадным оружием. Эта группа является самой старой серией русского длинноствольного оружия XVII в. из числа сохранившихся до наших дней. Особую ценность имеют данные о мануфактурной организации производства и оружейниках царских мастерских, выполнявших этот заказ. Значительную роль в производственной кампании 1674 г. сыграл мастер белорусского происхождения Лука Журин, но его вклад нельзя переоценивать, так как единичные пищали со сверхдлинными стволами изготавливались и ранее, причём в разных оружейных центрах России. Интересно, что другое наше исследование, которое велось параллельно, позволило обнаружить группу парадных копий, изготовленных в Оружейной палате в 1670 г., которые, так же как и пищали-турки, участвовали в масштабных воинских церемониях, сопровождавших встречу иранских послов в январе 1675 г.⁶²

Важным результатом работы является установление преемственности производства стволов 1674 г. с относительно более ранними изделиями мастеров Оружейной палаты, а также поздними российскими длинными ружьями, в том числе сохранившимися в Эрмитаже и Артиллерийском музее, для которых в нашем исследовании были предложены новые атрибуции. Приведённые данные позволяют заключить, что в России второй половины XVII в. существовал и активно развивался особый тип крепостных ружей; эти ружья имели замки разных конструкций, ложи разной формы, а объединяющим признаком служил сверхдлинный ствол (два аршина и более) относительно небольшого калибра. Первые образцы подобного оружия происходили, вероятно, из Турции, о чём говорит именование «турки», прилагавшееся позднее к чисто русским. Наиболее позднее оружие с подобными характеристиками бытовало по меньшей мере до середины в XVIII в. и носило название раскатных фузей.

Тем не менее, требует уточнения вопрос о боевом применении описанных ружей, выявление их в описях военного имущества, в частности, в крепостных арсеналах. Работу над группой стволов 1674 г. также нельзя признать законченной, их дальнейшее изучение, возможно, позволит найти новые клейма и имена мастеров,

а также прольёт свет на историю их производства. Отдельного исследования заслуживает хранящееся в Музеях Кремля русское ружьё с самым длинным из числа существующих стволом в 232,5 см.

¹ Автор искренне благодарит А. Ю. Самойлова за рисунки, выполненные для этой статьи.

² Музеи Московского Кремля, инв. № Ор-5192—5195, ОР-5198, ОР-5200—5223, ОР-5225—5249, ОР-5251—5254.

³ Если бы подобный ствол был смонтирован на ложе, и его нижняя часть была скрыта цевьём, то он выглядел бы как двенадцатигранный в сечении.

⁴ Boccia Lionello G., Godoy Jose A. Museo Poldi Perzzoli. Armeria [Milano, 1985]. P. 483, 660, 661, № 824—826.

⁵ Музеи Московского Кремля. См.: *Опись Московской Оружейной палаты*. Ч. 5. Кн. 4. Огнестрельное оружие. М., 1886. С. 11—12, № 6426. В настоящий момент надпись на стволе не видна; если сообщенная в описи дата 1602 г. будет подтверждена, то это ружьё можно будет считать самым ранним точно датированным турецким стрелковым оружием.

⁶ Музеи Московского Кремля, инв. № ОР-5199, ОР-5224.

⁷ Эти два ствола не могли являться непосредственными образцами при производстве описываемой группы стволов в силу отличия размеров и калибра.

⁸ *Опись Московской Оружейной палаты*. Ч. 5. Кн. 4. С. 337. № 8362.

⁹ Яблонская Е. А. Огнестрельное оружие Нидерландов XVII—XVIII веков. Каталог собрания Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». М., 2012. С. 241, кат. 637—1081.

¹⁰ *Опись Московской Оружейной Палаты, составленная в 1835 году*. Часть пятая. Огнестрельное оружие. ОРПГФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. № 8355—8417. Два описанных выше украшенных турецких ствола, скорее всего, также входили в эту группу.

¹¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т. 1. (1688—1701). С. 101.

¹² *Опись оружию и оружейным припасам после бывшего мастера Константина Аббакумова*. 1711. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 942. Л. 3, За, 16.

¹³ *Опись перечневая оружия и оружейных припасов в Оружейной верхней палате ж на Потешном и Оружейном дворах*. 1716. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 943. Л. 11 об.

¹⁴ *Опись оружия, оружейных уборов и амуниционных вещей*. 28 февраля 1730 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1244. Л. 23.

¹⁵ Русский замок на этой пиццали, изготовленный мастером Иваном Тоболиным (Тоболой), был опубликован нами в 2014 г. См.: Чубинский А. Н. Конструкции замков огнестрельного оружия и их наименования в русских источниках XVI — начала XVIII в. // *Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой международной научно-практической конференции 14—16 мая 2014 года*. СПб., 2014. Ч. IV. С. 410.

¹⁶ Забелин И. Е. *Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях*. М., 1895. Т. 1. С. 724.

- ¹⁷ Викторов А. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. М., 1883. Вып. 2. С. 443.
- ¹⁸ Чубинский А. Н. Русское огнестрельное оружие и снаряжение XVI — начала XVIII века. Каталог собрания Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». [В печати]. Пищаль с вкладным стволом находится в экспозиции музея. См.: Государева Оружейная палата. СПб., 2002. С. 248—249, 374—375, № 79. Её замок был опубликован в 2014 г. См.: Чубинский А. Н. Конструкции замков огнестрельного оружия и их наименования в русских источниках XVI — начала XVIII в. Там же.
- ¹⁹ Абецдарский Л. С. Белоруссия и Россия. Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI—XVII в. Минск, 1978. С. 231.
- ²⁰ Речь идет именно о мастерах царских мастерских. Наличие в России длинных кованых стволов артиллерийских орудий небольшого калибра и крепостных ружей говорит о существовании такой технологии. См.: Мышковский Е. В. Тихвинские пищали (Коллекция в фондах АИМ) // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Вып. 3. Л., 1958. С. 367—379.
- ²¹ О выдаче денег на всякие покупки в Оружейную палату к государевым верховым, приказным и оружейным вещам. 1668 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11295. Л. 23.
- ²² Роспись государевым оружейным делам, которые на праздник недели Святой Пасхи были ему великому государю в подносе. 22 марта 1668 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11708. Л. 4.
- ²³ Роспись оружию и мастеровым людям, которое делано в Оружейном приказе в поднос царю Алексею Михайловичу к празднику Светлой недели 1663. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8725. Л. 8.
- ²⁴ Там же. Л. 16.
- ²⁵ Ср., например, дуло известной пищали Б. Я. Бельского. См.: Аствацатурян Э. Г. Турецкое оружие в собрании Государственного Исторического музея. СПб., 2002. С. 205.
- ²⁶ О сделании вновь восьми пищалей длинных на турецкое дело с замками и станками. 1674. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 49433. Л. 1—2.
- ²⁷ О сделании в поднос к св. Пасхе стволов длинных ну турецкое дело. 1674. РГАДА. 396. Оп. 1. Ч. 32. Д. 49250. Л. 1.
- ²⁸ О поднесении для св. Пасхи царю Алексею Михайловичу разных вещей, сделанных в Оружейной палате по наряду. Апрель 1674. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1 Д. 14946. Л. 9.
- ²⁹ О сделании в Оружейной палате 88 пищалей длинных на турецкое дело. 15 июля 1674 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15000. Л. 1—2.
- ³⁰ О серебрении и позолоте в Оружейной палате 50 пищалей длинных гладких, что деланы вновь на турецкой образец. 16 декабря 1674 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15286. Л. 1.
- ³¹ О серебрении 50 замков на турецкий образец к пищалям длинным турецким. 1674 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15301. Л. 1.
- ³² О сделании пищалей по наряду в Оружейную палату. 19 декабря 1674 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15302. Л. 1.
- ³³ См.: Чубинский А. Н. Казачьи пищали в собрании Оружейной палаты // Материалы и исследования. Федеральное гос. бюджетное учреждение культуры

«Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль». Вып. 21. М., 2012. С. 124, 135, 137.

³⁴ Росписи отрывочные пищалям, пистолям, лукам и пр. 1682 (?). РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 20792. Л. 4.

³⁵ Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям в 1687 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. 1687. Л. 318.

³⁶ Если, конечно, эти предметы уже хранились в Оружейной палате в 1660—1670-е гг. Датировка этих стволов не ясна, в отличие от раннего турецкого оружия, они не имеют выреза под пороховую полку под запальным отверстием.

³⁷ О сделании на образец в Оружейную палату ствола пищального гладкого. 1674 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15241. Л. 1.

³⁸ О сделании в Оружейной палате ствола гладкого. 1674 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15253. Л. 1. 1.

³⁹ Автор выражает благодарность реставратору Музеев Московского Кремля В. А. Савилову.

⁴⁰ Гордеев Н. В. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII века // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 28.

⁴¹ О серебрении и позолоте в Оружейной палате 50 пищалей длинных гладких, что деланы вновь на турецкой образец. 16 декабря 1674 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15286. Л. 1.

⁴² Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. 1645—1676. Ст. 1192.

⁴³ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1872. Т. 12. С. 29.

⁴⁴ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб., 1889. Т. 11. С. 482—483.

⁴⁵ Савваитов П. И. Оружейная палата Кирилло-Белозерского монастыря, по описным книгам 1668 года. СПб., 1851. С. 9—11, 14—17, 32, № 1014, 1016—1018, 1020—1022, 1030, 1041, 1075—1078, 1085, 1087—1089, 1092, 1093, 1101, 1103, 1106, 1107, 1113, 1323. Отметим, что собственно крепостные ружья в этом документе описаны отдельно.

⁴⁶ Там же. С. 14—15. № 1075, 1076, 1087.

⁴⁷ Ленц Э. Э. Опись собрания оружия графа С. Д. Шереметева. СПб., 1895. С. 123—124, № 886. Государственный Эрмитаж, инв. № 3. О. 7944. Автор выражает искреннюю признательность сотрудникам Государственного Эрмитажа Ю. Г. Ефимову и М. Г. Зайченко за возможность ознакомиться с этим оружейным памятником.

⁴⁸ Там же. С. 123, № 882—664.

⁴⁹ См.: Чубинский А. Н. Казачьи пищали в собрании Оружейной палаты. С. 127—128.

⁵⁰ Маковская Л. К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV—XVIII веков. Определитель. М., 1992. С. 9.

⁵¹ Опись оружию и оружейным припасам после бывшего мастера Константина Аббакумова. 1711. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 942. Л. 3, За.

⁵² Мышковский Е. В. Ручное огнестрельное оружие русской армии периода Северной войны // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Вып. 4. Л., 1959. С. 65.

- ⁵³ Маковская Л. К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV—XVIII веков. С. 8—9, 29—30, 42, 140—141, рис. 104—105.
- ⁵⁴ Там же. С. 29, 41, 141, рис. 100.
- ⁵⁵ Там же. С. 141, рис. 100. Инв. № 10/42.
- ⁵⁶ Маковская Л. К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV—XVIII веков. Каталог. М., 1990. С. 149, кат № 247; Бранденбург Н. Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. СПб., 1877. Ч. I. С. 264, № ССLI.
- ⁵⁷ Книга описная Соловецкого монастыря и монастырской вотчины 1705 г. ОРПГФ. Рук. 1404. Л. 292.
- ⁵⁸ Эта величина с хорошей точностью совпадает с калибром образцового ствола, который ствольщик Оружейной палаты Никифор Кобелев был должен сделать в конце 1674 г. «пулею в дватцать одна пуля» (см. сноску 34).
- ⁵⁹ Яблонская Е. А. Огнестрельное оружие Нидерландов XVII—XVIII веков. С. 225, кат. 260.
- ⁶⁰ См.: Часовые отечества. Из истории российского казачества. Российский этнографический музей. Каталог выставки. СПб., 2006. С. 17, кат. 226.
- ⁶¹ Татарников К. В. Русская полевая армия 1700—1730. Обмундирование и снаряжение / Под ред. В. И. Егорова М., 2008. С. 54.
- ⁶² См. нашу статью «О так называемых “пикинерных копьях” Преображенского полка» в настоящем издании, с. 405—419.

Р. Н. Чумак (Санкт-Петербург)

**ОБ УЧАСТИИ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ
ВООРУЖЕНИЕМ ЧАСТЕЙ И СОЕДИНЕНИЙ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ АРМИИ НАРОДНОГО
ОПОЛЧЕНИЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ
ОБОРОНЫ ГОРОДА (ИЮЛЬ-СЕНТЯБРЬ 1941 г.)**

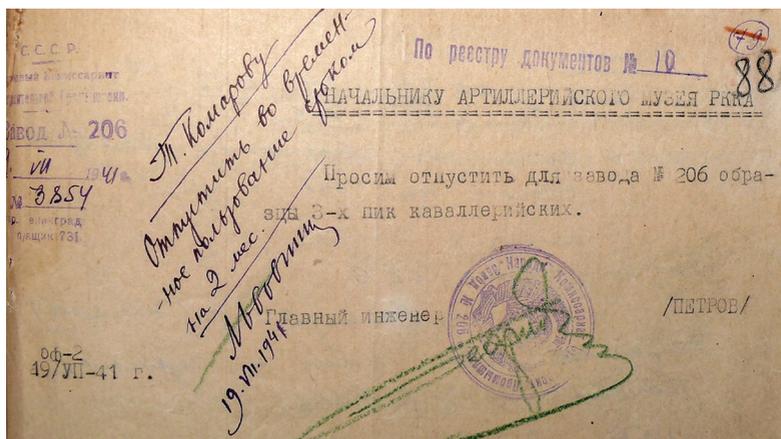
В НАЧАЛЕ ИЮЛЯ 1941 г. германские войска, выиграв у Красной армии приграничное сражение, быстро продвигались вглубь территории СССР. Целью одного из направлений удара стал Ленинград — крупный промышленный центр страны, узел железных дорог, опорная точка всего северного фланга сражающихся армий. На этом направлении германское командование сосредоточило 32 пехотные дивизии, 3 танковые, три моторизованные дивизии и ряд других частей и соединений. Советское командование прекрасно понимало ценность Ленинграда со всех точек зрения: военной, экономической и политической. На защиту города были брошены значительные силы, но их усилий оказалось недостаточно, и остановить германский натиск не удалось. И тогда на помощь фронту пришли жители Ленинграда. В первых числах июля для поддержки частей и соединений Красной армии, сражающихся на фронте, в городе началось формирование Ленинградской армии народного ополчения (ЛАНО) из 10 дивизий. В связи с резким ростом численности контингентов, подготавливаемых к участию в обороне города, остро встала проблема их вооружения. Изыскав резервы из запасов вооружения бывшего Ленинградского военного округа, Управление артиллерийского снабжения (УАС) Северного фронта смогло вооружить, пусть и с недостаточным укомплектованием относительно штата, первые три дивизии народного ополчения (ДНО): Кировскую,

Московскую и Фрунзенскую. На этом резервы фронта закончились, и вооружать очередные формирующиеся ДНО было нечем — оружие просто отсутствовало. Второй из огромного числа проблем в плане вооружения войск, готовящихся к защите Ленинграда, являлось практически полное отсутствие у них полевой артиллерии. Поставка орудий в Ленинград из центра в то время практически не осуществлялась, производительность ленинградских артиллерийских заводов была недостаточной, ряд разновидностей орудий полевой артиллерии в Ленинграде не выпускался.

Обстановка с вооружением складывалась очень тревожная. В середине июля дошло до того, что руководство города серьёзно рассматривало вопрос об изготовлении на заводах пик и другого холодного оружия для вооружения ими вновь формирующихся частей ЛАНО¹.

Конечно, такая мера была не только неэффективной, но и просто опасной с точки зрения морально-психологического состояния воинов, отправляющихся на защиту Ленинграда, особенно с учётом того, что в ДНО, уже находящихся на фронте, наблюдались опасные брожения по вопросу крайне недостаточного обеспечения войск оружием и боеприпасами (ил. 1)².

В этой обстановке командование Северного фронта приняло решение о сборе всего находящегося в городе огнестрельного

Ил. 1. Заявка завода № 206 от 19 июля 1941 г. на получение в АИМ образцов артиллерийских пик. Фото документа из архива ВИМАИВиВС

оружия и направлении его на вооружение вновь формирующихся ДНО и на другие нужды обороны. В рамках выполнения этого решения огнестрельное и холодное оружие было изъято из арсеналов ВОХР, милиции, спортивных обществ, охотничьих коллективов и даже из охотничьих магазинов и ломбардов³. Полученное в результате этого изъятия оружие невоенного типа отправлялось в разные военизированные организации города для замены имевшегося у них ранее оружия военного образца, которое, в свою очередь, передавалось в распоряжение УАС Северного фронта и далее направлялось на вооружение пополнений. 25 июля 1941 г. бюро ЛГК ВКП(б) приняло постановление «О приспособлении учебных винтовок и пулемётов в боевое оружие», в соответствии с которым в Ленинграде были развёрнуты и приступили к работе несколько специальных мастерских по ремонту учебного оружия.

Тяжёлая ситуация с обеспечением ЛАНО вооружением не могла не затронуть Артиллерийский исторический музей (АИМ), размещавшийся в Ленинграде в здании Кронверка Петропавловской крепости. В описываемое время АИМ являлся отдельной военной организацией, состоявшей в непосредственном подчинении Главного артиллерийского управления НКО. Музей возглавлял полковник Я. Ф. Куске, его заместителем был военный интендант 1-го ранга Львовский, на должностях заместителей начальника музея и начальников главных отделов находились действующие военнослужащие в звании не ниже майора. Артиллерийский исторический музей хранил значительную по объёму и разнообразию коллекцию артиллерийского вооружения и стрелкового оружия, стрелковых и артиллерийских боеприпасов, а также предметов снаряжения, формы одежды, произведений искусства и наград многих стран и народов с древнейших времен до текущего времени. Все эти предметы были учтены особым образом как культурные ценности, их оборот регламентировался специальными инструкциями и распоряжениями ГАУ. На каждый предмет, хранящийся в музее, имелась учётная карточка с описанием, вёлся централизованный учёт наличия и движения предметов внутри музея и за его пределами. Для этого в составе музея имелось специальное подразделение — отделение учёта музейных фондов. Статус музея мирного времени не предполагал использование музейных предметов, в том числе вооружения, по их изначальному

предназначению. Коллекции музея использовались в основном для обеспечения выставочных проектов и обучения слушателей ленинградских вузов и втузов особенностям устройства вооружения и военной техники.

Сложившееся в начале июля 1941 г. тяжёлое положение войск ЛАНО с обеспечением вооружением привело к тому, что командование Северного фронта по согласованию с ГАУ решило использовать возможности Артиллерийского исторического музея в плане получения из него части вооружения для его передачи как напрямую вновь формируемым ДНО, так и военной базе № 75 для ремонта и последующей выдачи в войска по указаниям УАС СФ.

Предметами из собрания музея, которые вошли в число планируемых к передаче, являлось артиллерийское вооружение под имевшиеся в армии боеприпасы, стрелковое оружие с ЗИП и патроны к нему, а также артиллерийские приборы современного типа. Возможности к этому у музея имелись. К середине 1941 г. в коллекции музея находилось значительное (по музейным меркам) количество образцов серийного стрелкового оружия иностранного образца (в основном винтовок), полученных в ходе собирательской работы сотрудников музея на фронте Советско-финляндской войны 1939—1940 гг., а также в ходе Освободительного похода РККА на территорию Восточной Польши (1939). Кроме того в музее хранились винтовки разных стран, оставшиеся в РККА после Гражданской войны и признанные к тому времени не нужными для использования и хранения в запасах вооружения РККА. Также в музее находился значительный запас учебного оружия (в основном, винтовок обр. 1891 и 1891/30 гг. с просверлёнными стволами), которое по каким-то причинам не нашло применения в действующей армии.

Первые выдачи музеем вооружения формируемым ДНО состоялись 5 июля 1941 г. В период с 5 июля по 27 сентября 1941 г. музей выдавал вооружение и другое военно-техническое имущество Выборгской, Куйбышевской, Октябрьской, Василеостровской ДНО, 59-му запасному зенитному полку, Ленинградскому Краснознамённому артиллерийскому техническому училищу, 17-й автотранспортной бригаде, в/ч № 13, 36-й запасной стрелковой бригаде, 56-й стрелковой дивизии, 2-му зенитно-пулемётному полку ПВО, складу ГСГ № 1177. Крупным получателем вооружения из музея являлась военная база № 75,

которая до войны имела статус артиллерийской базы вооружения Ленинградского военного округа. База имела собственные производственные мощности для проведения ремонта военной техники и оружия. Помимо артиллерийских орудий и стрелкового оружия, в июле—сентябре 1941 г. база № 75 получала в музее артиллерийские приборы и один раз 100 кг пушечной смазки. Всё это имущество было израсходовано базой на подготовку к боевому использованию вооружения, отправляемого на фронт (ил. 2, 3).

Кроме УАС СФ и ЛАНО, Артиллерийский исторический музей получал заявки на оружие от различных гражданских и военных организаций Ленинграда. Так, например, 19 июля 1941 г. в музей от завода № 206 поступила заявка на холодное оружие (пики кавалерийские — 3 шт.). 13 августа 1941 г. завод № 371 запросил в музее образцы холодного оружия (бебут, нож финский, пика кавалерийская, штык-тесак, штык германский с пилой и ножной — каждого образца по 1 шт.). Все заводы получили запрошенное оружие на временное пользование в соответствии с заявками⁴.

21 августа 1941 г. сборный пункт № 1 Дзержинского РВК г. Ленинграда попросил музей выдать для нужд пункта оружие: пики кавалерийские, штыки, винтовки, револьверы Нагана и патроны к оружию. Музей изыскал возможности и выдал по заявке: пик — 5 шт., штыков австрийских — 10 шт., винтовок 7,62-мм — 25 шт., револьверов Нагана — 3 шт., патронов — 360 штук⁵.

28 августа в музей поступила заявка на оружие от родственной организации — Центрального военно-морского музея. Моряки просили выдать им для охраны музея 6 винтовок германского образца и 200 патронов к ним. По этой заявке АИМ выдал винтовок Маузера германских — 3 шт., винтовок русских — 3 шт. Все винтовки были укомплектованы штыками и патронами — 100 штук германского и 100 штук русского образца⁶ (ил. 4).

14 августа 1941 г. музей выдал военной базе № 75 всё имеющееся у него крупнокалиберное автоматическое стрелковое оружие: 20-мм пушку ШВАК, 12,7-мм пулемёт ШВАК и 12,7-мм пулемёт ДШК без станка. Позже это оружие было использовано для изготовления зенитных пулемётных установок.

Накануне Великой Отечественной войны Артиллерийский исторический музей хранил не только стрелковое оружие, но

Форма № 123
Стандарт А4 210×297

9 июля 1941 г.

НАРЯД №В-021329

Артиллерийского Исторического музея
гор. Ленинград

Начальнику Артоснабжения Выборгской дивизии
(наименование получателя)

адрес получателя _____

отправки _____ средствами получателя

составителя по 15 июля 1941 года.

План обеспечения /заявка дивизии от 9.7.41г./

№	Наименование имущества	Единица учета	Подлежит отпуску		Отпущено		Мин. запас
			Категория	Количество	Категория	Количество	
	122 мм гаубица обр. 1910г. /одна/	шт		1			6/9
	76 мм пушка обр. 1902г. /одна/	"		1			15/25
	Буссоль с монокуляром /одна/	"		1			
	Лаворамы полевая /две/	"		2			

- ВА НАЧАЛЬНИКА 3 ОТДЕЛА АУ ЛВО
КАПТЕАН (КОЛЛЕЖ)

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА
КАПТЕАН (КОЛЛЕЖ)

Исполнительное выдано полностью в 1941 году
Выборгской дивизии : _____ /БАСИВ/

Склад : Нач. Отделения
Учета Экспонатов

Реконструкция - 3 полк. Фр. П. Полтава. № 5481. 10-VII-41

Ил. 2. Образец наряда артиллерийского управления Ленинградского военного округа от 9 июля 1941 г. на передачу артиллерийского вооружения из АИМ в Выборгскую дивизию народного ополчения. Фото документа из архива ВИМАИВиВС

реестру документов № 4/111

Фирма № 122
Стандарт А4 210x297

18 июля 1941 г.

32

НАРЯД № В-021870

Артиллерийского
Начальнику боевого склада №
Исторического Музея,
гор. Ленинград.

Начальнику Отделения Окт. Дивизии Н.О.
(наименование получателя)

г. Ленинград.

содержит средства получателя.

действителен по 20 июля 41 года.

заявка Штаба Окт. Дивизии АНО от 18.7.41г. за № II

№ по номер-кактуре	Наименование имущества	Единица учета	Подлежит отпуску		Отпущено		Примечание
			Категория	Количество	Категория	Количество	
	122 мм. полевая гаубица обр. 1932 года "КМ"						65
	/одна/	шт		I	ур	1/одна	
	122 мм. гаубица обр. 31г.						6/3 6/7
	/одна/	"		I	ур	1/одна	
	76 мм. противотанковая пушка обр. 1910г						нет
	/одна/	"		I			
	<u>Разрезные учебные снаряды</u>						
а/	76мм. и 122 мм. по 2 шт.						18/1/10
	/четыре/	"	по	2	ур	2	76мм./
б/	Граната ОФ и шраннель						122мм. ОФ шраннель 76
	/четыре/	"	по	2	по	1 шт	

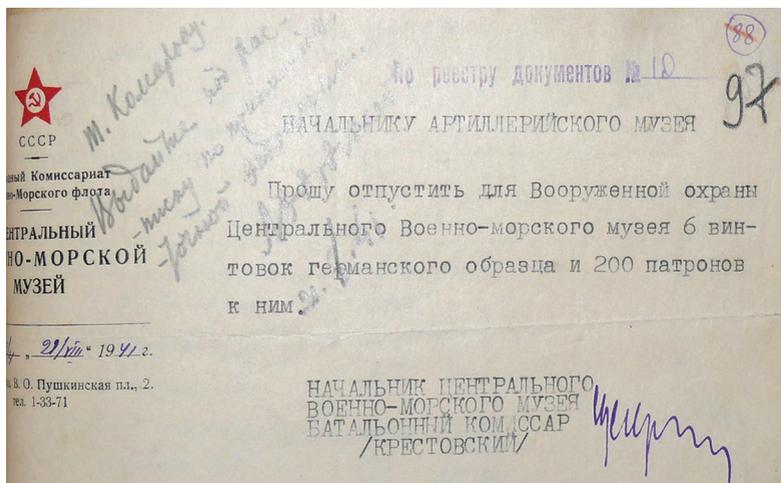
НАЧАЛЬНИК 3 ОТДЕЛА АУ СЕВЕРНОГО
ПОЛПОЛКОВНИК
(ПЕТРОВ)

СОТРУДНИК НАЧАЛЬНИКА 3 ОТДЕЛА
КАПИТАН
(ГЛАДЫШЕВ)

41г. №
овая

УСР Укрываграфтрест-3 полпр. Ф. №, Полтава. 23 5431.

Ил. 3. Образец наряда артиллерийского управления Северного фронта от 18 июля 1941 г. на передачу артиллерийского вооружения из АИМ в Октябрьскую дивизию народного ополчения. Фото документа из архива ВИМАИВиВС

Ил. 4. Заявка Центрального военно-морского музея от 28 августа 1941 г. на получение в АИМ винтовок и патронов к ним для охраны музея. Фото документа из архива ВИМАИВиВС

и патроны к нему и даже ручные гранаты, правда, в незначительном количестве. С началом войны и этот запас боеприпасов пошёл в дело. В июле 1941 г. для нужд Выборгской ДНО музей выдал 17 ручных гранат. В августе 1941 г. музей выдал военному складу № 379 винтовочных патронов разных калибров (русских, финских, японских, английских) — 2994 шт., патронов пистолетных и револьверных (6,35 мм ТК, 7,65 мм «Браунинг», 11 мм «Кольт», 7,65 мм «Парабеллум», 7,65 мм «Маузер», 9 мм «Парабеллум», 7,63 мм «Маузер», 7,62 мм ТТ, 7,62 мм к револьверу Нагана, 5,6 мм спортивные) — 3750 штук. Некоторое количество винтовочных патронов было выдано музеем вместе с винтовками по отдельным заявкам (не менее 560 шт.).

Ниже приведены сведения о выдаваемом из АИМ вооружении:

- раздел 1 — артиллерийское вооружение, приборы и учебные боеприпасы;
- раздел 2 — стрелковое оружие и патроны.

Раздел 1. Артиллерийское вооружение:

По наряду В-021329 от 05.07.41 г. для Выборгской ДНО⁷:

- 122-мм гаубица обр. 1910 г. — 1 шт.;
- 76-мм пушка обр. 1902 г. — 1 шт.

- По наряду № 22265 от 8.07.41 г. для в/б № 75⁸:
– спецпушсмазка — 100 кг.
- По наряду В-021326 от 08.07.41 г. для в/б № 75⁹:
– 76-мм горных пушек — 2 шт.;
– 76-мм танковых пушек обр. 1927/32 гг. — 2 шт.;
– 76-мм полковых пушек обр. 1927 г. — 3 шт.
- По наряду В-021330 от 9.07.41 г. для Куйбышевской ДНО¹⁰:
– 122-мм гаубица обр. 1910 г. — 1 шт.;
– 76-мм пушка обр. 1902 г. — 1 шт.;
– артиллерийские приборы — 2 шт.
- Приёмо-сдаточная ведомость от 15.07.41 г. для в/ч 13¹¹:
– бинокли — 2 шт.;
– стереотруба — 1 шт.;
– буссоль — 1 шт.;
– учебные артбоеприпасы — 4 шт.
- По наряду № 021365 от 17.07.41 г. для в/базы № 75¹²:
– 76-мм зенитных пушек обр. 1915 г. — 2 шт.;
– 76-мм зенитных пушек обр. 1915/28 г. — 1 шт.;
– 152-мм гаубиц обр. 1909/30 г. — 1 шт.
– 107-мм пушек обр. 1910/30 г. — 1 шт.
- По наряду № 021364 от 18.07.41 г. для Василеостровской дивизии¹³:
– 76-мм противотанковых пушек — 2 шт. с панорамами.
- По наряду № 021370 от 18.07.41 г. для Октябрьской ДНО¹⁴:
– 122-мм полевая гаубица обр. 1932 г. «КМ» — 1 шт.;
– учебные боеприпасы — 2 шт.
- По квитанции в/базы № 75 М/711 от 19.07.41 г.¹⁵:
– 152-мм осадная пушка обр. 1910/30 гг. с повозкой — 1 шт.;
– 122-мм корпусная пушка обр. 1931 г. — 1 шт.;
– 76-мм пушка обр. 1936 г. Ф-22 — 1 шт.
- По наряду В-021385 от 22.07.41 г. для ЛКАТУ¹⁶:
– 107-мм пушка обр. 1910/30 г. с передком и ЗИП — 1 шт.;
– 203-мм гаубица обр. 1931 г. с передком и ЗИП — 1 шт.
- Приёмо-сдаточная ведомость от 23.07.41 г. для ЛКАТУ¹⁷:
– учебных артбоеприпасов — 1 шт.
- По наряду № 022194 от 24.07.41 г. для 17-й автотранспортной бригады¹⁸:
– повозка В-10 для системы «Л-6» без ствола и люльки (оставлены в музее) — 1 шт.

По наряду МГ-3008 от 29.07.41 г. для 36-й запасной стрелковой бригады¹⁹:

– артиллерийские приборы — 17 шт.

По наряду № 3008/2 от 30.07.41 г. для командира 59-го запасного зенитного полка²⁰:

– зенитный прожектор — 2 шт.;

– артиллерийские приборы — 2 шт.

По приёмо-сдаточной ведомости от 14.08.41 г.²¹:

– 60-мм миномётов — 2 шт.;

– 81-мм миномётов — 1 шт.

По наряду № 3008 от 30.08.41 г. для командира 59-го запасного зенитного полка²²:

– компас — 3 шт.

По наряду № 3008/1 от 30.08.41 г. для в/базы № 75²³:

– артиллерийские приборы — 31 шт.

По наряду № 0213128 от 7.09.41 г. для в/базы № 75²⁴:

– артиллерийские приборы — 3 шт.

Обобщённые сведения о разновидностях и количестве выданного музеем артиллерийского вооружения приведены в таблице 1.

Табл. 1

Сведения о разновидностях и количестве выданного музеем артиллерийского вооружения (июль—сентябрь 1941 г.)

Наименование артиллерийского вооружения	Кол-во
203-мм гаубица обр. 1931 г.	1
152-мм осадная пушка обр. 1910/30 г.	1
152-мм гаубица обр. 1909/30 г.	1
122-мм гаубица обр. 1910 г.	2
122-мм гаубица обр. 1932 г. «КМ»	1
122-мм корпусная пушка обр. 1931 г.	1
107-мм пушка обр. 1910/30 гг.	2
76-мм пушка обр. 1902 г.	2
76-мм горная пушка	2
76-мм танковая пушка обр. 1927/32 г.	2
76-мм полковая пушка обр. 1927 г.	3
76-мм зенитная пушка обр. 1915 г.	2
76-мм зенитная пушка обр. 1915/28 гг.	1
76-мм противотанковая пушка	2

Наименование артиллерийского вооружения	Кол-во
76-мм пушка обр. 1936 г Ф-22	1
Миномёты	3
Всего образцов артиллерийского вооружения	27

Раздел 2. Стрелковое оружие:

Наряд № 031853/871 от 9.07.41 г. для Выборгской ДНО²⁵:

– винтовка обр. 1891 г. учебная — 130 шт.

Наряд № 3190/410 от 10.07.41 г. для Выборгской ДНО²⁶:

– винтовка обр. 1891/30 г. — 85 шт.;

– винтовка «Винчестер» — 17 шт.

Наряд № 031893 от 10.07.41 г. для 2-го зенитно-пулемётно-го полка ПВО²⁷:

– счетверённая пулеметная установка без машины — 1 шт.

Наряд № 0311079/1090 от 16.07.41 г. для ЭГ № 1444²⁸:

– револьвер Нагана — 3 шт.

Наряд № 0311128/1153 от 17.07.41 г. для ЛАНО²⁹:

– станковый пулемёт Максима учебный — 2 шт.;

– станковый пулемёт Максима боевой — 2 шт.;

– ручной пулемёт ДП учебный — 1 шт.;

– винтовка обр. 1891/30 г. с гранатомётом Дьяконова, прицелом и сошками — 2 шт.;

– снайперская винтовка обр. 1891/30 г. — 5 шт.;

– самозарядная винтовка СВТ-40 боевая — 1 шт.;

– карабин — 1 шт.;

– винтовка обр. 191/30 г. разрезная — 2 шт.;

– винтовка обр. 1891/30 г. учебная — 9 шт.

Наряд № 0311202/1238 от 20.07.41 г. для склада ГСГ № 1177³⁰:

– револьвер Нагана — 5 шт.

Наряд № 0311207/1256 от 21.07.41 г. для ЛАНО³¹:

– ручной пулемёт ДП — 3 шт.;

– танковый пулемёт ДТ — 3 шт.;

– станковый пулемет Максима — 5 шт., из них 4 боевых и 1 учебный, из боевых 1 шт. финский;

– станковый пулемёт ДС учебный — 1 шт.;

– пистолет-пулемёт ППД — 1 шт.;

– ЗИП разный (прицелы, замки к ПМ, магазины, чехлы, маслѐнки, коробки для лент).

Наряд № 0311523/1665 от 02.08.41 г. для КУКС РККА по физическому воспитанию³²:

– 5,6-мм револьвер Нагана – 8 шт.

Наряд № 3008 от 30.08.41 г. для 36-й запасной стрелковой бригады³³:

– винтовка обр. 1891 г. – 1 шт.;

– карабин – 1 шт.;

– пистолет-пулемёт Суоми – 1 шт.;

– пистолет-пулемёт ППД – 1 шт.;

– винтовка австрийская – 25 шт.;

– винтовка германская – 35 шт.;

– винтовка финская – 3 шт.;

– охотничьи ружья – 3 шт.;

– ЗИП к оружию разных.

Наряд № 0312170/2209 от 13.09.41 г. для в/б № 75³⁴. По этому наряду по ПСД № 1049 выдано:

– 7,62-мм винтовка обр. 1891 г. – 8 шт.;

– винтовка финская – 5 шт.;

– винтовки иностранные всего 33 шт., из них винтовок Маузера германских – 14 шт., турецких – 19 шт.;

– винтовка Манлихера австрийская – 42 шт.

Наряд № 0312451/2335 от 27.09.41 г. для в/б № 75³⁵:

– винтовка обр. 1891 г. боевая – 3 шт.;

– карабин – 1 шт.;

– винтовка Маузера турецкая – 9 шт.;

– винтовка обр. 1891 г. сверлёная – 3 шт.;

– охотничье ружье «Ригби» – 1 шт.;

– ЗИП к оружию разных.

Обобщённые сведения о разновидностях и количестве выданного музеем стрелкового оружия приведены в таблице 2.

Табл. 2

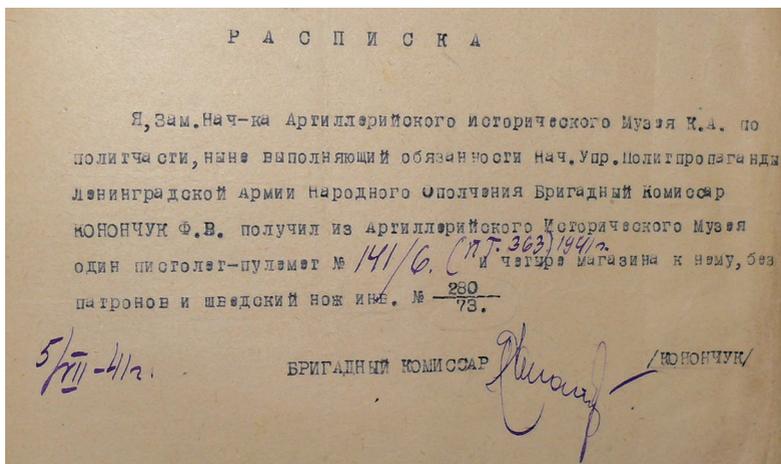
Сведения о разновидностях и количестве выданного музеем стрелкового оружия (июль–сентябрь 1941 г.)

Наименование оружия	Кол-во
Винтовка обр. 1891 г. боевая	40
Винтовка обр. 1891 г. учебная	133
Винтовка обр. 1891/30 г. боевая	85
Винтовка обр. 1891/30 г. учебная	9

Об участии АИМ в обеспечении вооружением народного ополчения

Наименование оружия	Кол-во
Винтовка обр. 1891/30 г. разрезная	2
Винтовка обр. 1891/30 г. снайперская	5
Винтовка обр. 1891/30 г. с гранатомётом Дьяконова	2
Карабин (без указания моделей)	3
Винтовка СВТ-40 боевая	1
Винтовка Маузер германская	52
Винтовка Маузер турецкая	28
Винтовка финская	8
Винтовка Манлихер австрийская	67
Винтовка Винчестер	17
Пулемёт ДП учебный	1
Пулемёт ДП боевой	3
Пулемёт ДТ боевой	3
Пулемёт Максима станковый боевой	5
Пулемёт Максима учебный	3
Пулемёт Максима финский боевой	1
Пулемёт ДС станковый учебный	1
Пистолет-пулемёт ППД	3
Пистолет-пулемёт Суоми финский	1
Револьвер Нагана	19
Ружья охотничьи	4
Зенитно-пулемётная установка «4М»	1
Всего образцов стрелкового оружия	497

В целом, в июле—сентябре 1941 г., в период формирования ДНО, т. е. на начальном этапе обороны города, музеем было выдано в войска 27 артиллерийских орудий разных калибров, 497 единиц стрелкового оружия, а также не менее 7304 шт. патронов к нему. Следует ещё раз заострить внимание на том, что музей выдавал не просто вооружение из запасов РККА, которое по каким-то причинам хранилось на его территории, а именно музейные предметы, т. е. вооружение, официально имевшее к тому времени статус культурных ценностей. Дополнительным подтверждением тому является выдача в войска нескольких образцов опытного и экспериментального вооружения (122-мм гаубица «КМ», тележка к опытному 100-мм зенитному орудью Л-6).

Ил. 7. Расписка заместителя начальника АИМ по политчасти бригадного комиссара Ф. В. Конончука от 5 июля 1941 г. о получении в музее оружия для личного вооружения перед отбытием на фронт. Фото документа из архива ВИМАИВиВС

организаций-получателей после предъявления ими доверенностей. Все эти документы сохранились в архивном деле. Иногда

Ил. 8. Заместитель начальника АИМ по политчасти бригадный комиссар Ф. В. Конончук

вооружение по одному наряду выдавалось в несколько приёмов, при этом на каждую выдачу в счёт наряда оформлялась отдельная ПСВ. После завершения выдачи вооружения по тому или иному наряду он закрывался установленным порядком с полным оформлением в нём всех сведений о выдаваемом вооружении: указывалось его наименование, категория, количество и номера — серийные (заводские) и учётные музейные. Для сложных образцов вооружения (например, прожекторная станция) составлялся специальный акт приёма, в котором отражалось точное состояние, укомплектованность и работоспособность изделия (ил. 5, 6).

Помимо снабжения фронта оружием, представители музея приняли непосредственное участие в обороне города в составе боевых формирований. 4 июля 1941 г. заместитель директора музея по политчасти бригадный комиссар Ф. В. Конончук был назначен на должность начальника управления политпропаганды образованной Ленинградской армии народного ополчения. 5 июля 1941 г. он получил в музее пистолет-пулемёт Дегтярёва и шведский нож, после чего убыл к новому месту службы. В течение всего периода формирования дивизий народного ополчения Ф. В. Конончук участвовал в работе по подбору и подготовке личного состава и обеспечению его вооружением. В конце сентября 1941 г., когда работа по формированию народного ополчения Ленинграда была завершена, он вступил в должность комиссара 7-й дивизии народного ополчения, которая заняла боевые позиции в районе Автова. Впоследствии Ф. В. Конончук проходил службу в различных частях и соединениях Ленинградского фронта, участвовал в боях, был награждён орденами и медалями СССР (ил. 7—8).

Таким образом, Артиллерийский исторический музей принял активное участие в вооружении войсковых частей РККА накануне и в начале блокады Ленинграда, когда в городе практически полностью отсутствовали запасы оружия, а его подача из центра ещё не была налажена. Вклад Артиллерийского исторического музея в вооружение дивизий ленинградского Народного ополчения имел большое значение: эти соединения смогли затормозить наступательный порыв вермахта на подходах к городу, выиграть время для организации обороны и, в конечном счёте, не допустить захвата Ленинграда противником.

¹ В. И. Демидов. Снаряды для фронта. Л., 1985. С. 32.

² А. Р. Дзенискевич. Фронт у заводских стен. Малоизученные проблемы обороны Ленинграда 1941—1944. СПб., 1998. С. 52—56.

³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 9. Д. 59. Л. 113 об.

⁴ Там же. Л. 88; 92.

⁵ Там же. Л. 94—95.

⁶ Там же. Л. 97—98.

⁷ Там же. Оп. 4. Д. 16. Л. 9—10.

⁸ Там же. Л. 23.

⁹ Там же. Л. 9—10.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. Л. 43.
- ²⁶ Там же. Л. 129.
- ²⁷ Там же. Л. 109.
- ²⁸ Там же. Л. 79.
- ²⁹ Там же. Л. 73.
- ³⁰ Там же. Л. 81.
- ³¹ Там же. Л. 68.
- ³² Там же. Л. 82.
- ³³ Там же. Л. 106.
- ³⁴ Там же. Л. 54—54 об.
- ³⁵ Там же. Л. 58.

*Р. Н. Чумаков (Санкт-Петербург),
М. Л. Гриф (Пермь)*

ОРУДИЯ «ОСОБОЙ ДОСТАВКИ» ШВЕДСКОЙ ФИРМЫ «БОФОРС» В КОЛЛЕКЦИИ ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ АРТИЛЛЕРИИ, ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК И ВОЙСК СВЯЗИ

СРЕДИ ОБШИРНОЙ КОЛЛЕКЦИИ артиллерийских орудий, хранящихся в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи, есть несколько образцов, которые по многим признакам разработаны в 1920—1930 гг. за пределами СССР, но не имеют никакой заводской маркировки. Эти орудия являются материальными свидетельствами военно-технического сотрудничества, которое вёл СССР в указанные годы с некоторыми западными странами с целью разработки современных образцов военной техники для вооружения РККА. Сам факт такого сотрудничества давно хорошо известен исследователям истории отечественной артиллерии, но авторы сочли целесообразным в настоящей статье привести основные сведения об этих событиях.

Экономическое, и в том числе военно-техническое, сотрудничество Советской России со странами Запада на легальной основе началось с 1922 г. после международной конференции по экономическим и финансовым вопросам в Генуе, где первое в мире государство рабочих и крестьян де-юре и де-факто было признано ведущими мировыми державами. Новая власть понимала, что без серьёзной иностранной помощи в короткие сроки не удастся восстановить народное хозяйство, а также обновить вооружение и военную технику РККА и РККФ. Поэтому соответствующие органы советского правительства начали активно налаживать экономические связи с большинством стран Европы, а также с США и даже с Японией.

Говоря о военно-техническом сотрудничестве СССР с зарубежными странами в области артиллерийского вооружения в межвоенный период (1922—1941 гг.) прежде всего следует упомянуть контакты с Германией. Сотрудничество с этой страной велось по трём основным направлениям:

- приобретение Германией в СССР артиллерийских боеприпасов;
- приобретение СССР в Германии образцов артиллерийского вооружения и лицензий на производство некоторых из них;
- работа немецких конструкторов-артиллеристов непосредственно в СССР по разработке современных систем артиллерийского вооружения.

21 апреля 1930 г. на расширенном заседании Совета Труда и Оборона с представителями промышленности были приняты решения по программе производства новых систем артиллерийского вооружения с использованием технической помощи, предоставленной фирмой «Рейнметалл», и о создании объединённого конструкторского бюро. 6 августа 1930 г. между фирмой «Рейнметалл» и обществом с ограниченной ответственностью «БЮТАСТ», представлявшим интересы советского правительства, был подписан договор о приобретении лицензий на производство в СССР ряда разработанных этой фирмой артиллерийских систем. В список конструкций, отобранных советской делегацией, входили 76,2-мм зенитная пушка, 152-мм мортира («средний миномёт»), 152-мм полевая гаубица, 37-мм противотанковая пушка, а также 20-мм и 37-мм зенитные автоматы. Из этих артиллерийских систем в массовое серийное производство удалось запустить только 37-мм противотанковую пушку 1-К и 76-мм зенитную пушку 3-К. 152-мм мортиру и гаубицу изготовили малыми сериями. 20- и 37-мм зенитные автоматы германского производства так и не были освоены советской промышленностью по причине их высокой технологической сложности.

Особое конструкторское бюро КБ-2 Народного комиссариата тяжёлой промышленности (НКТП), в котором работали немецкие и советские специалисты, разрабатывало несколько артиллерийских систем, в частности, 122-мм дивизионную гаубицу и 122-мм корпусную пушку. В силу различных причин большинство созданных в этом КБ орудий так и не пошло в серию, за исключением 122-мм корпусной пушки А-19. В 1933 г. немецкие конструкторы вернулись в Германию.

Что же касается военно-технического сотрудничества СССР с другими странами в области артиллерии, то можно упомянуть закупки в Чехословакии (76-мм горная пушка, 105-мм полевая пушка, 210-мм и 305-мм пушки и гаубица большой мощности, поточные линии для производства боеприпасов, специальные станки), Италии (100-мм корабельные установки системы Минизини), Франции (25-мм автоматическая пушка Гочкиса).

Как было указано выше, главным подрядчиком для СССР в области разработки артиллерийского вооружения была Германия. Об участии в военно-техническом сотрудничестве с СССР других стран, например, Швеции, известно существенно меньше. В большинстве публикаций по истории отечественной артиллерии межвоенного периода Швеция связывается только с 40-мм автоматической зенитной пушкой фирмы «Бофорс» модели L/70, которая стала прототипом советской 37-мм зенитной автоматической пушки обр. 1939 г. В то же время, обнаружилось свидетельства участия Швеции в сотрудничестве с СССР в части создании орудий полевой артиллерии. В ходе исследования удалось установить, что в 1927—1928 гг. советские специалисты из специальной комиссии Военведа, а также гражданские инженеры из Орудийно-арсенального треста (ОАТ) несколько раз посетили завод фирмы «Бофорс», где им продемонстрировали ряд моделей артиллерийских орудий и другие новшества артиллерийской техники¹. Очевидно, в это же время состоялись некие договорённости о дальнейшем сотрудничестве между СССР и фирмой «Бофорс», в результате которого в СССР были поставлены артиллерийские орудия интересующих советскую сторону типов для подробного изучения.

В коллекции ВИМАИВиВС находятся два орудия «Особой доставки»², разработанные и изготовленные в конце 1920-х гг. в Швеции фирмой «Бофорс» для СССР: 76-мм полевая пушка и 107-мм пушка. Орудия поступили в музей в 1938 г. из Артиллерийского научно-испытательного опытного полигона (АНИОП) и на момент поступления считались секретными³. В архиве музея выявлены документы, содержащие описания особенностей конструкции пушек фирмы «Бофорс», некоторые их технические характеристики и результаты испытаний. Кроме того, имеется указание об использовании одного из орудий при разработке новых моделей отечественных артиллерийских орудий в первой половине 1930-х гг. Эта информация является важной

Ил. 1.1. Внешний вид 76-мм пушки «Бофорс» Особой доставки и её наиболее характерных узлов и агрегатов. ВИМАИВиВС МЧА 03/127. Фото ВИМАИВиВС

для понимания хода развития отечественной школы проектирования артиллерии (ил. 1).

Орудие данного типа было изготовлено фирмой «Бофорс» специально для СССР на базе опытной 75-мм полевой пушки⁴ путём доработки её канала ствола под использование отечественного 76-мм выстрела от полевой пушки обр. 1902 г.

Пушка имела следующие особенности конструкции⁵:

1. ствол моноблок с навинтным казёнником. Труба могла быть отделена от казённика и при необходимости заменена в полевых условиях;

2. затвор клиновой, вертикальный, с ручным открыванием и автоматическим закрыванием после досылки в камору патрона;

3. люлька специальной конструкции завода «Бофорс». Во время отката ствол перемещался по передней и задней трубчатым опорам, снабжённым роликами;

4. тормоз откатных частей гидравлический, с переменной длиной отката, расположен под стволом;

5. накатник воздушно-гидравлический, расположен под стволом;

6. лафет с раздвижными качающимися, складывающимися в походном положении станинами;

7. подъёмный механизм расположен с правой стороны от ствола, поворотный механизм расположен с левой стороны от ствола;

Ил. 1.2—7. Внешний вид 76-мм пушки «Бюфурс» Особой доставки и её наиболее характерных узлов и агрегатов. ВИМАИВиВС МЧА 03/127. Фото ВИМАИВиВС

8. уравнивание ствола искусственное с помощью уравнивающего механизма. Уравнивающий механизм пружинный толкающего типа;

9. ход с индивидуальным подрессориванием каждого колеса;

10. колёса деревянные, спицованные, со стальной шиной;

11. прицельное приспособление состоит из независимого механического прицела и панорамы, позволяет компенсировать наклон цапф до 7° в каждую сторону (приводит стол панорамы в горизонтальное положение), а также угол местности от -10° до $+45^\circ$;

12. дульный тормоз активного типа, однокамерный щелевой, съёмный.

Некоторые технические данные 76-мм полевой пушки Особой доставки фирмы «Бофорс» приведены в таблицах 1, 2 и 3.

Табл. 1

**Основные данные 76-мм полевой пушки
Особой доставки фирмы «Бофорс»⁶**

№ п/п	Параметр	Значение
1	Вес снаряда, кг	6,5
2	Вес боевого заряда, кг	Около 1,3
3	Начальная скорость снаряда, м/с	700
4	Наибольшее давление пороховых газов, кг/см ²	2400
5	Полная длина ствола в калибрах	45
6	Наибольшая дальность, м	около 14 000
7	Вес системы в боевом положении (без щита), кг	1505
8	Дульная энергия, т. м	162
9	Способ заряжания	унитарное
10	Количество людей, обслуживающих орудие, чел.	4–5

Табл. 2

**Конструктивные данные 76-мм полевой пушки
Особой доставки фирмы «Бофорс»⁷**

№ п/п	Параметр	Значение
1	Калибр, мм	76,2
2	Вес ствола с затвором, кг	400

№ п/п	Параметр	Значение
3	Крутизна нарезов прогрессивная, калибр	45/25
4	Углы возвышения, град.	-10° + 45°
5	Горизонтальный обстрел, град.	60°
6	Длина отката переменная: длинный откат, мм короткий откат, м	1350 800
7	Скорострельность (практическая), выстр./мин	около 10
8	Давление лафета на передок, кг	108
9	Коэффициент использования металла	104

Табл. 3

**Габаритные данные 76-мм полевой пушки
Особой доставки фирмы «Бюфорс»⁸**

№ п/п	Параметр	Значение
1	Высота линии огня, мм	1255
2	Высота окуляра панорамы, мм	1310
3	Длина всей системы в боевом положении, мм	6320
4	Горизонтальное расстояние между раздвинутыми сошниками, мм	4830
5	Высота системы при угле возвышения 0°, мм	1760
6	Ширина хода, мм	1530
7	Диаметр колеса, мм	1400
8	Ширина шины, мм	102
9	Расстояние сошника от опоры колёс, мм	3220

В соответствии со справкой АНИОП от 19 февраля 1941 г., хранящейся в архиве ВИМАИВиВС, 76,2-мм пушка «Бюфорс» была доставлена в СССР в 1929 г. и испытывалась на АНИОП с 1930 по 1934 г. Результаты испытания орудия на полигоне приведены ниже⁹.

За весь период испытаний из 76,2-мм пушки «Бюфорс» было сделано 632 выстрела и пройдено возкой расстояние 100 км. Испытания стрельбой проводились снарядами двух видов: особой доставки и отечественного изготовления. Меткость снарядами особой доставки колебалась в пределах 1/197-1/253 при

предельной дальности стрельбы 13 560 м. Меткость отечественными снарядами составила 1/250 при предельной дальности стрельбы 12 290 м. После 375 выстрелов наблюдался большой износ канала и омеднение значительно большее, чем у отечественных 76-мм пушек обр. 1902/30 г. Обкатка орудия проводилась со скоростью 15 км/ч. При испытании произошло расстройство колёс — имел место выход спиц из обода на 5 мм и их болтание.

Кроме того, в справке полигона отмечены другие недостатки этого орудия¹⁰:

1. большой вес;
2. большое давление хобота на грунт;
3. большое давление на шворень передка;
4. необходимость тщательной подготовки позиции в зимнее время;
5. сложность прицела;
6. ослабление заклёпок кронштейна на креплении шворневого кольца;
7. поломка верхнего левого соединительного винта тормоза и ряд других неисправностей.

После испытаний на полигоне система подвергалась войсковым испытаниям. На войсковых испытаниях 76-мм пушки «Бофорс» дополнительно были выявлены следующие недостатки:

1. неудобство наблюдения за пузырьками уровня прицела в зеркальце на прицеле;
2. большая чувствительность уровней, что снижало скорострельность;
3. сбиваемость наводки;
4. более длительный переход из походного положения в боевое (9 лишних движений) по сравнению с 76-мм пушкой обр. 1902/30 г.;
5. наиболее трудоёмкая операция при переводе орудия в боевое положение — разведение станции и откидывание задних частей станин с сошниками с закреплением их;
6. Среднее время, затрачиваемое на приведение станин в боевое положение на песчаном грунте — около 6 минут.

107-мм пушка «Бофорс» со стволом длиной 42 калибра Особой доставки фирмы «Бофорс» (ВИМАИВиВС МЧА 03/126)

Орудие данного типа является шведской 105-мм пушкой модели «10,5 cm kanon m/27»¹¹, доработанной под использование

отечественного 107-мм выстрела от полевой пушки обр. 1910 г. путём расточки канала ствола и зарядной камеры (ил. 2).

Пушка, доставленная в СССР, имела следующие особенности конструкции¹²:

1. ствол состоит из свободной трубы и кожуха, казённик навинтной;

2. затвор клиновой, горизонтальный, с ручным приводом;

3. люлька коробчатая с полозьями для направления движения ствола;

4. уравнивание ствола искусственное с помощью уравнивающего механизма. Уравнивающий механизм пружинный толкающего типа;

5. тормоз откатных частей гидравлический, с переменной длиной отката, расположен внутри люльки;

6. накатник воздушно-гидравлический, расположен внутри люльки;

7. лафет с раздвижными станинами, верхним и нижним станком;

8. верхний станок изготовлен из кованной стали, нижний станок из штампованной. Станины изготовлены из штампованных стальных листов;

9. подъёмный механизм расположен с правой стороны от ствола, поворотный механизм расположен с левой стороны от ствола;

10. ход с подрессориванием, упругий элемент пружинного типа с гидравлическим выключателем подрессоривания. Выключение

Ил. 2. 105-мм пушка «Бюфорс» M27 (Швеция)

Ил. 3.1. Внешний вид 107-мм пушки «Бофорс» Особой доставки и её наиболее характерных узлов и агрегатов. Фото ВИМАИВиВС

подрессоривания осуществляется при переводе орудия в боевое положение;

11. колёса из штампованных стальных дисков с резиновой шиной;

12. сошники съёмные;

13. прицельное приспособление устроено по принципу подведения стрелок (указателей) с оптической трубой (визиром) кругового наблюдения. Прицельная линия не изменяется при изменении угла прицеливания;

14. прицельное приспособление состоит из механического прицела и панорамы, позволяет компенсировать наклон цапф до 7° в каждую сторону (приводит стол панорамы в горизонтальное положение), а также угол местности от -10° до $+45^\circ$;

15. перевозка производится трактором без передка (ил. 3).

Некоторые технические данные 107-мм полевой пушки Особой доставки фирмы «Бофорс» приведены в таблицах 4, 5 и 6.

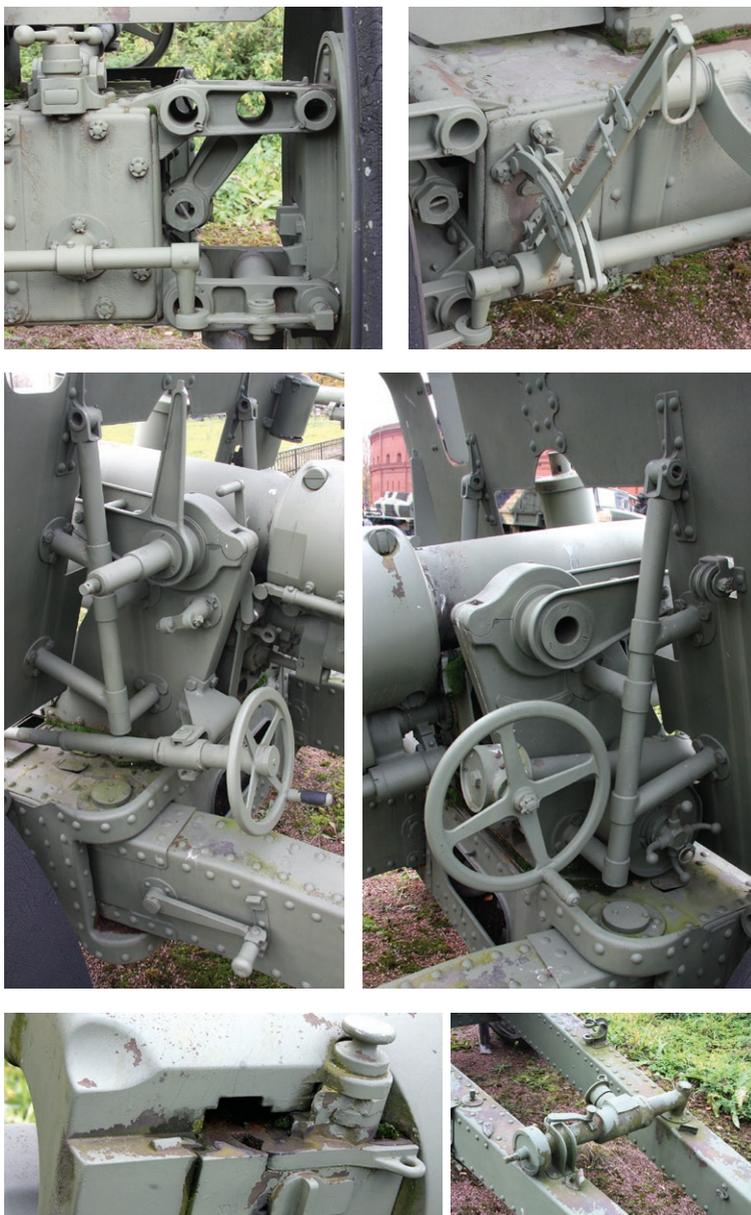
Табл. 4

**Основные данные 107-мм полевой пушки
Особой доставки фирмы «Бофорс»¹³**

№ п/п	Параметр	Значение
1	Вес снаряда, кг	16
2	Вес боевого заряда, кг	3,65
3	Начальная скорость снаряда, м/с	750
4	Наибольшее давление пороховых газов, кг/см ²	2500

Ил. 3.2—5. Внешний вид 107-мм пушки «Бофорс» Особой доставки и её наиболее характерных узлов и агрегатов. Фото ВИМАИВиВС

Ил. 3.6—11. Внешний вид 107-мм пушки «Бюфорс» Особой доставки и её наиболее характерных узлов и агрегатов. Фото ВИМАИВиВС

Орудия шведской фирмы «Бюфорс» в коллекции ВИМАИВиВС

№ п/п	Параметр	Значение
5	Полная длина ствола в калибрах	42
6	Наибольшая дальность, м	17 000
7	Вес системы в боевом положении (без щита), кг	3675
8	Дульная энергия, т. м	458
9	Способ заряжания	Раздельно-гильзовый
10	Количество людей, обслуживающих орудие, чел.	5–6

Табл. 5

**Конструктивные данные 107-мм полевой пушки
Особой доставки фирмы «Бюфорс»¹⁴**

№ п/п	Параметр	Значение
1	Калибр, мм	107
2	Вес ствола с затвором, кг	1190
3	Крутизна нарезов – прогрессивная, калибры	45/30
4	Углы возвышения, град.	–3°— +45°
5	Горизонтальный обстрел, град.	60°
6	Длина отката – переменная: длинный откат, мм короткий откат, мм	1500 900
7	Скорострельность (практическая), выстр./мин	4
8	Давление лафета на передок, кг	108

Табл. 6

**Габаритные данные 107-мм полевой пушки
Особой доставки фирмы «Бюфорс»¹⁵**

№ п/п	Параметр	Значение
1	Высота линии огня, мм	1335
2	Высота окуляра панорамы, мм	1550
3	Длина всей системы в боевом положении, мм	7245

№ п/п	Параметр	Значение
4	Горизонтальное расстояние между раздвинутыми сошниками, мм	5600
5	Высота системы при угле возвышения 0°, мм	1760
6	Ширина хода, мм	1860
7	Диаметр колеса, мм	1240
8	Ширина шины, мм	215

В соответствии со справкой АНИОП от 19 февраля 1941 г., хранящейся в архиве ВИМАИВиВС, 107-мм пушка «Бофорс» была доставлена на полигон в собранном виде в январе 1930 г.¹⁶ Её полигонные испытания проводились дважды: первый раз в начале 1930 г. и второй раз с июля по сентябрь 1933 г. В ходе первого испытания орудие прошло отстрел на 450 выстрелов, в том числе снарядами особой доставки, поступившими от фирмы-изготовителя. При этом из ствола № 1 было сделано 250 выстрелов, из ствола № 2 — 200 выстрелов. При втором испытании орудие было испытано 300 выстрелами и возкой на 250 км. Существенных дефектов при испытании орудия не обнаружено, но наблюдался значительный износ канала ствола и его меньшая живучесть по сравнению со стволами 107-мм пушек обр. 1910/30 г. Это получилось, по заявлению представителя фирмы «Бофорс», присутствовавшего на испытаниях, вследствие производственного дефекта (стволы растачивались со 105 до 107 мм), а также стрельбы снарядами особой доставки, изготовленными за пределами СССР¹⁷. В целом, у орудия были выявлены только 2 существенных недостатка¹⁸:

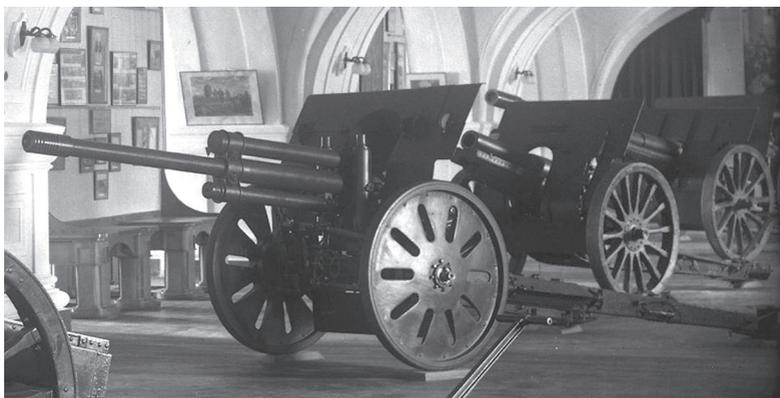
1. во время установки пушки на позиции и во время стрельбы требуется тщательное наблюдение за тем, чтобы станины надёжно упирались в грунт, так как в противном случае возможен прогиб станин;

2. сравнительно большой вес.

Представляют интерес результаты осмотра пушек фирмы «Бофорс», находящихся в собрании ВИМАИВиВС. У 76,2-мм пушки неисправен механизм открывания затвора: выявлены следы поломки механизма закрывающей пружины затвора, сама пружина и её крышка отсутствуют. Также отсутствуют главные элементы привода затвора — кривошип с осью. Никаких заводских маркировок на орудии нет.

107-мм пушка не имеет внешне заметных повреждений. Заводские маркировки на орудии отсутствуют, но на затворе выявлено обозначение — «№ 1». Очевидно, в данном случае эта цифра обозначает номер ствола, которых вместе с орудием было поставлено 2 шт.¹⁹ На резиновой шине одного из колёс находится надпись: «FRANCE 1240x250». В данном случае цифровые обозначения означают типоразмер шины, а обозначение «FRANCE» указывает на страну-изготовителя колеса или грузошины к нему — Франция.

Отдельно следует остановиться на определении сути влияния пушек Особой доставки фирмы «Бюфорс» на разработку отечественных орудий полевой артиллерии. Имеется достаточно оснований считать, что 76,2-мм пушка фирмы «Бюфорс» вызвала значительный интерес у советских артиллерийских инженеров. Предпринималась ли в СССР попытка изготавливать это орудие? Основания так считать имеются: в протоколе Реввоенсовета СССР от 13 февраля 1931 г. № 8 п. 5 «О разрешении на валовые и серийные заказы» в подпункте «д» имеется упоминание 76-мм дивизионной пушки «Бюфорс». Сведений о выполнении этого решения РВС авторы пока не выявили, но, как минимум, одно такое орудие было изготовлено. В книге видного советского конструктора артиллерийских орудий В. Г. Грабина «Оружие победы» есть описание некоторых эпизодов стрельб из опытных орудий, произошедших на АНИОП в июле—августе 1935 г.²⁰ В одном из них содержится такой текст: «*За нашими пушками стояли 76-миллиметровая полууниверсальная пушка К-25, 76-миллиметровая дивизионная пушка, изготовленная по чертежам, снятым с образца шведской системы “Бюфорс”, ещё дальше — другие новые пушки и гаубицы*»²¹. Грабин не упоминает, какая организация представляла эту пушку, и не приводит каких-то сведений о ней. В ходе поиска информации об этом орудии в фондах ВИМАИВиВС авторами была выявлена фотография экспозиции одного из залов музея, датированная второй половиной 1930-х гг. На ней видно орудие, в котором явно прослеживаются главные черты 76,2-мм пушки «Бюфорс»: люлька с расположением агрегатов ПОУ над и под стволом и несущими цилиндрами, передняя направляющая люльки с роликами, детали устройства нижнего станка и подрессоривания, расположение и очертания колонок уравнивающего механизма, складные станины, дульный тормоз²². В то же время, эта пушка имеет отличия от прототипа:

Ил. 4. 76-мм советская дивизионная пушка типа «Бофорс». Фото ВИМАИВиВС

иная конструкция щита, сошников станин, очертаний передней опоры люльки. Кроме того, пушка снабжена колёсами с металлическими дисками. Является ли эта пушка упоминавшейся В. Г. Грабиным 76,2-мм пушкой системы «Бофорс» («изготовленная по чертежам, снятым с образца шведской системы «Бофорс») или это было другое орудие, разработанное в СССР на базе пушки «Бофорс», типа выявленной на фото из ВИМАИВиВС, пока неизвестно (ил. 4).

Некоторые конструктивные решения, реализованные в 76,2-мм пушке фирмы «Бофорс», использовались несколькими артиллерийскими конструкторскими бюро. Например, КБ завода «Новое Сорново» (с 1936 г. — КБ завода № 92) в 76-мм полууниверсальной дивизионной пушке Ф-20 (А-51) использовало конструктивную схему люльки фирмы «Бофорс» с агрегатами ПОУ, расположенными над и под стволом, и их цилиндрами, выполняющими функцию несущих элементов, связывающими переднюю и заднюю опоры люльки, ролики, направляющие движение ствола в опорах люльки, а также конструкцию дульного тормоза. Сходным образом был устроен и механизм запирания канала ствола (вертикальный клиновой затвор с ручным приводом), но конструктивно этот узел пушки Ф-20 являлся самостоятельной разработкой. В следующей 76-мм дивизионной пушке этого КБ, известной как Ф-22 и принятой на вооружение в 1936 г., В. Г. Грабин отказался от люльки типа «Бофорс» и перешёл

к люльке классической конструкции коробчатого типа с размещением внутри неё обеих агрегатов ПОУ (ил. 5, 6).

Существует мнение о том, что в опытной полковой пушке Ф-25, разработанной КБ завода № 92 в 1938—1940 гг., В. Г. Грабин вернулся к компоновочному решению люльки типа «Бюфурс» и использовал его во многих последующих орудиях конца 1930 — начала 1940-х гг. (пушки УСВ, ЗиС-2 и ЗиС-3). Но это ошибка: в перечисленных орудиях Грабин использовал другую компоновку люльки, в которой совмещено направляющее устройство ствола от классической коробчатой люльки (ползки) с известной задолго до появления 76,2-мм пушки фирмы «Бюфурс» схемой размещения агрегатов ПОУ над и под стволом. Кроме того,

Ил. 5, 6. 76-мм полууниверсальная дивизионная пушка Ф-20 (А-51). Фото из экспозиции Музея Победы (Москва)

в перечисленных выше орудиях Грабина агрегаты ПОУ закреплены на стволе и движутся вместе с ним в откате и накате, а в люльке Бофорса цилиндры ПОУ закреплены на ней, и в откате участвуют только штоки. Эти принципиальные отличия позволяют считать конструктивно-компоновочное решение люльки, реализованное Грабиным, независимым от решения фирмы «Бофорс».

Одно из решений из конструкции 76-мм пушки «Бофорс» использовалось КБ Кировского завода в полууниверсальной 76-мм пушке Л-12 — в ней была реализована конструктивная схема механизма независимого подрессоривания колёс с цилиндрическими амортизирующими пружинами, расположенными внутри трубы нижнего станка, и параллельными горизонтальными кривошипами, связывающими нижний станок и сборку колеса (ил. 7).

Ещё одним орудием, в котором использовались конструктивные решения от 76,2-мм пушки фирмы «Бофорс», является 122-мм гаубица обр. 1938 г. (М-30), разработанная в КБ завода № 172 под руководством Ф. Ф. Петрова. В переднюю опору люльки этой гаубицы встроены четыре ролика, центрирующие ствол в ней и уменьшающие трение об опору при откате и накате.

Ил. 7. Механизм подрессоривания 76-мм полууниверсальной пушки Л-12. Фото ВИМАИВиВС

Одной из характерных особенностей 107-мм пушки фирмы «Бофорс» является оснащение её механическим прицелом с независимой линией прицеливания. Прицелы этого типа в русской артиллерии до 1930-х гг. не использовались. Впервые такой прицел был применён в конструкции 152-мм мортиры обр. 1931 г. («НМ»), разработанной для СССР специалистами германской фирмы «Рейнметалл» в сотрудничестве с КБ завода «Красный путиловец». Однако разработка этого орудия началась позже (август 1930 г.) испытания в СССР 107-мм пушки фирмы «Бофорс», имеющей прицел с независимой линией прицеливания. Таким образом, можно считать, что первое знакомство советских артиллерийских специалистов с этим типом прицела произошло в самом начале 1930 г. при испытании 107-мм пушки фирмы «Бофорс», и возможности этого механизма устроили советскую сторону, которая допустила разработку и использование таких прицелов на советских артиллерийских орудиях.

Подводя итог оценке влияния пушек Особой доставки фирмы «Бофорс» на разработку отечественных орудий полевой артиллерии, можно прийти к выводу, что наиболее перспективные элементы их конструкции использовались несколькими КБ на этапе формирования опыта создания современных артиллерийских орудий до середины 1930-х гг. Лишь единичные и непринципиальные решения, заимствованные из шведских орудий Особой доставки, были внедрены в конструкцию серийных пушек и гаубиц, выпущавшихся в СССР в 1936–1950 гг.

¹ ГАПК. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 403. Л. 167–185.

² Поскольку широкая огласка военно-технического сотрудничества СССР со странами Запада была нежелательной, образцы артиллерийской техники, получаемые из этих стран, в документах обозначались специальным названием — «Особой доставки».

³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 9. Д. 321. Л. 255, 257.

⁴ Впоследствии орудие данного типа в существенно усовершенствованном варианте серийно выпускалось фирмой «Бофорс» под обозначением 7 cm kanon m/40 и состояло на вооружении армий Финляндии и Аргентины.

⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 9. Д. 321. Л. 255–255 об.

⁶ Там же. Л. 255 об.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 256.

⁹ Там же. Л. 256–256 об.

¹⁰ Там же. Л. 256 об.

¹¹ По состоянию на конец 1920-х гг. это был удачный образец артиллерийского орудия, в котором были успешно реализованы главные требования к новому поколению полевой артиллерии, сформированные по итогам Первой мировой войны, и имевший хорошие боевые и технические свойства. Пушка «10,5 cm kanon m/27» ограничено использовалась в армиях Венгрии и Нидерландов.

¹² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 9. Д. 321. Л. 257–257 об.

¹³ Там же. Л. 257 об.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 258.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 258 об.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 258.

²⁰ Там же. Л. 260.

²¹ Грабин В. Г. Оружие победы. М., 1989, С. 110.

²² ВИМАИВиВС ФФН 2787а.

К. В. Шмелёв (Санкт-Петербург)

«НЕПРИЯТЕЛЬ СТОИТ В ТАРЖЕМЕНТЕ КРЕПКОМ». АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПОЛЯ БИТВЫ ПРИ КРИВОРУЧЬЕ 1708 ГОДА

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА в Ингерманландии — одна из известных и популярных исследовательских тем военной истории начала XVIII в. События, связанные с осадами Нарвы, основанием Петербурга, шведскими попытками возвращения территорий широко освещены как в исследованиях, так и в мемуарной литературе русских и шведских участников войны. События более позднего времени — конца нулевых годов XVIII столетия — освещены слабее, будучи заслонены боевыми действиями в Украине и Прибалтике. В то же время события, связанные с последней шведской попыткой захвата Петербурга в 1708 г., оказываются также достаточно интересны, а с битвой при Криворучье — кульминационным событием кампании оказывается связан ряд ранее не известных археологических источников. Изучение поля сражения при Криворучье¹ — один из исследовательских проектов, проводимых в настоящее время силами лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия имени профессора Г. С. Лебедева СПбГУ.

Кампания 1708 г. в Ингерманландии — последняя попытка шведов вернуть территории, утраченные в первые годы XVIII в. Корпус генерала Георга Любекера (Lybeker) вышел из Выборга в августе 1708 г. с целью захвата Петербурга. Поход шведов и противостояние им армии адмирала Ф. М. Апраксина освещены рядом синхронных источников², существует ряд исследований, затрагивающих данный вопрос³. Наиболее важными событиями этой кампании оказались: форсирование шведами Невы 30 августа 1708 г. у Корчмина — редуты, соотносимые с этим сражением, сохранились ещё в середине XIX в.⁴, марш корпуса Любекера

по Ингерманландии. Большинство исследователей полагает, что Любекер, осознавая невозможность штурма Петербурга, стремился прорваться в Прибалтику, но после получения известия о поражении шведов 16 августа в Эстляндии⁵, отказался от этого плана и затребовал эвакуации корпуса морем. В дальнейшем последовал выход шведов к Копорской крепости, бой в районе Копорья и последующий переход к побережью Финского залива. Всё это время шведский корпус, значительную часть которого составляли подразделения, состоявшие из набранных в Финляндии солдат и перевёрбованных на шведскую службу пленных саксонцев, страдал от недостатка припасов, достать которые в разоренной многолетней войной Ингерманландии было неоткуда, и дезертирства. Приказ о выходе шведского флота под командованием адмирала К. Аксеншерны (Anskarstierna) из Бьерке для эвакуации корпуса Любекера относится к началу октября 1708 г., силы флота должны были сосредоточиться в районе мыса Колгампя⁶. К этому времени эвакуируемые сосредоточились в нескольких пунктах на побережье Копорской губы (см. ил. 1), основной лагерь располагался у деревни Криворучье «в Сойкинском погосте»⁷, ещё 20 сентября отрядом шаятбенахта К. Спарре (Sparres) на берег были доставлены припасы и снаряжение⁸. Бывшая деревня Криворучье (Вяряоя, Vääräoja) локализуется в 2,8 км к юго-востоку от мыса Колгампя⁹.

Шведские и русские источники сообщают об уничтожении конского состава корпуса и о сооружении шведами двух редутов («таржементов» в русских документах¹⁰) и засеки, прикрывающей место посадки на корабли. Учитывая, что побережье Копорской губы мелководно, то корабли были сосредоточены непосредственно у мыса Колгампя, крайней северо-восточной конечности Сойкинского полуострова.

Последовавший бой отличался редкостным ожесточением, оборонявшиеся в укреплениях батальоны из перевёрбованных саксонцев понесли катастрофические потери и были фактически брошены на берегу¹¹. В то же время основная часть шведских войск была успешно эвакуирована. В шведской историографии наблюдается весьма неоднозначная оценка данного сражения, с одной стороны, окончившейся безусловным поражением не только в конкретном бою, но и во всей кампании, о чём свидетельствовали последующая опала и судебное преследование Любекера. С другой, особенно в интерпретации шведских флотских офицеров, а затем и историков флота, это практически

идеальная операция по эвакуации в период осенних штормов, с необорудованного побережья целого армейского корпуса с артиллерией и припасами¹².

Отметим также ряд этнографических источников, связанных с данным событием: местное население (ижоры) связывало находки конских костяков (локализуются в районе деревни Большое Стремление в 7 км к юго-востоку от Криворучья¹³) с уничтожением шведами конского состава перед эвакуацией; кроме того, известен памятник народной культуры, соотносимый с событиями 1708 г. — «*Kolkopäänsota*» («*Война в Колгампя*»), ижорская руна, повествующая о битве шведского и русского войска на мысе Колгампя.

Археологическое обследование территории Сойкинского полуострова и побережья Копорской и Лужской губы предпринимается сотрудниками лаборатории археологии СПбГУ на протяжении последних двух десятилетий. Непосредственно в районе мыса Колгомпя работы производились начиная с 2011 г., и в ходе исследований 2018 г. были выявлены ранее не известные памятники — земляные редуты (Колгомпя 1 и 2)¹⁴, вероятно, связанные с событиями 1708 г.

Редуты¹⁵ расположены в основании мыса, фактически отгораживая его северную часть (наиболее пригодную для подхода кораблей с точки зрения глубин и расположения мелей). Несомненно, мы имеем дело с сооружениями, призванными защитить место посадки войск на корабли.

Редут Колгомпя 1 (ил. 2.1). Памятник находится на восточном берегу Сойкинского полуострова, непосредственно на побережье Копорской губы Финского залива. Сооружение ориентировано параллельно берегу залива, находится на расстоянии порядка 40 м от современного уреза воды и в 15–20 м от края коренного берега. Пространственная ориентация редута — в направлении север—юг с небольшим уклоном (примерно в 28°) к востоку. Конструктивно редут представляет собой четырёхугольное земляное укрепление, состоящее из внутренней площадки, вала с бруствером, угловыми орудийными площадками (валгангами) и рва (ил. 2). Внешние размеры сооружения 58,8 × 59,1 × 58,8 × 59,9 м (по внешним границам рва), длина каждой стороны соответствует 200 шведским футам (*fot*), т. е. размерам шведского батальонного редута (*bataljon skans*). Северный и южный валы и рвы повреждены проложенной через них дорогой.

Табл. 1

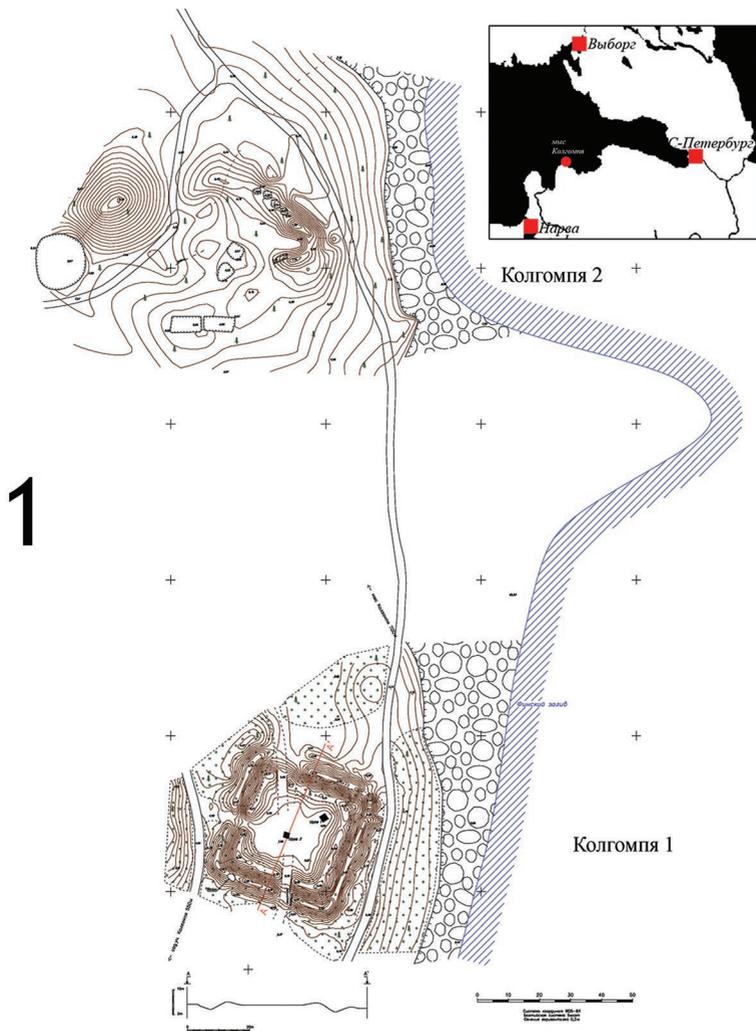
Обмеры основных конструктивных элементов редута Колгомпя 1

Конструктивный элемент	Размеры			Площадь, м	Примечания
	Длина, м	Ширина, м	Высота (глубина), м		
Внешние края рва				58,8 × 59,1 × 58,8 × 59,9	
Укрепление (редут)				37,3 × 38,1	Размер по внешним краям вала и дну рва
Внутренняя площадка (плац)				21,8 × 21,4	
Северный вал	31,6	6,5–7,2	3,5–3,9 / 1,8–2,1		В западной части вала находится пролом, сделанный при прокладке дороги. Высота дана по внешней (со стороны рва) и внутренней стороне вала
Бруствер северного вала		2,8–3,1	до 0,6		Бруствер сильно оплыл
Северо-восточная орудийная площадка (валганг)				4,6 × 5,7	Размеры приблизительные, так как сооружение сильно оплыло
Восточный вал	33,9	5,9–6,8	3,5–4,0 / 1,8–2,0		Высота дана по внешней (со стороны рва) и внутренней стороне вала
Бруствер восточного вала		0,9–1,3	0,6–0,9		Размеры приблизительные, так как сооружение сильно оплыло

Конструктивный элемент	Размеры			Примечания
	Длина, м	Ширина, м	Высота (глубина), м	
Юго-восточная орудийная площадка (валтанг)				Площадка подтреугольной формы, сильно оплывшая
Южный вал	34,1	6,1–6,3	3,3–3,9 / 1,7–2,2	В центре вала находится пролом, сделанный при прокладке дороги. Высота дана по внешней (со стороны рва) и внутренней стороне вала
Бруствер южного вала		0,7–1,1		Размеры приблизительные, так как сооружение сильно оплывло
Юго-западная орудийная площадка (валтанг)				Площадка подтреугольной формы, сильно оплывшая
Западный вал	Сев. – 17,6, южн. – 10,9	6,3–7,1	3,6–3,8 / 1,8–2,1	Два отрезка, так как в центре вала находится воротный проём. Высота дана по внешней (со стороны рва) и внутренней стороне вала. В середине вала находится воротный проём
Бруствер западного вала		0,9–1,3	0,4–0,8	Размеры приблизительные, так как сооружение сильно оплывло
Воротный проём в западном валу			6,1 × 3,7	

Конструктивный элемент	Размеры			Площадь, м	Примечания
	Длина, м	Ширина, м	Высота (глубина), м		
Северо-западная орудийная площадка (валганг)				3,7 × 5,1	Размеры приблизительные, так как сооружение сильно оплыло
Мостовая дамба в западном рву				4,5 × 4,8	Размеры по верхней площадке дамбы
Западный ров	Сев. — 19,7, южн. — 16,3	5,9—6,2	3,0—3,2		Два отрезка, так как в середине рва находится мостовая дамба. Размеры приблизительные, так как сооружение сильно оплыло
Южный ров	39,8	5,9—6,3	3,2—3,5		В центре рва находится перемычка, сделанная при прокладке дороги. Глубина рва дается по внешней (со стороны ложемента стенке). Размеры приблизительные, так как сооружение сильно оплыло
Восточный ров	39,3	5,8—6,1	3,2—3,3		Размеры приблизительные, так как сооружение сильно оплыло
Северный ров	38,8	5,2—6,1	2,9—3,3		В западной части рва находится перемычка, сделанная при прокладке дороги. Размеры приблизительные, так как сооружение сильно оплыло

Для изучения внутренних конструкций вала редута была сделана зачистка (ил. 2.2) стенки одного из «проломов» вала, связанного с поздней, вероятно XIX — начала XX в., дорогой. Поскольку проложенная дорога пререзает вал под углом, близким к 90°, в результате получилась картина полноценного поперечного разреза вала

Ил. 2.1. Редуты на мысу Колгомпя (Колгомпя 1 и 2).
1 — Топографический план, съёмка А. Городилова (ИИМК РАН)

повышается от центра к внутреннему краю стены, до внешнего края она не прослеживается, прерываясь, не доходя до него примерно 80—90 см. Выше находится еще один слой материкового песка, вероятно, остатки бруствера вала, максимальной толщиной до 30—35 см, перекрытый сверху слоем современного дёрна. Данная прослойка также сделана из неутрамбованного песка. В толще слоя, параллельно современному внешнему краю вала, залегает следующая прослойка — из плотной серо-синеватой глины, толщиной до 10—13 см. По всей видимости, данный слой глины маркирует первоначальный склон вала и бруствера, впоследствии при оплывании бруствера он был перекрыт слоем песка, из которого сложен бруствер. Данное наблюдение говорит о кратковременности существования укрепления, так как между его сооружением и началом разрушения бруствера не успел сформироваться слой дёрна. Внутри вала какие-либо следы внутренних крепёжных конструкций, помимо упомянутых прослоек дёрна и глины, на исследованном участке прослежены не были.

На основании полученных данных можно сделать предварительную реконструкцию сооружения валов укрепления. На древней дневной поверхности был насыпан вал из материкового песка, объём которого, вероятно, был извлечён при сооружении рва, на данном участке находившегося южнее. Возможно, перед сооружением рва был срезан дёрн, изготовленные из него «кирпичи» затем были использованы для обкладки тыловой стороны вала. Таким образом, на этом этапе вал укрепления представлял собой насыпь высотой до полуметра, с обложенной дёрном внутренней и, частично, верхней сторонами. Затем на полученной основе был насыпан бруствер, первоначальная высота его не совсем понятна, но, учитывая объём оплывшего песка, могла достигать 1 метра. По внешней, со стороны рва, поверхности вал и бруствер были промазаны слоем синеватой глины, толщиной около 10—12 см. Впоследствии при оплывании вала данный слой был перекрыт песком из слоя разрушения бруствера.

В ходе земляных работ каких-либо находок сделано не было, но были сделаны отдельные находки непосредственно вблизи от редута. В их числе серия из трёх свинцовых пуль с необрезанными литниками¹⁶. В современной военно-исторической литературе именно такой тип пуль считается характерным для русской армии периода как Северной войны¹⁷, так и более позднего времени, до середины XVIII в. Считалось, что литник служит для

подвязывания бумажного патрона к пуле. Одна из пуль обнаружена непосредственно в южном рву редута, ещё две на расстоянии 70—80 м к югу от укрепления. Помимо этого, также к югу от редута, обнаружен фрагмент свинца.

Редут Колгомпя 2 (ил. 2.1). Памятник находится в 150 м к северу от Колгомпя 1. Конструктивно он также представляет собой остатки четырёхугольного земляного укрепления, состоящие из внутренней площадки, вала с бруствером, угловой орудийной площадки (валганга) и рва. Фактически от сооружения уцелела только одна угловая, восточная, часть. Параметры сохранившихся частей укрепления позволяют предположить, что основные элементы и размеры редута Кологомпя 2 были аналогичны таковым соседнего укрепления Кологомпя 1. Сооружение находится на расстоянии порядка 40 м от современного уреза воды и в 15—20 м от края коренного берега. Пространственная ориентация редута: вероятно, первоначально сооружение было ориентировано углами по сторонам света, в настоящее время единственный сохранившийся угол укрепления (восточный) направлен строго на восток.

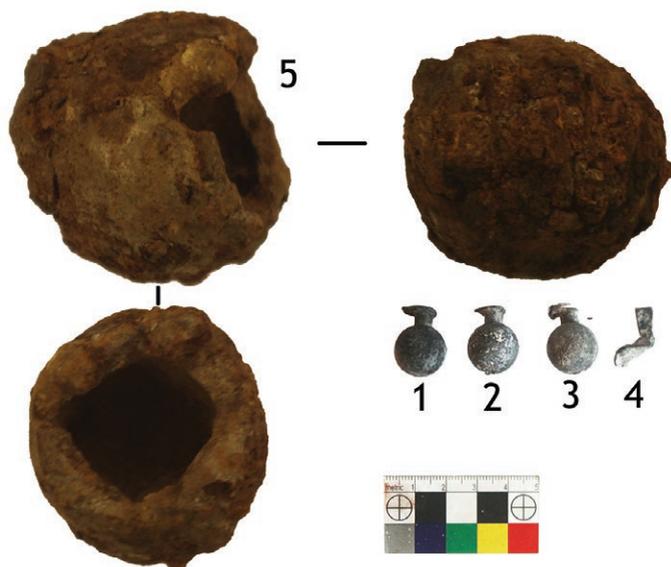
Сохранившиеся части укрепления: два отрезка валов (северо-восточный и юго-восточный), восточный угол редута с орудийной площадкой (валгангом), участок рва вдоль северо-восточного вала и восточная часть внутренней площадки (плаца). Следы брустверов на сохранившихся частях вала не прослеживаются. Западная часть укрепления, включая северный и южный углы, уничтожена при прокладке дороги и кабельной трассы к маяку на мысе Колгомпя. Размеры сохранившейся части редута (по внешним границам вала и дну рва) $31,6 \times 19,1 \times 21,7$ м.

Земляные работы на памятнике не производились, однако в непосредственной близости от редута, в осыпи берега (см. рис. 3.1) была сделана случайная находка шарообразной гранаты.

Изучение фортификации эпохи раннего нового времени — одно из развитых направлений исследований в области архитектуры, военной истории и археологии. Основной объём современных работ в этой области закономерно связан с крепостями и другими крупными сооружениями. Укреплениям, относящимся к полевой фортификации, сооружавшимся непосредственно перед сражениями, уделяется значительно меньшее внимание, что, связано с меньшей распространённостью и худшей сохранностью подобных сооружений. Конфликты рубежа XVII—XVIII вв. — Война за испанское наследство и Северная война — оставили как сведения

Обмеры основных конструктивных элементов редута Колгомпя 2

Конструктивный элемент	Размеры			Площадь, м	Примечания
	Длина, м	Ширина, м	Высота (глубина), м		
Укрепление (редут)				31,6 × 19,1 × 21,7	Размер для сохранившейся части по внешним краям вала и дну рва
Внутренняя площадка (плац)				10,3 × 15,9 × 18,8	Размер сохранившейся части
Северо-восточный вал	31,6	6,5–7,2	3,7–4,1 / 0,4–1,9		Размер для сохранившейся части. Высота дана по внешней (со стороны рва) и внутренней стороне вала
Восточная орудийная площадка (валганг)				5,3 × 6,17	Размеры приблизительные, так как сооружение сильно оплыло
Юго-восточный вал	19,1	5,9–6,8	3,5–3,9 / 0,5–1,9		Высота дана по внешней (со стороны рва) и внутренней стороне вала
Северо-восточный ров	19,7	2,1–3,2	0,3–0,6		Ров прослеживается в виде неглубокой, практически полностью запылившей канавы

Ил. 3. Находки вооружения на мысу Колгампя.
1 — ручная граната. 2—3 — пули. 4 — свинцовый выплеск

письменных источников о строительстве укреплений, так и памятники полевой фортификации¹⁸. В России подобных сооружений этого периода известно крайне мало¹⁹. Ближайшие конструктивные и хронологические аналоги укреплениям из Колгампя известны на Украине — это редуты Полтавского поля 1708 г. и в Швеции — редуты битвы при Стакете (Stacket) 1719 г., последние строились шведами для защиты Стокгольма от русского десанта²⁰. Наиболее перспективными направлениями дальнейшей работы оказываются дальнейшее обследование места боя, локализация мест шведских береговых лагерей, подводные исследования в зоне мыса Колгампя и поиск известных по документам захоронений участников сражения. Результатом работ должна стать комплексная реконструкция поля сражения при Криворучье.

¹ Событие известно как «Битва у деревни Криворучье», «Битва у Сойкиной мызы» — в Сойкине находился центр погоста, «Битва у мыса Колгампя», «Kolkap-rääkampen», «Kolkopäänsota».

² Письма и бумаги Петра Великого. М., 1951. Т. 8. С. 658—661, 892, 894—897 и др.

- ³ См.: Uddgren H. E. Den Lubeckers kaarmensuppgifti 1708 arsanfall mot Ryssland // Historisktidskrift № 26. Stockholm, 1906. С. 107–113; Munthe L. W. Kong. Fortifications historia. Bd. I–III. Stockholm, 1902–1911. С. 492–495; Тимченко-Рубан Г. И. Первые годы Петербурга: военно-исторический очерк. СПб., 1901. С. 195–207; Сорокин П. Е. Окрестности Петербурга. Из истории ижорской земли. СПб., 2017. С. 52–54; Мегорский Б. В. Осады и штурмы Северной войны. СПб., 2017. С. 484–485.
- ⁴ Сорокин П. Е. Окрестности Петербурга. С. 52.
- ⁵ Wendt Einar. Med Nyen eskaderniösterled 1708 // Forum navale. Skrifter sjohistoriska samfunde. 1960. № 17. С. 27.
- ⁶ Там же. С. 31.
- ⁷ Письма и бумаги Петра Великого. С. 173.
- ⁸ Wendt Einar. Med Nyen eskaderniösterled 1708. С. 28.
- ⁹ Деревня Криворучье существовала до Второй мировой войны. На период XIX — начала XX в. населена ижорами. Если локализация данного пункта верна, то становится понятна привязка места лагеря к этому месту — «Кривой» ручей, у впадения которого в Копорскую губу находилась деревня, — это единственный источник пресной воды на несколько десятков километров побережья Финского залива.
- ¹⁰ Мегорский Б. В. Осады и штурмы Северной войны. С. 484.
- ¹¹ Там же. С. 485.
- ¹² Hjälmqvist F. Krigeti Finland 1707 och 1708. Stockholm, 1909; Svenska Flottans Historia. Malmö, 1942. Т. 2.
- ¹³ Полевые записи О. И. Коньковой и М. Г. Сметанина.
- ¹⁴ Редуты Калгомя 1 и 2. Кингисеппский район Ленинградской области. Южное побережье Финского залива, Сойкинский полуостров, мыс Колгомпя. GPS-координаты центров укреплений: N59° 50.574' C28° 33.054'В (Колгампя 1) и 59° 50.667' C28° 33.058'В (Колгампя 2).
- ¹⁵ Шмелёв К. В. Отчёт об археологических разведках на территории Ленинградской области и Республики Карелия в 2018–2019 годах. СПб., 2020. С. 26–39; Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю., Шмелёв К. В., Бехтер А. В. Разведочные работы лаборатории археологии СПбГУ в 2017–2019 гг. // Бюллетень ИИМК РАН. СПб., 2019. С. 57.
- ¹⁶ Калибр 16,6, 16,7, 16,9 мм (см. ил. 3).
- ¹⁷ Englund T. Ryska truppflyttningar till och från slagfältet vid Baggensstäket Slaget vid Södra Stäket 1719. Skogsö, 2013. С. 15.
- ¹⁸ Störk W. 2009. Fortifikationim Barock. In: Das Markgräflerland; Jenisch B. 2010. Die Erforschung der barockzeitlichen Schanzanlagen im Schwarzwald — Denkmalpflegerische Aspekte. In: Schau-ins-Land: Jahresheft des Breisgau-Geschichtsvereins Schauinsland, Jg. 129; Munthe L. W. Kong. Fortifications historia. Bd. I–III. Stockholm, 1902–1911 и др.
- ¹⁹ Сорокин П. Е. Окрестности Петербурга. С. 50–56.
- ²⁰ Ефимов С. В. Русский медведь у ворот Стокгольма. Мифы и реалии сражения при Стекете // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Шестая Международная научно-практическая конференция. СПб., 2015. Ч. 1. С. Мегорский В. 2014. The Action at Stäket, 1719 per Russian Regimental Archive // <https://www.academia.edu/9864999; Englund 2013>.

*К. В. Шмелёв, Е. Р. Михайлова,
И. И. Тарасов (Санкт-Петербург)*

КОМПЛЕКС УНИФОРМЫ И СНАРЯЖЕНИЯ НАЧАЛА XVIII ВЕКА ИЗ НАУГОЛЬНЫХ ПАЛАТ МЕНШИКОВСКОГО ДВОРЦА

ДВОРЕЦ А. Д. МЕНШИКОВА — одно из немногих сохранившихся в Петербурге зданий Петровской эпохи. Строительство дворца было начато в 1710 г., в 1721 г. к юго-западному углу дворца были пристроены Наугольные палаты. В 1731 г. указом Анны Иоанновны был учреждён Кадетский корпус, которому и был отдан дворец Меншикова со всей территорией. В настоящее время здания Первого кадетского корпуса, включая Наугольные палаты, переданы Санкт-Петербургскому государственному университету. В ходе работ по реставрации и приспособлению здания для современного использования¹ были найдены многочисленные предметы XVIII—XX вв. Настоящая работа посвящена наиболее ранней части коллекции, относящейся к первому десятилетию существования корпуса.

Появление коллекции из зданий Первого кадетского корпуса кратно увеличивает знания о русском военном костюме первой половины XVIII в. и, в частности, периода правления Анны Иоанновны. Характер формирования коллекции связан с особенностями постройки и функционирования здания Наугольных палат в начальный период существования Первого кадетского корпуса. Основная часть собранной коллекции представляет собой предметы, собранные при разборке заполнения перекрытий и пазух сводов между цокольным и первым этажом здания. Забивка пазух сводов лёгким материалом способствует снижению естественного давления на своды². Обычно для этих целей использовались материалы типа древесной щепы, а в здании Наугольных

палат неизвестные мастера использовали непригодные к использованию вещи. Указанное заполнение уверенно датируется рубежом 1730—1740-х гг., когда в данной части здания произошла перекладка полов. Набор вещей включает предметы, полностью изношенные, со следами ремонтов, иногда приспособленные для вторичного использования. Таким образом, основное ядро коллекции состоит из вещей, пришедших в негодность к концу 1730-х гг., — следовательно, время их создания относится к более раннему времени — началу 1730-х, возможно, частично к 1720-м гг. Кроме того, присутствует ряд более поздних вещей — от середины XVIII в. вплоть до советского периода. Однако последние представлены исключительно небольшими фрагментами бумаги и документов, а также мелкими вещами, которые могли проваливаться в щели пола при подметании. Наиболее поздние находки датируются рубежом 1950—1960-х гг., после этого времени поверхность деревянных полов в здании (тогда занятом Академией тыла и транспорта) был уложен линолеум, и накопление находок прекратилось. Помимо рассматриваемых в данной работе образцов униформы собранная коллекция включает в себя массив бумажных документов (начиная с позднепетровского периода), предметы быта и интерьера, детали одежды и обуви невоенного происхождения³. В настоящее время исследования и обработка коллекции продолжается, возможно выявление новых находок.

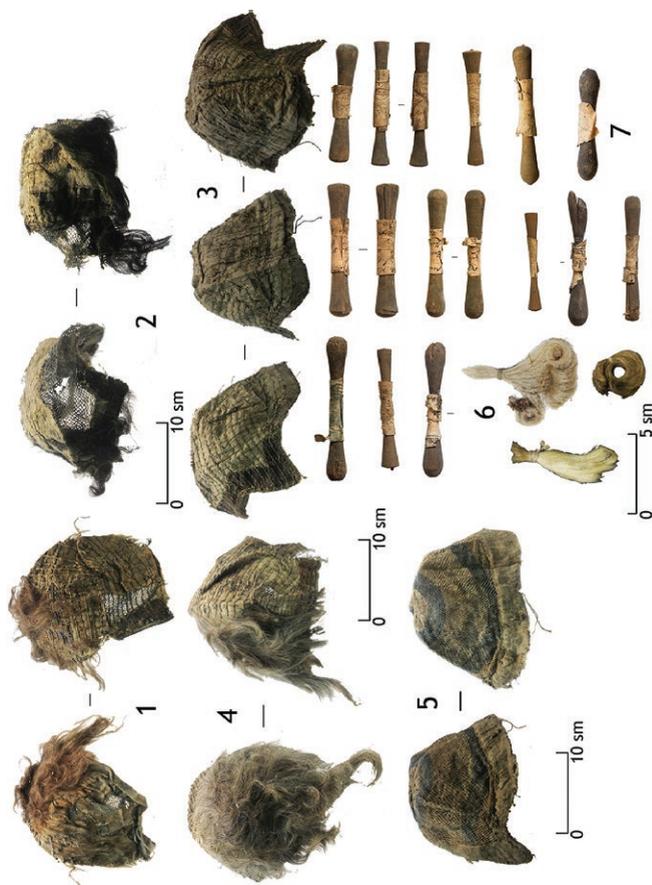
Изучение русского военного костюма — часть исследований по истории униформы России и Европы в целом. Первое масштабное исследование по данному вопросу — труд А. В. Висковатова⁴. К сожалению, ещё на этапе написания в издание закрались многочисленные ошибки и неточности, само же оно в достаточной степени устарело. Висковатовым же была написана история Первого Кадетского корпуса⁵. Отметим и другие ранние публикации, посвящённые униформе и истории корпуса⁶: в их числе альбомы с изображением чинов⁷. Рисунки униформы корпуса присутствуют в изданиях, посвящённых русской армии XVIII в., в частности, в книге Якова фон Люде, изданной типографией корпуса⁸.

Основная часть современных работ рассматривает в первую очередь эпоху правления Петра I, посвящая последующему периоду, в том числе времени Анны Иоанновны, значительно меньше внимания. Здесь необходимо назвать книгу С. А. Летина «Русский военный мундир XVIII в.»⁹, а также ряд статей того же

исследователя, посвящённых Петровскому периоду¹⁰. Ряд исследований опубликован В. И. Егоровым¹¹, огромная работа по систематизации архивных источников рассматриваемого периода проведена К. В. Татарниковым¹², непосредственно униформе Первого кадетского корпуса посвящена совместная монография К. В. Татарникова и Е. И. Юркевича¹³. Среди работ, рассматривающих военный костюм Европы как часть эволюции одежды и моды, отметим книгу Норы Во, посвящённую эволюции мужской одежды с XVII по начало XX в.¹⁴ И аналогичное исследование по эволюции обуви Олафа Гоубитца¹⁵.

Среди части коллекции, относящейся к военному костюму, выделяется несколько категорий предметов: парики и головные уборы, части верхней одежды и пуговицы, детали нижнего белья и связанных с ним предметов, рукавицы и перчатки, обувь, чулки и гетры, обувные, одежные и амуниционные пряжки, предметы для ухода за одеждой, детали снаряжения и вооружения. Наконец отдельная категория находок — изображения униформы на некоторых предметах.

Предметов, связанных с головными уборами, найдено более 50 единиц; основная масса предметов этой категории представлена париками, их фрагментами и деталями (ил. 1). Париков разной степени сохранности в коллекции 46 единиц; кроме того, обнаружены отдельные пучки волос, фрагменты вентиляционных сеток и окантовок. Конструктивно все парики состоят из шапочки-основы, изготовленной из неокрашенного льняного холста с подкладкой из вязанного крючком нитяного трикотажа. В ряде случаев на поверхности трикотажа (на части, непосредственно прилегающей к голове) имеется от одного до трёх концентрических кругов синего, реже зелёного или красного цвета. Назначение данных изображений неизвестно, выскажем осторожное предположение, что таким образом маркировался размер парика¹⁶. Большая часть (28 из 46) основ оснащена вентиляционными окнами, заполненными нитяной сеткой. На внешней поверхности шапочек расположены ряды нитяных петель, на которые крепился волосной покров из связанных в пучки волос различной длины (см. ил. 1.6). Отметим, что, несмотря на приказ изготавливать парики из овечьей шерсти, все образцы в коллекции изготовлены из человеческих волос — светлых, тёмных и рыжих, иногда смешанных даже в пределах одного парика. Учитывая, что военная мода этого периода предусматривала исключительно светлые парики,

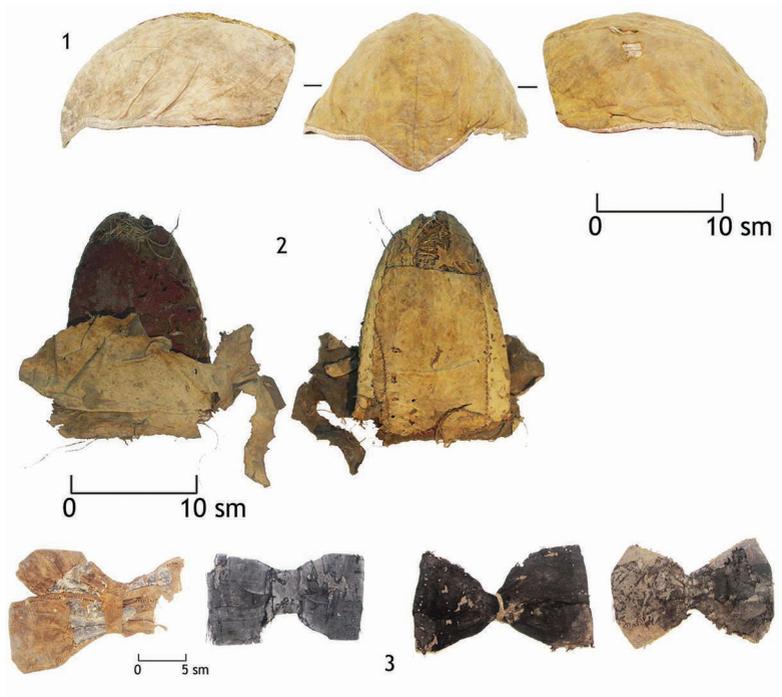

Ил. 1. Парики и их детали: 1—3 — парики с частично сохранившимися волосным покровом и основой с вентиляционными сетками; 4 — основа (шапка) парика без вентиляционной сетки; 5 — основа (шапка) парика без вентиляционной сетки (изнаночная сторона); 6 — пучки (пряжи) волос для париков; 7 — «коклюшки», деревянные, обёрнутые бумагой палочки для завивания бровок париков

вероятно, в ходе носки предусматривалась посыпка парика светлой пудрой. Действительно, при осмотре сохранившихся волосяной покров экземпляров были выявлены остатки светлого порошка, вероятно, пшеничной муки. На части париков на висках сохранились удлинённые пряди — распрямившиеся букли (см. ил. 1.2, 1.4). Завивка буклей¹⁷, согласно приказу, осуществлялась «на бумажки». Действительно, среди массового материала обнаружено несколько сотен деревянных точёных или обструганных палочек, получивших при описании условное наименование «коклюшки»¹⁸ (см. ил. 1.7). Аналогичные приспособления, деревянные и керамические, имеют аналоги в фондах европейских музеев¹⁹ и являются аналогами современных бигуди. Часть «коклюшек» из Первого кадетского корпуса обёрнута полосками бумаги, иногда это обрывки документов. С париками связаны также семь целых и фрагментированных шёлковых бантов (ил. 2.3), вероятно, закреплявшихся на косах париков²⁰. Примечательно, что подобная коса изображена и на рисунке, присутствующем среди бумаг, обнаруженных в составе коллекции (ил. 9.1). Рисунок изображает всадника (драгуна или рейтара — ?), прослеживаются конское снаряжение (ольстр с пистолетом, стремяна и поводья) и одежда всадника — расстёгнутый кафтан с пуговицами (по всей длине полы, на клапане бокового кармана и обшлагах), манжет нижней рубахи, ботфорты и коса парика. Верхняя часть рисунка не сохранилась²¹.

Столь крупная серия находок париков не имеет прямых аналогов: на настоящий момент в музейных коллекциях Европы сохранилось не более сотни оригинальных париков XVII—XVIII вв., в основном это парадные предметы, значительная часть из них относятся к гражданскому костюму. Некоторые сохранившиеся в музеях предметы принадлежали высочайшим особам: в частности, в России имеется парик «из собственных волос» из состава гардероба «Восковой персоны»²² Петра I, а в Швеции сохранился парик 1714 г., принадлежавший Карлу XII²³. Таким образом, обнаружение серии рядовых, ординарных предметов, практически не известных в музейных собраниях, делает данную коллекцию уникальной.

Помимо париков, обнаружено два предмета, определяемых как «потники» — холщовые шапочки, надевавшиеся под парик для предотвращения непосредственного контакта основы парика с кожей головы (ил. 2.1). Размеры найденных «потников»

Ил. 2. Головные уборы и их детали: 1 — «потник», полотняная шапочка, предназначенная для носки под париком; 2 — налобник гренадерской шапки (красного сукна, изнаночная сторона из кожи, внутренняя набивка из соломы) с остатками околыша из белого меха; 3 — банты для головных уборов и кос париков

соответствуют современным 58 и 60 — вероятно, они принадлежали взрослым чинам корпуса, офицерам или персоналу.

Ещё один предмет, вероятно, имеющий отношение к головным уборам, представляет собой изделие из красного сукна, вытянутой формы с закруглённым приострѐнным верхом (размер изделия $19,8 \times 12,9 \times 2$ см), изнаночная сторона изготовлена из нескольких кусков тонкой желтоватой кожи (ил. 2.2). Пространство между тканью и кожей набито соломой. В нижней части предмета подшита полоса тонкой светлой кожи со следами светлого меха. Ширина полосы меха около 12 см, следы в средней части показывают, что первоначально полоса была перегнута примерно в середине своей высоты, мехом наружу. Первоначальные габариты

полосы определить невозможно, так как предмет сильно изрезан (вероятно, он послужил сырьём для других изделий) и повреждён насекомыми. На суконной части имеются следы потёртостей по краю и малоразличимые отпечатки некоего предмета в центре. Сотрудник ВИМАИВиВС Е. И. Юркевич высказал предположение, что данное изделие является налобником гренадерской шапки с остатками мехового околыша. Сохранилось несколько гренадерских шапок начального этапа существования Первого кадетского корпуса²⁴. Налобников полностью соответствующих типов, тем более с меховой опушкой, среди них не известно, с другой стороны — в коллекциях не сохранилось всех упомянутых в документах образцов гренадерских шапок. Кроме того, помимо парадных шапок документы упоминают так называемые «вощанки» — упрощённые головные уборы, использовавшиеся во время учений и «внутренних парадов»²⁵. В любом случае, форма данного предмета близка к облику характерных для всех европейских армий гренадерских шапок — «митр», так что подобная атрибуция имеет право на существование.

Детали галстуков и частей верхней одежды также широко представлены в рассматриваемой коллекции. Около 20 предметов представляют собой детали подкладки отдельных частей одежды: рукавов, карманов, бортов, воротов из холста или крашенины. Часть находок — детали верхней одежды (ил. 3) с прослеживаемой цветовой гаммой сукон. К сожалению, состояние данных предметов не позволяет определить их принадлежность к конкретным образцам униформы. Пять деталей однозначно определяются как борта мундирного платья — кафтанов и камзолов. Два из них имеют остатки внешней суконной ткани красного цвета (ил. 3.5), один — зелёного (ил. 3.4), еще один — василькового для внешней стороны и красного для внутренней (ил. 3.2). Наконец, ещё один предмет (ил. 3.3) имеет основу из холста, внутренняя сторона обшита чёрным сукном, внешняя — неярким серо-зелёным, с некоторым оттенком желтизны, отличным от оттенков зелёного сукна, встречавшегося не только на униформе Первого корпуса, но и на предметах других частей русской армии XVIII в. Б. В. Мегорский предположил, что данный оттенок соответствует упоминаемому в документах Первого кадетского корпуса сукну «лосиного» цвета²⁶. Отметим, что данный предмет, имеющий характерное расположение петель для пуговиц — до пояса, на нижней части полы они отсутствуют, — имеет длину

Ил. 3. Детали верхней одежды: 1 — погон (зелёного сукна с красной подкладкой); 2 — фрагмент борта верхней одежды (полотняная основа, внешняя сторона василькового сукна, внутренняя — красного); 3 — борт верхней одежды (полотняная основа с петлями до пояса, внешняя сторона зелёного сукна, внутренняя — чёрного); 4—5 — фрагменты бортов верхней одежды (на полотняной основе, с внешней стороны зелёного и красного сукна). 6 — фрагмент тёмно-зелёного сукна с «фальшпетлями»; 7 — фрагмент одежды из тонкого чёрного сукна (часть левого борта и полы) с деревянной обтяжкой на пуговицах; 8 — карманный клапан красного сукна; 9 — рукав верхней одежды (полотняная подкладка с остатками красного сукна на обшлаге); 10 — рукав парусиновой верхней одежды с обшлагом и двумя пуговичными петлями

81 см, т. е. он был изготовлен для человека сравнительно высокого роста, вероятнее всего, взрослого²⁷.

Отметим также фрагмент сукна зеленого цвета с т. н. «фальшпетлями» — обмётанными, но не прорезанными (рис. 3.6). К сожалению, на данном этапе исследования конструктивное предназначение предмета неопределимо. Из деталей, имеющих отношение к мундирной одежде, выделим также находку серии подкладочных деталей рукавов (3 шт.), в том числе с остатками суконного отворота тёмно-красного цвета (рис. 3.9), и подкладок: карманов (6 шт.), карманных клапанов (5 шт.) воротов (3 шт.), спины (1 шт.). Встречены и отдельные детали кафтанов и камзолов: погон зелёного сукна на красной каразейной подкладке²⁸ (ил. 3.1), карманный клапан красного сукна, вероятно, камзольный (ил. 3.8) и множество отдельных фрагментов сукна, в основном зелёного цвета неопределимой конструктивной принадлежности. Помимо крупных фрагментов ткани, в ходе работ встречена масса обрезков подкладочных материалов и сукна²⁹ и более 1500 портовых булавок различного (от 1,5 до 9 см в длину) размера, пуговицы, швейные иголки, шпули и клубки ниток, что позволяет предположить нахождение в здании Наугольных палат корпусной закроечной, где производилась подгонка, а возможно и пошив одежды для кадет и чинов корпуса.

Из находок крупных деталей одежды отметим часть нагрудной детали двубортной одежды из тонкого чёрного сукна с контуром рукавной проймы и деревянной обтяжной (нитяной) пуговицей. Данный предмет, возможно, имеет гражданское происхождение, хотя нужно отметить, что в Первом кадетском корпусе употреблялись предметы чёрного цвета, выдававшиеся за «леность в науках и за другие непорядочные поступки»³⁰. Примечательна также находка рукава верхней одежды из грубого отбелённого холста, с обшлагом, застегивающимся на две пуговицы. Осторожно соотнесём данную находку с бытовавшими в начале 1730-х гг. белыми повседневными холщовыми «кителями»³¹.

С верхней одеждой использовались пуговицы. Документы корпуса свидетельствуют о закупках пуговиц медных, деревянных и обтяжных³². Находки (ил. 4.9—4.46) показывают большое разнообразие типов и размеров пуговиц, использовавшихся в униформе корпуса³³. Наиболее массовый тип — деревянные пуговицы с латунной обтяжкой и ушками из так называемой «голландской нити» (животных жил), этот тип пуговиц большого и малого

Ил. 4. Детали нижних рубах, запонки и пуговицы: 1 — рукав нижней рубахи грубого полотна с обшлагом и костяной запонкой (№ 8); 2 — фрагмент рукава нижней рубахи, тонкого полотна с обшлагом на завязках; 3—4 — двухчастные латунные запонки с стеклянными вставками (№ 4 — вставка с подражанием античной камее); 5—6 — одночастные латунные запонки с стеклянными вставками; 7 — одночастные латунные и оловянные запонки; 8 — одночастная костяная запонка; 9 — орнаментированная латунная пуговица с фрагментом сыромятного ремешка; 10, 11, 22, 24 — латунные паяные пуговицы; 12, 14, 15, 17, 18, 25 — деревянные пуговицы с латунной обтяжкой и нитяными (жильными) ушками; 16 — латунная паяная пуговица с нитяными (жильными) ушками; 20 — костяная точёная пуговица с пятью отверстиями; 21 — цинковая штампованная пуговица с четырьмя отверстиями; 23, 26 — латунные цельнометаллические пуговицы; 27 — литая оловянная пуговица-гирька; 28 — костяная пуговица с ушком; 29—46 — деревянные обтяжные (с обтяжкой из сукна, ниток и полотна) пуговицы и их фрагменты

размера³⁴ составляет основную (порядка 75 %) часть находок пуговиц (ил. 4.12, 14, 15, 17, 18, 22, 25). Реже встречаются деревянные пуговицы с латунной обтяжкой и ушками из металлической проволоки и конструктивно идентичные им костяные с латунной обтяжкой (ил. 4.13). Второй по распространенности тип (около 10 %) — паянные из двух частей металлические (ил. 4.9—4.12). Единичны паянные пуговицы с ушками из «голландской нити» (ил. 4.16). Столь же редко встречаются штампованные одночастные пуговицы с припаянным ушком (ил. 4.23, 26). Имеется единственная находка оловянной пуговицы-гирьки (ил. 4.27). Кроме металлических и металлизированных пуговиц встречаются костяные с ушком (ил. 4.28) и деревянные обтяжные (ил. 4.29—4.46) с покрытием из сукна или холста и с обмоткой основы нитками или тонким шнуром. Также встречены плоские костяные и деревянные точёные пуговицы с 4—5 отверстиями (ил. 4.19—4.21) и штампованные цинковые, использовавшиеся, вероятно, для потайных застёжек. Прикреплялись пуговицы нитками или при помощи сыромятных ремешков (ил. 4.9).

Среди находок встречены предметы для ухода за одеждой — щётки с деревянной основой и щетиной из конского волоса (ил. 5.7—5.8).

Документы корпуса свидетельствуют о выдаче кадетам нижних рубах из тонкого и грубого полотна³⁵. Среди находок обнаружено шесть рукавов от нижних рубах, пять из них были использованы вторично — превращены в мешочки путем завязывания или зашивания конца рукава. В одном случае предмет (сборчатый рукав с многочисленными складками и затяжкой края на шнурок) был изготовлен из качественного, очень тонкого, так называемого «фламского» полотна (ил. 4.2). Остальные образцы изготовлены из более грубого холста и имели небольшой обшлаг с обмётанными петлями, подразумевающими застёжку на запонку (ил. 4.1). Сами запонки представляют собой используемые в обмундировании нерегламентированные предметы и представлены серией находок. Наиболее простой тип (ил. 4.5—4.8) представлял собой шпенёк с плоской основой и выпуклым, чаще полусферическим верхом. Встреченные образцы изготовлены из кости, латуни, цинка или олова, в ряде случаев украшены вставками из цветного стекла. Второй тип (ил. 4.3—4.4) представлен конструкцией из двух латунных головок, соединённых продолговатым кольцом. Во всех случаях головки украшены вставками из цветного

Ил. 5. Рукавицы, перчатки и средства ухода за одеждой: 1—2 — рукавицы (кожа); 3 — рукавица (лосиная замша); 4—6 — перчатки и фрагменты перчаток из белой и коричневой кожи; 7—8 — щётки волосные

гранёного стекла, в одном (ил. 4.4) вставки представляют собой подражание античным камням — стеклянную основу с подложкой из фольги и изображением мужского профиля.

Кадетам выдавались замшевые перчатки с «малыми» раструбами³⁶. Экземпляр подобной перчатки встречен среди наших находок (ил. 5.6). Кроме того, обнаружены целая с крагеном и фрагментированная перчатки из белой кожи (ил. 5.4—5.5) и рукавицы из лосиной замши и коричневой кожи (ил. 5.1—5.3) — подобные полагались рейтарам³⁷.

Значительную часть коллекции составляют целые и фрагментированные образцы обуви, чулки и гетры. Часть предметов обуви невоенного происхождения из данной коллекции уже опубликована³⁸. В данной работе рассматриваются только образцы строевой обуви — башмаков и сапог (ил. 6.1—6.8). Башмаки с жёсткой подошвой и каблуком, застёгивающиеся двумя ремешками с пряжками или завязками, составляют основную часть коллекции — около ста предметов (целых экземпляров, фрагментов и отдельных деталей обуви). Данный тип обуви появляется в России в XVII в. как элемент общеевропейской гражданской моды, в армии официально вводится с начала XVIII в. вместе с «мундирным платьем»³⁹, археологически известен уже в слоях XVII в.⁴⁰ Образцы обуви, применявшиеся в армии царствования Анны Иоанновны, конструктивно не менялись со времен Северной войны. Указы, регламентировавшие изготовление

башмаков, выходили в 1716 и 1722 гг., в них расписывался в первую очередь тип применяемой при пошиве кожи («дегтярный» или «сальный товар»)⁴¹. Имеющиеся документы описывают параллельно использовавшееся типы обуви, различавшиеся по форме носка: «тупоносые», «круглоносые» и «остроносые». Судя по всему, это были образцы, употреблявшиеся одновременно, а не сменявшиеся в силу веяний моды подтипы одной модели. В рассматриваемой коллекции имеются все три типа, хотя документы корпуса предписывают ношение именно тупоносых «смазных» башмаков⁴². Все они изготовлены на симметричной колодке (болване), однако в ходе носки владельцы, вероятно, разделяли правый и левый башмаки, так как основная масса предметов имеет характерные деформации и следы износа.

Целые формы тупоносых башмаков (ил. 6.1—6.2) представлены в коллекции двумя экземплярами⁴³. Данный тип обуви распадается на два подтипа: с пришитым и с формованным носком, второй подтип характеризуется жёсткой конструкцией носка, усиленной берестяной вставкой. Оба предмета имеют размеры, соответствующие современным 38, 39 и 41, т. е. использовались, вероятно, взрослыми людьми. Однако в коллекции имеются детали того же типа башмаков, но значительно меньшего размера. Отметим наличие на каблуках именно этого типа обуви железных подбивочных гвоздей с крупными полукруглыми шляпками. Среди находок имеется ещё несколько каблуков, также подбитых гвоздями (ил. 6.3). Данные находки особо интересны, так как в современной историографической традиции сформировалось мнение об отсутствии на русской военной обуви XVIII в. ошиповки, характерной для большинства европейских армий. Подбивочные гвозди действительно отсутствуют в документах русской армии этого времени, кроме того, существует указ Петра от 1 сентября 1715 г. (№ 2929)⁴⁴, прямо запрещающий как торговлю упомянутым скобяным товаром, так и носку подбитой обуви. Тем не менее, помимо наших находок, имеется ещё ряд памятников, где были обнаружены образцы военной обуви с подбивкой. На территории Петербурга подобные находки были сделаны в ходе исследований ранних слоев в Новой Голландии⁴⁵ и слободы Невского полка⁴⁶, предположительно имеется ещё ряд находок, что позволяет предположить, что практика подбивки обуви, характерная для других европейских армий, частично практиковалась и в России.

Ил. 6. Чулки и обувь: 1—2 — строевые тупоносые башмаки с пришивным (1) и формованным (2) носком; 3 — каблук с подбивкой из железных гвоздей; 4—5 — строевые круглоносые башмаки; 6 — строевой башмак с острым носом; 7—8 — фрагменты сапог; 9—10 — гетры (штиблеты); 11, 13, 14, 15 — фрагменты чулок; 12 — «паголёнок», чулок с отрезанной нижней частью; 16 — войлочная стелька

Башмаки с круглым (ил. 6.4—6.5) и приострѣнным (ил. 6.6) носком встречены в коллекции в большом количестве — примерно 60—65 % от общего числа. Кроме формы носка, данные типы конструктивно не отличаются от тупоносой обуви, однако все встреченные экземпляры «круглоносых» башмаков имеют небольшой размер (соответствуя современным 32—35) и, вероятно, представляют основной тип кадетской обуви.

Ил. 7. Обувные, одежные и амундционные пряжки и их детали

Сапоги представлены в коллекции двумя фрагментированными экземплярами⁴⁷, без голенищ (ил. 6.7–6.8). Обувь имеет сравнительно острый носок, возможно, при изготовлении использовались те же колодки, что и для производства «остроносовых» башмаков.

С обувью использовались пряжки, они представлены в коллекции целыми и фрагментированными образцами (ил. 7). В современной литературе не определены однозначные критерии, позволяющие отделять обувные пряжки от одежных, использовавшихся для регулировки и крепления подвязок, кюлот и галстуков, тем более, что известны случаи изготовления всех этих типов пряжек в виде единых гарнитуров. Представленные в коллекции целые экземпляры (ил. 7.1–7.3) имеют одно-, двух- и трёхшпильковые зацепные устройства⁴⁸. Осмотр ремешков на целых экземплярах

обуви демонстрирует наличие как одиночных, так и парных отверстий, что соответствует использованию пряжек с одним или двумя шпеньками. Имеющиеся документы упоминают заказы частями пряжек для обуви, хотя их образец в документах не указан и не описан⁴⁹. Одна из обнаруженных пряжек (рис. 7.3) имеет аналогии на обуви из комплекта «Восковой персоны» Петра I.

Чулки введены в русской армии вместе с остальным комплектом европейского платья в начале Северной войны. В униформе кадетского корпуса 1730-х гг. использовались два типа чулок — нитяные и шерстяные⁵⁰. Среди находок представлены оба типа. Нитяные (5 шт.) — фрагментами нижних частей чулка, надевавшимися на стопу (ил. 6.11, 6.15). Все они изготовлены из светлой, небелёной трикотажной ткани машинного плетения, подошвенная часть обшита холщовым полотном. Ещё один подобный предмет (ил. 6.12) также изготовлен из трикотажной ткани машинного плетения и представляет верхнюю часть чулка, без стопы. И верхний, и нижний края аккуратно обработаны, обмётаны нитью, характер шва в обоих случаях одинаковый. Вероятно, это или исходно изготовленный предмет, или, что более вероятно, чулок с изношенной и отрезанной нижней частью, аккуратно приспособленный к дальнейшей носке, так наз. «паголёнок».

Шерстяные чулки (ил. 6.13—6.14) представлены двумя фрагментами, найденными вместе и, вероятно, исходно представлявшими единый комплект. Они изготовлены машинным способом из тёмно-коричневой шерстяной нити.

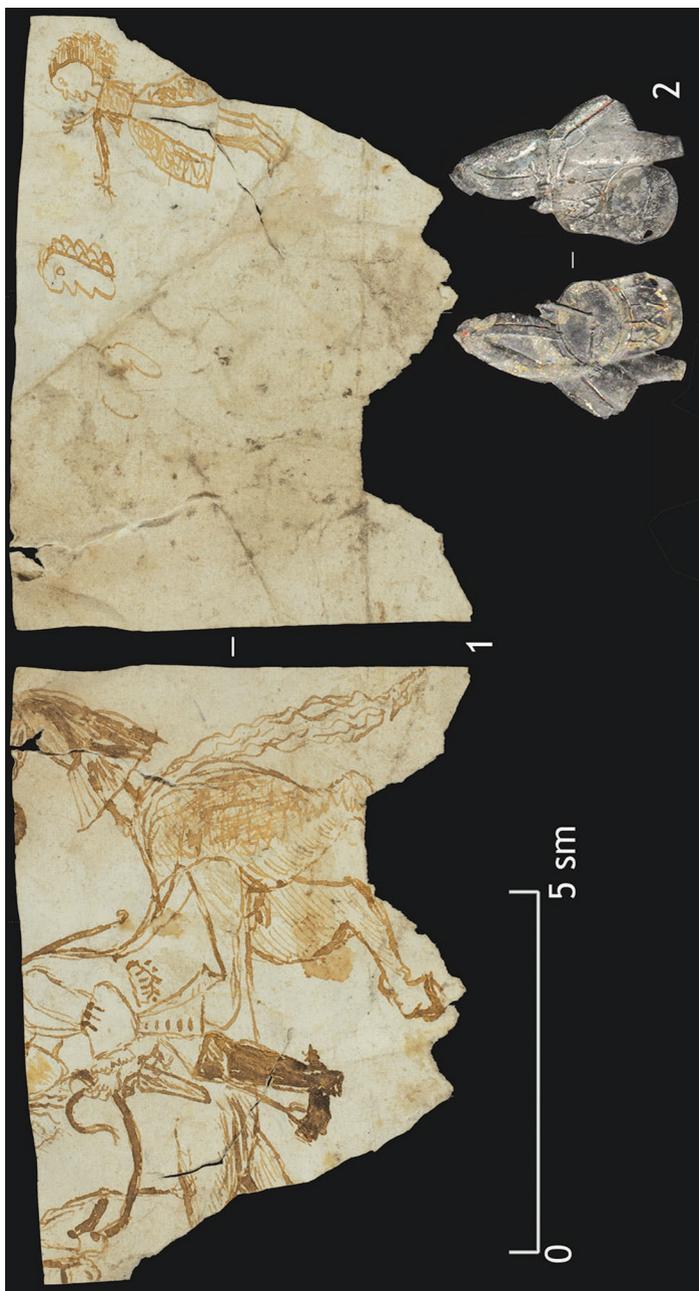
Парусиновые или кожаные гетры (в терминологии XVIII в. — «штиблеты» или «штивени»), надевавшиеся поверх чулок, упоминаются в документах русской армии с 1707 г.⁵¹, широкое распространение этот предмет получает к середине 1710 г. «Штиблеты» обычно изготавливались из старых палаток. В 1730-х гг. в кадетском корпусе носились холщовые (парусиновые) гетры, к каждой паре полагалось по две дюжины медных пуговиц. В коллекции выявлены два предмета (ил. 6.9—6.10), изготовленных из некрашеной парусины.

Еще одна категория предметов, связанных с обувью, — тёплые стельки (ил. 6.16), всего обнаружено шесть предметов из толстого войлока.

Предметы вооружения и снаряжения Первого кадетского корпуса описаны в документах и литературе, хранятся в музейных собраниях⁵². Среди находок присутствуют детали огнестрельного

Ил. 8. Предметы снаряжения и вооружения: 1—2 — фрагменты лопастей шпага; 3—5 — фрагменты клинков шпаг; 6—8 — наконечники ножен шпага; 9 — курок кремнёвого замка; 10—11 — подогнанные пружины кремнёвых замков; 12 — ружейные кремни

Ил. 9. Находки изобразительных источников: 1 — рисунок с изображением всадника (драгун, рейтар — ?); 2 — фрагмент солдата-барabanщика (Страсбург или Нюрнберг, рубеж 1730—1740 гг.)

оружия: курок и две подогнивные пружины кремнёвого замка и серия ружейных кремней (ил. 8.9—8.12). Из деталей холодного оружия отметим серии из трёх обломков клинков шпаг (ил. 8.3—8.5) и наконечников ножен (ил. 8.6—8.8). Примечательно, что два из трёх наконечников имеют характерный износ в виде стёртости внешнего конца под углом в 45° — вероятно, низкорослые кадеты постоянно задевали полы концами ножен. Из предметов снаряжения обнаружена фрагментированная лопасть для ножен шпаги и отдельный пассивый ремень для лопасти подобного типа (ил. 8.1—8.2). Лопасть относится к наиболее распространённому типу начала XVIII в. и имеет ряд аналогий: в частности, к этому же типу относится лопасть от портупеи из так называемого «полтавского» комплекта Петра I⁵³.

Данный обзор представляет только малую часть коллекции находок из здания Наугольных палат — Первого кадетского корпуса⁵⁴. Дальнейшая перспектива предполагает полную обработку коллекции, с последующей публикацией всех материалов, связанных как с мундирными вещами, так и с вооружением, документами и предметами быта воспитанников, преподавателей и служителей корпуса.

¹ Авторский надзор осуществляет Архитектурное бюро «Студия 44», исследования проводятся совместно с лабораторией археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева СПбГУ.

² Любезная консультация Н. В. Широковой, специалиста Архитектурного бюро «Студия 44», соавтора проекта реставрации и современного приспособления здания.

³ Частично опубликованы в работе: Шмелёв К. В., Михайлова Е. Р. «До износки употреблять в непростые дни». Находки обуви XVIII в. из Первого кадетского корпуса. История военного костюма: от древнего мира до наших дней // Материалы V и VI Международных военно-исторических конференций. СПб., 2020.

⁴ См.: Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. Ч. 2—3. СПб., 1899.

⁵ Висковатов А. В. Краткая история Первого кадетского корпуса. СПб., 1832.

⁶ Антонов А. Н. 1) Первый Кадетский корпус. СПб., 1906; 2) Музей Первого кадетского корпуса, описание. Досуг кадета. Старый Бечей, 1927; Лузанов П. Ф. Сухопутный шляхетный кадетский корпус (ныне 1-й кадетский корпус). Исторический очерк. СПб., 1907.

⁷ Собрание мундиров 1-го Кадетского корпуса от основания оного до 1833 года. СПб., 1833.

⁸ Люде Я, фон. Изображение мундиров российско-императорского войска, состоящих из 88 лиц иллюминированных. СПб., 1793.

- ⁹ Летин С. А. Русский военный мундир XVIII в. М., 1996.
- ¹⁰ Летин С. А. 1) Гвардия Петра Великого 1702—1725 годов // Орёл. 1992. № 1; 2) Служилое платье от Петра Великого. Гвардейские мундиры преображенцев и семеновцев // Родина. 2000. № 11.
- ¹¹ Егоров В. И. 1) Русские драбанты // Цейхгауз. 1998. № 5; 2) Армия Петра I? История одной мистификации // Цейхгауз. 1997. № 4—6; 3) Русские великаны прусского короля. «Большие мужики» в иноземной службе. 1712—1746 // Военная иллюстрация. 1998. № 1.
- ¹² Татарников К. В. Русская полевая армия 1700—1730. Обмундирование и снаряжение. М., 2008.
- ¹³ Татарников К. В., Юркевич Е. И. Сухопутный шляхетный кадетский корпус. 1732—1762. Обмундирование и снаряжение. М., 2009.
- ¹⁴ Waugh N. The cut of men's clothes 1600—1900. New York, 1964.
- ¹⁵ Goubitz O. Archaeological footwear from prehistoric times until 1800. Rotterdam, 2011.
- ¹⁶ Все парики имеют небольшой размер (от 53 до 56 в современной линейке размеров), т. е., вероятно, они использовались кадетами подросткового возраста.
- ¹⁷ Татарников К. В., Юркевич Е. И. Сухопутный шляхетный кадетский корпус. С. 11.
- ¹⁸ Диаметр 5—10 мм, длина в пределах 3—5 см, с сужающейся средней частью.
- ¹⁹ Напр. «Wig Curlers» (англ.) второй половины XVII и XVIII вв. из коллекции Victoriaand Albert Museum (Великобритания): инв. №: Т. 19-1928; Т. 216-1914; 4318-1901.
- ²⁰ Татарников К. В., Юркевич Е. И. Сухопутный шляхетный кадетский корпус. С. 11.
- ²¹ Датировка рисунка (конец 1720-х) — А. Юшкевич (Минск), Р. Паласиос-Фернандес (Москва), С. Шаменков (Одесса).
- ²² Хранится в Государственном Эрмитаже, инв. № ЭРТ-8556.
- ²³ Livrustkammaren, инв. № 11874 (3474).
- ²⁴ См.: Татарников К. В., Юркевич Е. И. Сухопутный шляхетный кадетский корпус. С. 11, 13, 23—25; Летин С. А. Русский военный мундир XVIII в. С. 23.
- ²⁵ Татарников К. В., Юркевич Е. И. Сухопутный шляхетный кадетский корпус. С. 13.
- ²⁶ Там же. С. 34.
- ²⁷ Одежда «лосиного» цвета полагались как кадетам, так и нижним чинам корпуса. См.: Там же. С. 7, 8, 34.
- ²⁸ Приказ от 31 июля 1732 г. вводил цветные погоны: для кадет первой роты красные, второй — жёлтые, третьей — зелёные. См.: Там же. С. 8.
- ²⁹ Зелёного, красного, чёрного, коричневого, жёлтого и василькового цвета, в общей сложности более 1100 фрагментов.
- ³⁰ Татарников К. В., Юркевич Е. И. Сухопутный шляхетный кадетский корпус. С. 10.
- ³¹ Там же. С. 8.
- ³² Там же.
- ³³ Всего обнаружено более 2500 пуговиц, их фрагментов и деталей. Все типы пуговиц из металла или с металлическими элементами изготовлены из латуни (кроме единичной находки пуговицы-гирьки и штампованных цинковых), в приказах по

корпусу они названы «медными», в пределах этих типов одновременно сосуществуют гладкие и орнаментированные экземпляры.

³⁴ Разброс фактических размеров этих двух типов пуговиц — кафтаных и камзольных — необычайно широк, встречаются образцы среднего размера. Размеры пуговиц от минимальных — диаметр 1,1 см до максимальных — 4,5 см.

³⁵ Татарников К. В., Юркевич Е. И. Сухопутный шляхетный кадетский корпус. С. 10.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 20.

³⁸ Шмелёв К. В., Михайлова Е. Р. «До износки употреблять в неспраздничные дни».

³⁹ Татарников К. В. Русская полевая армия 1700—1730. С. 36.

⁴⁰ Курбатов А. В. Кожевенное ремесло в средневековой России. Автореферат дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2012. С. 43.

⁴¹ Татарников К. В. Русская полевая армия 1700—1730. С. 50—51.

⁴² Татарников К. В., Юркевич Е. И. Сухопутный шляхетный кадетский корпус. С. 10.

⁴³ Кроме того, имеется еще один башмак первого подтипа (с пришитым носком), в ходе эксплуатации переделанный в домашнюю туфлю (путем удаления задника и ремней). Аналогично «модифицированная» солдатская обувь XVIII в. встречена при исследовании Колтовской слободы. См.: Михайлова Е. Р. Находки в Колтовской и Шневенской слободах: материалы к истории петербургского быта XVIII — начала XIX в. // Жизнь и смерть в Российской империи. М., 2020. С. 355—356.

⁴⁴ «О неторговании в Санктпетербурхе скобами и гвоздями, употребляемыми на подбивку сапогов и башмаков, мужских и женских». ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 5 (1713—1719). С. 166.

⁴⁵ Соболев В. Ю. Отчёт об охранных раскопках на территории острова Новая Голландия в Санкт-Петербурге в 2006 году. СПб., 2007.

⁴⁶ Михайлова Е. Р. Находки в Колтовской и Шневенской слободах... С. 355—356.

⁴⁷ В коллекции имеется также находка части сапога гражданского типа. См.: Шмелёв К. В., Михайлова Е. Р. «До износки употреблять в неспраздничные дни». С. 198—209.

⁴⁸ Последние, вероятно, использовались в качестве застёжек для галстуков. См.: Whitehed R. Buckles 1250—1800. 1996. С. 122—123.

⁴⁹ Татарников К. В. Русская полевая армия 1700—1730. С. 51.

⁵⁰ Татарников К. В., Юркевич Е. И. Сухопутный шляхетный кадетский корпус. С. 10.

⁵¹ Татарников К. В. Русская полевая армия 1700—1730. С. 37.

⁵² Татарников К. В., Юркевич Е. И. Сухопутный шляхетный кадетский корпус.

⁵³ Хранится в ГИМ. Инв. № 68257/24470.

⁵⁴ Особая благодарность коллегам, консультировавшим авторов и оказавшим помощь при атрибуции находок: Б. Мегорскому, Н. Широковой, Е. Юркевичу, А. Лукирскому, О. Островскому (С.-Петербург), К. Татарникову, Р. Паласиосу-Фернандесу (Москва), А. Юшкевичу (Минск), С. Шаменкову (Одесса).

Е. И. Юркевич (Санкт-Петербург)

ФРИДРИХ ВЕЛИКИЙ И РУССКОЕ ВОЕННОЕ ИСКУССТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ сложился весьма критический взгляд на военную систему, выработанную прусским королём Фридрихом II Великим (1712—1786) (ил. 1). Но если в дореволюционный период помимо критики учитывались и положительные моменты в области развития военного искусства, внесенные королём (работы Ф. А. Кони¹, Н. С. Голицына², Н. Н. Сухотина³, М. И. Маркова⁴, П. А. Плеве⁵, Н. Ф. Дубровина⁶, П. А. Гейсмана⁷, Н. П. Михневича⁸, А. К. Баюва⁹), то в советский период оценки фридриховской военной системы носят почти исключительно отрицательный характер. Так, отрицательно характеризовал «немецких инструкторов», прусские строевые приемы и неудобное обмундирование полковник Н. А. Боголюбов¹⁰. Как государственного деятеля, подчинившего свою политику лишь созданию мощной армии и насильственному захвату чужих земель, беспощадно муштровавшего солдат, характеризует короля Д. Фибих¹¹. Правда, по мнению профессора Н. М. Коробкова Фридрих — «несомненно крупный, талантливый полководец»¹², но это скорее исключение в хоре негативных оценок. Весьма критически описывает армию Фридриха и профессор полковник А. А. Строков¹³. Лишь в 1980-е гг. советские исследователи попытаются дать более-менее объективную оценку полководческому искусству прусского короля, показав его сильные и слабые стороны, но в общем и их оценка носила скорее критический характер¹⁴.

«Советская военная энциклопедия» характеризует короля как милитариста и агрессора. Упоминая о том, что он внёс «определённый вклад в развитие военного искусства эпохи позднего

феодализма», энциклопедическая статья упоминает также о разработанном Фридрихом косом боевом порядке, увлечении залповым огнём пехоты, о большом значении, придаваемом королем коннице, о создании конной артиллерии. Но общие выводы весьма неприглядные: «Однако военное искусство Фридриха отличалось шаблонностью. Обучение и воспитание прусских войск сводились к муштре. В армии царила жестокая палочная дисциплина... Германские милитаристы избрали Фридриха II своим

Ил. 1. Фридрих Великий (1712—1786).
Художник К. В. Вышпольская. 2012.
Собрание Е. И. Юркевича

кумиром, возведя его в ранг “великого”, “гениального” полководца»¹⁵. Оценка короля, данная на страницах «Военной энциклопедии», вышедшей в начале XXI в., почти не отличается от вышеизложенной. Такой же, но в более сжатой форме, она осталась в «Военном энциклопедическом словаре», изданном в 1984 г.¹⁶ И лишь в последние десятилетия официальная российская военная печать показывает более лояльное отношение к королю. Как внёсшего большой вклад в развитие военного искусства, введшего в тактику косо́й боевой порядок, сторонника залпового ружейного огня и массированного применения конницы, но в обучении и воспитании войск насаждавшего муштру, характеризует Фридриха «Военный энциклопедический словарь» издания 2007 г.¹⁷

Необходимо отметить, что в последнее время интерес к личности и полководческой деятельности Фридриха II возрос и появился ряд весьма интересных исследований, с максимальной объективностью описывающих полководческую деятельность короля (например, работы Ю. Ю. Ненахова¹⁸ и П. А. Дружинина¹⁹).

Но в целом можно констатировать, что о военной системе Фридриха II и о её влиянии на русское военное искусство

в России сейчас известно крайне мало, ведь указанные выше работы дореволюционных авторов, как, впрочем, и авторов современных, в большинстве своём — библиографическая редкость. Поэтому представляется не лишним изложить основные положения прусской военной системы 2-й половины XVIII в., ярчайшим представителем которой являлся Фридрих Великий.

Для начала скажем несколько слов о линейной тактике.

«Объективной основой перехода к линейной тактике как новой системе ведения боя явилась эволюция оружия, и прежде всего огнестрельного оружия пехоты», — отмечали авторы монографии «Во славу Отечества Российского»²⁰. Выдающуюся роль в развитии линейной тактики сыграло принятие на вооружение армий кремнёвых ружей. «Применение кремнёвого ружья требовало гораздо меньше пространства, чем старое фитильное ружьё, а потому прежний разомкнутый боевой строй был оставлен и ряды тесно сомкнуты, для того чтобы иметь как можно больше стрелков на данном участке. По той же причине интервалы в боевой линии между различными батальонами были максимально уменьшены, так что весь фронт образовывал одну негибкую непрерывную линию с двумя линиями пехоты в центре и с кавалерией на флангах. Стрельба, производившаяся ранее шеренгами... теперь велась взводами или ротами... Таким образом, каждый батальон мог поддерживать непрерывный огонь по находящемуся перед ним неприятелю», — описывал сущность линейной тактики Ф. Энгельс²¹. Огромное влияние на развитие неглубоких сомкнутых строев оказали тактико-технические характеристики кремнёвых ружей. Наибольшее число попаданий достигалось на дальности в 100 шагов, с увеличением дистанции количество попаданий всё более снижалось. Сферические пули, выпущенные из гладкостенного ствола, давали большое отклонение от линии выстрела. Уже в эпоху Наполеоновских войн среднее отклонение пули от директрисы стрельбы на дальности около 400 м равнялось около 65 см, а для ружья середины XVIII столетия этот показатель был даже большим. Поэтому наибольший эффект при стрельбе из подобного оружия получался при стрельбе в сомкнутые густые линии на дистанции в 100—150 шагов. В этом случае существовала максимальная вероятность того, что твоя пуля попадёт в какого-нибудь солдата противника²². «При большой неточности каждого отдельного выстрела с самого начала отказались от прицеливания и даже от обучения ему и искали достижения эффекта

в возможно скоро производимом, залп за залпом, массовом огне по команде. Если Фридрих ещё и указывал, чтобы не слишком торопились с огнём..., то впоследствии было даже прямо запрещено целиться. Зато особенное значение придавали тому, чтобы залп выпаливался дружно и звучал как один выстрел», — писал Г. Дельбрюк²³.

Залповая стрельба, производимая взводами (плутонгами) на месте или в движении, требовала постоянного строевого обучения солдат для доведения выполнения синхронных приемов заряжания и стрельбы до автоматизма²⁴.

Вот она, знаменитая фридриховская муштра! На деле — совершенно необходимое пехоте в условиях линейной тактики и кремнёвых ружей строевое обучение. Без постоянных тренировок научить солдата быстро заряжать ружье и стрелять одновременно с соседями по шеренге было нельзя. Кроме того, именно при линейном построении солдаты, а в Европе это были тогда, в основном, наёмники, всегда готовые дезертировать, могли максимально контролироваться в бою офицерами и унтер-офицерами²⁵.

Фридрих сумел довести свою пехоту до высшей степени совершенства. Сыграла свою роль не только жестокая муштра, но и технические новшества — введение железных шомполов, увеличивавших темп стрельбы, и конических затравок в стволах ружей, благодаря которым порох сам высыпался на полку. Пехотинцы Фридриха могли сделать до шести залпов в минуту, в то время как пехота других европейских армий — не более четырёх²⁶ (ил. 2).

Но Фридрих, придававший огромное значение залповому огню пехоты, был сторонником решительных атак на противника. Он ввёл в линейную тактику «косую атаку» или «косвенный боевой порядок» — линии его пехоты подходили к противнику под небольшим углом и атаковали фланг побатальонно уступами, довершая дело штыковой атакой. В результате линейные построения противника, охваченные с фланга, ломались, пехота врага бежала, чем достигалась победа²⁷ (ил. 3). Впрочем, не Фридрих был изобретателем метода «косой атаки»²⁸. Первенцем в применении этого тактического метода был фиванский полководец Эпаминонд, применивший его в сражении против спартанцев в сражении при Левктрах в 371 г. до н. э.²⁹ Как справедливо отмечал Н. М. Коробков, «... только он [Фридрих. — Е. Ю.] был

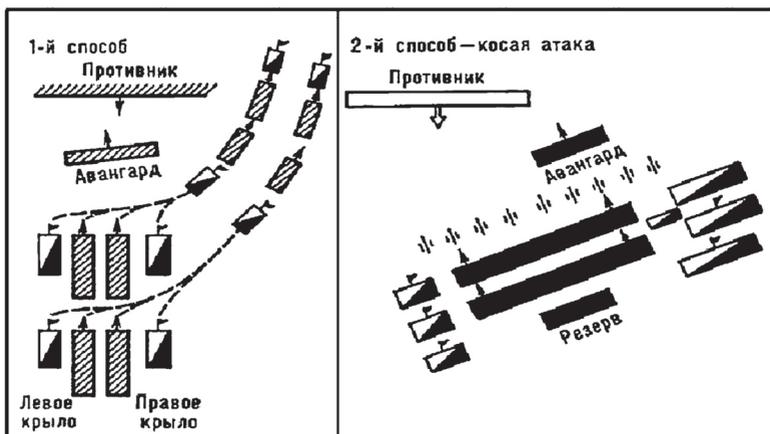

Ил. 2. Прусская пехота в бою

в своё время создателем и практиком “косой атаки”, практиковавшейся когда-то эллинами, но затем забытой. Применением этого метода он возводил линейную тактику на высшую ступень её возможности и этим далеко превосходил современных ему генералов»³⁰.

Однако особой любовью короля пользовалась кавалерия. От своего отца он получил всего лишь 13 000 кавалеристов (144 эскадрона, 12 кирасирских, 6 драгунских и 2 гусарских полка), и конница находилась в состоянии упадка. Но после сражения под Мольвицем 10 апреля 1741 г. — первого сражения, данного Фридрихом как полководцем, — в котором его кавалерия легко была опрокинута австрийцами, что едва не привело к разгрому пруссаков, молодой король принялся за её серьёзные преобразования³¹. «Весьма скоро прусская конница сделалась лучшею во всей Европе и своими решительными действиями в боях приобрела такое значение, что из 22 сражений, данных Фридрихом, 15 было выиграно, благодаря ей», — отмечал П. А. Плевел³². Если в других родах войск прусской армии было множество наёмников, то в кавалерии служили только подданные прусского короля. Фридрих увеличил число кирасир до 9000, драгуны и гусары насчитывали по 10 000 человек. Особенным благоволением

Построение боевых порядков войск Фридриха II

Ил. 3. Боевые порядки прусской армии времен Фридриха Великого

«Старого Фрица» пользовались гусары как наиболее лёгкий и подвижный род конницы³³. Огнестрельное оружие назначалось преимущественно для действия в пешем строю. Прежде часто практиковавшаяся стрельба с коней перед атакою была строго воспрещена. Она допускалась только в одиночном бою и при преследовании бегущего противника... Фридрих считал идеалом конницу лёгкую, подвижную, способную к действиям и в пешем, и в конном строю.

В основание подготовки конницы к бою Фридрих положил одиночное обучение солдат и приучение конницы к маневрированию большими массами.

«Фридрих требовал, чтобы конница была способна исполнять все эволюции галопом с сохранением полного порядка», — писал П. А. Плеве³⁴. А основной принцип действия своей кавалерии Фридрих уложил в одну фразу: «Пруссаки должны всегда первыми атаковать»³⁵ (ил. 4).

Фридрих также придавал особое значение боевой подготовке артиллеристов, запрещал артиллерии в бою отступать с позиций даже под угрозой потери орудий. Наиболее значимым нововведением в этом роде войск стало создание, по примеру России, конной артиллерии для поддержки кавалерийских полков. В целом

Ил. 4. Прусские драгуны в бою

же артиллерией король занимался мало. То же касается и инженерных войск³⁶.

Опираясь на свою прекрасно вышколенную армию, в основе боевой подготовки которой лежала жесточайшая муштра, Фридрих, одержав блестящие победы в двух десятках сражений, вышел победителем из четырёх войн: 1-й и 2-й Силезских (1740—1748), Семилетней (3-й Силезской) (1756—1763) и Войны за Баварское наследство («Картофельной войны») (1778—1779)³⁷. Престиж Пруссии и ее короля был чрезвычайно высок. Как писал Н. Ф. Дубровин, «... победы Фридриха обратили на себя внимание всей Европы и вызвали подражание прусской организации. Последняя казалась для большинства совершенною: прусская армия была строже других дисциплинирована и лучше вооружена, чем остальные армии Европы; строевое ее образование доведено до тонкости даже излишней...

Большая часть европейских полководцев того времени видели успехи в прусской организации, в прусской муштровке солдата и в жестокой дисциплине... Потсдамские манёвры были долгое время и для многих школою, куда стекались поучиться все европейские знаменитости»³⁸.

Русская армия в годы Семилетней войны нанесла Фридриху ряд серьёзных поражений и показала, что по своим морально-боевым качествам стоит намного выше прусской³⁹. Но, несомненно, прусская военная система и полководческое искусство Фридриха Великого оказали огромное влияние на всех наиболее выдающихся русских полководцев 2-й половины XVIII в.

«К сожалению, в нашей литературе несколько односторонне рассматривался вопрос о прусской военной системе, а отношение к ней А. В. Суворова или других представителей русской военной школы в период, предшествовавший преобразованиям Павла I, не затрагивался, — справедливо отмечает Н. Г. Рогулин. — Как правило, даже анализ опыта Семилетней войны сводится к критике ограниченности линейного боевого порядка и кордонной стратегии, а также упоминанию о господствовавшей в наёмных армиях муштре и палочной дисциплине...

Уместно в данном случае вспомнить, что авторитет Фридриха II в военных вопросах не подвергался сомнению многими представителями русской военной школы. Например, о ярчайшем из них... П. А. Румянцеве — современники отзывались как о горячем поклоннике прусского короля и прусской армии.

Опыт прусской армии внимательно изучал Н. В. Репнин, бывший одно время послом при дворе Фридриха, и П. И. Панин, сославшийся на него при рассмотрении вопроса об учреждении в России егерей по образцу прусских егерских команд. Если прибавить сюда И. П. Салтыкова и М. Ф. Каменского, то станет ясно, что Н. Дубровин имел достаточно оснований написать о «благоговении выдающихся боевых деятелей России перед военным талантом Фридриха.

А. В. Суворов также считал необходимым изучать опыт Фридриха II... Некоторые мысли, высказанные Фридрихом в его наставлении прусскому генералитету, оказались созвучными взглядам Суворова и встречаются в его позднейших наставлениях»⁴⁰.

В связи с этим нельзя обойти вниманием вопрос о профридриховских и пропруссских симпатиях русских императоров Петра III и Павла I, вызывавших и у современников, и у исследователей неоднозначные оценки⁴¹.

На наш взгляд, ответы на многие вопросы, касающиеся императора Петра Фёдоровича и его взаимоотношений с Пруссией и её королём, даёт статья В. А. Малышева⁴². Пётр Фёдорович

восхищался победами и военными талантами Фридриха Великого так же, как и многие другие его современники, к тому же он видел всю ненужность для России участия в Семилетней войне и в итоге вывел из неё Россию. Но «пропрусские» военные реформы Петра III не успели проявиться из-за краткости его царствования. А вот увлечение Фридрихом императора Павла Петровича оставило заметный след в истории русской армии.

Именно благодаря братьям Паниным и М. Ф. Каменскому, по мнению большинства исследователей, возникло увлечение юного Павла Пруссией, Фридрихом Великим и прусской армией⁴³. Один из важнейших факторов, повлиявших на столь трепетное отношение цесаревича к Пруссии, Д. Ф. Кобеко видит в визите в Петербург в 1770 г. брата Фридриха Великого, принца Генриха: «Он успел сблизиться с Павлом Петровичем, и с этого времени утвердилась в молодом великом князе любовь к Пруссии, которой, подобно своему родителю, он не изменял никогда»⁴⁴.

«Павел Петрович, и не один Павел Петрович, а вся Европа того времени преклонялись перед прусскими войсками, прославленными победами; даже наиболее авторитетные писатели того времени причину побед Фридриха видели в прусском способе образования солдат, считая его единственным и безукоризненным», — писал Б. Р. Хрещатицкий⁴⁵. Аналогичные высказывания находим и у А. Туган-Мирзы-Барановского: «Сравнивая победы над турками и поляками и вялые действия могучей России в трёхлетней борьбе против шведов с изумительной борьбой Фридриха Великого с половиною Европы — Наследник приходил к заключению, что привив прусскую систему, с нею привьёт и энергию и деятельность Прусского Короля»⁴⁶.

«Павел был не прусофилом, он был поклонником порядка и, что касается армии, сторонником строгой дисциплины, — пишет А. В. Гаврюшкин. — В тогдашней Пруссии, по мнению всей Европы, государственные учреждения и армия содержались в образцовом порядке. Им подражали везде, поэтому трудно осуждать Павла за то, что он, подобно другим монархам, стремился перенять у Фридриха II полезные нововведения. Другое дело, что полезное, с точки зрения Павла, не всегда оказывалось таковым в действительности»⁴⁷.

Весьма эмоционально, но, пожалуй, верно высказался на этот счет и Ю. Ю. Ненахов: «Русские в лице Пруссии имели не худший, а возможно, и лучший пример для подражания. Однако

в том-то и дело, что мы не смогли по-настоящему учиться у них и по-настоящему заимствовать их примеры, ограничиваясь принятием внешних форм в таком извращённом виде, что тот же Фридрих Великий пришел бы в ужас, увидев, как после его смерти в России трактовали его наследие... В своем понимании образа мыслей и наследия Фридриха II Павел стал совершать шаги, которых «Старый Фриц» не сделал бы никогда»⁴⁸.

Кстати, нужно отметить, что во многих вопросах, касающихся армии (да и не только её) Павел во многом походил даже не на Фридриха Великого, а на его отца — знаменитого «короля-солдата» Фридриха Вильгельма I. Для короля были характерны бережливость, забота о быте солдат, чрезвычайно щепетильное отношение к военному мундиру, понятию офицерской чести, чёткая регламентация служебных обязанностей, особая любовь к парадам и строевой выправке, очень тесные и дружеские отношения со своими любимыми гвардейскими частями⁴⁹. Эти качества неоднократно проявлялись и у императора Павла. И их едва ли можно назвать отрицательными.

Да, Павел многое в своих военных реформах заимствовал от пруссаков. Впрочем, не только от них. В этих заимствованиях было много положительных моментов. В частности, Павел произвёл большие преобразования в русской кавалерии, во многом опираясь на опыт Фридриха Великого⁵⁰. Весьма прогрессивны были кавалерийские уставы эпохи Павла. В том числе именно при нём свой первый устав получили гусары⁵¹. Но особенно выдающимися, наиболее долговечными и благотворными были реформы Павла в артиллерии⁵². Впрочем, павловские военные реформы нуждаются в отдельном серьёзном исследовании.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что такой выдающийся полководец, как Фридрих Великий, и его военная система оказали серьёзное влияние на развитие русского военного искусства 2-й половины XVIII в. Выдающиеся русские полководцы того времени — П. А. Румянцев, П. И. Панин, М. Ф. Каменский, А. В. Суворов — считали себя учениками прусского короля в военном деле, вышли, перефразируя известное выражение, «из фридриховской шинели». Особенно благотворно «пруссские» традиции сказались на развитии русской кавалерии. А «муштра» — постоянные военные упражнения — в условиях линейной тактики были совершенно необходимы.

Несомненно одно: влияние прусской военной системы на отечественное военное искусство нельзя замалчивать и сбрасывать со счетов, и, главное, этот вопрос нужно глубоко и всесторонне исследовать, ибо русская военная история XVIII столетия, в том числе и история Семилетней войны, хранят в себе немало поучительных и интересных примеров, которые могут быть актуальны и при строительстве современных Вооружённых сил России.

¹ Кони Ф. А. История Фридриха Великого. М., 1997. С. 5—507.

² Голицын Н. С. Всеобщая военная история: Новое время. Часть третья: Войны 2-й половины XVIII века в Западной Европе (1740—1791 гг.): Войны Фридриха Великого. М., 2019. С. 49—358.

³ Сухотин Н. Н. Фридрих Великий: Лекции по истории военного искусства, читанные в Николаевской Академии Генерального Штаба. Вып. I. СПб., 1882. С. 3—263.

⁴ Марков М. И. История конницы: Кн. 3: От Фридриха Великого до Александра Суворова. М., 2009. С. 5—190.

⁵ Плеве П. А. Очерки из истории конницы. СПб., 1889. С. 74—100.

⁶ Дубровин Н. Ф. А. В. Суворов среди преобразователей екатерининской армии. СПб., 1886. С. 30—34.

⁷ Гейсман П. А. Краткий курс истории военного искусства в Средние и Новые века: История военного искусства в Новые века в эпоху Фридриха Великого и Екатерины Великой: Военное искусство в Западной Европе. СПб., 1896. С. 1—309.

⁸ Михневич Н. П. История военного искусства с древнейших времен до начала девятнадцатого столетия. СПб., 1896. С. 308—364.

⁹ Баиов А. А. История русского военного искусства. М., 2008. Т. 1. С. 431—468.

¹⁰ Боголюбов Н. А. Полководческое искусство Суворова. М., 1939. С. 13.

¹¹ Фибих Д. Семилетняя война: 1756—1763. М., 1940. С. 6, 11.

¹² Коробков Н. М. Семилетняя война: Действия России в 1756—1762 гг. М., 1940. С. 47.

¹³ Строков А. А. 1) Общий курс истории военного искусства. М., 1951. Т. I. С. 516—520; 2) История военного искусства. М., 1994. Т. 4. С. 67—69.

¹⁴ Золотарёв В. А., Межевич М. Н., Скородумов Д. Е. Во славу Отечества Российского: Развитие военной мысли и военного искусства в России во второй половине XVIII в. М., 1984. С. 78—86.

¹⁵ Советская военная энциклопедия. Т. 8: «Ташкент» — Ячейка. М., 1980. С. 331.

¹⁶ Военный энциклопедический словарь. М., 1984. С. 786.

¹⁷ Военный энциклопедический словарь. М., 2007. С. 769.

¹⁸ Ненахов Ю. Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. Минск, 2002.

¹⁹ Дружинин П. А. Книги Фридриха Великого, или Описание коллекции сочинений и изданий прусского короля, напечатанных при его жизни, сделанное по экземплярам, прежде принадлежащим самому королю или его наследникам, а ныне находящимся в Российской государственной библиотеке. М., 2004.

- ²⁰ Золотарёв В. А., Межевич М. Н., Скородумов Д. Е. Во славу Отечества Российского. С. 70.
- ²¹ Энгельс Ф. О военном искусстве. О теории насилия. М., 2003. С. 90—91.
- ²² Жмодиков А. Л. «Наука побеждать»: Тактика русской армии в эпоху Наполеоновских войн. СПб.; М., 2016. С. 21—42; Соколов О. В. Армия Наполеона. СПб., 1999. С. 148.
- ²³ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Том четвёртый: Новое время. СПб., 2001. С. 189.
- ²⁴ Рюстов В. История пехоты. СПб., 1876. Т. II. С. 195; Гейсман П. А. Краткий курс истории военного искусства в Средние и Новые века. С. 29; Золотарёв В. А., Межевич М. Н., Скородумов Д. Е. Во славу Отечества Российского. С. 71.
- ²⁵ Золотарёв В. А., Межевич М. Н., Скородумов Д. Е. Во славу Отечества Российского. С. 72.
- ²⁶ Рюстов В. История пехоты. Т. II. С. 196—197; Гейсман П. А. Краткий курс истории военного искусства в Средние и Новые века. С. 29.
- ²⁷ Дельбрюк Г. История военного искусства. С. 193.
- ²⁸ Там же. С. 193.
- ²⁹ Михневич Н. П. История военного искусства. С. 21—22.
- ³⁰ Коробков Н. М. Семилетняя война. С. 47.
- ³¹ Марков М. И. История конницы. С. 11, 15—18.
- ³² Плева П. А. Очерки из истории конницы. С. 75.
- ³³ Там же. С. 75—77.
- ³⁴ Там же. С. 75—78.
- ³⁵ Там же. С. 82.
- ³⁶ Гейсман П. А. Краткий курс истории военного искусства в Средние и Новые века. С. 50—53.
- ³⁷ Кони Ф. А. История Фридриха Великого. С. 112—417, 450—460; Голицын Н. С. Всеобщая военная история: Новое время. С. 101—317.
- ³⁸ Дубровин Н. Ф. Суворов среди преобразователей екатерининской армии. СПб., 1886. С. 31—33.
- ³⁹ Гейсман П. А. Краткий курс истории военного искусства в Средние и Новые века. С. 293—309; Золотарёв В. А., Межевич М. Н., Скородумов Д. Е. Во славу Отечества Российского. С. 105—108.
- ⁴⁰ Рогулин Н. Г. Использование А. В. Суворовым прусского пехотного устава 1743 года при разработке «Полкового учреждения» // Суворовские чтения: Материалы конференции. СПб., 1999. С. 85, 86.
- ⁴¹ См., напр.: Фибих Д. Семилетняя война. С. 27, 29—30; Мыльников А. С. «Он не похож был на государя...»: Пётр III: Повествование в документах и версиях. СПб., 2001. С. 150—152; Павленко Н. И. Пётр III. М., 2018. С. 91—109; Советская военная энциклопедия. Т. 6: Объекты — Радиокомпас. М., 1978. С. 184; Военный энциклопедический словарь. М., 1984. С. 533; Военная энциклопедия: В 8 т. Т. 6: Огарков — «Прогресс». М., 2002. С. 216; Военный энциклопедический словарь. М., 2007. С. 517; Скоробогатов А. В. Павел Первый в российской исторической литературе. Казань, 1999. С. 12—141; и др.
- ⁴² См.: Малышев В. А. Отвергнутые успехи и утраченные надежды // Кровь. Порох. Лавры. Войны России в эпоху барокко: 1700—1762: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. Выпуск первый. СПб., 2002. С. 78—90.

- ⁴³ См.: Шильдер Н. К. Император Павел Первый. М., 1996. С. 64–65; Барсков Я. Л. Проекты военных реформ Цесаревича Павла // Русский исторический журнал. 1917. Кн. 3–4. С. 105; Валишевский К. Ф. Сын Великой Екатерины: Император Павел I: Его жизнь, царствование и смерть: 1754–1801. М., 1993. С. 17, 19; Гаврюшкин А. В. Граф Никита Панин: Из истории русской дипломатии XVIII века. М., 1989. С. 151.
- ⁴⁴ Кобеко Д. Ф. Цесаревич Павел Петрович: 1754–1796: Историческое исследование. СПб., 2001. С. 49, 128–134.
- ⁴⁵ Хрещатицкий Б. Р. История Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка: 1775–1813 – 1875–1913. СПб., 1913. Ч. I. С. 127.
- ⁴⁶ Туган-Мирза-Барановский А. История Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка. СПб., 1872. С. 111.
- ⁴⁷ Гаврюшкин А. В. Граф Никита Панин... С. 151.
- ⁴⁸ Ненахов Ю. Ю. Войны и кампании Фридриха Великого / Под общ. ред. А. Е. Тараса. Минск, 2002. С. 743, 748.
- ⁴⁹ См.: Фенор В. Фридрих Вильгельм I. М., 2004. С. 148–176.
- ⁵⁰ Марков М. И. История конницы. С. 304–312.
- ⁵¹ См.: Татарников К. В. Уставы и наставления русской армии XVIII века // Строевые уставы, инструкции и наставления русской армии XVIII века: Сборник материалов / Сост. К. В. Татарников. М., 2010. Т I. С. 18–19; Жмодиков А. Л. «Наука побеждать». С. 338–348; Зверев С. Э. «Вселить в них дух воинственный»: Дискурсивно-педагогический анализ воинских уставов. СПб., 2017. С. 20–23.
- ⁵² См.: Юркевич Е. И. Павел I и русская артиллерия конца XVIII в. // Под Высочайшим покровительством: Материалы научной конференции. СПб., 2010. С. 306–317; Жмодиков А. Л. «Наука побеждать». С. 349–352.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гриф Михаил Леонидович — историк-исследователь (Пермь).

Михайлова Елена Робертовна — Санкт-Петербургский государственный университет, лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия имени профессора Г. С. Лебедева, заведующая, кандидат исторических наук.

Оводков Никита Алексеевич — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, хранитель фонда, старший научный сотрудник.

Оточкин Вячеслав Валентинович — Военный институт физической культуры (Санкт-Петербург), кандидат исторических наук, доцент.

Пасхин Сергей Михайлович — Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва (Санкт-Петербург), кандидат военных наук, доцент.

Перевозник Юрий Яковлевич — Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва (Санкт-Петербург), старший преподаватель, кандидат педагогических наук.

Петров Сергей Николаевич — Центральный научно-исследовательский институт конструкционных материалов «Прометей» имени И. В. Горынина (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат технических наук.

Петров Фёдор Александрович — Государственный исторический музей (Москва), главный научный сотрудник, доктор исторических наук.

Петрова Елена Петровна — Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник (Владимир), хранитель музейных предметов.

Петрухин Илья Николаевич — Российское военно-историческое общество, Тульское отделение, член совета правления.

Пивоварчик Сергей Аркадьевич — Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Республика Беларусь), заведующий кафедрой, доктор исторических наук, доцент.

Пинк Игорь Борисович — Тульский государственный музей оружия, заместитель директора, кандидат исторических наук.

Приходько Михаил Анатольевич — Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, кандидат юридических наук, доцент.

Прямыцын Владимир Николаевич — Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации (Москва), заместитель начальника отдела, доктор исторических наук.

Раткявичюте Кристина Паулюсовна — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, младший научный сотрудник.

Рахимов Рамиль Насибуллович — Институт истории и государственного управления Башкирского государственного университета, заведующий кафедрой истории России, историографии и источниковедения (Уфа), доцент, кандидат исторических наук.

Родионов Евгений Александрович — ГМЗ «Гатчина», старший научный сотрудник, хранитель фонда.

Родионцев Павел Игоревич — ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия» (Санкт-Петербург), соискатель учёной степени кандидата военных наук.

Рудакова Людмила Петровна — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, научный сотрудник.

Рябая Светлана Анатольевна — Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова», заведующая кафедрой, кандидат исторических наук, доцент.

Сабуров Леонид Давыдович — Центральный музей Вооружённых Сил Российской Федерации (Москва), главный научный сотрудник, доктор исторических наук.

Савченко Дмитрий Александрович — Новосибирский государственный университет экономики и управления, доцент, доктор юридических наук.

Семёнов Алексей Станиславович — начальник Управления ГИБДД г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Сергиевский Илья Александрович — Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва), старший научный сотрудник.

Сибилева Ольга Павловна — Региональное управление военной полиции (по Западному военному округу) (Санкт-Петербург), офицер отделения, магистр юриспруденции, магистр психологии.

Сыскин Герман Александрович — 137-е военное представительство Министерства обороны Российской Федерации (Санкт-Петербург), инженер.

Талантов Сергей Вадимович (Москва) — независимый исследователь.

Тарасевич Юрий Георгиевич — Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Республика Беларусь), доцент, кандидат физико-математических наук.

Тарасов Игорь Иванович — Санкт-Петербургский государственный университет, лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия имени профессора Г. С. Лебедева, научный сотрудник.

Тимофеева Римма Александровна — Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, доцент, кандидат искусствоведческих наук.

Тюменцев Игорь Олегович — Волгоградский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, заведующий кафедрой, доктор исторических наук, профессор, председатель Волгоградского отделения Российского исторического общества.

Уварова Анжелика Вадимовна — Санкт-Петербургский государственный университет, студентка.

Ушаков Виктор Борисович — Ростовский областной музей краеведения, старший научный сотрудник.

Фалалева Марина Валентиновна — Государственный исторический музей (Москва), старший научный сотрудник.

Федечкин Алексей Дмитриевич (Москва) — капитан 3-го ранга запаса, кандидат исторических наук.

Филатов Олег Васильевич — Центральный военно-морской музей (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник.

Хохлов Владимир Сергеевич — Научно-исследовательский институт военной истории Военной истории генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации (Москва), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Целорунго Дмитрий Георгиевич — Музей-заповедник «Бородинское поле» (Московская обл.), заведующий отделом, кандидат исторических наук.

Черенцова Ксения Владимировна — Конструкторское бюро «Арсенал» имени М. В. Фрунзе (Санкт-Петербург), начальник группы организационного отдела, кандидат исторических наук.

Чернов Павел Вячеславович — Институт истории Российской академии наук (Санкт-Петербург), соискатель.

Черноусов Андрей Анатольевич — Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, доцент, кандидат исторических наук, капитан 2-го ранга.

Чубинский Александр Николаевич — Музеи Московского Кремля, научный сотрудник.

Чумак Руслан Николаевич — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, начальник отдела, кандидат технических наук.

Шмелёв Кирилл Владимирович — Санкт-Петербургский государственный университет, лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия имени профессора Г. С. Лебедева, научный сотрудник.

Юркевич Евгений Иванович — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Янкин Михаил Сергеевич — Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации (Москва), адъюнкт.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Оводков Н. А.</i> Винтовка Вольфа — созданная и забытая. К истории разработки первой русской магазинной винтовки в первой половине 1870-х гг. и изучения аналогичной французской системы в первой половине 1880-х гг.....	3
<i>Оточкин В. В.</i> Военные предпосылки назначения П. И. Шувалова на пост генерал-фельдцейхмейстера русской армии.....	18
<i>Пасхин С. М., Перевозник Ю. Я.</i> Организация связи 50-го стрелкового корпуса в период с 20 августа по 27 сентября 1944 года в Ясско-Кишиневской операции.....	34
<i>Петров Ф. А., Фалалеева М. В.</i> «Честь быть Россиянином». Автографы Екатерины II, князя Потёмкина-Таврического, Павла I, Александра I: Присоединение и освоение Крыма и Северного Кавказа. Создание Черноморского флота. (Из собрания Исторического музея). К истории издания.....	49
<i>Петрова Е. П.</i> «Война началась...» (фронтовые письма владимирцев 1941 г.).....	62
<i>Пивоварчик С. А.</i> Оборудование российских крепостей накануне Первой мировой войны (броневые наблюдательные посты).....	73
<i>Пинк И. Б.</i> Опытные образцы российских штыков в собрании Тульского государственного музея оружия.....	89
<i>Приходько М. А. Х. А.</i> Ливен и центральное военное управление в конце XVIII — начале XIX в.	100
<i>Прямыцын В. Н., Янкин М. С.</i> Опыт деятельности комендантской службы Ограниченного контингента советских войск по организации и поддержанию режимных зон.....	103
<i>Раткявичюте К. П.</i> Советский плакат периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Особенности изобразительного языка и типология образов.....	115
<i>Рахимов Р. Н.</i> Командующие иррегулярными войсками юго-востока России первой половины XIX века: сравнительный анализ биографий.....	136

<i>Родионов Е. А.</i> Пневматическое оружие XVIII века в коллекции Гатчинского дворца-музея.....	145
<i>Родионцев П. И.</i> Формирование сводного афганского отряда В. М. Примакова	159
<i>Рудакова Л. П.</i> История создания и бытования альбомов чертежей достопамятностей Санкт-Петербургского арсенала.....	167
<i>Рябая С. А.</i> Ижевск — кузница стрелкового оружия в годы Первой мировой войны	186
<i>Сабуров Л. Д.</i> 16-я армия генерала К. К. Рокоссовского в Московской стратегической оборонительной операции 1941 года	193
<i>Савченко Д. А.</i> Правовая природа войны в истории средневековой Руси	211
<i>Семёнов А. С.</i> Польские части Красной армии периода Гражданской войны	222
<i>Сергиевский И. А.</i> Русско-французское военно-техническое сотрудничество во второй половине XIX века на примере арсенала Шательро	228
<i>Сибилева О. П.</i> Новые средства и методы ведения войны как вызов международному гуманитарному праву	239
<i>Сыскин Г. А.</i> Об особенностях выбора места под строительство Самарского трубочного завода в 1905 году	251
<i>Талантов С. В.</i> К вопросу о бытовании шашки на Кавказе и Дону во второй половине XVIII века	261
<i>Тарасевич Ю. Г.</i> Сороковые пищали в номенклатуре лёгкой артиллерии Московского государства XVI века.....	279
<i>Тюменцев И. О.</i> Военно-техническое сотрудничество СССР с Германией в 1930-х годах (по воспоминаниям главного конструктора артиллерийских вооружений завода имени Кирова И. А. Маханова).....	294
<i>Уварова А. В.</i> Эвакуированные предприятия по ремонту военной техники. Рембаза № 6: особенности эвакуации и работы в годы Великой Отечественной войны	304
<i>Ушаков В. Б.</i> 1-я рота 136-го пехотного Таганрогского полка под командованием штабс-капитана А. Н. Черепова в боях в районе Ставчанского леса 26—30 августа 1914 года	314
<i>Федечкин А. Д.</i> Совершенствование артиллерии главного калибра броненосных крейсеров Российского флота второй половины XIX века.....	324

<i>Филатов О. В.</i> Вклад представителей ВМФ в организацию и выполнение программы ленд-лиза в составе Армторга и Правительственной закупочной комиссии СССР в США в начальный период Великой Отечественной войны.....	336
<i>Хохлов В. С.</i> В строю от Сталина до Ельцина: К 100-летию генерал-лейтенанта в отставке Брусницына Николая Александровича	359
<i>Черенцова К. В.</i> Сопровождение рационализации и изобретательства на Ленинградском государственном машиностроительном заводе № 7 в 1920 — начале 1940-х годов.....	374
<i>Чернов П. В.</i> История России в «Истории лейб-гвардии Конной артиллерии» В. А. Абазы.....	387
<i>Черноусов А. А.</i> Жизнь и быт офицеров Черноморского флота в первой половине XIX века	396
<i>Чубинский А. Н.</i> О так называемых «пикинёрных копьях» Преображенского полка	405
<i>Чубинский А. Н.</i> Русские «двухаршинные» стволы из собрания Оружейной палаты и пищаля 1674 года	420
<i>Чумак Р. Н.</i> Об участии Артиллерийского исторического музея в обеспечении вооружением частей и соединений Ленинградской армии народного ополчения на начальном этапе обороны города (июль—сентябрь 1941 г.).....	441
<i>Чумак Р. Н., Гриф М. Л.</i> Орудия «Особой доставки» шведской фирмы «Бофорс» в коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.....	459
<i>Шмелёв К. В.</i> «Неприятель стоит в таржете крепком». Археологическое изучение поля битвы при Криворучье 1708 года	479
<i>Шмелёв К. В., Михайлова Е. Р., Тарасов И. И.</i> Комплекс униформы и снаряжения начала XVIII века из Наугольных палат Меншиковского дворца.....	493
<i>Юркевич Е. И.</i> Фридрих Великий и русское военное искусство второй половины XVIII века.....	514
Сведения об авторах	527

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Десятой Международной
научно-практической конференции

В трёх частях

Часть 3

Редактор: *Н. В. Медведев*
Художник: *Н.Ю. Якубовская*
Верстка: *Т.И. Таранова*
Компьютерный набор: *Я.В. Камашина*

Подписано в печать 28.04.2021.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 16,7.
Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.
Тираж 220 экз.

ФГБУ «ВИМАИВиВС» МО РФ
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.

Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского
государственного университета промышленных технологий и дизайна
Санкт-Петербург, ул. Моховая, д. 26.

==== Для заметок =====

==== Для заметок =====

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
Артиллерии, инженерных войск и войск связи

Адрес музея: 197046, Санкт-Петербург,
Александровский парк, 7.

Тел./факс: (812)498-09-32, 232-02-96

E-mail: artillerymuseum_dm@mil.ru

www.artillery-museum.ru

